

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

60

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2017 Issue 60

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2017 Выпуск 60

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 60

М.: ИВИ, 2017. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 60

Moscow: IWN, 2017. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2017
- © Институт всеобщей истории, 2017
- © Журнал «Диалог со временем», 2017

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ВРЕМЯ – ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ

К. ПОЛАСИК-ВЖОСЕК, В. ВЖОСЕК

ОТ МАГИЧЕСКОЙ МЕТАМОРФОЗЫ ДО МЕТАФОРЫ ГЕНЕЗИСА К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Авторы исходят из того, что время не обладает универсальной природой и, как и всё в культуре, имеет статус исторической относительности. В качестве источника познания исторического времени принимаются исторические дискурсы, которые реализуют выработанные культурой темпоральные исторические представления, т.е. воплощают в наррации конкретные господствующие представления об историческом мире. Авторы приходят к заключению, что историческое время, истоком которого является магическое мышление, представляет собой конституирующий составной элемент исторического мышления, возникает вместе с ним, а также вместе и в связи с ним подвергается изменениям. Из происходящих в нем изменений берутся известные нам примеры исторических форм мышления и речи, в т.ч. в форме историографических шедевров, являющихся одновременно и шедеврами культуры, которые содержат в себе явные и скрытые следы своего происхождения.

Ключевые слова: *темпоральность, историческое время, историческое мышление, исторический дискурс, наррация*

Проблематика времени, в т.ч. исторического, укоренена как в очевидностях здравого рассудка, так и в обширной философско-метафизической традиции. Основная часть рефлексии по поводу времени осуществляется с позиции автономии времени и истории, как бы с почтением к их онтологической суверенности. Но существует и другой способ гуманитарного осмысления времени истории, который исходит из диалектической идентичности истории (историографии, историчности) и времени. Эти две стратегии обозначают отдельные проблемные поля. Первая в качестве предпосылки анализа исторического времени принимает определенное знание о времени как таковом и ищет его конкретного присутствия в истории, историческом мышлении и в исторических наррациях, а принимающий такую стратегию осуществляет эту процедуру, соотносясь с господствующими в его время представлениями об историческом времени и / или с признаваемыми им концепциями. Вторая – раскрывает организующее и придающее смысл присутствие времени в исторических дискурсах¹.

---

¹ Книга «Время и рассказ» Поля Рикера могла бы служить примером именно такого поиска времени – обнаружения времени в нарративности. В свою очередь, известное сочинение Мартина Хайдеггера «Бытие и время» было бы примером первого подхода. Трудно, однако, сказать, чтобы эти работы были посвящены именно времени, или прежде всего времени. См.: Рикёр 2000.

Мы исходим здесь из второго подхода. Мы ищем историческое время, данное в форме темпоральной организации исторического мышления и высказывания. Мы полагаем, что более плодотворно будет признать тот факт, что историческое время мы обнаруживаем в исторических дискурсах, чем говорить о том, что время – это *то-то и то-то*, потому что так подсказывает определенная философия, или философская концепция времени. При этом заметим, что философская концепция времени обычно стремится к статусу объективной, а бывает, что и научной. Под этим предлогом она узурпирует себе право на суждение о времени tout court. Если она претендует на универсальность и объективность, то это значит, что она оказывается также обязательной как для физического, биологического так, так и для мира поэтического. Мало того, и это является очевидным для данного типа мышления, присутствует она также и в истории, и в связанной с ней историографии.

Итак, мы не говорим на тему «что такое время». Мы не страдаем экзистенциалистской тоской, которая ищет сущности, или природы исторического времени. Нас избавляет от этого убеждение в том, что так как все в культуре имеет статус исторической относительности, то и время не обладает универсальной природой и подвержено историческому включению в процесс изменения. Оно проявляется в последовательных темпоральных представлениях о мире, или о его фрагментах, и остается в «сфере подручности (*Zuhandenheit*)» как ее практически существующий, но незаметный аспект. Мы не заявляем о поддержке какой-то определенной философии времени, мы хотим лишь указать на определенный аспект исследований исторического времени².

Итак, проблема времени укоренена в основной методологической проблематике и к тому же влечет за собой *per fas et nefas*³ метафизические проблемы⁴. Повторим теперь нашу собственную позицию: в каче-

---

² Понимание исторического времени содержит трудную для разрешения проблему согласования универсального с собственно историческим. Те, кто представляют себе историческое время как средоточие изменений, то есть, собственно историчности, с трудом приняли бы неограниченность пространственно-временного континуума как его свойство. Мы ищем универсалий в явлении, о котором мы изначально предполагаем то, что оно, как и все в мире культуры, не универсально.

³ Всеми правдами и неправдами (лат.) – прим. пер.

⁴ Рикёр ясно обосновывает тезис о метафизической укорененности проблематики времени. В результате, поиск времени в нарративах о мире приводит французского философа к систематическому изложению современной ему философии гуманитарной сферы. Ситуация, в которой оказался Рикёр и в которой оказался бы каждый, кто захотел бы углубиться в метафизику времени, удачно описывает Мачей Бугаевский, когда он пишет следующее: «Рикёр полагает, что выводы из исследований истории философии времени позволяют сформулировать общий метатеоретический тезис, касающийся любой спекуляции относительно времени, поскольку он убежден, что теоретический дискурс не в состоянии сформулировать ответ на вопрос о времени, сохраняя одновременно стандарт последовательно проводимой

стве источника познания исторического времени мы принимаем исторические дискурсы, которые реализуют выработанные культурой темпоральные исторические представления, т.е. воплощают в нарративы конкретные господствующие представления об историческом мире⁵.

Исследования исторического времени проводятся в среде методологов истории уже на протяжении нескольких десятилетий⁶. В этом контексте возникли и положения Познаньской методологической школы. Особое место занимают в ней размышления Ежи Топольского и его учеников⁷. Они составляют на протяжении многих лет предмет их систематических исследований, как специально посвященных общим проблемам исторического времени, так и в контексте обсуждения более частных вопросов, в результате чего удается сформулировать целостную концепцию понимания исторического времени, входящую составной частью в структуру эпистемологии истории, которая в свою очередь развивается в культурологическом направлении теории познания и исторического исследования⁸.

Проблематика времени является одной из канонических тем историсофской и методологической рефлексии в отношении истории. Всеми, в общем, принимается положение о том, что природой истории является ее темпоральность. Видно, насколько больше важных положений об истории высказано в контексте ее связей со временем, чем, например, в связи с пространством. Для исторического мышления намного важнее представляется то, что состояния вещей, являющиеся материей истории, помещены в определенном прошлом, а именно в конкретном прошедшем времени, чем то, что они локализованы пространственно. Этого не может изменить даже то, что историчность выражается в исторических констатациях, для которых характерна взаимная переводимость темпорально-спациальных характеристик. Диалектика времени и пространства создает своеобразное историческое время-пространство⁹. Поэтому

спекулятивной рефлексии. Несомненно, философия времени сделала много открытий, выработала важные понятия и классификации. Однако прогресс в области концептуализации всегда оплачивался столкновением, хотя и не всегда осознаваемым, с новыми и каждый раз со все более трудными для преодоления противоречиями. Время ускользает из теории времени». Bugajewski 2002. S. 136.

⁵ Wrzosek 1990.

⁶ Высказав этот тезис, мы должны признать и то, что в сущности такие исследования проводятся от самых истоков методологии истории, т.е., как мы считаем, со времен появления типа мышления в духе В. фон Гумбольдта и И. Дройзена.

⁷ Topolski 1984; 1996; Topolski, Wrzosek 1990. Три первые работы являются свидетельством эволюции теории истории Топольского, в т.ч. и его взглядов на время в истории; классической для творчества Топольского в интересующем нас вопросе остается книга – Topolski 1972.

⁸ О культурно ориентированной эпистемологии истории см.: Вжосек 2012.

⁹ Так, например, в области, конкретного исторического знания взаимно переводимыми являются темпоральная характеристика и конкретное пространственное

мы, конечно, должны согласиться с тем, что первичной склонностью исторического мышления является темпоральность.

То обстоятельство, что материей истории является прошлое, а именно некоторый с самого начала выделенный во временном отношении его домен, делают историю более зависимой от времени, нежели зависимы от него те области исследований, которые занимаются современностью¹⁰. Для наук о современности временное измерение изучаемого положения дел очевидным образом исчезает, время оказывается вторичным, пропадает между строками. Место, или территория, которую занимает определенное состояние вещей, пространственное изменение, становятся более существенными, чем протяженность во времени. В случае исторических феноменов все выглядит наоборот, время, когда они случились или происходили, выступает на первый план. Диахронический анализ доминирует. Для наук о современности самой существенной становится синхрония.

Кроме того, и это то, что недооценивают критики фактографической истории, временная параметризация исторического события, не только помещает определенное состояние вещей в календарные даты (череду цифр), означающие дни, месяцы, годы, века, тысячелетия, но и помещает его – благодаря знанию, сопутствующему этому упорядочиванию – в контекст исторических явлений, которые вспоминаются в связи с ним и им символизируются¹¹. Эта локализация в историческом

(географическое, территориальное) расположение в следующей фразе: «Во времена Веймарской республики...». «Во времена Веймарской республики», это означает одновременно и историческую территорию, на которой существовала в определенное время Веймарская республика. Если с самого начала мы согласимся, что темпоральность теснее связана с историчностью, чем спациональность, то ясно, что мы вообще говорим об историческом пространстве лишь постольку, поскольку оно остается связанным с временным характером истории, создавая в результате историческое время-пространство. В этом основа исторического мышления, суть исторического воображения, матрица, упорядочивающая историю. Причем, повторим еще раз, основную сеть, упорядочивающую исторические положения вещей, создает их временная параметризация. Временная и пространственная определенности исторических состояний вещей-событий, а также и исторических процессов, устанавливает их связь, формулируемую явно или имплицитно, создающую впечатление сплетающейся нити истории, эффект историчности.

¹⁰ Многие словарные и энциклопедические определения истории указывают на прошлое как на синонимичное для нее определение. Часто вместо указания на прошлое чего-то в самом определении присутствует только прошлое как таковое. Эта практика свидетельствует о сильной связи истории со временем.

¹¹ К фактографическим высказываниям, которые являются краткими ответами на вопросы «кто? что? где? когда?» можно относиться серьезно только тогда, когда за этими именами и датами стоит определенное знание об этом *Ком-то*, знание о состоянии вещей, являющееся ответом на вопрос, что произошло или что совершил этот *Кто-то*, а также об исторических временах и историческом пространстве, в котором этот *Кто-то* что-то сделал. Карикатурами на историю являются ответы

времени, в его моменте или в длительности, вписывает состояние вещей в нарративные последовательности, в процесс создания ткани истории, указывает генетические связи между ними, что является ключевым моментом для определения смысла хода исторической реальности.

Чтобы изложить принимаемую нами концепцию исторического времени, нужно прежде всего представить ее предпосылки, т.е. те положения, из которых она вытекает. Благодаря этому, при необходимости, можно будет подвергнуть критике общую теорию исторического познания (мышления) или только ее фрагмент, а также связанное с ней понимание исторического времени.

Вышеупомянутые основания концепции исторического времени мы представим в 12-ти тезисах, чтобы затем перейти к двум основополагающим анализам. Первый из них посвящен доказательству модифицированного тезиса Рейхенбаха¹² относительно слабого соотношения между историческими событиями, описываемыми через генетическую обусловленность, что приводит к указанию на то, что связь между генерирующим и сгенерированным, которая, будучи многозначной, но одновременно и повсеместно присутствующей в историческом мышлении, связана со специфическим *генетическим временем*. В свою очередь, процессуальное время, т.н. время длительности, например, броделевское *longue durée*, связано с функциональным детерминизмом¹³.

1. Время как таковое, его «природа» или «сущность» – это не что иное, как узурпация со стороны или здравого смысла, или же утверждение определенной избранной философии времени.
2. Философские концепции времени – это характерные для данной культуры способы концептуализации времени.
3. Решение о том, что физическое время есть реальное объективное время, представляет собой узурпацию физикалистским временем положения универсального времени. Это проявление физикализма, который является лишь философским (культурным) образом так называемой неживой природы.
4. Физикалистское, биологическое, историческое время – это лишь специфические темпоральности физикалистского, биологического и исторического дискурсов.
5. Подобно тому, как обоснованным является поиск физического времени в физическом видении мира, так же и мир биологических яв-

---

на фактографические вопросы, которые ограничиваются детализацией имен, персонажей, событий, дат, мест. Они не показывают знание мира, стоящего за этими номиналами и цифрами. Фактографизм – этот кошмар нашего образования – не является никаким знанием о прошлом. Он является просто видимостью, тестом на способность памяти, а не на знание, т.е. на понимание ушедшего мира.

¹² Тезис Ганса Рейхенбаха из книги Reichenbach 1956. См. обсуждение этого тезиса в работе: Wrzosek 1992.

¹³ Wrzosek 1992; 1993.

- лений, рассмотренных как нередуцируемые к физическим, заполнен свойственной ему темпоральностью.
6. По аналогии, не редуцируемые ни к биологическим, ни к физическим, явления, основанные на социальном воображении, находятся и концептуализируются в контексте социального времени. Исторические явления, в свою очередь, располагаются в историческом времени.
  7. Образ прошлого может быть дан лишь мысленно или нарративно. Материалом для анализа исторического времени может быть только время, укорененное, присутствующее в мыслительных образах и нарративах.
  8. Темпоральность суверенного домена мира связана с доминирующей в ней разновидностью связи между конститутивными для нее состояниями вещей.
  9. Связи между историческими состояниями вещей остаются в диалектической связи идентичности с темпоральностью (и со спациональностью), содержащейся в нарративах о них, и вместе создают логическую и предметную связанность исторического образа.
  10. Понимаемая на обыденном или же на необыденном уровне историческая реальность организована как время-пространственная реальность, интегрированная доминирующим типом отношений между определенными историческими положениями вещей.
  11. В историографии выделяются два способа темпоральной организации представляемого мира: событийный и процессуальный.
  12. Событийная реальность основана на генетической связи, а процессуальная – на функционально-генетической детерминации¹⁴.

Поиски генетического времени обрекают нас на анализ генетической связи. Мы вынуждены исполнить также и основную обязанность историка, т.е. поискать генезис генезиса. Это ведет нас к проникновению в формы дофилософского мышления и высказывания, к поискам предпосылки генетического мышления в сфере *la mentalité primitive*¹⁵. Этой предпосылкой является мышление в категориях метафорической идентичности. Там, в пучинах синкретической культуры, мы ищем корни идеи временной последовательности.

Второй анализ касается роли дейктических высказываний в конституировании виртуального и объективного мира, поскольку именно там, на заре субъективности, формируется, по нашему мнению, единство времени, пространства и культурного сообщества с опорой на использование речи и языка. Явления эти можно, конечно, рассматривать разными способами, по-разному их проблематизировать. Для нас

---

¹⁴ Мы полагаем, что эти тезисы достаточно обоснованы и достойны быть принятыми, по крайней мере, как предпосылки, позволяющие продолжать тот поиск исторического времени, который мы здесь предпринимаем. Эти вопросы поднимаются в следующих работах: Wrzosek 1992; 1990; Вжосек 2012 С. 108-113.

¹⁵ Первобытное мышление (фр.) – прим. пер.

близким оказался анализ Бориса Успенского, изложенный в работе «*Ego Loquens*. Язык и коммуникационное пространство»¹⁶.

Продолжим 12-й тезис. Для классической историографии основным типом связи, соединяющей состояния вещей, квалифицируемые как исторические (а ими являются обычные события¹⁷), выступает генетическая связь. Учитывая те минимальные условия, которые она накладывает на отношения между двумя феноменами, она является удобным – для методологического анализа – способом описания разнообразных зависимостей, которые формулируют историки. Это разнообразие состоит из загадочных слабых связей, а также и таких наиболее узнаваемых, распространенных и сильных связей, как связи причинные. К числу первых мы относим обобщенные зависимости, выражаемые часто встречающимися в исторических текстах формулировками типа: «состояние вещей А способствовало наступлению состояния вещей В», «явление А влияет на явление В», «событие А ведет к событию В», «состояние вещей А вызывает реакцию В», «события А обусловили процесс В», «В происходит из А», «В берется из А» и т.п. Эти и подобные обороты удовлетворяют потребность историков в выражении зависимости между историческими состояниями вещей и обычно прекрасно понимаются адресатами исторических нарративов¹⁸.

Наррация, содержащая хотя бы только такие высказывания, которые были приведены выше, может рассматриваться как генетическая, поскольку она достаточно ясно устанавливает зависимости между историческими состояниями вещей для того, чтобы они складывались в осмысленную последовательность. Этого уже достаточно, чтобы сформулировать простую событийную наррацию элементарного фактографического сообщения близкого к летописному нарративу. Однако связанные таким образом события складываются в исторически осмысленное повествование только тогда, когда его автор придаст им подхо-

---

¹⁶ Успенский 2007.

¹⁷ Подобно понятию генетической связи, категория «состояния вещей» также позволяет минимизировать налагаемую на нее строгость. Нам не нужно дополнительно определять и слишком тщательно оценивать эти состояния вещей, для того, чтобы утверждать существование между ними генетической связи. В конкретных воплощениях этой связи участвуют разные состояния вещей. В случае постулирования определенной конкретной исторической генетической связи становится ясно, между какими именно «состояниями вещей» она имеет место, а также то, с какого рода генетической связью мы здесь имеем дело.

¹⁸ Эти обороты до такой степени воспринимаются как очевидные, что даже аналитики редко обращают на них внимание. Эти обороты выражают большое число связей между историческими событиями. Хотя в своем буквальном значении они и остаются загадочными, риторически они успешны, будучи метафорическими высказываниями с довольно концентрированной семантикой. Благодаря этому они понятны как для пишущих историков, так и для любителей исторических произведений.

дющую фабулу, совершит *mise en intrigue*¹⁹, или же выполнит определенный *emplotment*²⁰. Мало того, событийная наррация, соединенная слабыми и неясными связями между событиями, благодаря своей нарративности втягивает адресата в эту свою интригу. Она вызывает любопытство читателя, вовлекает его в ожидание очередных событий, убеждая в осмысленности их хода.

К числу разновидностей генетических связей, устанавливаемых историками, принадлежит и связь субъективно-рациональная, а также причинно-следственная связь. Последняя, благодаря своей укорененности в культуре, считается интуитивно понятной, очевидной, всеобщей, или даже такой, которая только и заслуживает серьезного к себе отношения в научных исследованиях. Сциентистские идеологии, выводимые из познавательных практик наук о природе, или же из опирающихся на них убеждений здравого рассудка, готовы признать за каузальной связью ведущую роль среди иных типов обусловленностей. Подобным образом в социальных и гуманитарных науках этим термином определяются многие зависимости, в том числе и те, которые мы тут называем скромным именем генетических связей. Генетической связью мы будем называть здесь связи разного типа, которые удовлетворяют выше сформулированным условиям.

Причинно-следственная связь в свою очередь характеризуется такими свойствами, которыми характеризуется и генетическая связь, дополнительно же в отношении нее предполагается, что между причиной и следствием возникает материальная связь, с генерирующей стороны (причины) происходит передача «свершающей силы», вызывающей определенное последствие, причем она может улавливаться практически, или же представляться таковой. О генетической связи, называемой нами субъективно-рациональной, скажем только то, что это причинная связь, в отношении которой мы предполагаем, что генерирующим элементом здесь является человек, выполняющий функцию (совершающий действие). С генерирующей стороны этого типа генетической связи находятся мыслительные предпосылки, склоняющие его к действию. Это генерирование действий посредством мышления приводит к сгенерированным в результате состояниям вещей.

Генерирующее состояние вещей в акте генерации обладает своего рода «инициативой». В соответствии с единственно возможным, как представляется, его пониманием, генерирующий момент обладает способностью вызвать к существованию определенное состояние вещей,

---

¹⁹ Создание интриги (фр.) – прим. пер.

²⁰ Построение сюжета (англ.) – прим. пер. Мы можем здесь сослаться на многочисленных классиков и неоклассиков этой проблематики: Арон 2000; Коллингвуд 1980; Вен 2003 (прим. авт.).

или же вызвать частичные изменения сгенерированного в результате состояния. Генератор – это такое состояние вещей, которое «рождает» *per se* другое состояние вещей, или же его преобразует.

Структурно генетическая связь это такая упорядоченная схема феноменов, основным (и единственным) конституирующим свойством которой является ее способность генерировать. В ходе этого процесса на основании способности, которая либо присуща, либо приписывается генерирующему состоянию происходит «трансфер» части свойств от генерирующего состояния вещей к сгенерированному в результате – так, что на обоих концах этой связи мы должны обнаружить общность характеристик, указывающую на происхождение сгенерированного явления от генерирующего²¹.

Генезис идеи генезиса

Чтобы сформулировать достойную критики гипотезу о том, откуда берется убеждение о существовании последовательности состояний вещей, связанных генетической связью, поищем, в соответствии с естественным рефлексом исторического мышления, генезис того состояния, которое мы обрисовали выше, т.е. ситуации, при которой в мышлении уже утвердилась идея генезиса²².

Поскольку, как по мнению историков, так и с точки зрения здравого смысла, все исторические явления имеют свой генезис, то, наверняка, и идея «генезиса» должна иметь свой генезис. Поиск генезиса идеи генезиса предполагает, что мы уже сегодня знаем, истоки чего мы ищем. Мы уже охарактеризовали те минимальные условия, которым должна удовлетворять связь между явлениями для того, чтобы историк, но и не только он, смог бы говорить о генезисе. Благодаря этому, мы знаем, генезис чего мы ищем. Имея определенное явление и представление о его природе, мы ищем его генезис. Мы ищем, таким образом, таких состояний вещей, которые не только не являются более поздними по отношению к тому, генезис которого мы ищем, но и такого состояния, которое с точки зрения своих свойств, могло бы обосновать бли-

---

²¹ De facto автор генетической наррации, имея в виду свое понимание сущности явления, генезис которого он исследует, ищет среди явлений более ранних, чем исследуемое, такие состояния вещей и те их свойства, которые, в контексте знания исследователя генезиса, остаются в связи/ассоциации с чертами сгенерированного явления, по крайней мере настолько, чтобы потенциальный читатель, адресат гипотезы о генезисе, мог признать возможным происхождение одного от другого. Генетическое рассуждение является мыслительной процедурой ретроспективной направленности, которая осуществляется с опорой на знание, признаваемое тем, кто исследует происхождение. «Ибо с определением, которое выбирает исследователь, связана идея сущности религии, оно оказывает огромное влияние на концептуализацию идеи генезиса». Werner 2004. S. 100.

²² Блок 1986; к этим размышлениям близки и соответствующие фрагменты следующих монографий: Wrzosek 1995; 2009; Вжосек 2012. С. 108-113.

зость, родство между ними. Кроме того, генезис генезиса мы ищем в более ранних временах, чем первое подтвержденное источниками использование идеи генезиса. Генезис генезиса мы ищем во временах, так сказать, догенетических. Указаниями на то, где его искать, являются известные предложения Дж. Фрезера²³ и Э. Кассирера. Генезис генетического мышления следует искать на пограничье магического мышления и философского, исторического, «научного» типов мышления. Итак, скажем прямо: истоки генетического мышления можно искать в мире магического мышления и опыта первобытных культур. Подходящий троп мы находим в идее магической метаморфозы.

Проблематикой магической метаморфозы занимались многие исследователи, в т.ч. в последнее время и идейно близкие нам идейно теоретики культуры, остающиеся в кругу теоретико-методологических инспираций социально-нормативной концепции культуры Ежи Кмиты²⁴. С точки зрения упомянутых авторов, а также иных исследователей первобытных культур, можно выявить такие состояния человеческого мышления, которые на самом деле не предполагают однонаправленной зависимости между явлениями, но содержат в себе зародыш возможного развития категории мышления, ведущий, как представляется, к утверждению генетического мышления. Этим состоянием магической ментальности является идея метаморфозы.

Идентичность, основанная на идее метаморфозы **Частичная метаморфоза**

«В общем виде метаморфоза в представлении представителей магической культуры – это многообразное изменение бытия. Кроме того, это представление, предусматривающее возможность постоянного или временного преобразования одной формы бытия в другую, или же осознающее возможность отождествления форм бытия, которые, с нашей точки зрения, не имеют друг с другом ничего общего»²⁵. Вот мнение Эрнста Кассирера: «Внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Если и существует какая-либо характерная черта мифологического мира, некий закон, им управляющий, – это закон метаморфоз»²⁶. В свою очередь в «Философии символических форм» немецкого неокантианца мы находим интересное для нас предположение о присутствии генетического аспекта в метаморфозе: «В то время как мыслительная форма эмпирической каузальности направлена на то, чтобы установить однозначное отношение между *определёнными* “причинами” и *определёнными* “воздействиями”», для мифоло-

---

²³ Фрезер 1980.

²⁴ Kmita 1989. S. 50-66; 1984(a); 1984(b); 1986, а также его продолжатели – А. Палубицкая, А.П. Ковальский, А. Добош.

²⁵ Kowalski 2001. S. 20.

²⁶ Кассирер 1998. С. 534.

гического мышления и там, где оно ставит вопрос о происхождении как таковом, сами “причины” еще являются предметом совершенно свободного выбора. Здесь еще все может *стать* всем, потому что все может соприкоснуться со всем в пространстве и времени. Поэтому там, где эмпирически-каузальное мышление говорит об “изменении” и пытается понять его, исходя из некоторого общего правила, мифологическое мышление знает разве что простую метаморфозу...»²⁷.

В поисках генетического мышления или хотя бы его зародышей рассмотрим идею частичной метаморфозы в понимании Артура Добоша. Ей предшествует понятие идентичности, основанное на идее метаморфозы, которое объясняется польским философом так: «если магическое мышление утверждает о двух (рассматриваемых с позиции современного европейского мышления) разных объектах, что они тождественны, то в любом случае оно также утверждает о них и то, что один из этих объектов переходит в результате метаморфозы полностью или частично в другой; и наоборот, если магическое мышление опознает один объект как перешедший в результате полной или частичной метаморфозы в другой, то тем самым оно утверждает идентичность этих объектов. Поэтому отношения, существующие между двумя упомянутыми объектами, можно определить, как отношения идентичности, основанной на метаморфозе»²⁸. Мышление «в категориях метаморфоз», в соответствии с моей интерпретацией, добавляет Добош, «является мышлением, опирающимся на вышеозначенные отношения». Установив это, мы относим интересующие нас идеи к упомянутой категории. «Объект **A** остается в отношениях неполной, частичной идентичности с объектом **B**, что является равнозначным тому, что **A** поддается, (только) в определенной степени, (только) в определенном диапазоне, метаморфозе в объект **B**; **A** (только) в определенной степени отождествляется с **B** и поддается этому отождествлению, когда возникают соответствующие условия»²⁹.

Мышление «в категориях метаморфоз»³⁰, если это является подходящим описанием мира магической культуры, носит в себе зародыш генетической идее. Такое предположение ясно формулирует Артур Добош: «...отношение идентичности, основанной на метаморфозе, как полной, так и частичной ...является ...динамическим отношением и направленно “движется” от точки **A** к точке **B**, иначе говоря, оно является несимметричным отношением, устанавливающимся между **A** и **B**, в том смысле, что именно **A** утрачивает черты или свойства, отличаю-

---

²⁷ Кассирер 2002. С. 60; Кассирер 1998.

²⁸ Dobosz 2013. S. 102.

²⁹ Idem. S. 105.

³⁰ Этот термин использован при описании магического мышления и опыта А. Палубицкой (Pałubicka 2006).

щие **A** от **B**, или же, что является тем же самым, приобретает черты, уподобляющие **A** по отношению к **B**, а тем самым, в случае частичного отношения, уподобляющие **B** по отношению к **A**. Поэтому в этих двусторонних отношениях полезно будет выделить а к т и в н ы й член, то есть **A**, а также член п а с с и в н ы й, то есть **B**»³¹.

Если принять это описание мышления в категориях магической метаморфозы за адекватное, то не забудем, что в системе того опыта о мире, которым обладают первобытные общества, мы также встречаемся с мышлением в категориях устойчивых, или же относительно устойчивых, отношений. Две эти черты магической ментальности составляют резидиум, своего рода потенциал перехода к генетическому мышлению, ибо они содержат активный элемент, приводящий от **A** к **B**, причем – как это бывает в случае метаморфозы – все может быть создающим состояние **A** и все может быть эффектом со стороны **B**.

Благодаря тому, что имеет место своего рода приоритет генерирующего состояния вещей перед состоянием, генерируемым в том взаимном акте, который и составляет идентичность, основанную на метаморфозе, возникает и презумпция приоритета генерирующего состояния во времени. Но если мы не можем заранее сказать, что является первичным – эта неполная, частичная, идентичность **A** с **B**, основанная на метаморфозе, или же характеризующая ее временная последовательность (как и в случае Рейхенбаха, который не предпринимает, что является первичным в установлении порядка вещей – временная последовательность или причинная связь), то остается просто заявить, что одно не обходится без другого.

Пока не удастся решить вопрос, что было раньше, яйцо или курица. Или эта частичная метаморфоза производит чувство временной последовательности, или же интуиция временной последовательности позволяет в хаосе метаморфоз выявить ту, которая приводит от **A** к **B**, причем в этом фрагменте **B** был бы пассивный эффектом активного **A**, т.е. **A** генерировало (говоря в категориях зрелой идеи генерирования) **B**. Как бы то ни было, яйцо ли, или курица является первичным, но идея идентичности, основанная на метаморфозе, была источником идеи генезиса, ergo – временной последовательности. Было бы достаточно того, чтобы составные элементы метаморфически анархического мышления установили между собой стабильные, или относительно стабильные, отношения. Способом, который уже хорошо нам известен и который нами принят благодаря своей очевидности, они устанавливают возможные связи между генерирующим и генерируемым и определяют то, что активный участник акта частичной метаморфозы не может быть более поздним по отношению к пассивному участнику.

---

³¹ Dobosz 2013. S. 52.

Временная последовательность становится неотъемлемой чертой генетической связи.

Идея частичной метаморфозы содержит в себе обычно присутствующий в идее генезиса элемент – презумпцию того, что в ходе этой частичной метаморфозы определенные свойства **A** не подвергаются преобразению в **B**, но некоторые свойства передаются из состояния **A** в состояние **B**. Отсюда, в общем, возникает суждение о том, что **B** является эффектом метаморфозы **A**, поскольку содержит в себе элемент неполной, частичной, идентичности с **A**. Удивительной представляется мысль, что обнаружение генезиса состояния вещей **B** в ходе исторической интерпретации должно было бы быть основано на обнаружении и выделении аналогичных черт идентичности, конститутивных для **B**, среди потенциальных участников акта метаморфозы, т.е. такого состояния вещей **A**, для которого **B** было бы пассивным участником неполной, частичной, метаморфозы. Заметим, что этим самым **A** для лица, погруженного в мир магической культуры, могло бы быть, в сущности, все что угодно. Определенно, все, рискуем мы сказать, но, однако, все то, что будет не позднее по времени, чем **B**³².

Из этого предварительного анализа можно сделать следующие выводы. Идея генезиса имеет магическое происхождение. Ее прародителем является отношение частичной и неполной идентичности, основанной на метаморфозе. Из хаоса изменений, вызываемых метаморфозой, выделяются те, которые характеризуют активную, более раннюю сторону и пассивную, более позднюю. Генетическая связь наследует эти характеристики и становится ресурсом стабильных и относительно стабильных отношений магического мира, а затем пост-магической связью между состояниями вещей, в т.ч. исторических. Вместе с тем, мы замечаем в рамках *la mentalité primitive* кооперацию и корреляцию между идеей временной последовательности, идеей частичной метаморфозы и рождающейся идеей генезиса. Она же, вместе с идеей временной последовательности, находится и в основании исторического дискурса³³.

---

³² Отсюда ясно, что на генезис явления **A** воздействует все, что существовало не позднее, чем явление **B**, исток которого мы ищем. Проще говоря, все, что существовало до явления **B**. Наше допущение, что такой представитель магической культуры должен хотя бы на элементарном уровне иметь навык ориентации во временной последовательности, является ожиданием оптимиста, который, допуская ментальный навык частичной метаморфозы и мышление в категориях устойчивых и относительно устойчивых отношений, как имеющих место в сфере магической культуры, не может не высказаться в пользу идеи временной последовательности как одного из возможных темпоральных измерений этой культуры. Возникает вопрос, не предполагает ли случайно полная идентичность, основанная на метаморфозе, идеи одновременности или же безвременности этого акта?

³³ Nisbet 1972. *Notre Siècle*. S. 133-148. Конечно, мы иначе концептуализируем черты метафоры генезиса, см. Wrzosek 1990.

В этом категориальном разрезе идея исторического времени имеет именно такое происхождение.

Дейктическое время – *communico ergo sum*³⁴

В заключение хотелось бы затронуть некоторые сюжеты, которые мы обнаруживаем во вдохновляющей работе Бориса Успенского «Ego Loquens»³⁵. Мы пользуемся положениями этого ученого, поскольку его эпистемологическая концепция близка принципам уже упомянутой здесь культурологической эпистемологии истории. Этот автор поднимает ключевую проблему – каким образом дейктические высказывания конституируют т.н. объективную реальность, точнее, каким образом особый случай таких высказываний – личные местоимения во главе с местоимением «я» – создают совместное чувство объективной реальности. Рассуждения Успенского проиллюстрируем схемой. Следующие констатации являются *de facto* комментарием к ней.

Чтобы показать роль окказиональных высказываний в удостоверении существования субъектности, Успенский начинает с того, что очерчивает роль личных местоимений в этом важном историческом акте. Он указывает на тот момент, в котором начинается коммуникация, обмен информацией между коммуникатором А и коммуникатором В. Чтобы это стало возможным, необходимы следующие условия: должно происходить сближение индивидуального опыта восприятия мира двумя сторонами диалога настолько, чтобы, по меньшей мере, возник совместный опыт, составляющий основу речевого акта. Ключевым для процесса коммуникации является использование участником коммуникации, скажем, участником А, личного местоимения «я». Личное и дейктическое местоимение «я» выражает абсолютную эгоцентрическую реальность говорящего субъекта. «Что такое я, – спрашивает Успенский и отвечает так: «Не существует объекта (денотата), который может быть определен как я вне речевого акта (т.е. вне процесса коммуникации). Я означает говорящего: “я” – это тот, кто говорит я, т.е. тот, кто обозначает себя таким образом, тот, кто порождает, или же способен породить текст, содержащий само это местоимение»³⁶.

Теперь перейдем к сути дела, вот еще два фрагмента из «Ego Loquens», которые дополняют комментарий к схеме: «Экзистенциальный статус лиц, которые могут быть обозначены как я и ты в диалогической речи предполагается о д и н а к о в ы м: в самом деле, в обычном

---

³⁴ Коммуницирую, следовательно, существую (лат.) – прим. пер.

³⁵ Успенский 2007. О семиотике истории, в т.ч. и Успенского см.: Polasik-Wrzosek 2014. S. 35-40; а также Polasik-Wrzosek 2017 (в печати).

³⁶ Успенский 2007. С. 14. «Это определение, – убеждает наш автор, – предстает как порочный круг, однако такого рода круг оказался неизбежным, поскольку данное местоимение является исходным пунктом – так сказать, точкой отсчета – при построении виртуальной реальности (необходимой для коммуникации)» (С. 14-15).

случае они относятся к одной и той же ситуации, они имеют общие пространственные и временные координаты (выделено авторами – К.П.-В., В.В.), которые определяются самим процессом коммуникации». И далее: «Говорящий безусловно уверен в том, что он существует. Если он разговаривает с кем-то и тот ему отвечает, его собеседнику приписывается тот же экзистенциальный статус: предполагается, что они находятся в одном и том же хронотопе (пространстве и времени). Мы можем обращаться к Богу или к покойнику, или же к нашим будущим потомкам, используя местоимение *ты*. Мы можем не ожидать ответа, но при этом имеет место презумпция, что в случае ответа (возможного, например, в видении или во сне) последний может быть выражен в 1-м лице (с использованием местоимения *я*)». Приглядываясь к схеме, мы заметим вслед за нашим автором, что «...местоимения *я* и *ты* предполагают одинаковый экзистенциальный статус (принадлежность к одной и той же ситуации и, тем самым, к одной и той же действительности). Равным образом и местоимения *ты* и *он* (*она*, *оно*), если местоимение 3-го лица относится к человеку, предполагают одинаковый экзистенциальный статус – статус потенциального участника коммуникации: в этом случае предполагается возможность принадлежности к одной и той же ситуации»³⁷.

Формулировка общей объективной реальности так, как ее представляет Борис Успенский, это ситуация, в которой возникает одновременно коммуникативное сообщество и надындивидуальная реальность. Одно без другой в этой концепции немислимо. Ни одно из этих состояний не исключает другого, а скорее взаимно их обуславливает. В самом деле, с одной стороны, без наличия минимального общего социального опыта невозможно было бы начать и продолжать диалог, а, с другой стороны, этот общий опыт не возникнет без коммуникации. Ключевой поэтому становится роль «я», т.е. акта речи, который пользуется уже сложившимся коммуникативным сообществом.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что для Успенского время (как и пространство) является фоном для его рассуждений. Однако время-пространство – своеобразный, как Успенский определяет вслед за Бахтиным, хронотоп – участвует в конституировании объективной реальности. Эта объективная коммуникативная реальность должна содержать определенный порядок времени-пространства для переменных «я» и «ты», а также для «он» («она», «оно»), которыми могут быть и неличные объекты. «Я» расширяет охват объективной реальности на «он», «она» и т.д. Создавая субъект-объектные отношения, эти последние дейктически указанные объекты могут оставаться за пределами пространства и времени для «я» и «ты». «Поэтому, –

---

³⁷ Там же. С. 32-34.

процитируем Успенского, – мы можем говорить о существовании того, чего сейчас нет: предполагается, что между мной и египетским фараоном, который, как я полагаю, существовал тысячелетия назад, стоит последовательность людей, которые могли сообщать свое восприятие один другому. Равным образом мы можем говорить о существовании мира, в котором еще не было людей, предполагая при этом, что если бы они там были, они могли бы наблюдать то, о чем мы говорим»³⁸.

Заметим, что дейктическая схема, которую Успенский интерпретирует в категориях коммуникации, является одновременно схемой обоснования темпоральности и спациональности. Время и пространство имеют здесь в качестве сохраняющихся элементов объективной реальности, статус виртуальной реальности. Они являются конструктом, имплицитно присутствующим в актах речи, а также и в языке, с использованием которого происходит коммуникация.

Прочитаем наконец и вывод концепции российского семиотика культуры: «В процессе языковой коммуникации формируется представление об общей реальности, которое имеет объективный, а не субъективный характер – постольку, поскольку объединяет разных говорящих. Процесс коммуникации оказывается, таким образом, отправным пунктом – можно сказать, краеугольным камнем – при создании образа объективной реальности, существующей независимо от индивидуального опыта (внеположенной отдельному человеку)»³⁹.

Рассуждения Успенского приводят к некоторым заключениям на тему постулируемой в рамках т.н. «объективной реальности» темпоральной структуры. Отношения между «я» и «ты» постулируют существование в одном и том же времени, времени диалога (коммуникации) между его сторонами. В свою очередь, лица и объекты, определяемые как «он», «она», «оно» могут быть отделены во времени и пространстве от «я», совместно конституируя прошлое и будущее.

Кроме того, при рассмотрении процесса коммуникации с позиции субъекта, формируется видение субъективно-рационального действия, активности, совершаемой в мире субъективного и субъективно-рационального опыта «я» и «ты». «Ты», который *de facto* через минуту оказывается «я», в том случае, если диалог продолжается, разделяет с «я» тот опыт, который предшествует акту речи. Одновременно, акты речи делают возможным обоснование этого социально-субъективного опыта, на основе которого, как признает Успенский, путем обобщения и абстрагирования – возникают знаковые системы, делающие возможными успешность актов речи, а именно языковую коммуникацию⁴⁰.

---

³⁸ Там же. С. 35.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 10-11.

Возникает координация, некий компромисс, между участниками коммуникации по поводу субъективного опыта. Частью компромисса может быть признан минимум экзистенциальных мнений/суждений, составляющих основные элементы постулируемой реальности. Ключевую роль в этом компромиссе – если можно так понимать концепцию Успенского – играет то феноменальное обстоятельство, что в диалоге происходит обмен перспектив «я» и «ты», позволяющий согласовать дейктическую реальность конкретного речевого акта, или даже диалога, в общий социально-субъективный опыт. Его сохранение является свидетельством формирования языка, стабилизирующего коммуникацию в рамках сообщества, сохраняя элементы объективной реальности, которые разделяются ее последователями.

В формирующейся таким образом языковой компетенции содержится инстинктивное и сознательное ощущение и понимание временного измерения, которое характерно для т.н. «объективной реальности». Как мы видели, в историческом процессе формирования темпоральности мира, идущим от дейктической реальности речевых актов до объективной реальности, постулируемой в совместном языке, ключевую роль играют личные местоимения «я» и «ты» как необходимые составные элементы акта речи. Alter ego «я» – «ты» имплицитно присутствует в «я», так же, как и «ты» немислимо без «я». Такое представление связано с пониманием мышления в категориях автокоммуникации. Мы видим, что рассуждение Успенского, связывающее акт речи с наделением бытием объектов, обозначенных местоимениями «он», «она», «оно», приводит к созданию субъекта в качестве элемента способа речи (и мышления) доминирующей, по мнению Йозефа Миттерера⁴¹, интеллектуальной формации антично-западноевропейской культуры, для которой характерен дуализм. Появление субъекта как дополнительного эффекта метаязыковой рефлексии «я» над «самим собой» усиливает позиции «я», превращая личное и дейктическое местоимение в субъект в рамках дуалистического способа мышления и речи⁴². Независимо от этого, дейктическая коммуникативная реальность, благодаря другим способам выражения дейктических отношений, т.е. глаголам в личной форме, особенно вместе с личными местоимениями, выражающими возникающие состояния вещей и действий, совершаемых «действующими индивидами», в т.ч. описываемых при помощи окказиональных высказываний, т.е. личными местоимениями, создает объективную реальность – «ту здесь», «эту там», а также «ту, которая была» и «ту, которая будет». Эти последние темпоральное обозначение выделяет, начиная с акта речи указывающего «он/она/оно», на

---

⁴¹ Mitterer 1996.

⁴² Idem. S. 41-42.

вторую сторону реальности, раздваивающейся на субъективную и предметную. Предметная реальность, с точки зрения пространства и времени, отличается от темпоральности субъекта⁴³. Эта ситуация является актом основания мышления и речи о прошлом, т.е. исторических форм мышления и речи. Заметим, что это также является для нас началом субъективно-рациональной связи как разновидности генетического мышления, видения человеческого действия, опирающегося на оригинальный способ осмысления человеческого действия (в т.ч. и акта речи) как действия, осуществленного мышлением.

Оба представленных выше случая говорят в пользу вероятной плодотворности поисков исторического времени в ключевых моментах развития культуры, т.е. в эволюционных изменениях, имеющих свои истоки в дофилософском мышлении, в мире магических культур, где фундаментальная для них разновидность идентичности, основанной на метаморфозе, трансформируется в генетическое мышление, в котором элемент пары акта метаморфозы характеризуется более высокой активностью и направляет перемены состояний вещей в направлении актов частичной и неполной метаморфозы. Результатом этого процесса является доминирование устойчивых и относительно устойчивых отношений, среди них генетические связи являются естественными наследниками представления, что это **A**, скорее, вызывает **B**, чем наоборот. **A** частично преобразуется в **B** – скажем, **A** генерирует **B**. Эта трансформация является симптомом перехода от магического мышления, основанного на метаморфозе к генетическому мышлению характерному для пост-магического мира⁴⁴. В этом мире эксплуатируется, среди прочего, категория генезиса, неотъемлемая для исторического мышления⁴⁵.

Не решая, что первично, генетическая идея или же генетическое время (идея временной последовательности), а также – что первично, дейктический опыт коммуникации, или же темпоральность окказиональных высказываний, начинающихся с «я», оставим в силе наше убеждение в том, что историческое время является конституирующим составным элементом исторического мышления и возникает вместе с ним, а также вместе и в связи с ним подвергается изменениям.

---

⁴³ Idem. S. 120-122. Мышление, понятое как авто-коммуникация, по мнению Успенского, является ключевым моментом для когнитивистики.

⁴⁴ Важно заметить, что магическая метаморфоза дает основания для сохранения между абстрактными и практически уловимыми объектами идеи идентичности, которая является основой философского мышления, правил рационального мышления, логики и современной науки.

⁴⁵ В самых древних письменных памятниках, в т.ч. у Гомера и в Ветхом Завете мы находим в довольно заметной форме идею генезиса, не только в книге Бытия, но и тогда, когда Бог или боги и люди создают мир и производят то, что в нем происходит.

Истоком исторического времени, так же как и исторического мышления, является магическое мышление. Из происходящих в нем изменений берутся известные нам примеры исторических форм мышления и речи, в том числе в форме историографических шедевров, являющихся одновременно и шедеврами культуры. Они содержат в себе явные и скрытые следы своего происхождения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. М.; СПб: Университетская книга, 2000. [Aron R. Izbrannoe. Vvedenie v filosofiyu istorii. M.; SPb: Universitetskaya kniga, 2000]
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: «Наука», 1986. [Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. M.: Nauka, 1986]
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение: Фуко совершает переворот в истории. М.: Научный мир, 2003. [Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. Prilozhenie: Fuko sovershaet perevorot v istorii. M.: Nauchnyi mir, 2003]
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: Krug, 2012]
- Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. Kassirer E. Opyt o cheloveke // Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M.: Gardarika, 1998]
- Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2. Мифологическое мышление. М.-СПб.: Университетская книга, 2002. [Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. T.2. Mifologicheskoe myshlenie. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002]
- Коллинвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. [Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980]
- Рикер П. Время и рассказ. Тт. 1-2, М.-СПб.: Университетская книга, 2000. [Riker P. Vremya i rasskaz. Tt. 1-2, M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 2000]
- Успенский Б. *Ego Loquens*. Язык и коммуникационное пространство. Москва, 2007. [Uspenskii B. Ego Loquens. Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo. Moskva, 2007]
- Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. [Frezer Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii. M.: Politizdat, 1980]
- Bugajewski M., Historiografia i czas. Paula Ricoeur teoria poznania historycznego. Poznan. Wydawnictwo Poznańskie. 2002.
- Dobosz A. Myślenie magiczno-mityczne a schizoprenia. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram. 2013.
- Kmita J. Dziedzictwo magii w nauce // Racjonalność – nauka – społeczeństwo / red. H. Kozakiewicz, E. Mokrzycki, M.J. Siemek. Warszawa: PWN, 1989. S. 50-66.
- Kmita J. Magiczne źródło kultury // Odra. 1984 (a), nr. 2. S. 24-30.
- Kmita J. Mowa magiczna – język – literatura // Odra. 1984 (b), nr. 12. S. 32-37.
- Kmita J. Cena emancypacji // Odra. 1986. nr. 4. S. 16-22.
- Kowalski A.P. O wyobrażeniu metamorfozy I o doświadczeniu magicznym // Czy metamorfoza magiczna rekompensuje brak symbol? / red. naukowa Jerzy Kmita. Pisma Filozoficzne. T. LXXVIII. Poznań. 2001.
- Mitterer J. Tamta strona filizofii. Przeciw dualistycznej zasadzie poznania, przeł. M.Łukaszewicz, Warszawa. Oficyna Naukowa Terminus. 1996.
- Nisbet R. L'Histoire, la sociologie et les revolutions // L'Historien entre l'ethnologue et le futurologue. Actes du seminaire international pour la Liberté de la culture. La foundation Giovanni Agnelli et la foundation Giorgio Cini, Vénice, 2-8 avril 1971. P., 1972.
- Notre siècle (1918–1988), avec la collaboration de Jean-François Sirinelli. Paris: Fayard, 2003[1992, 1995].
- Pałubicka A. Myślenie w perspektywie poręczności a pojęciowa konstrukcja świata. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram. 2006.

- Polasik-Wrzosek K. Proba elementarnej fenomenologii Aleksandra Piatigorskiego. Filozof o ewolucji szkoły tartusko-moskiewskiej // *Rocznik Antropologii Historii*, 2014, IV/1(6). S. 35-40.
- Polasik-Wrzosek K. Od antropologii politycznej do semiotyki władzy. Mark Błoch i Borys Uspenski // *Historyka. Studia metodologiczne*. 2017 (в печати).
- Reihenbach H. *The Direction of Time*. Berkeley; Los Angeles, 1956.
- Topolski J. *Świat bez historii*, Warszawa: WP, 1972.
- Topolski J. *Teoria wiedzy historycznej*. Poznan: Wydawnictwo Poznańskie, 1983.
- Topolski J. *Metodologia historii*. Warszawa, 1984.
- Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 1996.
- Topolski J., Wrzosek W. Kinds of Time in Historical Narratives // “Grand Thèmes”, *Methodologie. Sections chronologiques*. 1: Rapports et abrégés. Comité International des Sciences Historiques. Madrid, 1990.
- Werner W. Kult początków. Historyczne zmagania z czasem, religią i genezą. Szkice z historii historiografii polskiej i obcej. Poznań. Wydawnictwo Poznańskie, 2004.
- Wrzosek W. In Search of Historical Time. An Essay on Time, Culture and History // *Narration and Explanation. Contributions to the Methodology of the Historical Research* / ed. by J. Topolski. Amsterdam; Atlanta, 1990 (Poznań Studies in the Philosophy of Sciences and Humanities. 19).
- Wrzosek W. Czas a determinizm. Uzurpacje fizykalistyczne w badaniach nad czasem // *Studia Metodologiczne*. 1992. S. 225-249.
- Wrzosek W. Les Concepts historiographiques de F. Braudel. L’homme dans le système social // *Studia Historiae Oeconomicae*. 1993. 20.
- Wrzosek W. Historia – kultura – metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii. Wrocław. FNR. 1995/
- Wrzosek W. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz, 2009.

Д-р Каролина Поласик-Врзосек, Университет Адама Мицкевича (Познань, Республика Польша), basiley@mail.ru

Войцех Врзосек, профессор Университета Адама Мицкевича (Познань, Республика Польша); wrzosek@amu.edu.pl

From magic metamorphosis to the metaphor of genesis an interpretation of historical time

The authors suggest that time does not have universal nature and, everything in culture, has a status of historical relativity. A source for knowledge of historical time is in historical discourses, which implement temporal views of history produced by a culture, i.e., present dominant views of historical world in a narration. The authors conclude that historical time, which has its source in magical thought, is created with it, and is being changed with and in connection to it. Out of all changes, the authors explore historical forms of thought and speech, including historiographical masterpieces that are also cultural masterpieces and bear traces of their origin, external and internal.

Keywords: temporality, historical time, historical thinking, historical discourse, narration

Dr. Karolina Polasik-Wrzosek, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Professor Wojciech Wrzosek, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland); wrzosek@amu.edu.pl

А. И. ФИЛЮШКИН

МЕСТА ПАМЯТИ ИЛИ ПАМЯТЬ МЕСТА? ДВЕ БИТВЫ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Статья посвящена изучению особенностей мемориализации двух знаменитых битв князя Александра Невского – Невской битвы 1240 г. и Ледового побоища 1242 г. Битвы являются культовыми в русской истории, но сами места сражений долгое время были в забвении, а место Ледового побоища до сих пор установлено весьма приблизительно. Данный парадокс необычайно интересен для понимания механизма формирования национальной исторической памяти, ее обращения к средневековым образам. Получается, что нарративы, учебники, картины, кинематограф играют куда большую роль, чем физическое существование объекта памяти, «память места». История сражения в интеллектуальном и культурном пространстве XIX–XXI вв. для нации гораздо реалистичнее, чем подлинная средневековая история сражения, которая реконструируется с трудом. Превращение этих событий в символы национальной памяти, «мобилизация средневековья» для идеологических нужд – целиком явление нового времени. В средневековье память о них была связана большей частью со святыми – участниками сражений, проявлением в истории этих сражений Божьей воли или династическими предками правящего царского рода.

Ключевые слова: Александр Невский, Невская битва, Ледовое побоище, историческая память, места памяти, мемориализация, Псков

Невская битва 1240 г. и «Ледовое побоище» 1242 г. Эти средневековые сражения образуют стеновой хребет российской истории, славу русского оружия². С ними связаны места памяти русской нации. Выигравший битвы князь Александр Невский является центральным персонажем русской истории. В 2008 г. телеканал «Россия» и телекомпания «ВиД» провели конкурс «Имя России» (аналог английского «100 величайших британцев»). В нем победил князь Александр. Он получил 524 575 голосов, обогнав Петра Столыпина (523 766), Иосифа Сталина (519 071) и Александра Пушкина (516 608)³.

Почему Александр Ярославич оказался столь популярной фигурой? Б. Шенк довольно точно показал причины: «Александр Ярославич (Невский) жил в травматичное для русской культурной памяти время, когда большинство земель Руси на востоке подверглось нападению и было включено в Монгольскую империю, а Новгород на северо-западе постоянно вынужден был противостоять Тевтонскому ордену, Швеции и Литве. В эту “темную эпоху” победы Александра казались его современникам одинокими знаками надежды и гордости». В биографии князя

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 16–18–10080).

² Кирпичников 1995. С. 29–31.

³ Ямпольская 2008.

отражены многие дискурсы русской истории: оппозиции «централизм vs регионализм», «авторитарное правление vs вечевая демократия», «православие vs католический мир», «Россия и Запад», а также «Россия и Азия»⁴. В XVI–XIX вв. культ Александра способствовал культуре центральной власти, династии Рюриковичей, а потом Романовых.

Стоит добавить, что культ Александра возник и развивался в средневековье как культ святого правителя Земли Русской и полководца. Ни к кому другому из русских средневековых правителей библейские параллели не прилагались в таком объеме и с такой интенсивностью. Уже в первых житийных текстах XIII в. он сравнивался красотой с Иосифом, силой – с Самсоном, премудростью – с Соломоном, храбростью – с римским царем Веспасианом. Победы Александра отождествлялись с принципиальными для христианства и культа христианского креста событиями. Прежде всего, это победа израильтян над амаликитянами в Рефидиме (Исх. 17: 9-13). Она была одержана благодаря крестообразующему жесту пророка Моисея (Оранта), которым он благословлял полки. История Амалика и Моисея приводится в летописных статьях 1242 г. о «Ледовом побоище», когда князь Александр перед битвой воздел руки к небу и произнес: «Суди, боже, и разсуди прю мою от языка велеречива. Помози ми, Господи, якоже древле и Моисееви на Аммалика» (Симеоновская, Никаноровская, Никоновская, Вологодско-Пермская летописи и Московский свод 1479/80 гг.)⁵. Кроме того, на стороне Александра, согласно древнерусским текстам, воевало войско ангелов, их атака и решила исход Ледового побоища: «полкт Божиа на въздусе, пришедша на помощь ему»⁶. Князь сравнивается с Иисусом Навином у Иерихона (Нав. 5: 16 – 6: 26). Главными событиями под Иерихоном были встреча Иисуса Навина с «вождем воинства Господня», пришедшим ему на помощь. В результате Господнего вмешательства (после обноса Иерихона Ковчегом Завета, Нав. 6: 26) Иерихон был взят. Причины победы Иисуса Навина под Иерихоном и Александра Невского на Чудском озере одинаковы – вмешательство Бога в человеческую историю на их стороне. Такой полководец с явными признаками богоизбранности, с точки зрения русских книжников XIII–XVI вв., был достоин всяческого поклонения и почитания вместе с выигранными им битвами⁷.

В долгой традиции изучения истории этих битв представлены как апологетическое, так и скептическое направления. Для апологетов это судьбоносные битвы, изменившие ход восточноевропейской истории⁸.

---

⁴ Шенк 2007. С. 22.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 458; Т. 10. С. 127; Т. 18. С. 64; Т. 25. С. 135; Т. 26. С. 81; Т. 27. С. 45.

⁶ Степенная книга 2007. С. 524.

⁷ Подробнее см.: Isoaho 2006. P. 112-158; Филошкин 2008. С. 132-147.

⁸ Назовем только наиболее влиятельные работы, поскольку историография битв Александра Невского очень обширна: Тихомиров 1941. С. 32-40; Мавродин

Скептики пытаются преуменьшить их масштаб и значение, доказать неоднозначность политики Александра Невского⁹. Не вдаваясь в этот спор, отметим два обстоятельства. Первое, эти битвы – безоговорочные победы русских войск над противником. Можно спорить о деталях, размерах участвовавших войск, но общий результат неоспорим: полки под командованием князя Александра Ярославича выиграли, а их противники проиграли. Второе – значение этих сражений, видимо, оказалось куда важнее для потомков, чем для современников. Их символическая и идеологическая роль в веках гораздо масштабнее, чем чисто военный аспект. И эту роль в истории скептикам невозможно отрицать.

Нас интересует именно второй аспект – символическое значение этих битв как системообразующих «мест памяти» русской истории. Об этом тоже немало писали¹⁰, но от внимания исследователей ускользнул один парадокс. Почитание битв долгое время было книжным, церковным, вербальным, имело свою визуализацию в произведениях искусства и т.д. Но сами места битв при этом находились в забвении. Мало того, долгое время отсутствовало твердое знание о том, где, собственно, были эти битвы. Когда же в XIX в. после выхода «Истории Российской» Н.М. Карамзина в русском обществе чрезвычайно вырос интерес к собственному прошлому, началась мемориализация объектов национальной памяти – поиск мест битв, установка на них памятников. Она породила много споров – а где же ставить памятник? Причем острота этого вопроса не уменьшилась и в XXI веке.

Данный парадокс необычайно интересен для понимания механизма формирования национальной исторической памяти, ее обращения к средневековым образам. Получается, что физическое существование объекта памяти маловажно даже для таких мест памяти, как Невская битва или Ледовое побоище? Фиксация места битвы и его изучение переносят акцент на историю, «как она была на самом деле», т.е. на реальную реконструкцию сражения. Тут же получается, что для культа битвы эта реконструкция не особо и нужна. Чтобы проверить этот вывод, рассмотрим историю мемориализации этих знаменитых сражений.

Невская битва 1240 г.

Невская битва произошла 15 июля 1240 года между новгородским войском под командованием князя Александра Ярославича и пришедшим в акваторию р. Невы шведским отрядом. Считается, что шведское вторжение имело место в рамках II шведского крестового похода в

1941; Пашуто 1956. С. 173-191; Караев, Потресов 1966; Ледовое побоище 1966; Князь Александр Невский 1995; Александр Невский 2010; Потресов 2015.

⁹ Феннел 1989. С. 144-146; Шенк 2007. С. 40-43; Данилевский 2004.

¹⁰ Baiter 1983. P. 43-87; Begunov 1986. S. 81-125; Бегунов 1995. С. 42-48; Holden 1996. P. 60-64; Mäki-Petäys 2002. P. 45-69; Шенк 2007; Кривошеев, Соколов 2009; Роль Александра Невского. 2013; Соколов 2014; Михайлов 2015. С. 71-76.

Финляндию, а сама борьба шла за Ижорскую землю (бассейн р. Невы). В результате сражения противник был разгромлен, а князь Александр стал «Невским». Невская битва имеет точную географическую привязку благодаря месту впадения р. Ижоры в Неву, обозначенному в летописях как место стоянки шведских кораблей и разбивки лагеря, в котором их и атаковали русские. Битва получила прославление в Житии Александра Невского (1280-е гг.), а потом и в летописях. В XVI в. она заняла важное место в концептуальных «больших нарративах» русской истории – Степенной книге и Лицевом летописном своде. Подвиг князя, хранителя Земли русской и защитника православной веры от «латинян», служил основанием для его канонизации в 1547 г.

При этом у нас нет никаких свидетельств, что место битвы вплоть до XVI в. включительно хоть как-то почиталось. Нет достоверных известий о поставленных на этом месте храмах или памятных крестах¹¹. В XVII в. бассейн Невы перешел под власть Швеции, и о победе Александра совсем забыли. Однако в начале XVIII в. память о Невской битве оказалась необычайно востребована Петром I. Россия воевала со Швецией в Северной войне, Александр Невский был объявлен Небесным покровителем Санкт-Петербурга, и было бы очень кстати, если бы легендарная средневековая победа над шведами произошла бы на его территории. Петр так и порешил – в 1710 г. на Черной речке (совр. р. Монастырка) был основан Александро-Невский монастырь в память о Невском сражении. Он должен был замыкать «Невскую перспективу» – будущий Невский проспект, градостроительную ось Петербурга¹². В 1724 г. сюда были торжественно перевезены из Владимира мощи Александра Невского. Сегодня это центр Петербурга.

Однако провозглашение Александро-Невского монастыря местом битвы не могло отменить того факта, что устье Ижоры находилось гораздо ниже по течению Невы. Поэтому от идеи «обретения» места битвы на территории новой русской столицы отказались, а с устьем Невы и монастырем стали связывать место «стражи» ижорского старейшины Пелгусия и видения им святых Бориса и Глеба, спешивших на помощь князю Александру. То есть расположение Александро-Невского монастыря все равно оказалось сакральным, связанным с Невской битвой.

В устье Ижоры в 1711 г. поставили посвященную битве деревянную церковь Александра Невского. Она сгорела в 1726 г., в 1730 г. была восстановлена, сгорела опять в 1797 г. В 1798–1799 гг. архитекторами П.

---

¹¹ В некоторых научно-популярных работах можно встретить утверждение, что в устье Ижоры уже в XIII в. поставили деревянную церковь в честь Александра Невского. Это недоразумение – первая достоверно известная в России церковь в честь Св. Александра Невского была поставлена по инициативе патриарха Филарета, отца основателя династии Романовых Михаила Романова, в Московском Кремле в 1625–1634 г. (Шенк 2007. С. 112, 128).

¹² Шенк 2007. С. 131–134.

и В. Нееловыми была возведена каменная церковь. В XIX в. она неоднократно перестраивалась (1820–1823, 1835–1836 и 1871–1875), в 1934 г. была закрыта Советской властью, в 1942 г. сильно пострадала в ходе боевых действий Великой Отечественной войны. В 1962 г. развалины церкви законсервировали, а в 1995 г. по проекту «Леноблреставрации» церковь была восстановлена, и сегодня принимает прихожан¹³.

Память о средневековой битве и Александре Невском оказалась востребована в дни празднования 250-летия Ленинграда, в 1953 г. ветеранские организации города решили поставить памятник в честь Невской битвы. Гранитную стелу установили на правом берегу Ижоры, напротив развалин церкви. На ней написано: «Здесь 15 июля 1240 г. произошла битва, в которой русское воинство Александра Невского наголову разбило превосходящие силы врага, вторгшегося на территорию нашей Родины. Установлено в связи с 250-летием Ленинграда от военной общественности города». Памятник напоминает воинское захоронение-мемориал в строгом стиле 1950-х гг. Символическое рифмование с Великой Отечественной войной очевидно.

В 1990 г. состоялись широкомасштабные празднования 750-летия Невской битвы. Историк Ю.К. Бегунов так объяснял их смысл: «Современная идеологическая функция идеи Александра Невского ясна: объединить все здоровые силы нации ради Возрождения России и ее триумфального шествия к демократическому будущему. Нам сегодня нужны Александры Невские, с мечом и в броне, то есть такие, каким был сам святой князь: заступник народа от врагов, от бездуховности, от государственного и нравственного нигилизма». Было совершено торжественное плавание реконструкторов Ленинградского военно-исторического клуба из Новгорода в Усть-Ижору на декорированном под старину паруснике, в древнерусских костюмах. Ящик с землей с места сражения был перенесен в Александро-Невскую лавру, где стал храниться как святыня¹⁴.

Изменение культурной и политической конъюнктуры еще дважды отразилось в монументах на месте Невской битвы. В начале 2000-х на первое место вышел Александр Невский как русский святой. В 2002 г. на левом берегу Ижоры, рядом с церковью была возведен памятник-часовня с поясным бюстом Александра Невского и надписью: «Не в силе Бог, а в правде» (главный меценат А. Остапенко, автор концепции и организатор работ по проекту А. Селезнев, скульпторы В. Козе-нюк, А. Пальмин, архитекторы В. Чулкевич, В. Жуков). В 2003 г. на мысе в устье Ижоры был поставлен третий памятник Александру Невскому – скульптора В.Е. Горелова и архитектора В.А. Попова. 10-метровая скульптура князя Александра, стоящего с копьем над поверженными врагами, весит 6 тонн. В памятнике воплощена идея воинской

¹³ Гусарова 1988; Сорокин 1993. С. 33-37.

¹⁴ Шенк 2007. С. 471-474.

победы: Александр попирает ногами доспехи и оружие поверженных шведских рыцарей (с *torfhelm*'ами, т.е. памятник универсален – в русском сознании «горшковые шлемы» прочно ассоциируются не только со шведами, но с немецкими крестоносцами). Пространство было музеефицировано – в 2009 г. на правом берегу Ижоры открыт музей, его главный экспонат – диорама «Невская битва» художника И.С. Жебровского. Экспозиция, диорама и экскурсоводы транслируют традиционную официальную концепцию Невской битвы по житию Александра Невского. В 2014 г. было объявлено, что место битвы станет федеральным памятником историко-культурного значения¹⁵. Заметим, что власти СССР в перечень таковых памятников его не включали, т.е. общегосударственный статус за этим местом памяти признан совсем недавно, спустя почти 800 лет после битвы...

О Невской битве в России в 2008 г. был снят художественный фильм «Александр. Невская битва» (режиссер И. Каленов). Он считался приквелом знаменитого «Александра Невского» Сергея Эйзенштейна, и был снят с бюджетом в 10 млн долларов по заказу Гостелерадио Российской Федерации. Создатели фильма в историческом плане строго следовали за «Житием...» Александра Невского, хотя для придания интриги привнесли в сценарий несколько современных сюжетов (интриги предателей-бояр, иностранные шпионы-отравители, религиозный заговор иностранцев против России и т.д.). Картина получила в основном отрицательные отзывы критиков, причем как кинематографистов, так и историков. Критики отмечали попытку создать правильное, позитивное патриотическое кино об Александре Невском и сетовали, что попытка в общем-то не очень удалась и вызывает много нареканий¹⁶. Большую зрительскую аудиторию фильм не обрел и влияния на восприятие Александра Невского в памяти и культуре не оказал.

С Невской битвой связаны многочисленные исторические реконструкции и фестивали, которые в последние годы обрели большую популярность. Но привязка к словам «Невская битва» сугубо формальная, фестивали проводятся где угодно, в разных городах и поселках, самый крупный и регулярный – на пляже Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Само место Невской битвы в Усть-Ижоре культовым для реконструкторов не стало. Культ Александра Невского продолжает оставаться актуальным для Санкт-Петербурга. В 2002 г. рядом с Александро-Невской лаврой был торжественно открыт новый десятиметровый памятник. Станция метрополитена в Петербурге носит имя Александра Невского – это единственная станция в городе, названная в честь персонажа русской средневековой истории.

---

¹⁵ Место Невской битвы станет памятником федерального значения // <http://www.rosbalt.ru/piter/2014/03/13/1243837.html>

¹⁶ Соколов. 2009. С. 177-189.

Ледовое побоище

Битва на Чудском озере состоялась 5 апреля 1242 г. Войска под началом Александра Невского разбили отряд немецких рыцарей и финского племени чудь. Битва завершила конфликт между Ливонским орденом и Псковом, начавшийся в 1240 г. с нападения ливонцев на Изборск. Рыцари заняли Изборск, затем Псков, стали угрожать Новгороду. Новгородцы обратились за помощью к князю Александру как полководцу. Он взял основанную немцами крепость Копорье, освободил Псков и вторгся в Ливонию, в земли Дерптского епископства. Ливонцы организовали контрудар. И вот этот отряд, преследовавший русские войска, отступившие из Восточной Эстонии, был встречен основными силами Александра Невского на льду Чудского озера и уничтожен.

О Ледовом побоище рассказывают Житие Александра Невского, древнерусские летописи, немецкая «Рифмованная хроника». Возвеличивание битвы начинается в XVI в., в Степенной книге и Лицевом летописном своде. Однако в распоряжении историков почти не оказалось ориентиров для локализации битвы. Пунктов в летописи было названо два: Узмень и Вороний камень. Под Узменью понималось либо Теплое озеро – фактически узкий пролив, соединяющий Псковское и Чудское озера, либо эстонская деревня Исмень (Мехикорма, по-русски Изменка), располагающаяся на эстонской стороне озера в этом районе. Что такое Вороний камень, не знал никто. Местных преданий, фиксирующих место битвы, к XIX в. не сохранилось, никаких памятных крестов, часовен, церквей в честь «Ледового побоища» неизвестно¹⁷. К тому же из-за значительной удаленности предполагаемого места битвы от столиц, Москвы и Петербурга никто (!) из ученых до середины XX в. на место сражения не выезжал, а все пытались его найти на бумаге, по картам и письменным источникам. Первым историком, который приехал на место Ледового побоища, попытался провести полевые исследования и локализовать сражение на местности, оказался эстонский историк, работавший в СССР, Эрнст Паклар в 1931 г.¹⁸

В 1938 г. Константин Симонов написал поэму в семи главах «Ледовое побоище», в ней с этой битвой сравнивались бои красноармейцев под Псковом в 1918 г с немцами, в которых, согласно официальной версии, родилась Красная Армия (в СССР в честь этих событий 23 февраля отмечался День Советской армии). Победа на Чудском озере объявлялась символической, предостережением для немецких агрессоров 1930-х гг.:

---

¹⁷ Ученые по-разному определяли место битвы. См.: Трусман 1884. С. 44-46; Бунин 1899. С. 214-219; Тихомиров 1950. С. 88-91; Паклар 1951. С. 304-316; Караев 1958; Ангарский 1960. С. 110-118. С. 154-158; Караев 1963. С. 110-118.

¹⁸ Кривошеев, Соколов 2014. С. 4. Статья Паклара в 1930-е гг. не была опубликована, потому что он стал жертвой сталинских репрессий. В 1937 г. его арестовали и посадили. На свободу он вышел после войны, вновь в 1947 г. ездил на место битвы. Его работы о месте битвы были опубликованы посмертно.

Сейчас, когда за школьной партой
 «Майн Кампф» зубрят ученики
 И наци пальцами по картам
 Россию делят на куски,
 Мы им напомним по порядку –
 Сначала грозный день, когда
 Семь вёрст ливонцы без оглядки
 Бежали прочь с Чудского льда.

Заканчивалась поэма о «Ледовом побоище» 1242 года строфой из «Интернационала» (который тогда был гимном СССР):

И если гром великий грянет
 Над сворой псов и палачей,
 Для нас всё так же солнце станет
 Сиять огнём своих лучей!

Поэма Симонова цитировалась в советских учебниках по истории и книгах для чтения, т.е. имела определенный резонанс и влияние.

В том же 1938 г. на экраны СССР вышел знаменитый фильм режиссера Сергея Эйзенштейна, который считался одним из лучших исторических фильмов советской эпохи, режиссер получил за него Сталинскую премию. В 1941 г. фильм с грандиозным успехом шел во всех кинотеатрах страны¹⁹. Кадры из него были использованы в пропагандистском фильме «Почему мы сражаемся. Битва за Россию» (США, 1943 г.). Как справедливо заметил В.А. Потресов, «необычайная популярность этой битвы («Ледового побоища» – А.Ф.) по сравнению с другими победами Александра Невского и других средневековых военачальников определялась, по крайней мере для старшего поколения советских людей, фильмом Сергея Эйзенштейна»²⁰.

Фильм задал восприятие битвы 1242 года в сознании советских людей как великой победы над немцами, спасшей страну от германского порабощения. В контексте Второй мировой войны это было более чем актуальным и востребованным. Поэтому с особым чувством был осознан парадокс: битва величайшая, слава русского оружия, а где она проходила – мы не знаем. До сих пор не знаем, в середине XX века, спустя 700 лет! Отсюда в послевоенные годы возник феномен экспедиции 1956–1962 гг. Г.Н. Караева – А.С. Потресова по поиску места битвы, экспедиции, являющейся уникальным событием в истории советской науки. В ней были объединены энтузиасты, ученые-гуманитарии и ученые-гидрологи, военные и гражданские, речники и авиаторы, школьники и местные деревенские старожилы. Все искали место Ледового побоища, которое к тому времени насчитывало около десятка научных локализаций по разным берегам Чудского озера. Считается, что экспедиция Караева–Потресова нашла Вороний камень и место

¹⁹ Кривошеев, Соколов 2012.

²⁰ Потресов, 2012. Тако в нас написано в летописцех... С. 13.

«Ледового побоища», хотя другие локализации предлагаются вновь и вновь. Во всяком случае, выводы экспедиции пока носят наиболее комплексный и аргументированный характер, и по широте и глубине обследования региона ее результаты не превзойдены до сих пор²¹.

Встал вопрос об увековечении памяти битвы, постановке памятника. Уже в 1963 г. Караев и Потресов обратились к властям с призывом создать памятник «Ледовому побоищу». 20 января 1966 г. в «Литературной газете» было опубликовано письмо писателя С.М. Голицына с таким же призывом. Обсуждался вариант с установкой двух памятников: на месте сражения и в Пскове²². 21 января 1967 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 58 о сооружении монумента государственного значения в память «Ледового побоища» 1242 г. на Чудском озере. Единого взгляда на то, каким должен быть памятник, не было. Инициатор проекта Караев предполагал, что «памятник... должен находиться на возвышении и быть достаточно высоким, чтобы господствовать над окружающей местностью... компоненты памятника могли быть такими: широкое и высокое основание может нести барельефы, изображающие момент битвы и торжественный въезд Александра Ярославича в Псков с пленными рыцарями. Над ним обелиск, колонна или иное высокое сооружение со скульптурой русского воина в полном вооружении того времени с лицом, обращенным на запад»²³.

В 1968 г. Министерство культуры СССР провело конкурс проектов памятника²⁴. 11 марта 1969 г. в Пскове состоялось обсуждение представленных проектов. На нем присутствовали члены Художественно-экспертного совета Минкульта, представители властей Пскова, работники Псковского музея, педагогического института, художники, архитекторы, представители творческой интеллигенции города. Заседание вел зам. председателя облисполкома П.С. Марковский. В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) хранится протокол собрания, отражающий настроения псковской интеллигенции в отношении памятника. Московское жюри, предварительно рассмотрев проекты, забраковало все варианты, кроме проекта московского скульптора И.И. Козловского и псковского архитектора П.С. Бутенко: «Единодушное одобрение получило это скульптурное решение... Памятник вызывает чувство уважения к значимости событий. Интересно решена пластическая задача и завершение памятника металлическими вертикалями»²⁵. Пско-

²¹ Ледовое побоище 1242 г. 1966.

²² Потресов Памятник Александру Невскому... 2012. С. 26-27.

²³ Цит. по: Потресов. Памятник Александру Невскому... 2012. С. 30.

²⁴ О нем см. газетные публикации: Шульгина 1969; Виноградов 1969; Лихачев 1969; Югов А. 1969; Миронов 1971.

²⁵ Протокол обсуждения проектов памятника «Ледовому побоищу», представленных на заказной конкурс, проведенный Министерством культуры СССР. 11.03.1969 г. // ГАПО). Ф. Р-64. Оп. 1. № 145. 16 л.

вичи же поддерживали проект В.П. Смирнова, вызвавший протест жюри: «По силуэту памятник ассоциируется с храмом или церковью. Стоит ли, имея в средние века 34 храма, ставить в XX тридцать пятый?». По мнению жюри, стилиевой характер предложения отличен от псковской архитектуры, монумент напоминает театральную декорацию, сцену к действиям с образом Александра Невского. В центре композиции – Георгий Победоносец, какое отношение он имеет к «Ледовому побоищу»?

Псковские деятели науки и культуры подвергли проект Козловского резкой критике: «одобренный советом проект Козловского традиционен, повторяет уже один раз сказанные формы» (Е.А. Маймин, зав. каф. русской литературы ПГПИ), «Испокон веков русские отмечали свои исторические события, воздвигая архитектурные памятники. Скульптура для русского древнего искусства не характерна. Памятник И. Козловского я считаю неудачным в силу его тривиальности. Эта композиция неоднократно встречалась нам на плакатах и сувенирах... Удачный проект группы Смирнова. Этот проект... современными формами выражает идею события... Там использованы традиции древнего зодчества, но это не храм. В этом проекте связаны XIII и XX века. В проекте Козловского скульптурное решение сочетается с архитектурными формами (закомары, шлемы), это как раз храм, но его вариант не встретил возражений у совета... тема прапоров лучше использована группой Смирнова. В их проекте отмечен Вороний камень» (С.И. Колотилова пред. Псковского обл. совета ВООПИК, зав. каф. русской истории ПГПИ); «Сейчас современные памятники не вызывают интереса у туристов, их интересуют памятники древней архитектуры, хотя архитектура и менее понятна, чем скульптура. Я хорошо знаком с местом для проектируемого памятника. Оно ответственное. Скульптуры там быть не может... Считаю проект Смирнова – Катаева лучшим» (Б.С. Скобельцын, псковский краевед и реставратор); «Проект Смирнова похож на парашютный десант, это ребус, который надо разгадывать, расшифровывать. Есть недостатки и у проекта Козловского. В проекте есть дружина, но нет народа. Победу в Ледовом побоище выиграл народ, а не дружина. Надо ввести при дальнейшей разработке проекта народ» (И.Н. Ларионов, самодеятельный художник, пенсионер); «Победа в Ледовой битве – тяжкая победа народа, она потребовала много жертв и сил. Мне представляется проект Козловского слишком изящным для выражения этой мысли. Проект Козловского эпигонский и эклектичный. Эти кони и доспехи уже были в других произведениях искусства, это уже всем приевшаяся стилизация. В образе памятника нет чувства, он создан в тиши московской мастерской... Скульптура велика, она подавит человека своими размерами... Предложение группы Смирнова вызывает радостное и светлое чувство... Это подлинный памятник XX века тринадцатому» (Е.И. Скобельцына, зав. худож. отделом Псковского музея). На вопрос, какие решения предшествовали проекту Козловского, Скобельцына ответила:

«Афиша интуриста, картины Корина, Васнецова, сувениры, кинокартины, барельеф на станции метро «Площадь Александра Невского».

Приведем еще ряд высказываний: «Я очень хорошо знаю место, на котором планируется памятник. Хорошо изучил его погодные условия. Там часто бывают ветры ураганной силы, даже смерчи. Поэтому купола, придуманные в проекте Смирнова, может снести. Мы должны ставить навеки, надолго. Знамена, запроектированные этим проектом, будут сломаны ледоходом. Проект Смирнова – смелое архитектурное решение, но он не русский по формам, а восточный, это памятник Бисмарку. Козловский предлагает памятник прочный, монументальный, будет стоять веками» (журналист, участник экспедиции по поиску места Ледового побоища А.С. Потресов); «Памятник Ледовому побоищу обязательно должен выражать идею победы... В первом проекте (Смирнова) я не вижу выражения идеи русской славы, в нем есть элементы модного формализма. Во втором проекте есть ясно выраженная идея, повтора же бояться не следует. Важно, что памятник будет понятен любому 14-летнему мальчишке...» (В.В. Хлебников инженер обл. отдела по делам архитектуры); «Невозможно найти лучшее место для памятника, оно единственно и неповторимо. Само это место, две единицы подхода воды и неба – элемент памятника. ...идея проекта должна быть бессмертной и титанической, она должна войти в души людей. Мне кажется, что проект группы Смирнова потенциален, его разработку надо продолжить. Скульптура Козловского неплохая, это традиционное решение, но, к сожалению, банальное. Эта вещь может стоять в разных местах, но она не может быть на льду Чудского озера, она может стоять в городе, в парке...» (С. Гейченко, директор Пушкинского музея-заповедника); «Проект Козловского сомнителен прежде всего по силуэту: издали он будет восприниматься как церковь с лошадиной головой. Стилистическое решение скульптуры относится к концу 19 века, когда моден был псевдорусский петушиный стиль. Нельзя идти в решении столь серьезной задачи по пути такой стилизации. Скульптура обречена на нравственное старение, она уже сейчас устарела» (Р.П. Погодин, писатель); «Архитектурное решение, предложенное Смирновым, это ребус, намек, который понять окончательно нельзя, проект красив, оригинален, но это театральная декорация. В скульптуре же Козловского все ясно, нет никаких намеков... Памятник Козловского не устаревает, это очень оригинальный памятник, очень торжественный, вызывает уважение своими большими размерами, это вещь, от которой хочется отойти и посмотреть. Проект Козловского не завершен, но содержание его ясно сразу. Он монолитен» (Г.А. Шульц, художник).

Дискуссия вышла и на страницы центральной прессы. 4 марта 1969 г. появилась статья А.А. Проханова, поддерживающая проект В.П. Смирнова: «Из озерной глади, как бы распарывая ее, взлетают ввысь белоснежные треугольные опоры, поддерживая на себе тонкие

металлические полусферы. И семь этих чаш словно колышутся, бьются одна о другую, громоздятся, летят – готовы распасться и не распадаются»²⁶. В пользу проекта высказался также знаменитый филолог Д.С. Лихачев: «...прямо из воды поднимутся простые белые пилоны... Между пилонами повиснут в воздухе яркие золотые шлемы: те самые шлемы, которыми псковичи венчали свои храмы». При этом Лихачев критиковал проект Козловского: «Нелепо выглядела бы конная статуя Александра Невского. Выросшая из водной поверхности озера среди тесного островка, невесть как туда попавшая и не ведающая, как оттуда выбраться». Академик критиковал направление движения коня на запад — там в СССР живут мирные эстонцы, зачем им угрожать?»²⁷

Против проекта Смирнова резко высказался писатель А. Югов: «Каждый может посмотреть и убедиться, что исполненный по заветам абстракционизма памятник русским богатырям будет представлять... огромные каменные зубья, словно бы уцелевшие от зданий после сильной бомбежки. Похоже и на гидротехническое сооружение, вроде бы на шлюзы. А в середине подвешены будут огромные позолоченные котлы, якобы шлемы». Против была и общественность: «...Я – народ, который должен понимать историю своего народа, и неужели будет сотворена такая глупость?... тут же в газете помещен снимок этого проекта, который в основном изображает свалку бетона XX века, и без инструкции к нему навряд ли народ поймет, что это такое! Применить абстрактное искусство к истории России 1242 года – ни с чем не вяжется, это равносильно тому, как Александра Невского посадить на танк» (А.И. Захаров, уроженец деревни Самолва)²⁸.

Проект Козловского – Бутенко, по определению В.А. Потресова, имел прямую переключку с образами псковской церковной архитектуры (мастерская Козловского была увешена фотографиями псковских храмов): «Образованная таким образом композиция – сомкнутое каре вокруг конной статуи князя, в известной степени символизировала внешний облик храма, заметьте, в советские годы! Впечатление усиливали верхние полукружия щитов воинов, особенно с левой стороны, напоминающие позакомарное покрытие апсид, шлемы воинов – главы храмов. Такие детали, как узкие прорезы в центре щитов, оформление кольчуг воинов орнаментом, использующим мотивы древнерусских бегунков и поребриков, придавали образу былинность старопсковского в честь битвы храма-памятника – завуалированное, но предпринятое в советские годы. Случай по-своему уникальный». Проект Козловского получил одобрение Всесоюзного художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре. Рабочие чертежи и сметы были согласо-

---

²⁶ Проханов 1969.

²⁷ Лихачев Д. С. 1969.

²⁸ Цит. по: Потресов. Памятник Александру Невскому... 2012. С. 34, 36.

ваны художественно-экспертным Советом Минкульта СССР и утверждены Псковским облисполкомом (решение от 11 марта 1975 г. № 98). Его первоначально планировали ставить на о. Сиговец (Вороний камень ушел под воду)²⁹. Однако работы стоили фантастическую по тем временам, для финансов СССР, сумму – 5 млн руб. Поэтому почти сразу стал фигурировать другой вариант – поставить памятник недалеко от Пскова, в устье р. Великой у дер. Писковичи. Пяти миллионов на памятник «Ледовому побоищу» у СССР не было – государство переложило нагрузку на невеликий местный, псковский бюджет³⁰.

Кроме дороговизны строительства, власть смущала опасность вандализма, надругательства над памятником со стороны местного населения. Еще в 1970 г. на Сиговце была поставлена фанерная модель-силуэт памятника в натуральную величину. Архитектор П.С. Бутенко вспоминал: «Уже были готовы макеты, формы (по первоначальному плану было решено делать композицию из декоративного бетона), оставалось на следующий год приехать да начать строительство... На месте будущего монумента мы оставили обыкновенный строительный вагончик, но когда весной с группой строителей приплыли на Сиговец, то поразились. Непрочный каркас временки был разворован полностью, а его стены – расстреляны из ружей. И когда я представил, как точно также какой-нибудь полупьяный охотник будет целиться в наш памятник, расстреливая ни в чем не повинную скульптуру, то предложил новое место – гору Соколиху»³¹.

В 1978 г. комиссией Минкультуры СССР и Совмина РСФСР было определено новое место постановки памятника, на горе Соколихе в излучине Великой. Идею поддержал Караев. В письме от 15 марта 1979 г. о переносе памятника из-за слабости грунта в районе битвы говорилось: «Разрешение этого вопроса ожидает псковская общественность, ожидаем мы, участники семилетней экспедиции АН СССР (их было несколько сот человек ученых и учащейся молодежи) и местное колхозное крестьянство, которое всячески содействовало нам на всем протяжении работы экспедиции»³². 23 декабря 1981 г. это место утвердили председатель

---

²⁹ Письмо авторов проекта монумента И.И. Козловского и П.С. Бутенко в Псковский обком КПСС и Псковский облисполком о пересмотре места установки памятника. 08.06.1978 // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 149. Л. 1. Псковский порт собирался наладить на остров регулярные перевозки туристов. – № 151. Л. 1.

³⁰ Письмо авторов проекта монумента И.И. Козловского и П.С. Бутенко... 08.06.1978 // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 149. Л. 1. В 1976 г. Козловский изготовил модель памятника в размер сооружения, ее перевезли в Псков, но случился пожар (ходили слухи о сознательном поджоге со стороны «соперничающей группировки архитекторов»), причинивший необратимый ущерб фрагментам памятника. – Преслов Памятник Александру Невскому... 2012. С. 42.

³¹ Моисеенко 1993.

³² Документы по вопросу о переносе места установки памятника «Ледовое побоище». 15.03.1979 – 23.2. 1981 // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 152. Л. 1.

Совмина РСФСР М.С. Соломенцев и министр культуры П.Н. Демичев³³. Свою роль здесь сыграло ходатайство Псковского обкома КПСС и облисполкома, где было указано, что перенос памятника в створ устья Великой «исторически оправдан тем, что еще перед Ледовым побоищем воины под командованием Александра Невского освободили Псков от ливонских захватчиков, что здесь псковичи встречали победителей после окончательного разгрома «псов-рыцарей», своих избавителей от грозившего... городу, его округе полного разорения, и не только, а и от смертельной угрозы для русской культуры, свободы и независимости земли русской». Место удачное: «высокий естественный холм, створ устья реки Великой, Псковское озеро и монумент все это выглядит весьма масштабно, впечатляюще, глубоко эмоционально раскроет идею великого исторического события». При этом составители ходатайства делали внезапный поворот к событиям февраля 1918 г.: ««Все это говорит о том, что как зарождение Красной Армии, первые отряды которой остановили интервентов недалеко от Пскова, увековечено величественным монументом в городе, так и «Ледовое побоище» в предместьях Пскова не пойдет вразрез с исторической правдой»³⁴.

В 1985 г. депутат Верховного Совета СССР И.С. Густов своими обращениями к властям помог ускорить решение вопроса о постановке памятника. Он писал: «Сегодня, когда угроза войны обретает слишком явные очертания, как никогда, вопрос воспитания патриотизма становится одной из основных задач идеологической работы. Именно этим целям служит в первую очередь монумент “Ледовое побоище”. Не случайно в годы Великой Отечественной войны был учрежден орден Александра Невского. В 1992 г. исполнится три четверти тысячелетия свято чтимой народом победы над немецкими рыцарями-крестоносцами»³⁵.

В ноябре 1985 г. Госплан РСФСР вместе с Минкультом и Минфин РСФСР рассмотрели просьбу Псковского облисполкома о постановке памятника и поддержали ее. 15 июня 1987 г. Совет Министров РСФСР разрешил Псковскому облисполкому потратить 1870 тыс. руб. за счет доходов, полученных при исполнении бюджета области³⁶.

Работы шли медленно, в 1987 г. было проведено повторное общественное обсуждение проекта памятника, прошедшее на удивление вя-

---

³³ Письма И.С. Густова, депутата Верховного Совета СССР, первому секретарю обкома КПСС А.М. Рыбакову о возобновлении сооружения монумента. 05.02.1985 // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 154. Л. 2.

³⁴ Ходатайство Обкома КПСС и облисполкома о переносе места сооружения монумента в память о победе русских воинов в 1242 г. («Ледовое побоище») от 18 июня 1981 г. // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 80. Л. 1-3.

³⁵ Письма И.С. Густова, депутата Верховного Совета СССР... 05.02.1985 // ГАПО. Ф. Р-64. Оп. 1. № 154. Л. 2.

³⁶ Документы по изготовлению модели памятника и его сооружению на горе Соколикх вблизи г. Пскова. 13.03.1987-май 1988 гг. // ГАПО. Ф.Р-64. Оп.1. №156. 8 л.

ло. Памятник на Соколихе открыли только в 1993 г., в рамках празднования 1090-летия первого упоминания Пскова в летописи, памяти равноапостольной княгини Ольги – великой княгини Российской, 49-й годовщины освобождения Пскова от немецко-фашистских захватчиков. На первый план в праздничных мероприятиях вышел образ Пскова как города-воина, воплощенного в образах Ледового побоища, князя Довмонта, борьбы со Стефаном Баторием, Густавом Адольфом и событиях Великой Отечественной войны. 23 июля состоялось открытие памятника с участием премьер-министра РФ В.С. Черномырдина, который разрезал ленточку³⁷, и с театрализованной постановкой: на поле выехал с дружиной Александр Невский, сказал речь – и после нее десантники Псковской дивизии ВДВ устроили показательный демонстрационный бой с пиротехникой, бронетехникой, артиллерией, пулеметами и т.д. В речах при открытии памятника звучали мотивы актуальности Ледового побоища в наши дни: не отдадим эстонцам Печорский и Пыталовский районы Псковской области (территории, в прошлом населенные народом сету и являющиеся спорными между Россией и Эстонией)³⁸.

В почитании места Ледового побоища в начале XXI в. очень невелика роль государства и масштабна деятельность патриотической общественности и энтузиастов. Само место битвы не осталось без памятника: 29 марта 1992 г. в Кобыльем Городище (населенный пункт, расположенный наиболее близко к месту битвы по версии Караева–Потресова) был открыт памятник – бюст Александра Невского (скульптор В.Г. Козенюк), очень схожий с монументом на месте Невской битвы. Также в Кобыльем Городище 29 марта 1992 г. был установлен деревянный памятный крест, который обветшал и в 2006 г. был заменен на бронзовый, отлитый по образцу знаменитого новгородского Алексеевского креста. Он был сделан по проекту А.А. Селезнева и отлит в Санкт-Петербурге на средства меценатов Группы «Балтийские стали» (А.В. Остапенко). В 2007 г. в Кобыльем Городище по благословению Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия была основана часовня-маяк Святого Александра Невского, однако ее строительство вызвало противодействие местной власти и было остановлено.

18 апреля 2012 г. в д. Самолва энтузиастами во главе с В.А. Потресовым (сыном А.С. Потресова), был открыт музей, посвященный экспедиции Караева–Потресова. С 1997 г. проходит ежегодная культурно-просветительская рейд-экспедиция по Северо-Западу РФ «для привлечения внимания общественности к истории России, подвигу Александра Невского на поприще политики, дипломатии и военного дела». Пробег стартует на площади Александра Невского в Санкт-Петербурге и движется по маршруту: Санкт-Петербург – Копорье – Ивангород – Сланцы

³⁷ Вознесся памятник 1993; Степанов 1993.

³⁸ Тиханов 1993.

– Спицино – Кобылье Городище – Псков – Выбуты – Изборск – Печерский монастырь – Пушкинские горы – Святогородский монастырь – Михайловское – Порхов – Великий Новгород – Старая Ладога – Усть-Ижора (место Невской битвы под Петербургом)³⁹. Он охватывает основные мемориальные точки средневекового Северо-Запада Руси, хотя энтузиасты уделяют внимание и воинским захоронениям Великой Отечественной, т.е. налицо опять связь событий, протягиваемая через века. В д. Самолва регулярно проходят реконструкции средневекового сражения, собирающие сотни реконструкторов из России и других стран.

День Ледового побоища является днем воинской славы России, памятным днем федерального значения. Он отмечается 18 апреля (Федеральный закон № 32-Ф от 13 марта 1995 г.).

Выводы:

1. Примеры битв Александра Невского в русской истории демонстрируют, что в национальном сознании почитание и память о сражении не обязательно связаны с реальным местом сражения.

2. Нарративы, учебники, изображения, кинематограф играют куда большую роль, чем «память места». Ее может вообще не быть, памятники могут стоять в другом месте.

3. История сражения, существующая в интеллектуальном и культурном пространстве XIX–XXI вв., для нации гораздо реалистичнее, чем подлинная средневековая история сражения, которая часто малоизучена, забыта, реконструируется с трудом.

4. Почитание битв прошлого как судьбоносных событий национальной истории – явление нового времени. В средневековье память о них была связана большей частью со святыми – участниками сражений, или династическими предками правящего царского рода.

5. Превращение этих событий в символы национальной памяти, «мобилизация средневековья» для идеологических нужд – целиком явление нового времени. Оно никак не зависит от сохранения реальной памяти о них в средние века – в национальном сознании сражения были как бы заново созданы в крупных исторических нарративах нового времени (применительно к России речь идет прежде всего об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина).

6. В формировании почитания битв присутствуют две тенденции. Одна – активное участие Российского государства, политических властей в формировании культа памяти о сражении. Без их воли и поддержки невозможен культ такого масштаба.

7. Однако практически всегда находились энтузиасты, представители общества, которые бескорыстно служили памяти о сражениях, формировали ее, хранили в собственных музеях и т.д. Без опоры на

---

³⁹ Группа Деревня Самолва-Кобылье Городище... заповедник (Невский Курган) // <https://vk.com/club16979439>

этих представителей общества у властей не получилось бы навязать нации культ этих битв. Он находил горячий отклик в обществе, прежде всего из-за военной и патриотической направленности.

8. Подъем культа этих битв был связан с интенсификацией процесса нацистроительства (в Российской империи – после Отечественной войны 1812 г. и во второй половине XIX в.; в СССР – после Великой Отечественной войны и в начале 2000-х гг., в «эпоху Путина»). Современное активное оформление культа трех битв указывает на активизацию процессов развития русского национального проекта в наши дни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр Невский. Государь, дипломат, воин: коллективная монография / Отв. ред. А.В. Торкунов, науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М.: Р. Валент, 2010. 536 с.
- Ангарский М.С. К вопросу о поисках места Ледового побоища // Военно-исторический журнал. 1960. № 6. С. 110-118.
- Бегунов Ю.К. Александр Невский и современность // Князь Александр Невский / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 42-48.
- Бунин А. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера // Труды X археологического съезда в Риге. М.: Синодальная типография, 1899. Т. 1. С. 214-219.
- Виноградов И. Русским воинам // Правда. 1969. 15 марта.
- Вознесия памятник над Псковом // Псков. 1993. 16 июля.
- Гусарова Е.В. В память сего Ижерского места... // Ленинградская панорама. 1988. № 10-11.
- Данилевский И.Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28-40.
- Караев Г.Н. Новые данные, разъясняющие указания о месте Ледового побоища // Труды отдела древнерусской литературы. 1958. Т. 14. С. 154-158.
- Караев Г.Н. Новые данные о месте Ледового побоища // История СССР. 1963. № 6. С. 110-118.
- Караев Г.Н., Потресов А.С. Загадка Чудского озера. М.: Молодая гвардия, 1966. 258 с.
- Кирпичников А.Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26-28.09.1995. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 1996. С. 29-41.
- Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 214 с.
- Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012. 368 с.
- Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. 240 с.
- Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Ледовое побоище 1242 г.: историки и исследования // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 3-10.
- Ледовое побоище 1242 г. Труды экспедиции. М.; Л., Наука, 1966. 252 с.
- Лихачев Д.С. Богатырям Александра Невского // Литературная газета. 1969. 2 апреля.
- Мавродин В.В. Ледовое побоище. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. 16 с.
- Миронов С. На месте Ледового побоища // Труд. 1971. 15 января.
- Михайлов А.А. Образ Александра Невского в научно-популярной и агитационной литературе Великой Отечественной войны // Святой благоверный князь Александр невский – защитник Земли Русской и веры православной. Псков: ПГУ, 2015. С. 71-76.
- Моисеенко Ю. Рекорд для книги Гиннеса. 26 лет ждал архитектор воплощения своего замысла // Новости Пскова. 1993. 16 июля.
- Пацлар Е.К. Где произошло Ледовое побоище? // Историч. записки. 1951. Т. 37. С. 304-316.
- Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М.: Госполитиздат, 1956. 280 с.

- Потресов В.А. Ледовое побоище. Новый взгляд на события войны 1240–1242 годов как задачу исследования операций. М.; Самолва: Пальмир, 2015. 64 с.
- Потресов В.А. Тако в нас написано в летописцах... // Потресов В. А. Тако в нас написано в летописцах... Псковский край: очерки, портреты, дневники. Великие Луки: Издательство Сергея Маркелова, 2012. С. 11-20.
- Потресов В.А. Памятник Александру Невскому на горе Соколик: драматическая судьба монумента в документах, или дискуссия на тему: «Куда же смотреть коню»? // Потресов В.А. Тако в нас написано в летописцах... С. 25-48.
- Проханов А. Память Чудского озера. О традициях и поисках современных монументалистов // Комсомольская правда. 1969. 4 марта.
- Роль Александра Невского в современном мире: материалы IV Международных Александро-Невских чтений, 10-11 июня 2013 г. Псков: Издание псковского храма Александра Невского, 2013. 171 с.
- Соколов Р.А. «Александр. Невская битва» (режиссер Игорь Каленов, «Никола-фильм», 2008). Комментарий-послесловие к фильму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. № 3. С. 177-189.
- Соколов Р.А. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти. Автореферат дисс... д.и.н. СПб.: СПбГУ, 2014. 42 с.
- Сорокин П.Е. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, Б. и., 1993. 45 с.
- Степанов Ю. День первый. Псков: три дня торжеств // Псковская правда. 1993. 28 июля.
- Степанов Ю. Книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. редакторы Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
- Тиханов А. День второй // Псковская правда. 1993. 28 июля.
- Тихомиров М.Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII-XV вв. М.: ОГИЗ Политиздат, 1941. 68 с.
- Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия Академии наук СССР. Серия философия. 1950. Т. 7. № 1. С. 88-91.
- Трусман Б.Ю. О месте Ледового побоища в 1242 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Январь. С. 44-46.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
- Филошкин А.И. Герменевтика образа Александра Невского в русской книжности XV–XVI вв. // Исторические ориентиры российской государственности. Александр Невский: мат-лы общественно-научной конференции. М.: Р. Валент, 2008. С. 132-147.
- Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М.: НЛЮ, 2007. 592 с.
- Шульгина Т. «На том стоит земля русская» // Советская культура. 1969. 6 февраля.
- Югов А. Куда же смотреть коню // Советская Россия. 1969. 4 апреля.
- Ямпольская Е. Бронзовый Сталин // Известия. 2008. 29 декабря.
- Baiter L. Alexander Nevsky // Film Culture. 1983. № 70/71. P. 43-87.
- Begunov Ju. Aleksandr Nevskij im kunstlerischen und geschichtlichen Bewusstsein Russlands bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts // Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert / Hg. H. Grasshoff. Berlin: Akademie-Verlag, 1986. S. 81-125.
- Holden J. Alexander Nevsky // Prairie Schooner. 1996. Vol. 70. No. 1. P. 60-64.
- Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 p.
- Mäki-Petäys M. Warrior and Saint: The Changing Image of Alexander Nevsky as an Aspect of Russian Imperial Identity // Imperial and National Identities in Pre-revolutionary. Soviet, and Post-Soviet Russia / Ed. Ch. J. Chulos, J. Reny. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. P. 45-69.

REFERENCES

- Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn: kollektivnaia monografiia / Otv. red. A.V. Torkunov, nauch. red. O.F. Kudriavtsev. M.: R. Valent, 2010. 536 s.
- Angarskii M.S. K voprosu o poiskakh mesta Ledovogo poboishcha // Voенно-istoricheskii zhurnal. 1960. № 6. S. 110-118.
- Baiter L. Alexander Nevsky // Film Culture. 1983. № 70/71. P. 43-87.
- Begunov Iu.K. Aleksandr Nevskii i sovremennost' // Kniaz' Aleksandr Nevskii / Red. Iu.K. Begunov, A.N. Kirpichnikov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1995. S. 42-48.

- Begunov Ju. Aleksandr Nevskij im kunstlerischen und geschichtlichen Bewusstsein Russlands bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts // *Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert* / Hg. H. Grasshoff. Berlin: Akademie-Verlag, 1986. S. 81-125.
- Bunin A. O meste bitvy russkikh s nemtsami, byvshei 5 aprelia 1242 goda na l'du Chudskogo ozera // *Trudy X arkhelogicheskogo s'ezda v Rige*. M.: Sinodal'naiia tipografiiia, 1899. T. 1. S. 214-219.
- Danilevskii I.N. Ledovoe poboishche: smena obraza // *Otechestvennye zapiski*. 2004. № 5. S. 28-40.
- Fennel Dzh. Krizis srednevekovoi Rusi. 1200-1304. M.: Progress, 1989. 296 s.
- Filiushkin A.I. Germenevtika obraza Aleksandra Nevskogo v russkoi knizhnosti XV–XVI vv. // *Istoricheskie orientiry rossiiskoi gosudarstvennosti*. Aleksandr Nevskii: materialy obshchestvenno-nauchnoi konferentsii. M.: R. Valent, 2008. S. 132-147.
- Gusarova E.V. V pamiat' sego Izherskogo mesta... // *Leningradskaiia panorama*. 1988. № 10-11.
- Holden J. Alexander Nevsky // *Prairie Schooner*. 1996. Vol. 70. No. 1. P. 60-64.
- Iampol'skaia E. Bronzovyi Stalin // *Izvestiia*. 2008. 29 dekabria.
- Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 p.
- Iugov A. Kuda zhe smotret' koniu // *Sovetskaia Rossiia*. 1969. 4 aprelia.
- Karaev G.N. Novee dannye, raz'iasniaiushchie ukazaniia o meste Ledovogo poboishcha // *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. 1958. T. 14. S. 154-158.
- Karaev G.N. Novee dannye o meste Ledovogo poboishcha // *Istoriia SSSR*. 1963. № 6. S. 110-118.
- Karaev G.N., Potresov A.S. Zagadka Chudskogo ozera. M.: Molodaia gvardiia, 1966. 258 s.
- Kirpichnikov A. N. Dve velikikh bitvy Aleksandra Nevskogo // *Aleksandr Nevskii i istoriia Rossii*. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii 26-28.09.1995. Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik, 1996. S. 29-41.
- Kniaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha / Red Iu.K. Begunov, A.N. Kirpichnikov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1995. 214 s.
- Krivosheev Iu.V., Sokolov R.A. «Aleksandr Nevskii»: sozdanie kinoshedevra. Istoricheskoe issledovanie. SPb.: Liki Rossii, 2012. 368 s.
- Krivosheev Iu.V., Sokolov R.A. Aleksandr Nevskii: epokha i pamiat'. Istoricheskie ocherki. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2009. 240 s.
- Krivosheev Iu.V., Sokolov R.A. Ledovoe poboishche 1242 g.: istoriki i issledovaniia // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. C. 3-10.
- Ledovoe poboishche 1242 g. *Trudy ekspeditsii*. M.; L., Nauka, 1966. 252 s.
- Likhachev D.S. Bogatyriam Aleksandra Nevskogo // *Literaturnaia gazeta*. 1969. 2 aprelia.
- Mäki-Petäys M. Warrior and Saint: The Changing Image of Alexander Nevsky as an Aspect of Russian Imperial Identity // *Imperial and National Identities in Pre-revolutionary, Soviet, and Post-Soviet Russia* / Ed. Ch.J. Chulos, J.Reny. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. P. 45-69.
- Mavrodin V.V. Ledovoe poboishche. M.: OGIZ Gospolitizdat, 1941. 16 s.
- Mikhailov A.A. Obraz Aleksandra Nevskogo v nauchno-populiarnoi i agitatsionnoi literature Velikoi Otechestvennoi voiny // *Sviatoi blagovernnyi kniaz' Aleksandr nevskii – zashchitnik Zemli Russkoi i very pravoslavnoi*. Pskov:PGU, 2015. S. 71-76.
- Mironov S. Na meste Ledovogo poboishcha // *Trud*. 1971. 15 ianvaria.
- Moiseenko Iu. Rekord dlia knigi Ginnesa. 26 let zhdal arkhitekter voploshcheniia svoego zamysla // *Novosti Pskova*. 1993. 16 iulia.
- Paklar E.K. Gde proizoshlo Ledovoe poboishche? // *Istoricheskie zapiski*. 1951. T. 37. S. 304-316.
- Pashuto V.T. Geroicheskaiia bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'. XIII vek. M.: Gospolitizdat, 1956. 280 s.
- Potresov V.A. Ledovoe poboishche. Novyi vzgliad na sobytiia voiny 1240–1242 godov kak zadachu issledovaniia operatsii. M.; Samolva: Pal'mir, 2015. 64 s.
- Potresov V. A. Tako v nas napisano v letopistsekh... // Potresov V. A. Tako v nas napisano v letopistsekh... Pskovskii kraj: ocherki, portrety, dnevniki. Velikie Luki: Izdatel'stvo Sergeia Markelova, 2012. S. 11-20.
- Potresov V.A. Pamiatnik Aleksandru Nevskomu na gore Sokolikha: dramaticheskaiia sud'ba monumenta v dokumentakh, ili diskussii na temu: «Kuda zhe smotret' koniu»? // Potresov V.A. Tako v nas napisano v letopistsekh... S. 25-48.

- Prokhanov A. Pamiat' Chudskogo ozera. O traditsiakh i poiskakh sovremennykh monumentalistov // Komsomol'skaia pravda. 1969. 4 marta.
- Rol' Aleksandra Nevskogo v sovremennom mire : materialy IV Mezhdunarodnykh Aleksandro-Nevskikh chtenii, 10-11 iunია 2013 g. Pskov: Izdanie pskovskogo khrama Aleksandra Nevskogo, 2013. 171 s.
- Shenk B. Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati. M.: NLO, 2007. 592 s.
- Shul'gina T. «Na tom stoit zemlia russkaia» // Sovetskaia kul'tura. 1969. 6 fevralia.
- Sokolov R.A. «Aleksandr Nevskaia bitva» (rezhisser Igor' Kalenov, «Nikola-fil'm», 2008). Kommentarii-posleslovie k fil'mu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2. Istoriia. 2009. № 3. S. 177-189.
- Sokolov R.A. Aleksandr Nevskii v otechestvennoi kul'ture i istoricheskoi pamiati. Avtoreferat dissertatsii .... Doktora istoricheskikh nauk. SPb.: SPbGU, 2014. 42 s.
- Sorokin P.E. Stranitsy istorii Izhorskoi zemli. Ust'-Izhora, B. i., 1993. 45 s.
- Stepanov Iu. Den' pervyi. Pskov: tri dnia torzhestv // Pskovskaia pravda. 1993. 28 iulia.
- Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam / Otv. redaktory N.N. Pokrovskii, G.D. Lenkhoff. T. 1. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. 598 s.
- Tikhanov A. Den' vtoroi // Pskovskaia pravda. 1993. 28 iulia.
- Tikhomirov M.N. Bor'ba russkogo naroda s nemetskimi interventami v XII–XV vv. M.: OGIZ Politizdat, 1941. 68 s.
- Tikhomirov M.N. O meste Ledovogo poboishcha // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seria filosofii. 1950. T. 7. № 1. S. 88-91.
- Trusman B.Iu. O meste Ledovogo poboishcha v 1242 g. // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1884. Ianvar'. S. 44-46.
- Vinogradov I. Russkim voenam // Pravda. 1969. 15 marta.
- Voznessia pamiatnik nad Pskovom // Pskov. 1993. 16 iulia.

Филушкин Александр Ильич, доктор исторических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; a.filushkin@spbu.ru

Place of memory or memory of the place? Two battles of Alexander Nevsky in historical memory

Two famous battles of Alexander Nevsky were the Battle of the Neva in 1240 and the Battle on the Ice in 1242. They have a cult status in Russian history. But the battlefields had long been forgotten, and the place of Battle on the Ice is still unknown. There is a certain paradox: the memory of battles for a long time was in books, ecclesiastical texts. It was verbal, it had its visualization in the works of art, etc. But the battlefields themselves as a memory object are less important than the virtual veneration. This paradox is extremely interesting for understanding of the mechanism of formation of national historical memory. It turns out that the physical existence of the memory of the object plays a minor role, even for such seemingly obvious and important facilities like Battle of the Neva or the Battle of the Ice. The narratives, books, paintings, movies play a far greater role than the "memory space". It may not be monuments can be elsewhere. The story of the battle that has existed in the intellectual and cultural space of modern times, in the 19th and 21st centuries is much more real for the nation than a genuine medieval history of the battle. The conversion of these events in the national memory of the characters, "the mobilization of the Middle Ages" for ideological needs is a wholly modern phenomenon.

Keywords: Alexander Nevsky, Nevsky Battle, Battle on the Ice, historical memory, memorialization, Pskov

Filyushkin Alexander, Dr Sc. (History), Professor, St.-Petersburg State University, a.filushkin@spbu.ru

ИСТОРИЯ, ЛИЧНОСТЬ, БИОГРАФИЯ

Д. В. Долгушин

БИОГРАФИЯ КАК ИСКОМОЕ: СЛУЧАЙ Г. С. БАТЕНЬКОВА¹

В статье рассматриваются проблемы изучения биографии Г.С. Батенькова. Под биографией понимается концепция, структурирующая опыт на основе «авторегулятивных конструкций», «жизненных гештальтов». В роли таких «гештальтов» у Батенькова выступали то сентименталистский код «милого вместе», то код кантианской философии, то «наполеоновский» код, то романтический код «узника», то код поэтической теургии и пророческого учительства, но ни одна из этих биографических стратегий не стала для Батенькова окончательной. Развитие каждой прервалось сокрушительной внутренней катастрофой. В этом обстоятельстве, очевидно, и заключена разгадка «странности» личности Батенькова.

Ключевые слова: Г.С. Батеньков, биография, декабристы, русское кантианство, русский сентиментализм, русский романтизм, Елагины-Киреевские

«О Батенькове много писали, но тайна его судьбы до сих пор не разгадана»². Эти слова М.О. Гершензона, предварявшие публикацию писем Г.С. Батенькова в «Русских пропилеях» 1916 г., по большому счету справедливы и сегодня. Несмотря на огромный собранный фактический материал, «тайна судьбы» Батенькова остается не разгаданной и, имея несколько подробных жизнеописаний Батенькова, мы до сих пор не имеем его биографии. Любая биография есть «результат диалогического взаимодействия философского мировоззрения и жизненных обстоятельств»³, и если обстоятельства, прихотливо и неожиданно врывавшиеся в жизнь Батенькова, известны, то его мировоззрение до сих пор остается величиной неопределенной.

Было сделано две попытки артикулировать это мировоззрение и тем самым концептуализировать биографию Батенькова. Первая принадлежит советской историографии. В ней мировоззрение Батенькова было локализовано областью политических идей. Общественно-политические вопросы рассматривались как главные вопросы Батенькова, а его жизненный путь воспринимался *sub specie societatis*. Политическая программа Батенькова интерпретировалась по-разному: одни авторы настаивали, что он – умеренный конституционный монархист, а другие утверждали, что он – радикал. В любом случае Батеньков предстал

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Совместный конкурс научных проектов РГНФ-ИППО – грант № 15-64-01001. В основу статьи положен доклад, сделанный на VI Лотмановских днях «Biographia sub specie semioticae» в Таллинском университете (2014).

² Русские пропилеи... С. 20.

³ Живов 2005.

революционером, политическим деятелем, трагическим героем борьбы с самодержавием. Такая концептуализация биографии, вполне допустимая для некоторых декабристов, вступала в противоречие с фактами жизни Батенькова, и образовавшиеся противоречия приходилось сглаживать: религиозно-философские заметки Батенькова либо замалчивались, либо истолковывались как зашифрованное политическое послание, непродолжительные связи с деятелями Северного общества преувеличивались, его увлечения масонством и философией Шеллинга не отрицались, но и не акцентировались.

Попыток рассмотреть жизнь Батенькова *sub specie aeternitatis*, т.е. концептуализировать его биографию как биографию религиозно-философского мыслителя, немного. Первая из них принадлежит М.О. Гершензону, который в предисловии к публикации писем Батенькова и его заметок религиозно-философского характера, набросал яркий портрет Батенькова-мистика⁴. Этот портрет оказался стилизованным. Не особенно ссылаясь на конкретно-исторический контекст, Гершензон усвоил своему герою неоромантические черты, столь близкие мировоззрению самого Гершензона и мистическим увлечениям Серебряного века в целом. Центральным событием в жизни Батенькова он считал «духовное озарение», пережитое декабристом во время двадцатилетнего одиночного заключения, а главными текстами, сохранившими «тайны прозревшего духа», – его неопубликованные тюремные тетради. Частичная публикация этих тетрадей Б.Л. Модзалевским⁵, казалось бы, должна была дополнить эскиз Гершензона новыми красками, но этого не произошло: Модзалевский пришел к выводу, что в тетрадях запечатлелись не духовные озарения, а всего лишь психическая болезнь.

Дискуссия вокруг тюремных тетрадей и религиозно-философских взглядов Батенькова стала одной из постоянных тем посвященной ему литературы 1930–1980-х гг.⁶ В 1990–2010-х гг. вышли работы, в которых исследовались масонские связи Батенькова, его увлечение немецкой философией, проводилось сопоставление его религиозно-философских исканий с исканиями Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, появились исследования, ставившие цель целостной реконструкции его мировоззрения⁷. Однако, несмотря на это, биография Батенькова до сих пор остается чем-то искомым, а не найденным. Почему же столь насыщенная необычными событиями жизнь, явно дающая «право на биогра-

⁴ Русские пропилеи... С. 20–27.

⁵ Модзалевский 1918.

⁶ Чернов С. 1933. С. 60–69; Карцов 1965. С. 167–184; Снытко 1966. С. 295–296; Зверев 1975; Илюшин 1978. С. 14–17.

⁷ Анненкова 1989. С. 121–156 (глава «Г.С. Батеньков и Гоголь»); Канунова 1994. С. 62–64; Канунова, Айзикова 2001. С. 117–132 (глава «В.А. Жуковский и Г.С. Батеньков (к вопросу о религиозно-эстетических влияниях)»); Ведьмин 2002; Юшковский 2005; 2007; 2009; Зенкин 2012.

фию»⁸, не только не стала основой общепризнанного биографического мифа⁹, но даже не поддавалась специальным усилиям ее концептуализации? Причина этого – в особенностях мировосприятия Батенькова.

Прежде чем перейти к раскрытию этого тезиса, следует пояснить, что термин «биография» мы, вслед за Б.В. Дубиным, понимаем в двух смыслах: во-первых, как «схему упорядочивания собственного опыта, авторегулятивную конструкцию»; во-вторых, как воспроизведение данной схемы биографом в «акте биографирования, биографической реконструкции, «внешнего» понимания»¹⁰. Основа биографической схемы, или биографической (авто)концепции в обоих случаях сводится к «некоему жизненному гештальту или проекту»¹¹, «связывающему» воедино эмпирический материал жизни. Биография не является однородной последовательностью событий, скорее, она представляет собой совокупность неких экзистенциальных «всполохов», «мгновений». Акты автобиографирования и биографирования придают им континуальность, связывают мгновения воедино, артикулируют их, тем самым усваивая им структурность. Специфика ее в каждом конкретном случае и определяется особенностями конкретных биографических «гештальтов», в роли которых в первой половине XIX в. часто выступали «культурные коды эпохи»¹² – биографии великих людей, сюжеты литературных произведений, образы театра и изобразительного искусства.

Структурность биографии Батенькова трудно выявить именно потому, что мы не находим у него связной, «окончательной» автоконцепции. Это не значит, что он не пытался ее создать, напротив, в течение жизни он апробировал ряд биографических стратегий. Однако ни одна из них не осуществилась полностью, развитие каждой прервалось сокрушительной внутренней катастрофой. Характерно, что в своих итоговых, написанных в 68-летнем возрасте, мемуарах¹³, которые могли бы стать «наиболее совершенной экспликацией», «пониманием и истолкованием собственной жизни»¹⁴, Батеньков не предлагает никакой авто-

---

⁸ *Лотман* 1992. С. 365.

⁹ Отдельные ее события достигли этого статуса: героическое сражение под Монмиралем и пленение Батенькова французами; его сотрудничество со Сперанским и с Аракчеевым; участие в декабрьских событиях 1825 г.; двадцатилетнее одиночное заключение. Проблема состоит в том, что они не связаны сюжетностью воедино.

¹⁰ *Дубин* 2001. С. 99–100. Эти смыслы связаны друг с другом не только терминологически, но и генетически. Биография является и способом «самопонимания», и средством «самопредъявления» Поэтому автоконцепция, «предъявленная» историческим лицом (в избранных им моделях поведения или в автобиографии), может быть подхвачена биографом и стать основой биографической реконструкции.

¹¹ *Дубин* 2001. С. 104.

¹² *Лотман Ю.М. Литературная биография...* С. 371.

¹³ Специально о воспоминаниях Батенькова см.: *Чернов* 1933; *Дмитриева* 2006.

¹⁴ См.: *Голубович* 2008 (раздел 2.1 «Обоснование «наук о духе» у В. Дильтея. Специфика «Geisteswissenschaften» в контексте биографического подхода»).

концепции, не выступает ни в каком историческом амплуа, не использует никакого культурного кода. Вместо этого он занимается интроспекцией, скрупулёзным анализом особенностей своего мировосприятия – в самом прямом смысле этого слова: не мировоззрения, не особенностей характера или эмоционального склада, а именно восприятия мира в его пространственно-временных, субстанциальных и причинных связях. Итоговым вариантом биографизма для Батенькова оказывается попытка ответить не на вопрос: «кто я?», а на вопрос: «каков мир?», причем мир понимается им как выстраиваемая разумом реальность.

Возможно, самой адекватной исследовательской стратегией понимания Батенькова является стратегия, избранная В.Н. Топоровым: уяснить «до-мировоззренческие», «до-биографические», феноменологические особенности его мировосприятия. Топоров убедительно доказывает, что Батенькову свойственно воспринимать реальность сквозь призму пространственных впечатлений, причем (обратим на это особое внимание!) пространство влекло, но одновременно и пугало его: в пространстве для Батенькова «не изжиты элементы хаоса», «ритмы этого пространства – хтонические»¹⁵. Ощущение угрожающей силы хаоса, готового поглотить мир, сказывалось даже в литературном стиле Батенькова, который, когда Батеньков пишет на религиозно-философские темы поражает своей архаичностью и нарочитой неуклюжестью¹⁶. Кажется, что он борется с косноязычием – не своим, а с косноязычием мира. Мир косноязычен – это значит, мир не словесен, мир – не от космоса, а от хаоса, причем хаос для Батенькова – не условно-романтический литературный топос, а страшная и мучительная реальность. В этом отличие его дихотомии космоса и хаоса от аналогичной дихотомии у Ф.И. Тютчева. У Тютчева хаос и космос примиряются силой поэзии: поэтическое слово соединяет их в гармонию «отрешенной стройности ритма»¹⁷ стихотворной речи. У Батенькова же хаос рассыпает речь, и сила хаоса не умеряется поэтическим утешением. Однако, ощущая грозную мощь хаоса, Батеньков был не согласен капитулировать перед ним и признать хаос онтологически изначальным состоянием мира. И в этом его отличие от

¹⁵ См.: Топоров 1995. М.И. Шапир, поставивший под сомнение подлинность части опубликованных А.А. Илюшиным стихов Батенькова, опасался за обоснованность выводов Топорова, в силу того, что они, возможно, отчасти базируются на мистифицированных текстах (*Иланур* 1997. С. 97–98). Но рассуждения Топорова вполне согласуются и с теми текстами Батенькова, достоверность которых не может быть оспорена, – с автобиографической, эпистолярной и философской прозой. Мы будем опираться, в основном, именно на эти прозаические тексты.

¹⁶ Ср. замечание С.Н. Чернова: «что касается языка его автобиографии, то он, как и вся его манера выражения, лишь с очень большим трудом поддается пониманию: то же самое встречается и в некоторых других его писаниях – чаще там, где он ведет глубокий, преимущественно психологический анализ» (*Чернов* 1933. С. 82).

¹⁷ *Аверинцев* 2005. С. 410.

Л. Шестова¹⁸. Для Шестова мир абсурден, и эту абсурдность должно честно и мужественно принять, а покушение сделать мир «логичным» есть не что иное, как трусливая попытка самообмана, попытка укрыться от трагизма мира в уютном мирке своего мировоззрения, постыдное и малодушное бегство, потому что абсурд мира непреодолим. Для Батенькова мир потенциально хаотичен, но этот хаос принять нельзя, с ним нужно бороться. Хаос страшен, жуток, но его можно и должно структурировать, из него можно пытаться сделать космос, т.е., в соответствии с этимологическим смыслом слова, нечто устроенное и в своей стройности прекрасное. Выстраивание биографии ощущалось именно как «устройство», «упорядочивание» жизни, преодоление темной силы хаоса, угрожающей ей. Но в определенный момент хаос прорывался – тогда Батенькова охватывал панический ужас, и уже выстроенная жизненностроительная стратегия распадалась, оформленный биографический космос рассыпался. Это была точка дискретности, точка бифуркации. В жизни Батенькова периоды поступательного развития биографических стратегий перемежались с катастрофическими разрывами. Всякий раз переживания таких разрывов надолго запоминались и потому находили отражение в текстах – мемуарных, эпистолярных, философских.

Первый раз чувство панического испуга перед хаотической неупорядоченностью мира Батенькову довелось испытать в детстве. Из-за слабого здоровья в младенчестве он не покидал дома: «меня не выпускали из горницы, и никакой широты я не видал» (т. 2, с. 93)¹⁹. Внешний мир ребенок наблюдал лишь в окно, и тот казался ему организованным планометрически, причем плоскостью планометрической проекции, конечным пределом мира выступала тобольская Кремлевская горка: «весь круг знания ограничивался дальнею горою, на которой, как в волшебном фонаре, мелькали по временам маленькие человечки и веселили меня» (т. 2, с. 92). Первый выход в город привел Батенькова к потрясшему его открытию: оказалось, что кроме длины и высоты у мира есть еще и глубина, а Кремлевская горка вовсе не является концом мироздания, за ней еще много пространства. Столь радикальная хаотизация привычной картины мира привела мальчика в полное смятение²⁰: «когда взяли меня гулять по улицам города, чувство пространства так на меня подействовало, что я испугался: прижался к

---

¹⁸ Гершензон любил сравнивать с ним Батенькова, считая, что он «употреблял даже слова, точно заимствованные из книг Шестова». – Русские пропилеи. С. 24.

¹⁹ Тексты Батенькова здесь и далее цитируются (с указанием тома и номера страницы) по наиболее полному их изданию: *Батеньков* 1989; 2016.

²⁰ По тонкому наблюдению С.Н. Чернова, возможно, что рассказ об «обстоятельствах своего духовного и физического развития в раннем детстве» Батеньков строил «по образцу некоторых своих поздних, повторных процессов развития» (*Чернов* 1933 С. 84), имевших место, когда по выходе из тюрьмы декабрист заново учился жить с людьми. Но это не отменяет реальности его детских переживаний.

отцу и не смел внимательно смотреть на предметы, вновь мне во множестве представшие, едва не заплакал, ходил, почти не помня себя, и когда возвратился домой, рад был, как избавившийся от великой беды, как погибавший и спасшийся» (т. 2, с. 94). К такому же смятению привело Батенькова и обнаружение отсутствия границ времени. Он вспоминает, что в детстве его поразили слова из Символа веры «Его же Царствию не будет конца», и мысль о вечности, понятой как бесконечная временная длительность, преследовала его неотступно: «я понял смысл слов: *не будет конца*, обратив это на муки в аду, и уединился. Вспомню «не будет конца», забудусь и опять вспомню, ибо воспоминание продолжается одно мгновение. Мучился я подолгу, и мысль сделалась неотступной. Хотелось спастись, чего бы ни стоило, и, услышав о жизни св. Даниила Столпника, я рассудил, что это самое трудное и потому решительное средство. Вскарabalся, хотя и с боязнью, на один из заборных столбов в городе с намерением простоять на нем во всю жизнь. Через несколько минут закружилась у меня голова и напал такой страх, что я закричал во все горло» (т. 2, с. 100).

Освоение взбунтовавшихся пространства и времени, возвращение им границ, придание формы открывшемуся простору бесконечности давалось Батенькову нелегко: «целые годы провел я, – вспоминает он, – стараясь совместить в себе два первые начертания: *год и горизонт*, нечто сходное с математическими кругами» (т. 2, с. 93). Вероятно, отсюда и любовь Батенькова к математике, в которой пространство и время предстают упорядоченными, укрощенными, структурированными. В последующем Батеньков делает работу по оформлению пространства своей профессией: в 1816 г., несмотря на уговоры друзей, он оставляет военную службу и, сдав экзамены на звание инженера, поступает в Корпус инженеров путей сообщения. На этом поприще он дослужился до должности начальника 10 округа, построил набережную и мост через реку Ушайку в Томске, спроектировал набережную Ангары в Иркутске, сделал проект тракта вдоль Байкала. Затем последовала бурная административная деятельность в качестве сотрудника М.М. Сперанского (1819–1822), а затем А.А. Аракчеева (1823–1825), этих двух гениев упорядочивания и систематизации. Она тоже понималась Батеньковым как труд оформления, родственник математическому. Свою работу над документами он описывает в следующих терминах: «отделы, главы, параграфы так и толкали друг друга, стройно ложились в ряд, как будто в геометрической лекции. Пишешь, бывало, как стенограф, а весь в жару. Произведение выходит стройным» (т. 2, с. 98).

Вся эта сторона жизни осмыслялась Батеньковым с помощью понятийного аппарата кантовской философии, с которой он познакомился еще во время заграничных походов русской армии. Как ни странно, именно кантовскую терминологию, далекую от всякого экзистенциаль-

ного контекста, он использует для осмысления биографического пути²¹: «посему и избрал путь **априорический**, все вверх и вверх, и, отойдя далеко от действительности, принужден был обратиться к разумению **рассудочности, чувствованию, опыту**. Надолго лишенный **деятельности**, приобрел и к ней непреодолимую жажду и с получением свободы весь обратился на практику, занимался неутомимо хозяйством, приводил в движение данные семейной жизни до **произвольных забот, бескорыстно** имея в виду одни душевные присвоения и критериумом чисто нравственное начало» (т. 2, с. 102). Говоря о «пути априорическом», который привел его к «разумению рассудочности, чувствованию, опыту», Батеньков опирается на терминологию «Критики чистого разума» и «Прологомен ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Действительно, по мысли Канта, высказанной в этих книгах, знание состоит из априорных элементов (форм чувства и категорий рассудка) («**рассудочность**») и апостериорных элементов (данных органов чувств) («**чувствование**»²²). Соединившись друг с другом, априорные и апостериорные элементы, по Канту, формируют феноменальный мир («**опыт**»). Получается, Батеньков считает, что до освобождения его интересы были сосредоточены в сфере чистого разума (возможно, он имеет в виду свои занятия математикой²³, которую Кант трактовал как априорную науку, занимающуюся исследованием форм чувства, т.е. пространства (геометрия) и времени (алгебра)). После освобождения они сосредоточились в сфере практического разума – этим термином Кант в «Критике практического разума» называет нравственную способность, реализующуюся в этическом поведении («**деятельности**»), важнейшим атрибутом ее является **бескорыстие**. Когда Батеньков пишет о «**чисто нравственном начале**» как единственном «**критериуме**» «практики», он имеет в виду едва ли не нравственный императив Канта. Таким образом, кантовская философия становится у Батенькова биографическим «гештальтом».

Характерно и вполне кантианское название мемуаров Батенькова – «Данные. Повесть собственной жизни», и его пояснение, обращенное к читателю: «я – единственное ваше орудие для собрания данных и обращения с ними» (т. 2, с. 91). Фактически, под «я» он имеет в виду то, что

---

²¹ Полужирным шрифтом в приведенной ниже цитате нами выделены кантианские по происхождению термины.

²² Возможно также, что «**чувствование**» в словоупотреблении Батенькова соответствует формам чувства, а «**рассудочность**» – категориям рассудка.

²³ «В начале двадцатых годов Батеньков намеревался всецело посвятить себя математике, он собирался даже преподавать ее в высших учебных заведениях. Она была для Батенькова не только философией, но и поэзией: ей он посвятил стихи и, восхищаясь ее могуществом, в стихотворении «К математике» предсказывал, что она раздвинет горы, проложит дороги над реками и будет вести по морям «корабли над кораблями». (Снытко 1966. С. 300–301).

Кант называл трансцендентальным единством апперцепции, которое, основываясь на первоначальной апперцепции, т.е. на осознании субъектом тождества своего «я», обеспечивает синтез, определяет законы и строение феноменального мира. Безусловно, Кант не согласился бы с тем, что трансцендентальное единство апперцепции можно трактовать как акт воли, связанный с конкретной личностью, но у Батенькова получается именно так: его интересует, как в его, Батенькова, сознании выстраивается мир – мир «данных», который можно разрушить и пересоздать. Пред нами кантианство, хотя и вульгаризированное, но за счет вульгаризации приобретшее экзистенциальный характер.

Когда Батеньков стал использовать кантианский аппарат в качестве инструмента авторефлексии? С философией Канта он познакомился в молодости, возможно, благодаря своему близкому другу А.А. Елагину²⁴. Но экзистенциально заинтересованное, отношение к философии Канта сформировалось у Батенькова, очевидно, в период одиночного заключения. В ту сложную смесь мистической экзальтации, поэтического экстаза, политического мессианства и психической болезни, которая склудилась в душе Батенькова в рavelине Петропавловской крепости, в качестве одного из главных ингредиентов входила немецкая философия – причем не только в своем шеллингианском изводе, но и в виде своеобразно интерпретированного кантианства. Сам Батеньков, так подводил итоги пережитого в тюрьме: «я в самом деле сделался порядочным философом, и, к довершению бед, немецким» (т. 1, с. 224).

Религиозно-философские записки, написанные им незадолго до освобождения, в 1845 г., подтверждают эту самооценку. В них он часто пользуется кантианскими терминами (например, *a priori*, *a posteriori*)²⁵, рассуждает на кантианские темы (о субъективности времени и пространства), сопровождая эти рассуждения восклицанием: «Канта бы тут почитать!»²⁶. Характерно и то, что свои визионерские опыты «пересоздания мира», имевшие место в Алексеевском рavelине, по выходе из заключения Батеньков описывал в терминах, близких (если не тождественных) кантовским. Рассказ Батенькова об этом начинается со слов «я так воображал: сам я творю мир»²⁷. Как известно, Кант, понимал воображение не только как «способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании», но и как «способность а priori определять чувственность»²⁸. Кант считал продуктивное воображение связующим звеном между рассудком и чувственностью; именно благодаря

---

²⁴ По сообщению П.И. Бартенева, А.А. Елагин был «усердным почитателем Канта, которого “Критику чистого разума” он вывез с собою из заграничных походов». – Полное собрание сочинений И.В. Киреевского... Т. 1. 1911. С. 6.

²⁵ См.: *Зенкин*. 2012. С. 81.

²⁶ Цит по: *Зенкин*. 2012. С. 41.

²⁷ Русские пропилен. С. 40.

²⁸ *Кант* 1964. Т. 3. С. 204, 205.

воображению, полагал он, основоположения рассудка соединяются с данными чувств, формируя феноменальный мир. В логике этого рассуждения получается, что воображение – это, в некотором смысле, и в самом деле, творящая мир сила, однако действует она в своей трансцендентальной функции априорно, бессознательно и произвольно. Имагологические опыты Батенькова Кант отнес бы к сфере произвольной фантазии, порождаемой продуктивным воображением, но вне его трансцендентальной функции. Батеньков же относился к своим опытам серьезно и фантазией их не считал – в этом проявлялась та экзистенциальная вулгаризация кантианства, о которой мы уже вели речь выше.

Кроме кантовской философии Батеньков использовал и более распространенные среди его современников инструменты биографической авторефлексии. В их числе – сентименталистский код «милого вместе» – «малого круга» чувствительных сердец, противопоставленного остальному свету, «эмоционального приюта» (по терминологии У. Редди²⁹), в котором чувствительные души находят прибежище в пустыне «холодного» мира. Таковым был дружеский кружок, в котором участвовали Батеньков и Елагин во время заграничного похода 1813–1815 гг. Сведения об этом кружке, известном под названием «Великого кагала», скудны, характер его не до конца ясен. В.Г. Карцов считал, что «за термином “кагал” в данном случае скрывалась масонская группа, вероятно, находившаяся на степени ученической»³⁰. Вряд ли с этим можно согласиться. Скорее, «Великий кагал» был интеллектуальной, литературно-философской игрой. Жизнь кружка, проходившая в атмосфере шуточного, юмористического и даже театрализованного (т.е. ориентированного на зрителей³¹) общения, была лишена столь свойственного масонству пафоса серьезности. Масонская терминология (если считать таковой ветхозаветные термины: первосвященник, мытари, фарисеи, саддукеи, Книжник) использовалась в кружке, скорее, пародийно. Бывший в нем в ходу «галиматейный» язык состоял не из масонских символов и иносказаний, как считал В.Г. Карцов, а из терминов и понятий шеллингианства. «Великий кагал» напоминает другой «галиматейный» кружок – знаменитый «Арзамас», который, по словам Ф.Ф. Вигеля, «сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических союзов»³². Однако нельзя отрицать, что и «Великий Кагал», и «Арзамас», не будучи масонскими ложами, все же находились в поле влияния масонских традиций. Оба этих кружка были, хотя и шутивными, но «братствами», а идеал «братства», «дружества», «тесного

---

²⁹ См.: *Виницкий* 2012.

³⁰ *Карцов* 1965. С. 29.

³¹ «...целые переходы окружал нас конвой слушателей и целые корпуса со всеми их штабами называли нас галиматейными философами» (т. 1, с. 224–225).

³² *Арзамас*. С. 78.

союза понимающих друг друга душ»³³, был впервые на практике перенесен на русскую почву именно масонами – московскими розенкрейцерами круга Н.И. Новикова. Этот же идеал был присущ и сентиментализму. «Тихая, покойная жизнь, далекая от всякой сутолки, в кругу нежных друзей, при этом чистая совесть – вот что готовит человеку тайные радости»³⁴, – так выражает его Маттисон.

Именно идеал «милого вместе» становится основным жизнестроительным кодом для Батенькова, когда, уволившись с военной службы, он в 1816 г. поселяется в Сибири и на него снова накатывает приступ страха и отчаяния, подобный тому, который он испытывал в детстве. В письмах Батенькова этого времени все настойчивее звучит мотив тоски, одиночества, душевной муки. Интенсивность этого переживания далеко выходит за рамки обычной ностальгии по прошлому. Батеньков ощущает себя заброшенным в далекую сибирскую пустыню, забытым, отъединенным от всего мира, называет Сибирь «темницею, совершенным адом» (т. 1, с. 132). В письмах к Елагину все с большей тоской вспоминает он о своих армейских товарищах. В этих воспоминаниях «Великий кагал» предстает уже не как веселое сообщество беззаботных молодых офицеров, а как «малый круг» друзей. Их верность, искренность, доброта противопоставляются зависти, двуличности и взаимной вражде тех людей, с которыми Батенькову приходится сталкиваться на гражданской службе. «Не смею сравнивать, во сколько раз собор таких людей хуже нашего кагала, арифметика еще не изобрела числа, которое бы могло выразить сие содержание» (т. 1, с. 108), – пишет он.

Но «кагал» рассеян, из его участников постоянную связь удастся поддерживать лишь с А.А. Елагиным, и дружба Батенькова с ним в это время приобретает особые черты, начинает «далеко выходить из пределов обыкновенного товарищества» (т. 1, с. 157). Из писем Батенькова к Елагину почти исчезает трагедийная шутка, литературная игра, на их место приходит пафос исповедальности и чувствительности. Дружеские отношения с Елагиным открываются Батенькову в необыкновенной глубине, получают совершенно исключительный экзистенциальный смысл, воспринимаются как основная онтологическая сила, удерживающая мироздание от хаотизации и распада: «...основание дружбы моей с тобою, – пишет Батеньков Елагину, – непоколебимо, и пусть вселенная обратится опять в хаос, все не будет беспорядок совершенный, ибо мы нарушим его своим согласием» (т. 1, с. 109). Свою привязанность Батеньков распространяет и на супругу Елагина Авдотью Петровну: «Не уделяю я дружбы твоей *Дуняше*, но обймаю обоих вас, как одно существо, одного единственного утешителя, какой остается мне в истинно страдальческой жизни моей» (т. 1, с. 119), – пишет

³³ Зорин 2001. С. 284.

³⁴ Цит. по: Веселовский 1904. С. 38–39.

он своему другу, поздравляя его со свадьбой. Семья Елагиных представляется Батенькову тем «милым вместе», в котором только и может найти приют сердце. Перерывы в переписке с ними действуют на него мучительно, и после одного такого перерыва, произошедшего по вине Елагиных, он почти в отчаянии взывает: «Вы одни составляете всю связь мою с миром – не оставляйте меня. Пустынный мрак страшен, одиночество тягостно, злоба людей люта – не оставляйте меня. Вами я примирюсь с роком, вами ощущаю собственное бытие мое, изъязвленное страданиями; без вас я не чувствовал бы биения сердца и в тот же хлад, в каком и все окружающее меня, погрузился бы»; «...вы для меня есть то, без чего я перестану быть я» (т. 1, с. 129–130). В этом же письме Батеньков высказывает свою заветную, но, казалось, неисполнимую, мечту – присоединиться к «счастливому сонму» семейства Елагиных: «Ах, если б мог принадлежать когда и как-нибудь к этому счастливому сонму!», – мечтает он (т. 1, с. 133). Осуществления своей мечты Батеньков собирался достичь с помощью женитьбы на дочери А.П. Елагиной М.В. Киреевской, которой в 1825 г. исполнилось 15 лет. Арест помешал этому. Выйдя из заключения, Батеньков попытался возобновить сватовство, но к тому времени Мария Васильевна вела уже полумонашеский образ жизни, и предложение не было принято³⁵. Тем не менее, мечта декабриста в конце концов осуществилась: последние годы Батеньков доживал в семействе Елагиных на правах друга и был похоронен рядом с могилой А.А. Елагина в его имении Петрищево.

В 1821 г., когда Батеньков переехал из Сибири в Петербург, его внутреннее состояние изменилось. Активная деятельность под начальством Сперанского увлекла его, открывшиеся перспективы карьеры манили. В декабре 1824 г. он познакомился с директором Российско-Американской компании И.В. Прокофьевым, в доме которого жил К.Ф. Рылеев. Началось общение с членами Северного общества, закончившееся трагическими событиями 14 декабря и арестом.

«Факт участия Батенькова в событиях 1825 г., если и не вполне случайный, то уж во всяком случае необязательный в логике его жизненного пути»³⁶, – замечает В.Н. Топоров. Согласимся с ним: действительно, «необязательный», потому что с момента сближения с декабристами в жизни Батенькова началась реализация новой, никак логически не связанной с предыдущей, биографической стратегии, на этот раз определяемой наполеоновским кодом: «в январе 1825 года пришла мне в первый раз мысль, – вспоминал он, – что поелику революция в самом деле может быть полезна и весьма вероятна, то непременно мне должно в ней участвовать и быть лицом историческим»³⁷. Возмож-

³⁵ См. об этом: Долгушин 2008. С. 97.

³⁶ Топоров 1995. С. 449.

³⁷ Восстание декабристов. Т. XIV. С. 95.

ности для этого открывались немалые: в Северном обществе не было администраторов такого уровня, как Батеньков, поэтому он, наряду с Н.С. Мордвиновым и М.М. Сперанским, был избран заговорщиками во Временное правительство на должность правителя дел³⁸. В случае установления конституционной монархии Батеньков питал (уже втайне от своих новых знакомых) надежду стать регентом при малолетнем Александре Николаевиче, реализовав таким образом вполне наполеоновское восхождение к вершинам власти³⁹.

Этот биографический проект прекратился не сразу после ареста. На первых допросах Батеньков довольно твердо, умно и спокойно защищался, а потом, напротив, старался взять на себя как можно больше вины, поскольку крах надежд на достижение власти подтолкнул его к мысли «искать, по крайней мере, историческую славу»⁴⁰.

Но 31 марта 1826 г. линия его поведения изменилась. Перемена произошла внезапно и была обоснована не логически, а психологически. Опять, уже в третий раз в жизни, Батеньков оказался охвачен вдруг накотившей волной знакомого нам панического ужаса. «Не сочтите меня сумасшедшим, – писал он в показаниях этого дня, – ежели открою странную тайну: я прямо чувствую присутствие со мною злобного духа, помрачающего разум, внушающего отчаяние, испровергающего все, что бы ни было сделано к лучшему. От него не спасут меня все цари в мире»⁴¹. Эти слова не были попыткой симуляции сумасшествия: как явствует из показаний декабриста 5 апреля 1826 г., они вполне искренне выражали его внутренние переживания⁴².

25 июля 1826 г. Батеньков вместе с другими осужденными выслушал приговор на кронверке Петропавловской крепости и вскоре был отправлен в крепость Свартгольм на Аландских островах. Естественной литературной моделью, с которой теперь, после крушения «наполеоновской» авантюры, Батеньков мог соотносить себя, была байроническая модель «шильонского узника». Ее подсказывали сами внешние обстоятельства: как и Шильонский замок, крепость Свартгольм располагалась на скалистом острове; как и Франсуа Бонивар, Батеньков оказался в мрачном сыром каземате. Возможно, именно эти литературные ассоциации в мае 1827 г. подтолкнули декабриста к написанию поэмы

---

³⁸ Там же. С. 65, 104–105.

³⁹ Там же. С. 100, 130.

⁴⁰ Там же. С. 111.

⁴¹ Там же. С. 108. Ср. в показаниях от 5 апреля 1826 г.: «я совершенно потерял рассудок и точно стал чувствовать присутствие какого-то мрачного духа, смущавшего мои мысли и чувства» (Там же. С. 111.).

⁴² Специальное исследование следственного дела Батенькова показало, что именно показания 5 апреля (и еще письмо Батенькова В. Левашову от 8 апреля), в которых он подробно объясняет свое поведение с момента ареста, «отражают истинный «ход дела»» декабриста (*Западный* 1984. С. 64).

«Одичалый»: в ней явно чувствуются реминисценции байроновского текста в переводе В.А. Жуковского⁴³. Сочинение «Одичалого» стало для Батенькова не только досужим занятием в томительно тянущиеся дни заключения, оно, оказалось и средством авторефлексии, способом интереоризации литературного образца – тем более, что по условиям тюремного режима Батеньков не мог записать свою поэму, а, следовательно, был должен все время держать ее текст в уме.

Теперь он ощущал себя не только «узником», но и поэтом, и именно «поэтический» код, оказался для него в условиях заключения наиболее перспективным. В июне 1827 г. он был переведен из Свартгольма в одиночную камеру Секретного дома в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где и прошли следующие 18 лет его жизни и где он пережил то, что сам потом называл «откровением». Началось оно в ноябре 1827 г. с ощущения «сильного пиитического восторга, неколебимой веры в Бога», а уже через два месяца, «в генваре или феврале 1828 года последовало действительное наитие духа». «Казалось весь покой, в котором я находился, наполнился волнующим пламенем, столько же видимым, сколько и понятным. Само собою разумеется, что пламя не могло сожигать, было невещественное и я разумел это. Разумел также, что со мною происходит то самое, что происходило с пророками в день пятидесятницы. С этого времени слагал уже я стихи чрезвычайно сильные и умные»⁴⁴.

На Страстной седмице он испытал дальнейшие «потрясения души»: стал слышать голос, которому беспрекословно покорялся; обнаружил, что «главное в христианском учении крест и воскресение», пережил «зримое умом чувство новой жизни»; осияние светом; наконец, ощутив на Пасху (25 марта 1828 г.) «высшую степень» восторга, «почувствовал себя Творцом, равным Богу, и вместе с Богом решил разрушить мир и пересоздать»⁴⁵. Через день «восторг» прекратился, «обыкновенный разум вернулся». Батеньков пришел в ужас от принятой им мысли о равенстве Богу и «не мог исчислить всех последствий сделанного преступления». Голос обличал его, «судил и осуждал»: «В прах! Вопиял он – и я должен был броситься на землю и разбиться. Целую ночь не мог я различить умер я или жив; голос уверял, что возвращен только для покаяния. Он поставил меня на колени на непрерывную молитву перед образом Троицы и мучил повелевая и отменяя свои повеления и изъяснения. Так простоял я на коленях целый месяц. Не знаю уже как; но стража совсем ничего не примечала». По всей ви-

---

⁴³ К их числу надо отнести и само название «Одичалый», восходящее, по видимому, к стихам из перевода Жуковского: «Наш голос страшно одичал», «я дико по тюрьме бродил». См.: *Зенкин* 2012. С. 118–119; *Илюшин* 1978. С. 28.

⁴⁴ Русские пропилен. С. 33.

⁴⁵ Русские пропилен. С. 34.

димости, к исходу месяца заключенный вернулся к более спокойному состоянию: «между тем понятие светлело и светлело, хотя голос ничему не наставлял, но я знал уже, что на языке слово»⁴⁶.

Вопрос об истолковании этого опыта и написанных под его влиянием текстов является *sic ut interpretationis* для всякого биографа Батенькова. В историографии были высказаны все три логически возможные позиции: 1) описанные Батеньковым состояния – не что иное, как психическая болезнь, настигшая его в Алексеевском равелине (Б.Л. Модзалевский); 2) эти состояния – реальный религиозно-мистический опыт (М.О. Гершензон); 3) этих состояний не было, была лишь их симуляция. Из перечисленных позиций безусловно должна быть отвергнута третья. Вряд ли можно вслед за А.А. Илюшиным утверждать, что декабрист во время одиночного заключения сознательно избрал романтическое «амплуа «безумца»» и разыгрывал эту роль в драме своих отношений «с сильными мира сего»⁴⁷. Для того чтобы разыгрывать роль, нужен не только актер, но и зрители – а зрителей как раз и не доставало оказавшимся в заключении декабристам⁴⁸. В ситуации одиночного заключения все амплуа, в т.ч. и романтическое амплуа безумца, оказывались бессмысленными и психологически невозможными: адресатами жизнестроительной игры Батенькова могли быть только тюремщики, совершенно не склонные воспринимать его поведение как что-то семиотически значимое. Конечно, адресатом мог стать и император Николай, при условии, что сведения о Батенькове дошли бы до него. Декабрист стремился к этому – как известно, в 1835 г. он добился передачи Николаю двух писем. Но трудно представить, чтобы узник надевал на себя маску безумца для такого крайне непродолжительного контакта или просто мстительной насмешки над императором⁴⁹. Приятель Батенькова М.М. Геденштерм высказывал другое предположение: «Батеньков симулировал сумасшествие, чтобы вырваться из каземата и попасть хотя бы в психиатрическую лечебницу»⁵⁰. Этому противоречит прямо обратный результат предполагаемой симуляции⁵¹, а также описание узнических переживаний Батенькова в текстах, написанных им после 1846 г., когда уже никакой нужды в симуляции не было.

⁴⁶ Русские пропилеи. С. 34–35.

⁴⁷ Илюшин 1978. С. 15.

⁴⁸ Именно с этим связывает Ю.М. Лотман «полную растерянность декабристов в условиях следствия», «в трагической обстановке поведения без свидетелей, которым можно было бы, рассчитывая на понимание, адресовать героические поступки». Лотман 1994. С. 355.

⁴⁹ Хотя позже он и говорил Е.И. Якушкину, что писал Николаю, исключительно «желая посмеяться над ним, причем приводил по памяти одно из писем, в котором называл царя свиньей» (Снытко 1966. С. 296).

⁵⁰ Там же. С. 296.

⁵¹ Единственной причиной содержания Батенькова в одиночке Николай I считал то, что он «был доказан в лишении рассудка» (Модзалевский 1918. С. 132).

Предположение о том, что в равелине декабрист перенес психическое заболевание, имеет больше аргументов в свою пользу. Сам Батеньков, хотя и не считал себя душевнобольным, но понимал, что находится у тонкой грани, отделяющей его от «действительного сумасшествия, слишком возможного в совершенном удалении от людей»⁵². Некоторые черты его поведения напоминают симптомы психотического расстройства. Прежде всего, это бросающаяся в глаза разорванность мышления, особенно ярко проявлявшаяся в записках Батенькова 1835 года, представляющих собой почти бессвязный, распадающийся текст (характерно даже его графическое оформление – каждое предложение начинается с новой строки)⁵³. Батеньков (будучи мастером систематизации и упорядочивания!) на этот раз оказывается совершенно неспособен придать своему изложению четкий план, а идеям – ясную репрезентацию: его речь даже не отрывочна, а обрывочна, непоследовательна, она изобилует вычурными образами, странными неологизмами, мысль как бы мечется в разные стороны. К психотическим симптомам можно отнести и голос, отдающий приказания (галлюцинаторный бред императивного характера), автоматизм (восприятие внутренних состояний как детерминированных извне), кататонический ступор (пребывание в одной позе долгое время – если верить Батенькову, в течение месяца), потерю ориентации во времени, мегаломанию. Наконец, к ним может быть отнесено и отсутствие потребности в контактах с внешним миром (т. 1, с. 245).

Если же интерпретировать состояния Батенькова как религиозно-мистический опыт, то перечисленные симптомы складываются в то, что в церковно-аскетической традиции, вдохновлявшей его в детстве, принято называть «прелестью», т.е. состоянием заблуждения, когда совсем не божественные воздействия принимаются за откровение свыше. Принятие голосов и видений, мысль о равенстве Творцу, смятение, отчаяние, порабощение воли указаниям «Ангела», ощущение себя пророком – эти и подобные им феноменологические черты опыта Батенькова заставляют отнести к этому опыту крайне осторожно.

Произошедшее с Батеньковым в заключении, не было ни политической игрой, ни попыткой «оформления» жизни по лекалам литературного образа героя-безумца, ни мистическим озарением свыше, сопровождаемым разгадкой тайн мироздания. Оно было не позитивным, а негативным событием – очередным приступом хаотизации, подобным тем, которые Батеньков пережил ранее (в детстве, в 1816 и 1826 гг.), вызванным либо психической болезнью, либо одержимостью мистического толка. Именно в этом состоянии у него появляется мысль о пересо-

---

⁵² Русские пропилеи. С. 34.

⁵³ Исследователям этого текста стоило немалых усилий «вчитывать» в него связный смысл, там, вероятно, присутствующий, но артикулированный исключительно хаотически. См. попытку обнаружить политический смысл: Карцов 1965. С. 167–184.

здании мира. Идея эта, сначала его увлекшая, а затем ужаснувшая, имеет сложную филиацию. Она могла интерпретироваться (и позже интерпретировалась) Батеньковым по-кантиански. Но в ней явно ощущается и влияние ренессансного герметизма, усвоенного им, вероятно, из розенкрейцерства, оказавшего мощное воздействие на мистическое масонство в России. Батеньков подобно розенкрейцерам был склонен отождествлять слово и постигаемую «суть вещей»⁵⁴. Главным итогом своего «откровения» он считал то, что «узнал на языке слово» («высшее слово»)⁵⁵, чувствовал себя «властелином языка»⁵⁶, способным создать новый мир, а ведь именно в рамках герметически-каббалистической традиции, идущей от Пико делла Мирандолы, считалось, что язык⁵⁷ является «изоморфным знаком»⁵⁸ всего сущего, и овладение им открывает путь к магическому преобразованию мироздания. Розенкрейцерским элементом в переживаниях Батенькова была и неосторожная интерпретация его экстатических состояний как результата действий «Ангела»⁵⁹, и предчувствие скорого обновления человечества, стоящего на пороге «важных изменений в науке, в общежитии, в уставах и формах, в верованиях, понятиях и убеждениях, свершивших свой круг в последних веках»⁶⁰ (впрочем, это нетерпеливое «палингенистическое» чувство было свойственно и всему XIX веку, богатому на разного рода утопии).

Но розенкрейцерские идеи были для Батенькова скорее частью его смутного опыта, чем выходом из него. В поисках же выхода он, как мы видели, отшатнулся от безумной мысли сравняться с Творцом и устремился к «обыкновенной жизни»⁶¹. Овладение словом, власть над языком, состояние «безбрежности» стали пониматься им, скорее, не как магический инструмент, а как поэтическое вдохновение, которому он, в шеллингианском стиле романтической эпохи, придал мистический смысл. Плодом этого вдохновения стала написанная Батеньковым в заключении «Тюремная песнь», вобравшая в себя традиции

⁵⁴ Ронинсон 1990. С. 65.

⁵⁵ Русские пропилен. С. 35.

⁵⁶ Когда заботы оставляя, / Душа бессмертная парит, / По воле всем располагая, / Мир новый для себя творит. / Мир светлый, стройный и священный; / Тогда один я во вселенной, / Один – и просто Божий сын; / Как пульс огнем, не кровью бьется, / Тогда-то песнь рекою льется, / И языка я властелин (Мейлах 1975. С. 213).

⁵⁷ Имеется в виду первоначальный, данный Богом язык, который необходимо отыскать и постичь.

⁵⁸ Колчинский, Сытин, Смагина 2004. С. 8.

⁵⁹ Розенкрейцеры полагали, что с XVI–XVII вв. «человечество начало проникать в высшие, ангелические сферы» и «именно ангелы отныне направляют идейное развитие человека» (Йейтс 1999. С. 392). В розенкрейцерскую парадигму укладываются и математические увлечения: математика в розенкрейцерстве считалась магическим способом воздействия на земной и небесный мир.

⁶⁰ Русские пропилен. С. 33.

⁶¹ Русские пропилен. С. 35.

одической поэзии М.В. Ломоносова⁶², Г.Р. Державина⁶³, С.С. Боброва⁶⁴, физико-теологической оды в целом⁶⁵. Она написана в духе ветхозаветной пророческой эсхатологии, радостно воспевающей грядущее спасение мира, где «волк и ягненок будут пастись вместе» (Ис. 65, 25), «вместо терновника вырастет кипарис; вместо крапивы возрастет мирт» (Ис. 55, 13). В ней нет катастрофизма апокалиптики⁶⁶, и преображению мира не предшествует временное господство зла. Батеньков с упоением описывает распахнувшийся простор не того смятенного пространства, которое напугало его в детстве, а преобразенный простор, наполненный людьми и животными, реками и городами, океаном и небесами, соединенными в ликующую гармонию освященного Богом космоса.

Лирический герой «Тюремной песни» – вовсе не розенкрейцерский «посвященный», это тайнозритель⁶⁷ и поэт, и, может быть, больше поэт, чем тайнозритель. Именно поэзия, а не наука (в отличие от розенкрейцеров) является для него силой, способной «сплавливать гарь хаоса» в космическую гармонию. Обращаясь к поэзии, он молит:

Небесная, не разлучайся,
Ты все возносишь и живишь,
Не в меру падшему являйся,
Его одна ты воскресишь!

⁶² Особенно «Оды, выбранной из Иова».

⁶³ Ср., напр., стихи из «Тюремной песни» «Мое же тело – тля и яд. // Узвальный грехом, страдаю, / Мучитель, мученик, но царь, / Служить бессмертью уповаю / Хаоса сплавливая гарь» (Мейлах 1975. С. 219) со знаменитыми стихами из державинской оды «Бог»: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю; / Я царь, – я раб, – я червь, – я Бог!», «Хаоса бытность довременну / Из бездн Ты вечности возвал» (Сочинения Державина... 1864. Т. 1. С. 201, 197).

⁶⁴ Зенкин 2012. С. 143–151.

⁶⁵ О физико-теологической поэзии см.: Левитт 2006. С. 57–70.

⁶⁶ См.: Большой библейский словарь. С. 65.

⁶⁷ М. Левитт рассматривает часто встречающиеся в одах Ломоносова «ссылки на зрение» как апелляцию к библейскому контексту, а именно к Откровению Иоанна Богослова (Левитт 2004. С. 368). «Тюремная песнь» не менее «окулярноцентрична», чем ломоносовские оды, и так же заключает в себе множество аллюзий на Апокалипсис. Призыв к созерцанию рефреном повторяется в начале ее 34–37 децим: «Смотри! Там лаву по долине / Седая Этна разлила...», «Смотри! Вот там под небом тихим / Течет красавица Нева...», «Смотри! Вот там орел летает...», «Смотри! Как рваный плащ собою / Окутал землю океан...», ср. также начало 23 децимы: «Возри в окно твоих чертогов...» (Мейлах 1975. С. 220–221, 217). Из Откровения Иоанна Богослова Батеньковым явно заимствованы такие образы, как упомянутые в 9 дециме «Иоаннова жена» (ср. Откр. 12, 1) и дракон (ср. Откр. 12, 3), жена с кинжалом из 4 децимы (ср. Откр. 17, 1–2). Начало 7 децимы («Светися, красная, светися / В холмах седых, Россия-мать! / До пальм Сиона вознесия / Его с тобою благодать» (Мейлах 1975. С. 220–221, 217. С. 210–211)) отсылает к образу нового Иерусалима (Откр. 21, 2), возможно через посредство ирмоса 9 песни пасхального канона («Светися, светися, новый Иерусалиме, ликуй ныне и веселися Сионе...») св. Иоанна Дамаскина (ср. также Ис. 60, 1). Постоянно встречающиеся в «Тюремной песни» образы орла и льва переключаются с образами апокалиптических животных из Откр. 4, 7.

Когда твоим помажешь духом,
Цари ко мне склонятся слухом
И пожелают, чтоб им пел.
В едином царстве не вмещуся,
Со всем потомством обумуся.
Вот сан поэта и удел.

Этой децимой заканчивается «Тюремная песнь». Поэзия в ней выступает воскрешающей и всеоживляющей силой, а поэт – наставником царей. Подобная «поэтологическая» концепция была апробирована в русской культуре XVIII в., когда, по наблюдению В.М. Живова⁶⁸, произошла сначала сакрализация оды как своего рода стихотворной придворной проповеди, поэта – как проповедника, а потом (в связи с предромантическим пониманием творческого вдохновения как особого откровения свыше) – и как «пророка», призванного наставлять царя на путь истины. В 1820–1830-х гг. такая концепция переживала второе рождение⁶⁹, и поэтико-профетические опыты Батенькова вполне вписывались в контекст эпохи. Несомненно, в условиях заключения она сделалась для декабриста новой моделью биографической авторефлексии. Батеньков явно сознает себя не просто поэтом, но поэтом-пророком, обязанным (подобно ветхозаветным пророкам) возвещать царю «громы» – грозные обличительные речи. Их мы и читаем в письмах декабриста Николаю I, написанных в январе – феврале 1835 гг.

Б.Л. Модзалевский однозначно квалифицировал рассуждения, содержащиеся в этих письмах, как «бред»⁷⁰. Однако нельзя не заметить, что в «бред» Батенькова есть устойчивая тема – тема профетизма⁷¹. В первом из писем он довольно пространно рассуждает об избрании пророков, затем о том, что «люди обыкновенно не понимали и не веровали» им, причем в его профетологическую концепцию интегрируется и мотив безумия: пророки казались безумцами, но лишь потому, что их «судили мертвыми буквами», а не «чувством правды и истины». Относя себя к пророкам, он требует, чтобы под председательством кого-либо из архиереев был образован комитет для выслушивания от него «слова». Чем дальше, тем изложение становится сбивчивее, экзальтация нарастает, но пророческая самоидентификация сохраняется, хотя подчас и брезжит уже сквозь мрак накачивающего безумия: «Что такое Пророк? / Человек, которому Бог давал Слово. / Станем говорить просто как было». Пророческие речи, по мнению Батенькова, могут быть «грубы и дерзновенны». Именно таковы его инвективы в письме царю: «Государь, ты дурак – и тут уж кнут», «ты думаешь, легко учить Царей. Надобно, чтоб кровать вертелась над тобой; когда пошлю ноту. А в лицо

⁶⁸ Живов 2002. С. 638–681. См. также: Лотман 1993. С. 128.

⁶⁹ См.: Долгушин 2011. С. 37.

⁷⁰ Модзалевский 1918. С. 119.

⁷¹ См.: Анненкова 1989. С. 127–128.

говорить стану – это громы»⁷². Записи из второго письма императору, «страшные по своей бессмыслице»⁷³, как уже говорилось, доносят рассыпавшийся и грамматически, и семантически текст. Они, действительно, производят впечатление хаотического бреда. В них нет ничего от того светлого и радостного чувства, которым наполнена «Тюремная песнь». Хаос опять берет верх над Батеньковым: кажется, что время теряет свои очертания, и пространство теряет свою измеримость. Геометрия, по Канту – наука о пространстве, и алгебра, по Канту – наука о времени, оказываются бессильны. Как оружие из рук смертельно раненного бойца, они выпадают из рук сраженного Батенькова. Нет больше сил укрощать мир плетью закона, нет больше сил давать ему порядок и строй. Ни изысканное законничество Сперанского, ни суровые регламентации Аракчеева не помогут. Наступает хаос бессмыслицы.

Мы не знаем всех перипетий последующей внутренней борьбы декабриста, но вряд ли ошибемся, если сочтем, что к исходу тюремного срока она завершилась, и психический кризис был преодолен. В написанных после освобождения текстах Батеньков размышляет о своей биографии лишь ретроспективно. Он считает, что «сделал все, что мог, из своей жизни» (т. 1, с. 246), и «теперь настает время дать отчет в долголетнем употреблении заимствованных от неба сил»⁷⁴. Смятенные порывы учительства и мессианства остаются позади. На смену им приходит внутреннее примирение⁷⁵. «Я с христианскою покорностию храню мир в душе моей» (т. 1, с. 223), – рассказывает он в письме от 12 марта 1847 г. и 10 мая 1847 г. продолжает: «Я привык быть всем доволен и хотя часто говорю строго и горько, но не помню ни одного дня в жизни, который бы кончил ропотом. Чувство божией благодати проникло весь мой состав, и в нем нет места, не занятого любовью к людям. Она пресуществовала во мне всякое чувство зла, и мне все кажется, что я недозволено еще терпел. Это потому не самохвальство, что я не могу и хвалить себя» (т. 1, с. 223). В нем прочно поселяется «чувство благоговения и благодарности Творцу» (т. 1, с. 264), ощущение того, что «все творение свято» (т. 1, с. 265). Отсюда периодически возникающая в его переписке второй половины 1840–1850-х гг. «экологическая» тема. Батеньков рассуждает то о необходимости беречь лес, т.к. «строительные материалы – такой же дар Божий, как и хлеб» (т. 1, с. 264), то о воз-

⁷² *Модзалевский* 1918. С. 118, 120, 121, 125.

⁷³ Там же. С. 123.

⁷⁴ Батеньков Г.С. – Елагиной А.П., письмо от 26 мая 1850 г. (РГАЛИ. Ф. 236. О. 3. № 6 (письма Г.С. Батенькова А.П. Елагиной). Л. 1 об.)

⁷⁵ Совершенно неверно утверждение А.А. Илюшина о том, что на свободе «Батеньков оставался «демонической личностью», сложившейся в эпоху романтизма и исключительных жизненных обстоятельств» (*Илюшин* 1978. С. 17). Письма Батенькова свидетельствуют об обратном, никакого «демонизма», и даже байронического бунтарства или разочарованности, декабрист не культивировал.

можном таянии льдов Северного Ледовитого океана «от огненного дыхания сгущенной цивилизации» (т. 1, с. 273), то просто с любовью описывает природу Сибири и, особенно, «красавицу нашу Томь», которая «вседневно ласкает меня своими быстрыми и светлыми струями» (т. 1, с. 241) (Батеньков ежедневно купался в этой реке по утрам, начиная с весны и до поздней осени). Это чувство восхищения примиренной гармонией мироздания знакомо нам по «Тюремной песни» – недаром Батеньков постоянно цитирует ее в письмах 1853–1855 гг. (т. 1, с. 261, 279, 281, 351, 368, 369, 370). Да и инструментом биографической авторефлексии, используемым в поисках разгадки собственного существования, для Батенькова в это время становится, как мы видели, далекий от душевных бурь категориальный аппарат немецкой философии.

Нашел ли Батеньков эту разгадку? Создал ли он в конце концов свою биографию? Скорее всего, нет. В течение жизни он пытался сформировать ее, используя то сентименталистский код «милого вместе» (отношения с семейством Елагиных-Киреевских); то код кантианской философии, понятой как способ структурирования времени и пространства (инженерная, административная и законотворческая деятельность); то «наполеоновский» код (декабризм); то романтический код «узника» (поэма «Одичалый»), то код поэтической теургии и пророческого учительства (тюремные записи и, отчасти, «Тюремная песнь»), но ни одна из этих биографических стратегий не стала для него окончательной. В этом, очевидно, и заключена разгадка «странности» личности Батенькова. Его биографический путь дискретен. Он не был (если пользоваться лотмановской терминологией) «человеком без биографии» и не был «человеком с биографией», он был человеком в поисках биографии, при этом каждая найденная им биографическая стратегия в определенный момент подвергалась деконструкции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С.* Ритм как теодицея // *Он же*. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Связь времен. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. С. 408–411.
- Анненкова Е.И.* Гоголь и декабристы. М.: Прометей, 1989. 174 с.
- Арзамас: Сб. в двух книгах.* Кн. 1. / Вступ. ст. В. Вацура. Сост., подг. текста и коммент. В. Вацура, А. Ильина-Гомича, Л. Киселевой и др. М.: Худ. лит.-ра, 1994. 606 с.
- Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813–1856) / Изд. подг. А.А. Брегман, Е.П. Федосеева. Иркутск: Восточно-сибирское кн. изд-во, 1989. 528 с.
- Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 2: Сочинения. Письма (1856–1863) / Изд. подг. А.А. Брегман, В.Д. Юшковский. Иркутск: Иркутский музей декабристов, ООО «Артиздат», 2016. 740 с.
- Большой библейский словарь. / Под ред. У. Элуэлла, Ф. Камфорга. СПб.: Библия для всех, 2005. 1503 с.
- Ведьмин О.П.* Масон Северного общества. Гавриил Батеньков: вольный каменщик и декабрист // *Родина*. 2002. № 2. С. 64–66.
- Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Императорская АН, 1904. 548 с.
- Виницкий И.* Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте»: обзор работ по истории эмоций // *Новое литературное обозрение* 2012. № 5. С. 441–460.

- Восстание декабристов. Документы. Т. XIV / Под ред. ак. М.В. Нечкиной. К печати подг. С.А. Селиванова, А.В. Семенова при участии К.Г. Ляшенко. М.: Наука, 1976. 508 с.
- Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (методология анализа в социогуманитарном знании). Одесса: ЧП «Фридман», 2008. 372 с.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. СПб.: Императорская АН, 1864. 812 с.
- Дмитриева Ю.В. Автобиографическая проза Г.С. Батенькова. Дисс.... к. филол. н. СПб., 2006. 212 с.
- Долгушин Д., свящ. К биографии архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской Духовной миссии // Богословский сборник. Вып. 4. Новосибирск: Новосибирская епархия РПЦ, 2008. С. 83–107.
- Долгушин Д., свящ. Литургическая тема в павловском цикле стихотворений В.А. Жуковского // Русская литература в литургическом контексте: сб. научных статей. / Отв. ред. Л.А. Ходанен. Кемерово: КГУ, 2011. С. 35–47.
- Дубин Б.В. Слово – письмо – литература. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
- Живов В.М. Апология Герцена в феноменологическом исполнении: («Философское мировоззрение Герцена» Г.Г. Шпета) // НЛЮ. 2005. № 71. С. 166–174.
- Живов В.М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Он же. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 638 – 681.
- Западный В.А. Следственное дело декабриста Г.С. Батенькова // Вестник МГУ 1984. Сер. 8: История. № 4. С. 54–66.
- Зверев В. М. Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в. (некоторые аспекты изучения) // Декабристы и русская культура. / Отв. ред. Б. С. Мейлах. Л.: Наука, 1975. С. 27 – 57.
- Зенкин М.А. Мировоззрение и творчество Г. С. Батенькова в контексте русской культуры 1820-х – 1840-х гг. Дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012. 205 с.
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. 416 с.
- Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение. М.: Алетейя, Энигма, 1999. 496 с.
- Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С. Батенькова. М.: Изд-во МГУ, 1978. 141 с.
- Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Канунова Ф.З. Батеньков и религия // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 62 – 64.
- Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 302, [2] с.
- Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965. 239 с.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб ИИ РАН; «Нестор-История», 2004. 242 с.
- Левитт М. «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста // XVIII век. Сборник 24 / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2006. С. 57–70.
- Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.
- Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Он же. Избранные статьи в трех томах. Т. 3. С. 127–137.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Он же. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 331–384.
- Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном аспекте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Он же. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 365–376.
- Мейлах Б.С. «Гюрменная песнь» Г.С. Батенькова – поэма мужества и любви к родине // Декабристы и русская культура. Декабристы и русская культура. / Отв. ред. Б.С. Мейлах. Л.: Наука, 1975. С. 204–222.

- Модзалевский Б.Л. Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии // Русский исторический журнал. Кн. 5. Пг., 1918. С. 101–153.
- Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах. Т. 1 / Под ред. М. Гершензона. М.: Путь, 1911. 288 с.
- РГАЛИ. Ф. 236. О. 3. № 6 (письма Г.С. Батенькова А.П. Елагиной).
- Ронинсон О.А. Г.С. Батеньков: «Учение о слове» (1846–1863 гг.) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 883. Тарту, 1990. С. 65–76.
- Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. / Собрал и приготовил к печати М.О. Гершензон. Т. 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 353 с.
- Снытко Т.Г. Г.С. Батеньков – литератор // Литературное наследство. Т. 60. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 289–320.
- Топоров В.Н. Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 446–475.
- Чернов С. Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания. Вступительные заметки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. II / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 53–86.
- Шатир М.И. Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект. 1—2) // Philologica 1997. № 4. С. 86–135.
- Юшковский В.Д. Бездонный космос души (миропонимание Г.С. Батенькова периода ссылки) // Сибирь и декабристы. Вып. 6. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. С. 198–212.
- Юшковский В.Д. Г.С. Батеньков: эволюция личности и мировоззрения в историческом контексте России первой половины XIX века. Дисс. ... к. и. н. Томск, 2007. 341 с.
- Юшковский В.Д. Участие Г.С. Батенькова в ложах «вольных каменщиков» и его понимание масонских идеалов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 118–123.

REFERENCES

- Averintsev S.S. Ritm kak teoditseyia // On zhe. Sbranie sochinenii / Pod red. N.P. Averintsevoi i K.B. Sigova. Svyaz' vremen. Kiev: DUKh I LITERA, 2005. S. 408–411.
- Annenkova E.I. Gogol' i dekabristy. M.: Prometei, 1989. 174 s.
- Arzamas: Sb. v dvukh knigakh. Kn. 1. / Vstup. st. V. Vatsuro. Sost., podg. teksta i kom-ment. V. Vatsuro, A. Il'ina-Tomicha, L. Kiselevoi i dr. M.: Khud. lit-ra, 1994. 606 s.
- Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma. T. 1: Pis'ma (1813–1856) / Izd. podg. A.A. Bregman, E.P. Fedoseeva. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe kn. izd-vo, 1989. 528 s.
- Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma. T. 2: Sochineniya. Pis'ma (1856–1863) / Izd. podg. A.A. Bregman, V.D. Yushkovskii. Irkutsk: Irkutskii muzei dekabristov, «Artizdat», 2016. 740 s.
- Bol'shoi bibleiskii slovar' / Red. U. Eluella, F. Kamforta. SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2005. 1503 s.
- Ved'min O.P. Mason Severnogo obshchestva. Gavriil Baten'kov: vol'nyi kamenshchik i dekabrist // Rodina. 2002. № 2. S. 64–66.
- Veselovskii A.N. V.A. Zhukovskii. Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya». SPb.: Imperatorskaya AN, 1904. 548 s.
- Vinit'skii I. Zagovor chuvstv, ili Russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote»: obzor rabot po istorii emotsii // Novoe literaturnoe obozrenie 2012. № 5. S. 441–460.
- Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XIV / Pod red. ak. M.V. Nechkinoi. K pechati podg. S.A. Selivanova, A.V. Semenova pri uchastii K.G. Lyashenko. M.: Nauka, 1976. 508 s.
- Golubovich I.V. Biografiya: siluet na fone Humanities (metodologiya analiza v sotsiologicheskoy znanii). Odessa: ChP «Fridman», 2008. 372 s.
- Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grota. T. 1. SPb.: Imperatorskaya AN, 1864. 812 s.
- Dmitrieva Yu.V. Avtobiograficheskaya proza G.S. Baten'kova. Diss. k. filol. n. SPb., 2006. 212 s.
- Dolgushin D., svyashch. K biografii arhimandrita Makariya (Glukhareva), osnovatelya Altaiskoi Dukhovnoi missii // Bogoslovskii sbornik. Vyp. 4. Novosibirsk: No-vosibirskaya eparkhiya RPTs, 2008. S. 83–107.
- Dolgushin D., svyashch. Liturgicheskaya tema v pavllovskom tsikle stikhotvorenii V.A. Zhukovskogo // Russkaya literatura v liturgicheskoy kontekste: sb. nauchnykh statei. / Otv. red. L.A. Khodanen. Kemerovo: KGU, 2011. S. 35–47.

- Dubin B.V. Slovo – pis'mo – literatura. M.: Novoe lit. obozrenie, 2001. 416 s.
- Zhivov V.M. Apologiya Gertsena v fenomenologicheskom ispolnenii: («Filosofskoe mirovozzrenie Gertsena» G.G. Shpeta) // NLO. 2005. № 71. S. 166–174.
- Zhivov V.M. Koshchunstvennaya poeziya v sisteme russkoi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka // On zhe. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tu-ry. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. S. 638 – 681.
- Zapadniy V.A. Sledstvennoe delo dekabrista G.S. Baten'kova // Vestnik MGU 1984. Ser. 8: Istoriya. № 4. S. 54–66.
- Zverev V. M. Dekabristy i filosofskie iskanija v Rossii pervoi chetverti XIX v. (nekotorye aspekty izucheniya) // Dekabristy i russkaya kul'tura. / Otv. red. B. S. Meilakh. L.: Nauka, 1975. S. 27 – 57.
- Zenkin M.A. Mirovozzrenie i tvorchestvo G. S. Baten'kova v kontekste russkoi kul'tury 1820-kh – 1840-kh gg. Diss. ... k. filol. n. Tomsk, 2012. 205 s.
- Zorin A. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka. M.: NLO, 2001. 416 s.
- Ieifs F. Rozenkreitserskoe prosveshchenie. M.: Aleteiya, Enigma, 1999. 496 s.
- Ilyushin A.A. Poeziya dekabrista G.S. Baten'kova. M.: Izd-vo MGU, 1978. 141 s.
- Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. T. 3. M.: Mysl', 1964. 799 s.
- Kanunova F.Z. Baten'kov i religiya // Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Vyp. 2. Tomsk: Izd-vo TGU, 1994. S. 62 – 64.
- Kanunova F.Z., Aizikova I.A. Nravstvenno-esteticheskie iskanija russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gody). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. 302, [2] s.
- Kartsov V.G. Dekabrist G.S. Baten'kov. Novosibirsk, 1965. 239 s.
- Kolchinskii E.I., Sytin A.K., Smagina G.I. Estestvennaya istoriya v Rossii (Ocherki razvitiya estestvoznaniya v Rossii v XVIII veke). SPb II RAN; «Nestor-Istoriya», 2004. 242 s.
- Levitt M. «Veчерnee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» i «Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» Lomonosova: opyt opredeleniya teologicheskogo konteksta // XVIII vek. Sbornik 24 / Otv. red. N.D. Kochetkova. SPb.: Nauka, 2006. S. 57–70.
- Levitt M. Oka kak otkrovenie: pravoslavnii bogoslovskii kontekst odicheskoi poezii Lomonosova // Slavyanskii al'manakh 2003. M.: Indrik, 2004. S. 368–384.
- Lotman Yu.M. Dekabrist v povesdnevnoi zhizni // On zhe. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.). SPb.: Iskusstvo, 1994. S. 331–384.
- Lotman Yu.M. Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom aspekte (K tipologii-cheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora) // On zhe. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Alek-sandra, 1992. S. 365–376.
- Lotman Yu.M. Russkaya literatura poslepetrovskoi epokhi i khristianskaya traditsiya // On zhe. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 3. S. 127–137.
- Meilakh B.S. «Tyuremnaya pesn'» G.S. Baten'kova – poema muzhestva i lyubvi k rodine // Dekabristy i russkaya kul'tura. Dekabristy i russkaya kul'tura. / Otv. red. B.S. Meilakh. L.: Nauka, 1975. S. 204–222.
- Modzalevskii B.L. Dekabrist Baten'kov. Novye dannye dlya ego biografii // Russkii istoricheskii zhurnal. Kn. 5. Pg., 1918. S. 101–153.
- Polnoe sobranie sochinenii I.V. Kireevskogo v dvukh tomakh. T. 1 / Pod red. M. Ger-shenzona. M.: Put', 1911. 288 s.
- RGALI. F. 236. O. 3. № 6 (pis'ma G.S. Baten'kova A.P. Elaginoi).
- Roninson O.A. G.S. Baten'kov: «Uchenie o slove» (1846–1863 gg.) // Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta. Vyp. 883. Tartu, 1990. S. 65–76.
- Russkie propilei. Materialy po istorii russkoi mysli i literatury. / Sobral i prigotovil k pechati M.O. Gershenzon. T. 2. M.: Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1916. 353 s.
- Snytko T.G. G.S. Baten'kov – literator // Literaturnoe nasledstvo. T. 60. Ch. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1966. S. 289–320.
- Toporov V.N. Ob individual'nykh obrazakh prostranstva: «fenomen» Baten'kova // On zhe. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. M.: Progress – Kul'tura. 1995. S. 446–475.
- Chernov S. G. S. Baten'kov i ego avtobiograficheskie pripominaniya. Vstupitel'nye zametki // Vospominaniya i rasskazy deyateli i tainykh obshchestv 1820-kh godov. T. II / Obsch. red. Yu.G. Oksmana. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1933. S. 53–86.

- Shapir M.I. Fenomen Baten'kova i problema mistifikatsii (Lingvostikhovedcheskii aspekt. 1—2) // *Philologica* 1997. № 4. S. 86–135.
- Yushkovskii V.D. Bezdonnyi kosmos dushi (miroponimanie G.S. Baten'kova perioda ssylki) // *Sibir' i dekabristy*. Вып. 6. Irkutsk: Irkutskii muzei dekabristov, 2009. S. 198–212.
- Yushkovskii V.D. G.S. Baten'kov: evolyutsiya lichnosti i mirovozzreniya v istoricheskom kontekste Rossii pervoi poloviny XIX veka. Diss. ... k. i. n. Tomsk, 2007. 341 s.
- Yushkovskii V.D. Uchastie G.S. Baten'kova v lozhakh «vol'nykh kamenshchikov» i ego ponimanie masonskikh idealov // *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2005. № 288. S. 118–123.

Долгушин Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедр литературы XIX–XX вв. и истории культуры Новосибирского национального исследовательского государственного университета; d_dolgushin@mail.ru

Searching Biography: the Batenkov case

The article considers the problems that arise in the course of studying the biography of G.S. Batenkov. “The biography” in the context of the article means the concept of structuring the experience-based on the “autoregulating designs”, life’s Gestalt” (the term by B. Dubin). In the role of such "Gestalt" Batenkov used the sentimental code of “cute together”, the code of Kantian philosophy, the “Napoleonic” code, a romantic code of “prisoner”, the code of poetic theurgy and prophetic teaching, but none of these biographical strategies became final. The development of each strategy was interrupted by devastating internal catastrophe. In this circumstances, obviously, lies the answer to the "strange" personality of Batenkov.

Keywords: G.S. Batenkov, biography, Decembrists, Russian Kantianism, Russian sentimentalism, Russian romanticism, the Elagins-Kireevskies

Dmitry Dolgushin, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Literature of the 19th – 20th Centuries and at the Department of History of Culture, Novosibirsk State University; d_dolgushin@mail.ru

И. Р. ЧИКАЛОВА

ЗАБЫТЫЙ ЛОНДОНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ СЕМЕН ИСААКОВИЧ РАПОПОРТ

Автор продолжает серию публикаций, посвященных жизни и творчеству забытых российских дореволюционных англоведов – ученых и публицистов. В фокусе исследовательского интереса – личность Семена Исааковича Рапопорта (1858–1934), с 1891 г. постоянно проживавшего в Лондоне и вплоть до 1917 г. печатавшего корреспонденции и очерки об Англии в российских периодических изданиях: газетах «Новости», «Неделя» и журналах «Книжки недели», «Северный вестник», «Русское экономическое обозрение», «Вестник Европы», «Мир божий», «Образование», «Русская мысль», «Вестник финансов, промышленности и торговли».

Ключевые слова: Семен Исаакович Рапопорт, Великобритания, Российская империя, англоведение, журналистика, периодическая печать в России

В ряду профессиональных корреспондентов, постоянно проживавших за границей и сотрудничавших с российскими периодическими изданиями конца XIX – начала XX в., выделяются две яркие фигуры журналистов-англоведов. Одна из них – достаточно известная. Это – И.В. Шкловский, который с 1896 г. присылал и публиковал в «Русских ведомостях» (за подписью «Sh.»), а с 1897 г. и в журнале «Русское богатство» (под псевдонимом «Дионео») свои очерки об английской жизни. После революции он активно печатался в эмиграции. Вторая – совершенно забытая – Семен Исаакович Рапопорт (1858–1934).

Единственными опубликованными источниками информации о Рапопорте являются автобиографическая справка, написанная им в 1899 г. по просьбе С.А. Венгерова для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»¹, и биографическая заметка о нем (1912) в «Еврейской энциклопедии» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона². Документы, связанные с профессиональной деятельностью Рапопорта, имеются в собрании С.А. Венгерова в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге³: автобиография, библиографические сведения, библиографический листок с ответами на вопросы для Критико-биографического словаря русских писателей и ученых⁴, письма.

Семен Рапопорт родился 14 ноября 1858 г. в городе Пружаны в то время Гродненской губернии, где получил традиционное еврейское воспитание и образование. Он обучался почти исключительно предметам

---

¹ Рапопорт Семен Исаакович // Венгеров. Т. 6. 1904.

² Рапопорт Семен Исаакович // Еврейская энциклопедия. Т. 13. 1912.

³ Рапопорт Семен Исаакович // Русская интеллигенция. Т. 2. 2010.

⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3033. 20 л.

еврейской религии и литературы, рано выучил иврит, на котором самостоятельно по учебникам изучал математику, физику, историю. Первоначальные сведения по русской грамоте получил в сельской школе, которую полгода посещал с вместе с другими деревенскими детьми.

В начале 1870-х гг. семья переселилась в Петербург, где Семен поступил в недавно открытую частную классическую гимназию Бычкова, в которой в это же время учились будущие крупные ученые: историк С.Ф. Платонов, зоолог В.Л. Бианки, юрист В.Н. Латкин. Однако в связи с ухудшившимся материальным положением родителей Рапопорт ушел из гимназии и стал самостоятельно готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости, но испытание не выдержал и весной 1877 г. уехал из Петербурга. В 1878 г. он поступил на учебу в землемерно-таксаторские классы при Горы-Гореском земледельческом училище, где удостоился полной казенной стипендии. Благодаря рекомендации училищного начальства дополнительно давал уроки молодым людям, готовившимся к вступительному экзамену, и таким образом стал жить на собственные средства. В 1880 г. Рапопорт получил звание «частный землемер и таксатор», но приобретенную специальность ему не пришлось применить на практике. Он вновь оказался в Петербурге. Начался новый период его жизни, связанный с десятилетней службой в правлении Либаво-Роменской железной дороги, которую он сочетал с журналистской работой. Там же в это время служил выпускник Минской мужской гимназии, будущий выдающийся историк литературы С.А. Венгеров. Тогда завязалась их дружба, которую они сохранили на всю жизнь. Именно благодаря Венгерову, кропотливо собиравшему сведения о русских литераторах и ученых, до нас дошла автобиография Рапопорта, вобравшая в себя сведения из его жизни до 1899 г.

С 1883 г. Рапопорт начал сотрудничать со столичными периодическими изданиями. Он работал в русско-еврейской печати, помещал под псевдонимами мелкие статьи и рассказы в сатирических иллюстрированных журналах, откуда они перепечатывались другими изданиями в провинции. В 1886–1890 гг. публиковался в «Русском вестнике». Был сотрудником изданий «Слово», «Страна» и др. В автобиографической справке 1899 г. Рапопорт умалчивает (видимо, из благоразумной осторожности) о важном факте из своей петербургской жизни: он принимал участие в сборе материалов для антологии «Русские люди о евреях», напечатанной в 1891 г.⁵, но по цензурным причинам не выпущенной в свет. Ее авторы предпочли остаться анонимными, но они известны: книгу под редакцией Н.И. Бакста, составили Г.С. Вольтке и С.И. Рапопорт⁶. В 1892 г. тираж был уничтожен, но единичные экземпляры со-

⁵ Русские люди о евреях. 1891.

⁶ В фонде С.А. Венгерова хранится машинописный документ, датированный 1905 г.: Вольтке Григорий Самоилович. «Записка Третьейскому Суду, избранному

хранились. Вскоре книга появилась в библиотеке Британского музея. В 1900 г. в Берлине вышел перевод антологии на немецкий язык⁷.

Нетрудно предположить, почему имевший достаточно хорошо оплачиваемую работу (железная дорога в то время была локомотивом технического прогресса) и дополнительные приработки за публикации в журналах Рапопорт принял решение переселиться в Англию: неудача с изданием книги или его еврейское происхождение, на что, кстати, он указывает в своей автобиографической справке («по независимым причинам, связанным с моим еврейским происхождением»⁸). Скорее всего, все неблагоприятные факторы для Семена Исааковича сошлись вместе. 1891 год был отмечен массовыми высылками евреев из столиц. Из Москвы все евреи были выселены. Было издано распоряжение о высылке в 24 часа из Петербурга и Семена Венгерова, правда отмененное после заступничества друзей и особенно Владимира Соловьева⁹.

В такой обстановке, Россию оставляли многие евреи. Несмотря на юридические и административные трудности, связанные с отсутствием в стране законодательства об эмиграции, количество уезжавших росло с каждым годом. На протяжении 1881–1914 гг. страну покинули от 1 млн. 700 тыс. до 1 млн. 980 тыс. евреев. Основной поток – 84% – направлялся в США и только 8,5% – в Англию, 2,2% – в Канаду и 2,1% – в Палестину¹⁰. В случае с Рапопортом, выбор пал на Англию. Уезжая, он не мог не знать, что «переход россиян в иное гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего нужно было ходатайствовать о продлении срока. В противном случае уехавший утрачивал гражданство и подлежал, в случае возвращения, аресту и вечной ссылке; имущество же его автоматически переходило в Опекунский совет». Правда, применительно к евреям, начиная с 1892 г., эмиграция стала допускаться: но им в таком случае «категорически воспрещалась любая форма репатриации»¹¹.

Как бы то ни было, в конце апреля 1891 г. Рапопорт с женой и двухмесячным сыном Юлием покинул Петербург и переселился в Лондон. И с этого момента и начинается «английский период» его жизни. В Англии, как пишет Рапопорт в автобиографической справке, «посвятил себя всецело журналистике»¹². Как раз к этому времени окончательно сложилась практика, когда некоторые публицисты, обосновав-

---

Г.С. Вольтке и С.И. Рапопортом для разрешения возникшего между ними спора» об авторстве книги «Русские люди о евреях» // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 282. 15 л.

⁷ Die Juden in Russland. 1900.

⁸ Рапопорт Семен Исаакович // Венгеров. Т. 6. 1904. С. 203.

⁹ Венгерова З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Минск, 30.05.1891 г. // Neginsky 1995. С. 210.

¹⁰ Полян 2005.

¹¹ Там же.

¹² Рапопорт Семен Исаакович // Венгеров. Т. 6. 1904. С. 203.

шиеся в одной из зарубежных стран, регулярно поставляли материалы в российские периодические издания.

В большинстве своем иностранными корреспондентами были политические эмигранты, сотрудничество с которыми приходилось тщательно скрывать. Например, постоянным корреспондентом «Русских ведомостей» в Лондоне в 1886–1892 гг. был П.Л. Лавров, печатавший корреспонденции под общим названием «Письма из Лондона». С 1896 г. место постоянного корреспондента газеты в Лондоне занял И.В. Шкловский (Дионео), который с 1897 г. на постоянной основе также сотрудничал с журналом «Русское богатство», печатая там очерки об Англии. В Берлине корреспондентами «Русских ведомостей» состояли Г.Б. Иоллос и Г.А. Гроссман, одновременно сотрудничавший с журналами «Мир божий», «Образование», «Северный курьер», «Наша жизнь» и др. В Париже с 1908 г. в качестве корреспондента «Русских ведомостей» обосновался уроженец Могилевской губернии, выпускник Полоцкого кадетского корпуса, экономист и писатель Алексей Степанович Белевский (псевдоним «Белорусов»). Множество материалов из Франции опубликовал в «Русском богатстве» его постоянный сотрудник Н.С. Русанов (псевдонимы «Н.К.» и «Н. Кудрин»). Из США для журналов «Вестник Европы» и «Северный вестник» присылали очерки об американской жизни В.Н. Мак-Гахан (урожденная Елагина) и П.А. Деметьев (псевдоним «П. Тверской»). Многолетнее погружение в разнообразные проявления жизни общества страны пребывания делало из них подлинных страноведов.

Так и для Рапопорта, уже имевшего опыт сотрудничества с периодическими изданиями, журналистика стала способом обеспечения насущных нужд. С переселением за границу он стал постоянным сотрудником газет «Новости», «Неделя», журналов «Книжки недели», «Недельные хроники Восхода», «Восход». И очень скоро тема Великобритании, жизни англичан стала центральной в его творчестве, быстро превратилась в постоянный объект изучения и информирования российского читателя. Через несколько лет в предисловии к сборнику «Народ-богатырь» Рапопорт заметит: Англия «бесспорно, представляет для нас наиболее достойное изучения государство». Жизнь в Англии дала ему богатейшие впечатления, которыми он, как профессиональный репортер, на протяжении двадцати лет делился с российскими читателями во множестве очерков о стране и ее жителях в разных периодических изданиях России: газетах «Новости», «Неделя», журналах «Северный вестник», «Русское экономическое обозрение», «Вестник Европы», «Мир божий», «Образование», «Русская мысль», «Вестник финансов, промышленности и торговли».

Первыми интерес к очеркам Рапопорта об английской жизни проявили газеты «Новости» и «Неделя», сотрудничество с которыми продолжалось годами. Один из очерков был посвящен Дж. Кенворти –

распространителю идей толстовства в Англии¹³, другой – знаменитому английскому журналисту У.Т. Стеду¹⁴, другу и биографу О.А. Новиковой. С 1892 г. его очерки за подписью «Р.» стали появляться в ежемесячном приложении к «Неделе» (литературный журнал «Книжки недели») ¹⁵. На протяжении 1893–1895 гг. под псевдонимом «Рыбаков С.» Рапопорт публиковал очерки о лондонской жизни и английских учреждениях под общим названием «Письма из Англии» в ежемесячном журнале «Северный вестник». Первый из них – «Лондонская ежедневная печать» – появился в двух последних номерах журнала за 1893 г.¹⁶ Продолжение начатой темы состоялось на следующий год, когда также в двух номерах журнал поместил очерк «Лондонская еженедельная и ежемесячная печать»¹⁷. В 1894 г. вышел материал о театральной и музыкальной жизни Лондона¹⁸. Сотрудничество Рапопорта с «Северным вестником» завершилось в 1895 г. публикацией двух корреспонденций – «Школьная борьба в Англии» и «Бедность и благотворительность»¹⁹.

Уже ранние корреспонденции Рапопорта обратили на себя внимание в России. Их стали цитировать в обзорах печати. В 1900–1903 гг. очерки Рапопорта были опубликованы отдельными книгами: «У англичан в городе и деревне»²⁰, «Народ-богатырь»²¹ и «Деловая Англия»²². Два последних сборника Рапопорт рассматривал как единое целое. Книга «Народ-богатырь» состояла из очерков, опубликованных им ранее в «Новостях», «Неделе», «Книжках недели» и «Северном вестнике». По замыслу автора, она «касалась главным образом политических и общественных учреждений Англии, жизни духовно-политической». Книга «Деловая Англия», составляя как бы ее продолжение, имела, как пишет Рапопорт в предисловии, «больше дело с материальной стороной жизни, с промышленным и рабочим бытом английского народа»²³. В нее вошли ранее напечатанные, преимущественно в «Вестнике Европы», очерки. С.А. Венгеров дал такую характеристику сборнику очерков Рапопорта «Народ-богатырь»: «Эту живо и талантливо написанную книгу нельзя не признать ценным вкладом в небогатую русскую лите-

¹³ Рапопорт С. Толстовство в Англии // Неделя. 1894. № 20.

¹⁴ Рапопорт С. Сенсационный журналист // Неделя. 1899. № 5.

¹⁵ Этим же годом датируется сохранившаяся в РГАЛИ копия фотографии Рапопорта с дарственной надписью П.А. Гайдебурову, собственнику и редактору-издателю «Недели». – Фотографии из юбилейного альбома «25 лет “Недели”» // РГАЛИ. Ф. 1410. Оп. 1. Ед. хр. 78.

¹⁶ Рапопорт. Письмо из Англии // Северный вестник. 1893. № 11; 12.

¹⁷ Рапопорт. Письма из Лондона // Северный вестник. 1894. № 4; 5.

¹⁸ Рапопорт. Письмо из Англии // Северный вестник. 1894. № 7.

¹⁹ Рапопорт. Письмо из Лондона // Северный вестник. 1895. № 1; № 8.

²⁰ Рапопорт. У англичан в городе и в деревне. 1900.

²¹ Рапопорт. Народ-богатырь. 1900.

²² Рапопорт. Деловая Англия. 1903.

²³ Там же. С. V.

ратуру об Англии. Автор мало интересуется вопросами “высшей политики”. Его занимает главным образом общественное движение в разнообразных его проявлениях, и книга его представляет собою ряд ярких бытовых картинок, вводящих непосредственно в самую жизнь разных классов английского общества. Автора при этом никогда не покидает “сравнительный метод”. Описывая порядки английские, он всегда имеет пред собою картину совсем других условий общественной жизни, и это сообщает его очеркам очень характерный отпечаток, далеко заходящий за пределы просто этнографического интереса»²⁴.

Рапопорт и Венгеров поддерживали тесные отношения. Книгу «Народ-богатырь» он даже посвятил Венгерову, в личном фонде которого хранится коллекция из 302 адресованных ему писем Рапопорта²⁵. Их изучение пролило бы свет на многие стороны жизни и работы Рапопорта, в дополнение к автобиографии, которую он написал по просьбе Венгерова, уже прожив почти 10 лет в Англии.

В первые годы XX в. Рапопорт стал известен, обзавелся связями и финансовыми средствами. Сотрудничая с российскими изданиями, он публиковался и в английской прессе, переживавшей период небывалого роста. Новая публика, те, кто получил образование благодаря проведенной в 1871 г. школьной реформе Фостера, требовала легкого чтения, и одна за другой стали возникать вечерние газеты, предназначенные как раз для такого читателя. Только в столице издавалось 19 утренних и десять вечерних газет, сотни еженедельных и ежемесячных журналов. Создалась уникальная ситуация – периодическим изданиям буквально не хватало авторов. Так Рапопорт стал печататься на страницах *Pall Mall Gazette*, *Daily Mail*, *Daily News*, *Echo*, *Jewish Chronicle*, *Progressive Review*, *Novel Review*, *Leisure Hour*, *Christian Weekly*, *Globe*, *Independent Review*. В ежегоднике *Sell's Dictionary of the World's Press* за 1897 г. была помещена его статья о русской ежедневной политической печати²⁶.

Финансовые возможности позволяли Рапопорту проживать со своей семьей в лондонском Хамстеде (о чем сообщает запись от 31 марта в переписи населения Англии 1901 г.)²⁷. Хамстед был довольно престижным районом с самым большим в городе парком и получил известность как место пребывания интеллектуальных, либеральных, музыкальных и литературных ассоциаций. Здесь же его сын в 12-летнем возрасте поступил на обучение в престижную школу для мальчиков. О своем занятии Рапопорт в переписном листе сообщает лаконично: «журналист».

Рапопорт, как и тогда же работавший в Лондоне Дионео, встречался с гостями из России. Среди них – К.И. Чуковский, находившийся

²⁴ Рапопорт Семен Исаакович // Венгеров. Т. 6. 1904. С. 203–204.

²⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 1879, 1880, 1881, 1882.

²⁶ *Sell's Dictionary of the World's Press*. 1897; Венгеров. Т. 6. 1904. С. 203.

²⁷ England and Wales Census, 1901.

в Англии с июня 1903 г. по август 1904 г. в качестве корреспондента «Одесских новостей», который, как отмечает А. Ванинская, их «безжалостно критиковал»²⁸. Посетив Рапопорта, Чуковский записал в дневнике: «Рапопорт, человек неумный, заикающийся и в речи, и в мыслях, завистливый, честолюбивый, – но от него всегда получается такое впечатление, будто он беззаботный и любящий. Как раз сейчас прочел я в “Мире божьем” заметку о его книге “Деловая Англия”, где его сравнивают с Дионео и говорят, что перед Дионео он совсем дурак и неуч. Вот, должно быть, злится один и радуется другой. Я бы на месте рецензента утешил обоих и сказал бы, что оба они равно никуда не годны. Один подводит все под теории, а так как русского читателя хлебом не корми, а подай теорию, то читатели и не замечают, что весь Дионео понатаскан из книжек, что ежели бы из его книги об Англии взять цитаты и отдать назад их авторам, то ото всей книги останется один кошечек. Рапопорт тоже не без “теорий”. Только они у него не совсем совпадают с передовицами “Русских Ведомостей” – отсюда его неуспех»²⁹. Антипатия была взаимной (Рапопорт даже называл Чуковского «лжецом»). Историк английской литературы В.Ф. Лазурский, живший в Лондоне с Чуковским в одном пансионе, вспоминал: «Когда началась японско-русская война, Чуковский плохо справлялся с ролью лондонского корреспондента большой газеты, и в редакции “Одесских новостей” им были недовольны»³⁰. В результате Чуковский был вынужден переехать в скромную комнату, так как подолгу сидел без денег (выживая на то, что занимал у друзей-эмигрантов). Так что, его пренебрежительный тон в отношении коллег, сотрудничавших с престижными изданиями на постоянной основе и лучше устроенных, думается, был вызван банальной профессиональной ревностью молодого, бедного и неизвестного тогда корреспондента провинциальной газеты.

Сотрудничество же Рапопорта с российскими изданиями шло весьма успешно. В 1902–1903 гг. он печатался в журнале «Образование», на страницах которого появились его очерки на темы просвещения и воспитания в Англии («Новая британская академия», «Английское студенчество», «Книжная производительность и литературные вкусы англичан», «Среднее образование в Англии»). С 1905 г. начал помещать в «Мире божьем»/«Современном мире» очерки под общим названием «Письма из Лондона» и «Строители английской жизни». На волне революционного подъема в России, накануне и в годы первой революции, преобладали темы, связанные с особенностями функционирования демократии в стране («Воспитание избирателя в Англии», «Борьба женщин за права», «Роль общественного мнения в английском

---

²⁸ Ванинская 2009. С. 251.

²⁹ Чуковский К. И. Дневник. 2013. С. 85–86.

³⁰ Лазурский 2012.

законодательстве», «Очерки реформ и социальных движений», «Свобода совести», «Свобода слова», «Свобода собраний», «Фабричное законодательство», «Газеты и партии», «Народное образование», «Внешкольное образование», «Монархия и демократия (письма королевы Виктории)», «Женское дело», «Английский бюджет»). Всего по 1909 г. включительно, когда сотрудничество с журналом окончательно прекратилось, в нем было помещено 16 публикаций Рапопорта. К этому времени у Рапопорта уже завязалось сотрудничество с «Русской мыслью», в которой он в 1908–1910 гг. напечатал несколько очерков, в основном о социальных проблемах в Англии («Пенсии для стариков», «Лондонская полиция перед судом королевской комиссии», «Билль о детях», «Религия и социализм», «Борьба с нуждой», «Выборы и их результаты», «Английская аристократия и отношение к ней народа»). 1910 год начался для него публикацией очерка «Новый английский жилищный закон» в январской книжке журнала «Городское дело»³¹.

Но самое долговременное сотрудничество у Рапопорта сложилось с журналом «Вестник Европы». Оно началось в 1896 г., когда в связи с выходом в Англии книги Г. Уэллса «Современная утопия» на его страницах появился очерк, посвященный проектам утопической социалистической мысли³². В «Вестнике Европы» на протяжении 20 лет за подписью «С.И. Рапопорт» и под псевдонимами «Ра-т, С.», «Р-р-ъ, С.», «Р-т, С.» читатель регулярно находил материалы об Англии – более двух десятков очерков. Посмотрим на их примере узнать, что Рапопорт считал интересным и поучительным для российского читателя.

В этих очерках отсутствуют глубокие обобщения, но темы их разнообразны, а созданная панорама жизни страны широка. Автор постоянно обращался к обыденным сторонам существования простых обитателей страны, живших за пределами Лондона, им он посвятил серию путевых заметок, например, о жизни людей в Южном Уэльсе³³, Шотландии³⁴, Ирландии³⁵, в рабочем Бирмингеме³⁶. В поле зрения Рапопорта – английская деревня, в которой «лендлорд и фермер бесповоротно обречены на “плохие времена”, так как земля не в силах удовлетворить всех потребностей высокого комфорта, предъявляемых к ней как лендлордом и фермером, так и их рабочим»³⁷. И хотя прямые сравнения с российской действительностью обычно в его очерках отсутствуют, но сравнения напрашиваются: «Эдинбург – это своего рода шотландская Москва... имеющая свой исторический кремль в виде

³¹ Рапопорт. Новый английский жилищный закон // Городское дело. 1910. № 1.

³² Рапопорт. По поводу «Новой утопии» // Вестник Европы. 1896. Кн. 3.

³³ Рапопорт. В южном Уэльсе // Вестник Европы. 1898. Кн. 3.

³⁴ Рапопорт. Моя поездка в Шотландию // Вестник Европы. 1902. Кн. 7.

³⁵ Рапопорт. По Ирландии // Вестник Европы. 1907. Кн. 8; 9.

³⁶ Рапопорт. В центральной Англии // Вестник Европы. 1903. Кн. 9.

³⁷ Рапопорт. Английская деревня // Вестник Европы. 1897. Кн. 8. С. 509–536.

Holygood Palace... Глазго же, это – своего рода Петербург... более живой, более космополитический, чем Эдинбург, и более прогрессивный и многолюдный»³⁸. Несколько очерков посвящены жителям Лондона. Он откликнулся развернутой рецензией «Обыватели Лондона и их быт» на выход книги Ч. Бутса «Жизнь и труд народа», оценив ее как занимающую исключительное положение во всей социально-экономической литературе западноевропейских народов³⁹. Тематически к ней примыкают и другие публикации – о домашней жизни беднейших слоев лондонского населения, показанной на примере судеб жителей одной улицы («история ее, это история десятков и сотен таких же улиц») ⁴⁰; о религиозных нравах лондонцев и характере обучения в церковных школах; об образе жизни лондонской молодежи⁴¹. В одном из очерков он рассматривает деятельность Лондонского муниципалитета⁴².

Значительное место в очерках Рапопорта занимают материалы о рабочем классе. Он подробно описывает семимесячную стачку 1897 г. рабочих механических заводов, объединенных в тред-юнион «Соединенного общества механиков»⁴³. В его очерках нашла отражение и тема организации досуга рабочих: «беспредельно властвовавший когда-то кабак заметно отступает на задний план под напором новых культурных факторов»⁴⁴. В публикации «Рабочая Англия» делает срез «образованной» части английского общества, показывая способы подготовки и профессиональные качества инженеров, врачей, ученых, школьных учителей, англиканского духовенства, политиков, чиновников, армейских офицеров. Ряд очерков в «*Вестнике Европы*» Рапопорт посвящает проблемам экономической жизни Англии – развитию кооперативных объединений в промышленной сфере⁴⁵, попыткам противостоять усилившейся конкуренции в промышленности⁴⁶. Внешнюю торговлю страны он рассматривает с позиций сторонников свободной торговли, ввоз и вывоз промышленной продукции связывает «не с ростом внешних рынков, не с сооружением фабрик и заводов, не с открытием минеральных залежей, а со вкусами и потребностями маленького обывателя»⁴⁷. Там у него, в его скромном жилище, скрываются концы нитей, которыми двигаются корабли, отправляются поезда и вертятся колеса на заводах, и чем крепче эти нити, чем энергичнее они дергаются, тем

---

³⁸ Рапопорт. Моя поездка в Шотландию // Вестник Европы. 1902. Кн. 7. С. 82.

³⁹ Рапопорт. Обыватели Лондона и их быт // Вестник Европы. 1897. Кн. 5.

⁴⁰ Рапопорт. История одной улицы // Вестник Европы. 1899. Кн. 11.

⁴¹ Вестник Европы. 1904. Кн. 3; Кн. 11; 1906. Кн. 2.

⁴² Вестник Европы. 1901. Кн. 9.

⁴³ Рапопорт. Неудавшаяся стачка // Вестник Европы. 1898. Кн. 5.

⁴⁴ Рапопорт. Английские рабочие на досуге // Вестник Европы. 1898. Кн. 9.

⁴⁵ Рапопорт. Промышленные республики // Вестник Европы. 1899. Кн. 3.

⁴⁶ Рапопорт. Борьба с конкуренцией // Вестник Европы. 1900. Кн. 11.

⁴⁷ Вестник Европы. 1899. Кн. 8.

живее ввоз и вывоз, тем оживленнее промышленность». Рапопорт показывает колониальную политику Англии в ее прошлом и настоящем⁴⁸. Обращается к истории становления демократических институтов, напомнив об английских радикалах в связи с борьбой за парламентскую реформу 1832 г.⁴⁹ Посвящает очерк письмам Дж. Ст. Милля⁵⁰. Составляет политические портреты деятелей рабочего движения: руководителя Независимой рабочей партии Кейр Гарди; рабочего, ставшего депутатом Палаты общин, а впоследствии и товарищем министра внутренних дел Генри Бродгерста. Дает оценку месту в политической жизни лидерам Либеральной (Герберта Асквита, Дэвида Ллойд Джорджа, Уинстона Черчилля – на момент, когда тот был либералом)⁵¹, Консервативной (Роберта Солсбери, Артура Бальфура, Джозефа Чемберлена) партий. В очерке «Политическая психология» излагает содержание вышедшей в Англии книги Гр. Уоллеса «Человек в политике»⁵².

Заключительные публикации Рапопорта в «Вестнике Европы» – «Театр и цензура»⁵³ и «Литература и милитаризм в Англии». Последняя появилась в сентябрьской книжке 1915 г.: «Оставляя совершенно в стороне русско-германскую и франко-германскую стороны теперешней войны и останавливаясь только на англо-германской ее стороне, – утверждает в ней журналист, – нужно будет признать, что некоторую долю вины за нее несут те писатели и политические деятели, которые долгими годами ревностно подготавливали к мысли о “неизбежности” и “необходимости” разрыва между ними»⁵⁴.

Рапопорт активно сотрудничал с энциклопедическими изданиями, написал множество статей для «Политической энциклопедии», издаваемой отдельными выпусками в 1906–1907 гг. под редакцией Л.З. Слонимского, с которым поддерживал интенсивную переписку. Часть писем Рапопорта Слонимскому сохранилась⁵⁵. Издание энциклопедии не было завершено: вышло четыре выпуска, составивших ее первый том. Энциклопедические статьи были доведены до буквы «К». Почти все из них, имевшие отношение к Англии, ее колониям и доминионам, принадлежали Рапопорту. Он был одним из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (в статье «Великобритания» ему принадлежал раздел «Новейшая английская литература»), был сотрудником «Еврейской энциклопедии» (написал разделы «Евреи в английской литературе» и «Англо-еврейская литература» в статье «Англия»).

⁴⁸ Вестник Европы. 1900. Кн. 3.

⁴⁹ Вестник Европы. 1909. Кн. 10; 1907. Кн. 12.

⁵⁰ Рапопорт. Письма Дж. Ст. Милля // Вестник Европы. 1912. Кн. 2.

⁵¹ Вестник Европы. 1908. Кн. 6; 1910. Кн. 3.

⁵² Рапопорт. Политическая психология // Вестник Европы. 1909. Кн. 6.

⁵³ Рапопорт. Театр и цензура // Вестник Европы. 1913. Кн. 7.

⁵⁴ Вестник Европы. 1915. Кн. 9.

⁵⁵ Политическая энциклопедия. 1906–1907; РГАЛИ. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 17.

В 1910-е гг. Рапопорт в качестве лондонского корреспондента публиковался в органе Конституционно-демократической партии – ежедневной газете «Речь» (1906–1917). Видимо, ее он имел в виду, когда в переписи населения Англии 1911 г. указал в качестве своего занятия: «корреспондент русской газеты»⁵⁶. Среди множества материалов, присланных им в редакцию в 1914 г., были такие: «Гордость Англии», «Парламентская работа», «Возвращение Кира Гарди», «Обновленное правительство», «Пасхальные съезды», «Бряцание оружием», «Россия русских»⁵⁷. Заметки в «Речи» он подписывал псевдонимом «С.И.Р.»⁵⁸.

Рапопорт многие годы сотрудничал с крупнейшим экономическим еженедельным журналом – «Вестником финансов, промышленности и торговли», который предоставлял читателям информацию по всем отраслям торгово-промышленной, финансовой и сельскохозяйственной жизни как России, так и других стран. В 1905 г. в журнале появилась новая рубрика «Специальные корреспонденции». Из Англии в первый год они появлялись без подписи, а в выпусках 1906 г. под ними («Акционерные компании в Англии», «Американский хлопок и английские фабриканты»)⁵⁹ стояла фамилия Рапопорта. Строгий, конкретный, лаконичный стиль публикаций в журнале резко контрастировал со всеми остальными. Он диктовался подходом, исповедовавшимся редакцией. В основном с этим журналом у Рапопорта продолжалось постоянное сотрудничество после начала Первой мировой войны. В последний год издания журнала – 1917 г. – он опубликовал 12 статей и корреспонденций. Их тематика, обусловленная событиями военного времени, отражена в заголовках: «Судостроительство во время войны», «Английские капиталы в Румынии», «О коммерческой службе в иностранных государствах», «Регулирование биржевых оборотов в Англии», «Продовольственная потребность», «Морская торговля Англии в 1916 году», «Усиленные выпуски денег и цены на продукты», «Английский бюджет», «Торговля и промышленность Британской империи», «Финансовый рынок Америки», «Война и политическая экономия в Англии».

Такова «география» публикаций, а также важнейшие, хотя далеко не все английские сюжеты, представленные в журналистском творчестве Рапопорта, которое заслуживает, как и сам автор, более глубокого

---

⁵⁶ England and Wales Census, 1911.

⁵⁷ Рапопорт С.И. Статьи, заметки <...> в редакцию газеты «Речь» // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2095.

⁵⁸ К сожалению, не проливает свет на публикации Рапопорта в газете «Речь» диссертация Д.С. Брыкова «Русская либеральная пресса о взаимоотношениях стран Антанты и тройственного союза накануне Первой мировой войны: по материалам газет “Речь” и “Русские ведомости”», при этом автор утверждает, что «С.И. Рапопорт (СИР), английский корреспондент газеты, поддерживал знакомство с советником русского посольства в Лондоне. – Брыков 2008. Л. 4.

⁵⁹ ВФПТ. 1906. № 34; № 47.

изучения. Благодаря его публикациям не бывавший в Англии российский читатель имел возможность прикоснуться к ее действительности. Совершенно очевидно, что Рапопорт был востребован. Интенсивность же его публикаторской активности как в русской периодической печати, так и в британской, вызывает настоящее уважение.

Другая сторона деятельности Рапопорта – содействие появлению переводов на английский язык произведений русских писателей. Из переписки А.П. Чехова с сотрудником газет «Неделя» и «Новое время» М.О. Меньшиковым следует, что Рапопорт способствовал изданию в Англии рассказов Чехова. В письме от 30 мая 1893 г. Меньшиков сообщает Чехову: «Лондонский мой приятель С.И. Рапопорт (корреспондент “Недели”) пишет, что рассказы Ваши – “Палата № 6” и еще какие-то – переведены и начнутся недели через две печатанием для отдельной книжки. Для предисловия он очень просит у меня общих биографических сведений о Вас. Так как у меня их нет, то может быть Вы сами были бы любезны сообщить Рапопорту, что находите нужным»⁶⁰. Правда, в автобиографической справке сам Рапопорт об этом эпизоде не упоминает. Скорее всего, он выступал посредником между переводчиком и писателем. Возможно, тогда до издания дело не дошло. На это косвенно указывает в письме Чехову от 7 июля 1898 г. Р.Э. Лонг, действовавший от имени известного английского журналиста и издателя У.Т. Стеда: «Насколько мне известно, ни одно из Ваших произведений не появлялось на английском языке, и я уверен, что они вызвали бы большой интерес у английского читателя»⁶¹. В связи с этим он обращается с просьбой о разрешении перевода его рассказов («Палата № 6», «Мужики», «Черный монах» и некоторых других) на английский язык в основанной им издательской серии «Русской библиотеки».

Более успешно у Рапопорта шла работа, связанная с переводом на английский язык произведений Л.Н. Толстого. Начал он с только что появившегося на страницах «Северного вестника» и «Книжек недели» рассказа «Хозяин и работник». Переведенный текст отредактировал Дж. Кенворти, последовательный распространитель идей толстовства в Англии, основатель одного из первых в Европе толстовских поселений, биограф и издатель его сочинений⁶². Английский перевод «Хозяина и работника» вышел в 1895 г. в Лондоне, в издательстве Уолтера Скотта под заглавием «Master and man»⁶³. Его появление анонсировалось в британской прессе⁶⁴. Толстой в письме В.Г. Черткову упоминает имя Рапопорта, как обеспечивавшего дословный перевод текста с русского языка

⁶⁰ Чехов в переписке с переводчиками: Англия. 2005. С. 444.

⁶¹ Алексеев 1961.

⁶² Воробьев 2011.

⁶³ Tolstoi 1895.

⁶⁴ Pall Mall Gazette. 3, 7 May 1895; Glasgow Herald. 9 May 1895; 16, 23 May, 1895.

для дальнейшей его английской литературной обработки Кенворти⁶⁵. После удачного опыта сотрудничества Рапопорта с Кенворти Лев Толстой в письме последнему 18 сентября 1895 г. предлагает оказать содействие в опубликовании в одной из лучших британских газет статьи П.И. Бирюкова, посвященной гонениям на секту духоборов, указывая на Рапопорта: «Я думаю, что вы находитесь в сношениях с г-ном Рапопортом, и он мог бы сделать перевод. Его переводы очень хороши»⁶⁶. Проект состоялся. Отредактированная Толстым статья «Гонения на христиан в России в 1895 году», содержащая большую фактический материал о положении духоборов и действиях полицейских властей в отношении них, была опубликована в переводе Кенворти и Рапопорта в газете «Times» за 1895 г. (23 октября); она вышла в свет с сопроводительным письмом и послесловием Толстого⁶⁷. Так началась широкая международная кампания в защиту духоборов от притеснений властей.

В автобиографической справке Рапопорт отмечает, что ему также принадлежат переводы «Сказки об Иване-дураке» и знаменитого краткого изложения «Евангелия» Толстого, труда, за который Лев Николаевич был отлучен от церкви. Действительно, в 1896 г. в Лондоне в издательстве Уолтера Скотта вышел перевод книги на английский язык, автор которого не был указан. Можно предполагать, что им был Рапопорт совместно с Кенворти⁶⁸. В то же время, экземпляр издания «Сказки об Иване-дураке» в переводе Рапопорта мною не обнаружен.

Рапопорт внес свой вклад в ознакомление российских читателей с английской литературой. Ему принадлежит перевод на русский язык пьесы Б. Шоу «Ученик дьявола» (1901)⁶⁹. С его предисловием в Москве вышла повесть писателя, драматурга и журналиста Нейла Лайонса⁷⁰.

К моменту Февральской революции Рапопорт провел в Англии почти двадцать семь лет. 16-м января 1917 г. датировано сохранившееся в РГАЛИ письмо Рапопорта в редакцию журнала «Голос минувшего»⁷¹. Вплоть до июля 1917 г. читатель встречал его имя на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли». После Октябрьской революции российские издания, с которыми журналист сотрудничал или потенциально мог сотрудничать, были закрыты.

---

⁶⁵ Л.Н. Толстой – В.Г. Черткову, 7 октября 1895 г. // Толстой. Т. 87. 1937. С. 403. Рапопорт состоял с Чертковым в переписке, часть ее сохранилась в фонде Черткова в РГАЛИ. – Письма Рапопорта Семена Исааковича В.Г. Черткову, 2 мая 1896 г. – 3 марта 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2381.

⁶⁶ Толстой 1954. Т. 68. С. 183.

⁶⁷ Толстой 1984. Т. 19. 1984. С. 145.

⁶⁸ Tolstoy 1896.

⁶⁹ Шоу 1911.

⁷⁰ Лайонс. 1916.

⁷¹ Письма Рапопорта Семена Исааковича в редакцию журнала «Голос минувшего» // РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 1102.

В личной жизни Рапопорта произошли перемены. Его жена ушла из жизни еще в 1904 г. Он сменил место жительства: перепись Англии 1911 г. зафиксировала его новый адрес в Лондоне, по которому он проживал по крайней мере до своей женитьбы в 1927 г.⁷² Его сын Юлий умер в 1918 г., друг и постоянный российский корреспондент Семен Венгеров умер в 1920 г. в Петербурге. Рапопорту к моменту революции исполнилось 59 лет. Он остался жить и работать в Лондоне и окончательно стал частью эмигрантской общины в Англии выходцев из бывшей Российской империи. Оставшись один после ухода Юлия из жизни, он продолжал работать⁷³. Ему необходимо было обратиться к новым темам, востребованным читателями в Европе. Рапопорт предпринимает усилия, чтобы найти себе место с материалами на «русскую тему» в британских журналах. Еще до революции у него установилось сотрудничество с *The Economic Journal*, для которого он писал обзоры вышедших в России книг на экономические темы, в частности, С.И. Солнцева, П.Б. Струве, П.А. Остроухова и П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского.

В 1918 г. в журнале *Socialist Review* появился очерк Рапопорта «Ленин и Троцкий»⁷⁴. Материалами на актуальные темы, в частности, связанными с революцией в России, он смог заинтересовать лондонский журнал *The Contemporary Review*, в котором были напечатаны очерки «Психология большевизма», «Может ли Россия платить?», а также статья Рапопорта о проблемах перевода русских авторов на английский язык⁷⁵. Предоставил свои страницы для публикаций Рапопорта журнал *The Slavonic and East European Review*⁷⁶, издававшийся Школой славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Автор был охарактеризован как «выдающийся русский журналист, одно время корреспондент “Речи”, “Новостей” и “Недели”, также обозреватель “Вестника Европы”, “Русской мысли”, “Северного вестника” и других, писал в разные русские энциклопедии».

Несмотря на внушительный творческий «послужной список», имя Рапопорта оказалось фактически забытым. Оно не вписано в историю журналистики: тысячестраничное справочно-энциклопедическое издание «Журналисты России. XX–XXI» полностью проигнорировало зарубежных корреспондентов дореволюционных российских периоди-

⁷² “12 Dagmar Road, Stroud Green, Finsbury Park, Edmonton, Hornsey, Middlesex”. См.: England and Wales Census, 1911.

⁷³ В 1919 г. в Лондоне на русском языке вышла составленная им брошюра «Английская справочная литература по торгово-промышленным и социальным вопросам», а в 1926 г. в журнале, издаваемом в Праге, опубликован список периодических изданий, вышедших на русском языке в Англии. – Славянская книга. 1926. № 12.

⁷⁴ *Socialist Review*. 1918. Vol. 15. № 4.

⁷⁵ *The Contemporary Review*. 1920. № 3; 1930. № 9; 1928. Vol. 133. № 748.

⁷⁶ Rapoport. Mohammedan Writers on Slavs and Russians. 1929; On the Early Slavs. 1929; Reviews: The First Russian Grammar in England. 1930.

ческих изданий. Имя Рапопорта оказалось вне поля зрения тех, кто исследует русскую диаспору, выходцев с территории бывшей Российской империи в Великобритании⁷⁷. Лишь О.А. Казнина называет его среди других активных участников русской послереволюционной творческой эмиграции в Лондоне («большой известностью и авторитетом пользовались писатель и публицист И. Шкловский (Дионео) и журналист С. Рапопорт»)⁷⁸, а также работающая в Эдинбургском университете А.В. Ванинская отмечает, что он писал для самых уважаемых ежемесячников, не говоря о газетах, и, как и Шкловский, «одним из первых стал членом Лондонской ассоциации зарубежной прессы»⁷⁹.

И если период творческой деятельности Рапопорта, когда он был тесно связан с редакциями российских изданий, мне удалось в большей степени реконструировать, то его публикаторская активность в английской прессе (как до революции 1917 г. в России, так и после нее), которая тоже была интенсивной, остается в его биографии практически «белым пятном». В Англии его имя, в отличие от имени его сына – журналиста и переводчика на английский язык пьес А.П. Чехова Юлия Уэста, участие которого в деятельности Фабианского общества, в изучении истории благотворительности и чартизма, вписано в целый ряд исследований и мемуаров, – находится в забвении. До сегодняшнего дня была неизвестна даже дата его ухода из жизни. И лишь внимательное изучение британского регистратора смертей позволило ее установить. Семен Исаакович умер в марте 1934 г. Ровно через год в Лондоне ушел из жизни знаменитый корреспондент дореволюционных «Русских ведомостей» и «Русского богатства» Дионео.

Архивные материалы

- ИРЛИ РАН. Ф. 377 (Венгеров Семен Афанасьевич). Оп. 4. Ед. хр. 1879, 1880, 1881, 1882, 1883; Оп. 7. Ед. хр. 3033.
- Письма Рапопорта С.И. к Слонимскому Леониду-Людвигу Зиновьевичу, 12 августа 1898 – 21(8) января 1907 г. // РГАЛИ. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 17.
- Письма Рапопорта Семена Исааковича В. Г. Черткову, 2 мая 1896 г. – 3 марта 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2381.
- Письма Рапопорта Семена Исааковича в редакцию журнала «Голос минувшего», 13 мая 1915 г.; 16 января 1917 г. // РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 1102.
- Рапопорт С.И. Статьи, заметки, корреспонденции, открытые письма, некрологи, рецензии, присланные в редакцию газеты «Речь», 10 марта – 5 июля 1914 г. и без даты // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2095. 154 л.
- Фотографии из юбилейного альбома «25 лет “Недели”» // РГАЛИ. Ф. 1410. Оп. 1. Ед. хр. 78.
- "England and Wales Census, 1901," database, *FamilySearch* (<https://familysearch.org/ark:/61903/1:1:X9ZX-GB6>; citing Hampstead subdistrict, PRO RG 13, The National Archives, Kew, Surrey).
- "England and Wales Census, 1911," database, *FamilySearch* (<https://familysearch.org/ark:/61903/1:1:XW4N-XMS>; citing PRO RG 14, The National Archives of the UK, Kew, Surrey).

⁷⁷ Журналисты России. 2013; Казнина 1997.

⁷⁸ Казнина 2009. С. 33.

⁷⁹ Ванинская 2015. С. 353.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев Н.А. Письма к Чехову от его переводчиков // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 2. С. 104–105.
- Английская справочная литература по торгово-промышленным и социальным вопросам / Сост. С.И. Рапопорт. Лондон: Экономическое Бюро Русских Кооперативных Учреждений в Англии, 1919. VIII, 97 с.
- Брыков Д.С. Русская либеральная пресса о взаимоотношениях стран Антанты и тройственного союза накануне Первой мировой войны: по материалам газет "Речь" и "Русские ведомости": дисс.: к. ист. н. СПб., 2008. 219 с.
- Ванинская А.В. Русский взгляд: российские иностранные корреспонденты в Великобритании начала XX века // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. СПб.: «Европейский дом», 2015. С. 350–358.
- Ванинская А. Корней Чуковский в Британии: Три визита – Три эпохи // Русское присутствие в Британии. М.: Совр. экономика и право, 2009. С. 243–256.
- Венгерова З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Минск, 30.05.1891 г. // Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети // Revue des études slaves. 1995. Т. 67. F. 1.
- Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 141–146.
- Журналисты России. XX–XXI: Справочно-энциклопедическое издание. М.: ИД «Журналист», 2013. 1000 с.
- Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. 416 с.
- Казнина О. Русская эмиграция в Англии в первой трети XX в. // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 23–36.
- Лазурский В.И. История моей жизни. Одесса: ВМВ, 2012. 367 с.
- Лайонс Н. Письма к Матильде: [Повесть] / Пер. с англ. Елены Тавы; С предисл. С.И. Рапопорта. М.: Универс. б-ка, 1916. 144 с.; [2-е изд.]. 1917.
- Политическая энциклопедия / Под ред. Л.З. Слонимского. СПб.: П.И. Калинин, 1906–1907.
- Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.
- Рапопорт Семен Исаакович. Автобиографическая справка // Венгерова С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): [в 6 т.]. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897–1904. Т. 6. 1904. С. 201–203.
- Рапопорт Семен Исаакович // Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под общей ред. А. Гаркави и Л. Каценельсона. СПб.: Общ-во для научных еврейских изданий и Изд-ва Брокгауз–Ефрон, 1908–1913. Т. 13. 1912. С. 308–309.
- Рапопорт Семен Исаакович // Русская интеллигенция; под редакцией [и с вступительной статьей] В.А. Мыслякова: автобиографии и биографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннотированный указатель: в 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. 2. 2010. С. 275.
- Рапопорт С. Толстовство в Англии (Письмо из Лондона) // Неделя. 1894. № 20.
- Рапопорт С. Сенсационный журналист (Письмо из Лондона) // Неделя. 1899. № 5.
- Рапопорт С.И. У англичан в городе и в деревне: С прил. ст. М. А. Бекетовой «Народный дворец» и Дом имени Тойнби / Сост. С. Рыбаков [псевд.]. М.: Тип. Вильде, 1900. 112 с.
- Рапопорт С.И. Народ-богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англии. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 376 с.
- Рапопорт С.И. Деловая Англия. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1903. VII, 291 с.
- Рапопорт С.И. (Рыбаков С.) Письмо из Англии. Лондонская ежедневная печать // Северный вестник. 1893. № 11. С. 76–95; № 12. С. 78–88.
- Рапопорт С.И. (Рыбаков С.) Письма из Лондона. Лондонская еженедельная и ежемесячная печать // Северный вестник. 1894. № 4. С. 60–70; № 5. С. 29–38.
- Рапопорт С.И. (Рыбаков С.) Письмо из Англии. Лондонские сцены // Северный вестник. 1894. № 7. С. 55–65.

- Рапопорт С.И. (Рыбаков С.) Письмо из Лондона. Школьная борьба // Северный вестник. 1895. № 1. С. 26–33.
- Рапопорт С.И. (Рыбаков С.) Письмо из Англии. Бедность и благотворительность. В рабочем доме. На заседании попечительства // Северный вестник. 1895. № 8. С. 32–44.
- Рапопорт С.И. Новый английский жилищный закон // Городское дело. 1910. № 1. С. 37–42.
- Рапопорт С.И. По поводу «Новой утопии» // Вестник Европы. 1896. – Кн. 3. С. 408–416.
- Рапопорт С.И. В южном Уэльсе (Из путевых заметок) // Вестник Европы. 1898. Кн. 3. С. 203–232.
- Рапопорт С.И. Моя поездка в Шотландию // Вестник Европы. 1902. Кн. 7. С. 79–139.
- Рапопорт С.И. По Ирландии. Заметки и наблюдения // Вестник Европы. 1907. Кн. 8. С. 491–517; Кн. 9. С. 121–146.
- Рапопорт С.И. В центральной Англии. Бирмингем // Вестник Европы. 1903. Кн. 9. С. 57–89.
- Рапопорт С.И. Английская деревня (Впечатления и заметки) // Вестник Европы. 1897. Кн. 8. С. 509–536.
- Рапопорт С.И. Моя поездка в Шотландию // Вестник Европы. 1902. Кн. 7. С. 82.
- Рапопорт С.И. Обыватели Лондона и их быт [По поводу книги Бутса] // Вестник Европы. 1897. Кн. 5. С. 406–416.
- Рапопорт С.И. История одной улицы (Из домашней жизни беднейшего слоя лондонского населения) // Вестник Европы. 1899. Кн. 11. С. 121–158.
- Рапопорт С.И. Верующий Лондон (Из нравов Лондона и его обитателей) // Вестник Европы. 1904. Кн. 11. С. 36–70.
- Рапопорт С.И. Церковная школа в Англии // Вестник Европы. 1904. Кн. 3. С. 5–20.
- Рапопорт С.И. Очерки из жизни Лондонского юношества // Вестник Европы. 1906. Кн. 2. С. 536–559.
- Рапопорт С.И. Лондонское самоуправление и его органы // Вестник Европы. 1901. Кн. 9. С. 96–115.
- Рапопорт С.И. Неудавшаяся стачка (Из современной жизни в Лондоне) // Вестник Европы. 1898. Кн. 5. С. 224–244.
- Рапопорт С.И. Английские рабочие на досуге (Очерк развлечений рабочих в Лондоне) // Вестник Европы. 1898. Кн. 9. С. 219–246.
- Рапопорт С.И. Промышленные республики. Из наблюдений над экономическими кооперациями в Англии // Вестник Европы. 1899. Кн. 3. С. 131–167.
- Рапопорт С.И. Борьба с конкуренцией. Очерк нового промышленного движения в Англии // Вестник Европы. 1900. Кн. 11. С. 257–276.
- Рапопорт С.И. Ввоз и вывоз в современной Англии // Вестник Европы. 1899. Кн. 8. С. 739–765.
- Рапопорт С.И. Колониальная политика Англии, в ее прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1900. Кн. 3. С. 154–191.
- Рапопорт С.И. Законодательное творчество в Англии // Вестник Европы. 1909. Кн. 10. С. 556–573.
- Рапопорт С.И. Английские радикалы первой четверти XIX века (Из истории борьбы за парламентскую реформу) // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 553–583.
- Рапопорт С.И. Письма Дж. Ст. Милля // Вестник Европы. 1912. Кн. 2. С. 213–224.
- Рапопорт С.И. Рабочая партия в Англии и ее руководители // Вестник Европы. 1908. Кн. 6. С. 619–640.
- Рапопорт С.И. Вожди либеральной партии в Англии // Вестник Европы. 1910. Кн. 3. С. 114–132.
- Рапопорт С.И. Политическая психология // Вестник Европы. 1909. Кн. 6. С. 777–786.
- Рапопорт С.И. Театр и цензура // Вестник Европы. 1913. Кн. 7. С. 199–.
- Рапопорт С.И. Литература и милитаризм в Англии // Вестник Европы. 1915. Кн. 9. С. 279–290.
- Рапопорт С.И. Акционерные компании в Англии // ВФПТ. 1906. № 34. С. 276–277.
- Рапопорт С.И. Американский хлопок и английские фабриканты // ВФПТ. 1906. № 47. С. 309.
- Рапопорт С.И. Список периодических изданий, вышедших в Англии на русском языке, начиная с 1855 г. // Славянская книга: Месячник славянской библиографии. Прага. 1926. № 12. С. 318–323.

- Русские люди о евреях / Составил Г.С. Вольтке при участии С.И. Рапопорта; под редакцией Н.И. Бакста. СПб.: Типо-лит. А.М. Вольфа, 1891. 10, 336 с.
- Специальные корреспонденции. Из Англии. Бюджетная речь // ВФПТ. 1906. № 18. С. 182–184.
- Специальные корреспонденции. Из Англии. Положение почтово-телеграфных служащих // ВФПТ. 1906. № 19. С. 217–221.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 68. Письма 1895 г. М.: Худ. лит-ра, 1954.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х томах. Т. 19. Избранные письма 1882–1899 гг. М.: Худ. лит-ра, 1984.
- Толстой Л.Н. – Черткову В. Г., 7 октября 1895 г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Под общей ред. В.Г. Черткова. Т. 87. Письма к В. Г. Черткову, 1890–1896. М.: Худ. лит-ра, 1937.
- Чехов в переписке с переводчиками: Англия [Сахарова Е.М. Вступительная заметка] // Чехов и мировая литература: В 3 кн. / Ред.-сост. З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая; Отв. ред. Л.М. Розенблом. М.: Наука, 1997–2005 (Лит. наследство; Т. 100). Кн. 3. 2005.
- Чуковский К.И. Дневник. 1901–1921 // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. / [Сост. и коммент.: Е. Чуковская]. М.: Терра – Кн. клуб, 2001–2013. Т. 11. 2013.
- Шоу Б. Ученик дьявола: (Безбожник): Мелодрама в 3 д. / Пер. с англ. С.И. Рапопорт. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1911. 104 с.
- Die Juden in Russland [Русские Люди о Евреях] Urkunden und Zeugnisse russischer Behörden und Autoritäten / Aus dem Russischen übersetzt von August Scholz. Berlin: Concordia Deutsche Verlags-Anstalt, 1900. 248 s.
- Rapoport S. [Book review]: Solntsev S. I. Wages as a Problem of Distribution // The Economic Journal. 1912. Vol. 22. Is. 86. P. 283–286.
- Rapoport S. [Book review]: Struve Peter. Economy and Price // The Economic Journal. 1916. Vol. 26. Is. 101. P. 85–88.
- Rapoport S. [Book review]: Struve P. B. Khosyaistvo i Tsena // The Economic Journal. 1916. Vol. 26. Is. 104. P. 521–524.
- Rapoport S. [Book review]: Ostroukhov P. A., Struve P. B. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734 // The Economic Journal. 1917. Vol. 27. Is. 105. P. 93–96.
- Rapoport S. [Book review]: Tugan-Baranovsky M. The Social Basis of Cooperation // The Economic Journal. 1918. Vol. 28. Is. 112. P. 423–428.
- Rapoport S. Lenin and Trotzky // Socialist Review. 1918. Vol. 15. April. P. 147–158.
- Rapoport S. Psychology of Bolshevism // The Contemporary Review. 1920. № 3. P. 392–397.
- Rapoport S. Can Russia Pay? // The Contemporary Review. 1930. September.
- Rapoport S. Translations and Translators: Mainly from the Russian // The Contemporary Review. 1928. Vol. 133. № 748. P. 500–508.
- Rapoport S. Mohammedan Writers on Slavs and Russians // The Slavonic and East European Review. 1929. June. Vol. 8. № 22. P. 80–98.
- Rapoport S. On the Early Slavs: The Narrative of Ibrahim-Ibn-Yakub // The Slavonic and East European Review. 1929. December. Vol. 8. № 23. P. 331–341
- Rapoport S. Reviews: The First Russian Grammar in England // The Slavonic and East European Review. 1930. December. Vol. 9. № 26. P. 471–476.
- Sell's Dictionary of the World's Press: In Commemoration of the Sixtieth Year of Her Majesty's Reign. London: Linotype Co., 1897.
- Tolstoy L. The Gospel in Brief / Translated from the Russian original. Embodying the author's last alterations and revisions. Croydon: Brotherhood Publishing Co.; London: Walter Scott, 1896. 226 p.
- Tolstoi L. N. Master and Man. A Story / rendered from the Russian into English by S. Rapoport and John C. Kenworthy. London: Walter Scott, 1895. 64 p.

REFERENCES

- Alekseev N.A. Pis'ma k Chekhovu ot ego perevodchikov // Vestnik istorii mirovoi kul'tury. 1961. № 2. S. 104–105.
- Angliiskaya spravochnaya literatura po trgovno-promyshlennym i sotsial'nym voprosam / Sost. S.I. Rapoport. L., 1919. VIII, 97 s.

- Brykov D.S. Russkaya liberal'naya pressa o vzaimootnosheniyakh stran Antanty i troi-stvennogo soyuza nakanune Pervoi mirovoi voyny: po materialam gazet "Rech" i "Russkie vedomosti": diss. k. ist. n. Spb., 2008. 219 s.
- Vaninskaya A.V. Russkii vzglyad: rossiiske inostrannye korrespondenty v Velikobritanii nachala KhKh veka // Rossiya–Velikobritaniya: Pyat' vekov kul'turnykh svyazei. Spb.: «Evropeiskii dom», 2015. S. 350–358.
- Vaninskaya A. Kornei Chukovskii v Britanii: Tri vizita – Tri epokhi // Russkoe prisutstvie v Britanii. M.: Sovr. ekonomika i pravo, 2009. S. 243–256.
- Vengerova Z.A. – Balakhovskoi-Peti S.G. Minsk, 30.05.1891 g. // Neginsky R. Pis'ma Zinaidy Afanas'evny Vengerovoi k Sofe Grigor'evne Balakhovskoi-Peti // Revue des études slaves. 1995. T. 67. F. 1.
- Vorob'ev I.A. Tolstovskie kolonii v Anglii vo vtoroi polovine 1890-kh godov // Vestnik Baltiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2011. Vyp. 6. S. 141–146.
- Zhurnalisty Rossii. XX–XXI: Spravochno-entsiklopedicheskoe izdanie. M., 2013. 1000 s.
- Kaznina O.A. Russkie v Anglii: Russkaya emigratsiya v kontekste rusko-angliiskikh literaturnykh svyazei v pervoi polovine KhKh v. M.: Nasledie, 1997. 416 s.
- Kaznina O. Russkaya emigratsiya v Anglii v pervoi treti KhKh v. // Russkoe prisutstvie v Britanii. M.: Sovremennaya ekonomika i pravo, 2009. S. 23–36.
- Lazurskii V.I. Istoriya moei zhizni. Odessa: VMV, 2012. 367 s.
- Laions N. Pis'ma k Matil'de: [Povest'] / Per. s angl. Eleny Tavy; S predisl. S.I. Rapoporta. M.: Univers. b-ka, 1916. 144 s.; [2-e izd.]. 1917.
- Politicheskaya entsiklopediya / Pod red. L.Z. Slonimskogo. Spb.: P.I. Kalinkov, 1906–1907.
- Polyan P. Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu // Rossiya i ee regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii / Pod red. O. Glezer i P. Polyana. M.: OGI, 2005. S. 493–519.
- Rapoport Semen Isaakovich. Avtobiograficheskaya spravka // Vengerov S.A. Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovanosti do nashikh dnei): [v 6 t.]. Spb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1897–1904. T. 6. 1904. S. 201–203.
- Rapoport Semen Isaakovich // Evreiskaya entsiklopediya: Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem / Pod obshchei red. A. Garkavi i L. Katsenel'sona. Spb., 1908–1913. T. 13. 1912. S. 308–309.
- Rapoport Semen Isaakovich // Russkaya intelligentsiya; pod red. [i s vstup. Stat.] V.A. Myslyakova: avtobiografii i biograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova: annotirovannyi ukazatel': v 2 t. Spb.: Nauka, 2001. T. 2. 2010. S. 275.
- Rapoport S. Tolstovstvo v Anglii (Pis'mo iz Londona) // Nedelya. 1894. № 20.
- Rapoport S. Sensatsionnyi zhurnalist (Pis'mo iz Londona) // Nedelya. 1899. № 5.
- Rapoport S.I. U anglichan v gorode i v derevne: S pril. st. M.A. Beketovoi «Narodnyi dvorets» i Dom imeni Toinbi / Sost. S. Rybakov [psevд.]. M.: Tip. Vil'de, 1900. 112 s.
- Rapoport S.I. Narod-bogatyр'. Ocherki politicheskoi i obshchestvennoi zhizni Anglii. Spb.: Tip. M. Merkusheva, 1900. 376 s.
- Rapoport S.I. Delovaya Angliya. M.: Tip. t-va I. D. Sytina, 1903. VII, 291 s.
- Rapoport S.I. (Rybakov S.) Pis'mo iz Anglii. Londonskaya ezhednevnyaya pechat' // Severnyi vestnik. 1893. № 11. S. 76–95; № 12. S. 78–88.
- Rapoport S.I. (Rybakov S.) Pis'ma iz Londona. Londonskaya ezhenedel'naya i ezhemesyachnaya pechat' // Severnyi vestnik. 1894. № 4. S. 60–70; № 5. S. 29–38.
- Rapoport S.I. (Rybakov S.) Pis'mo iz Anglii. Londonskie stseny // Severnyi vestnik. 1894. № 7. S. 55–65.
- Rapoport S.I. (Rybakov S.) Pis'mo iz Londona. Shkol'naya bor'ba // Severnyi vestnik. 1895. № 1. S. 26–33.
- Rapoport S.I. (Rybakov S.) Pis'mo iz Anglii. Bednost' i blagotvoritel'nost'. V rabochem dome. Na zasedanii popechitel'stva // Severnyi vestnik. 1895. № 8. S. 32–44.
- Rapoport S.I. Novyi angliiskii zhilishchnyi zakon // Gorodskoe delo. 1910. № 1. S. 37–42.
- Rapoport S.I. Po povodu «Novoi utopii» // Vestnik Evropy. 1896. – Kn. 3. S. 408–416.
- Rapoport S.I. V yuzhnom Uel'se // Vestnik Evropy. 1898. Kn. 3. S. 203–232.
- Rapoport S.I. Moya poezdka v Shotlandiyu // Vestnik Evropy. 1902. Kn. 7. S. 79–139.
- Rapoport S.I. Po Irlandii. Zametki i nablyudeniya // Vestnik Evropy. 1907. Kn. 8. S. 491–517; Kn. 9. S. 121–146.

- Rapoport S.I. V tsentral'noi Anglii. Birmingem // Vestnik Evropy. 1903. Kn. 9. S. 57–89.
- Rapoport S.I. Angliiskaya derevnya // Vestnik Evropy. 1897. Kn. 8. S. 509–536.
- Rapoport S.I. Moya poezdka v Shotlandiyu // Vestnik Evropy. 1902. Kn. 7. S. 82.
- Rapoport S.I. Obyvateli Londona i ikh byt [Po povodu knigi Butsa] // Vestnik Evropy. 1897. Kn. 5. S. 406–416.
- Rapoport S.I. Istoriya odnoi ulitsy (Iz domashnei zhizni bedneishego sloya london-skogo naseleniya) // Vestnik Evropy. 1899. Kn. 11. S. 121–158.
- Rapoport S.I. Veruyushchii London (Iz nravov Londona i ego obitatelei) // Vestnik Evropy. 1904. Kn. 11. S. 36–70.
- Rapoport S.I. Tserkovnaya shkola v Anglii // Vestnik Evropy. 1904. Kn. 3. S. 5–20.
- Rapoport S.I. Ocherki iz zhizni Londonskogo yunoshestva // Vestnik Evropy. 1906. Kn. 2. S. 536–559.
- Rapoport S.I. Londonskoe samoupravlenie i ego organy // Vestnik Evropy. 1901. Kn. 9. S. 96–115.
- Rapoport S.I. Neudavshayasya stachka (Iz sovremennoi zhizni v Londone) // Vestnik Evropy. 1898. Kn. 5. S. 224–244.
- Rapoport S.I. Angliiskie rabochie na dosuge // Vestnik Evropy. 1898. Kn. 9. S. 219–246.
- Rapoport S.I. Promyshlennye respubliky. Iz nablyudenii nad ekonomicheskimi kooperatsiyami v Anglii // Vestnik Evropy. 1899. Kn. 3. S. 131–167.
- Rapoport S.I. Bor'ba s konkurentsieyu. Ocherk novogo promyshlennogo dvizheniya v Anglii // Vestnik Evropy. 1900. Kn. 11. S. 257–276.
- Rapoport S.I. Vvoz i vyvoz v sovremennoi Anglii // Vestnik Evropy. 1899. Kn. 8. S. 739–765.
- Rapoport S.I. Kolonial'naya politika Anglii, v ee proshlom i nastoyashchem // Vestnik Evropy. 1900. Kn. 3. S. 154–191.
- Rapoport S.I. Zakonodatel'noe tvorchestvo v Anglii // Vestnik Evropy. 1909. Kn. 10. S. 556–573.
- Rapoport S.I. Angliiskie radikaly pervoi chetverti XIX veka (Iz istorii bor'by za parlamentskuyu reformu) // Vestnik Evropy. 1907. Kn. 12. S. 553–583.
- Rapoport S. Pis'ma Dzh. St. Millya // Vestnik Evropy. 1912. Kn. 2. S. 213–224.
- Rapoport S.I. Rabochaya partiya v Anglii i ee rukovoditeli // Vestnik Evropy. 1908. Kn. 6. S. 619–640.
- Rapoport S.I. Vozhdi liberal'noi partii v Anglii // Vestnik Evropy. 1910. Kn. 3. S. 114–132.
- Rapoport S.I. Politicheskaya psikhologiya // Vestnik Evropy. 1909. Kn. 6. S. 777–786.
- Rapoport S.I. Teatr i tsenzura // Vestnik Evropy. 1913. Kn. 7. S. 199–.
- Rapoport S.I. Literatura i militarizm v Anglii // Vestnik Evropy. 1915. Kn. 9. S. 279–290.
- Rapoport S.I. Aktsionernye kompanii v Anglii // VFPT. 1906. № 34. S. 276–277.
- Rapoport S.I. Amerikanskii khlopok i angliiskie fabrikanty // VFPT. 1906. № 47. S. 309.
- Rapoport S.I. Spisok periodicheskikh izdaniy, vyshedshikh v Anglii na russkom yazyke, nachinaya s 1855 g. // Slavyanskaya kniga. Praga. 1926. № 12. S. 318–323.
- Russkie lyudi o evreyakh / Sostavil G.S. Vol'tke pri uchastii S.I. Rapoport; pod red. N.I. Baksta. SPb.: Tipo-lit. A.M. Vol'fa, 1891. 10, 336 s.
- Spetsial'nye korrespondentsii. Iz Anglii. Byudzhethnaya rech' // VFPT. 1906. № 18. S. 182–184.
- Spetsial'nye korrespondentsii. Iz Anglii. Polozhenie pochtovo-telegrafnykh sluzhashchikh // VFPT. 1906. № 19. S. 217–221.
- Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii. T. 68. Pis'ma 1895 g. M.: Gos. izd. khud. lit., 1954.
- Tolstoy L.N. Sobranie sochinenii v 22-kh tomakh. T. 19. Izbrannye pis'ma 1882–1899. M.: 1984.
- Tolstoy L.N. – Chertkovu V. G., 7 oktyabrya 1895 g. // Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh / Pod obshej red. V.G. Chertkova. T. 87. Pis'ma k V. G. Chertkovu, 1890–1896. M.: Khud. lit-ra, 1937.
- Chekhov v perepiske s perevodchikami: Angliya [Sakharova E.M. Vstupitel'naya zametka] // Chekhov i mirovaya literatura: V 3 kn. / Red.-sost. Z.S. Papernyi, E.A. Polotskaya; Otv. red. L.M. Rozenblyum. M.: Nauka, 1997–2005 (Lit. nasledstvo; T. 100). Kn. 3. 2005.
- Chukovskii K.I. Dnevnik. 1901–1921 // Chukovskii K.I. Sobranie sochinenii: V 15 t. / [Sost. i komment.: E. Chukovskaya]. M.: Terra – Kn. klub, 2001–2013. T. 11. 2013.
- Shou B. Uchenik d'yavola: (Bezbozhnik): Melodrama v 3 d. / Per. s angl. S.I. Rapoport. M.: «Pol'za» V. Antik i K°, 1911. 104 s.
- Die Juden in Russland [Русские Люди о Евреях] Urkunden und Zeugnisse russischer Behörden und Autoritäten / Aus dem Russischen übersetzt von August Scholz. Berlin: Concordia Deutsche Verlags-Anstalt, 1900. 248 s.

- Rapoport S. [Book review]: Solntsev S. I. Wages as a Problem of Distribution // The Economic Journal. 1912. Vol. 22. Is. 86. P. 283–286.
- Rapoport S. [Book review]: Struve Peter. Economy and Price // The Economic Journal. 1916. Vol. 26. Is. 101. P. 85–88.
- Rapoport S. [Book review]: Struve P. B. Khosyaistvo i Tsena // The Economic Journal. 1916. Vol. 26. Is. 104. P. 521–524.
- Rapoport S. [Book review]: Ostroukhov P. A., Struve P. B. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734 // The Economic Journal. 1917. Vol. 27. Is. 105. P. 93–96.
- Rapoport S. [Book review]: Tugan-Baranovsky M. The Social Basis of Cooperation // The Economic Journal. 1918. Vol. 28. Is. 112. P. 423–428.
- Rapoport S. Lenin and Trotzky // Socialist Review. 1918. Vol. 15. April. P. 147–158.
- Rapoport S. Psychology of Bolshevism // The Contemporary Review. 1920. № 3. P. 392–397.
- Rapoport S. Can Russia Pay? // The Contemporary Review. 1930. September.
- Rapoport S. Translations and Translators: Mainly from the Russian // The Contemporary Review. 1928. Vol. 133. № 748. P. 500–508.
- Rapoport S. Mohammedan Writers on Slavs and Russians // The Slavonic and East European Review. 1929. June. Vol. 8. № 22. P. 80–98.
- Rapoport S. On the Early Slavs: The Narrative of Ibrahim-Ibn-Yakub // The Slavonic and East European Review. 1929. December. Vol. 8. № 23. P. 331–341
- Rapoport S. Reviews: The First Russian Grammar in England // The Slavonic and East European Review. 1930. December. Vol. 9. № 26. P. 471–476.
- Sell's Dictionary of the World's Press: In Commemoration of the Sixtieth Year of Her Majesty's Reign. London: Linotype Co., 1897.
- Tolstoy L. The Gospel in Brief / Translated from the Russian original. Embodying the author's last alterations and revisions. Croydon: Brotherhood Publishing Co.; London: Walter Scott, 1896. 226 p.
- Tolstoi L. N. Master and Man. A Story / rendered from the Russian into English by S. Rapoport and John C. Kenworthy. London: Walter Scott, 1895. 64 p.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Центра по истории и межкультурным отношениям Института истории НАН Беларуси; irina_chikalova@mail.ru

Forgotten London Correspondent of the Russian Journals Semen Isaakovich Rapoport

The article continues a series of publications by the author that are dedicated to the life and works of a forgotten Russian pre-revolutionary expert in British Studies – scholars and publicists. The focus of the research is centered on the personality of the journalist Semen Isaakovich Rapoport (1858–1934), who from 1891 was based in London and up to 1917 had been published articles from England in the Russian periodicals such as newspapers “Novosti”, “Nedelia”, journals “Knizki Nedeli”, “Severnyi Vestnik”, “Russkoe Ekonomicheskoe Obozrenie”, “Vestnik Evropy”, “Mir Bozyi”, “Obrazovanie”, “Russkaia Mysl”, “Vestnik Finansov, Promyshlennosti i Torgovli”. It is presented “geography” and thematic varieties of the Rapoport’s publishing activity. Well known to his contemporaries, his name appeared to have been forgotten for long years after the revolution in Russia.

Keywords: Semen Rapoport, England, British Studies, Russian empire, journalism, periodicals in Russia

Irina Chikalova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of the World History, Belorussian State Pedagogical University n.a. Maxim Tank; Leading research fellow, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus; irina_chikalova@mail.ru

Г. Н. КАНИНСКАЯ

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ ОДНОГО ЛЕВОГО ГОЛЛИСТА ЛЕО АМОН (1908–1993)

О взаимоотношениях России и Франции в разные периоды истории написано немало. Однако это исследовательское поле отнюдь не исчерпано, в частности в том, что касается взаимопереплетения семейных судеб. В личной памяти, семейных архивах порой обнаруживаются до сих пор мало известные или совсем неизвестные факты, которые подчас самым неожиданным образом вписываются в историю советско-французских отношений, по-своему дополняя и обогащая наши представления об «особой их чувствительности». Семейная история Лео Амона служит тому наглядным примером и представляет интерес с точки зрения такого актуального направления современного исторического знания, как частная или повседневная история.

Ключевые слова: *социалистические идеалы, исторический голлизм, левый голлизм, самоидентификация, патриотизм, советско-французские отношения, межкультурный диалог*

Один из ближайших соратников Шарля де Голля по Сопrotивлению, партийно-политической борьбе и бессменный министр в его правительствах времён Пятой республики Анри Мальро однажды сказал, что в голлизме, как в вагоне метро, можно встретить кого угодно. Смысл этого высказывания сводится к тому, что в рядах голлистов оказались выразители как правых, так и левых взглядов. За последними прочно закрепилось определение «левые голлисты», а к их признанным лидерам неизменно относят Рене Капитана, Луи Валлона и Лео Амона¹. В программных выступлениях генерала де Голля левых голлистов особенно привлекала идея «ассоциации труда и капитала», которую они считали неотъемлемым условием обновления французской демократии на принципах социальной справедливости и солидарности.

Так как все трое – Р. Капитан, Л. Валлон и Л. Амон – одними из первых откликнулись на призывы де Голля к Сопrotивлению, они по праву причисляются к поколению «исторических» голлистов, за которыми в политическом лексиконе закрепилось ещё название «бароны» голлизма². Однако если их кумир и «спаситель французской нации» де

---

¹ Подробнее о левых голлистах см., напр.: Sigoda 1983; Charbonnel 1996; Черкасов 1978; Новиков 1984.

² «Историческими» голлистами, или «баронами» голлизма в научной литературе принято называть тех соратников генерала де Голля, которые присоединились к нему со времён движения Сопrotивления в годы Второй мировой войны и оставались преданными ему на протяжении всей его дальнейшей политической карьеры. Подробнее о тенденциях и классификации голлистов см. статью одного из маститых французских специалистов по истории XX в. С. Берштейна (Dictionnaire De Gaulle. P. 550-552), а также: Berstein 1999; Арзаканян 1990; 2001.

Голль в межвоенный период определённо сформировался как выразитель правых взглядов и слыл консерватором³, то политическая биография Валлона, Капитана и Амона складывалась под левыми знамёнами, в стане либералов-реформистов. Первый вышел из рядов социалистической партии (СФИО). Второй – сын известного профессора-юриста, специалиста с мировым именем по гражданскому праву – зарекомендовал себя ярым антифашистом и сторонником левоцентристского правительства Народного фронта с начала 1930-х гг. Судьба третьего, который с 1930 г. работал адвокатом и неоднократно защищал в судах интересы близкого к компартии (ФКП) профсоюза ВКТ и возглавляемых коммунистами муниципалитетов, оказалась связанной с Советским Союзом, образно говоря, «родственными узами».

Между тем, до выхода в свет в 1991 г. мемуаров самого Лео Амона⁴ в литературе по истории голлизма и голлистов о его русских корнях не упоминалось. В интервью автору этой статьи 7 октября 2013 г. один из наиболее авторитетных в России специалистов по истории Франции, проработавший долгое время в Посольстве СССР в Париже, Ю.И. Рубинский говорил, что «в Советском Союзе людей, которые связаны по происхождению с прежней Россией, конечно, как-то старались использовать, когда они занимали какую-то позитивную позицию по отношению к нашей стране, но в то же время раскапывать особенно – это не поощрялось: неизвестно, что можно было там найти» [архив автора].

Что же связывало по происхождению Лео Амона с нашей страной и что можно было найти в этой связи?

Обратимся в первую очередь к мемуарам самого Амона, из которых узнаём, что в действительности он по рождению – Леон Яковлевич Гольденберг, а родители его – Яков Рафаилович (1876–1935) и Софья Ароновна (1881–1949, урождённая Слоним) Гольденберги – политические эмигранты из Российской империи, большие друзья Розы Люксембург. Преследуемые, как и она, после подавления революции 1905 г. в России, Гольденберги эмигрировали не в Германию, как их подруга, а во Францию, потому что для них, пишет Лео Амон: «Эта страна олицетворяла победу и революции, и Республики, и прав человека»⁵. Со слов матери, он сообщает о том, что в 1905 г. кабинет его отца, работавшего в то время в Варшаве врачом, часто превращался в госпиталь для раненых, где работала и Софья Ароновна, и что, когда она вспоминала об этих «героических днях, на её глаза наворачивались слёзы»⁶.

Рассуждая о мировоззрении родителей, Лео Амон подчёркивает: «Для обоих социализм был необходимостью Истории. Маркс... был для

³ Подробнее см. об этом: Арзаканян 2007; 2012.

⁴ Hamon 1991.

⁵ Hamon 1991. P. 13.

⁶ Ibid. P. 14.

них воплощением разума и справедливости, логическим продолжателем идеалов Просвещения и гуманизма... Я был воспитан в атмосфере этой преданности и в то же время скромности». Подчёркивая близость взглядов родителей с большевиками, он в то же время отмечает, что обнаружил позднее в письмах матери, что она не одобряла установки большевиков по вопросам дисциплины, считая «их нетерпимость по отношению к инакомыслящим неприемлемой»⁷. Он утверждает также, что родители вспоминали, как в эмиграции часто жили без средств существования, что они страдали, находясь в вынужденном изгнании, но полагали, что «царизм в России консолидировался», что они будут изгнанниками на всю оставшуюся жизнь, и, желая своему рождённому во Франции сыну избежать собственной участи, «решили, что он, живя во Франции, должен стать французом», поэтому с детства говорили с ним только по-французски. Л. Амон убеждён, что Софья Ароновна считала «своим долгом» пожертвовать родным языком в общении с сыном. Кроме того, воспитывали его вне религий, ибо «рационализм и сциентизм» начала XX века «отвернули родителей от религиозных верований, которые они считали обскурантизмом»⁸. Иными словами, заимствуя определение известного французского историка Ф. Фюре,⁹ родителей Л. Амона на полном основании можно отнести к «романтическим» и «сентиментальным» революционерам из интеллигенции.

Документальные подтверждения этому можно найти в архивных коллекциях во Франции и в России¹⁰. Примечательно, что личные дела Гольденбергов хранятся в РГАСПИ (бывшем архиве Коминтерна) в специальном отделе, содержащем картотеки выдающихся деятелей КПСС¹¹. Дело Я.Р. Гольденберга состоит из Личного листка ответственного работника Наркомздрава, представителя СССР в Германии, подписанного 26 ноября 1924 г. самим Яковом Рафаиловичем, его

---

⁷ Ibid. P. 15.

⁸ Ibid., p.16.

⁹ Фюре 1998, с. 135.

¹⁰ Будучи приглашённой во Францию выступить 12 декабря 2013 г. с докладом на тему: «Лео Амон в советских архивах» на конференции «Лео Амон. 1908–1993», автор статьи работала над поиском необходимых материалов в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Архиве внешней политики РФ (АВП МИД РФ). Далее эти архивы будут упоминаться по аббревиатурам. Кроме того, с некоторыми документами удалось ознакомиться в момент передачи личного архива Лео Амона его детьми в Центр истории Института политических наук Парижа (Sciences-po) в 2012 г. Тогда документы не были классифицированы, поэтому ссылаться на них будем так: Архив Sciences-po.

¹¹ Оригиналы документов находятся в филиале этого архива в г. Уфе. Так как в любезно присланных автору ксерокопиях документов из этого филиала нет шифров и нумерации страниц, то ссылка на них будет дана так: РГАСПИ.

партбилета члена ВКП(б), выданного 31 мая 1927 г. и подтверждающего дату вступления в ряды партии в 1925 г., а также одностороннего документа, озаглавленного «Биографические сведения о тов. Гольденберг Я.Р. имеющиеся в Учраспред П'отделе НКЗ» (всё как в справке – Г.К.), поступившего в этот отдел 29 сентября 1926 г. за подписью его заведующего Гродко. В архиве Sciences-ро оказались членские билеты Якова Рафаиловича из СФИО и ФКП, пропуски в Коммунистическую Академию при ЦИК СССР, на заседание II Пленума ЦКК ВКП(б) созыва XVI съезда от 1930 г., на 3 сессию ЦИК 5 созыва от 1930-31 гг., на IV Пленум ЦК ВКП(б) созыва XVI съезда от 1932 г., удостоверение сотрудника Государственной Академии коммунистического хозяйства от 1932 г., грамоты ударника 2-го и 4-го годов второй пятилетки. Здесь же приложена вырезка из газеты «Правда» от 29 сентября 1935 г. с некрологом о Я.Р. Гольденберге, в котором сообщается о его скоропостижной кончине 26 сентября 1935 г. на рабочем месте в Академии коммунального хозяйства (АКХ), где он был заместителем директора.

Сам факт, что центральный печатный орган ВКП(б) откликнулся на смерть Якова Рафаиловича свидетельствует о том, что он состоял на хорошем счету у тогдашнего советского руководства и уже начинавшиеся репрессии его не коснулись.

Ксерокопия досье С.А. Гольденберг, присланная из Уфы, содержит документы, датированные 1938–1940 гг., и примечательна тем, что, наряду с Личным листком по учёту кадров и официальными фотографиями, в нем хранится написанная на пяти страницах автобиография, датированная 24 декабря 1940 г. Московская работа Софьи Ароновны перечислена как в автобиографии, так и – ещё более подробно, по годам и месяцам – в Личном листке и Регистрационном бланке члена ВКП(б). До 1930 г. она была заместителем ответственного редактора «Экономической жизни», затем, до 1932 г., руководила «группой обобщения материалов и подготовкой их в ЦКК НКРКИ, после, до 1935 г. была учёным секретарём Комакадемии, а после трёхмесячной работы в 1936 г. старшим научным консультантом ОГИЗ¹², с того же года и до 1940 г. прошла путь от научного редактора до заведующей отделом всеобщей истории в издательстве «Советская энциклопедия»¹³.

Согласно документам, к революционной борьбе Яков Рафаилович и Софья Ароновна приобщились с молодых лет, практически одновременно и начинали её в руководящих организациях Социал-демократической партии Польши и Литвы (СДПиЛ). Я.Р. Гольденберг родился в Варшаве, национальность в Личном листке значится «русский», социальное происхождение в машинописном варианте – «мещанин», но от

---

¹² ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР, существовавшее с 1930 по 1949 гг.

¹³ РГАСПИ.

руки при неясной подписи исправлено на «служащий». По образованию он врач, работать по специальности начал с 1902 г. и в тот же год вступил в ряды СДПиЛ, состоял членом Заграничного Комитета партии. В 1906 г. был арестован и привлечён по 102 статье¹⁴. Освобождённый под залог продолжал работать и за неделю до суда скрылся за границу. В документе «Биографические сведения...» дословно сообщается:

«Во время империалистической войны 1914 года был мобилизован как врач, в 1917 году был арестован за большевистскую (здесь и далее подчеркнуто, как в тексте – *Г.К.*) пропаганду среди русских солдат и заключён в крепости в Тулоне, устранившийся от службы, находился в течение 3-х лет под надзором, без права выезда из Франции. За этот период неоднократно подвергался обыскам.

Работал в Компартии Французской, участвуя в нелегальной работе Коминтерна; привлекался в 1921 году по делу Комитета 3-го Интернационала¹⁵ и был выслан из Франции в апреле 1921 г. Приехал в Москву на 3-тий Конгресс Коминтерна.

С сентября 1921 года работал в Берлине по назначению Наркомздрава. Будучи в Германии, принимал участие в нелегальной работе Компартии Французской и по совету некоторых русских товарищей, ввиду характера его работы, не вступал в ячейку нашей партии.

В Берлине за ним был установлен тайный надзор и в марте 1922 года, во время его пребывания в Москве, на квартире тов. Гольденберг произведён был обыск.

По заявлению т. ГОЛЬДЕНБЕРГ (так в тексте – *Г.К.*) он неоднократно обращался за этот период к ответственным работникам нашего полпредства с просьбой привлечь его, помимо официальных занятий, к партийной работе. Предлагал вести работу в кружках сотрудников Полпредства»¹⁶.

Из Личного листка Софьи Ароновны узнаём, что родилась она в Киеве, в семье мещан, по национальности еврейка.

В автобиографии она писала: «Кончив среднее образование (гимназию) в 1898, покинула родительский дом и с 18 л. жила самостоятельным трудом, занимаясь педагогически-литературной работой. В Киеве, Екатеринославе, Бердянске, Варшаве (1898–1901) давала частные уроки (по предметам и музыке) у разных лиц. Одновременно вела пропагандистскую работу среди рабочих и учащейся молодёжи. В 1902 г. вступила в польскую с-д партию. В 1903 г. – член Заграничного бюро ЦК ПСД. Нелегальная работа, перевозка нелегальной литературы, авторское участие в нелегальной печати. В конце 1904 г. – в Варшаве на партийной работе: член Варшав-

¹⁴ По статье 102, согласно Уголовному Уложению Российской империи, осуждали «на ссылку на поселение за подговор на создание сообщества с целью изменить общественный строй России», даже если такое сообщество не было создано. Подробнее см. об этом: Шебалков 2013. № 4. С. 465-469.

¹⁵ В 1921 г. французские коммунисты были обвинены в «заговоре против внутренней безопасности и государства», часть руководителей судили и приговорили к тюремным срокам. Подробнее о процессе см., напр.: Фюре 1998. С. 236; а о перипетиях в СФИО и ФКП и судебных процессах против них: Вершинин 2012.

¹⁶ РГАСПИ.

ского комитета ПСД, руководитель школы отв. пропагандистов, член комитета военно-революционной организации и отв. редактор военно-революционного органа, руководитель кружков железнодорожников, участие в партийной печати. В конце 1906 г. арест, тюремное заключение по ст.102 (каторга), по постановлению парторганизации организован побег, эмигрировала в Краков (3 м.), а затем – в Париж – 1908 г.».

Далее по автобиографии прослеживается, что в 1909 г. С.А. Гольденберг вошла в Заграничное бюро ЦК РСДРП, работала с Н.К. Крупской в женских кружках, сотрудничала с Н.А. Семашко, а после перенесения большевистского центра в Прагу, оставаясь в Париже, работала лектором и пропагандистом во Французской социалистической партии.

«С конца 1918 по 1923 гг. находилась на секретной работе по организации связи с работой Комитета III Интернационала с германской компартией. В связи с коммунистическим процессом во Франции находилась под полицейским надзором, арестована и после недолгого тюремного заключения изгнана из Франции. После конгресса Коминтерна в 1921 г. снова на секретной работе по связям с франц. Компартией; пребывание в Берлине. В 1923 г. после двукратного обыска немецкой полиции оставила работу в Коминтерне и в Москве перешла на работу в газету «Экономическая жизнь», но продолжала жить в Берлине до 1928 г., посылая оттуда корреспонденции в Москву» (РГАСПИ).

Родители Л.Амона как нелегальные агенты Коминтерна скрывались под псевдонимами «Куба» и «Станислава»¹⁷.

Л. Амон в мемуарах рассказывает о семье матери несколько иначе, чем она в автобиографии. Он пишет, что семья матери Слоним была зажиточной благодаря её отцу Арону Исааковичу, почётному гражданину города Новгород-Северский на Украине, что, в свою очередь, предоставляло его детям возможность жить и учиться за пределами «местечек». Поэтому Софья, одиннадцатый ребёнок в семье, смогла получить среднее образование в лицее в Москве, а потом, в 18 лет, «после большого скандала со своими братьями и сёстрами отправилась продолжать учёбу за границу и получила в Берне диплом о высшем образовании по специальности философия»¹⁸. Получается, что, указав в своих анкетных данных на мещанское происхождение, С.А. Гольденберг несколько откорректировала свою биографию, что, впрочем, вполне объяснимо с учётом обстановки в СССР в 1930–1940-е гг.

Есть и ещё один факт в автобиографии Софьи Ароновны, который не находит подтверждения. Она написала, что сын её, Леон Яковлевич Гольденберг, родившийся в 1908 г. в Париже и проживающий там, – «член французской коммунистической партии». Однако нигде никогда не упоминалось о коммунистической принадлежности Лео Амона, а на посвящённой ему конференции в 2013 г., где присутствовали двое из

¹⁷ РГАСПИ, Ф. 517, оп. 1, д. 26, л. 22; также: Архив Sciences-po.

¹⁸ Hamon 1991. P. 13.

его четверых детей и бывшая личный секретарь, этот факт решительно опровергался. Учитывая год написания автобиографии (1940), когда лучше было не иметь «буржуазных» родственников за границей, можно допустить, что заявление о принадлежности Лео Амона к ФКП было сделано его матерью намеренно, ради обеспечения семейной безопасности, так как в автобиографии она сообщает, что в Ленинграде у неё проживают два беспартийных брата: С.А. Слоним (врач) и Д.А. Слоним (юрисконсульт), а в Киеве – сестра М.А. Быховская, вдова проф. Г. Быховского, получающая после его смерти персональную пенсию.

Из воспоминаний Л. Амона видно, что Софья Ароновна оказывала сильное влияние на сына. Она сама дала ему начальное образование, после чего он без труда поступил в колледж. Курьёзный эпизод, описанный Л. Амоном: оказывается, в 8 лет он умел читать, но не умел писать, так как думал: «Мама всегда будет рядом, если мне понадобится о чём-то ей рассказать»¹⁹. О влиянии отца Л. Амон пишет: «он мне привил чувство долга по отношению к обществу, в котором живёшь. Живя во Франции, он не отказался от русской национальности из чувства верности политике своей страны, но и считал себя обязанным защищать землю, принявшую его, поэтому был... из тех редких “оборонцев” большевиков»²⁰, кто поддержал вступление Франции в Первую мировую войну. С теплотой вспоминает Л. Амон о ближайшем друге родителей, как он пишет, «пессимисте, пацифисте и противнике социал-патриотизма», Шарле Раппопрте и о том, как он слушал их беседы с отцом, «мало что тогда понимая»²¹. О революционной деятельности родителей у Л. Амона остались смутные представления²². «Революционное прошлое моих родителей, твёрдая марксистская культура моей матери, знание о дружбе с Розой Люксембург притягивали молодых людей, ... большинство из которых были коммунистами, ... верившими в идеалы и абсолютные истины»²³.

Известие об отречении Николая II и Февральской революции в России, по воспоминаниям Л. Амона, родители встретили с необыкновенным восторгом, ибо «мечта их жизни и цель борьбы была достигну-

---

¹⁹ Hamon 1991. P. 13.

²⁰ Ibid. P. 17.

²¹ Ibid. P. 20. Шарль Раппопорт (1865–1941), натурализовавшийся выходец из России, коминтерновец и один из основателей ФКП, порвавший с ней в 1938 г. из-за того, что партия не осуждала сталинские репрессии.

²² Hamon 1991. P. 26-27 Особо он выделяет Бориса Суварина. Б. Суварин (Лифшиц) (1895–1984) – журналист российско-еврейского происхождения, его родители поселились во Франции после еврейских погромов в Российской империи в начале XX в. Стоял у истоков ФКП, представлял её в Коминтерне, сторонник Троцкого, впоследствии порвал с коммунистической идеологией, посвятив её критике массу публикаций во французской печати. См.: Вершинин 2012. С. 50-183; Фюре 1998. С. 135-144; 567.

²³ Hamon 1991. P. 25.

та». Вернуться в Россию сразу после февраля 1917 г., как это сделали многие политэмигранты, Гольденберги не смогли лишь потому, что отец находился на фронте. После Октябрьской революции, когда возвращение в страну большевиков, говоря словами Л. Амона «оказалось затруднённым», а родители в 1921 г. вынуждены были покинуть Францию и уехать в Берлин, Яков Рафаилович предоставил своему сыну право выбора, и тринадцатилетний Лео «выбрал оставаться французом... и жить во Франции, что бы ни случилось». Родители договорились со своими друзьями польскими эмигрантами Жаном и Жанной Топас о том, что Леон будет жить у них в Париже, и так, по его словам, для него началась новая жизнь, причём, в политическом плане тоже, потому что художник Жан и пианистка Жанна «не были антикоммунистами..., но и никак не откликались на призывы к революции»²⁴.

В архиве Лео Амона сохранилось немало писем родителям от их друзей, где говорится о «нежелательности» подобного раскола семьи, даются советы о том, что «надо поскорее воссоединиться». Сам Лео Амон таким образом объясняет мотивацию родительского решения. Во-первых, задаваясь вопросом о том, не «пообещали ли себе родители, что сделают всё для того, чтобы их сын не испытал того чувства отрыва от корней, как они, будучи в изгнании», он предположил, что ему, рождённому во Франции, они определили эту страну как родину навсегда и именно поэтому говорили с ним по-французски, пожертвовав своим родным русским языком. Во-вторых, Лео Амон вспоминает о том, как однажды польский историк спросил его о том, не было ли продиктовано решение родителей тем обстоятельством, что они старались уберечь его от надвигающегося революционного насилия, и утверждает, что тогда, в 1921 г., у родителей не было ощущения нарастающей угрозы. Его объяснение таково: «Они выбрали Францию для своего сына просто потому, что их сын выбрал Францию. Они были образцовыми родителями, имевшими достаточно сердечности и здравомыслия для того, чтобы его понять, принять и действовать по обстоятельствам»²⁵. Жить и учиться во Франции Л. Амону во многом помогли средства, оставленные ему по завещанию от деда А.И. Слонима, назначенные специально на его образование. После лицея он поступил на юридический факультет в Парижский университет Сорбонну, где одним из ближайших его друзей стал упоминавшийся выше Рене Капитан.

Хотя, в архиве Лео Амона есть письмо в Российское Генеральное консульство, датированное 1 августа 1924 г., в котором он, Леон Яковлевич Гольденберг, просит выдать ему удостоверение о том, что он «состоит русским гражданином, так как родился 12 января 1908 г. в Париже от русских родителей». Каков был ответ из консульства и был

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ Ibid. P. 29.

ли вообще – неизвестно. В СССР начинались «чистки», страна «закрывалась» от иностранцев. Софья Ароновна побывала в Париже в 1934 г., погостила в семье Леона 10 месяцев, он попытался задержать её, «насколько можно долго, но, сознательность и долг советской гражданки, так же как и супруги, обзывал её вернуться»²⁶. А спустя месяц умер Яков Рафаилович. СообщиЛ. Амону об этом старый коммунист, соратник отца по ФКП, Жак Садуль. На похороны отца в сентябре 1935 г. Л. Амон смог приехать в Москву, но это был его единственный визит за межвоенный период. В мемуарах он пишет, что после этого предпринимал ещё несколько попыток получить визу в СССР, в т.ч. чтобы побыть с матерью на годовщину смерти отца, но безрезультатно. Сохранилось письмо жены Л. Амона Сюзанны Гольденберг, написанное 25 ноября 1937 г. депутату французского парламента (фамилия его не указана – Г.К.), отправляемому в поездку в Москву, с просьбой хлопотать о том, чтобы Софье Ароновне, которая лежит в Кремлёвской больнице с сердечной болезнью, разрешили переехать во Францию. Причём она пишет, что «делает всё сама, не посвящая мужа, ибо они уже просили визу, но не получили»²⁷. Видно, депутат не сумел помочь Лео и Сюзанне Гольденбергам, так как сын не виделся с матерью до 1946 г., и даже о её болезни в 1935-36 гг. – он узнал «окольными путями». Несмотря на то, что они в годы разлуки переписывались с матерью раз или два в неделю, «осознание того, что она одна, а он ничего не может с этим поделать, вынуждало его страдать морально»²⁸.

Можно лишь догадываться о причинах длительной сердечной болезни матери Амона. Была ли она вызвана скоропостижной смертью мужа, или на здоровье обоих представителей «старой гвардии» большевиков так отразились события в СССР в 1920–1930-х гг.? Якову Рафаиловичу и Софье Ароновне не раз приходилось «отбиваться» перед руководством ВКП(б) от обвинений в их адрес. В РГАСПИ хранится письмо полпреда в Германии Н.Н. Крестинского, отправленное в адрес Н.А. Семашко и Г.К. Орджоникидзе 9 февраля 1929 г. (с просьбой передать это письмо и в Секретариат ЦК), в котором причина задержки возвращения Я.Р. Гольденберга объясняется тем, что он на две недели «остался, чтобы помогать лечиться Енукидзе (тот не говорит по-немецки), и, если Енукидзе понадобится ехать в Бреславль, опять будет его сопровождать»²⁹. Если учесть судьбу А.С. Енукидзе, бывшего секретарём ЦИК СССР до 1935 г. и казнённого в 1937 г. по обвинению «в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств», как и члена

---

²⁶ Hamon 1991. P. 64-65.

²⁷ РГАСПИ, Ф.495, оп. 270, д. 5307, л. 3.

²⁸ Hamon 1991. P. 65.

²⁹ РГАСПИ, Ф. 85, оп. 27, д. 424, л. 24.

Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г. Г.К. Орджоникидзе, застрелившегося, опасаясь репрессий в 1937 г., и самого Н.Н. Крестинского, казненного в 1938 г., то нельзя быть уверенными, что Я.Р. Гольденберг не пострадал бы, проживи он ещё несколько лет.

В начале 1920-х гг. на обоих супругов поступало в разные государственные инстанции несколько доносов. Красноречиво содержание письма Ф.Э. Держинского от 4 января 1922 г. Б. Суварину: «Уважаемый товарищ, до моего сведения дошло, что циркулируют глупые слухи о якобы связях т. Гольденбергов из Парижа с провокатором Грановским³⁰. Считаю моим долгом заявить, что не только отвергаю самым решительным образом подобные нелепые слухи, но могу удостоверить, как представитель ВЧК, что т. Гольденберги ни в малейшей связи и никакого причастия к делу Грановского не имеют»³¹. «Нелепые слухи» о Гольденберге возникли по поводу его членства в ВКП(б). Оправдательные письма его к Н.А. Семашко и Софьи Ароновны к В. Таратуге³² свидетельствуют: Гольденберга обвиняли в том, что он не состоит в рядах партии большевиков, предлагая на этом основании отстранить его от работы в Наркомздраве³³. Он пишет: «Приехал в Москву на 3-й Конгресс КИ и там получил назначение быть представителем НКЗ в Германии. Продолжал участвовать в нелегальной работе ФКП и поэтому по совету некоторых товарищей (т.к. нелегальщик) в РСДРП не вступал... Источником доходов моей семьи в Берлине является мой заработок как сотрудника Наркомздрава и жалование, получаемое в первое время от ФКП, в данный момент от редакции «Экономической жизни». Частной практикой не занимаюсь, и других доходов у меня не было и нет... За моё двухлетнее пребывание в Берлине я ни разу не брал отпуска, наш образ жизни в Берлине известен тем ответственным товарищам, которые приезжали в этот период в Берлин, и в работе своей ближе сталкивались с нами»³⁴. В ещё одном адресованном Семашко письме (25 августа 1925 г.) он поясняет: «Никогда ни идейно, ни программно не отделял себя от партии. Изгнанный из Франции, я вообще первое время был на нелегальном положении в Германии и, как Вам известно, принимал уча-

---

³⁰ Грановский (Абрамсон) Г.А. был арестован ВЧК 18 октября 1920 г. по подозрению в контрреволюционной деятельности.

³¹ ГАРФ, Ф. 482, оп. 41, д. 769, л. 8.

³² Виктор Константинович Таратуга (1881–1926) – состоял в РСДРП с 1898 г., в 1909–1919 гг. жил в эмиграции во Франции под фамилией Кемерер, с 1917 г. был членом соцпартии (СФИО), в 1919 г. примкнул к Коминтерну, переехал в Москву, где занимал разные государственные должности.

³³ Точных дат у этих писем нет, но другое, более краткое, аналогичного содержания письмо Я.Р. Гольденберга Н.А. Семашко датировано 23 июня 1923 г. (ГАРФ, Ф. 482, оп. 41, д. 769, л. 15).

³⁴ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л.3. В числе ответственных товарищей названы уже упоминавшиеся Б. Суварин, В. Таратуга, Ш. Раппопорт.

стие в нелегальной партработе по установлению связи с французской компартией. Моя нелегальная работа и временный полицейский надзор служили препятствием для моего зачисления в местную ячейку РКП. В таком положении... я принуждён был откладывать оформление зачисления моего в РКП до приезда в Москву»³⁵. Софья Ароновна тревожится, негодует и ищет справедливости: «Мы узнали через преданных нам товарищей, что во Франции против нас ведут гнусную кампанию, пороча наше имя. Собранный «материал» отослан будто бы в Москву, в Центральную Контрольную Комиссию (здесь и далее подчёркнуто в тексте – Г.К.). Нас никто не опрашивал, мы не знаем, в чём нас обвиняют»... Но против гнусной клеветы мы будем бороться всеми силами, всеми средствами. Об истории с Грановским не пишу. Она хорошо известна Дзержинскому. Его ответ посылаю. До нас дошли слухи, что наш образ жизни в Германии подозрителен (квартира и прочее). Вы, будучи в Германии, видели наш образ жизни... Проживаем мы тем, что зарабатываем, да и весь образ жизни нашей это доказывает... Единственная наша надежда, что в Москве найдутся среди прежних товарищей друзья, которые, зная нас долгие годы, помогут нам выйти из создавшегося трагического положения. Действуйте, товарищ Виктор, энергично. Помогите нам разъяснить всю необоснованность, гнусность этой кампании»³⁶. В письме много места уделено описанию их тесного сотрудничества с эмиссаром Коминтерна в Париже нелегалом Александром Абрамовичем, скрывавшимся тогда под псевдонимом Залевский³⁷.

Тогдашний нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко подержал Гольденбергов и вместе с С. Орджоникидзе содействовал переводу в 1929 г. Якова Рафаиловича на работу в Москву. В одном из рекомендательных писем Семашко писал, что знает Якова Рафаиловича с 1908 г. и что «в деятельности Заграничного бюро социал-демократов Польши его часто заменяла жена «Станислава»»³⁸, а в другом, адресованном в ЦК РКП тов. Кагановичу 17 октября 1923 г., сообщал, что по наведённым им сведениям, «материалов, компрометирующих товарища Гольденберга, требующих немедленного отзыва его как представителя Наркомздрава»³⁹ не имеется. В письме Н.А. Семашко, написанном в 1928 г. неизвестному адресату и озаглавленном «Стиль работы Я.Р. Гольденберга», стиль этот назван «точность» и говорится: «Благо-

³⁵ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 23.

³⁶ Там же, л.12, 13, 14.

³⁷ Александр Емельянович (Шая Зеликович) Абрамович (1888–1974) – советский разведчик-нелегал, был в 1920-е гг. уполномоченным Коминтерна по романским странам и принимал участие в создании ФКП. Другие псевдонимы – Четуев, Абрамович-Четуев, А. Альбрехт, Арно. С 1924 г. занимал партийно-педагогические посты в СССР. В 1947 г. был награждён орденом Ленина.

³⁸ Архив Sciences-po.

³⁹ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 15.

даря его энергии, связь с заграницей всё более расширялась. Когда он в 1928 г. приехал в Москву и стал во главе Бюро Заграничной информации Наркомздрава, стали умножаться случаи приезда иностранных учёных в Москву... Так, в самые тяжёлые годы существования Советской республики, при враждебном окружении её, Я.Р. Гольденберг помогал прорвать блокаду ненависти и рассказать трудящимся всего мира правду о строительстве социализма в нашей стране»⁴⁰.

В архивах хранятся положительные характеристики и других советских партийных работников на Гольденбергов (в т.ч. А. Луначарского)⁴¹. Но даже уже приведённые выше имена тех, с кем связывало их революционное прошлое, свидетельствуют о причастности супругов Гольденбергов к значимым событиям мировой и национальной истории, пусть и не в качестве главных героев. Ведь успеху главных героев, о которых написано немало, во многом содействовала деятельность «рядовых бойцов» революции, о которых или мало известно, или неизвестно вообще. В то же время, изучение их биографий позволяет глубже понять историю нашей страны, а в случае с семьёй Гольденбергов – ещё и историю франко-российских связей.

В документах Гольденбергов дооктябрьского периода хранятся письма Софьи Ароновны К. Каутскому, лидеров польских коммунистов, стоявших у истоков компартии Польши: Ю.Ю. Мархлевского (1866–1925), А. Варского, эмигрировавшего в СССР в 1929 г. и репрессированного в 1937 г. Есть свидетельства о встречах Гольденбергов за границей с В.И. Лениным, с которым они в дооктябрьский период не во всём были согласны и дискутировали с большевиками от имени польских социал-демократов. Среди их соратников были революционеры с самыми разными судьбами. Вспомним имена ставших антикоммунистами французов Б. Суварина и Ш. Раппопорта, представителей «большевистского ядра»: Ф. Держинского, В. Таратуты, не доживших до времени «Большого террора» в СССР, избежавших репрессий Н.А. Семашко, А. Луначарского, А. Абрамовича, а также исчезнувших в горниле кровавых событий А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, Н. Крестинского. Думается, к Гольденбергам вполне применимо заключение Ф. Фюре о французских коммунистах Б. Суварине и П. Паскале⁴²: «Поражаешься, как многое они были согласны терпеть: полицейская слежка, проверки на верность ленинизму, задержка паспортов, вскрытие корреспонденции, преследование за любое свободомыслие»⁴³.

Софья Ароновна получила разрешение на выезд к сыну только в 1946 г. и прожила в Париже всего 3 года. В архиве Л. Амона есть чер-

⁴⁰ Архив Sciences-po.

⁴¹ ГАРФ, Ф.482, оп. 41, д.769, л. 22; Архив Sciences-po.

⁴² Подробнее о П. Паскале см.: Бабинцев 2009.

⁴³ Фюре Ф. 1998. С.143.

новик письма матери в МИД СССР от 30 августа 1945 г. с просьбой разрешить ей поездку к сыну в Париж на 2-3 месяца. Сначала она писала: «Мой сын находился во Франции в подполье вплоть до её освобождения от оккупантов. В последний раз приезжал в Москву в 1935 г.», а затем исправила таким образом: «Мой сын – член французского парламента и крупный политический работник, неоднократно бывал для свидания со мной»⁴⁴. Можно лишь предполагать, что сыграло решающую роль в разрешении Софье Ароновне выехать в Париж: тот факт, что происходило всё это в первые годы после окончания Второй мировой войны, когда ещё не разгорелась холодная война, а Франция и лидер Соппротивления, де Голль, подписавший в Москве в декабре 1944 г. со Сталиным договор о дружбе, равно как и его соратники-голлисты, коим был и Лео Амон, пользовались особым уважением у советского руководства, или же учитывались особые заслуги перед ВКП(б) Софьи Ароновны, её возраст (65 лет) и состояние здоровья.

Когда вскоре после начала Второй мировой войны потерпевшая поражение Франция в июне 1940 г. подписала акт о капитуляции с Гитлером, смирившись с оккупацией трети страны на севере, включая Париж, Лео Гольденберг, находившийся в южной неоккупированной зоне в Тулузе, не колеблясь, встал на сторону «символа Соппротивления»⁴⁵ де Голля и начал искать контакты с единомышленниками. Первыми, с кем он познакомился, были: социалист Д. Мейер; основатель партии Народно-республиканское движение (МРП) в 1944 г. П-А. Тэтжен; «исторический» голлист А. Фрэнэ; один из создателей первой группы Соппротивления в северной зоне, в Музее человека, и один из первых расстрелянных нацистами соппротивленцев, эмигрант из Российской империи Б. Вильде⁴⁶. Впоследствии Лео Гольденберг, член группы «Резистанс», перебрался в северную зону, перешёл на нелегальную работу под псевдонимом Лео Амон. В дни Парижского восстания 25 августа 1944 года, он от имени Парижского комитета Освобождения принимал участие в подписании акта о капитуляции немецкого гарнизона и 26 августа участвовал в параде на Елисейских полях, где французы и французженки торжественно встречали «своего спасителя» де Голля.

Почему после освобождения Франции Лео Гольденберг предпочёл остаться Лео Амоном, в мемуарах он объясняет так: «Многие борцы Соппротивления хотели как-то увековечить свои псевдонимы героических времён и, воспользовавшись специальным декретом Временного правительства, либо вообще заменяли ими прежнюю фамилию, как, например, это сделали генерал Леклерк, урождённый Отклок, Жан Марэн, урождённый Морван, либо добавляли псевдоним к прежней

---

⁴⁴ Архив Sciences-po.

⁴⁵ Намон 1991. Р. 94.

⁴⁶ Подробнее о Соппротивлении во Франции см.: Смирнов 1974.

фамилии, как поступил, в частности, премьер-министр правительства Ж. Помпиду Ж. Шабан-Дельмас, урождённый Шабан»⁴⁷. Лео Гольденберг избрал для себя первый вариант, и дети его носят фамилию Амон.

Когда Франция перешла на мирные рельсы и занялась восстановлением республиканского строя, Л. Амон не поддержал призыв коммунистов о возрождении Национального фронта, вынашивая надежду на образование голлистской партии Сопrotивления во главе с де Голлем. Он был в составе делегации, обратившейся к де Голлю в апреле 1945 г. с предложением такую партию создать, но генерал ответил отказом. А когда в июле 1946 г., в ходе подготовки ко второму референдуму по Конституции будущей Четвёртой республики (1946–1958) Р. Капитан создал Голлистский союз, Амон безоговорочно вступил в его ряды. После неудачных для Союза результатов парламентских выборов в ноябре 1946 г., повлёкших за собой его распад, Амон вошёл в другую партию бывших соратников де Голля по Сопrotивлению – МРП, стоявшую на антикоммунистических позициях. От МРП в 1946 г. Лео Амон был избран сенатором Четвёртой республики. А из этой партии в 1954 г. он был исключён за то, что нарушил партийную дисциплину и голосовал против Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), или «европейской армии», предполагавшего создание и включение туда западно-германских воинских частей. В 1955 г. Л. Амон вступил в партию Молодая республика, объединявшую всех независимых левых⁴⁸. Таким образом, втянувшись в политическую жизнь Франции как голлист, Лео Амон сохранял верность левым убеждениям, но вне ФКП.

В 1958 г., когда после кризиса и падения Четвёртой республики де Голль вернулся к власти, создав нынешнюю, Пятую республику, Амон горячо приветствовал это событие. В апреле 1959 г. он вместе с Р. Капитаном, Л. Валлоном и Ж. Грандвалем создал объединение левых голлистов «Демократический союз труда» (ЮДТ – от французской аббревиатуры – *Г.К.*) и вошёл в редакционную коллегию журнала Союза «Наша Республика» (*Notre République*). После образования в Пятой республике новой голлистской партии Союз в защиту республики (ЮДР – *Г.К.*) ЮДТ примкнул к ней, образовав внутри неё «левое крыло». В 1967 г. Лео Амон вошёл в исполнительный комитет ЮДР, но в то же время, «оставаясь верным своим прогрессистским убеждениям,

---

⁴⁷ Hamon 1991. P. 219-220.

⁴⁸ Эта партия, официально созданная в 1936 г., возникла на основе Лиги молодой республики, существовавшей во Франции с 1912 г., имела социалистическую направленность, но к партии ФСП, созданной в 1971 г. Ф. Миттераном, присоединяться не желала и в 1985 г. без официального объявления прекратила существование. В разные периоды её членами были Аббат Пьер, левый голлист, боец Сопrotивления Ш. д'Арагон, социалист Ж. Делор, впоследствии Председатель Европейской Комиссии (КЕС) в 1984–1994 гг., коммунист А. Ле Порс, будущий министр социалистического правительства Ф. Миттерана в 1981–1984 гг. и др.

создал Современный Университет – место собраний интеллектуалов, защищавших голлизм, оставаясь вне партии»⁴⁹.

Если в годы президентства де Голля (1959–1969) левые голлисты довольствовались в реализации «ассоциации труда и капитала» скромной «поправкой Л. Валлона» о софинансировании заработной платы трудящихся предпринимателями, одобренной парламентом в 1967 г.⁵⁰, то с избранием президентом Помпиду (1969–1974) и назначением премьер-министром Шабан-Дельмаса, предложившего французам реформаторскую программу «нового общества», основанного на социальном партнёрстве, во многом созвучную идеям левых голлистов, перед ними открывались широкие перспективы. Для Л. Амона президентство Помпиду ознаменовалось вхождением в правительство. Он занимал посты генерального секретаря, спикера правительства Ж. Шабан-Дельмаса, министра информации, в мае 1972 г. был назначен ответственным за разработку программы «участия и софинансирования», в частности, выдвинул предложение назначать директоров предприятий⁵¹. Однако левый голлизм не выдержал испытания временем, и уже с прихода к власти Помпиду между его лидерами проявились острые разногласия. Во-первых, с резкой критикой Ж. Помпиду за «предательство» идеалов де Голля выступил Р. Капитан, отказавшись участвовать в его правительстве. Во-вторых, с обличительным памфлетом «Анти-де Голль» против Помпиду выступил Валлон, за что был исключён из ЮДР. Сами левые голлисты по отношению к демаршу Валлона разделились. Те, кто поддержал его, остались во главе с Ж. Грандвалем в ЮДГ, но дистанцировались от ЮДР. Осудившие Л. Валлона, среди которых был Амон вместе с И. Моранда и Ф. Дешартом, активно включились в работу правительства Помпиду и образовали новое объединение: «Движение за социализм и участие»⁵². В дальнейшем верность Амона «историческому голлизму» и левым идеям проявилась в том, что он не поддерживал Ж. Ширака и не участвовал в созданной им в 1976 г. неоголлистской партии Объединение в поддержку Республики (ОПР), считая, что партия «узурпирована правыми»⁵³, а в 1981 г. на президентских выборах голосовал за социалиста Ф. Миттерана.

Важное место в деятельности Амона занимали вопросы борьбы за мир, коллективную безопасность в Европе, диалог стран Запада и Востока, в котором видное место отводилось укреплению франко-советских связей. Активность Амона учитывалась советским руководством. Например, в МИД СССР поступило немало справок о его выступлении

---

⁴⁹ Dictionnaire De Guaulle. P. 595.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Casanova 1967.

⁵¹ Новиков 1984. С.114.

⁵² Berstein S. Histoire du guaullisme... P. 372.

⁵³ Новиков 1984. С. 254.

ях в прессе, в партии МРП, в парламенте против ЕОС и Парижских соглашений, которые привели к созданию армии в ФРГ и её вхождению в НАТО⁵⁴. Не осталось без внимания голосование Амона в парламенте против ЕОС 30 августа 1954 г., когда Франция «похоронила европейскую армию», и исключение его за это из МРП⁵⁵. В правящих кругах СССР обращали внимание и на заявления Амона по вопросам коллективной безопасности в Европе и борьбе за мир, в частности, о необходимости созыва конференции четырёх – СССР, США, Франции Великобритании – для предварительного обсуждения германского вопроса накануне голосования по ЕОС и Парижским соглашениям⁵⁶. В архивных документах Амон характеризовался как «твёрдый сторонник переговоров между Востоком и Западом»⁵⁷. В его личном деле в РГАСПИ хранится подборка газетных вырезок из «Правды» и «Монд» с текстами его выступлений с мирными инициативами и по вопросам разоружения в 1950-е – начале 1960-х гг.⁵⁸ Учитывая, что это были годы самой жёсткой конфронтации между Востоком и Западом, позицию Амона в этом контексте нельзя определённо считать прозападной или проамериканской. В то же время, не осталась незамеченной и его критика в адрес СССР в связи с аннулированием в одностороннем порядке 10 мая 1955 г. советско-французского договора о дружбе 1944 г., последовавшем за ратификацией Францией в конце 1954 г. Парижских соглашений. Этот демарш он назвал «тактической ошибкой СССР»⁵⁹.

Буквально накануне аннулирования, 7 мая 1955 г. Л. Амон посетил СССР с делегацией участников Сопrotивления. Сам по себе визит был знаковым, так как проходил в то время, когда на официальном уровне, между французским и советским правительствами дело шло к разрыву договора о дружбе. Поэтому к визиту французов в СССР было приковано пристальное внимание⁶⁰. В отчёте о пребывании французских гостей, Амонu отведено места больше, чем другим приглашённым:

«Самым активным членом делегации являлся сенатор Л. Амон. Журналист и профессор, связан с газетами «Комба» и «Монд». Парламентский докладчик в Комиссии по иностранным делам французского Сената. Ранее состоял в партии МРП, из которой был исключен за выступления против

⁵⁴ АВП МИД РФ, Ф. 0595, № 688, оп. 5, д. 311, л. 11; № 708, оп. 12, д. 48, л. 124; № 749, оп. 48, д. 340, л. 182; № 428, оп. 3, д. 213, л. 6, 32, 47; Ф. 0136, № 21, оп. 42, д. 248, л. 182, № 56, оп. 43, д. 254, л. 136, № 3 оп. 44, д. 262, л. 38, 47, 56, 96.

⁵⁵ Там же, № 428, оп. 3, д. 213, л. 75, 77, 96.

⁵⁶ Там же, № 688, оп. 5, д. 310, л. 52; 749, оп. 48, д. 340, л. 447.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 11.

⁵⁸ Там же, л. 1-11.

⁵⁹ АВП МИД РФ, Ф. 0595, № 457, оп. 3, д. 226, л. 350; РГАСПИ, Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 10.

⁶⁰ АВП МИД РФ, Ф. 0136, № 268, оп. 45, д. 821, л. 33-39; ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 508, л. 134-147, 152-153, 175; РГНИ Ф. 3, оп. 21, д. 23, л. 16; РГАСПИ Ф. 495, оп. 270, д. 420, л. 9.

Парижских соглашений и голосования против их ратификации. Во время пребывания в Москве он довольно часто уходил один в город, подходил на улице к советским людям и заводил с ними разговор (он знает русский язык). Даже когда он был вместе со всей делегацией, он старался отходить от неё и вступал в разговор с кем-либо из советских людей, расспрашивая их о жизни, о заработной плате, о ценах на продукты и промтовары. За время своего пребывания в Москве он успел увидеть и узнать в несколько раз больше, чем любой другой член делегации. Внешне Амон вёл себя вполне лояльно. Он первый выступил по радио для Франции и заявил о получении полного удовлетворения от пребывания в Москве. Во всех своих выступлениях и беседах высказывал мысль о необходимости установления прочных франко-советских отношений и считает, что только совместные решительные действия могут помешать вооружению Германии. При этом он ссылался на примеры истории. Говоря о своих замечаниях о пребывании в Москве, Л. Амон заявил, что сейчас в Москве иностранцам стало легче. «Они, – заявил он, – имеют больше свободы, чем раньше. Раньше, когда иностранцы приезжали в Москву, они попадали в Интурист и до самого отъезда не сходили с тех рельсов, на которые их поставил Интурист. Сейчас – другое дело – иностранец может свободно ходить по Москве без сопровождающих один». Говоря об атмосфере недоверия в международной политике, Амон заявил, что «в Советском Союзе руководители и граждане слишком прямолинейны. Они не учитывают психологию наших руководителей, часто называют их разными кличками, сравнивают их с американцами. А ведь мы не американцы, и это сравнение с ними глубоко оскорбительно для нас, французов». Он первый указал на отсутствие в Музее Советской Армии экспонатов об экспедиции Нормандия-Неман. В беседе с заместителем министра культуры Твердохлебовым Амон заявил, что в Советском Союзе, как ему кажется, нарушена старая хорошая традиция в отношении французского языка, который занимает сейчас вместо первого третье место (после английского и немецкого). То же самое он сказал в отношении распространения в СССР современной французской литературы. В СССР часто, по его мнению, переводятся французские журналисты и называются известными писателями, а о таких, как Мориак, Сартр, Симона де Бовуар в СССР ничего не известно, тогда как именно они, по словам Амона, представляют современную литературу Франции. Амон высказал удивление, что в Москве он не видел в продаже иностранные издания, если не считать издания стран народной демократии. Когда Амону ответили, что русский язык во Франции был и остаётся сейчас на последнем месте, а продажа советской периодики там запрещена, он не стал возражать, полностью признав эти факты, объяснив, что всё это происходит от недоверия, которое продолжает иметь место в отношениях между нашими странами. «Я хочу попытаться, – сказал Амон, – рассеять это недоверие. По прибытии во Францию, я буду докладывать о своей поездке Р. Коти, Э. Фору, Э. Эррио⁶¹. Я сделаю сообщение об этом на заседании комиссии по иностранным делам в Сенате. Главное, я намерен опубликовать серию статей в «Комба» или «Монд» о том, что я видел в СССР. Этот репортаж будет иметь приблизительно следующее название: «О серьёзном поговорим серьёзно».

⁶¹ В то время соответственно: президент Франции, премьер-министр и председатель палаты депутатов парламента.

ёзно». Покидая Москву, Амон высказал мнение, которое он представляет как мнение всей делегации, что их поездка в Москву была очень полезна, все члены делегации очень довольны всем и благодарят за приём, оказанный им советскими людьми. Что касается лично его, то он получил всё, что хотел получить, и за это он благодарил советских людей, которые «беседовали с ним не как с иностранцем, а как с другом»⁶².

В приведенных высказываниях Амона нельзя не уловить той голлистской тональности по вопросам внешней политики, с которой де Голль как критик выступал, будучи не у власти в Четвёртой республике, и которая легла в основу его внешнеполитического курса, когда он стал президентом Пятой. Доктрина голлизма периода холодной войны основывалась на идее национальной независимости Франции, посредничества между Востоком и Западом и сближения с СССР. Неслучайно в мае 1969 г. руководство ЮДР поручило Амону «объяснить парламентариям этой партии решение, принятое генералом Де Голлем о выходе из НАТО и необходимости новой политики в отношении СССР»⁶³.

Стремление способствовать укреплению франко-советских связей привело Амона уже в Четвёртой республике к участию в таких организациях, как Франко-советская парламентская группа Национального Собрания и Совета Республики и Ассоциация Франция-СССР. Первая возникла в 1955 г. во главе с социалистом Ги Дессоно, Амон был среди инициаторов ее создания и возглавлял там законодательную комиссию. Ассоциация Франция-СССР была основана в Алжире в 1943 г. как продолжательница дела довоенной Ассоциации друзей Советского Союза, существовавшей во Франции с 1928 г. Около 40% её членов⁶⁴ составляли коммунисты, но было немало людей, просто симпатизировавших СССР. Уполномоченный по ВОКС⁶⁵ в посольстве СССР во Франции В.С. Володин сообщал в МИД в 1957 г., что в «обществе влилась значительная часть беспартийных лиц, бывших членов РПФ»⁶⁶. В справке из бывших голлистов названы Р. Капитан и А. Шмиттлейн, но Амон тоже был среди них. В 1962 г. он вошёл в состав Президиума Ассоциации и редколлегии её журнала «Франция-СССР». Советское руководство считало, что «участие некоммунистов... имеет немаловажное значение для престижа общества в голлистских кругах. Это создаёт известную кредитоспособную основу для общества, способствует поддержанию его «плюрализма»⁶⁷. Как сказал Ю.И. Рубинский, «Лео Амон был для Об-

⁶² ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 508, л. 143-145.

⁶³ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 2265, л. 4.

⁶⁴ См.: Там же, д. 1892, л. 7.

⁶⁵ В 1957 г. ВОКС сменила название на Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами – ССОД.

⁶⁶ ГАРФ, Ф. 5283, оп. 22, д. 570, л.150.

⁶⁷ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 4251, л. 101-102; АВП МИД РФ, Ф. 0136, № 76, оп. 29, д. 204, л. 37.

щества и компартии в определенном смысле находкой. Соответственно, и для Советского Союза... Амон прекрасно понимал все недостатки и пороки советского режима, не был коммунистом, но его решение играть какую-то роль в деятельности Ассоциации имело обязательным условием иметь критическую позицию. Критическую, которая раздражала коммунистов и, естественно, Москву. Критическую по поводу тех или иных скандалов, которые возникали в СССР в глазах французского общественного мнения... И, тем не менее, с этим мирились в Ассоциации, считая, что его присутствие даёт больше пользы в таком ключе, а может, даже и особенно в этом ключе». Рассуждая о том, почему Амон вступил в Ассоциацию, Ю.И. Рубинский полагает: «В значительной мере из-за своих, можно сказать, наследственных и личных убеждений. Поскольку человек был левый. И СССР тогда ассоциировался с Соппротивлением, голлизмом. Ясно видя проблему внутренней политики Советского Союза, он считал полезным и необходимым диалог в рамках Ассоциации... Он готов был спорить по тем вопросам, которые ему не нравились в советской политике, он это делал... Главное в оценке деятельности Амона, с нашей точки зрения, – почему он был другом Советского Союза, старался ему содействовать? Первое: из-за происхождения – отчасти. Второе: взглядов – левых. Тоже важно. Третье: патриотизм для французов голлистского типа в отношении СССР. Какой бы он ни был в годы холодной войны, всё равно с ним нужно было иметь дело, ибо это условие независимости Франции. Для Амона было аксиомой, что развитие отношений и диалог с Советским Союзом при том, что у Франции есть общие интересы и ценности с Западом, нужен для того, чтобы отстоять свои интересы и свою независимость. И этот тезис самого де Голля органично был присущ Амону» [архив автора]. Л. Амон неоднократно посещал СССР в рамках форумов, организовывавшихся либо межпарламентской группой, либо Ассоциацией. Он часто по разным поводам контактировал с Посольством СССР во Франции, где считались с его мнением. Ю. Дубинин, бывший советником посольства СССР во Франции в дни майского кризиса 1968 г., вспоминает: «28 мая мой хороший знакомый – член руководства правящей деголлевской партии Лео Амон... срочно пригласил меня на завтрак. Тема – события. Он даёт хорошо продуманный анализ обстановки с чёткими выводами»⁶⁸.

Во второй половине 1970-х, когда в Советском Союзе начались преследования и аресты инакомыслящих, Л. Амон выступил с резкой критикой нарушения прав человека, вступил в конфликт с руководством Ассоциации Франция–СССР после того, как ему было отказано в публикации в журнале «Франция–СССР» статьи обличающего характера в адрес советского правительства по этому поводу, и вышел из

---

⁶⁸ Дубинин 1997. С. 161-163.

правления Ассоциации, но с самой организацией не порвал⁶⁹. Подчёркивая, что в Ассоциацию Франция–СССР его привело то, что он всегда придавал большое значение развитию связей между двумя странами, «к тому же был очень рад в момент, когда коммунисты были в изоляции во Франции, найти площадку для встреч с ними»⁷⁰, Л. Амон говорил: «Мы оказали бы услугу СССР, если бы выражали публично то, в чём мы его упрекаем, так как только друг может показать Советскому Союзу тот вред, который ему причиняют некоторые его действия»⁷¹.

Подводя итог семейной истории Лео Амона, не будем строить умозаключения о том, какую роль его русские корни сыграли в дружеском отношении к СССР. К тому же прямых указаний на этот счёт нет. Вместе с тем, бесспорно то, что, как метко определил Ю.И. Рубинский, «такие люди, как Амон, препятствовали превращению холодной войны уже чуть ли не в горячую. Их деятельность... в целом была позитивной. Его деятельность была неслучайной, она была связана с его происхождением, Соппротивлением, социальными ценностями голлизма»⁷².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., Наука, 1990. 274 с.
Арзаканян М.Ц. Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001, Прогресс-Традиция. 261 с.
Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., Молодая гвардия, 2007. 268 с.
Арзаканян М.Ц. Великий де Голль. Франция – это Я! М., Яуза ЭКСМО, 2012. 512 с.
Бабинцев В.А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник. 2009. М., 2009. С. 208-220.
Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы». 1919-1923 гг. К истокам французского коммунистического движения. М., ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.
Дубинин Ю. Дипломатическая быль. М., РОССПЭН, 1997, 328 с.
Новиков Г.Н. Голлизм после де Голля. Идеиная и социально-политическая эволюция. 1969-1981 гг. М., 1984, Наука. 279 с.
Смирнов В.П. Движение Соппротивления во Франции в годы Второй мировой войны. М., Мысль, 1974. 324 с.
Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., Ad Marginem, 1998. 639 с.
Черкасов П.П. Левые голлисты в современной Франции (конец 50-х – середина 70-х гг.) // Новая и новейшая история. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. № 4. С. 89-107.
Шебалков С.В. Специфика политических преступлений в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и система наказаний за их совершение // Молодой учёный. 2013. № 4. С. 465-469.
Berstein S. Histoire du gaullisme. P., Perrin, 1999. 569 p.
Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle. 1995. Bruxelles, Complexe. 1407 p.
Dictionnaire De Gaulle / s.l.d. C.Andrieu, Ph.Braud, G. Piketty. P., Robert Laffon. 1265 p.

---

⁶⁹ В ГАРФ хранится масса справок из Советского Посольства в Париже и от руководства ССОД в Париж по поводу конфликта, разразившегося в Ассоциации Франция–СССР после выступлений Л. Амона с осуждением нарушения прав в СССР. См.: Ф. 9576, оп. 20, д. 1488, л. 76-78, 155; д. 1082, л. 32-37; д. 1083, л. 33; д. 2265, л. 4, 8-9, 148-149.

⁷⁰ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 1894, л. 144.

⁷¹ ГАРФ, Ф. 9576, оп. 20, д. 2265, л. 9.

⁷² Архив автора.

- Casanova J-C. L'Amendement Vallon // Revue française de science politique. 1967, vol. 17, №1, с.97-109.
- Charbonnel J. Á la gauche du Général. P., 1996. 298 p.
- Hamon L. Vivre ses choix. P., Plon, 1991, 312 p.
- Sigoda P. Charle de Gaulle et le gaullisme de gauche // Espoir, 1983, № 42, p. 29-33.

REFERENCES

- Arzakanyan M.Ts. De Goll' i gollisty na puti k vlasti. M., Nauka, 1990. 274 s.
- Arzakanyan M.Ts. General de Goll' na puti k vlasti. M., 2001, Progress-Traditsiya. 261 s.
- Arzakanyan M.Ts. De Goll'. M., Molodaya gvardiya, 2007. 268 s.
- Arzakanyan M.Ts. Velikii de Goll'. Frantsiya – eto Ya! M., Yauza EKSMO, 2012. 512 s.
- Babintsev V.A. P'er Paskal': levaya traektoriya frantsuzskogo konservatizma // Fran-tsujskii ezhegodnik. 2009. M., 2009. S. 208-220.
- Vershinin A.A. Mirovaya revolyutsiya pod zvuki «Marsel'ezy». 1919-1923 gg. K isto-kam frantsuzskogo kommunisticheskogo dvizheniya. M., LIBROKOM, 2012. 200 s.
- Dubinin Yu. Diplomaticheskaya byl'. M., Rosspen, 1997, 328 s.
- Novikov G.N. Gollizm posle de Gollya. Ideinaya i sotsial'no-politicheskaya evolyutsiya. 1969-1981 gg. M., 1984, Nauka. 279 s.
- Smirnov V.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Frantsii v gody Vtoroi mirovoi voyny. M., Mysl', 1974. 324 s.
- Fyure F. Proshloe odnoi illyuzii. M., Ad Marginem, 1998. 639 s.
- Cherkasov P.P. Levye gollisty v sovremennoi Frantsii (konets 50-kh – seredina 70-kh gg.) // Novaya i noveishaya istoriya. Mezhevuzovskii nauchnyi sbornik. Saratov, 1978. № 4. S. 89-107.
- Shebalkov S.V. Spetsifika politicheskikh prestuplenii v Rossiiskoi imperii v kon-tse XIX - nachale XX vv. i sistema nakazanii za ikh sovershenie // Molodoi uchenyi. 2013. № 4. C. 465-469.
- Berstein S. Histoire du gaullisme. P., Perrin, 1999. 569 p.
- Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle. 1995. Bruxelles, Complexe. 1407 p.
- Dictionnaire De Guaulle / s.l.d. C.Andrieu, Ph.Braud, G. Piketty. P., Robert Laffon. 1265 p.
- Casanova J-C. L'Amendement Vallon // Revue française de science politique. 1967, vol. 17, №1, p. 97-109.
- Charbonnel J. Á la gauche du Général. P., 1996. 298 p.
- Hamon L. Vivre ses choix. P., Plon, 1991, 312 p.
- Sigoda P. Charle de Guaulle et le gaullisme de gauche // Espoir, 1983, № 42, p. 29-33.

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, kaninsk6@mail.ru

The Russian Past of a left Gaullist: Leo Amon (1908–1993)

A lot is known and written about the history of relations between our country and France in different historical periods. However, this research field is by no means exhausted, in particular with regard to the interweaving of family lives. So far facts that are little known or completely unknown could often be found in the personal memory or the family archives. Such facts could be fitted in a surprising way in to the history of Soviet-French relations, in their own way enriching our understanding of the "special sensitivity". Family history of Leo Hamon is a good example of that, as well as have interest from the point of view a private or everyday story – the current trends of contemporary historical knowledge.

Keywords: socialist ideals, the historic Gaullism, left Gaullism, identity, patriotism, Soviet-French relations, inter-cultural dialogue

Galina Kaninskaia, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History, Yaroslavl' State University named by P.G. Demidov; kaninsk6@mail.ru

Ю. А. КИСЕЛЕВА

ЦЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧУВСТВ

(по воспоминаниям воспитанников и профессоров
Императорского Харьковского университета)

Статья посвящена реконструкции ценностно-эмоционального репертуара университетской культуры на основе изучения мемуарного комплекса императорского Харьковского университета. Автор отстаивает тезис об органической связи ценностей и эмоций в мемуарном дискурсе. Характерные черты университетской культуры обуславливали специфические формы отбора и репрезентации эмоций в воспоминаниях, но в то же время эмоции играли ключевую роль в процессе формирования, сохранения и трансляции университетской культуры посредством мемуарного дискурса. Делается вывод об оптимистическом характере культуры университетской корпорации в целом и необходимости осознанного использования ее ценностно-эмоционального потенциала.

***Ключевые слова:** история эмоций, университетская культура, мемуарный дискурс, университетские ценности, эмоциональное сообщество, Харьковский университет*

Современная история, соприкасаясь с памятью, становится все более эмоционально и этически окрашенной, что усиливает социально-ориентированную ипостась исторического знания. Однако одновременно история как рефлексивное знание пытается осмыслить сущность своих новых социокультурных характеристик, превращая эмоции и ценности (которые ранее выносились за пределы науки) в объекты своего изучения¹. Возможно именно пересечение данных тенденций позволило истории эмоций сегодня стать одним из бурно развивающихся междисциплинарных исследовательских полей, а ее приверженцам заявить об эмоциональном повороте в гуманитаристике².

Особенное значение приобретает изучение эмоций и ценностей в рамках университетской истории в условиях нынешнего кризиса «миссии» университетов. Новый статус университетов, подразумевающий формирование прагматически ориентированной университетской культуры, заставляет задуматься о смысле традиционной для университета функции трансляции универсальных ценностей³. Сегодня вся чаще ставится под сомнение эффективность выполнения университетами задач развития гражданского сознания на основе демократизма универ-

---

¹ См. материалы сборников: Харківський історіографічний... 2012; Історіографічні та джерелознавчі... 2014.

² Plamper 2015. P. 63; Винницький 2012; Николаи 2015.

³ Бакиров 2012. С. 26-27.

ситетской организации и морального фактора, связанного с университетской средой⁴. Однако такое переосмысление идеи университета, по нашему мнению, невозможно без осознания ценностно-эмоционального потенциала университетской культуры.

Предмет статьи – создаваемые и транслируемые в рамках университетского мемуарного дискурса эмоции и чувства, а также стоящие за ними ценности⁵. Попытки исследовать воспоминания с позиций исторической психологии уже предпринимались. Однако главное внимание было сосредоточено на проблемах эволюции общественного сознания и социальной психологии авторов воспоминаний, отношение к ценностям рассматривалось как одна из характеристик психологии мемуаристов⁶. Специфика данного исследования в постановке иной задачи – реконструировать университетскую систему ценностей посредством изучения эмоционального репертуара воспоминаний и доказать, что связь эмоций и ценностей является одной из характеристик мемуарного дискурса и университетской культуры в целом.

Когда речь заходит об эмоциях, возникает вопрос – имеют ли исследователи дело с «реальными» чувствами или только с наименованием эмоций в текстах – эмоциональными выражениями⁷. К тому же следует учитывать, что между непосредственными эмоциями исторических акторов и временем их фиксации в мемуарах может проходить достаточно большой промежуток времени. Подобная ретроспекция приводит к тому, что эмоциональный опыт не только может реинтерпретироваться, но и заново прочувствоваться⁸. Поэтому существует мнение, что при работе с чувствами прошлого присутствует достаточно большой риск домысла. При этом необходимо заметить, что любые движения нашей психики/души интерпретируются, приобретая форму и смысл именно в момент наименования, и спустя годы осознание того, что человек любил, может быть так же «объективно», как и его непосредственные ощущения, могущие быть и «не распознанными» в реальном времени. С другой стороны, работа с «отрефлексированными» эмоциями имеет свои преимущества именно при определении их ценностной сущности. Фактически мы имеем дело с теми чувствами, которые авторы считали важными зафиксировать: они прошли через фильтр времени, моральных убеждений и целеполагания авторов. Поэтому, если эмоция появилась на страницах воспоминаний, то она дей-

---

⁴ Посохов 2006. С. 5.

⁵ Взаимосвязь чувств и ценностей достаточно изучена в психологии. Например, экзистенциальная психология рассматривает чувства и эмоции как результат, осознанно или неосознанно пережитой субъектом ценности. – Лэнгле 2007. С. 65.

⁶ См. Минц 1998.

⁷ Хмелевская 2011. С. 459.

⁸ Scheer 2012. P. 213.

ствительно воспринималась, во-первых, как реально существовавшая (или конструировалась как таковая), а, во-вторых, как заслуживающая внимания университетского сообщества и общества в целом.

Таким образом, речь не идет о презентации истории эмоций с «максималистских» позиций, акцентирующих внимание на историчности эмоций и их эволюции, но скорее об интеллектуальной истории, характерной особенностью которой выступает стремление рассматривать объекты изучения как часть культуры и, в то же время, нацеленность на исследование осознанных ценностных установок по отношению к эмоциям⁹. Поэтому в ходе исследования нас будут интересовать не все эмоции, присутствующие в мемуарном дискурсе, а только базовые, наиболее часто встречающиеся на страницах воспоминаний, как в виде понятий и поведенческих практик, презентующих определенные чувства, так и в виде эмоциональных метафор и микротекстов, в которых чувства не называются, но имеют однозначную трактовку¹⁰.

При этом мы не будем делать специального различия между эмоциями и чувствами, подразумевая под вторыми более устойчивые эмоциональные состояния, вызванные повторяющимися эмоциями. В данной работе также не рассматриваются отдельно эмоции воспитанников и эмоции профессоров, хотя опыт работы в университете, несомненно, наделял ценностно-эмоциональную культуру профессоров особыми смыслами. Тем не менее жанр мемуаров создавал возможность конструирования некоего общего эмоционального стиля, который, в свою очередь, превращал университетскую корпорацию в эмоциональное сообщество¹¹, в рамках которого эмоциональный репертуар и практики выражения эмоций и чувств были неразрывно связаны с ценностями университетской культуры и стратегиями построения университетской идентичности. Нацеленность на исследование данного аспекта оправдывает отсутствие внимания к названным различиям.

Подавляющая часть мемуарного комплекса Харьковского университета была создана в постреформенный период (в 1811–1860 гг. написано 6 мемуаров, в 1861–1920 гг. – 56, в 1921–1930 гг. – 10)¹², что делает условной возможность проследить динамику изменения эмоциональных стилей. Довольно позднее формирование мемуарного комплекса и публицистический характер мемуаров, в которых авторы стремились ответить на злободневные вопросы современного общества¹³, позволяют с большей основательностью воспринимать мемуары как средство формирования и трансляции культуры классического университета.

⁹ См.: Репина 2011. С. 325–410. О разнице подходов см.: Берк 2015. С. 171.

¹⁰ См. Филимонова 2001. С. 170–171.

¹¹ Rosenwein 2002. P. 837, 841–842.

¹² Иващенко 2003. С. 108–109.

¹³ Там же. С. 59, 167.

Мемуарный дискурс и циркулирующие в нем эмоции подчинялись определенной логике конструирования университетской культуры, подразумевающей, что негативные эмоции, как и упоминание о негативных явлениях университетской жизни (если они не могли быть высмеяны) отодвигались на задний план¹⁴. Поэтому страницы мемуаров наполнены упоминаниями о чувствах любви, уважения и скорби, эмоциями юмора, тогда как гнев, зависть, скука¹⁵ почти не вспоминаются, что свидетельствует не столько об их отсутствии, сколько о сознательном конструировании в мемуарной литературе позитивного образа университета и его культуры, пригодного для трансляции и наследования. Базовые ценности, носившие яркий эмоциональный характер, для университетской корпоративной культуры проявлялись через чувство любви. Данное чувство присутствует в текстах воспоминаний в трех ипостасях: любовь и преданность науке, любовь к университету, чувство любви (и родственные ей чувства восхищения, признательности, уважения) к преподавателям. Эти эмоции не стирались с годами и считались достойными упоминания в таком жанре как мемуары.

В каждый из периодов университетской истории все эти виды любви переплетались определенным образом. Наиболее частым по упоминанию вариантом чувства любви в мемуарах выступала любовь студентов к преподавателю, что объясняется особенностями самого мемуарного дискурса, который конструировался вокруг интенций авторов (выпускников университета) рассказать о процессе своего становления под влиянием идей и ценностей своих учителей и университета в целом. С течением времени причины любви студентов к преподавателям претерпевали определенные изменения. В первой половине XIX в. студентов очень часто привлекала манера преподавания. Однако существовала разница между любовью к преподавателю и увлеченностью его лекциями. Чувство любви вызывало сочетание целого набора личных качеств преподавателя как профессиональных, так и нравственных.

Если говорить о чтении лекций, то по-настоящему сильные чувства у слушателей вызывали не столько ораторские способности, сколько любовь преподавателя к науке, преданность служению ей¹⁶, которую профессора способны были передать студентам в ходе преподавания: «Осиповский, весь проникнутый любовью к своему предмету и к своей обязанности, умел для слушателей своих... поэтизировать даже дифференциальные и интегральные исчисления»¹⁷; «Такие знаменитые профессора, как Лунин, Валицкий, Срезневский, Степанов ...

---

¹⁴ Подробнее о «зонах умолчания» в текстах памяти см.: Вишленкова 2004.

¹⁵ О разнице упоминания такой эмоции как скука в мемуарной литературе и дневниках см.: Дубина 2010. С. 156.

¹⁶ Из воспоминаний студента .... 2008. С. 120.

¹⁷ Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

имели громадное влияние на студентов силою своих талантов, превосходным изложением лекций и страстною любовью к своим предметам»¹⁸. Очень часто добросовестность в исполнении своих обязанностей оправдывала в глазах студентов даже строгость преподавателя¹⁹.

Любовь к науке была неотъемлемой частью образа университетского ученого и признавалась безусловной ценностью для университетского сообщества. При этом имело место сознательное культивирование преподавателями подобных эмоций в среде своих слушателей. Профессор Н.И. Еллинский, вспоминая о первых годах работы в университете, писал, что ему пришлось «творить все, даже до морали между моими слушателями, в кои надлежало поселять любовь к науке», при этом преподаватель «лишенный других способов» должен был «электризовать своих слушателей тем энтузиазмом, коим исполнен был к преподаваемому предмету»²⁰. Слушатели Д.И. Каченовского также отмечали его целенаправленные попытки возбудить в студенчестве любовь к занятиям, почтение к европейской науке и вообще наукам²¹. Таким образом, передача эмоционального отношения к науке была частью процесса трансляции знаний и в каком-то смысле средством привлечения молодых поколений к научной деятельности.

Молодые ученые, особенно те, начало карьеры которых пришлось на эпоху романтизма, вспоминая о своих первых шагах в науке, указывали на переживаемые ими сильные эмоции. Будущий преподаватель юридического факультета Т.Ф. Степанов подробно описал как он «сделался мучеником своего восторженного мышления»²². Другой мемуарист записал: «Этот умственный труд, это борение с неизвестным, не находившим в себе исход вопросом, до того меня волновали, что я иногда приходил в лихорадочное состояние»²³. Н.И. Костомаров признавался, что «история сделалась любимым до страсти предметом»²⁴. Иногда такая привязанность приобретала даже формы психического расстройства. В мемуарах довольно часто встречаются упоминания об ипохондрии и меланхолии²⁵, которые могли в свою очередь развиться до более серьезных психических расстройств, препятствовавших продолжению преподавательской и научной деятельности, как это произошло с профессором П.А. Затеplinским²⁶.

---

¹⁸ Пашков 2008. С. 267.

¹⁹ Из воспоминаний студента .... 2008. С. 115-116; Де-Пуле 2008. С. 288.

²⁰ Еллинский 2008. С. 55-56.

²¹ Воронов 2010. С. 33.

²² Степанов 2008. С. 46.

²³ Хрущев 2008. С. 166.

²⁴ Костомаров 2008. С. 186.

²⁵ Костомаров 2008. С. 181, 190; Хрущев 2008. С. 167; Степанов 2008. С. 41, 46.

²⁶ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 121.

Частота и характер проявления «чувств к науке» в воспоминаниях первой половины XIX века позволяют говорить о том, что эмоциональная привязанность к предмету изучения рассматривалась как своеобразный показатель профессиональной пригодности. Парадигма романтизма с ее абсолютизацией художественного творчества и установкой на интуитивное проникновение в тайны науки, в частности в мир прошлого, нацеливала исследователей на поиски вдохновения как одного из главных элементов научной деятельности. Описанный сквозь призму чувств научный труд, таким образом, получал статус «призвания», что, в свою очередь, могло считаться залогом будущих успехов. С другой стороны, сам феномен университетской карьеры, которая представляла собой уникальный социальный лифт, поначалу был с недоверием встречен в обществе²⁷. Формирование университетской культуры было длительным процессом²⁸. В интересах легитимации университетов стояла задача противостоять мнению о возможных корыстных мотивах представителей новой социальной группы университетских профессоров как путем специальных объяснений²⁹, так и путем конструирования особого образа ученого, для которого переживаемые сильные чувства становились залогом «бескорыстного» отношения к науке.

Во второй половине XIX века любовь профессора к науке в оценках слушателей приобрела вполне четкий эквивалент, выражавшийся в конкретном вкладе ученого в науку. Этот показатель учитывался при оценке преподавателя, хотя и потерял эмоциональную окраску, тем более что авторы воспоминаний иногда признавались в неспособности адекватно оценить со студенческой скамьи достижения ученых³⁰. С другой стороны, сам характер описания этих эмотивных сюжетов изменился. Акцент сместился от констатации любви/увлеченности профессора наукой, к констатации его способности увлечь слушателей, передать свое отношение к науке, воодушевить ею³¹. Описывая свой первый день в университете, О.В. Аптекман вспоминал: «Когда Бекетов окончил лекцию, на всех лицах – я это хорошо помню – застыло глубоко-сосредоточенное выражение восторга – восторга перед величием научного познания, одухотворенного такой горячей страстью, такой глубоко проникновенной эмоцией. [...] Всеми чувствами своими, всем существом своим я воспринимал теперь чарующую прелесть научного познания, чистое, высокое наслаждение знанием. [...] Я ушел

²⁷ Об этом, например, упоминал проф. Х. Роммель: Роммель 2001. С. 114-115.

²⁸ В своих воспоминаниях бывший преподаватель Галльского университета Л.Г. фон Якоб отмечал, что даже первые университетские деятели не всегда осознавали суть университета. – Якоб 2016. С. 175.

²⁹ Якоб 1808. С. 76-77.

³⁰ В.П. Бузескул вспоминал, что во время учебы большинство студентов не подозревало, что А.А. Потебня был «большим ученым». – Бузескул. Образы... С. 126.

³¹ Воронов 2010. С. 33; Лейбин 2008. С. 415; Вязигин 2010. С. 244.

с лекции радостный и счастливый. Никогда еще я не был так счастлив»³². Впечатления слушателей лекций А. А. Потебни также были переполнены эмоциями: «Нас охватывала эта атмосфера мышления, это волнение творчества, это мучительное счастье стремления к истине, той, настоящей, большой истине, нам сообщалась эта невысказанная горячая вера в будущее. В ответ на слова учителя наш внутренний мир вибрировал в том же тоне, том же тембре, в том же настроении»³³.

Описание эмоций и чувств было сознательной установкой А.Г. Горнфельд в своих воспоминаниях о А.А. Потебне ясно декларировал цель «сообщить другим хоть незначительную частицу того настроения», которое создавали лекции профессора³⁴. Описание испытываемых во время обучения эмоций становилось способом «высказать» наивысшую оценку преподавателям. Одновременно подобные эмоциональные сюжеты и их осознанная ценность давали возможность описать процесс обучения как совместное приобщение преподавателей и студентов к познанию истины, «приращение» наукой.

Наоборот, нерадение о своих обязанностях, низкий уровень преподавания, «чуждый современным требованиям науки», вызывали неуважение, апатию и даже «отвращение» со стороны студентов³⁵. Причем чаще всего упоминание о подобных чувствах в воспоминаниях проявлялось не в форме негативных эмоций, а в форме комичных эмотивов.

Студенческую субкультуру всегда отличает ее смеховой характер, являющийся важным условием эмоциональной связи и консолидации студенчества. Посредством высмеивания определялись межгрупповые отношения, осуществлялся контроль за соблюдением поведенческих норм университетской жизни. Поэтому обилие встречающихся в воспоминаниях комичных микротекстов является не только отражением студенческой смеховой культуры, но и важным средством сохранения ценностей через маркирование негативных явлений, когда комичным воспринималось то, что казалось «неправильным»³⁶.

Первоначально смех маркировал «непривычное», став способом адаптации университетского стиля жизни, выразившегося, в частности, в поведении иностранных профессоров, когда многие их поступки местными жителями воспринимались как чудачества³⁷, но, по мере складывания системы университетских ценностей, смех также стал маркировать некомпетентность преподавателей³⁸. С другой стороны, в воспоминаниях присутствовала и разновидность добродушного юмора,

³² Аптекман 2010. С. 74.

³³ Горнфельд 2010. С. 254

³⁴ Там же. С. 248.

³⁵ Из воспоминаний студента... 2008. С. 110; Де-Пуле 2008. С. 280.

³⁶ Субботина 2015. С. 42.

³⁷ См.: Ивашенко 2011. С. 117; Посохов 2014. С. 287.

³⁸ Неслуховский 2008. С. 218; Селиванов 2010. С. 176; Костомаров 2008. С. 178.

не посягающего на ценностное достоинство личности, но направленное на ее отдельные недостатки³⁹. Описания смешных ситуаций, происходивших с любимыми профессорами, имеют сентиментальные черты⁴⁰. Так, М.Ф. Де-Пуле упоминает, что один из студентов, известный своими пародиями на профессоров, пародировал П.П. Гулака-Артемовского, «которого очень не любил», и профессора Метлинского, «к которому, напротив, чувствовал особенную симпатию»⁴¹.

В целом упоминания об отношениях между преподавателями и студентами имеют яркую эмоциональную окраску, хотя она и не оставалась неизменной. Мемуаристы, учащиеся первой половины XIX в., вспоминая годы учебы, особенно ценили доброе отношение со стороны преподавателей, их искреннюю любовь к студентам, «родственную приветливость наставников»⁴². В то время как в мемуарах воспитанников второй половины XIX в. происходила постепенная детализация в описании «идеальных» отношений преподавателя и студента.

На фоне критики отсутствия общения со студентами⁴³ и формального отношения профессоров к своим обязанностям, при котором не обращалось внимание «как поняли студенты лекцию, кто из них желает заниматься»⁴⁴, «глубокие» чувства вызывала готовность профессоров прийти на помощь студентам в решении занимавших их научных и общественных вопросов⁴⁵, глубокая заинтересованность в успехах учащихся и готовность преподавателя быть «доступным», выстраивая товарищеские отношения⁴⁶, «жертвовать личными интересами в пользу общую»⁴⁷. Обязательным атрибутом таких отношений было посещение домов профессоров, вызывавшее чувство благоговения⁴⁸.

Изменялся язык описания: такие слова как «идеал» или «бриллиант», «жрец науки»⁴⁹, которые применялись при описании профессоров начала века, сменились на «старший товарищ» и «учитель»⁵⁰. Менялись и практики, связанные с отношениями между преподавателями и студентами. Ситуацию первой половины века характеризует следующий эпизод из воспоминаний М.Ф. Де-Пуле – «молодежь в шумных манифестациях высказывала свою преданность любимому профессору

³⁹ Столович Л. *Философия, эстетика, смех*. М., 1995. С. 571.

⁴⁰ Шрамченко 2008. С. 172-173; Де-Пуле 2008. С. 296.

⁴¹ Де-Пуле 2008. С. 278.

⁴² Хрущев 2008. С. 166; Сбитнев 2008. С. 164.

⁴³ Вейнберг 2008. С. 385.

⁴⁴ Лейбин 2008. С. 414.

⁴⁵ Лейбин 2008. С. 414; Вейнберг 2008. С. 386; Кашменский 2010. С. 164.

⁴⁶ Селиванов 2010. С. 171; Де-Пуле 2008. 297; Вязигин 2010. С. 246.

⁴⁷ Сумцов 2010. С. 107.

⁴⁸ Селиванов 2010. С. 171; Лейбин П. 2008. С. 415.

⁴⁹ Де-Пуле 2008. С. 285-286; Пашков 2008. С. 269; Неслуховский 2008. С. 213.

⁵⁰ Сумцов 2010. С. 102; Бузескул В. П. *Из истории...* 2010. С. 145; Вязигин 2010. С. 245-246; Горнфельд 2010. С. 249.

[Валицкому]»⁵¹. Причем эти чувства были вполне искренними. В одном из воспоминаний описывается случай, когда, услышав о болезни профессора и ректора А.И. Дудровича, студенты в воскресный день «явились в городской собор и просили отслужить молебен о выздоровлении больного»⁵². Во второй же половине XIX в. наблюдается сознательный отказ от демонстративного выражения чувств. А.Г. Горнфельд вспоминал: «Мы не аплодировали [Потебне] – это было важной рукоплесканий, но каждый уносил домой сознание того, что с ним произошло нечто хорошее, что сегодняшний день не потерял, что жить и работать еще можно и должно»⁵³. Вместо публичного проявления чувств появляются «содержательные» способы выразить привязанность к профессорам. Одним из примеров является практика создания во второй половине XIX в. «студенческих партий», связанных с тем или иным преподавателем. В воспоминаниях фигурируют партии «каченофилов»⁵⁴, «владимировцев» и «даневцев»⁵⁵. Причем принадлежность к таким «партиям» означала не только наличие симпатии к преподавателю, но и готовность налагать на себя определенные обязанности согласно провозглашаемым учителем идеалам. Например, сторонники Д.И. Каченовского должны были «серьезно работать»⁵⁶. Таким образом, данные примеры свидетельствуют об органической связи эмоционального и ценностного в университетской культуре.

На протяжении всего изучаемого периода мемуаристы отмечали важность искренности в отношениях между преподавателями и студентами. Показное сочувствие профессоров к слушателям, любовь на словах – отталкивали. Де-Пуле резюмировал отношение студентов к Гулаку-Артемовскому словами: «ему не верили и его не любили»⁵⁷. Негативно оценивались явные попытки преподавателей добиться популярности у студентов. Например, известен случай, когда преподаватель медицинского факультета добивался симпатий студентов, спекулируя на популярных среди молодежи взглядах, но «скоро был узнан» и получил от студентов прозвище «Чичиков»⁵⁸. О негативных коннотациях подобного поведения можно узнать и из характеристик достойных профессоров, воздерживающихся от «популярничества»⁵⁹.

Неоднозначно оценивались и попытки профессоров использовать в отношениях со студентами юмор. Преподаватели прибегали к этому

---

⁵¹ Де-Пуле 2008. С. 289.

⁵² Из воспоминаний студента ... 2008. С. 112.

⁵³ Горнфельд 2010. С. 254.

⁵⁴ Воронов 2010. С. 36.

⁵⁵ Селиванов 2010. С. 172.

⁵⁶ Воронов 2010. С. 36.

⁵⁷ Де-Пуле 2008. С. 281.

⁵⁸ А.Е. 2010. С. 193.

⁵⁹ Вязигин 2010. С. 246; Бузескул. Из истории... 2010. С. 137.

средству в надежде, что юмор поможет получить благосклонность аудитории, оживить ее внимание. Однако если юмор не подкреплялся знаниями, то он оборачивался против самого шутника и вызывал еще большее неуважение слушателей, не прощавших лектору дешевые заигрывания⁶⁰. Намеренное заискивание, превращение преподавания в спектакль, лишенный содержания, не увязывалось с идеями «служения» профессоров науке, университету, обществу, которое придавало происходящему в университете сакральный смысл. Таким образом, обозначенные сюжеты еще раз доказывают ценностный характер эмоциональной культуры университетской корпорации.

Готовность преподавателей любыми способами добиваться симпатий студентов свидетельствует и о том, что любовь студентов имела фундаментальное ценностное значение в университетской культуре. Фактически она считалась для преподавателя главной наградой, ради которой стоило переносить тяжесть научного труда и превратности научной карьеры⁶¹. При этом особенно ценилось такое отношение, которое обеспечивало профессору «бессмертие» в благодарной памяти своих учеников. Символическим воплощением подобных эмоций являлись скорбные чувства об умерших наставниках и погребальные ритуалы. Мемуары полны многочисленными упоминаниями о чувствах скорби и подробным описанием их выражения. С одной стороны, это метафорические выражения, трактующие смерть профессора как потерю для науки, университета и даже «общественное горе»⁶². Такие «чувства» были отражением коммеморативной культуры университета, когда смерть профессора и связанные с ней ритуалы становились способом пропаганды идей просвещения, утверждения сакрального образа науки и жертвенного служения ей⁶³. С другой стороны, упоминание интимных, например, молитвенных чувств, вызванных смертью учителя⁶⁴, а также описания индивидуального эмоционального опыта участия в ритуалах погребения («Мы отнесли нашего дорогого учителя на руках в усыпальницу»⁶⁵; описание «безудержных рыданий» во время панихиды⁶⁶, споры об эпитафии на могиле профессора⁶⁷) доказывают, что университетской культуре наряду с тем, что в определенный момент похороны профессоров стали воплощением отношения к их научным взглядам и общественным идеям⁶⁸, были присущи переживания смерти

---

⁶⁰ Вейнберг 2008. С. 384; Из воспоминаний студента ... 2008. С. 102, 119.

⁶¹ Степанов 2008. С. 49.

⁶² Кашменский 2010. С. 166; Из воспоминаний студента ... 2008. С. 116.

⁶³ См.: Вишленкова 2013.

⁶⁴ Вязигин 2010. С. 247.

⁶⁵ Ковалевский 2010. С. 66.

⁶⁶ Геевский 2008. С. 140.

⁶⁷ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 113.

⁶⁸ См.: Вишленкова 2013. С. 584-599.

учителя, как потери если не близкого человека, то несомненно значимого человека в жизни его учеников и товарищей. Сами по себе мемуары, фиксирующие «сердечные воспоминания» и «глубокую признательность» были осознанным способом почтить добрую память учителей и обеспечить символическое «бессмертие»⁶⁹.

Как уже отмечалось, проявление «чувств любви» к профессорам в мемуарном дискурсе зависело не только от преподавательских талантов, но и нравственных качеств преподавателей⁷⁰. Нравственный облик профессора, воплощавший высокие идеалы, вызывал сильные эмоции. Во многом он формировался посредством мемуарного дискурса. Самые ранние мемуары профессоров-иностранцев постулировали идеи бескорыстного служения университету, стремление показать нравственное содержание собственных поступков являлось лейтмотивом их воспоминаний⁷¹. Впоследствии подобные эмотивы стали у мемуаристов общим местом: «По своим нравственным качествам [Осиповский], это было, – так все на него смотрели – совершенство, насколько человек может достигать его»⁷² Бузескул, резюмируя оценки бывших студентов М.М. Лунина, указывал, что преподаватель производил неизгладимое впечатление на своих слушателей «чистотою и высотой своих нравственных достоинств»⁷³. Проявление высокой нравственности видели в особом образе жизни преподавателей, аскетическом и полном достоинстве. Например, упоминалось, что проф. Дудрович «вел уединенную почти отшельническую жизнь. Писатели всех веков и народов были лучшими его друзьями. Редко являлся он в обществе... хотя все они [профессора] при этом относились к нему с особенным уважением»⁷⁴.

Достойный образ жизни, нравственное поведение профессора вызывали эмоциональный отклик, так как фактически воплощали в поведенческой плоскости любовь к науке. Описывая образ жизни К.К. Гаттенбергера, мемуарист заметил: «Его одиночество импонировало; в той нелюдимости чувствовалось не самодовление угрюмого мизантропа, а сосредоточенная замкнутость истинного мыслителя»⁷⁵. Одновременно образ жизни профессоров мог восприниматься и как своеобразный протест против негативных явлений окружающей действительности. На первом этапе университетской истории особенно ценилась открытая борьба профессоров с таким явлением университетской жизни как пансионерство⁷⁶. Иногда степень симпатии к преподавателю была пропор-

⁶⁹ Горнфельд 2010. С. 248; Алексеев 2010. С. 269.

⁷⁰ Ивашенко 2011. С. 121.

⁷¹ См. Роммель 2001. С. 125, 171; Якоб 2016. С. 192-193.

⁷² Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

⁷³ Бузескул. Образы... С. 118.

⁷⁴ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 111.

⁷⁵ Горнфельд 2010. С. 259.

⁷⁶ Де-Пуле 2008. С. 285-286; Оже-де-Ранкур 2008. С. 265.

циональна решительности борьбы, которую он вел за внедрение нравственных принципов в практику университетской жизни. Так, А.Г. Розальон-Сошальский отмечает что «рыцарский в боях за правду» Павловский был «обожан своим слушателем»⁷⁷. Правда, во второй половине XIX века, когда эта борьба потеряла свою социальную остроту и, лишенная публичности, стала вестись в университетской корпорации «при закрытых дверях», проявляемая в «университетских битвах» страстность, чреватая потерей чувства меры и возможностью несправедливых оценок, стала восприниматься скорее негативно⁷⁸.

Таким образом, эмоциональные оценки нравственности профессоров и поведенческих практик, воплощающих их моральные идеалы, были связаны с ценностями репрезентации⁷⁹ и трансляции университетской культуры, означали принятие идеалов профессорской культуры, приводившее в результате к нравственному перевоплощению самих студентов под влиянием любимых профессоров.

Ожидание подобного личностного роста трансформировалось и в чувства любви на страницах университетских воспоминаний не только к конкретным наставникам, но и к университету в целом. Любовь к университету выражалась в благодарности *alma-mater* за проведенные в нем годы юности⁸⁰, в чувстве гордости от сознания причастности к «храму науки», «царству мысли», которое приподымало в собственных глазах и глазах общества⁸¹. В основе этих чувств лежали глубокие эмоциональные переживания, связанные с надеждами на обретение смысла дальнейшей деятельности и в целом смысла жизни, которые виделись в общественном служении, выполнении образованной интеллигенцией своей миссии. Об этом свидетельствуют следующие строки воспоминаний: «В лекциях многие из нас находили жизнь, или, правильнее сказать самые лекции считали жизнью. ... я готов был среди самой лекции обнять и расцеловать товарищей; готов был разрезать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцем, судьбою, правителем, господином – то не в петличку или на шею орден. ... но благо общее, слава родины, честь имени и совесть будут руководителями моими»⁸²; «Всем одинаково было близко чувство человеколюбия, всеми равно владело стремление жить и трудиться во имя идей добра, правды, всего высокого и прекрасного»⁸³; «Молодая

⁷⁷ Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

⁷⁸ Бузескул. Образы... С. 120; Стоянов 2008. С. 369.

⁷⁹ Образ профессоров императорских университетов в целом конструировался на основании убеждения в том, что влияние на общество нравственных достоинств профессоров дополняло вклад ученого в науку. См.: Цых 1840. С. 90.

⁸⁰ Неслуховский 2008. С. 239; Шрамченко 2008. С. 174.

⁸¹ Пашков 2008. С. 271; Горнфельд 2010. С. 253.

⁸² Геевский 2008. С. 140.

⁸³ Неслуховский 2008. С. 212.

жизнь рвалась вон – на простор, в «храм науки» – в университет. [...] Наша юная бодрая мысль стремилась тогда к свободе – и в свободе личности, видела ближайшую цель этой свободы. С этими порывами, с этими думами мы шли в университет. Там окрепнет и оформится наша мысль, утвердится наша личность, определится наш путь»⁸⁴.

Однако во второй половине XIX в. у мемуаристов появилось скептическое отношение к подобным настроениям. Появился специальный термин для их обозначения – «идеализм»⁸⁵, который стал в целом характеризовать среду Харьковского университета в середине XIX в. Негативные оценки возникли в процессе сравнения возвышенных настроений с реальной деятельностью университетских выпускников и профессоров. Так, Де-Пуле резюмировал, что «мечты о деле» часто, не находя реализации в реальной деятельности, перерождались в «сентиментальное идеальничье»: университет, призывая к идеалам, не приучал выпускников к практической, полезной деятельности⁸⁶. Хотя, с другой стороны, звучали и слова оправдания. Например, М. Ковалевский был готов снять ответственность с университета, признавая важность его воспитательного влияния на выпускников, перекладывая обязанность реализации идеалов на совесть конкретного воспитанника⁸⁷. Но сам по себе факт переоценки идеализма очень показателен. Этот сюжет доказывает, что дискурс воспоминаний выполнял важную функцию ценностно-эмоциональной рефлексии и поиска новых ценностных ориентиров. Такое ценностное переопределение осуществлялось через переосмысление университетского эмоционального стиля.

Мемуарный дискурс пропитан эмоциями. Это, в первую очередь, обусловлено принадлежностью мемуаров к жанру, основанному на памяти, а память всегда эмоционально окрашена. Эмоции способствовали запоминанию ярких событий университетской жизни, выполняя функцию своеобразного фильтра памяти. С другой стороны, то, что определялось как «важное» в университетской культуре, имело эмоциональный характер, то есть определенные эмоции выступали результатом осознанного целеполагания. Таким образом, ценностная и эмоциональная составляющие университетской культуры были органически связаны, отвечая за ее трансляцию и, в то же время, выступая своеобразным индикатором успешности усвоения культурного капитала как внутри университетского сообщества, так и за его пределами. Зачастую, как в случае с любовью к науке, чувства и составляли сущность этоса.

Исследование университетского мемуарного дискурса наглядно показывает, что университетский эмоциональный репертуар являлся

---

⁸⁴ Аптекман 2010. С. 72-73.

⁸⁵ Пашков 2008. С. 267-271.

⁸⁶ Де-Пуле 2008. С. 276.

⁸⁷ Ковалевский 2010. С. 71.

результатом сложного взаимодействия определенных уровней функционирования эмоций. Прежде всего, это уровень индивидуальных эмоций, зависящих от психологических особенностей человека и его уникального жизненного опыта. Но, несмотря на всю уникальность личных переживаний, этот уровень находился во взаимосвязи с ценностно-эмоциональным уровнем университетского сообщества. И наконец, оба эти уровня напрямую зависели от эмоционального фона определенных эпох. Так, во второй половине XIX в. на смену романтизму, импульсом к появлению которого послужило разочарование в идеях Просвещения, пришел позитивизм, принесший оптимизм познаваемости, рациональности научного поиска и университетской организации в целом. Это помогает осознать истоки и особенности оптимистической по своей природе университетской культуры, которая в полной мере оформилась во второй половине XIX в. (в т.ч. и благодаря мемуарному дискурсу) и была нацелена на трансляцию и сохранение – посредством эмоционального маркирования «достойных» образцов.

Признание оптимистичности и направленности в будущее культуры классических университетов, осознание значения эмоциональной составляющей в процессе наделения смыслами, когда идеалы становятся основой психологического своеобразия личности, заставляет по-иному оценить соотношение прагматики и ценностей в современном мире, насквозь пропитанном эмоциями. Возможно сегодня обновление университетской «миссии» связано с прагматикой целенаправленного использования ценностно-эмоциональных смыслов научного знания и университетской культуры. В данном контексте осмысление будущего исторической науки в метафорах «исторического оптимизма», «политики справедливой памяти»⁸⁸ приобретает важное значение, позволяя говорить не только о проблемах, но и намечать будущие перспективы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- А.Е. Из студенческих воспоминаний // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / наук. ред. С. І. Посохов. Харків: Сага, 2010. Т. 2. С. 192-194.
- Алексеев М. М. Воспоминания о профессоре Харьковского университета К. К. Гаттенбергере // Там же Т. 2. С. 261-269.
- Аптекуман О. В. Записки семидесятника. Студенческие годы // Там же. Т. 2. С. 72-83.
- Бузескул В. П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века: (личные воспоминания) // Там же. Т. 2. С. 130-148.
- Бузескул В.П. Образы прошлого: (Из моих воспоминаний) // Там же Т. 2. С. 116-129.
- Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых годах (из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / вступ. стаття В. Ю. Іващенко, наук. ред. С. І. Посохов. Харків: Сага, 2008. Т. 1. С. 372-387.
- Воронов А.Г. Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 1860-х годов // Там же. Т. 2. С. 25-46.

---

⁸⁸ Посохов 2013.

- Вязигин А.С. Воспоминания о В. К. Надлере (1886–1890) // Там же. Т. 2. С. 244-247.
- Геевский С.Л. Из автобиографии (1813–1862) // Там же. Т. 1. С. 136-156.
- Горнфельд А.Г. К.К. Гаттенбергер: (из воспоминания бывшего слушателя) // Там же. Т. 2. С. 255-260.
- Горнфельд А.Г. Лекции А.А. Потебни: (Из воспоминаний слушателя) // Там же. Т. 2. С. 248-254.
- Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Там же Т. 1. С. 272-331.
- Еллинский Н.И. Автобиографическая записка // Там же. Т. 1. С. 55-56.
- Из воспоминаний студента Н. // Там же. Т. 1. С. 99-103.
- Кашменский Ф.Г. Из воспоминаний о профессорах историко-филологического факультета Харьковского университета с 1876 по 1880 г. // Там же Т. 2. С. 162-169.
- Ковалевский М.М. Моя жизнь. Глава III. Университет // Там же. Т. 2. С. 47-71.
- Костомаров Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Там же. Т. 1. С. 176-202.
- Лейбин П. Памяти Д.И. Каченовского // Там же. Т. 1. С. 413-416.
- Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний // Там же. Т. 1. С. 208-240.
- Оже-де-Ранкур Н.Ф. В двух университетах (воспоминания 1837–1843 годов) // Там же. Т. 1. С. 260-266.
- Пашков В. Идеализм и идеалисты сороковых годов: воспоминания 1882 г. о Харьковском университете 40-х и 60-х годов XIX века // Там же. Т. 1. С. 267–271.
- Розальон-Сошальский А.Г. Мои воспоминания // Там же. Т. 1. С. 33-39.
- Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час / відп. ред. В.В. Кравченко, пер. с нім. В.Л. Маслійчук, Н.А. Оніщенко. Харків: Майдан, 2001. С. 114-115.
- Сбитнев И.М. Записки // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців... Т. 1. С. 157-164.
- Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Там же Т. 2. С. 170-177.
- Степанов Т.Ф. Из «Автобиографии» // Там же Т. 1. С. 40-54.
- Стоянов А.Н. Воспоминания о Д.И. Каченовском. Студенческая жизнь. Первый период профессуры // Там же. Т. 1. С. 362-371.
- Сумцов Н.Ф. Материалы для истории Харьковского университета // Там же. Т. 2. С. 84-103.
- Сумцов Н.Ф. Профессор Александр Иванович Кирличников: (к его характеристике по данным «Очерков» и по личным воспоминаниям) // Там же. Т. 2. С. 104-112.
- Хрушев Д.П. Из воспоминаний // Там же. Т. 1. С. 165-169.
- Цых В.Ф. Речь, говоренная экстраординарным профессором всеобщей историей Цыхом // Записка и речи, читанные при открытии имп. Университета Св. Владимира 15 июля 1834 года. К.: Тип. Киев. ун-та, 1840.
- Шрамченко Н.А. Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців... Т. 1. С. 170-175.
- Якоб Л.Г. О влиянии университетов на образование и благосостояние народов // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании императорского Харьковского университета 17 января 1808 г. X.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. С. 68-86.
- Якоб Л.Г. фон. Спогади про моє життя / упоряд., коментар. С. О. Синюрка; наук. ред. С.І. Посохов; пер. з нім. О.М. Белозьорової. X.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2016. С. 175.

Литература

- Бакиров В.С. Университеты «третьей волны»: социокультурная миссия // Universitates = Университеты: Наука и просвещение. 2012. № 1 (48). С. 22-31.
- Берк П. Что такое культурная история? / пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2015. 240 с.
- Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441-460.
- Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 271–310.
- Вишленкова Е.А. Коммеморативная культура российского университета XIX века // Пути России. Историзация социального опыта. М.: НЛО, 2013. Т. 18. С. 584-599.

- Дубина В. Воспитание скукой: обращение с эмоциями в русском дворянском образовании середины XIX века // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 151-165.
- Ивашенко В.Ю., Посохов С.И. Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета // Мир историка. Омск. 2011. Вып. 7. С. 110-139.
- Ивашенко В.Ю. Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX ст.: дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2003.
- Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі / О.І. Журба. Дніпропетровськ: ЛІРА, 2014. 384 с.
- Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 332 с.
- Мицц С.С. Мемуары и российское дворянство: источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998. 260 с.
- Николаи Ф.В., Хазина А.В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 97-115.
- Посохов С.И. «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. 2013. Вип. 12. С. 6-23.
- Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. 364 с.
- Посохов С. Університети у темряві? // Universitates = Університети: Наука и просвещение. 2006. № 1. (25). С. 4-7.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 325–410.
- Столлович Л.Н. Философия, эстетика, смех. СПб; Тарту: Крипта. 1999. 383 с.
- Субботина Н.Д. Смех как форма межгрупповых и внутригрупповых отношений // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. Вып. 4 (63). С. 38-45.
- Филлимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 259 с.
- Харківський історіографічний збірник. [«Етичне» в процесі наукової та викладацької діяльності історика XIX–XXI ст.] / відп. ред. С.І. Посохов. 2012. Вип. 11. 308 с.
- Хмельевская Ю.Ю. «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452-461.
- Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 352 p.
- Rosenwein V.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. No. 3 (June). P. 821-845.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012. V. 51. P. 193-220.

REFERENCES

- Bakirov V.S. Universitety («tret'ei volny»): sotsiokul'turnaya missiya // Universitates = University: Nauka i prosveshchenie. 2012. № 1 (48). S. 22-31.
- Berk P. Chto takoe kul'turnaya istoriya? / per. s angl. I. Polonskoi. M.: VShE, 2015. 240 s.
- Vinnitskii I. Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. S. 441-460.
- Vishlenkova E., Malysheva S., Sal'nikova A. Istoriya universiteta kak istoriya pamyati korporatsii? // Ab Imperio. 2004. № 3. S. 271–310.
- Vishlenkova E.A. Kommemorativnaya kul'tura rossiiskogo universiteta XIX veka // Puti Rossii. Istorizatsiya sotsial'nogo opyta. M.: NLO, 2013. T. 18. S. 584-599.
- Dubina V. Воспитание скукой: obrashchenie s emotsiyami v russkom dvoryanskom obrazovanii serediny XIX veka // Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 151-165.
- Ivashchenko V.Yu., Posokhov S.I. Obrazy professorov XIX v. v vospominaniyakh prepodavatelei i vospitannikov Khar'kovskogo universiteta // Mir istorika. Омск. 2011. Vyp. 7. S. 110-139.
- Ivashchenko V.Yu. Memuari profesoriv ta studentiv z istorii Kharkivs'ogo universitetu XIX – pochatku XX st.: dis. ...kand. ist. nauk. Kharkiv, 2003.

- Istoriografichni ta dzhereloznavchi problemi istorii Ukraini. Profesiina etika istorika u mizhdistsiplinarnomu prostori / O.I. Zhurba. Dnipropetrovs'k: LIRA, 2014. 384 s.
- Lengle A. Emotsii i ekzistsentsiya. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2007. 332 s.
- Mints S.S. Memuary i rossiiskoe dvoryanstvo: istochnikovedcheskii aspekt istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya. SPb.: Nestor, 1998. 260 s.
- Nikolai F.V., Khazina A.V. Istoriya emotsii i «affektivnyi povorot»: problemy dialoga // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 97-115.
- Posokhov S.I. «Svoevremennye razmyshleniya» o teoriyakh pamyati, tipakh kul'tury i smyslakh istorii // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. 2013. Vip. 12. S. 6-23.
- Posokhov S.I. Universitet i gorod v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). Khar'kov: KhNU im. V.N. Karazina, 2014. 364 s.
- Posokhov S. Universiteti u temryavi? // Universitates = Universitety: Nauka i prosveshchenie. 2006. № 1. (25). S. 4-7.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. S. 325–410.
- Stolovich L.N. Filosofiya, estetika, smekh. SPb; Tartu: Kripta. 1999. 383 s.
- Subbotina N.D. Smekh kak forma mezhruppovykh i vnutrigruppovykh otnosheni // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 4 (63). S. 38-45.
- Filimonova O.E. Yazyk emotsii v angliiskom tekste. Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. 259 s.
- Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. [«Etichne» v protsesi naukovoi ta vikladats'koi diyal'nosti istorika XIX–XXI st.] / vidp. red. S.I. Posokhov. 2012. Vip. 11. 308 s.
- Khmelevskaya Yu.Yu. «Istoriya emotsii» v sovremennoi istoriograficheskoi paradigme // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy / pod red. L.P. Repinai. M.: LKI, 2011. S. 452-461.
- Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 352 p.
- Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. No. 3 (June). P. 821-845.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012, 51. P. 193-220.

Киселева Юлия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Кафедры историографии, источниковедения и археологии Исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; ula-kiseleva@yandex.ru

The values of university culture through the prism of feelings (on the memoirs of the Imperial Kharkov university students and professors)

The article is devoted to the reconstruction of the repertoire of values and emotions in university culture on the basis of analysing the body of memoir literature from the imperial Kharkov University. The author argues that there existed an organic relationship between values and emotions in the memoir discourse. On the one hand, the distinctive features of university culture were caused by specific forms of selecting and representing emotions in memoirs, but at the same time emotions played a seminal role in the process of formation, preservation and transmission of university culture through the memoir discourse. The author concludes that there existed an “optimistic imperative” in the culture of the university corporation as a whole and that its principles of employing values and emotions remain valid today.

Keywords: history of emotions, university culture, memoir discourse, university values, emotional community, Kharkov university

Iuliya Kiseleva, PhD in History, Lecturer at the Department of Historiography, Source Studies and Archeology, School of History, V.N. Karazin Kharkiv National University; ula-kiseleva@yandex.ru

О. В. МОРОЗОВ

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ И БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ГУМБОЛЬДТОВСКОГО МИФА»¹

В статье исследуются истоки «гумбольдтовского мифа». Автор опровергает сложившуюся в науке точку зрения, согласно которой миф возник во время празднований 100-летнего юбилея Берлинского университета в 1910 г., показывая, что она не подтверждается источниками. По мнению автора, «гумбольдтовский миф» возник до 1910 г. в сочинениях немецких философов и педагогов начала XX в. под влиянием записки Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине». Юбилей же Берлинского университета следует считать только одним из способов фиксации и распространения мифа.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, «гумбольдтовский миф», Берлинский университет, юбилей 1910 г.

Споры о прошлом и будущем университета, развернувшиеся в последнее двадцатилетие в немецкой академической среде, привели к переосмыслению нескольких важных конвенций в истории науки и образования. Одна из них – «гумбольдтовская» или, как ее чаще называют в России, «классическая модель» университета. Ее суть сводится к тому, что в начале XIX в. В. фон Гумбольдт (1767–1835) разработал инновационную систему, сочетавшую образовательный процесс и свободное исследовательское творчество, внедрил ее в основанный им же в 1810 г. Берлинский университет, и тем самым сделал его образцовым высшим учебным заведением, на который равнялся весь мир.

Благодаря усилиям таких историков, как Р. фон Брух, Д. Коннелли, Д. Лангевише, П. Лундгрэн, С. Палетшек, М. Эш, К. Ярауш и др., теперь можно с уверенностью заключить, что данная модель есть не более чем миф, вернее, «гумбольдтовский миф», как предлагает называть ее М. Эш. Ему и его коллегам удалось доказать, что разработка Гумбольдта не таила в себе почти ничего инновационного, не была воплощена полностью ни в одном университете, включая Берлинский, а сам Гумбольдт никогда не претендовал на звание ее автора – он про-

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Я выражаю благодарность Д. Лангевише, С. Палетшек, Х.-Э. Тенорту и моим коллегам из Центра университетских исследований ИГИТИ им. А.В. Полетаева, беседы с которыми помогли сделать этот текст лучше.

сто собрал и обобщил несколько идей, высказанных ранее его предшественниками². Более того, Берлинский университет не был детищем одного Гумбольдта: разговоры об открытии университета в прусской столице велись с конца XVIII в., а его учреждением занимались многие чиновники и мыслители, включая И.Г. Фихте и Ф.Д.Э. Шлейермахера³. Гумбольдт присоединился к ним только в начале 1809 г. после завершения дипломатической службы в Риме, возглавив секцию культуры и общественного образования в Министерстве внутренних дел Пруссии⁴.

Однако мы по-прежнему располагаем скудными сведениями о том, кто, как и когда сконструировал «гумбольдтовский миф». В научной литературе неоднократно звучала мысль, что он восходит к 100-летию юбилею Берлинского университета, пышно отпразднованному в германской столице в 1910 г. В этой статье я хочу объяснить, что основные доводы в защиту данного утверждения не подкрепляются источниками, и в действительности процесс создания «гумбольдтовского мифа» был более сложным и противоречивым.

Гумбольдт и 100-летний юбилей Берлинского университета

Один из самых сильных доводов против традиционного взгляда на «гумбольдтовскую модель» заключается в том, что исследовательский университет как идеал, к которому нужно стремиться, существовал в представлениях немецкого академического сообщества в течение всего XIX в., но до начала XX в. никто не связывал этот идеал с Гумбольдтом. Отсюда напрашивается вывод, что «гумбольдтовский миф» возник не на пустом месте, а в результате слияния популярной ранее легенды об исследовательском университете и нового знания о Гумбольдте, ставшем впоследствии главным героем этой легенды.

Примерно к такому же выводу пришла в 2001 г. С. Палетшек, предложив свою версию происхождения мифа. По ее мнению, образ Гумбольдта как автора новой университетской модели появился во время 100-летнего юбилея Берлинского университета в фештшифтах

---

² «Гумбольдтовский миф» неоднократно обсуждался в западной историографии, прежде всего немецкой. См.: Mythos Humboldt 1999; *Paletschek* 2001; 2002; *Lan-gewiesche* 2010; 2011; *Eichler* 2012; *Tenorth* 2012; 2013; 2014a. Российскому читателю «гумбольдтовский миф» скорее всего знаком по русскому переводу статьи М. Эша, написанной на основе пленарного доклада на конференции «Болонский процесс и формирование будущих сообществ знания: Третья конференция по знанию и политике», проходившей в Норвегии в 2005 г.: *Эш* 2013. Оригинал статьи: *Ash* 2006.

³ *Tenorth* 2010. S. 18; 2014b. S. 16-19.

⁴ Гумбольдт проработал главой секции с 20 февраля 1809 г. по 23 июня 1810 г., а затем был вынужден уступить этот пост своему идейному оппоненту К.Ф. фон Шукману. С 1817 г. за образовательную и культурную политику в Прусском королевстве станет отвечать новое ведомство – Министерство по делам религии, образования и здравоохранения. После Ноябрьской революции 1918 г. оно было переименовано в Министерство науки, искусства и народного образования.

философа и педагога Э. Шпрангера (1882–1963) и юбилейных речах, авторы которых, пользуясь случаем, героизировали прошлое немецкой науки⁵. Палетшек исходила из того, что университетский юбилей, будучи ярким праздничным событием с богатым выбором коммеморативных практик, часто используется для конструирования выразительных образов, укрепляющих коллективную идентичность. Юбилей 1910 года Палетшек относит к первому этапу в становлении «гумбольдтовского мифа», правда само это понятие она практически не употребляет, предпочитая ему собственный эквивалент – «изобретение Гумбольдта» (*Erfindung von Humboldt*).

Палетшек отмечает, что содержательным подспорьем для мифа послужила знаменитая записка Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине»⁶, найденная в 1896 г. и опубликованная за семь лет до 100-летних празднований⁷. В ней Гумбольдт делится своим мнением о том, как должен быть устроен научно-исследовательский процесс в университетах и академиях, а также каковы пределы вмешательства государства в работу тех и других. Мы не знаем ни адресата записки, ни точной даты ее создания (скорее всего это был период 1809–1810 гг.)⁸. Текст насчитывает всего десять страниц, внезапно обрываясь на подзаголовке «Об академии».

Итак, Палетшек выделяет в происхождении «гумбольдтовского мифа» два вида источников, связанных со 100-летней годовщиной Берлинского университета, – фештшрифты и юбилейные речи. Если в первом случае она подкрепляет свои аргументы цитатами из работ Шпрангера, то во втором почему-то нет ни одной выдержки из речей, что вызывает обоснованные сомнения в прочности ее позиции. В 2010 г. недостающие примеры привел в своей статье Д. Лангевиеше⁹, однако, как я покажу ниже, даже в них связь между юбилеем 1910 г. и рождением «гумбольдтовского мифа» неочевидна. На данный момент версию Палетшек поддерживает большинство исследователей, причем даже те, кто не до конца разделяет ее критический взгляд на Гумбольдта¹⁰. Чтобы проверить, насколько состоятельна эта версия, я поочередно рассмотрю выделенные Палетшек виды источников и попробую отыскать

⁵ Paletschek 2001. S. 100-101; 2002. S. 187-189, 191.

⁶ Humboldt 1903; Ср. издание на русском языке: Гумбольдт 2011.

⁷ Paletschek 2001. P. 39-40; Paletschek 2002. S. 186-187.

⁸ А. фон Гарнак полагал, что записка появилась после лета 1810 г., но это могло случиться и раньше. 9 мая 1809 г. Гумбольдт отправил послание своему другу – министру внутренних дел Пруссии, графу Ф. цу Дона-Шлобиттен. В послании он упомянул некий план соединения академии с университетом. Под этим планом он, вероятно, подразумевал свою записку. Письмо Гумбольдта графу см.: Humboldt 1960. Вступительный комментарий к записке см.: Humboldt 1903. S. 250-251.

⁹ Langewiesche 2010. S. 81-84.

¹⁰ Tenorth 2010. S. 17, 25; Tenorth 2013. S. 22.

в них истоки «гумбольдтовского мифа». Но сперва позволю себе несколько вступительных слов о 100-летнем юбилее Берлинского университета, который пока не был предметом специальных исследований.

Подготовка этого праздника заняла в общей сложности девять лет. Церемонии проходили в столице Германского государства с 10 по 12 октября. В них приняли участие тысячи человек, включая студентов, профессоров, членов университетской администрации, правительственных чиновников, горожан, туристов и представителей иностранных делегаций, прибывших из университетов Европы, Азии и Америки¹¹. Особым гостем стал кайзер Вильгельм II, чей визит придал событию общеимперский размах. Лейтмотивом праздничной риторики стали научные достижения немецкой нации. Газеты с упоением писали о превосходстве немецкой национально ориентированной науки над ценностями западной «космополитической революции», воплощаемыми Францией и Великобританией¹². То были мрачные предзнаменования грядущей мировой войны. Впоследствии они переросли в открытые призывы к насилию и самопожертвованию во имя государства, которые в военные годы раздавались не только с политических трибун, но и с университетских кафедр¹³.

Воздавая почести университету, ораторы не скупились на похвалы кайзеру и его предкам¹⁴, неустанно повторяя, что история университета неотделима от истории отечества¹⁵. Одновременно они говорили о «прусском духе», напоминая, как после военных неудач 1806–1807 гг. он вдохновил людей на новые свершения¹⁶. Столь контрастные отсылки к прошлому грозили вызвать у зрителя когнитивный диссонанс. Чтобы этого не произошло, ораторы прибегали к риторическим уловкам. Так, профессор М. Ленц, обращаясь в своей речи то к монархии, то к народу, попытался скрепить две стороны общими интересами, заявив, что XIX в. стал временем, когда страстное желание немцев обрести единство было исполнено правящим домом Гогенцоллернов¹⁷.

Вычурная праздничная риторика включала периодические отсылки к ученым и основателям университета. Имя Гумбольдта фигурировало в выступлениях Вильгельма II, министра образования и культуры

---

¹¹ Liste 1910.

¹² *Deiters* 1910. S. 209.

¹³ *Maurer* 2011.

¹⁴ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 40–42; *Lenz* 1910. S. 5–6.

¹⁵ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 36; *Deiters* 1910. S. 209.

¹⁶ *Schwartz* 1910. S. 151. Речь шла о поражении прусских войск от Наполеона в битвах при Йене и под Фридландом во время Войны четвертой коалиции 1806–1807 гг. Пруссия потеряла армию и значительную часть своих территорий, включая земли, полученные после раздела Речи Посполитой, поэтому под угрозой потери независимости была вынуждена подписать унижительный мир с Наполеоном.

¹⁷ *Lenz* 1910. S. 6.

А. фон Тротт цу Зольца, обербургомистра М. Киршнера, М. Ленца и многих других ораторов, но ничего нового и содержательного в тех эпизодических упоминаниях не было, поэтому разглядеть в них истоки «гумбольдтовского мифа» даже при большом желании не удастся. Из всех юбилейных речей 1910 г. только в двух о Гумбольдте были хоть какие-то сведения, не считая имени. Первая принадлежит ректору Берлинского университета Э. Шмидту, вторая – его преемнику М. Рубнеру.

К речи Рубнера обращается Лангевише. Цитатами из речи он имплицитно подкрепляет версию Палетшек о происхождении «гумбольдтовского мифа», снабжая эту версию отсутствовавшими ранее ссылками на источники. Здесь возникают как минимум два сомнительных момента. Во-первых, вряд ли стоит связывать речь Рубнера с юбилеем Берлинского университета, как это делает Лангевише: Рубнер выступил не во время праздника, а только через три дня на церемонии своей интронизации, когда юбилейные торжества были завершены, а многие гости, включая кайзера, разъехались. Во-вторых, связь Гумбольдта с исследовательским университетом просматривается у Рубнера только в одной фразе: «В. фон Гумбольдт приписал университету двойную задачу: поучать и исследовать»¹⁸. Из нее отнюдь не следует, что участники юбилея готовы были назвать Гумбольдта отцом-основателем новой университетской модели. О том, что Берлинский университет должен развивать у себя свободное исследовательское творчество, Рубнер говорил долго, только о Гумбольдте он больше не проронил ни слова.

В отличие от Рубнера, Шмидт прочел свою речь 11 октября, в разгар юбилейных празднований, перед кайзером, высшими имперскими чинами, деканами, профессорами и иностранными делегатами. Его выступление началось с упоминаний памятников Вильгельму и Александру фон Гумбольдтам, воздвигнутых в 1882 и 1883 гг. по правую и левую стороны от входа в главное здание университета на бульваре Унтер-ден-Линден. Шмидт назвал В. фон Гумбольдта символом гуманитарного знания, а его младшего брата Александра – естественнонаучного¹⁹. Не стала ли эта аллегория началом истории «гумбольдтовского мифа»? Скорее всего нет. Шмидт не был первым, кто использовал подобную персонификацию в торжественной речи. В 1883 г. то же самое сделал еще один ректор Берлинского университета – Э. Дюбуа-Реймон²⁰. Памятники двум Гумбольдтам стали темой его выступления 3 августа, в день рождения прусского короля Фридриха Вильгельма III. История этих памятников уместилась в несколько первых минут речи. Остальное время занял панегирик, причем не Вильгельму, а Александру.

¹⁸ *Rubner* 1910. S. 4.

¹⁹ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 31-32.

²⁰ Тексты и списки речей ректоров Берлинского университета издавались несколько раз. Избранный список за 1810–1932 гг. см.: *Reden* 1977.

дру, заслугам которого, как посчитал оратор, долгое время не уделяли должного внимания. Вильгельма Дюбуа-Реймон все-таки охарактеризовал как талантливого дипломата и ученого, перечислив области знания, где тот успел отличиться: эстетика, филология, античная культура. Старший Гумбольдт удостоился ректорской похвалы и за то, что во время «нового рождения» (*Neugeburt*) Пруссии в начале XIX в. помог основать Берлинский университет, правда «настоящим» основателем был назван только один человек – прусский монарх²¹.

К концу XIX в. заслуги Вильгельма и Александра перед наукой едва ли кем-то ставились под сомнение. Первый был известен как дипломат и филолог, второй – как путешественник и естествоиспытатель. Отождествление братьев с гуманитарным и естественнонаучным знанием могло быть по душе многим образованным немцам, особенно представителям академического сообщества. С этой точки зрения, аллегории Шмидта не следует придавать большого значения. Его попытка приукрасить заслуги Гумбольдта перед высшим образованием – все-го-навсего традиционная фигура речи, соответствовавшая праздничному моменту, и вряд ли в ней надо искать потаенный смысл.

В выступлении Шмидта выделю один важный фрагмент. В нем В. фон Гумбольдт назван ученым, «который помог сохранить сущность многообразных гуманистических образовательных идеалов в те годы, когда старая высшая школа разлетелась на куски, и который обогатил и одухотворил эстетическое воспитание и языкознание»²². О вкладе Гумбольдта в образование и воспитание было известно в XIX в. очень мало, поэтому в речи Шмидта Гумбольдт, несомненно, предстал с новой и непривычной для академического сообщества стороны. Но какое событие могло вызвать эти перемены? Вероятная причина – публикация новых рукописей, найденных в архивах в 1890-е гг., в рамках работы над 25-томным собранием сочинений Гумбольдта, приуроченным к 200-летию Прусской академии наук. Празднование юбилея было запланировано на 1900 г. Собрание издавалось в течение всей первой половины XX в. В 1903 г. вышли первый том под редакцией историка литературы из Йенского университета А. Ляйцмана и десятый под редакцией историка Б. Гёбхардта. В первый том, наряду с ранее известными сочинениями, вошли и неизвестные, например, по теории образования и сравнительной антропологии, написанные в 1791–1795 гг. Десятый том включал служебные бумаги, сохранившиеся с той поры, когда Гумбольдт возглавлял секцию культуры и общественного образования в Министерстве внутренних дел, среди них оказалась и записка «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине», тоже опубликованная впервые.

²¹ *Du Bois-Reymond* 1912. S. 249, 255.

²² *Jahrhundertfeier* 1911. S. 32.

Интерес к биографии В. фон Гумбольдта усилился в Германии еще в последней четверти XIX в. после нескольких публикаций его эпистолярного наследия²³. В 25-томном же собрании сочинений упор делался на его заслуги перед наукой и образованием. Благодаря изданию новых рукописей знаменитый дипломат и филолог начал восприниматься еще и как создатель исследовательского университета. Скорее всего слова Шмидта о вкладе Гумбольдта в развитие эстетического воспитания и сохранение гуманистических образовательных идеалов были одним из проявлений этого нового восприятия. Но едва ли эти слова можно принять за истоки «гумбольдтовского мифа» или хотя бы за минимальный вклад в его популяризацию: прямой связи с исследовательским университетом в них нет.

Казалось бы, архивные находки были только на руку организаторам 100-летнего юбилея. Опубликованные тексты позволяли им поднять на щит одного из основателей своей альма-матер и воздать ему хвалу за достижения, не замеченные предками. Не секрет, что на рубеже XIX–XX вв. германские университеты постепенно уступали свои позиции техническим институтам, поддерживаемым прусским министром образования и культуры Ф. Альтхофом. Чтобы восстановить былой авторитет, университетские люди отчаянно нуждались в результативных механизмах самолегитимации. Образ Гумбольдта подходил на роль такого механизма как ничто другое. Тем не менее в 1910 г. Гумбольдт не стал главным героем юбилейных речей, хотя на мгновение появился в одной из них в новой ипостаси.

Все дело в том, что празднования 1910 г. были призваны сакрализовать не только Берлинский университет, но и Германское государство вместе с его правителем. Упоминания о королях, герцогах, курфюрстах и их плодотворном участии в судьбе немецкой науки были типичны для большинства университетских юбилеев Нового времени, ведь почетными гостями на них часто были монархи и принцы крови. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1910 г. выступавшие на трибунах ученые и чиновники ставили основание Берлинского университета в заслугу правящему дому Гогенцоллернов. Этим они поддерживали иллюзорную гармонию между университетом и государством, обеспечивая себе расположение со стороны последнего. Имена братьев Гумбольдтов, Шлейермахера, Фихте и др. никем не замалчивались, однако они меркли на фоне дифирамбов кайзеру и его предкам²⁴. Юбилейные ораторы никак не могли способствовать зарождению «гумбольдтовского мифа» в 1910 г.: их риторика не содержала ровным счетом никаких сведений об инновационной модели Гумбольдта и/или ее внедрении в Берлинский университет.

²³ Briefe 1879; *Karpeles* 1890; *Schwenke* 1891.

²⁴ *Jahrhundertfeier* 1911. S. 5-6, 36-42.

Возникновение «гумбольдтовского мифа»

Итак, установив, что «гумбольдтовский миф» не мог быть сконструирован с помощью юбилейных речей, перейдем к следующему виду источников, выделенному Палетшек, а именно – фештшрифтам Шпрангера. Отрицать, что в них содержатся сведения, относящиеся к «гумбольдтовскому мифу», невозможно. В 1910 г. Шпрангер действительно опубликовал пару книг в честь 100-летия Берлинского университета, где, как справедливо указывает Палетшек, назвал Гумбольдта создателем новой университетской модели, а открытие Берлинского университета – поворотным моментом в истории немецкого высшего образования. Тем не менее возникает вопрос, был ли Шпрангер первым, кто заговорил о Гумбольдте и Берлинском университете в новом качестве? По моим наблюдениям, пальма первенства в этой истории принадлежит не Шпрангеру, а его учителю Ф. Паульсену (1846–1908).

Паульсен известен как талантливый педагог, философ-неокантианец и историк образования. Введенное им в 1880-е гг. понятие «неогуманизм»²⁵ снискало широкую популярность и до сих пор используется в педагогике и философии. Паульсен учился в Эрлангене, затем переехал в Берлин, где в 1871 г. защитил кандидатскую диссертацию по этике Аристотеля, а уже через четыре года – докторскую по теории познания И. Канта. В 1878 г. он стал экстраординарным профессором философии и педагогики в Берлинском университете, а в 1896 г. – профессором моральной философии.

Сравнив работы Паульсена, написанные с интервалом в несколько лет, я обнаружил любопытные перемены в его оценках как Гумбольдта, так и Берлинского университета. Если в своем раннем *opus magnum* по истории немецкого образования (1885) Паульсен подает Гумбольдта как исследователя Античности, называя его «новым эллином» (*Neuhellen*)²⁶, то через семнадцать лет в книге «Германские университеты» (1902) он провозглашает Гумбольдта основоположником Берлинского университета, воздвигнутого в противовес высшим школам «военного диктатора» Наполеона. По мнению Паульсена, фигура Гумбольдта, в которой органично соединились талантливый ученый и великий государственный деятель, символизировала отречение Пруссии от милитаризма и дисциплины в пользу исследовательского творчества и его главного принципа – свободы²⁷.

Можно определенно сказать, что взглянуть на Гумбольдта с новой стороны Паульсену помогла записка «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине», которую он

---

²⁵ Подробнее о неогуманизме см.: *Feldmann* 1930; *Dokumente des Neuhumanismus* 1931; *Humanismus und Bildung* 1991; *Zhaoyang* 1991; *Osterhammel* 1993.

²⁶ *Paulsen* 1885. S. 523.

²⁷ *Paulsen* 1902. S. 63-64. Уже в 1904 г. вышел русский перевод: *Паульсен* 1904.

упоминает в своей книге. Откуда Паульсен мог узнать о ней, если она была опубликована только через год? Дело в том, что перед публикацией фрагменты записки цитировали Б. Гебхардт и А. фон Гарнак – автор юбилейной истории Прусской академии наук²⁸. Паульсен, хорошо знавший сочинения своих коллег, имел возможность познакомиться с основным содержанием записки до ее официального выхода.

Попав под влияние этого текста, Паульсен с каждым годом все больше укреплялся во мнении, что исследовательский университет возник благодаря Гумбольдту в 1810 г. Через четыре года после «Германских университетов» вышел «Исторический очерк развития образования в Германии», где Гумбольдт предстал в качестве реформатора всей системы прусского образования: «Недолго пробыл Гумбольдт на ...своем посту <...>, но за столь короткое время он успел пропитать новыми идеями и перестроить на новых началах все дело образования в государстве. Университеты, гимназии и народная школа в эту именно пору получили то направление, которому с кое-какими колебаниями и приспособлениями они остались верны все столетие». Ниже уточнялось, что в высшем образовании одним из этих новых начал была идея свободы, запечатленная в Берлинском университете²⁹.

Палатшек утверждает, что Паульсен связывал переломный момент в истории немецкого высшего образования не с открытием Берлинского университета³⁰, а с преобразованиями в Галльском и Гёттингенском университетах второй половины XVIII в.³¹ Это верно лишь отчасти, и то только для книги «Германские университеты». Там Паульсен писал о Галле и Гёттингене как о передовых учебных заведениях, где с наступлением Нового времени средневековая схоластика отступала под натиском естественных наук и утверждались принципы свободного обучения и исследования³². Открытие Берлинского университета Паульсен хоть и оценивал в 1902 г. как одно из самых заметных достижений побежденной Наполеоном Пруссии, но поворотным моментом в истории высшего образования не называл. А вот в 1906 г. он окончательно сформулировал свою точку зрения: «Берлинский тип университета явил собой <...> новый тип университета вообще. Положенная в его основу новая идея состояла в том, что университет должен быть безусловно и прежде всего местом свободной и научной работы. Галле и Гёттинген уже были такими, но все равно по своему строю они оставались высшими школами»³³.

²⁸ Gebhardt 1896–1899. Bd. 1. S. 118–124; Harnack 1900. Bd. 1. S. 594–597.

²⁹ Паульсен 1908. С. 205.

³⁰ Paletschek 2002. S. 186.

³¹ Подробнее об этих преобразованиях см.: Cobb 1980.

³² Paulsen 1902. S. 55–60.

³³ Паульсен 1908. С. 204.

Таким образом, у истоков «гумбольдтовского мифа» стоял не Шпрангер, а его учитель Паульсен, так как именно он еще за несколько лет до юбилейных празднований 1910 г. сформулировал две основные идеи, образующие смысловое ядро мифа: (1) Гумбольдт – автор инновационной модели исследовательского университета; (2) Берлинский университет – место внедрения этой модели и, следовательно, новый этап в истории высшего образования. Обе идеи родились у Паульсена не случайно, а под влиянием найденных в 1890-е гг. рукописей Гумбольдта, в которых можно было разглядеть новую сторону творчества знаменитого дипломата и филолога.

Сказанное выше не отменяет установленного Палетшек факта, что Шпрангер имел отношение к «гумбольдтовскому мифу», но считать его создателем этого мифа было бы опрометчиво. Скорее Шпрангера можно охарактеризовать как последователя Паульсена и популяризатора его идей. Не исключено, что интерес к Гумбольдту возник у Шпрангера под влиянием его учителя. В 1909 г. Шпрангер защитил докторскую диссертацию о вкладе Гумбольдта в развитие неогуманизма³⁴, в том же году он стал приват-доцентом Берлинского университета и через год издал в честь 100-летнего юбилея своей альма-матер два фestsриффта. Первый включал сборники трудов Фихте, Шлейермахера и их коллег с рассуждениями о том, как должен быть устроен идеальный университет³⁵, а второй представлял собой книгу о Гумбольдте как реформаторе немецкого образования.

В книге отчетливо видны все те же две основополагающие для «гумбольдтовского мифа» идеи, сформулированные Паульсеном. Появление Берлинского университета было концептуализировано Шпрангером как прощание со средневековым схоластическим университетом, безвозвратно ушедшим вместе с *ancien régime* под давлением критики просветителей. Пусть новый университет и напоминал по форме те пережитки, которые он призван был заменить, дух, заключенный в нем, воплощал передовые образовательные принципы: отношение к исследовательскому процессу как вечному поиску истины, свободу научного знания, единство всех наук и взаимосвязь университетов с академиями в рамках единой системы – все то, о чем писал Гумбольдт в своей записке. Основание университета в прусской столице Шпрангер назвал «величайшим деянием» Гумбольдта, изобразив своего героя мудрым и трудолюбивым государственным деятелем, верившим в возрождение своей нации после унижительного поражения от Наполеона³⁶.

Догадывались ли Паульсен и Шпрангер, что, связав имя Гумбольдта с появлением исследовательского университета, они произвольно

---

³⁴ *Spranger* 1909.

³⁵ *Fichte, Schleiermacher und Steffens* 1910.

³⁶ *Spranger* 1965. S. 199-202, 207-208.

сконструировали один из самых живучих мифов в истории науки и образования? Появился ли бы этот миф вообще, не попади записка Гумбольдта в 1900-е гг. к этим двум немецким ученым, чьи работы пользовались сравнительно высоким авторитетом вплоть до конца XX в.? Вероятно, именно в силу этого авторитета «гумбольдтовскому мифу» долгое время удавалось не только избегать критической рефлексии, но и завоевывать новых сторонников, в рядах которых можно обнаружить такие известные имена, как К. Ясперс, Г. Шельски и Ю. Хабермас³⁷. В конце века отношение к классикам изменилось. Например, в 1990 г. историк образования и педагогики Д. Беннер показал³⁸, что шпрангеровский подход к интерпретации Гумбольдта, основанный на произвольной подборке цитат, безнадежно устарел и не отвечает современным научным требованиям.

***

100-летний юбилей Берлинского университета не привел к возникновению «гумбольдтовского мифа». Выступавшие на празднике ораторы прилагали массу усилий, чтобы легитимировать власть кайзера и вывести на передний план доброжелательные отношения монархии с наукой. Если они и упоминали В. фон Гумбольдта среди других известных имен, то никак не в качестве разработчика исследовательского университета. Ректор Э. Шмидт был единственным, кто считал нужным подчеркнуть заслуги Гумбольдта на поприще образования и воспитания, но и он не сказал ни о новой университетской модели, ни о вкладе Гумбольдта в ее разработку. Компоненты «гумбольдтовского мифа» можно найти в фestsрифтах Э. Шпрангера, опубликованных в честь 100-летнего юбилея, однако Шпрангер не был автором мифа. Те же самые идеи, но на несколько лет раньше, высказал его учитель Ф. Паульсен, впечатленный открытой в 1896 г. запиской Гумбольдта о «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине». Книги Паульсена не имели отношения к юбилею Берлинского университета. Самого праздника он не застал, уйдя из жизни в 1908 г. Шпрангер только закрепил идеи своего учителя в юбилейных изданиях, к которым впоследствии часто обращались другие ученые.

За последние двадцать лет немецкие историки обстоятельно изучили все виражи и перекрестки, пройденные «гумбольдтовским мифом» в течение XX в. Получив некоторое представление о начальном этапе этого пути, можем ли мы сказать, что вопрос о вкладе Гумбольдта в развитие высшего образования окончательно закрыт? Думаю, нет. Споры о будущем университета, его нравственном и научном предназначении, по-прежнему актуальны³⁹, а это значит, что мы еще не раз

---

³⁷ *Jaspers* 1923; *Schelsky* 1963; *Habermas* 1987.

³⁸ *Benner* 1995. S. 22-24.

³⁹ О том, как в этих спорах используется имя Гумбольдта, см.: *Ash* 2014.

увидим жаркие дискуссии о том, был ли В. фон Гумбольдт причастен к созданию исследовательского университета и по какой траектории этот университет должен развиваться в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гумбольдт В., фон.* О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 510-516. [Gumbol'dt V., fon. O vnutrennei i vneshnei organizatsii vysshihkh nauchnykh uchrezhdenii v Berline // Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX vekov: Antologiya / sost. A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov. M.: ROSSPEN, 2011. S. 510-516.]
- Паульсен Ф.* Германские университеты / пер. с нем. Г. Гроссмана. СПб.: Изд. журнала «Образование», 1904. 413 с. [Paul'sen F. Germanские universitety / per. s nem. G. Grossmana. SPb.: Izd. zhurnala «Obrazovanie», 1904. 413 s.]
- Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии / под ред. Н.В. Сперанского; пер. с нем. Л.Д. Жбанкова, А. Витина. М.: Тов-во И.Д. Сытина, 1908. 364 с. [Paul'sen F. Istoricheskii ocherk razvitiya obrazovaniya v Germanii / pod red. N.V. Speranskogo; per. s nem. M.: Tov-vo I.D. Sytina, 1908. 364 s.]
- Эш М.* Бакалавр чего, магистр кого? «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 59-83. [Esh M. Bakalavr chego, magistr kogo? «Gumbol'dtovskii mif» i istoricheskie transformatsii vysshego obrazovaniya v nemetskoazychnoi Evrope i SShA // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 122. S. 59-83]
- Ash M.* Bachelor of What, Master of Whom? The Humboldt Myth and Historical Transformations of Higher Education in German-Speaking Europe and the US // European Journal of Education. 2006. Vol. 41. No. 2. P. 245-267.
- Ash M.* Humboldt the Undead. Multiple Uses of «Humboldt» and His «Death» in the «Bologna» Era // The Humboldtian Tradition: Origins and Legacies / P. Josephson, T. Karlson, J. Östling (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 81-96.
- Benner D.* Wilhelm von Humboldts Bildungstheorie: eine problemgeschichtliche Studie zum Begründungszusammenhang neuzeitlicher Bildungsreform. Weinheim; München: Juventa, 1995. 232 S.
- Briefe Alexander von Humboldts an seinen Bruder Wilhelm / Familie von Humboldt in Ottmachau (Hg.). Berlin: Verl. der Gesellschaft deutscher Literaturfreunde, 1879. 229 S.
- Cobb J.D.* The Forgotten Reforms: non-Prussian Universities 1797–1817: Ph.D. diss. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1980. 198 p.
- Deiters H.* Zur Jahrhundertfeier der Universität Berlin // Akademische Blätter. 1910. Nr. 14. S. 209-213.
- Dokumente des Neuhumanismus / R. Joerden (Bearb.). Weinheim: Beltz, 1931. Bd. 1. 134 S.
- Du Bois-Reymond E.* Die Humboldt-Denkmalier vor der Berliner Universität. In der Aula der Berliner Universität am 3. August 1883 gehaltene Rektoratsrede // Reden: 2 Bde / E. du Bois-Reymond (Hg.). Leipzig: Veit, 1912. Bd. 2. S. 249-284.
- Eichler M.* Die Wahrheit des Mythos Humboldt // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. H. 1. S. 59-78.
- Feldmann E.* Der preußische Neuhumanismus: Studien zur Geschichte der Erziehung und Erziehungswissenschaft im 19. Jahrhundert. Bonn: Cohen, 1930. Bd. 1. VIII, 224 S.
- Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität / E. Spranger (Hg.). Leipzig: Dürr, 1910. XLIII, 291 S.
- Gebhardt B.* Wilhelm von Humboldt als Staatsmann: 2 Bde. Stuttgart: Scientia, 1896–1899. Bd. 1. VI, 487 S.
- Habermas J.* The Idea of the University: Learning Processes // New German Critique. 1987. No. 41. P. 3-22.
- Harnack A., von.* Geschichte der Königlich preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: 3 Bde. Berlin: Reichsdrukerei, 1900. Bd. 1. VI, 492 S.

- Humanismus und Bildung, Zukunftschancen der Tradition / J. Gruber, F. Maier (Hgg.). Bamberg: Buchner, 1991. 143 S.
- Humboldt W., von.* Aus der Denkschrift an den Minister des Innern Alexander Graf zu Dohna-Schlobitten vom 9.5.1810 // Idee und Wirklichkeit einer Universität. Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin / W. Weischedel (Hg.). Berlin: de Gruyter, 1960. S. 215-218.
- Humboldt W., von.* Über die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften: 25 Bde / Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften (Hg.). Berlin: Behr's, 1903. Abt. 2. Bd. 1. S. 250-260.
- Jahrhundertfeier der königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin 10.–12. Oktober 1910. Bericht im Auftrag des Akademischen Senats erstattet von dem Prorektor Erich Schmidt. Berlin: Schade, 1911. 318 S.
- Jaspers K.* Die Idee der Universität. Berlin: Springer, 1923. VI, 80 S.
- Karpeles G.* Der erste Berliner Salon. Henriette Herz und die Brüder Humboldt // Allgemeine Zeitung des Judentums. 1890. Bd. 54. S. 91-95.
- Langewiesche D.* Die «Humboldtsche Universität» als nationaler Mythos. Zum Selbstbild der deutschen Universitäten in ihren Rektoratsreden im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Historische Zeitschrift. 2010. Bd. 290. S. 53-91.
- Langewiesche D.* Humboldt als Leitbild? Die deutsche Universität in den Berliner Rektoratsreden seit dem 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2011. Bd. 14. S. 15-37.
- Lenz M.* Rede zur Jahrhundertfeier der königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin gehalten in der Neuen Aula der Universität am 12. Oktober 1910 von D. Dr. Max Lenz o. ö Professor der Geschichte. Halle a. d. S.: Weisenhauses, 1910. 32 S.
- Liste der Delegierten zur Jahrhundertfeier der Universität Berlin // Hundertjahrfeier der Universität Berlin: 8 Bde. Berlin, 1910. Bd. 1.2. Bl. 3-6.
- Maurer T.* Engagement, Distanz und Selbstbehauptung. Die Feier der patriotischen Jubiläen 1913 an den deutschen Universitäten // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2011. Bd. 14. S. 149-164.
- Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten / M. Ash (Hg.). Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1999. 268 S.
- Osterhammel J.* Zwischen Spätaufklärung und Neuhumanismus: die Schulreform des Großherzogs Karl Theodor von Dalberg und die Erneuerung des Hanauer Gymnasiums 1812/13 // Hanauer Geschichtsblätter. 1993. Bd. 31. S. 247-259.
- Paletschek S.* Die Erfindung der Humboldtschen Universität. Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Historische Anthropologie. 2002. Bd. 10. S. 183-205.
- Paletschek S.* The Invention of Humboldt and the Impact of National Socialism. The German University Idea in the First Half of the Twentieth Century // Science in the Third Reich / M. Szöllösi-Janze (Hg.). Oxford: Berg, 2001. P. 37-58.
- Paletschek S.* Verbreitete sich ein «Humboldtsches Modell» an den deutschen Universitäten im 19. Jahrhundert? // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhunderts / R.C. Schwinges (Hg.). Basel: Schwabe, 2001. S. 75-104.
- Paulsen F.* Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin: Asher & Co., 1902. 598 S.
- Paulsen F.* Geschichte des gelehrten Unterrichts: auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht. Leipzig: Veit, 1885. XVI, 811 S.
- Reden von Rektoren der Berliner Universität 1810–1932: eine Auswahlbibliographie / C. Schwarz (Hg.). Berlin: Humboldt-Univ., 1977. 56 S.
- Rubner M.* Unsere Ziele für die Zukunft. Rede zum Antritt des Rektorates der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität in Berlin gehalten in der Aula am 15 Oktober 1910. Berlin: Schade, 1910. 28 S.
- Schelsky H.* Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen. Hamburg: Rowohlt, 1963. 342 S.

- Schwartz P.* Die Gründung der Universität Berlin und der Anfang der Reform der höheren Schulen im Jahre 1810 // Mitteilungen der Gesellschaft für deutsche Erziehungs- und Schulgeschichte. 1910. Bd. 20. H. 3. S. 151-208.
- Schwenke P.* Aus Wilhelm von Humboldts Studienjahren. Mit ungedruckten Briefen // Deutsche Rundschau. 1891. Bd. 66. H. 6. S. 228-251.
- Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und die Reform des Bildungswesens. Tübingen: Niemeyer, 1965. XIV, 275 S.
- Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und Humanitätsidee. Berlin: Reuther & Reichard, 1909. X, 506 S.
- Tenorth H.-E.* 2014a. «Bildung und Wissenschaft» – brauchen wir noch die Universität? // Die Idee der Universität – revisited / N. Ricken, H.-C. Koller, E. Keiner (Hgg.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 45-62.
- Tenorth H.-E.* Mythos Humboldt. Eine Notiz zu Funktion und Geltung der großen Erzählung über die Tradition der deutschen Universität // Intuition und Institution. Kursbuch Bredekamp / C. Behrmann, S. Trinks, M. Bruhn (Hgg.). Berlin: Akademie, 2012. S. 69-80.
- Tenorth H.-E.* Mythos Universität. Die erstaunliche Aktualität einer Idee und die resistente Realität von Universitäten // Ideen und Realitäten von Universitäten / M.F. Buck, M. Kaubaum (Hgg.). Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2013. S. 15-33.
- Tenorth H.-E.* 2014b. The University of Berlin: A Foundation between Defeat and Crisis, Philosophy and Politics // International Journal for the Historiography of Education. 2014. Bd. 4. H. 1. S. 11-28.
- Tenorth H.-E.* Wilhelm von Humboldts (1767–1835) Universitätskonzept und die Reform in Berlin – eine Tradition jenseits des Mythos // Zeitschrift für Germanistik. 2010. Nr. 20. H. 1. S. 15-28.
- Zhaoyang C.* Neuhumanismus und neuhumanistische Bildungskonzeption von Lessing bis Goethe: ein Problemaufriß: univ. diss. München, 1991. 172 S.

Олег Владимирович Морозов, преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», omorozov@hse.ru

Wilhelm von Humboldt and Berlin University A New look at the origin of the Humboldt myth

This article traces the origins of the Humboldt myth. It challenges the established view that the myth arose during the celebrations of the centenary of Berlin University in 1910, demonstrating that this view is not confirmed by sources. First, the article examines the speeches delivered by the participants in the 1910 jubilee celebrations and concludes that they could not have provided the basis for the Humboldt myth because they mention Humboldt no more frequently than the names of other prominent scientists, and the brief assessments of his activities are too vague to warrant judgements about his contribution to the development of higher education. Second, the article analyzes the works of German philosophers and educators of the early twentieth century and stresses that the sources of the Humboldt myth go back mainly to works written before 1910, had nothing to do with the centenary of Berlin University and were influenced by Humboldt's note *On the Internal and External Organization of the Higher Scientific Institutions in Berlin* published in 1903. The article concludes that the traditional view of the origin of the Humboldt myth needs to be re-examined: the myth was born before 1910 and the centenary of Berlin University was only one channel for asserting and spreading it.

Keywords: Wilhelm von Humboldt, Berlin University, Humboldt myth, history of universities, higher education, academic community, jubilee, 1910

Oleg Morozov, Lecturer at the School of History, Faculty of Humanities, National research University Higher School of Economics, omorozov@hse.ru

Л. П. РЕПИНА

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Современная историография университетской истории в России носит ярко выраженный историко-культурный характер, что является общим для ряда формирующихся направлений. В статье речь идет об особом ракурсе рассмотрения истории российских университетов, а именно – в свете исследований коллективной исторической памяти и хронотопических характеристик интеллектуальной культуры. Автор подчеркивает специфическую природу «университетских историй», их существенные отличия от «университетских исследований», ставящих перед собой задачу деконструкции предшествующей, «изобретенной» традиции. Число новых юбилейных университетских историй, выступающих как феномен мемориальной культуры, не столь велико, но именно они дают корпоративному самосознанию полноту темпоральной перспективы. Историческая перспектива *longue durée*, устремленная от «начала начал» к текущему моменту и далее – в грядущее, актуализируется в условиях процедуры «оптимизации», навязанной университетам извне. Юбилейные истории, создающие «Я-образ» университета в жанре корпоративной «автобиографии», начиная с сакрального акта «рождения», способствуют консолидации сообщества, связывая профессуру и студентов разных поколений, предьявляя университет «внешнему миру» и утверждая его высокую миссию и статус в обществе.

Ключевые слова: университет, юбилейная история, коммеморация, историческая память, интеллектуальная культура, хронотоп, темпоральная перспектива

Университет в современном понимании – сложное социокультурное явление, сообщество людей с определенными разделяемыми мотивами деятельности, ценностными ориентациями и интеллектуальной культурой, один из важнейших институтов общества, обусловленный его социальной организацией, оказывающий, в свою очередь, влияние на все сферы его жизни и отличающийся многогранностью своих функций и задач. Вполне закономерно, что изучение истории университетов как центров образования, науки и культуры, истории университетской жизни, университетской среды, судеб университетской идеи и самого феномена Университета как корпорации учащихся и преподавателей занимает постоянно расширяющее свои границы место в пространстве современного гуманитарного знания.

В настоящей статье речь идет об историографии университетской истории в России, точнее – об особом ракурсе рассмотрения истории российских университетов, прежде всего – в свете исследований коллективной исторической памяти, а также в контексте изучения условий бытования и трансформации интеллектуальной культуры.

---

¹ Статья написана при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00418 «Исследовательские стратегии и практики историков России на рубеже XX–XXI вв.».

В длительной традиции изучения истории университетов проявились разные исследовательские модели². В соответствии с определением предмета анализа я, разумеется, оставляю в стороне огромный корпус исторических работ, посвященных средневековым европейским университетам, зарубежным университетам Нового и Новейшего времени, а также проблемам организации, социальных функций и статуса университета, его отношений с властью и другими общественными институтами. Отмечу лишь, что смена подходов, методов и аспектов изучения истории университетов всегда являлась следствием общих процессов развития исторической науки, а переориентация исследовательских приоритетов направляется новыми вызовами и вектором общественных дискуссий, включая обсуждение текущего кризиса и пессимистических сценариев «коммодификации» образования и «руинизации» классических университетов³.

Обратившись к изучению современной историографии истории российских университетов, следует принять во внимание, что хотя нередко горизонты ее рассмотрения сужаются до вопроса о роли университета в истории образования и даже в истории преподавания или научных исследований в той или иной области знания⁴, тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. ведущая тенденция в историях российских университетов тяготеет к рассмотрению университета как целого, в т.ч. в давно устоявшейся социально-институциональной модели⁵. К тому же, после череды методологических поворотов последних десятилетий стало возможным констатировать распространение в этих исследованиях, наряду со структурно-функциональным подходом, быстро завоевавшей признание культурно-антропологической и социокультурной перспективы. В рамках смены историографических парадигм повышается интерес к истории повседневной жизни отдельного университета, к бытию университетского человека, как профессора, так и студента, к истории личности в университетской среде, к внутрикorporативным отношениям и межличностным коммуникациям⁶. Современная историография университетской истории в России носит ярко выраженный историко-культурный характер, что является общим для нескольких формирующихся направлений, ориентированных на реконструкцию

---

² Подробно об альтернативных концепциях университета см.: Запорожец 2011.

³ См., в частности: Риддингс 2011.

⁴ Соответственно, ставятся и задачи: определить факторы, способствовавшие становлению преподавания в университете данной академической дисциплины или комплекса дисциплин; представить развитие научных исследований в этой области на разных этапах; проанализировать опыт преподавания и перспективы развития этого комплекса дисциплин в университете. См., напр.: Дружинина 2006. С. 9.

⁵ См., напр.: Петров 1998-2000; Аврус 2000; 2005; 2011; Карпачев 2003; 2013.

⁶ См., в частности: Иванов 1999; Олесич 1999; Пономарева, Хорошилова 2003; Бушуева 2011; 2012; и др.

широко понимаемой университетской культуры – материальной, бытовой, досуговой, поведенческой, интеллектуальной, профессиональной, что также предполагает рассмотрение сложного объекта исследования в пространственно-временном контексте его бытования.

Таким образом, образ Университета, оказавшегося в фокусе пересечения конкурентных исследовательских перспектив, становится все более многозначным и трудно поддающимся фиксации, но если прежде он «расплывался» во «внешнем» динамическом пространстве макроистории, то сегодня все глубже погружается во «внутренний» антропологический микромир университетской повседневности, в разнообразии социокультурных практик, профессиональных коммуникаций и конфликтов, индивидуальных характеров и жизненных стилей. Не менее значимым становится изучение традиций как регуляторов внутренней жизни университетской корпорации; вводится понятие «университетское пространство», понимаемое, в частности, и как пространство культурных событий, центром притяжения которых является университет⁷. Столь же естественно в фокусе проблематики ритуализированной университетской событийности оказывается *Событие Юбилея*, играющее важную роль в самопрезентации, консолидации и мобилизации сообщества⁸.

Начало юбилейным историям (в институциональной перспективе) было положено еще в середине XIX столетия, когда вышли в свет труды С.П. Шевырева в честь 100-летнего юбилея Императорского Московского университета и В.В. Григорьева – в честь 50-летнего юбилея Императорского Санкт-Петербургского университета⁹. Традиция была продолжена через 50 лет – в фундаментальных академических изданиях, приуроченных к юбилеям крупнейших университетов страны уже в советский период¹⁰. И среди множества публикаций последних десятилетий, так или иначе касающихся общей проблематики классических университетов¹¹, заметный корпус составляют труды обобщающего характера, приуроченные к юбилеям старейших университетов.

Будучи уверена в том, что нужно много университетских историй «хороших и разных», я все же хотела бы особо отметить оригинальное решение проблемы «формы и содержания» для научно-исторического

---

⁷ Университет для России... Т. 1-2. 1997–2001; Кононова 2000; 2002; Андреев 2000; Олесич 2002; и др.

⁸ Подробнее об университетской событийности см.: Запорожец 2011. С. 14-15.

⁹ Шевырев 1855 (а); 1855 (б); Григорьев 1870.

¹⁰ История Московского университета... 1955; История Ленинградского университета... 1969.

¹¹ Среди последних по времени публикаций выделяются издания серии «Ubi universitas, ibi Europa» и, конечно, коллективная монография, представляющая научные результаты этого успешного международного проекта: Университет в Российской империи... 2012.

дискурса о «длящейся истории Университета», которое было предложено авторами «юбилейной истории» Казанского университета со знаковым названием «*Terra Universitatis*». Эта книга, основанная на солидной базе источников и отличающаяся глубиной методологической рефлексии, представляет читателям культурную историю университетского сообщества, распутывая «плотную “паутину значений и смыслов”, которые передаются из поколения в поколение многочисленными каналами связи»¹². И в этом своем целеполагании, хотя и не в отношении структуры и формы изложения, данная модель находит последователей среди создателей юбилейных «автобиографических» изданий, посвященных отдельным университетам недавнего происхождения – массовым университетам Новейшего времени

Так, например, данная модель оказалась – и концептуально, и по широте проблемного поля, и по вниманию к практикам консолидации университетской корпорации – наиболее близкой авторам юбилейной истории Омского университета¹³, поставившим перед собой особую задачу попытаться уловить детали складывания университетской корпорации молодого университета, история которого пришлась на два различных этапа истории страны (излет советской эпохи и время конструирования «новой России»). В предложенной омскими историками комплексной модели, конкретизировались институциональная и антропологическая перспективы истории ОмГУ, во-первых, через презентацию символического капитала классического университета от первых его шагов до настоящего времени через биографии ректоров и описания процесса приращения инфраструктуры университета факультетами, отделениями, кафедрами, институтами; во-вторых, через презентацию процесса становления университета как научно-образовательного центра и четырех десятилетий истории формирования университетской корпорации, научных и научно-педагогических школ, появление инновационных институций, деятельность неординарных ученых; наконец, через практики консолидации университетской корпорации (роль газеты, музея, праздничных традиций, коммемораций, юбилейных дат истории университета в сохранении и трансляции ценностей университетского сообщества) и формирование корпоративной культуры особого типа под влиянием разных культурных потоков (официального и неформального, поколенческих субкультур, современной массовой культуры, вытесняющей накопленные локальные ценности).

Юбилейные торжества неизбежно влекут за собой очередной всплеск интереса академического сообщества к университетской исто-

---

¹² Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005. С. 496. См. также: Малышева, Сальникова 2009.

¹³ Университет в истории и история университета... 2014. См. также: Корзун, Рыженко 2014. С. 36-41.

рии. Кажется, совсем недавно Т.Н. Иванова, прогнозируя приближающуюся череду юбилеев национальных университетов республик – субъектов РФ, предложила алгоритм создания исследований по истории национальных университетов на основе интеграции макро- и микро-подходов «через изучение исторического контекста эпохи и использование методов локальной истории». Нельзя не согласиться с тем акцентом, который сделан, с одной стороны, на проблеме творческой реконструкции полноценной источниковой базы (включая освоение методик устной истории и создание архива ретроспективных интервью), а с другой – на сложной методологической проблеме селекции материала. Важный момент состоит в ориентации автора на имеющийся ценный опыт создания научных историй классических российских университетов, основанных в XIX в.¹⁴ В этом плане представляется целесообразным обратиться как к юбилейно-историческим нарративам, так и к опыту биографических и биобиблиографических изданий¹⁵, подготовка которых поможет заложить необходимую информационную основу для будущих университетских историй¹⁶.

Стоит все же подчеркнуть специфику университетских историй, их отличия от «университетских исследований», ставящих перед собой задачу деконструкции предшествующей, «изобретенной» традиции. Так, в статье о «переизобретении советского университета» А. Дмитриев, отправляясь от тезиса о том, что именно «воспоминание организует время в непрерывную последовательность», а линейная хронология исторического нарратива задает направленность логике рассказа», предложил деконструкцию концепта «университетская традиция». Стимулом для этого стали, прежде всего, «периодически обостряющиеся споры о преемственности современных вузов и их исторических предшественников», а также использование данного концепта «в публичной истории, политике образования, конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг». Автор резонно противопоставляет критический анализ, не терпящий умолчаний о противоречиях, конфликтах и цезурах, беспроblemной картине поступательного непрерывного прошлого, предлагаемой составителями «нечитабельных юбилейных компиляций и биографических справочников»¹⁷.

Всецело поддерживая научный пафос этого акта деконструкции и признавая попытки некоторых «юбилейщиков» прислониться к авторитетной, престижной традиции или засвидетельствовать верность руко-

---

¹⁴ Иванова 2014. С. 210-218.

¹⁵ См., напр.: Казанский университет (1804–2004). Т. 1-3. См. также недавнее издание, достойно продолжившее традицию биобиблиографических словарей Харьковского университета: Историки Харківського університету... 2013.

¹⁶ См.: Репина 2014. С. 29-32.

¹⁷ Дмитриев 2013. С. 41-64.

водящей линии, я все же хочу обратить внимание на необходимость каждому жанру отдать должное «по его заслугам», особенно в том, что касается современных «юбилейных историй», в которых (по крайней мере, в лучших из них) открытая субъективизация авторской оптики «университетского человека», включая эмоциональность, персонализацию, биографический «уклон», контролируются саморефлексией по поводу «минусов» корпоративной ангажированности. Как напомнила А.А. Сальникова¹⁸, в большинстве случаев, авторы университетской истории одновременно являются ее акторами, когда объектом описания становится университетская история последних десятилетий. В таком случае речь идет о т.н. «инсайдерском» исследовании университетской истории. Дело здесь не только в институциональной принадлежности автора, что закономерно порождает сомнения в его беспристрастности. Дело в том, что историописатель сам является носителем университетских культурных традиций, личного университетского опыта и коллективной памяти, находится «внутри» корпоративной системы ценностей, а в отношении недавней истории *alma mater* выступает непосредственным свидетелем, включенным наблюдателем или активным участником описываемых событий и процессов, и такое «инсайдерское» видение неминуемо выстраивает создаваемую им историю как самоописание.

Университет может быть представлен как сообщество (группа взаимодействующих на общем поле и по общим правилам субъектов деятельности по производству и трансляции знания) и одновременно – как коллективный субъект, действующий в определенной социально-исторической среде, обладающий весомым ресурсом саморефлексии и утверждающий свою коллективную транспоколенную идентичность созданием истории университетской корпорации в стиле «большого нарратива». Юбилейная история университета – это его биография (по сути, автобиография) от события рождения к событию (нет, пока не смерти – корпорация, в теории, бессмертна), а к событию *Юбилея*, причем все университеты уже пережили и – будем надеяться! – еще переживут не один юбилей. Именно юбилейные истории дают корпоративному самосознанию полноту темпоральной перспективы. Выдвигая гипотезу о связи университетской мемориальной традиции в России с восприятием времени и себя во времени университетским человеком, Е.А. Вишленкова сделала важное наблюдение: «Университетские люди осмыслили свой корпоративный опыт, формулируя ежедневное взаимодействие в терминах “большой длительности”», культивировали в себе «ощущение протяженности и непрерывности университетской культуры, ее повторяемости и неизменности»¹⁹. Понимание мемориальной культуры как совокупности символов и практик, формирующих значе-

---

¹⁸ Сальникова 2014. С. 32-36.

¹⁹ Вишленкова 2011. С. 83.

ние мемориализуемого события, выводит нас на проблему «событие в истории и коллективной памяти»²⁰.

Маркировка события как исторического определяется не только пространственно-временными границами исследования, но и принадлежностью автора к той или иной традиции или культуре памяти, включая также эффекты политики памяти. Отбор и организация событий историком отражает как проблемно-тематическую направленность его исследования, так, разумеется, и его ценностно-этические предпочтения. В первую очередь, речь, конечно, идет о событиях, на основе которых выстраивается периодизация национальной истории, но то же самое происходит и в юбилейных историях, в которых ставится задача восстановить полномасштабную символическую биографию университета в режиме *longue duree*. Генерирующее событие уже задает эту логическую перспективу, и сегодня, когда мы говорим об “истории события”, то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и формирование его «образа» в коммуникативной памяти первых поколений, и трансформации этого образа в историографии, историческом сознании и культурной памяти последующих эпох. В результате мы имеем, с одной стороны, стремление к деконструкции мифологизированной традиции, а с другой – размышления о миссии классического университета, лейтмотивом которой «должно стать формирование региональной и университетской идентичности», и которая должна ориентировать на формирование системы ценностей будущей элиты²¹. Возможна ли комбинация таких разных целей в одном историческом повествовании? Разумеется, нет.

Здесь, однако, уместно подчеркнуть роль интегративной, по самой своей природе, исторической дисциплины как важнейшего фактора в конституировании актуального интеллектуального ландшафта современного университета, а самих историков-университариив – как носителей и хранителей «живой», коммуникативной и исторической памяти, традиций и культуры университетской корпорации, творцов «Я-образа» университета в жанре корпоративной «автобиографии», призванной, с одной стороны, консолидировать сообщество, связывая профессуру и студентов разных поколений «через годы и расстояния», а с другой – предьявляя университет «внешнему миру» и утверждая его высокую миссию и статус в обществе (в первую очередь как элитарной «кузницы кадров» высшей квалификации и центра воспроизводства интеллектуальных и культурных ресурсов социума). Как показал С.И. Посохов, предлагаемые в таком специфическом типе исторического нарратива историографические образы Университета, закрепляясь в академической среде в согласованных версиях, в процессе трансляции (с измене-

²⁰ Подробно об этом см.: Репина 2016.

²¹ Корзун, Рыженко 2014. С. 41.

нием условий социокультурной среды, стратегий университета и внутренних норм академического сообщества) реинтерпретируются и трансформируются, редуцируются и маргинализируются, или, напротив, актуализируются под воздействием идеологических факторов²².

Деконструкция историографических образов, превращение «истории-памяти» в «историю-критику» предполагает также конструирование альтернативных версий и включение их в контекст нового рассказа о прошлом. В этом плане особый интерес представляет не только то, как образ Университета формировался, «встраивался» в различные идеологические и историографические дискурсы, как изменялась при этом его семантическая нагрузка и аксиологическая составляющая в разных социально-политических контекстах, но и то, какой потенциал устойчивости и сопротивления он проявлял в неблагоприятной и даже агрессивной внешней среде. Эта историческая перспектива, несомненно, актуализируется в условиях навязанной университету извне процедуры так называемой «оптимизации», ведущей к деструкции хронотопических характеристик университетской культуры²³. Создаваемые в юбилейных университетских историях образы одновременно несут в себе знания о прошлом и воплощают ценности и смыслы культуры в конструктивных формах памяти, призванных обеспечить возможность эффективной социальной практики в настоящем в пользу желаемого будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврус А.И. История российских университетов: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 172 с. [1-е изд. – 2000]
- Аврус А.С. История Саратовского университета. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. 176 с.
- Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
- Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 248-266.
- Вишленкова Е.А. Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 81-94.
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с.
- Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение 50 лет его существования. СПб., 1870.
- Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. №1 [91] 2013. С. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>
- Дружинина И.А. Изучение античности в Казанском университете: XIX – 20-е годы XX века. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 160 с.
- Запорожец О.Н. Университет как корпорация: Интеллектуальная картография исследовательских подходов: препринт. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 48 с.

²² См.: Посохов 2006. С. 302-306; 2013.

²³ Об изменениях в иерархии «сохраняющих или накапливающих время» традиционных университетских пространств см.: Малышева 2016. С. 164.

- Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
- Иванова Т.Н. Проблемы изучения истории национальных университетов республик – субъектов РФ // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 210-218.
- Историки Харківського университету (1905–2012 pp.). Харків, 2013.
- История Ленинградского университета. М., 1969.
- История Московского университета. В 2 т. М., 1955.
- Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1-3. Казань, 2002–2004.
- Карпачев М.Д. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. 560 с. [1-е изд. - 2003].
- Кононова М.М. Традиции Московского университета: общая фраза или реальность? // Alma mater. Вестник высшей школы. 2000. № 12.
- Кононова М.М. Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // ОНС. 2002. № 1.
- Корзун В.П., Рыженко В.Г. Университетская корпорация и практики консолидации: локальная версия исследования в контексте истории молодого университета (Омский государственный университет, 1974–2014) // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 36-41.
- Мальшева С.Ю. «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»: гетеротопичность университета // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 161-168.
- Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Российская университетская корпорация XX в. как социокультурный феномен: традиции и новации, преемственность и разрывы // Ейдос. Вип. 4. Киев, 2009. С. 236-261.
- Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2002. 208 с.
- Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4 кн. М., 1998–2000.
- Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Московский университет в русской истории: новые вопросы к старой теме // Интернет-журнал «Мир истории». 2003. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2003/01/mgu.htm>
- Посохов С.И. Университеты Российской империи второй половины XIX – начала XX в.: наблюдения за историографическими образами // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 302-306.
- Посохов С.И. Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах историографии российских университетов) // ЭНОЖ «История». М., 2013. Выпуск 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000479-5-1>
- Репина Л.П. История Университета и история в университете: новые подходы как ресурсы консолидации // Университетская корпорация... С. 29-32.
- Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82-99.
- Риддингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 304 с.
- Сальникова А.А. Об «инсайдерском» исследовании университетской истории: возможности и результаты, плюсы и минусы // Университетская корпорация... С. 32-36.
- Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки. Омск: Изд. дом «Наука», 2014. 376 с.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012.
- Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю русской культуры XVIII века. М., 1997; Т. 2. Московский университет Александровской эпохи. М., 2001.
- Шевырев С.П. История имп. Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. С.П. Шевыревым. М., 1855.
- Шевырев С.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855.

REFERENCES

- Avrus A.I. Istoriya rossiiskikh universitetov: Kurs lektsii. 2-e izd., pererab. i dop. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. 172 s. [1-e izd. – 2000]
- Avrus A.S. Istoriya Saratovskogo universiteta. Saratov: ITs «Nauka», 2011. 176 s.
- Andreev A.Yu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX veka. M., 2000.
- Bushueva L.A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani, 1863–1917 gg. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2012. 288 s.
- Dmitriev A. Pereizobretenie sovetskogo universiteta // Logos. №1 [91] 2013. S. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>
- Druzhinina I.A. Izuchenie antichnosti v Kazanskom universitete: XIX – 20-e gody KhKh veka. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2006. – 160 s.
- Grigor'ev V.V. Imperatorskii Sankt-Peterburgskii universitet v techenie 50 let ego sushchestvovaniya. SPb., 1870.
- Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsial'no-istoricheskaya sud'ba. M., 1999.
- Ivanova T.N. Problemy izucheniya istorii natsional'nykh universitetov respublik – sub"ektov RF // Rossiiskaya intelligentsiyakh v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov: sbornik statei. Cheboksary, 2014. C. 210-218.
- Istoriki Kharkivs'kogo universitetu (1905–2012 rr.). Kharkiv, 2013.
- Istoriya Leningradskogo universiteta. M., 1969.
- Istoriya Moskovskogo universiteta. V 2 t. M., 1955.
- Karpachev M.D. Voronezhskii universitet: vekhi istorii. 1918–2013. Izd. 2-e, ispr. i dop. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2013. 560 s. [1-e izd. - 2003].
- Kazanskii universitet (1804–2004): Biobibliograficheskii slovar'. T. 1-3. Kazan', 2002–2004.
- Kononova M.M. Traditsii Moskovskogo universiteta: obshchaya fraza ili real'nost'? // Alma mater. Vestnik vysshei shkoly. 2000. № 12.
- Kononova M.M. Traditsii Moskovskogo universiteta: vzglyad iz russkogo zarubezh'ya // ONS. 2002. № 1.
- Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Universitetskaya korporatsiya i praktiki konsolidatsii: lokal'naya versiya issledovaniya v kontekste istorii mladogo universiteta (Omskii gosudarstvennyi universitet, 1974–2014) // Universitetskaya korporatsiya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidatsii. Kazan', 2014. S. 36-41.
- Malysheva S.Yu. «Mezhdublagochestivymi potomkami vremeni i ostervenelyimi obitatel'yami prostranstva»: geterotopichnost' universiteta // Dialog so vremenem. 2016. № 57. S. 161-168.
- Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Rossiiskaya universitetskaya korporatsiya XX v. kak sotsiokul'turnyi fenomen: traditsii i novatsii, preemstvennost' i razryvy // Eidos. Vip. 4. Kiev, 2009. S. 236-261.
- Olesich N. Gospodin student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta. SPb., 2002.
- Petrov F.A. Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. V 4 kn. M., 1998–2000.
- Ponomareva V.V., Khoroshilova L.B. Moskovskii universitet v russkoi istorii: novye voprosy k staroi teme // Internet-zhurnal «Mir istorii». 2003. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2003/01/mgu.htm>
- Posokhov S.I. Universitety Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: nablyudeniya za istoriograficheskimi obrazami // Istoricheskoe znanie: teoreticheskie osnovaniya i kommunikativnye praktiki / Otv. red. L.P. Repina. M., 2006. C. 302-306.
- Posokhov S.I. Istoriograficheskie obrazy: variant dekonstruktsii (na materialakh istoriografii rossiiskikh universitetov) // ENOZh «Istoriya». M., 2013. Vyp. 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000479-5-1>
- Repina L.P. Istoriya Universiteta i istoriya v universitete: novye podkhody kak resursy konsolidatsii // Universitetskaya korporatsiya... S. 29-32.
- Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamyati // Novoe Proshloe / The New Past. 2016. № 1. S. 82-99.
- Riddings B. Universitet v ruinakh. M.: Izd. dom VShE, 2011. 304 s.

- Sal'nikova A.A. Ob "insaiderskom" issledovanii universitetskoï istorii: vozmozhnosti i rezul'taty, plyusy i minusy // Universitetskaya korporatsiya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidatsii. S. 32-36.
- Shevyrev S.P. Istoriya imp. Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yubileyu prof. S.P. Shevyrevym. M., 1855.
- Shevyrev S.P. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imp. Moskovskogo universiteta. M., 1855. Dmitriev A. Pereizobrenie sovetskogo universiteta // Logos. 2013. № 1 (91). S. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>.
- Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo: ocherki. Omsk: Izdat. dom «Nauka», 2014.
- Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / pod obshch. red. A.Yu. Andreeva, S.I. Posokhova. M., 2012.
- Universitet dlya Rossii. T. 1. Vzgl'yad na istoriyu russkoi kul'tury XVIII veka. M., 1997; T. 2. Moskovskii universitet Aleksandrovskoi epokhi. M., 2001.
- Vishlenkova E.A. Memorial'naya kul'tura rossiiskogo universiteta XIX veka // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik / pod red. V.P. Korzun, S.P. Bychkova. Vyp. 7. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2011. S. 81-94.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoï kul'tury v Kazani. Kazan', 2005.
- Zaporozhets O.N. Universitet kak korporatsiya: Intel'ktual'naya kartografiya issledovatel'skikh podkhodov: preprint. M.: Izd. dom VShE, 2011. 48 s.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography

Contemporary Russian historiography of the history of universities has a clear historical-cultural bias, and this is shared by a number of important historiographical trends. The article explores a particular angle in the studying of Russian universities, namely, the context of collective historical memory and chronotopic characteristics of intellectual culture. The author emphasizes a specific nature of "university histories", their difference from "university studies" that aim at deconstruction of a previous, "invented" tradition. A number of new jubilee histories of universities, a phenomenon of memorial culture, is not too high, but these histories give temporal perspective to corporate self-consciousness. A longue durée historical perspective that goes from the "point of origin" to the present and further – to the future, is actualized during the process of "optimization" forced upon universities. Jubilee histories that create "I-image" of a university in a genre of a corporate "biography", from a sacral act of "birth", consolidates a community and links professors and students of various generations by presenting a university to the "outside world" and establishing its high mission and social status.

Keywords: university, jubilee history, commemoration, historical memory, intellectual culture, chronotope, temporal perspective

Lorina Repina, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru

И. А. ФАДЕЕВ

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ К ВОПРОСУ О ВЕРОУЧИТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ 39 СТАТЕЙ

Статья посвящена проблеме статуса 39 статей в Церкви Англии и их месту в рамках ее вероучительной ортодоксии, которая лежит в основании идентичности реформированной Английской церкви.

Ключевые слова: история Церкви Англии, 39 статей, «Декларация согласия», ортодоксия, религиозная идентичность

Тема конфессиональной самоидентификации вызывает ныне пристальное внимание ученых-гуманитариев разных специальностей в силу повышенного интереса к социальному феномену идентичности как таковому, а у историков, прежде всего, в связи с проблемой соотношения истории, исторической памяти и идентичности¹.

В этом контексте проблема самоидентификации Церкви Англии², непосредственно связанная с вопросом формирования английской этноконфессиональной идентичности и национальной памяти, обладает фундаментальным историческим измерением³. Один из аспектов проблемы – богословская система, вероучительная ортодоксия реформированной Английской церкви (ее формирование пришлось, по нашему мнению, на конец XVI–XVII в.⁴), ибо она является одним из факторов социально-религиозной самоидентификации, в процессе которой происходит решающее для нее разграничение между «я/мы» и «Другой/они»⁵. Именно по этой границе проходила «негативная» самоидентификация Церкви Англии в отношении как католиков, так и «пуритан» (в XVI–XVII вв.), а также нонконформистов (в XVIII – начале XIX в.).

---

¹ См., напр.: Андерсон 2001; Брубейкер 2012; Валлерстайн И. 2001; Губогло 2003; Кортунов 2009; Религиозные и этнические традиции... 2008; Этнические группы и социальные границы... 2006; Хобсбаум 1998; Репина 2016.

² Использование термина «Церковь Англии», а не более привычного «Англиканская церковь», обусловлено, во-первых, тем, что сама эта церковь не использует понятие *Anglican* ни в одном из своих документов, формально отражающих ее идентичность; во-вторых, серьезными терминологическими проблемами, порожденными историческим развитием семантики этого понятия. См.: Фадеев 2015. С. 142–151.

³ См., напр.: Фадеев 2015. С. 152–227; Ерохин 2016. С. 23–33.

⁴ Фадеев 2015. С. 332.

⁵ Крылов 2014. С. 36, 42–43. Отметим, что категория «Другого» заняла прочные позиции в понятийном аппарате исторической науки: Лучицкая 2001; Нойманн 2004; Репина 2012; Ходячих 2012; Шапинская 2009.

«Локализация» (и, соответственно, экспликация) этой специфической ортодоксии представляет одну из наиболее сложных проблем. Данная сложность обусловлена, во-первых, терминологической неопределенностью⁶, существующей как внутри Церкви Англии, так и за ее пределами (в религиозной и научной литературе), а, во-вторых, отсутствием, *de facto*, источников эксплицитного вероучения. Доктрина реформированной Английской церкви рассредоточена по ряду источников – документов, которые в Преамбуле Декларации согласия (*the Preface to the Declaration of Assent*) (Кан. С15)⁷ названы «историческими» (*historic formularies*): Книга общей молитвы (*the Book of Common Prayer*, 1662); 39 статей англиканского вероисповедания (или, в более точном соответствии оригиналу, «Тридцать девять статей религии», *the Thirty-Nine Articles of Religion*, 1571); Ординал (*the Ordinal* или *the Ordering of Bishops, Priests and Deacons*, 1550/1662).

Помимо этих трех документов, в Церкви Англии отсутствует какой-либо фундаментальный источник официального вероучения, дискурсивного и аналитического по своей природе, в котором бы детально разрабатывались специфические для этой церкви вероучительные положения (по аналогии с *Enchiridion Symbolorum et Definitionum*, или официальным Катехизисом Римской Католической Церкви, или лютеранской «Книгой согласия»⁸). Традиционно в отечественной науке именно «Тридцати девяти статьям» приписывается роль собрания актуального вероучения Церкви Англии: некоторые авторы заходят настолько далеко, что даже называют этот документ «Символом веры»⁹, что на современном этапе историко-религиоведческого знания требует, как минимум, уточнения. Если соглашаться с подобным пониманием статуса этого документа, то процесс экспликации вероучительной ортодоксии Английской церкви, по нашему мнению, окажется не просто сложным, но, скорее, невозможным, учитывая зачастую противоположные их интерпретации, о чем будет сказано ниже. Так как принятие той или иной интерпретации фактически ведет к однозначному (и, как правило) однобокому видению процесса самоидентификации реформированной Английской церкви в целом, то представляется необходимым выявить реальный статус, который отводился и отводится этому документу как в самой Церкви Англии, так и, для полноты картины, в Англиканском сообществе. Для достижения этой цели мы постараемся выполнить несколько задач: кратко рассмотреть историю создания данного документа; рассмотреть вопрос официально-

⁶ См. подробнее: Фадеев 2013. С. 29–35.

⁷ *Canons of the Church of England* 2000. P. 99.

⁸ *Enchiridion Symbolorum et Definitionum...* 1854; Катехизис Католической Церкви 2001; *Concordia Triglotta* 1921.

⁹ Гараджа 1971. С. 28; Религиоведение... С. 406; История религии. Т. 2. С. 485.

го требования от клира согласия со статьями, а также характер такого требования; рассмотреть вопрос о восприятии данного документа официальными представителями Церкви Англии в разное время; рассмотреть вопрос о статусе статей в Англиканском сообществе.

Из трех «исторических документов» «39 статей» представляются наиболее противоречивыми. Они подвергались разнообразным интерпретациям¹⁰, причем некоторые интерпретаторы приписывали им кальвинистский характер; другие, включая, например, Дж.Г. Ньюмена, доказывали отсутствие противоречий между статьями и вероучением Католической церкви; иные утверждали, что статьи воплощают богословский *via media* Английской церкви между Римом и Женевой¹¹. В зависимости от того, в какую из трех категорий религиозные авторы или исследователи помещают обсуждаемый документ зависит, во многом, и их видение Церкви Англии, а также вся перспектива ее истории.

«39 статей» стали своеобразным плодом многолетнего процесса по выработке вероучительного документа, который был инициирован еще Генрихом VIII. Первыми в этом процессе были такие документы, как «Десять статей» (*The Ten Articles, 1536*), «Шесть статей» (*The Six Articles, 1539*), «Установление христианина» (*The Institution of a Christian Man, 1537*; данный документ более известен как «Книга епископов», *The Bishops' Book*) и «Необходимое учение и знание для христианина» (*A necessary Doctrine and Erudition for any Christian Man, 1543*), вошедший в историю как «Книга короля» (*The King's Book*). В 1538 г. архиепископ Томас Кранмер также подготовил текст «13 статей» (*The Thirteen Articles*), который был выработан на конференции английских и лютеранских богословов, однако так никогда и не получил официального одобрения¹². Томас Кранмер стоял и за разработкой «42 статей» (*The Forty-Two Articles, 1553*), которые были официально опубликованы в соответствии с королевским мандатом от 19 июля 1553 г. Все эти документы демонстрируют не столько религиозную непоследовательность авторов, сколько зависимость хода английской реформации от королевской власти и, соответственно, меняющихся политических целей последней. В 1563 г. Конвокация под председательством архиепископа Мэттью Паркера дала свою санкцию новому документу, составленному на латыни и английском и содержащему 38 статей, который был разработан на основе «Сорока двух статей». Получившийся документ был опубликован королевским типографом в том же году.

Напечатанный документ отличался от того, что был одобрен Конвокацией: во-первых, в ст. XX была добавлена фраза *Habeat ecclesia*

¹⁰ Toon 1998. P. 147; Nichols 1993. P. 33.

¹¹ См., напр.: Bicknell 2008. P. 16-17; Holder 2009. P. 182; Newman 1865; Yates 2008. P. 71; История религии Т. 2. С. 485-486.

¹² The Remains of Thomas Cranmer... 1833. Vol. IV. P. 273-292.

ritus statuendi jus et in fidei controversiis auctoritatem, а, во-вторых, в нем отсутствовала ст. XXIX (*De manducatione Corporis Christi, et impios illud non manducare*).¹³ Данные изменения были, по-видимому, обусловлены желанием королевы, в первом случае, усилить учительскую власть церкви, а, во втором – избежать оскорбления чувств тех ее подданных, которые оставались верными католическому богословию¹⁴. Лишь в мае 1570 г. текст статей был заново рассмотрен верхней палатой Конвокации и подписан архиепископом Паркером и епископами и ратифицирован королевой. В заново ратифицированном документе была сохранена формулировка, добавленная в ст. XX, и восстановлена ст. XXIX. Причиной такой ревизии могла стать публикация 25 февраля 1570 г. буллы Папы Пия V *Regnas in Excelsis*, которой понтифик отлучал английскую королеву от Католической церкви: потеряв надежду на примирение с Римом, Елизавета I и ее совет не видели необходимости в сохранении старого курса. Здесь также стоит принять во внимание зависимость даже архиепископской власти от королевской воли: автор 39 статей архиепископ Мэтью Паркер, который, как представляется, должен был бы играть ключевую роль в церковной жизни страны, в реальности не обладал серьезным влиянием, представляя собой, скорее, советника королевы и исполнителя ее воли даже в вопросах, которые подпадали в сферу его духовной юрисдикции примаса Английской церкви¹⁵.

Можно утверждать, что 39 статей исторически были скорее результатом политической воли Елизаветы I, стремившейся к установлению религиозного единообразия, нежели актуальным изложением основ учения Английской церкви. Официальное согласие с тем учением, которое они содержат, требовалось, согласно акту парламента (*sic!*) от 1571 г., лишь от клириков,¹⁶ хотя выражение этого согласия не было на тот момент оформлено в некоторую официальную формулу или, как будет позднее, декларацию. Подобная декларация впервые появляется в правление Якова I Стюарта, в 1604 г., когда Конвокации принимают собрание канонов: 141 канон, составленные на латыни, касались вопросов церковного управления, государственно-церковных отношений, устройства церквей и церемониала, обязанностей, поведения и облачений клириков¹⁷. XXXVI канон содержал в себе три пункта, с которыми требовалось согласие любого клирика, готовящегося занять ту или иную церковную должность:

---

¹³ Gibson 1896. Vol. I. P. 31.

¹⁴ Gibson 1896. Vol. II. P. 668–669; Toon 1998. P. 145–146.

¹⁵ О деятельности Мэтью Паркера как архиепископа Кентерберийского в 1559–75 гг., в частности о его участии в решении ключевых вопросов, связанных с установлением церковного единообразия, подробнее см.: Таубер 2013. С. 87–103.

¹⁶ Documents Illustrative of the History of the English Church 1914. P. 477–480.

¹⁷ Constitutions and Canons Ecclesiastical 1662. (unpag.)

- I... Королевское Величество, после Бога (*under God*), есть единственный верховный правитель (*supreme Governour*) этого королевства и прочих его Величества владений (*Dominions*) и стран (*Countrys*) как во всех духовных или церковных делах (*Spiritual or Ecclesiastical things and causes*), так и светских (*Temporal*): и ни один иностранный государь (*foreign Prince*), лицо, прелат или потентат не имеет и не должен иметь какую-либо юрисдикцию (*Jurisdiction*), власть (*Power*), превосходство (*Superiority*), преимущество (*Preheminence*) или полномочия (*Authority*) церковные или светские в пределах Его Величества обозначенного королевства, владений и стран.
- II... Книга общей молитвы и установления Епископов, священников и диаконов (*The Book of Common-prayer, and of ordering of Bishops, Priests and Deacons*) не содержит в себе ничего противного слову Божьему и может законно использоваться, а также он сам во время публичной молитвы и совершения Таинства будет использовать форму, предписанную в указанной Книге и никакую другую.
- III... он одобряет (*alloweth*) Книгу статей вероисповедания (*the Book of Articles of Religion*), согласованных архиепископами и епископами обеих провинций и всем клиром на Конвокации, прошедшей в Лондоне в году Господа нашего одна тысяча пятьсот шестьдесят втором, и... он признает все и каждую статью в ней [т.е. Книге – *И.Ф.*] содержащиеся, числом тридцать девять, ратифицированные и согласующиеся со словом Божиим.

Выразить согласие с этими статьями человек должен был следующей декларацией: «Я... добровольно и *ex animo* подписываюсь (*subscribe*) под этими тремя статьями, выше упомянутыми, и всеми вещами, которые в них содержатся»¹⁸. Порядок статей, на наш взгляд, не случаен: он повторяет порядок первых пяти канонов 1604 г. Учитывая, что церковные каноны начинаются с утверждения королевской супрематии, не остается сомнений в том, что согласие со статьями имело политический характер – было «тестом» на лояльность королевской власти.

Восприятие статей именно как политического документа можно увидеть в трудах ведущих английских теологов XVI–XVII вв. Так, епископ Ланселот Эндрюс¹⁹, описывая то, что он определяет как «правило нашей веры», вообще не упоминает 39 статей: «Один Канон, записанный самим Богом, два Завета, три символа веры, четыре первых собора, пять столетий и поколения Отцов в этот период, три века до Константина и два – после...»²⁰. Епископ Честера Джон Пирсон писал не менее

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Ланселот Эндрюс занимал пост капеллана Архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта и самой королевы Елизаветы. В 1601 г. получил должность настоятеля Вестминстерского аббатства и в этом качестве принимал участие в коронации Якова. По распоряжению последнего, Эндрюс возглавил проект создания нового перевода Библии с языков оригинала (Библия короля Якова). В 1605 г. он стал епископом Чичестера, а позже был переведен на кафедру Винчестера и получил назначение в качестве настоятеля Королевской капеллы (*Chapel Royal*).

²⁰ «*Nobis Canon unus in Scripta relatus a Deo, Duo Testamenta, Tria Symbola, Quatuor Priora Concilia, Quinque saecula, Patrumque per ea series, trecentos ante Constantinum annos, ducentos a Constantino, regulam nobis Religionis figunt*». Andrewes 1852. P. 91.

определенно: «Книга статей (*the book of Articles*) не есть и никогда не претендовала быть полным собранием богословия (*complete body of divinity*) или способом понимания и разъяснения (*a comprehension and explication*) всего Христианского учения, которому необходимо научать. Он утверждал, что статьи составляют лишь перечисление «некоторых истин»²¹, а это, ввиду «минимальности их требований»²², оставляло максимально широкое поле как для интерпретации самих статей, так и вопросов, которых они не касались. При этом епископ Пирсон указывал на те причины, по которым со времен Елизаветы I от клириков Церкви Англии требовали согласия с учением 39 статей, «так как они могли бы через свои мнения либо заразить паству ошибкой, либо причинять беспокойство Церкви схизмой или *королевству – подстрекательством к мятежу* [курсив наш – И.Ф.]»²³.

Архиепископ Кентерберийский Уильям Лод и архиепископы Армы Джеймс Ашер и Джон Брамхолл считали, что клирики не обязаны во всем соглашаться со статьями, но лишь воздерживаться от публичного выражения несогласия с ними²⁴. Уильям Лод в своем диспуте с иезуитом Фишером выступил категорически против утверждения последнего, что «Тридцать девять статей» представляют собой одно из оснований веры (*fundamentals*), а также против попытки Фишера утверждать это на том основании, что Церковь Англии «в ее Книге Канонов (*Book of Canons*)... отлучает каждого человека, который станет исповедовать что-либо, противоречащее какой-либо части этих статей»²⁵. Канон V уже упомянутого собрания канонов 1603/1604 года действительно постановляет: «Кто отныне станет утверждать, что любая из тридцати девяти статей... в любой своей части суеверны или ошибочны (*superstitious or erroneous*) или таковы, что он не может с доброй совестью согласиться с оными (*subscribe unto*), да будет отлучен *ipso facto* и не будет восстановлен [ником], но только лишь архиепископом после своего раскаяния и публичного отказа от сей его нечестивой ошибки»²⁶. Однако Лод отвечает на утверждение Фишера так:

«Но разумеется это не точные слова канона и, пожалуй, не [их] смысл. Не слова канона, ибо они таковы: «Кто станет утверждать, что Статьи (*the Articles*) в любой [своей] части суеверны или ошибочны...». И, пожалуй, не его смысл. Ибо одно дело, если человек придерживается какого-либо мнения частным образом внутри себя (*privately within himself*); и другое дело, когда [он] дерзко и публично его заявляет. И опять же одно дело – придер-

²¹ Pearson 1844. P. 215.

²² Toon 1998. P. 147.

²³ Pearson 1844. P. 215.

²⁴ Toon 1998. P. 151.

²⁵ A Relation of the Conference between William Laud... and Mr. Fisher the Jesuit 1849. P. 60. Pp. 58–59.

²⁶ Constitutions and Canons Ecclesiastical 1662. (unpag.)

живаться противного какой-либо части какой-либо статьи, что, возможно, может быть, но лишь в способе выражения; и другое дело – категорически заявлять, что статья и какой-либо части являются суеверными или ошибочными... Церковь Англии никогда не провозглашала, что каждая из ее статей является основанием для веры (*fundamental in the faith*). Ибо одно дело сказать: «Ни одна из них не является суеверной или ошибочной», и совершенно иное дело заявить: «Каждая из них, в каждой своей части, есть основание (*fundamental*) для веры всех людей».²⁷

Архиепископ Джон Брамхолл, который был ведущим сторонником отмены статей Церкви Ирландии и замены их статьями Церкви Англии, так писал о последних:

«Некоторые из них являются теми же, что содержатся в Символе веры; некоторые есть практические истины, которые не попадают в список пунктов или догматов, которые следует исповедовать (*which come not within the proper list of points or articles to be believed*); наконец, некоторые из них являются благочестивыми мнениями или частными истинами, которые предложены Церковью Англии всем ее сыновьям, в качестве таких, которым не следует возражать, а не в качестве основ Веры, которые необходимо исповедовать всем христианам ‘*necessitate medii*’, под страхом осуждения на вечные муки»²⁸.

А также: «Мы не считаем наши Тридцать девять статей таковыми необходимыми истинами, *extra quam non est salus* – «без которых нет спасения»; не налагаем на лиц церковных (*ecclesiastic persons*) обязательства приносить им присягу (*swear unto them*), но только подписывать их (*subscribe them*) как к теологические истины во имя сохранения единства среди нас и для искоренении некоторых возрастающих ошибок...»²⁹

Мы, действительно, обычно соглашались с ними (*subscribe unto them*), не как с положениями Веры (*articles of Faith*), но как с теологическими истинами, для сохранения единства между нами; но никогда кто-либо из сынов Церкви Англии не должен был присягать им (*swear unto them*) или был бы наказан за отступление от них в своем суждении (*dissenting from them in his judgment*), если он не оглашал этого словом или письменно [курсив наш – И. Ф.] (*so he did not publish it by word or writing*)»³⁰.

Мы ни одному человеку не позволяем «отвергнуть» Тридцать девять статей Церкви Англии «по своему желанию», однако мы также не рассматриваем их в качестве основополагающих принципов спасительной Веры (*essentials of saving Faith*)... ни одного человека не обязываем верить в них (*believe them*), но только не противоречить им (*only not to contradict them*)³¹.

Таким образом можно заключить, что уже в XVII в. статус «Тридцати девяти статей» в качестве источника эксплицитного вероучения не считался чем-то очевидным, а попытки придать ему такой статус встречались представителями Церкви Англии категорическим несогласием. Это отношение сохранилось и к началу XX в. В 1903 г. Бернард

²⁷ A Relation of the Conference between William Laud... and Mr. Fisher the Jesuit, 60.

²⁸ Schism Guarded, and Beaten Back Upon the Right Owners 1842. P. 476.

²⁹ Replication to the Bishop of Chalcedon 1842. P. 201.

³⁰ Replication to the Bishop of Chalcedon 1842. P. 261.

³¹ Schism Guarded, and Beaten Back Upon the Right Owners 1842. P. 470.

Рейнолдс, пребендарий собора св. Павла, исполнявший обязанности архиепископского инспектора семинарий (*training colleges*) и старшего инспектора Лондона, опубликовал официальное «Руководство к Книге общей молитвы», в которой он делает следующее замечание о 39 статьях: «“Статьи” имеют скорее политическое, нежели церковное происхождение. Они касаются как вопросов мнений [*matters of opinion* – возможный вариант перевода “спорных вопросов” – И.Ф.], так и вопросов веры, а их назначение является временным и локальным, а не вечным. Название “статей”... является неподходящим, так как они разъединены и не следуют необходимым образом в каком-то определенном порядке: они могут быть расширены или сжаты до любого размера»³².

Неоднозначное положение 39 статей можно обнаружить в современном каноническом праве Церкви Англии. Канон А5 постулирует: «Вероучение Церкви Англии укоренено в священных Писаниях и в таких учениях древних Отцов и Соборов Церкви, которые согласуются с этими Писаниями. В частности, это вероучение содержится в 39 статьях, Книге общей молитвы и Ординале»³³. Но уже канон А2 утверждает, что «39 статей согласуются со Словом Божиим, и все члены Церкви Англии могут соглашаться [*may be assented unto*; курсив наш – И.Ф.] с ними с доброй совестью»³⁴, таким образом демонстрируя относительный статус статей в качестве документа, содержащего актуальное вероучение.

Показательна в этом контексте ситуация с упомянутым требованием согласия со статьями от клира Церкви Англии. Так, секция 1 *The Clerical Subscription Act* от 1865 года, принятого Парламентом, гласила: «Следующая Декларация в дальнейшем должна называться «Декларация согласия». «Я... торжественно заявляю: “Я соглашаюсь с 39 статьями, Книгой общей молитвы и Книгой поставления епископов, священников и диаконов. Я исповедую, что доктрина Объединенной Церкви Англии и Ирландии, установленная в ней, согласуется со Словом Божиим. В публичном богослужении и совершении Таинств я буду использовать те формы названной и предписанной Книги и никакие другие, за исключением тех, которые будут установлены законными властями”»³⁵.

В 1974 г. Генеральный Синод Церкви Англии принял документ *Church of England (Worship and Doctrine) Measure 1974 (№3)*, параграф 1-й секции 2-ой которого отменял вышеуказанную секцию указанного Акта Парламента³⁶, передавая вопрос о согласии клира с учением этой

³² Reynolds 1903. P. 463.

³³ Canons of the Church of England 2000. P. 7.

³⁴ Ibid. P. 4.

³⁵ Clerical Subscription Act 1865, c. 122, section 1 // Legislation.gov.uk.

³⁶ В соответствии с параграфом 5-м секции 1-ой «Акта об Ассамблее Церкви Англии» от 1919 года (*Church of England Assembly (Powers) Act 1919*) «“Measure” (англ. «законодательная мера») означает законодательную меру, которой надлежит

церкви в ведение самого Генерального Синода³⁷, выводя этот вопрос из-под прямой юрисдикции государства.

Генеральный Синод воспользовался своими новыми полномочиями приняв Канон С 15, который и содержит Преамбулу и текст Декларации согласия в их новой форме. Приведем их полностью:

Преамбула

Церковь Англии является частью единой, святой, кафолической и апостольской Церкви, служащей одному истинному Богу, Отцу, Сыну и Святому Духу. Она исповедует веру, уникально раскрытую в Святых Писаниях и установленную в кафолических Символах веры. Эту веру Церковь призвана провозглашать снова в каждом поколении (*to proclaim afresh in each generation*). Ведомая Святым Духом, она несет свидетельство Христианской истине в своих исторических документах, 39 статьях вероисповедания (*the Thirty-nine Articles of Religion*), Книге общей молитвы (*The Book of Common Prayer*) и Ординале (*the Ordering of Bishops, Priests and Deacons*). Этой декларацией, которую Ты собираешься произнести, подтверждаешь ли Ты твою приверженность этому наследию веры (*inheritance of faith*) в качестве твоего вдохновения и боговождения (*inspiration and guidance under God*) по несению благодати и истины Христа этому поколению и содействия Его известным тем, кто вверен Тебе?

Декларация согласия

Я... подтверждаю и, соответственно, провозглашаю свое исповедание веры, раскрытой в Святых Писаниях и установленной в кафолических Символах веры, и которой исторические документы Церкви Англии несут свидетельство; я буду использовать только те формы богослужения, которые узаконены или разрешены Каноном.³⁸

Из этого текста, содержащегося в каноне С15, из канонов А2 и А5, а также рассмотренных положений государственно-церковного законодательства, можно заключить, что:

- 1) государство более не предъявляет требования к клирикам соглашаться с положениями «Тридцати девяти статей», оставляя этот вопрос в ведении самой Церкви Англии;
- 2) «исторические документы Церкви Англии рассматриваются в отдельном предложении от Писаний и Символом веры, таким образом, не связывая эти документы с верой напрямую, но утверждая, что Церковь Англии «несет свидетельство Христианской вере в этих документах»³⁹;
- 3) Декларация требует исповедания веры в целом (а не «доктрины Церкви Англии»), но «в то же время требует подтверждения лояльности

получить Королевское Соглашение (the Royal Assent) и которая будет иметь силу, аналогичную Акту Парламента, в соответствии с положениями сего Акта». – Church of England Assembly (Powers) 1919, section 1, (5) // Legislation.gov.uk.

³⁷ Church of England (Worship and Doctrine) Measure 1974 (№ 3), section 2, (1) // Legislation.gov.uk.

³⁸ Canons of the Church of England 2000 P. 99.

³⁹ Podmore 2005. P. 56.

- наследию веры Церкви Англии и признания того, что ее исторические документы несут свидетельство этой веры»⁴⁰;
- 4) клирики не обязаны соглашаться с положениями «Тридцати девяти статей», хотя последние и остаются среди тех исторических свидетельств веры, которые Церковь Англии продолжает сохранять⁴¹;
  - 5) В Церкви Англии существует трехступенчатая иерархия вероучительного авторитета: Писание, в котором христианская вера раскрыта уникальным образом, «учение древних Отцов и Соборов Церкви», в которых эта вера «установлена», и исторические документы, в которые несут свидетельство этой веры⁴²;
  - 6) Текст Декларации согласия имплицитно постулирует верность принципу *lex orandi – lex credendi*.

Немаловажным является и тот факт, что 39 статей имеют разный «доктринальный вес» в Провинциях Англиканского Сообщества. Из 37⁴³ Провинций лишь двенадцать сохранили статьи среди доктринальных документов (хотя и существует, например, проблема актуальности статьи XXXVII, которая говорит о власти английской Короны в «этом Королевстве Англии и других его (ее) владениях, а также о том, что «Епископ Рима не имеет юрисдикции в этом Королевстве Англии», для этих церквей). Две Провинции⁴⁴ признали их факультативными, поэтому любая из епархий этих церквей может принять или не принять 39 статей по собственному усмотрению. Конституции остальных 23-х Провинций никаким образом не упоминают статьи. Более того, резолюция 49 VII Ламбетской конференции (1930) гласит: «Англиканское Сообщество является, в рамках единой святой, католической и апостольской Церкви, содружеством ... епархий, провинций или региональных церквей, состоящих в общении с кафедрой Кентерберри, которые ... сохраняют и распространяют католическую и апостольскую веру и иерархию, в соответствии с тем как они установлены в Книге общей молитвы...»⁴⁵.

Заметим, что эта резолюция говорит исключительно о Книге общей молитвы, не упоминая при этом 39 статей.

В 1801 г. Конвенция ЕЦ приняла статьи в новой редакции (она публиковалась во всех последующих редакциях американской Книги общей молитвы – 1892, 1928 и 1979 гг.):

- из ст. VIII «О Символах Веры» было изъято упоминание Афанасьевского Символа веры⁴⁶;
- ст. XXI «Об авторитете Вселенских соборов» изъята из списка статей⁴⁷;

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Toon 1998. P. 152.

⁴² Davie 2008. P. 82–83.

⁴³ Без Церкви Англии, о ситуации в которой было сказано выше.

⁴⁴ Англиканская церковь Кении, Англиканская церковь Танзании.

⁴⁵ Lambeth Conference, 1930. Resolution 49.

⁴⁶ The Book of Common Prayer 1892. P. 559.

- действие ст. XXXV «О проповедях» приостановлено в области порядка чтения перечисленных в ней проповедей до проведения необходимой ревизии⁴⁸;
- ст. XXXVI «О посвящении епископов и служителей» предпочла американский Ординал 1792 г. утвержденному в Церкви Англии при Эдуарде VI⁴⁹;
- ст. XXXVII «О гражданских властях» полностью переформулирована, исключив всякие отсылки к английской Короне (также в статье отсутствует отрицание юрисдикции Епископа Рима)⁵⁰.

В этой связи, не удивительно, почему архиепископ Кентерберийский Майкл Рамсей мог утверждать, что на сегодняшний день последние рассматриваются «в качестве скорее почитаемых исторических документов, чем современного вероисповедания».⁵¹ Таким образом, можно говорить, что «с XVI в. в развитии англиканской традиции существовала (ортодоксальная) тенденция рассматривать статьи скорее в качестве одной из стратегических линз в многолинзовом телескопе (*strategic lens of a multi-lens telescope*), через который рассматривается традиция и подход к Писанию, нежели единого доктринального основания Англиканской Общины Веры (*the Anglican Household of Faith*)».⁵²

Ввиду этого можно считать, что, например, основы учения Церкви Англии о Евхаристии изложены в чине литургии, содержащемся в Книге общей молитвы: они выражены литургическим языком, доксологически, а не через доктринальные дефиниции (именно поэтому, в тексте Декларации согласия клирик обещает «использовать только те формы богослужения, которые узаконены или разрешены Канонам», хотя Преамбула касается лишь доктринальных, а не литургических вопросов). В этом проявляется приверженность Англиканства богословскому принципу *lex orandi – lex credendi*,⁵³ роль которого для англиканской идентичности, как и вытекающая из него роль ритуала, до сегодняшнего дня практически не были замечены и осмыслены в научной литературе⁵⁴: исключение составляют несколько классических трудов таких британских исследователей как Эамон Даффи и Найджел Йейтс.

Из всего сказанного можно сделать, что «39 статей» никогда не являлись и не являются выражением актуального вероучения Церкви Англии, представляя собой изначально политический документ, кото-

⁴⁷ Ibid. P. 562.

⁴⁸ Ibid. P. 565–566.

⁴⁹ Ibid. P. 566.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ramsey 2004. P. 97.

⁵² Toon 1998. P. 153.

⁵³ О роли этого принципа в англиканском богословии см. подр.: Stevenson 1998. P. 187–202.

⁵⁴ См., напр.: Давыдов 2013; Давыдов 2013а.

рый, на сегодняшний день, можно назвать лишь «почитаемым историческим документом», отражающим ту роль, которую играла и продолжает играть английская монархия в жизни национальной английской церкви. Данный документ не только не отражал доктринальных оснований реформированной Английской церкви, о чем свидетельствовали многие авторитетные ее представители, но и для международного Англиканского сообщества он не представлялся и не представляется одним из источников объединяющей членов данной организации веры.

«Локализация» вероучительной ортодоксии Церкви Англии (по крайней мере в конце XVI–XVII в.) требует большего внимания к двум другим «историческим документам» – Книге общей молитвы и Ординалу, приверженность которым была одной из центральных тем, определявших процесс самоидентификации Церкви Англии. Понимание реального статуса «Тридцати девяти статей» не только позволяет более адекватно оценить их роль как исторического документа, но и по-новому взглянуть на историю Церкви Англии и процесс ее самоидентификации. Более того, понимание политического характера данного исторического документа дает возможность более четко установить соотношение между процессом конфессиональной самоидентификации церкви и формированием английской национальной идентичности, а также определить ту роль, которую играла Корона в обоих этих процессах, исполняя ключевую роль агента, производящего идентификацию⁵⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. [Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma.* M.: Kanon-press-Ts, 2001.]
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012. [Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp.* M.: VShE, 2012]
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. [Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremenennom mire.* SPb.: Universitetskaya kniga, 2001]
- Гараджа В.И.* Протестантизм. М.: Политиздат, 1971. [Garadzha V.I. *Protestantizm.* M., 1971]
- Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. [Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskie ocherki.* M., 2003]
- Давыдов И.П.* Иконологические аспекты восточнохристианской иконографии и храмового зодчества. М.: МАКС Пресс, 2013. [Davydov I.P. *Ikonologicheskie aspekty vostochnokhristianskoi ikonografii i khramovogo zodchestva.* M.: MAKSPress, 2013]
- Давыдов И.П.* Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс, 2013. [Davydov I.P. *Epistema miforituala.* M.: MAKSPress, 2013]
- Ерохин В.Н.* Формирование англиканской идентичности: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016, №1. С. 23–33. [Erokhin V.N. *Formirovanie anglikanskoi identichnosti: istoriya i sovremennost'.* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016, №1. S. 23–33.]
- История религии. В 2 т. Т. 2 / под ред. И.Н. Яблокова. М.: Юрайт, 2014. [Istoriya religii. V 2 t. T. 2 / pod red. I.N. Yablokova. M.: Yurait, 2014]

⁵⁵ Брубейкер 2012. С. 89–90.

- Катехизис Католической Церкви. М.: Апостольская Администратура для католиков латинского обряда Севера Европейской части Европы, 2001. [Katekhizis Katolicheskoj Tserkvi. M.: Apostol'skaya Administratura, 2001]
- Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. [Kortunov S.V. Natsional'naya identichnost': Postizhenie smysla. M.: Aspekt Press, 2009.]
- Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. / 3-е изд. доп. и перераб. М.: Из-во ИКАР, 2014. [Krylov A.N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. / 3-e izd. dop. i pererab. M.: Iz-vo IKAR, 2014]
- Луцицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. [Luchitskaya S.I. Obraz Drugogo: musul'mane v khronikakh krestovykh pokhodov. SPb.: Aleteiya, 2001]
- Нойманн И.Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. [Noimann I.B. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazu Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostei. M., 2004]
- Религиоведение / под ред. И.Н. Яблокова. М.: Юрайт, 2012. [Religiovedenie / pod red. I.N. Yablokova. M.: Yurait, 2012]
- Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М.: Индрик, 2008. [Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostei v Evrope. M.: Indrik, 2008]
- Репина Л.Л.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–16. [Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost' // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 9–16]
- Репина Л.Л.* «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012, Вып. 39. С. 9–19. [Repina L.P. «Natsional'nyi kharakter» i «obraz Drugogo» // Dialog so vremenem. 2012, Vyp. 39. S. 9–19]
- Таубер В.А.* Архиепископ Мэтью Паркер и церковная политика в Англии в 50-60-х годах XVI века // Средние века. 2013. Вып. 74 (1-2). М.: Наука, 2013. С. 87–103. [Tauber V.A. Arkhiepiskop Met'yu Parker i tserkovnaya politika v Anglii v 50-60-kh godakh XVI veka // Srednie veka. 2013. Vyp. 74 (1-2). M.: Nauka, 2013. S. 87–103]
- Фадеев И.А.* Проблема англиканской идентичности: терминологический аспект // Религиоведение. 2013, №2. С. 29–35. [Fadeev I.A. Problema anglikanskoj identichnosti: terminologicheskii aspekt // Religiovedenie. 2013, №2. S. 29–35]
- Фадеев И.А.* Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: «Маска», 2015. [Fadeev I.A. Tserkov' Anglii: problema konfessional'noi samoidentifikatsii v istoricheskoi perspektive. M.: «Maska», 2015]
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. [Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. SPb.: Aleteiya, 1998]
- Ходячих С.С.* «Anglii» vs. «Normanii»: проблемы и парадоксы англо-нормандского взаимовосприятия // Диалог со временем. 2012, Вып. 29. С. 295–308. [Khodyachikh S.S. «Anglii» vs. «Normanni»: problemy i paradoksy anglo-normandskogo vzaimovospriyatiya // Dialog so vremenem. 2012, Vyp. 29. S. 295–308.]
- Шапинская Е.Н.* Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Обсерватория культуры. 2009, №4. С. 38–45. [Shapinskaya E.N. Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury: politika reprezentatsii // Observatoriya kul'tury. 2009, №4. S. 38–45]
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006. [Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii. M.: Novoe izd-vo, 2006]
- Andrewes L.* Opuscula quaedam posthuma, Oxonii: Johannes Henricus Parker, 1852.
- Bicknell E.J.* A Theological Introduction to the Thirty-Nine Articles of the Church of England. Eugene, OR: Wipf and Stock Publishers, 2008.
- The Book of Common Prayer and Administration of the Sacraments and other Rites and Ceremonies of the Church according to the Use of the Protestant Episcopal Church in the United State of America. NY: Printed for Convention, 1892.
- Bramhall J.* The Works, vol. II. Oxford: John Henry Parker, 1842.

- Canons of the Church of England. London: Church House Publishing, 2000.
- Church of England (Worship and Doctrine) Measure 1974 (№3), section 2, (1) // Legislation.gov.uk. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukcm/1974/3/section/2>
- Church of England Assembly (Powers) 1919, section 1, (5) // Legislation.gov.uk. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/76/section/1>
- Clerical Subscription Act 1865, c. 122, section 1 // Legislation.gov.uk. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/28-29/122/section/1/enacted>
- Concordia Triglotta: Libri symbolici Ecclesiae Lutheranae. St. Louis: Concordia Publ., 1921.
- Constitutions and Canons Ecclesiastical. London: A. Warren, 1662. (unpag.)
- Davie M.* A Guide to the Church of England. L.: Mowbray, 2008.
- Gibson E.* The Thirty-Nine Articles of the Church of England. V. L.: Methuen & Co., 1896.
- Documents Illustrative of the History of the English Church. L., 1914. P. 477–480.
- Enchiridion Symbolorum et Definitionum quae in rebus fidei et morum a Conciliis Oecumenicis et Summis Pontificibus emanarunt / ed. Dr. H. Denzinger, Wingebergi: Sumptibus Stahelianis, 1854.
- Holder R.W.* Crisis and Renewal: The Era of the Reformation. Louisville: John Knox Press, 2009.
- Nichols A.* The Panther and the Hind. A Theological History of Anglicanism, Edinburgh: T&T Clark, 1993.
- Newman J.H.* Tract XC. On certain passages in the XXXIX Articles. London, Oxford, Cambridge: John Henry and James Parker, 1865.
- Pearson J.* Minor Theological Works, vol. II, Oxford: Oxford University Press, 1844.
- Podmore C.* Aspects of Anglican Identity. London: Church House Publishing, 2005.
- Ramsey M.* The Anglican Spirit. N.Y.: Seabury Classics, 2004.
- A Relation of the Conference between William Laud... and Mr. Fisher the Jesuit // Works of the Most Reverend Father in God, William Laud, D.D., Sometime Lord Archbishop of Canterbury. In VII vols. Vol. II. Oxford: John Henry Parker, 1849.
- Remains of Thomas Cranmer, D.D., Archbishop of Canterbury. In IV vos. Vol. IV. Oxford: University Press, 1833.
- Lambeth Conference, 1930. Resolution 49 // Official website of the Anglican Communion. URL: <http://www.anglicancommunion.org/resources/document-library/lambeth-conference/1930/resolution-49-the-anglican-communion?author=Lambeth+Conference&year=1930>
- Reynolds B.* Handbook to the Book of Common Prayer. London: Rivingtons, 1903.
- Toon P.* The Articles and Homilies // Study of Anglicanism / ed. S. Sykes, J. Booty, J. Knight. London: SPCK, 1998. P. 144–154.
- Yates N.* Liturgical Space: Christian Worship and Church Buildings in Western Europe, 1500–2000. Aldershot: Ashgate, 2008.

Фадеев Иван Андреевич, магистр востоковедения и африканистики, соискатель кафедры Истории Церкви Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; rbw_london@yahoo.co.uk

The problem of religious identity of the Church of England in historical perspective

(to the question of the doctrinal status of the Thirty-Nine Articles of Religion)

The paper is concerned with the status of the Thirty-Nine Articles of Religion in the Church of England and with their place within the reformed English Church's doctrinal orthodoxy, which constitute the core of the identity of the said church.

Keywords: history of the Church of England, Thirty-Nine Articles of Religion, Declaration of Assent, orthodoxy, religious identity

Ivan Fadeyev, MA (Oriental Studies), Doctoral Researcher at the Department of Church History, Lomonosov Moscow State University; rbw_london@yahoo.co.uk

Л. В. СОФРОНОВА, Т. Г. ЧУГУНОВА

ОПЫТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ИССЛЕДОВАНИЕ ВИТРАЖНОЙ КОМПОЗИЦИИ часовни Эммануэль-колледжа Кембриджского университета

Авторы анализируют витражи англиканской часовни Эммануэль колледжа Кембриджского университета, созданные в честь трехсотлетия колледжа в 1884 г. В начале в центре внимания находился портрет английского богослова Дж. Колета (1467–1519). Портрет представляет собой визуализацию важнейших биографических данных о герое и отражение исторической памяти о нем. Однако данный витраж оказался частью парного портрета Дж. Колета и английского протестантского мыслителя У. Тиндела (1494–1536). Двойной портрет может быть интерпретирован как визуальная репрезентация протестантского направления английской историографии Тюдоровской Реформации. При открытии панорамной витражной композиции из шестнадцати фигур, занимающей все восемь окон часовни, возникает третий образ – Широкой церкви, одного из направлений англиканства викторианской эпохи. Настоящее исследование подтверждает, что само видение – «оптика взгляда» – является проблемой, нуждающейся в изучении.

Ключевые слова: визуальная история, витраж, конструирование образа, репрезентация, Широкая церковь, кембриджские платоники

Поводом к данному исследованию послужила случайно обнаруженная в пространстве интернета фоторепродукция одного неизвестного в России шедевра британского витражного искусства викторианской эпохи¹: полноростового портрета Джона Колета (1467–1519) – известного церковного деятеля предреформационной эпохи, друга и наставника Эразма и Т. Мора². Это изображение привлекло наше внимание, поскольку ранее не публиковалось в посвященных английскому мыслителю изданиях³. Транспарентный портрет был изготовлен в 1884 г. по проекту дизайнера Клемента Дж. Хитона-младшего (1861–1940) ху-

¹ URL: <http://www.flickr.com/photos/therevsteve/694277883/> Автор репродукции – современный испанский фотохудожник Мануэль Мартин Виценте (г. Вальдемор). О феномене расцвета искусства витража в викторианской Британии см.: Cheshire 2004; а также: <http://www.victorianweb.org/art/stainedglass/index.html>.

² О Колете см.: Софронова 2012. С. 161–188.

³ Известны три портрета: 1) бюст работы скульптора Пьетро Торриджано (1520 г.) из Лондонской портретной галереи (<http://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw01400/John-Colet#publications>); 2) выполненный на его основе портретный рисунок Г. Гольбейна Младшего (до 1535) из Виндзорской Королевской коллекции (<http://www.royalcollection.org.uk/microsites/holbein/MicroObject.asp?item=39&themeid=2479&object=912199&row=39>); 3) миниатюрный акварельный портрет Колета вместе с изображением его гробницы на обложке Устава школы св. Павла кисти У. Сегара (ок. 1585), см.: Knight S. 1823. P. 226. Даже такое авторитетное издание как биографический энциклопедический словарь «Современники Эразма», указывает только эти портреты (Contemporaries of Erasmus. 1985–1987. Vol. 1. P. 328).

дожественной фирмой «Хитон, Батлер & Бэйн» (осн. в 1855), безусловным лидером по изготовлению цветного стекла в Англии второй половины XIX в.⁴ Изящные линии рисунка свидетельствуют об использовании мастерами новейшей для того времени технологии обработки стекла – т.н. техники Тиффани⁵. Витраж представляет собой панель в проеме полуциркульного окна, в центре которой помещена стоящая в правом полуобороте фигура Дж. Колета. Фигура включена в затейливое архитектурное обрамление: расположенные справа и слева невысокие белокаменные с позолотой резные колонны соединены над головой полукруглой аркой с высоким балдахином. В деталях портрета отражены важнейшие аспекты деятельности Колета. Как католический священник он облачен в малиновую сутану с накидкой-пелериной и традиционную для католического клира квадратную четырехугольную шапку-биретту того же цвета. На заднем плане – кафедральный собор св. Павла в Лондоне, настоятелем которого Колет был более пятнадцати лет⁶. Наконец, самая значимая деталь – в руках он держит модель грамматической школы, основанной им в 1509 г. при соборе св. Павла. Очевидно, в памяти многих поколений англичан XVI–XIX вв. хранился образ Колета – основателя первой английской школы, независимой от церковной власти, ставшей образцом для классических гимназий Нового времени как в отношении организации школьного дела, так и содержания учебной программы. Присутствие на витраже модели школы свидетельствует о высокой оценке Колета как новатора школьного образования, а также о том, что именно благодаря этому своему детищу он занял важное место в интеллектуальной истории своей страны. Таким образом, портрет Дж. Колета может быть интерпретирован в качестве своеобразного визуального жизнеописания, как отражение биографической реальности и исторической памяти о ней.

Однако принять подобное натуралистическое понимание визуального не позволяет важное обстоятельство: витраж имеет вторую панель, где в одежде священника с пером и Библией в руках изображен религи-

---

⁴ Подробнее см.: Waune 1986.

⁵ Возникла в 1870-е гг., названа по имени наиболее яркого представителя витражного стиля эпохи Модерн Льюиса Комфорта Тиффани (1848–1933). По традиционной средневековой технологии части витража скреплялись довольно толстым свинцовым H-образным переплетом, места стыков также пропаивались свинцом, получая сетчатую несущую конструкцию, в которой удерживались все фрагменты витража. При новом способе сборки мастера отшлифовывали каждый из кусочков стекла и оборачивали по периметру в медную фольгу, ширина которой лишь немного превышала ширину стекла, а края ленты загибались на плоскость стекла. Обернутые фольгой стекла спаивались оловом с двух сторон по местам загибов ленты. В итоге получался витраж, скрепленный легким и надежным оловянным каркасом. Подробнее см.: Koch 1982.

⁶ Софронова, Ерохин 2015. С. 8.

озный реформатор, переводчик Священного Писания на английский язык У. Тиндел (1494–1536). Преследуемый английской короной, вынужденный работать на чужбине (в Германии и Нидерландах) и вести трудную жизнь изгнанника, Тиндел перевел Библию на английский язык, используя за основу не латинскую Вульгату, а тексты на древнееврейском и древнегреческом языках. На этот перевод, как на камертон, настраивались все последующие английские переводы Библии, включая Авторизованный перевод 1611 г. (т.н. Библия короля Иакова)⁷. Тинделу принадлежит и ведущая роль в теологическом аргументировании королевской супрематии. Положение о божественном происхождении королевской власти, обоснованное в сочинениях Тиндела, а впоследствии и других англиканских реформаторов, было использовано Генрихом VIII в противостоянии с католической оппозицией, не признававшей верховную власть короля. Доктрина о повиновении всех подданных государства (в т.ч. духовенства) светским властям, разработанная Тинделом, явилась важнейшим принципом англиканской Реформации Тюдоров⁸.

В поисках ответа на вопрос о том, как следует интерпретировать представленный на витраже парный портрет Колета и Тиндела, обратимся к традиционной для исторического исследования критике источников. Ведь любой образ создан и существует в определенном контексте, который во многом определяет его содержание. На наш взгляд, наиболее важны три обстоятельства. Во-первых, витраж служит украшением окна в англиканской часовне Эммануэль-колледжа Кембриджского университета, который был истинным рассадником раннего английского протестантизма. Как известно, с Кембриджем были связаны Тиндел и другие реформаторы. Во-вторых, сам Эммануэль-колледж был основан в эпоху Елизаветы как школа для подготовки англиканских проповедников. Именно такую цель преследовал его основатель Вальтер Милдмей (1523–1589), видный сторонник протестантизма, отличавшийся пуританскими симпатиями⁹. В-третьих, для храмовых витражей викторианской Англии типичными являлись библейские, чаще евангельские сюжеты¹⁰. Если в англиканской часовне могли отказаться от традиционных образов, то, вероятно, для утверждения истинности англиканской церкви. И образ Колета – знаковой фигуры в истории предреформационной Англии – призван был послужить этой цели.

О допустимости подобного предположения свидетельствует бытующая с последней четверти XIX в. – а именно тогда был создан витраж – оценка Колета как предтечи английского протестантизма, учителя

---

⁷ Подробнее см.: Чугунова 2015. С. 290-295.

⁸ Подробнее см.: Чугунова 2014. С.77-93.

⁹ См.: URL.: <http://www.emma.cam.ac.uk/collegelife/chapel/windows>.

¹⁰ См.: URL.: <http://neilhawes.com/windows/windows.htm>

Тиндела¹¹. В 1512 г. Колет выступил с программой церковной реформы, и эту «Соборную проповедь» декана нередко называют увертюрой к великой драме английской Реформации¹². Но, на наш взгляд, данная концепция ошибочна. Сопоставим взгляды Колета и Тиндела на ключевые проблемы Реформации – отношение к папству, индульгенциям, соотношению светской и духовной властей. Для Колета тема папства не была приоритетной, даже в «Соборной проповеди» папа упомянут один раз, в начальной молитве, как глава церковной иерархии¹³. Тиндел, напротив, подвергал жесткой критике деятельность папской курии с ее главной римским понтификом и всю систему церковных авторитетов¹⁴. Колет называл *понтификом* папу, епископов и все священство; вся церковная полнота (иерархия) являлась для него преемниками апостолов¹⁵. Церковная иерархия, по Колету, это не элемент внутренней структуры церкви, а состояние личности¹⁶. Тиндел называл папу Антихристом, а его службу – Антихристовым установлением, доказывал несостоятельность догмата о папе как о верховном и непогрешимом главе церкви и Божьем наместнике на земле, отвергал тезис об апостольском преемстве папской власти¹⁷. Если Колет не касался вопроса о светской политике папства и признавал юридическую власть римского понтифика, то Тиндел обвинял папу в посягательстве на светскую власть и мировое господство и считал, что папство виновно в извращении Св. Писания и распаде христианского мира в 1054 г.¹⁸

Оба мыслителя затрагивали проблему индульгенций, однако Колет даже само понятие «индульгенция» трактовал иначе, понимая под ним некое дисциплинарное послабление или «разрешение греха» (*permissio mali*), применяемое ради предотвращения большего зла (*ne magis malum sequatur*)¹⁹. Тиндел же выступал против «разрешительной грамоты», позволяющей, по его мнению, торговать заслугами мучеников и святых, а также не признавал чистилища²⁰. Оба богослова критиковали пороки духовенства. Однако если Колет настаивал на оздоровлении церкви и ее реформировании *in capite et in membris* через соборы всех уровней, то Тиндел выступал за уничтожение папистской церкви и замену ее новой, созданной на основе Св. Писания. С точки зрения Колета, духовенство – это высшая ступень земной иерархии, находящаяся

¹¹ Miles 1951. P. 30-42; Smith 1938. P. 520.

¹² Подробнее см.: Софронова 2010. С. 69-89.

¹³ Colet 2005. P. 112.

¹⁴ См., напр.: Tyndale 1573a. P. 340-377.

¹⁵ Colet 1869. P. 219-220; 2005. P. 114.

¹⁶ Colet 1869. P. 224-225, 227.

¹⁷ Tyndale 1573в. P. 60; 1573a. P. 359.

¹⁸ Tyndale 1573б. P. 127, 138; 1573a. P. 354.

¹⁹ Colet 1985. P. 138.

²⁰ Tyndale 1573a. P. 135, 151; 1573г. P. 435.

над светской властью. Он выступал против вмешательства последней в дела церкви и считал, что священство должно стать достойным своих привилегий. Тиндел, в свою очередь, настаивал на подчинении духовной власти светской и предлагал отменить церковные суды, ввести налогообложение для духовенства²¹. Более того, реформатор выдвинул доктрину об «универсальном духовенстве», т.н. всеобщем священстве. Он заменил в своем переводе Библии такие важные для католической церкви слова, как: *church* (церковь) на *congregation* (собрание)²², *priest* (священник) на *senior, elder* (старейшина) и *penance* (покаяние с епитимьей) на *repentance* (раскаяние)²³, тем самым, лишая церковь тех столпов, на которых жидились ее богатство и власть.

Очевидно, что речь идет о двух различных течениях религиозной мысли XVI в. и, соответственно, о двух программах Реформации. Если Тиндел был типичным протестантом, то Колет являл собой традицию христианского Возрождения, стремившегося к реформе в духе епископализма, осуществляемой силами церковных соборов всех уровней во главе с папой, который первым должен подать пример духовно-нравственного обновления. Можно говорить о сходстве их взглядов в трех позициях: критике современного духовенства, призыве к реформе (Реформации) церкви, апелляции к Св. Писанию. Это сходство объясняется не тем, что протестантизм вырос на почве христианского Возрождения, а принадлежностью к единой религиозной культуре «осени Средневековья», для которой были характерны все эти черты. Христианское Возрождение имело продолжение не в протестантизме, а в движении за католическую реформу, в т.н. католической Реформации.

Таким образом, интерпретируя витраж как эквивалент определенного историографического сюжета, как визуальный образ определенной вербальной практики, можно резюмировать, что парный портрет Дж. Колета и У. Тиндела является репрезентацией протестантской трактовки истории английской Реформации.

На этом мы предполагали завершить исследование, но оно получило дальнейшее развитие. Неожиданно выяснилось, что витраж представляет собой не отдельное произведение, а является частью масштабной композиции. Она включает все восемь окон часовни Эммануэль-колледжа, по четыре с каждой стороны от алтаря, включая, таким образом, шестнадцать фигур. Первые два витража представляют богословов раннего Средневековья. На витраже с северной стороны изображены Блаженный Августин (334–430) и св. Ансельм (1033–1109)²⁴. Аврелий

²¹ Tyndale W. 1573 б. Р. 137, 3. 115-116.

²² См. напр.: Мф 16: 18 // Tyndale 1989.

²³ Ibidem. Acts 14:23; Rev., 2:21, 22; См.: подробнее: Чугунова 2012.

²⁴ Философия Ансельма, по мнению В. Рейпера и Л. Смит, «во многом основана на идеях Августина. Во времена Ансельма многие полагали, что христианство

Августин держит в руках книгу «О граде Божьем» – самое важное из всех произведений богослова, позади него показан императорский Рим. Св. Ансельм изображен на витраже с двумя наиболее значительными своими произведениями – «Монологом» и «Прологом». На заднем плане видна часть кафедрального собора в Кентербери и резиденция архиепископа Кентерберийского, коим и являлся Ансельм с 1093 г.

Южный витраж напротив представлен фигурами Оригена (185–254)²⁵ и Иоганна Скота Эриугены (810–877). В руках Оригена его главная книга «О началах»²⁶, на заднем плане – Александрийский маяк и пальма – символ Кесарии, куда он бежал от преследований в правление Каракалы и где остался до конца своей жизни. Ирландский философ Эриугена изображен на фоне колокольни в монашеском одеянии с одной из наиболее известных своих книг «О разделении природы»²⁷.

Следующий витраж с южной стороны посвящен Дж. Колету и У. Тинделу, с которых и началось настоящее исследование. Противоположный витраж с северной стороны представлен фигурами Джона Фишера (1459–1535)²⁸ и Томаса Кранмера (1489–1556)²⁹. Первый стал мучеником за католическую веру, а второй – за англиканскую. Фишер изображен с моделью учрежденного при его участии кембриджского колледжа Христа, на заднем плане – церковь св. Марии, восстановленная им, а также Тауэр, где он провел последние дни своей жизни. Идеальный противник Фишера, первый протестантский архиепископ Томас Кранмер представлен с англиканским молитвенником 1549 г., на заднем плане – кембриджский колледж Иисуса, где он учился, и резиденция архиепископа в Ламбетском дворце.

Оставшиеся четыре витража включают портреты выпускников Эммануэль-колледжа. Все они изображены со свитками в руках, на ко-

---

может быть воспринято одной лишь верой. Богословие сводилось к комментированию Библии. Ансельм отвел философии самостоятельное место в богословии, считая, что содержание христианской веры может быть постигнуто лишь посредством откровения, а разум стремится понять то, во что человек верует. Представление о “вере, стремящейся к пониманию”, Ансельм унаследовал от Августина» (Рейпер, Смит 2000. С. 36).

²⁵ См. подробно: Цуркан 2002; Саврей 2011. Гл. 4.

²⁶ См. подробно: Серегин 2005.

²⁷ Иоанн Скот Эриугена известен своим отрицательным отношением к доктрине предопределения. См. подробнее: Moran 2004; Хомяков 2000. С. 142–146.

²⁸ Выступив против развода короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской и Акта о супрематии, Фишер, несмотря на свой кардинальский сан, был заключен в тюрьму по обвинению в измене и вскоре казнен (Bridgett 1888). В 1936 г. он был канонизирован католической церковью. Как канцлер университета Фишер многое сделал для изучения древнееврейского и древнегреческого языков (Lloyd 1996. P. 96.

²⁹ Томас Кранмер был автором основополагающих документов англиканской церкви, а также редактором второго издания т.н. «Большой Библии» 1539 года, названной в его честь Кранмеровою. Подробнее см.: MacCulloch 1996.

торых начертаны близкие им по духу известные библейские выражения. На третьем от алтаря витраже с северной стороны находятся портреты пуритан Лоренса Чедертон (1536–1640) и Джона Гарварда (1610–1638). Чедертон – первый руководитель Эммануэль-колледжа; ученый и проповедник, он показан держащим свиток, на котором начертаны слова: «Чтобы Слово Господне распространялось и прославлялось» (2 Фес. 3:1). Позади него – первая часовня колледжа и трапезная. На второй панели витража представлен Джон Гарвард, который, получив в Кембридже степень магистра искусств, в поисках духовной свободы эмигрировал в Америку³⁰, где содействовал основанию известного университета. Он держит свиток со словами «Народ, созидаемый, восхвалит Господа» (Пс. 102:19)³¹. У его ног стоит урна с надписью: «Соль народов», вероятно, это аллюзия на Мф. 5:13: «Вы соль земли». На заднем плане витража – памятник Дж. Гарварду на его могиле в г. Чарльстон (штат Массачусетс) и корабль, на котором он приплыл в Новую Англию.

Противоположный витраж с южной стороны представлен фигурами членов группы кембриджских платоников Бенджамина Уичкоута (1609–1683)³² и Питера Стерри (1614–1672)³³. Уичкоут изображен на фоне Королевского колледжа в Кембридже, ректором которого он являлся, и церкви св. Лаврентия, где он был викарием. На свитке надпись: «Светильник Господень – дух человека» (Пр. 20:27), отражавшая сущность его мистической концепции человеческого разума (духа) как эха божественного начала в человеческой душе. Другой эммануэлец-сторонник кембриджского платонизма П. Стерри показан со свитком, где начертано: «Да будет Бог все во всём» (I Кор. 15:28). Изображенные позади него здания являются указаниями на его авторитет в церковных кругах в годы революции: церковь св. Маргариты в Вестминстере свидетельствует о его участии в Вестминстерской ассамблее богословов (1643–1649), а королевский дворец Уайтхолл – на связь с лордом-протектором Оливером Кромвелем, чьим личным священником он был.

Последний от алтаря витраж с северной стороны представлен фигурами Уильяма Беделла (1571–1642) и Уильяма Сэнкрофта (1617–1693). Беделл изображен со свитком, на котором написано: «И застроят

---

³⁰ См. подробно: Shelley H.C. 1908.

³¹ Нумерация приведена в соответствии с католической традицией. В русском Синодальном переводе Библии данный отрывок включен в 102 псалом.

³² Уичкоут являлся ректором королевского колледжа с 1644–1660 гг., затем настоятелем монастырей св. Анны и св. Лаврентия. Уичкоут был лидером группы кембриджских платоников.

³³ П. Стерри был личным священником Оливера Кромвеля. После смерти своего покровителя он занялся преподавательской деятельностью и посвятил себя написанию трудов, сотрудничал с кембриджскими платониками, однако расходился с ними по вопросу о свободе воли человека. Одна из самых известных его работ – «Беседа о свободе воли» (1675).

ся пустыни вековые» (Ис. 58:12). На заднем плане – дворец дождей в Венеции, где в составе английской дипломатической миссии несколько лет жил Беделл, и замок в ирландском графстве Каван, в котором он находился в качестве заложника во время ирландского восстания в 1641 г. У ног Беделла расположены три тома Большой Еврейской Библии в знак того, что он был знатоком еврейского языка и содействовал его изучению в Англии³⁴. 79-й архиепископ Кентерберийский Уильям Сэнкрофт также являлся современным Английской революции, он изображен держащим свиток со словами из Пс. 142: «Вспоминаю дни древние». Позади него – часовня Ламбетского дворца, у его ног – стопка книг³⁵.

На последнем южном витраже помещены портреты двух других выпускников Эммануэль-колледжа – Джона Смита (1616–1652)³⁶ и Уильяма Лоу (1686–1761). Смит – неоплатоник, ученик Уичкоута; пуританин, знаток восточного богословия и прекрасный лингвист, он изображен держащим свиток, на котором начертаны слова: «И облекшись в нового, который обновляется по образу Создавшего его» (Кол. 3:10). На заднем плане размещены башня Королевского колледжа, где он преподавал, и Афинский акрополь, как символ греческой культуры и философии, к которой обращались кембриджские философы. Англиканский священник Уильям Лоу представлен со свитком, на котором начертаны слова: «Веруйте в свет, да будете сынами света» (Инн. 12:36). На заднем плане справа от него изображена приходская церковь его родного городка Кингз-клифф в Нортамptonшире, с частью дома, где он жил; слева – церковь св. Петра в Гёрлице (Германия), связанного с именем немецкого христианского мистика Якоба Бёме, под влиянием которого Лоу находился в поздние годы.

Напомним, что витражи украшают не светское, а церковное здание. Сюжет этой композиции непонятен, подбор персонажей вызывает недоумение: в окнах англиканской часовни размещены рядом святые (например, Августин, почитаемый всеми христианскими конфессиями) и богословы, сочтенные еретиками, – Ориген и Эриугена; мученики за католическую веру (Фишер) и их идейные противники, в свое время замученные католиками за верность англиканству (Гиндел, Кранмер).

³⁴ Беделл был личным священником английского посла в Венеции. Санкрофт, несмотря на то, что был протестантом, стал близким другом католика Паоло Сарпи (1552–1623), историка, теолога-канониста, советника по богословским вопросам правительства Венецианской республики. По возвращении из Италии, Беделл был назначен ректором Тринити-колледжа в Дублине, англиканским епископом Килмора, покровительствовал переводу Нового Завета на ирландский язык.

³⁵ Санкрофт в 1662 г. был назначен руководителем Эммануэль-колледжа, затем стал деканом собора св. Павла. С 1677 г. – архиепископ Кентерберийский. После оставления трона Иаковом II он не стал присягать новому королю, за что был лишен архиепископского сана и провел остаток жизни в уединении (George D'Oyly. 2012).

³⁶ См.: <http://www.bookrags.com/research/smith-john-c-16161652-eoph/>

Конфессиональная пестрота усугубляется наличием англиканского архиепископа Кентерберийского Санкрофта и пуритан – Чедертон и Гарварда. Четыре ближних к выходу окна занимают эммануэльцы. Но почему именно эти члены колледжа? На этой стадии исследования стало очевидным, что витражная композиция представляет некий образ, сконструированный автором с определенной, пока не понятной нам целью. И этот образ есть манифестация неких социальных и культурных смыслов и практик, значимых для автора и общества того времени. Для выявления содержания этого образа, попытаемся найти нечто общее, что объединяет всех этих представителей богословской мысли, принадлежащих к различным течениям христианства. На наш взгляд, можно выделить две присущих им – в той или иной степени – черты. Во-первых, увлеченность классическими древними языками и на их основе – библейскими штудиями. Во-вторых, приверженность неоплатонической философской традиции. Самый известный из них Аврелий Августин попытался даже примирить христианскую веру и неоплатонизм, согласовать библейское и неоплатоническое понимание Бога³⁷. Учение неоплатоников внесло лепту и в мировоззрение св. Ансельма, который для обоснования христианского догмата о Троице, опирался на неоплатоновскую триаду: Единое, Ум и Душа³⁸. Иоанн Скот Эриугена переводил книги мистического характера, стремился к синтезу христианской догматики и философии неоплатонизма. Колет также известен своими оксфордскими лекциями по толкованию Св. Писания, которые отмечены применением элементов научной критики текста, а также интересом к неоплатонизму³⁹. Богословы-эммануэльцы тоже являлись адептами неоплатонизма, образовав группу «кембриджских платоников». Важными принципами их идеологии было единство веры и разума, стремление к объединению разных религиозно-философских традиций, призывы к диалогу между различными христианскими конфессиями. Таким образом, автор композиции, попытался, на наш взгляд, воплотить, прежде всего, идеи религиозной свободы и взаимопонимания между различными духовными течениями.

Данные постулаты были присущи либеральной теологии, получившей распространение в английском обществе с середины XIX в. под влиянием целого ряда причин, но, прежде всего, новейших научных открытий в области геологии и биологии. Среди них – учение об эволюции и происхождении видов Ч. Дарвина (1859), ставшее самым серьезным вызовом церкви и породившее сомнения в истинности

---

³⁷ См. подробнее: Dobell 2009; Armstrong 1967.

³⁸ См. подробнее: Southern 1992.

³⁹ По мнению британского историка Дж. Лаптона, автора известной биографии Колета, «ему больше, чем кому-либо другому, мы обязаны введением неоплатонизма в английскую мысль».

христианского учения даже у представителей епископата⁴⁰. Позже, в начале XX в., либеральными богословами был найден способ согласования дарвинизма с христианским учением – многообразие живых организмов и их видов, сложность механизма естественного отбора стали восприниматься как доказательство величия Творца. Но 1860-е – время глубочайшей апостасии англиканства⁴¹. Наиболее ярким свидетельством кризиса была публикация сборника «Опыты и обзоры» (1860) спустя год после издания «Происхождения видов» Дарвина. Его авторы – семь либеральных теологов-интеллектуалов Оксфорда и Кембриджа – высказали относительно христианства чисто рационалистические воззрения. Книга была подвергнута критике всеми течениями Англиканской церкви, эссеистов стали называть «Семеро против Христа»⁴², что не помешало распространению идей новой эссеистской (опытной) школы. Центральное место среди «Опытов» занимало сочинение Б. Джоветта «Об интерпретации Писания», где провозглашалось требование читать Библию как любую другую книгу, отказавшись от догмата о ее богодухновенности. Автор настаивал на историческом подходе к текстам Писания. По его мнению, христиане должны не игнорировать, а приветствовать достижения современной библейской критики и стремиться подтвердить ветхо- и новозаветные события информацией из других источников, что априори допускало сомнение в достоверности Писания⁴³. О приоритете разума над откровением, о необходимости научной проверки новозаветных свидетельств, многие из которых надо понимать мифологически, писал Б. Пауэлл в эссе «Об изучении фактов христианства»⁴⁴. Линию библейской критики продолжил епископ Дж.В. Коленсо в серии очерков «Критический анализ Пятикнижия и Книги Иисуса Навина» (1862). Он отверг традиционную атрибуцию Пятикнижия, построив свою концепцию на использовании математических методов и разборе исторических неточностей⁴⁵. Либерально мыслящие и склонные к рационализму богословы образовали т.н. Широкую церковь (Broad Church). Для умонастроений ее сторонников характерны безразличие к спорам о доктринальных вопросах, принципах организации Церкви и литургической практике, толерантность и стремление к единству различных направлений внутри Англиканской церкви на осно-

---

⁴⁰ Подробнее о состоянии Англиканской Церкви и ее учения в данный период см.: Вейш 1976. С. 15–22, 38–47. Всеобъемлющую характеристику религиозной культуры Англии этого времени можно найти в материалах сайта «Викторианский век»: URL: <http://www.victorianweb.org/vn/victor4.html>.

⁴¹ О разноречивых духовных исканиях англиканского духовенства викторианской эпохи, в т.ч. в области оккультизма, см.: Webb 1974; Gauld 1968. P. 49–51.

⁴² См. комментарий к новому изданию: Shea, Whitla 2000б. P. 3–133.

⁴³ См.: Jowett 2000. P. 477–594.

⁴⁴ Powell 2000. P. 233–274.

⁴⁵ Colenso 1862–1879.

ве предельно широкого, философского толкования религиозных истин⁴⁶. Попытки основать религию на началах разума сближают воззрения либеральных богословов Широкой церкви с учением кембриджских неоплатоников, которых также называли *Latitude men*⁴⁷. Именно неоплатонизм составлял философскую основу идеологии Широкой церкви.

К Широкой церкви принадлежал и автор сюжета витражной композиции – Фентон Джон Энтони Хорт (1828–1892) – ирландский теолог, знаток древних языков, член комиссии по пересмотру перевода Нового Завета на английский язык, профессор Эммануэль-колледжа. Как и все представители англиканского духовенства 80-х годов XIX в., он стремился к расширению своего духовного кругозора. Примечателен тот факт, что Хорт был активным участником лондонского «Общества психических исследований», которое практиковало спиритические сеансы, занимаясь изучением оккультизма. Кроме того, Хорт и его единомышленники из Тринити-колледжа – епископы Б. Весткот и Дж. Лайтфут, образовали тайную организацию «Эранос», или Общество апостолов, подражая существовавшей в древности герметической церкви. Целью Общества были встречи ученых, богословов разных конфессий для обмена мнениями и создания некоей единой герметической организации⁴⁸. Полагаем, что витражная композиция в часовне Эммануэль-колледжа является сконструированным Хортом образом Широкой церкви, репрезентацией ее идеологии и духовных практик.

Осмысливая свои опыты интерпретации витражей в часовне Эммануэль-колледжа Кембриджского университета, мы отчетливо осознали, как менялось наше восприятие визуального. В самом начале, когда в фокусе исследования находился портрет одного Дж. Колета, он был воспринят как простое отражение биографии и исторической памяти о герое. С изменением ракурса и обнаружением парного портрета Дж. Колета и У. Тиндела, наш собственный научный опыт, т.е. знание британской историографии, посвященной этим персонажам, побудил нас к субъективному конструированию другого образа – репрезентации протестантского направления английской историографии Реформации. Эта стадия исследования со всей очевидностью продемонстрировала, насколько содержание образа зависит от того, кто его видит. Наконец, «панорамное» восприятие витражной композиции привело к возникновению нового образа – носителя идеологии Широкой церкви, приверженцем которой был автор композиции Ф. Хорт. Вероятно, и этот образ

---

⁴⁶ Идеино Широкая церковь восходит к традиции латитудинаризма, появившейся в среде англиканского духовенства на рубеже XVII–XVIII вв. Подробнее см.: Shea, Whitla 2000a. P. 123–133.

⁴⁷ См.: Cassirer 1953; Patrides 1980; Коснырева (<http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm>)

⁴⁸ Hort 1896. Vol. I. P. 170–171.

не стоит воспринимать в качестве окончательного, и появление в будущем нового, непредсказуемого сейчас ракурса, приведет к конструированию нового образа. Наше исследование еще раз подтвердило, что само видение – «оптика взгляда» – тоже является проблемой, нуждающейся в изучении. В связи с этими выводами приходят на память слова Е.А. Косминского из его письма Е.В. Гутновой о том, что «наука бесконечна, где окончишь, там и конец»⁴⁹. Полагаем, что в случае визуальной истории точку должно сменить многоточие...

***

Джон Колет и Уильям Тиндел

---

⁴⁹ Косминский 2002. С. 129.

Схема композиции

Алтарная часть

	Аврелий Августин Св. Ансельм	Ориген Иоанн Скот Эриугена	
	Джон Фишер Томас Кранмер	Джон Колет Уильям Тиндел	
	Лоренс Чедертон Джон Гарвард	Бенджамин Вичкот Петер Стерри	
	Уильям Беделл Уильям Санкрофт	Джон Смит Уильям Лоу	

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники

Ioannis Coleti Enarratio in Epistolam Primam B. Pauli ad Corinthianos. Commentary on First Corinthians. A new Edition of the Latin Text / Trans. and introd. by P.B. O'Kelly and C.A.L. Jarrott. New York, 1985.

Ioannis Coleti Opus De Ecclesiastica Dionysii Hierarchia // Colet J. Two Treatises on the Hierarchies of Dionysius / Ed. by J.H. Lupton with a trans., introd. and notes. L., 1869. P. 197–272.

Colet J. Oratio habita ad clerum in convocacione // «Соборная проповедь» Д. Колета: Реформация или реставрация? (Перевод и вступ. статья Л.В. Софроновой) // Textum

- Historiae: исследования по теоретическим и конкретно-историческим проблемам всеобщей истории. Н. Новгород: НГПУ, 2005. С.107-121.
- Foxe J.* Actes and Monuments of Matters Happening in the Church / Ed. by the rev. J. Pratt. - 4-th ed. 8 vols. London: Nichols and Sons, 1877.
- Tyndale W.* Practice of papistical Prelates // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in print here exhibited to the Church / Ed. by J. Foxe. L.: Printed by J. Daye, 1573 a. P. 340-377.
- Tyndale W.* The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe // WW. 1573 б. P. 97-183.
- Tyndale W.* The Parable of the Wicked Mammon // WW. 1573 в. P. 59-96.
- Tyndale W.* The Testament of master W. Tracie Esquier, expounded by William Tyndall // WW. 1573 г. P. 429-435.
- Tyndale W.* Tyndale's New Testament. A modern-spelling edition of the 1534 translation / Ed. and introduction by David Daniell. New Haven and L.: Yale University Press, 1989. 429 p.

Литература

- Вейш Я.Я.* Религия и церковь в Англии. М.: Наука, 1976. 183 с. [Veysch Ya.Ya. Religiya i tserkov' v Anglii. M.: Nauka, 1976. 183 s.]
- Косминский Е.А.* Письмо Е.В. Гутновой от 25.VI.53 / Письма Е.А. Косминского Е.В. Гутновой (1941-1959). Предисловие и комментарии А.А. Сванидзе // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 113-129. [Kosminskiy E.A. Pis'mo E.V. Gutnovoy ot 25.VI.53 / Pis'ma E.A. Kosminskogo E.V. Gutnovoy (1941-1959). Predislovie i kommentarii A.A. Svanidze // Novaya i noveyshaya istoriya. 2002. № 1. S. 113-129.]
- Коснырева М.В.* Основные идеи кембриджского неоплатонизма XVII вв. // URL: <http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm>. [Kosnyreva M.V. Osnovnye idei kembrijdzhskogo neoplatonizma XVII vv. // URL: <http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool1/07.htm>]
- Рейпер В., Смит Л.* Путешествие по миру мысли. Введение в историю философии. М.: «Свет на Востоке», 2000. 240 с. [Reyper V., Smit L. Puteshestvie po miru mysl'i. Vvedenie v istoriyu filosofii. M.: «Svet na Vostoke», 2000. 240 s.]
- Савреј В.Я.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2011. 1008 с. [Savrey V.Ya. Aleksandriyskaya shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoy mysl'i. M.: KomKniga, 2011. 1008 s.]
- Серегин А.В.* Гипотеза о множественности миров в трактате Оригена «О началах». М.: ИФ РАН, 2005. 197 с. [Seregin A.V. Gipoteza o mnozhestvennosti mirov v traktate Origena «O nachalakh». M.: IF RAN, 2005. 197 s.]
- Софронова Л.В., Ерохин В.Н.* Джон Колет и Устав собора св. Павла: попытка реализации церковной реформы // Вестник Мининского университета. 2015. № 1(9). [Sofronova L.V., Erokhin V.N. Dzhon Kolet i Ustav sobora sv. Pavla: popytka realizatsii tserkovnoy reformy // Vestnik Mininskogo universiteta. 2015. № 1 (9)]
- Софронова Л.В.* «Клирик из Лондонской епархии»: к проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 161-188. [Sofronova L.V. «Klirik iz Londonskoy eparkhii»: k probleme identifikatsii khristianskogo myslitel'ya anglyiskogo Vozrozhdeniya // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 161-188]
- Софронова Л.В.* «Соборная проповедь» Дж. Колета: реформа, Реформация христианский Ренессанс // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 69-89. [Sofronova L.V. «Sobornaya propoved'» Dzh. Koleta: reforma, Reformatsiya khristianskiy Rennessans // Dialog so vremenem. 2010. Vyp. 30. S. 69-89]
- Хомяков М.Б.* Иоанн Скотт Эриугена // Вопросы философии. 2000. № 1. С.142-146. [Khomyakov M.B. Ioann Skott Eriugena // Voprosy filosofii. 2000. № 1. S.142-146]
- Цуркан А.В.* Ориген: проблема взаимодействия религии и философии. Новосибирск: НГУ, 2002. 146 с. [Tsurkan A.V. Origen: problema vzaimodeystviya religii i filosofii. Novosibirsk: NGU, 2002. 146 s.]

- Чугунова Т.Г.* Английские Библии XVI-XVII вв.: проблемы взаимозависимости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015 № 2. Ч. 2. С. 290-295. [Chugunova T.G. Angliyskie Biblii XVI-XVII vv.: problemy vzaimozavisimosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2. Ch. 2. 2015. S. 290-295]
- Чугунова Т.Г.* Трактовка ключевых библейских терминов в английском переводе Библии У. Тиндела // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 82-99. [Chugunova T.G. Traktovka klyuchevykh bibleyskikh terminov v angliyskom perevode Biblii U. Tindela // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 82-99.]
- Чугунова Т.Г.* Уильям Тиндел. Историческая биография. Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2014. 241 с. [Chugunova T.G. Uil'yam Tindel. Istoricheskaya biografiya. N. Novgorod: Izd-vo NGPU im. K. Minina, 2014. 241 s.]
- Armstrong A.H.* Augustine and the Christian Platonism. Villanova Univ. Press, 1967. 67 p.
- Bridgett T.E.* Life of Blessed John Fisher: Bishop of Rochester, Cardinal of the Holy Roman Church and martyr under Henry VIII. L.: Burns & Oates, 1888. 508 p.
- Bayne S.B.M.* Heaton, Butler & Bayne: A Hundred Years of the Art of Stained Glass. Montreux: Bayne Ltd, 1986. 132 p.
- Cassirer E.* The Platonic Renaissance in England. Edinburg: Nelson & Sons Ltd, 1953. 207 p.
- Cheshire J.* Stained Glass and the Victorian Gothic Revival. Manchester: MUP, 2004. 182 p.
- Colenso J.W.* The Pentateuch and the Book of Joshua Critically Examined. Vol. I-VII. L.: Longman Green, 1862-1879. (reprint: Elibron Classics, 2003).
- Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation. 3 vols. Toronto: The University of Toronto Press, 1985-1987. Vol. 1.
- Dobell Brian.* Augustine's Intellectual Conversion: The Journey from Platonism to Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 268 p.
- Essays and Reviews: The 1860 Text and Its Reading / Ed. V. Shea and W. Whitla. Charlottesville: University of Virginia Press, 2000. P. 3-133.
- Hort A.* Life and Letters of Fenton John Anthony Hort. Vol. 1. L.; NY.: Macmillan & Co., 1896.
- Gauld, A.* The Founders of Psychological Research.-N.Y.: Routledge, 1968. 387 p.
- George D'Oyly,* Hendrik Slatius, Henry Wharton. The life of William Sancroft, Archbishop of Canterbury. 2012. 499 p.
- Jowett B.* On the Interpretation of Scripture // Essays and Reviews. The 1860: Text and Its Reading / Ed. V. Shea and W. Whitla. Charlottesville: Un-ty of Virginia Press, 2000. P. 477-594.
- Knight S.* The Life of Dr. John Colet, Dean of St. Paul's. 2nd ed. Oxford: OUP, 1823.
- Koch R.H.* Louis C. Tiffany – Rebel in Glass. 3rd ed. N.Y.: Crown Publishers Inc, 1982. 246 p.
- Lloyd J.G.* The Discovery of Hebrew in Tudor England: A Third Language. Manchester: St. Martin Press. 1996. 315 p.
- MacCulloch D.* Thomas Cranmer: A life. New Haven: Yale Univ. Press, 1996. 692 p.
- Miles L.W.* Protestant Colet and Catholic More // Anglican Theological Review. 33. 1951. P. 29-42.
- Moran D.* The philosophy of John Scottus Eriugena. A Study of Idealism in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2004, 333 p.
- Patrides C.A.* The Cambridge Platonists. Selections. Cambridge Un-ty Press, 1980. 343 p.
- Powell B.* On the Study of Evidences of Christianity // Essays and Reviews. 2000. P. 233-274.
- Shea V., Whitla W.* Broad Church compromise // Essays and Reviews. Essays and Reviews: The 1860 Text and Its Reading / Ed. V. Shea and W. Whitla. Charlottesville: University of Virginia Press, 2000. P. 123-133. URL: <http://www.victorianweb.org/religion/broadchurch.html>.
- Shea V., Whitla W.* Introduction // Essays and Reviews: The 1860 Text and Its Reading / Ed. V. Shea and W. Whitla. Charlottesville: University of Virginia Press, 2000. P. 3-133.
- Shelley H.C.* John Harvard and His Times. Boston: Little, Brown and Company, 1908. 80 p.
- Smith H.M.* Pre-reformation England. -L.: Longman Green, 1938. 380 p.
- Southern R.W.* Saint Anselm: A Portrait in a Landscape. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 523 p.
- Webb J.* The Occult Underground. La Salle Illinois: Open Court Publ. Company, 1974. 387 p.

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного университета им. К. Минина; lidiasof@ yandex.ru

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного университета им. К. Минина; tat-chugunova@ yandex.ru

Experiences of modeling image: the research into stained-glasses of the Emmanuel College's chapel, University of Cambridge

The authors analyze the stained-glass windows in the chapel of Emmanuel College, University of Cambridge, completed in honor of the College's tercentenary in 1884. At first the study was focused on the portrait of the English theologian John Colet (1467–1519). Portrait is a visualization of the most important biographical data about the hero and the reflection of the historical memory about him. However, this stained-glass panel turned out to be the part of companion portrait of J. Colet and English Protestant thinker W. Tyndale (1494–1536). This portrait can be interpreted as a visual representation of the Protestant English historiography of Tudor Reformation. When we discovered a panoramic stained-glass composition that included sixteen figures in all eight windows of the chapel, a new image appeared. It is the image of Broad Church – latitudinarian churchmanship in the Victorian Anglicanism. The article confirms that this vision needs to be studied.

Keywords: visual history, stained-glass, modeling image, representation, Broad Church, Cambridge platonists

Lidia Sofronova, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of World History, classical disciplines and law, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; lidiasof@ yandex.ru

Tatiana Chougounova, Ph.D., Associate professor, Department of World history, classical disciplines and law, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; tat-chugunova@ yandex.ru

А. В. КЕЛЛЕР

475 ШАГОВ В ДРУГОЙ МИР, ИЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ
ИНОСТРАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. С. ЛЕСКОВА¹

С помощью литературных произведений, которые интегрируют в коммуникативные поля читающих и мыслящих людей из разных сословий, можно «измерить» градус «общественного мнения» и даже «накал страстей» вокруг темы иностранцев в России и привносимых ими инноваций в технике, одежде, культурных практиках. Произведения Н.С. Лескова предоставляют богатый материал для исследования отношения к иностранцам и иностранным предпринимателям в России XIX в. В этих произведениях видно неоднозначное и противоречивое отношение автора к данной проблематике, охватывающей темы межкультурной коммуникации и адаптации новых культурных и социальных практик.

Ключевые слова: *Н.С. Лесков, иностранные предприниматели, инновации, коммуникативное поле, коммуникативный акт*

Инновации возникают, а научный, культурный и технологический обмен происходят, прежде всего, в трансграничном и межкультурном пространстве, на пограничных участках взаимодействия культур, традиций, стран и народов. Творчество Н.С. Лескова интересно его стремлением понять, по каким принципам происходит межкультурный диалог – не статичный обмен между герметичными массивами «национальных культур», а динамичный диалог их представителей. Многоплановость диалогов у Лескова позволяет увидеть взаимодействие русской и западноевропейской культур во всей их многогранности². При этом писатель не занимает однозначной позиции по отношению к своим героям в интеракции «своего» и «чужого», что связано с противоречивостью самой «национальной» проблематики. Лесков – пожалуй, первый писатель, посвятивший этнокультурным аспектам инаковости многочисленные сюжеты своих произведений – в «Островитянах» (1866), «На краю света» (1875), «Железной воле» (1876), «Левше» (1881), «Кольванском муже» (1888) и др.³ На это же время приходится актуализация «немецкого вопроса» и выход прежних споров западников и славянофилов на новый культурно-цивилизационный уровень *национальных* масштабов. В России политика Пруссии, особенно после Германской войны 1866 г.

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ 33.8064.2017/БЧ «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации». Автор выражает благодарность Я.А. Лазареву, Л.С. Соболевой и О.П. Старцевой за деятельное участие в обсуждении статьи.

² Кузьмин 2003. С. 5.

³ См.: Алексеева, Редин, Рей 2016. С. 10.

и укрепления идеи пангерманизма и национализма, начинает все более восприниматься как агрессивная⁴. Дальнейшее формирование идеи панславизма и обострение «остзейского вопроса» в Российской империи привело к усилению дискуссии в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы⁵ «Россия – Запад» в литературе и публицистике.

Центральное место в разборе литературных произведений занимает язык в контексте культуры и ментальности исторической эпохи. Однако миф о единстве языка и языковой идентичности нуждается в коррекции, так как сколько существует диалектов, сленгов, говоров в контексте жизненных укладов, столько и идентичностей⁶. Автор статьи исходит из того, что «стабильность материальной культуры не обеспечивает единства этнической идентичности, и, наоборот, резкие перемены в развитии материальной культуры не обязательно соотносятся с этническими изменениями»⁷. Применяя это положение к межкультурной ситуации в российском городе середины XIX – начала XX в., можно приблизиться к пониманию природы разной степени интенсивности интересубъективной и коммуникативной встречи новых и традиционных культурных и языковых практик.

Произошедший в результате петровских реформ «культурный раскол русского народа, [...] когда русские крестьяне воспринимали своего говорившего по-французски барина как “немца”», усиливал многоплановость и полиперспективность, по которым могли развиваться сценарии событий во время интеракции между «традиционными русскими», «новыми русскими», иностранцами и «обрусевшими немцами»⁸. Не только глубокую трагичность и раскол представляли из себя эти изменения, но и открытие новых горизонтов и возможностей, перемену качественного состояния русского общества в сторону большей открытости и многообразия, чередование дихотомий, симбиозов и синтезов в рамках парадигмы «Россия – Запад». То, что было раньше нонсенсом, стало нормой, что было обычаем – нелепостью. «Перевернутый мир» императора Петра I являлся в сознании широких слоев населения аномалией, идентичной миру Антихриста. «Русский человек» Нового времени, первоначально узкого элитарного слоя, обживал этот новый мир, обставляясь мебелью Гамбса, надевая французские парики, одеваясь в камзол и кюлоты, развлекаясь техническими «безделушками», театром, светскими книгами, и не только на русском языке. «Русский человек» очутился в многоязычном и полифоничном мире, изменились модус его существования, мировосприятие и самоиден-

---

⁴ Кузьмин 2003. С. 6.

⁵ Алефиренко 2009.

⁶ См. Вдовиченко 2016. С. 18.

⁷ Кузьменко 2011. С. 6.

⁸ Каменский 2001. С. 161.

тификация. Если эту ситуацию перенести во времена Лескова и спроецировать на его тексты, с речью повествователя (зачастую деформированной и не совсем аутентичной авторской), рассказчика и самого литературного героя, получим в полной мере многоуровневую коммуникативную реальность культурного социума⁹. Не случайно, Лескова назвали первым автором модерна, ведь он экспериментирует, парафразирует и заимствует, переставляет местами, заинтриговывает читателя, оставляя за ним право самостоятельно составить свое мнение – лоскутное одеяло культуры, философий, перспектив, точек зрения¹⁰.

Статус иностранца в России значительно менялся «от свободы поселения и равенства в сословных правах (1702–1789), через необходимость натурализации и жесткую регламентацию деятельности (1789–1860) до принципов равноправия и бессловности (1860–1914)». Именной указ Александра II от 7 июня 1860 г. даровал «всем прибывающим в империю по делам торговли, земледелия и промышленности [...] равные права с русскими подданными», а законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. устанавливали равенство русских и зарубежных подданных¹¹. Образуется неоднозначная культурная ситуация, когда иностранное официально уравнивается с русским, «чужое» со «своим», что могло восприниматься многими как болезненный диссонанс.

С момента основания Петербурга немцы, как и многие западноевропейцы, занимавшие свои культурные ниши в городском пространстве, были его неотъемлемой частью. В Петербурге находилась самая многочисленная городская дисперсная немецкая колония в России. Здесь наиболее тесно сходились «немецкий» и «русский миры».

Немец или германец?

Вплоть до XVIII в. этнически обезличенным понятием *немцы* (голландцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, шведы, французы и др.) назывались иммигранты из Центральной, Западной и Южной Европы, и не только в России, но и во всей Восточной Европе, несмотря на наличие различных языковых групп и подгрупп: западно-, южно- и восточнославянской и финно-угорской¹². Различия делались с помощью региональных уточнений: «немчин шкотской земли», «немчин французской земли», «немчин свейской земли» и т.д. Этноним «немец» в славянских языках связан со словом *нѣмьць* – от слова *нѣмь*, т.е. немой, заикающийся¹³. Преобладающей среди «нѣмьць» на протяжении всего времени являлась этническая германская группа. Из европейских наро-

⁹ Вдовиченко 2016. С. 17.

¹⁰ See Benjamin 2006; Kucherskaya 2016.

¹¹ Поткина 2014. С. 167–170.

¹² Nĕmčina (чешский), niemiecki (польский), nĕmski (болгарский), nemščina (словенский), nĕmet (венгерский).

¹³ Цит. по: Суслов 2014. С. 181.

дов с немцами у русских начиная с XVIII в. были наиболее тесные отношения, что нашло отражение и в литературе¹⁴. Однако даже в XVIII–XIX вв. в этой группе сохранялось большое разнообразие: наличие балтийских немцев, поволжских и иных преимущественно немецких колонистов, как российских подданных, так и имперских, прусских и др. немцев, осложняло их восприятие как единого этноса¹⁵. Имеется и ряд устоявшихся обозначений по социально-профессиональному признаку: немецкий булочник, немецкий колбасник, немецкий управляющий, сочетающиеся с обозначением «статуса (немец-колонист, немец-бюрократ, немец-«фон-барон» и т.п.)». К концу XIX в. с политизацией этнонима «немец» в контексте понятия «германизм», «понятие “немец” маркирует истинное “поворотное время” в истории императорской России как время постепенной политизации морального отношения к “Другому” и его превращение в гегемонистского “Другого”»¹⁶. Ввиду этих тенденций к концу XIX в. в среде правых «разные категории “немцев” имели общий набор (негативных) качеств», что одинаково усугубляло положение «немца-колониста, немца-ученого, немца-аптекаря, немца-чиновника, немца-прибалтийского землевладельца, и немца-подданного Германской или Австро-Венгерской империи», сущностная связь которых «в политических дебатах никогда не терялась из виду»¹⁷.

Видение Лесковым «немецкой» темы сильно контрастировало с интеллектуальным мейнстримом второй половины XIX в. Если у писателя преобладает опосредованное его героями неполитизированное и гуманистическое обращение к читателю, то, к примеру, высказывания Ф.М. Достоевского граничат с культурным расизмом¹⁸. У В.О. Ключевского в образе «исторического» врага, вслед за темой «истоков» и «самобытности», со всей определенностью выступает «племя германское», потерявшее «со времени вступления России в общую жизнь [...] свою монополию делать историю»¹⁹. При этом находим характерное использование естественнонаучных терминов в применении к этнокультурной проблематике и уверенность в том, что одни народности растворяются в других подобно сахарному песку в стакане чая. В 81-й «Лекции по русской истории» Ключевский говорит об «усил[ении] розн[и] интересов племенных» и о «немецком элементе» в остзейских провинциях, «который с трудом растворялся химически в составе русского населения», а также о «немецком засилье» при Анне Иоанновне²⁰. Да и самому Лескову, несмотря на всю инновативность его поисков, не удалось полностью

¹⁴ См.: Жданов 2005.

¹⁵ Опарина 2007. С. 11.

¹⁶ Суслов 2014. С. 181, 188–189.

¹⁷ Там же. С. 181–182.

¹⁸ См.: Оболенская 1999. С. 291.

¹⁹ Цит. по: Алеврас, Нохрин, Богомазова 2016. С. 55.

²⁰ Ключевский 1989. С. 164.

освободиться от дискурсов своего времени. Для религиозно-философского мировоззрения писателя был характерен «органический» взгляд на развитие культуры и общества, как на человеческое тело или некий организм, в котором циркулируют идеи подобно сокам в растении или крови в живом организме²¹.

Говоря о «немецкой натуре», Лесков находится в контексте гердеровских идей, но он, кроме «русского европейца», еще и христианин²². Писатель не ослеплен идолом национальной идеи, напротив, лейтмотивом всего его творчества служат высокие идеи гуманизма и национальной терпимости. Балансируя на межкультурном зорере, он недвусмысленно пишет в письме к К.А. Грехе (5 декабря 1888 г.) о своей главной интенции – «единстве рода человеческого»²³. В XIX в., веке «культурологических» предрассудков о «национальном характере» и «национальной культуре», Лесков говорит не только о русских праведниках и русском духе, но, ломая стереотипы, и о «нетипичных» «чувствительных» и религиозно-аффектированных немцах, англичанках- и немцах-праведниках. Для многих современников это выглядит как открытая провокация и оскорбление религиозных и национальных чувств. Но Лесков непреклонен в отстаивании своего кредо – в отношении к разным национальностям со стороны властей не должно быть никаких «предпочтений». Призывая к толерантности, он признает: «все эти люди добрые верноподданные, но только разной культуры и разной натуры», что не снимает многих расхождений «в понимании вопросов нравственного порядка между русскими и “людьми западной культуры”»²⁴.

Восприятие немца (иностранца) в России можно подразделить по трем социальным стратам: низшие и средние слои (крестьянство и городское население), космополитные элиты и «национальная» интеллигенция. По мере продвижения к более высоким стратам наблюдается усиление поляризации «русского» и «немецкого» начал, хотя С.В. Оболенская справедливо отмечает «диалектический характер связи между разными слоями русской культуры и ее общую неразделимость»²⁵. Для крестьянства и средних слоев городского населения в восприятии немца преобладают положительные или нейтральные характеристики: «образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. – это отнюдь не образ врага, каким он станет позднее, еще до 1914 г., когда немцы оказались реальными врагами»²⁶. Совпадение демонизации немцев в православной публицистике, идеи панславизма и русификации остзейских и

---

²¹ Girfanova, Cheremisina, Harrer, Bobrova 2015. P. 412; Sperrle 2002.

²² Кузьмин 2003. С. 78.

²³ Зенкевич 2005. С. 331.

²⁴ Кузьмин 2003. С. 76-77, 79.

²⁵ Оболенская 1991. С. 183.

²⁶ Там же. С. 182.

западных провинций в последних декадах XIX в. не случайно. Именно на это время приходится выработка национальной идеологии и негативной самоидентификации посредством отрицания немецкого начала как антагонистичного славянскому и русскому²⁷.

Безусловно, петербургские немцы смогли создать свою особую среду. Один из авторов физиологического очерка писал в 1847 г.: «Он [новичок] ходил в свои церкви; читал газеты на своем языке; вступал в свой цех; имел старшин из своих; обедал в трактирах, содержимых своими; веселился в своих клубах; мотал в своих магазинах; слышал родное наречие в театре, в домах, в делах, в торговых заведениях, на улицах; одежду и обувь, хлеб, масло, картофель, окорок и колбасы он брал у своих; [...] Вскоре, осмотрясь, он перевез сюда свою семью; перетащил близких, женился на Немке; его начальник, его секретарь, его хозяин, гезель, подмастерье, приятели, знакомые, друзья, любовница, кухарка – были Немцы»²⁸. Автор очерка считает, что сделал открытие нового рода «столичных антропоморфов или биманов» – петербургских немцев. Он видит в последних не только *бывших* «германцев», но и всех вообще иностранцев: итальянцев, французов, англичан, голландцев и пр., переродившихся в новую «породу». Свое «открытие» автор сделал в Немецком театре [немецкая труппа императорских театров на сцене Александринского театра], где он встретил «полный и целый народец в народе» – петербургских немцев «всех званий и состояний»: негоциантов, профессоров, воинов, помещиков, судей, фабрикантов, докторов, артистов, чиновников, пенсионеров, *афферистов*, аптекарей, модисток, прелестниц, *гандверкеров*²⁹.

Образ иностранца как «островитянина»

Население одного из старейших районов Петербурга, Васильевского острова, наряду с 1-й Адмиралтейской частью, изначально показывало самый высокий процент иностранцев и прежде всего немцев. Вот как описывал Петр Медведовский в 1848 г. этот особый мир василюстровских немцев: «Если Вы когда-нибудь, проходя по Исакиевскому мосту, вздумаете, от скуки или от нечего делать, измерить это пространство, то насчитаете 475 шагов. Кажется, не велико расстояние, отделяющее Васильевский остров от Адмиралтейской стороны, а между тем, перейдя мост, вы очутились в ином мире, как будто переплыли море-окиян и вышли на берег, где-нибудь в Немечине: другие нравы, другие обычаи. Даже нет улиц, а все линии, точно в геометрии: правильность изумительная»³⁰.

²⁷ Суслов 2014. С. 184-186.

²⁸ Иллюстрация 1847. С. 69.

²⁹ Ремесленников – написание сохранено соответственно оригиналу: Иллюстрация 1847. С. 67-68.

³⁰ Медведовский 1848. С. 34.

Подробное описание образа немецких ремесленников и «негоциантов» находим в повести Н.С. Лескова «Островитяне» (1866). Ее действие происходит на Васильевском острове в 1862–66 гг. Среди «островитян» автором выделены персонажи с «особым выражением лица» – три немецких персонажа, в судьбе или характере которых сказывается влияние русской культуры: Фридрих Шульц, сознательно стремящийся во всем «русить», Маничка Норк, которую в Германии называют «русской», и Ида, напоминающая повествователю дочь русского сельского священника. Это героини повествования, вобравшие в себя в различной степени «код» русской культуры. При этом у них не чувствуется болезненной раздвоенности. В этих различных коммуникативных полях они чувствуют себя комфортно, это их выбор и их жизненный модус.

Не случаен и выбор Лескова. Хорошо знакомый и описанный в различных «физиологических» очерках, литературных произведениях и городских анекдотах тип петербургского немца был неотъемлемой и естественной частью повседневной жизни столицы³¹. Поэтому видится целесообразным не рассматривать противопоставление «своего» и «чужого» лишь в контексте антагонизма культур, хотя иностранцы и немцы представляют хорошую проекционную плоскость для такого сравнения. Напротив, более продуктивным может стать анализ повседневного сосуществования, хотя и не свободного от противоречий, и взаимодействия культур, что для космополитного Петербурга было его естественным состоянием.

Из критического отношения Лескова к Западной Европе не следует прямолинейного вывода о «спасительности российской духовности». Действительно, взгляды писателя на Европу совпадают в чем-то со взглядами Достоевского, например, на «онемевшие для высокого чувства сердца буржуазной Европы»³². Но Лесков, в отличие от его коллеги, апеллирует к диалогу как единственному способу существования во все усложняющемся мире. И в этом смысле Лесков – автор постнациональной истории. Если Достоевский говорит о невозможности поладить с Европой и непримиримых противоречиях с ней, Лесков ищет пути сосуществования разных культур³³. Более того, он убирает межкультурные границы и создает поликультурное коммуникативное пространство, в котором культурные (коммуникативные) поля накладываются друг на друга, создавая огромное многообразие фрактальных структур.

Хотя можно допустить некоторые погрешности относительно этнографической точности³⁴ в изображении жизни василеостровских немцев Норков и Шульцев, балансирование повествования на грани

³¹ Иллюстрация 1847; Иллюстрация 1848. Т. 6. № 1, 3.

³² Лесков 1902. С. 7.

³³ Оболенская 1999. С. 287.

³⁴ См.: Заварзина 2009. С. 5, 7, 9.

реальности и авторской фантазии создает эффект наибольшего правдоподобия. В этом отношении нас даже больше интересует не уровень достоверности, а отношение автора к своим героям и те вопросы, на которые он не дает прямого ответа, но подобно Сократу, заставляет читателя самому сделать свой вывод³⁵. Мы бы не стали ставить петербургского немца перед проблемой выбора между «своим» и «чужим», поляризуя эти два понятия, как это делает признанная исследовательница наследия Лескова Н.Ю. Заварзина³⁶. Особый модус существования в поликультурном пространстве не предполагал такой постановки вопроса. «Проблема выбора» не рассматривалась и не ощущалась как «проблема», и, соответственно, ее решение не предполагало исключения одного другим или победы «русского» дискурса над «немецким».

Не менее продуктивна для анализа литературного текста модель особого петербургского типа (городской) культуры, для которого характерны многообразные формы существования и степени интеграции представителей различных культур («антропоморфов» и «биманов»), трансформированных в петербургском пространстве в нечто третье, отличное от их индигенной культуры. Так «смазывалось» понимание «своего» и «чужого», где «чужое» – это тоже «свое». В связи с этим в перспективе национальной историографии вопрос о том, интегрироваться или нет, долгое время не стоял так остро или не артикулировался осознанно представителями нерусских этносов и иных конфессий. Особое петербургское коммуникативное пространство не требовало этого, создавая условия относительно комфортного существования для всех, независимо от национальности и конфессии. Не случайно, что именно в Петербурге зарождались все национальные движения империи, включая поляков, украинцев и прибалтийские народы³⁷.

---

³⁵ См.: Разинов 2012.

³⁶ Заварзина 2009. С. 8. Нисколько не умаляя фундаментальных исследований Н.Ю. Заварзиной, автор лишь пытается расширить этнокультурный дискурс произведений Лескова. Действительно ли «в повести изображены петербургские немцы, [...] совершенно незнакомы[е] с русской культурой»? Ведь они сделали главный культурный выбор, живя на протяжении многих поколений в столице России. И так ли важен признак «чуждости», если они не знают, в отличие от Шульца, самых знаменитых русских актеров и певцов? Ведь то же можно сказать и о многих жителях сегодняшних «спальных» районов Петербурга. Так ли уж справедливо, если они говорят на ломаном русском, говорить об их «замкнуто[м] немецко[м] мирк[е]». (Заварзина 2009. С. 11). Комичность ситуации при способности перепутать любые слова (например, «воспеает» и «потеет» (в гл. 8), не могла быть не замечена русскими современниками. Лескову наверняка был известен персонаж чрезвычайно популярного в свое время водевиля П.А. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1843), где мастер Клейстер бесцеремонно коверкает русскую речь, считая себя при этом знатоком русского языка.

³⁷ Исследовательница выделяет четыре основные стратегии аккультурации, используемые в кросс-культурной психологии: ассимиляцию, сепарацию, марги-

Скорее всего, это совпадение, но два прилагательных *немецкий* и *германский* встречаются в повести «Островитяне» по два раза и таким образом уравновешены количественно. Если же говорить о качественных различиях, то прилагательное *немецкий* вызывает больше симпатий, так как применяется в сочетании с существительным *школа* и глаголом *говорить*: немецкая школа и говорить по-немецки, а *германский* в сочетании с существительными *студент* и *варвар*, что может интерпретироваться по-разному, если не считать имени собственного в случае с Германом Верманом, которого автор и сравнивает с неким omnipotentным варваром, изгнавшим римлян из германских лесов.

Парадоксальность Лескова хорошо просматривается в «Островитянах», герои которых существуют в поликультурном и многоязычном пространстве. Этим определяется неоднозначность и парадоксальность жизненного мира Петербурга и России времен Лескова, где «русский человек» Иван Сипачев оканчивает «свой курс немцем», а «типичный немец» Фридрих Шульц пытается во всю «русить» и показывать себя русским, подчеркивая это в речевых актах³⁸. То же происходит по зеркальному принципу и с русскими персонажами. Именно поэтому в повести создается аберрация образов иностранца и русского, когда иностранцы «немножко» русские, а русские – «немножко» иностранцы. Возможно еще и потому, что наблюдения Лескова основываются, как правило, на *своих* «русских» немцах, определяющих российскую специфику «западноевропейского материала». Для человека со стороны, приехавшего, например, из Центральной России или из Москвы в Петербург, это поликультурное коммуникативное пространство воспринималось зачастую как «немецкое», «чужое». Хотя, естественно, влияние западноевропейской культуры наложило свой отпечаток и на провинциальный русский город. Не случайно платье городского покроя называют «немецким», так как оно, в отличие от деревенского костюма, не имеет поддевки, кафтана, сарафана и т.п.

Убирая внешнюю перспективу безучастного наблюдателя и входя в поликультурное пространство Петербурга, «чужое» становится «своим». Главные герои повести – анонимный рассказчик с Украины, петербургские немцы Норки и Шульц, русский художник Истоминон, не считая русскую прислугу у Норков и прохожих. Семья Норков – старинная петербургская семья в третьем поколении, социально и экономически полностью адаптированная в петербургскую жизнь: «Жили Норки в небольшом деревянном доме на углу одной из ближайших линий и Большого проспекта [...]. В пяти окнах, выходивших на линию, у Норков помещался магазин и мастерская, в которой жил и ра-

---

нализацию и интеграцию, что придает анализу некоторую шаблонность и социологичность. См. Заварзина 2009. С. 11.

³⁸ См. Данилова 2011. С. 20, 26-27.

ботал с учениками Герман Верман»³⁹. Основными отличительными чертами семьи Норков, эмблематичными для немецкой культуры в представлении современников и в изображении Лескова, являются трудолюбие и скромность⁴⁰. Учитывая пребывание семьи в Петербурге на протяжении многих десятилетий, трудно представить, что сами Норки воспринимали себя как «чужой элемент» в России. Правомерно предположить, что эти же качества с таким же успехом могли переноситься и переносились на «русский характер». Сам же автор повести делает из подмастерья Германа Вермана какой-то смешанный тип не то француза, не то англичанина, не то русского, любившего покутить⁴¹. Эта странная на первый взгляд непоследовательность объясняется интересом Лескова к иному, «чужому», к западному типу сознания, этическим и духовным ценностям⁴².

Критерий отношения к труду оказывается для Лескова одним из решающих. Умерший много лет назад отец семейства, Иоганн-Христиан Норк, «был по ремеслу токарь, а по происхождению петербургский немец. Он был пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный». После сорока лет «неусыпного труда» предприимчивый немец «оставил своей верной подруге», Софии Карловне Норк «три тысячи рублей серебром государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведение». София Норк под стать своему мужу обладала удивительной неутомимостью, занималась, кроме продажи и приема заказов на токарные изделия в магазине, починкой зонтов. Как это было принято среди немецких ремесленников, после смерти мужа София Норк взяла на себя управление мастерской. Более того, предприимчивая домохозяйка, кроме починки зонтов, занялась еще и другими побочными ремеслами: «... на другом окне магазина, в pendant к вывеске о зонтиках, выступила другая, объявлявшая, что здесь чистят и перделывают соломенные шляпы, а также берут в починку резиновые калоши и клеят разбитое стекло». Для усиления метафоры труда, Лесков вводит многообразие занятий, подчеркивая невероятное трудолюбие Софии Карловны, которая «все трудилась, трудилась без отдыха, без сторонней помощи и вся жила в своих детях»⁴³.

---

³⁹ Лесков 1902. С. 9, 26.

⁴⁰ Лесков 1902. С. 27, 28, 50: «Жило семейство Норк как нельзя тише и скромнее», «тихой, скромнейшей семьи», «семейство Норк жило очень скромно».

⁴¹ Известно, что во времена Лескова существовал расхожий стереотип «пьяного немца», что было нонсенсом в повседневной жизни. Именно поэтому этот образ часто находил свое воплощение в данном комедийном персонаже, что неизменно вызывало безудержный смех петербургской театральной публики, так как сильно контрастировало с образом «петербургского немца» и набором его характеристик, которые находим и у немецких героев Лескова.

⁴² Заварзина 2002. С. 178, 180, 182.

⁴³ Лесков 1902. С. 9-11. Три дочери: Берта, Ида и Мария (Маня).

Главную героиню повести, младшую сестру Марию Норк, которую русская прислуга любит «до безумия», Лесков не случайно производит в российскую немку в квадрате: «Маничка Норк была петербургская, василеостровская немка»⁴⁴. Она, вторая после матери, носит в семье имя, могущее быть как русским, так и немецким. В семье Маня наиболее близка к русской культуре: она «вдруг выучилась читать по-немецки необыкновенно быстро; по-русски она стала читать самоучкой без всякого указания»⁴⁵. Одинаково комфортно чувствующая себя в двух больших литературах – русской и немецкой, Маня символизирует собой позитивную амбивалентность билингва. Степень обрусения показана и в образовании отчества ее сестер: не *Иогановны*, а *Ивановны*. Глава вторая начинается мотивом из русской народной сказки, которая забрела в семью русского немца Норка. В ней говорится о трех дочерях и о младшей, которая «либо всех умнее, либо всех сильнее, либо всех счастливее и удачливее»⁴⁶. Но, в отличие от русской сказки, образы трех дочерей: Берты, Иды и Мани, не диссонируют с положительными образами «умных, скромных и просвещенных» дочерей немецких ремесленников: седельника или портного, в восприятии русских военных путешественников 1813 года где-нибудь в Саксонии⁴⁷. Характерно, что в Германии Мария оказывается тоже в среде ремесленников – ее муж, Роберт Бер (нем. медведь), кузнец, они проводят свое время у доктора Риперта в Плау «на третий день Рождества Христова» в обществе дочерей кузнеца Шмидта и столяра Тишлера. Бер – человек с сомнительной репутацией, *по слухам* среди жителей Доберана – «сектант, гернгутер, пуританин и даже ханжа», чуть ли не алхимик и черт, якобы питающийся сырым мясом, «потому что у него глаза совершенно красные, как у пьяного француза»⁴⁸, оказывается на самом деле праведником. Это первый персонаж в творчестве Лескова, к которому восходят образы героев-праведников, – немец-гернгутер, что «говорит о сложном соотношении в творчестве Лескова русской и инокультурной традиции»⁴⁹.

Маня превращается при этом в «русскую жену», которую Бер по слухам купил, что не соответствует действительности и показывает все

---

⁴⁴ Там же. С. 12. Лесков словно подтрунивая над предрассудками и страхами перед «чужим», говорит о старой русской кухарке в семье Норков, которой «голова не отрубили». Кухарка имела неосторожность «дать» голову свою на отсечение в том, что болезненная Маша – не жилец.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Там же. С. 12.

⁴⁷ Оболенская 1994. С. 78.

⁴⁸ Лесков 1902. С. 149, 152-154.

⁴⁹ Заварзина 2009. С. 23-24. За свой отход «от догматичного православия в сторону независимого деятельного христианства, на позиции толстовства в 1880-1890-е гг.», писатель не раз подвергался критике со стороны православной церкви. – Кузьмин 2003. С. 81; Данилова 2009; Girfanova et al. 2015. P. 411, 414.

еще высокий уровень предрассудков о России того времени⁵⁰. Уезжая в Германию, Мария Норк выходит «из заданных рамок “русской судьбы”», но на этом ее *преодоление* национального пространства не заканчивается. По аналогии с австрийской путешественницей Идой Пфейфер, «Маничка покидает Германию и отправляется в странствие»⁵¹. Она становится детской писательницей, вопрошая к детям – «агнцам Божиим», в контексте теперь уже наднационального межкультурного диалога, обозначенного Н.С. Лесковым.

Интересен и анонимный «онемеченный» рассказчик повести, предположительно украинец, которому «снилась [...] золотая Украина, ее реки глубокие и чистые, седые глинистые берега, покрытые бледно-голубою каймою цветущего льна»⁵². Украина в его грезах предстает как райский уголок, в отличие от Петербурга с его переменчивой погодой, для которого рассказчик подбирает самые нелестные характеристики⁵³. Автор придает некоторым качествам личности рассказчика подчеркнутую немецкий характер, заставляя его применять модальный глагол внутреннего должностования *müssen* в сочетании с глаголом *работать*: «Что я делаю? – Хочу поработать немножко, Ида Ивановна». «Охота!». «Dass muss, Ида Ивановна, а не охота». Ида называет его тепло породственному «куманечик» и по-дружески «душа-радует».

Прямой противоположностью положительным «немецким качествам» рассказчика является русский художник Роман Прокофьевич Истомин, о котором Лесков в начале повествования отзывается весьма лестно. Истомин – «славянский богатырь-молодец», «женский кумир»⁵⁴. Но именно он не соответствует критерию труда. Неясно, чем он занимается за границей: «хандрит или работает»⁵⁵. «Истомин стал еще нервнее, беспечней и ленивей. [...] Истомин уж совсем ничего не работает и за кисть даже не берется. [...] Истомин ничего не работает и валяется»⁵⁶. Лишь со слов самого Истомина, он, якобы, «очень усердно и очень успешно работал»⁵⁷. Такой несправедливый образ жизни Истомина не позволяет надеяться на волшебное спасение славянского богатыря. Неужели он погиб? Уже в Германии, после прощания с Марией, рассказчик сравнивает Истомина с приговоренным к смерти «завтрашним мертвецом». Возможно, он умер для этой жизни и посвятил себя странствиям во имя спасения своей души, возможно это и есть «русский

---

⁵⁰ Лесков 1902. С. 149.

⁵¹ Заварзина 2009. С. 14.

⁵² Лесков 1902. С. 108.

⁵³ Там же. С. 14, 19, 105, 108, 111.

⁵⁴ Там же. С. 51, 33.

⁵⁵ Там же. С. 119.

⁵⁶ Там же. С. 77.

⁵⁷ Там же. С. 105.

путь» Истомина? Ведь он глубоко раскаялся. Истомин и Бер, оказавшиеся в России, идут по грунтовой дороге, медленно спускаются «летние сумерки на степях за Окою», а у художника «полно и крепко забилося в мятежной груди [...] его русское сердце»⁵⁸.

Особое место занимает в повести верный подмастерье Герман Верман, «который сам себя не отделял от семейства Норков». Его *суровый* нрав контрастирует с трогательной любовью к Марии: при каждом удобном случае он старается ее побаловать и угостить, отказывая себе «в пятой гальбе пива»⁵⁹. Примечательно удвоенное воинственное имя подмастерья. Имя Герман (Hermann) означает в староверхненемецком *воин* или *боец* (althochdeutsch „heri“ → „Heer“ und „man“ → „Mann“). Синонимом к нему относится фамилия Верман, что означает *солдат* (der Soldat), часто называемый в Швейцарии Верман (*Wehrmann*). И это не случайно, ведь он защищает Марию от обесчестившего ее Истомина, желая поразить «бревном са크рамента [...] мерзавца». Этот эпизод заставил вспомнить повествователя «о том коренастом, малорослом германском дикаре», стоявшем в венском музее⁶⁰. Но Лесков избегает однозначных оценок и штампов, подчеркнуто противопоставляя стереотипу «белокурого германца» черноволосого Вермана⁶¹, не скрывая авторских симпатий к нему: «Герман Верман был небольшой очень коренастый старик, с угловатой головою и густыми *черными* (курсив автора – А.К.), с проседью, волосами, которые все называли *дикими* (курсив в оригинале – А.К.) и по которым Ида Ивановна самого Вермана прозвала Соважем [Дикарь (франц.)]. Соваж был старик честнейший и добрейший, хороший мастер и хороший пьяница». Далее идет наложение неоднозначных характеристик: «По наружности он скорее был похож на француза, чем на немца, а по нраву на англичанина; но в существе он был все-таки немец, и самый строгий немец»⁶².

Этот характерный прием перепутывания и замены одного другим, описанный Н.Ю. Заварзиной, применяется Лесковым для «превращения[я] русского в немецкое и наоборот». Лесков показывает таким образом взаимодействие культур и положение человека, оказавшегося в межкультурном пространстве⁶³. Рыбаки на Неве приняли бросившегося в плывть по Неве Германа за дьявола: «кто-то страшный и издали немножко схожий с виду с человеком»⁶⁴. Но «дикий» Герман Верман оказывается честным, преданным и нежно любящим Маньхен подмас-

---

⁵⁸ Там же. С. 166-168.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Там же. С. 134-135.

⁶¹ Также: дочь булочника и подруга Мани «чёрненькая Клара Шперлинг».

⁶² Там же. С. 26.

⁶³ Заварзина 2008. С. 35.

⁶⁴ Лесков 1902. С. 171.

терьем – мастером своего дела⁶⁵. Неоднозначность образа Германа, автор подчеркивает замечанием Шульца об утопленнике: «Я говорю, что покойник-то... Он и в тот год, когда Иоганус умер, он также закутился и переплыл сюда с гулянья... А нынче, верно, стар... Уж как хотите, а пятьдесят четвертый год... не молодость. ...Да, все кутил, кутил покойник. Я тридцать лет его уж знаю – все кутил»⁶⁶.

Парадоксальна и личность «негоцианта» Фридриха Фридриховича Шульца, мужа старшей сестры Берты, ставшего косвенной причиной трагедии в семье Норков: это он привез художника Истомина, обесчестившего Маню, к ним в гости. Презентуя все типажные черты «добротного немца», повествователь представляет их как отрицательные характеристики, доведенные до максимальной степени проявления. Шульц, стремящийся превратиться в русского, предпринимает попытку освоения русской культуры, а его образ создается соединением немецких и русских культурных стереотипов⁶⁷. В образе Шульца в один момент предстает немец-самодур, в другой – примерный отец семейства. Такими «перевертышами», обладающими качествами двуликого Януса, полны произведения Лескова. Изгой может стать праведником (Бер), а «чужие» – святыми (Ида и София). И, возможно, утрируя «русскость» Шульца, Лесков показывает некую модель интеграции. Так, в описании нового дома Шульца присутствует «огромная светлая зала, в углах которой красуются две довольно дорогие гипсовые статуи новгородского мужика и бабы, которых со дня перенесения их сюда с художественной выставки Фридрих Фридрихович назвал Иваном Коломенским и Марьей Коломенской», что можно перенести в определенной мере на все русское «образованное общество», оторванное от «народа» и идеализирующее его. Для представителей этого «чужого» общества такие типажи как Фридрих Шульц становятся «своими»⁶⁸. Фриц Фрицевич, как его в шутку называл Истомин, «являлся человеком самым простодушным и безпретендательным: все ему, бывало, хорошо, что ни подашь; все ловко, где его ни посадишь». Как «истинно русский человек» Фридрих Фридрихович, ссылаясь на «мужиков в деревне», запросто выпивает две рюмки водки натошак, в то время как рассказчик отказывается: «Рано, не могу утром пить»⁶⁹. Дошло до того, что Шульц «в присутствии всех солидных немцев и самого пастора Абеля начал окончательно объявлять себя человеком русским и отдавать тонкое предпочтение всему русскому». Шульц – любитель русского и немецкого театров, посещает регу-

---

⁶⁵ Там же. С. 47. На день рождения Герман дарит Мане деревянный швейцарский домик.

⁶⁶ Лесков 1902. С. 173.

⁶⁷ Заварзина 2009. С. 18, 19, 22.

⁶⁸ Лесков. 1902. С. 190.

⁶⁹ Там же. С. 33-34.

лярно Александринку, где немецкие «булочники, портные, сапожники» занимали партер, а «подмастерья их, вероятно, раек»⁷⁰.

Являясь на фоне немецких приятелей, с трудом понимающих по-русски, «экспертом» русского языка, Шульц поправляет их, объясняя плохо ими улавливаемую разницу между глаголами петь и паять, воспевать или спаивать⁷¹. «Русскость» Шульца не аморфна. Напротив, его полиморфность – ключ к его пониманию. Она позволяет ему «как чисто русск[ому] человек[у]» говорить: «У нас в Разсеи из этого просто», и тут же ссылаться на надпись на «голландском червонце»: «Concordia res parvae crescunt»⁷², оставляя читателя в недоумении, служит ли Шульц Мамоне или объединяет как истинный негоциант народы, цитируя часть латинского афоризма. Как истинно «русский человек» он, лютеранин, на освящение своего нового дома он приглашает православного священника: «Шульц тоже и себе испросил его благословения и поцеловал его руку. Священник сконфузился». Его «петербургская» толерантность не знает границ. На обращение к нему священника по имени-отчеству Фридрих Фридрихович, Шульц отвечает наполовину по-польски: «Эх, батюшка, да зовите меня просто Федор Федорычем. Ведь это вшистско едно, цо конь, цо лошадь»⁷³. Шульц в своих сумбурных рассуждениях о национальных добродетелях с легкостью говорит о «наших» народах: «Наш немецкий народ – это правда, есть очень высокообразованный народ; но наш русский народ – тоже очень умный народ»⁷⁴. Да, он раз-вращенный немец, самодовольно улыбающийся на слова Истомина, что «Берта Ивановна вся куплена». Шульц же сводит Истомина с женщинами и оплачивает их, аргументируя это тем, что «нам всем нужно *разнообразие* [...] в самом узком значении»⁷⁵. В то же время Шульц – хороший семьянин, заботящийся о материальном благополучии семьи. Постепенно дом Шульца превращается в символ уютного домашнего очага, где «сильно располневшая Берта Ивановна расхаживает на цыпочках по столовой и охраняет мужнино спокойствие, а в зале, в огромном изящном камине, работы Сан-Галли, стараниями детей, разводится яркое пламя», что создает картину патриархальной идиллии⁷⁶.

В конце повествования Лесков помещает двусмысленную деталь о том, что «Фридрих Фридрихович и сегодня такой же русский человек,

---

⁷⁰ Там же. С. 65-67. Вигель 2000. С. 335. Удивительно, что современник, не будучи знакомым со статистиками, точно обозначил три основных профессии среди немецких цеховых ремесленников. – Юхнева 1984. С. 184; Keller 2002.

⁷¹ Лесков 1902. С. 68.

⁷² Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur – согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются.

⁷³ Там же. С. 174-175.

⁷⁴ Там же. С. 69.

⁷⁵ Там же. С. 72, 37, 73.

⁷⁶ Там же. С. 191.

каким почитал себя целую жизнь. Даже сегодня, может быть, больше, чем прежде», из чего становится ясным, что Шульц остается «чужим», но является от этого не менее «своим». В петербургском дискурсе это истинно так. Даже несмотря на то, что Берта Ивановна называет его самодуром, на что Фридрих Фридрихович отвечает: «Что ж, очень может быть, что вы и правы»⁷⁷. Эта реакция показывает еще раз безоговорочную готовность к компромиссу Фридриха Шульца, живущего по принципу: «Худой мир лучше доброй войны».

Пожалуй, наблюдения анонимного автора «Иллюстрации» 1847 г. и его желание показать новый тип петербургских жителей во многом совпали с замыслом Лескова показать «островитян» как неотъемлемую своеобразную часть города. Автор сознается, «что предмет этой статьи есть предмет не только любопытный, но существо доброе, полезное, которому мы обязаны весьма многим, которое есть мы, потому что сделали уже частью нас самих, чертою нашей физиономии. Да, обсудив здраво, попробуйте уничтожить его, и вы тотчас увидите, что физиономия наша утратит непременно самую резкую свою особенность, свою отличительнейшую черту; лицо и склад наш изменится, мы как будто окривеем, охроем»⁷⁸.

***

Повесть «Островитяне» прошла мало замеченной читающей публикой и литературной критикой, как это часто бывает с незаурядными произведениями. И тем не менее, это первая, после романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859), попытка в русской литературе, сделать своей темой межкультурный диалог, но на более дискурсивном и противоречивом уровне рефлексии. Лесков выстраивает коммуникативное поле, в рамках которого поднимается широкий спектр проблем, связанных с привнесением в русскую культуру и общество иных моделей поведения. «Диалог культур и диалог книг был для Лескова не только источником для создания пограничных образов, образов на стыке “своего” и “чужого”, но и для преодоления этнических стереотипов»⁷⁹.

Рецепция отражения межкультурного диалога в произведениях Лескова противоречива. Отзыв А.М. Горького о нем, как о «самобытнейшем русском писателе» контрастирует с утверждением И. Лукаша, называющим Лескова «русским иностранцем»⁸⁰. Ответ на вопрос, почему Лукаш дает столь противоречивую характеристику, кроется вероятно в том, что Лесков, оставаясь русским национальным писателем, покидает исключительно национальный дискурс. Будучи православным, он обращается к христианским ценностям; прибегает к народным

---

⁷⁷ Там же. С. 189-190.

⁷⁸ Иллюстрация 1847. С. 71.

⁷⁹ Заварзина 2009. С. 28.

⁸⁰ Cit. Wigzell 2001. P. 105. Цит. по: Заварзина 2009. С. 10.

формам сказа, легенды и сказки, оставаясь при этом европейским писателем по своему интеллектуальному и духовному запросу.

Показанные формы межкультурного диалога не умаляют, а подчеркивают сингулярность, уникальность личности и ее выбора. Учитывая всю условность и фиктивность жизненных ситуаций литературных героев, можно предположить определенную идентичность содержания литературного материала с реалиями действительности, на которую автор проецировал свое осмысление этнокультурной проблематики. В этом смысле автор попытался показать богатый слой межкультурной и трансграничной коммуникации, возможности обсуждения и адаптации новых культурных и социальных практик иностранцев в поликультурном коммуникативном пространстве.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Степень интеграции иностранца или человека с миграционным контекстом определяется не только жизненным миром, социальным укладом, структурами, механизмами ассимиляции и т.п. Не менее важным является его сознательный выбор, могущий кардинально поменять как систему координат, так и идентичность героя⁸¹.

2. Используемые в кросс-культурной психологии четыре основные стратегии аккультурации: сепарация, маргинализация, интеграция и ассимиляция, излишне схематизируют личностные ситуации и как правило не отражают всей многогранности процессов аккультурации, делая необходимым в каждом случае допускать оговорки и исключения. Почти все эти категории приходят в конечном итоге в противоречие с самими героями. Например, в «Островитянах» сестры Норк – «ассимилированная» Маня, должная забыть свою немецкую культуру и язык, уезжает в Германию и становится писательницей и гражданином мира, «интегрированные» Берга с ее мужем Фридрихом Шульцем на самом деле живут в виртуальном псевдорусском мире, а «маргинализованная», оставшаяся старой девой Ида, посвятив свою жизнь классическому воспитанию (европейская литература и культура) детей Берты, как нельзя лучше подходит космополитному и европейскому пространству Санкт-Петербурга с его разнообразными коммуникативными полями. Предполагаемая же сепарация большинства василеостровских немцев является условной ввиду их повседневных контактов с полиэтничным населением города⁸².

Лесков оставляет своим героям право выбора, даже если этот выбор ведет к гибели: в случае с «немецким» путем Ивана Сипачева в «Кольванском муже» или «русским» путем косога Левши⁸³. Причем

---

⁸¹ См. Заварзина 2009. С. 9.

⁸² См. Данилова 2011. С. 19.

⁸³ Заварзина 2009. С. 8; Жданов 2006; Ашурков 1977; Левин 1987; Панченко 1993.

особый модус существования в поликультурном пространстве не предполагал рассмотрения вопроса интеграции или культурного выбора как проблемы, не ощущавшейся как таковая, но как естественная данность, в которой сосуществуют разные социокультурные уклады. Это давало возможность единства в многообразии, а не победу какого-то одного: «русского», «немецкого» или «иностранныго», дискурса. В петербургском контексте «чужое» – это тоже «свое».

Лесков, подобно русскому Сократу, не дает прямого ответа на вопросы своих критиков: «Вы вместе с русским народом или против него?» – его любовь к России гораздо глубже и шире узкого национализма. «Вы за или против русского православия?» – его христианская вера и духовные поиски не укладываются в канон исключительности всего русского и православного. Его «хитроумные маневры» говорят о непростых путях поиска вненациональной «абсолютной истины» (или совершенной правды) посредством комбинации народной, европейской и общечеловеческой культуры, с помощью духовного самосовершенствования и самообразования⁸⁴. Обладая внутренней свободой в своей публицистической деятельности, он независим от идеологем или строго предписанных правил⁸⁵.

Способность целостного видения динамичного мира предполагает преодоление границ одномерного и мононационального мира – в сторону полиморфного и трансграничного. В этом Лесков схож с «оборотистым», «многоликим» и «хитроумным» Одиссеем, «все время находящимся» в движении, переходе и внутреннем обращении». Подобно Петру I, совершившему культурную метаморфозу, Лесков проделывает со своими героями метаморфозу духовную, а их путь напоминает порой околичное возвращение домой⁸⁶. В «Островитянах» он выходит за рамки этноцентризма, без чего диалог «своего» и «чужого» не может состояться. Он «показывает близость “чужих” к истине и даже святости»⁸⁷, уподобляясь Одиссеею «искушенн[ому] опытом многослойного мира и отдающ[ему] дань многообразию модусов присутствия в нем»⁸⁸. Но художник проходит в своем развитии долгий путь, и пластичные и живые образы немцев в «Островитянах» могут превратиться в плоский и шаблонный образ Гуго Пекторалиса в «Железной воле» – или это еще один из экспериментов писателя, нащупывающего новые способы показа не только мирного сосуществования, но и конфронтации культур, не сводящихся в своей самобытности к единому знаменателю? Русский Бог дарует незлобивому русскому «дураку», полагающемуся на него,

---

⁸⁴ Разинов 2012. С. 15.

⁸⁵ Gifanova, Cheremisina, Bobrova 2015. P. 414; Данилова 2011. С. 26-27.

⁸⁶ Разинов 2012. С. 16.

⁸⁷ Данилова 2011. С. 26-27.

⁸⁸ Разинов 2012. С. 17.

добродушному алкоголику, «ленивейшему мещанину» и «маленькому человеку» Сафроньчу достойную православного человека смерть, а немцу-лютеранину и педанту, выстраивающему свою жизнь на формальной логике и чистом разуме – нелепую.

Лесков – русский писатель, но он также одновременно типичный и атипичный представитель русской культуры и образованной публики имперского периода, находившейся в тесной связи и взаимодействии с инокультурными мирами. Лесков – скептик, равно критически наблюдающий человека в его «русскости», «немецкости» и иных этнокультурных контекстах, но любящий Россию и человечество (Европу). Он не готов поступиться целым ради частного так же, как готов защищать частное – самобытное и особенное, его право на существование в семье европейских народов как равного среди равных.

Повесть Лескова, оставшись непонятой современниками, не оказала существенного влияния на сферу политических, культурных и социальных практик, скорее диссонируя с ними и с общественным мнением. Ее время тогда еще не пришло. Будучи скорее коммуникативным посланием будущим поколениям, она давала им шанс попытаться понять и принять этот мир в его бесконечном многообразии и богатстве. Тем самым писатель создавал коммуникативное пространство будущего, пытаясь настроить струны души современников на межкультурный диалог. Этот диалог не был пока возможен, так как не существовало еще того аналитического и этического инструментария, а тем более языка, на котором можно было понять друг друга. Общество не было пока готово к диалогу, не пройдя через горнило двух Мировых войн и величайшего социального эксперимента XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н., Нохрин И.М., Богомазова О.В.* Открывая неизвестного Ключевского. Историк как творец национальной идеи // Диалог со временем. 2016. Выпуск 55. С. 41-61.
- Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016, № 6, с. 3-20.
- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах. Ставрополь, 2009. Вып. 7. С. 7-17.
- Ашурков В.Н.* Исторический прообраз тульского Левши // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 216-219.
- Вдовиченко А.В.* Мифы единства “языка” и языковой идентичности. Раннее христианство и русский мир // Диалог со временем. 2016. Выпуск 55. С. 5-19.
- Вигель Ф.Ф.* Записки, под ред. С. Я. Штрайха. М.: Захаров, 2000.
- Данилова Н.Ю.* Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860 – 1880-х гг. об иностранцах и инородцах). Автореф. дис. к.ф.н. СПб., 2011.
- Данилова Н.Ю.* Творчество Н.С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX - начала XX вв. // Культура и история: материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» / Под ред. Ю.К. Руденко и др. СПб., 2009. С. 210-225.
- Жданов С.С.* Национальность героя как элемент художественной системы: Немцы в русской литературе XIX века. Автореф. дис. к.ф.н. Новосибирск, 2005.

- Жданов С.С. «Немецкий» и «русский» миры в рассказе Н. А. Лескова «Кольванский муж» // Аспирантский сборник НГПУ – 2006: в 4 ч. Часть 1. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. С. 152-160.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Диалог культур и диалог книг в повести Лескова «Островитяне» // Лесков Н.С. Островитяне: Повесть. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 5-28.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Опозиция «свое» / «чужое» в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» // Русская литература. 2002. № 2. С. 174-185.
- Заварзина (Данилова) Н.Ю. Qui pro quo и «Подмен виновных»: металитературное и автобиографическое в рассказе Н.С. Лескова «Кольванский муж» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 32-46.
- Зенкевич С.И. Немцы в изображении Н.С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 331-338. Иллюстрация. 1847. Т. 5. № 29. 9.8.1847.
- Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 1. 1.1.1848.
- Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 3. 17.1.1848.
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
- Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. М.: «Мысль», 1989.
- Кузьмин А.В. Инородец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2003. 124 с.
- Левин Ю.Д. К вопросу об источниках рассказа Лескова «Левша» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 118-22.
- Лесков Н.С. Островитяне // Полное собрание сочинений. Изд. 3. Т. 12. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902.
- Медведовский П. Любовь на Васильевском острове // Иллюстрация. 1848. Т. 6. № 3 (суббота, 17.1.1848). С. 34-35.
- Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории. – 1993. М.: Наука, 1994. С. 70-84.
- Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. // Одиссей. Человек в истории – 1990. М.: Наука, 1991. С. 161-185.
- Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского // Одиссей. Человек в истории. – 1998. М.: Наука, 1999. С. 282-302.
- Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
- Панченко А.М. Лесковский Левша как национальная проблема // Возрождение культуры России: истоки и современность. Вып. 1. СПб., 1993. С. 18-22.
- Поткина И.В. Иностранцы предприниматели и их гражданский статус в Российской империи // Российская история. 2014. № 4. С. 166-172.
- Разинов Ю.А. Влечение к обману, или Чем хитроумный Одиссей лучше правдивого Ахиллеса // Вестник Самарского государственного университета. Философия. 2012. № 2, ч. 1. С. 12-17.
- Суслов М.Д. «...Обезличил нас и властвовал над нами»: Понятие «немец» в российских позднимперских политических дебатах // Вестник Пермского университета. 2014. История. Вып. 4 (27). С. 180-193.
- Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.
- Benjamin W. The Storyteller: Reflections on the Works of Nikolai Leskov // The Novel: An Anthology of Criticism and Theory 1900–2000 / Ed. D.J. Hale. Malden: Blackwell, 2006.
- Girfanova K., Cheremisina Harrer I., Bobrova G. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic // Procedia – Social and Behavioral Sciences 206 (2015). P. 410-415.
- Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt am Main, Berlin, Bern u.a. 2002.
- Kucherskaya M. Literary Borrowing in the Work of N. S. Leskov: A Case Study of The Spendthrift // The Russian Review 75 (January 2016). P. 67–85.
- Monk R. Wittgenstein. Das Handwerk des Genies, Stuttgart: Klett-Cotta, 2004.

- Sperrle I.C. The Organic Worldview of Nikolai Leskov // Studies in Russian Literature and Theory/Studies of the Harriman Institute. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2002. 288 p.
- Wigzell F. Nikolai Leskov, Gender and Russianness // Gender and Sexuality in Russian Civilization / Ed. by Peter I. Barta. London: Routledge, 2001. P. 105-120.

REFERENCES

- Alevras N.N., Nohrin I.M., Bogomazova O.V. Otkryvaja neizvestnogo Kljuchevskogo. Istoriik kak tvorec nacional'noj idei // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 41-61.
- Alekseeva E.V., Redin D.A., Rej M.-P. «Evropeizacija», «vesternizacija» i mehanizmy adaptacii zapadnyh novovvedenij v Rossii imperskogo perioda // Voprosy istorii. 2016. № 6. S. 3-20.
- Alefirenko N.F. Kognitivno-diskursivnaja paradigma jazykovogo znaka // Jazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manah / pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', 2009. Vyp. 7. S. 7-17.
- Ashurkov V.N. Istoricheskiy proobraz tul'skogo Levshi // Voprosy istorii. 1977. №5. S. 216-219.
- Vdovichenko A.V. Mify edinstva "jazyka" i jazykovoj identichnosti. Rannee hristianstvo i russkij mir // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 5-19.
- Vigel' F. F. Zapiski, pod red. S. Ja. Shtrajha. M.: Zaharov, 2000.
- Danilova N.Ju. Dialog «svoego» i «chuzhogo» v hudozhestvennom mire N.S. Leskova (na materiale proizvedenij 1860–1680-h gg. ob inostrancah i inorodcah). Avtoref. dis. SPb., 2011.
- Danilova N.Ju. Tvorchestvo N.S. Leskova v ocenke russkoj cerkovnoj kritiki XIX - nachala XX vv. // Kul'tura i istorija: materialy mezhvuzovskih nauchnyh konferencij «Kul'tura i istorija» (2004-2007) / Pod red. Ju.K. Rudenko, A.A. Shelaevoj, V.V. Gorjachmh, M.A. Shibaeva. SPb., 2009. S. 210-225.
- Zhdanov S.S. «Nemeckij» i «russkij» miry v rasskaze N. A. Leskova «Kolyvanskij muzh» // Aspirantskij sbornik NGPU: v. 4, ch. Chast' 1. Novosibirsk: NGPU, 2006. S. 152-160.
- Zhdanov S.S. Nacional'nost' geroja kak jelement hudozhestvennoj sistemy: Nemcy v russkoj literature XIX veka ... avtoref. dis. k.f.n. Novosibirsk, 2005.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Dialog kul'tur i dialog knig v povesi Leskova «Ostrovitjane» // Leskov N.S. Ostrovitjane: Povesť. SPb.: Azbuka-klassika, 2009 S. 5-28.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Oppozicija «svoe» / «chuzhoe» v rasskaze N.S. Leskova «Na kraju sveta» // Russkaja literatura. 2002. № 2. S. 174-185.
- Zavarzina (Danilova) N.Ju. Qui pro quo i «Podmen vinovnyh»: metaliteraturnoe i avtobiograficheskoe v rasskaze N.S. Leskova «Kolyvanskij muzh» // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2008. № 2 (12). S. 32-46.
- Zenkevich S.I. Nemcy v izobrazhenii N. S. Leskova: povest' «Ostrovitjane» // Nemcy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie, SPb.: Izd. Rostok, 2005. S. 331-338. 640 s.
- Illjustracija. 1847. T. 5. № 29. 9.8.1847.
- Illjustracija. 1848. T. 6. № 1. 1.1.1848.
- Illjustracija. 1848. T. 6. № 3. 17.1.1848.
- Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza). M.: RGGU, 2001. 575 s.
- Kljuchevskij V.O. Sochinenija v 9 tomah. T. 5. M.: Izd-vo «Mysl'», 1989.
- Kuz'min A.V. Inorodec v tvorcestve N. S. Leskova: problema izobrazhenija i ocenki. SPb.: Filol. fakul'tet SPbGU, 2003. 124 s.
- Levin Ju.D. K voprosu ob istochnikah rasskaza Leskova «Levsha» // Issledovanija po drevnej i novej literature. L., 1987. S. 118-22.
- Leskov N.S. Ostrovitjane // Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 3. T. 12. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1902.
- Medvedovskij P. Ljubov' na Vasil'evskom ostrovu // Illjustracija. 1848. T. 6. № 3 (subbota, 17.1.1848). S. 34-35.
- Obolenskaja S.V. Germanija glazami russkikh voennyh puteshestvennikov 1813 goda // Odissej: Chelovek v istorii. M.: Nauka, 1994. – 1993: Obraz "drugogo" v kul'ture / Otv. red. A.Ja. Gurevich. 330 s. S. 70-84.
- Obolenskaja S.V. Obraz nemca v russkoj narodnoj kul'ture XVIII-XIX vv. // Odissej: Chelovek v istorii / RAN. In-t vseobshh. istorii. M.: Nauka, 1991. – 1990: Kul'turno-antropologicheskaja istorija segodnja / Otv. red. A.Ja. Gurevich. S. 161-185.

- Obolenskaja S.V. Russkie i evropejcy. Poiski russkoj nacional'noj identichnosti u Dostoevskogo // Odissey: chelovek v istorii. M.: Nauka, 1999. – 1998: Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikacii. S. 282-302.
- Oparina T.A. Inozemcy v Rossii XVI—XVII vv. Oчерki istoricheskoi biografii i genealogii. M.: Progress-Tradicija, 2007. 384 c.
- Panchenko A.M. Leskovskij Levsha kak nacional'naja problema // Vozrozhdenie kultury Rossii: istoki i sovremennost'. Po materialam Vserossijskogo nauchnogo seminaru, Sankt-Peterburg, 15-16 dekabrja 1992 g. Vyp. 1. SPb., 1993. S. 18-22.
- Potkina I.V. Inostrannye predprinimateli i ih grazhdanskij status v Rossijskoj imperii // Rossijskaja istorija. 2014. № 4, s. 166-172.
- Razinov Ju.A. Vlechenie k obmanu, ili Chem hitroumnyj Odissey luchshe pravdivogo Ahillesa // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2, Ch. 1. S. 12-17.
- Suslov M.D. «...Obezlichil nas i vlastvoval nad nami»: Ponjatие «nemec» v rossijskikh pozdneimperskikh politicheskikh debatakh // Vestnik Permskogo universiteta. 2014. Istorija. Vypusk 4 (27). S. 180-193.
- Juhnva N.V. Jetnicheskij sostav i jetnosocial'naja struktura naselenija Peterburga. L., 1984.
- Benjamin W. The Storyteller: Reflections on the Works of Nikolai Leskov // Hale D.J., Ed. The Novel: An Anthology of Criticism and Theory 1900-2000. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2006.
- Girfanova K., Cheremisina Harrer I., Bobrova G. Reception of N.S. Leskov's Religious and Philosophical Worldview in English-speaking Critic // Procedia – Social and Behavioral Sciences 206 (2015). P. 410-415.
- Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914, Frankfurt am Main, Berlin, Bern u.a. 2002.
- Kucherskaya M. Literary Borrowing in the Work of N.S. Leskov: A Case Study of The Spendthrift // The Russian Review 75 (January 2016). P. 67–85.
- Monk R. Wittgenstein. Das Handwerk des Genies, Stuttgart: Klett-Cotta, 2004.
- Sperle I.C. The Organic Worldview of Nikolai Leskov. Studies in Russian Literature and Theory/Studies of the Harriman Institute. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2002. 288 p.
- Wigzell F. Nikolai Leskov, Gender and Russianness // Gender and Sexuality in Russian Civilization, ed. by Peter I. Barta. London: Routledge, 2001. P. 105-120.

Keller Андрей Викторович, доктор философии, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); a.v.keller@urfu.ru

475 steps to a different world, or an image of a foreign entrepreneur in the works by N.S. Leskov

Literary works that integrate intellectuals of various social strata into communicative efields help measure “public opinion” and even “passions” that surrounded the topic of foreigners in Russia, and innovations in technology, dress style and cultural practices introduced by them.. The oeuvre of N.S. Leskov offer us rich material for research into the subject of foreign entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th century. Stories such as 'Levsha', 'The Islanders', 'Iron Will', and many others make clear the multi-sided and contradictory relationship which the author had with themes of intercultural communication and adaptation to new cultural and social practices.

Keywords: N.S. Leskov, foreign entrepreneurs, foreigners, 'us' and 'the other', craftsmen, Russification, integration

Andrei Keller, Dr. phil. (Albert-Ludwigs-Universität Freiburg im Breisgau/Germany), senior research fellow, Ural Federal University, Institute for the Arts and Humanities, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ekaterinburg, Russia, a.v.keller@urfu.ru

АМЕРИКАНСКИЙ ТЕАТР МЕНЕСТРЕЛЬ-ШОУ В XIX в. ЖИЗНЬ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПАМЯТЬ

Статья посвящена менестрель-шоу – форме народного театра, популярной в США XIX в., и направлена на выявление роли художественной реальности в конструировании реальности социальной (идентификационные модели, перцепции, память о прошлом). Автор исходит из того, что, взяв группу функционально однородных текстов, можно рассмотреть ее как один текст и составить описание языка американских менестрель-шоу на различных текстуальных уровнях, уделяя особое внимание повествовательным, идеологическим и миро-структурам. Проведенное исследование позволяет: 1) определить коммуникативные стратегии и тактики в становлении идентификационных моделей США; 2) рассмотреть возникновение долгосрочных расовых стереотипов восприятия афроамериканцев; 3) объяснить, как изменение в восприятии художественной реальности формирует мифологическое мышление и одновременно активизирует историческую память о Юге США.

Ключевые слова: США, Юг, менестрель-шоу, семиотика, историческая память

В 1939 г. Агата Кристи опубликовала роман “Ten Little Niggers”, главные герои которого умирают согласно детской считалочке. Впрочем, считалочка не была придумана британской писательницей, а позаимствована ею из менестрель-шоу¹ – народного американского театра, высмеивающего образ жизни и стиль мышления темнокожего населения Америки. Из соображений политкорректности в США роман вышел под названием «И никого не стало» (1940), хотя в то время всё еще действовали законы о расовой сегрегации, названные по имени Джима Кроу – комического персонажа всё того же менестрель-шоу. В процессе данного социокультурного столкновения Белой и Черной Америки обозначился сдвиг между текстами, помещенными в культурно-историческую память, и актуальными кодами, эти тексты расшифровывающими. В США задействовали культурное наследие и поставили его на службу насущных проблем. Все как в рассказе Борхеса², герой которого Пьер Менар дословно переписал «Дон Кихота»: контекст эпохи трансформировал аутентичный содержательный смысл и исторический момент сформировал новые языковые значения. В исследовании менестрель-шоу меня будет интересовать именно вопрос о том, как культура моделирует реальность, способности ее прочтения и память о прошлом.

Менестрель-шоу стали предметом исторического анализа в 1960–1970-х гг. Прежде всего, ученых интересовал социальный аспект. По их мнению, театральные представления были призваны поддерживать

---

¹ Coughlan 2001. P. 438.

² Борхес 2014. С. 192-210.

идею расизма и превосходство Белой Америки. Р. Толл полагает, что менестрель-шоу стали симптомом своего времени в рамках социального и культурного контекста в США XIX в.³ В свою очередь, А. Сэкстон прослеживает причины популярности менестрельных постановок через политику джексоновской и неоджексоновской (современной) демократии и созданного ими определенного сознания рабочего класса, а Х. Натан видит в зарождении и развитии менестрельного движения роль личности и индивидуальных инициатив, отвечавших вызовам времени (харизма артистов, предприимчивость коммерсантов и др.)⁴.

С 1990-х появились новые подходы. Утвердилась идея нестабильности, амбивалентности, неоднозначности менестрель-шоу, выраженных в диалектическом противоречии. В зависимости от класса и расы, а также исторических и культурных обстоятельств, менестрель-шоу выполняло ту или иную социально-политическую функцию. Эта идея нашла воплощение у Э. Лотта, выделившего оппозицию Любви и Воровства как постоянный конфликт общественных сил. С одной стороны, менестрели обозначили культурную эксплуатацию темнокожих белыми, с другой – являли пример социальной диффузии и торжества Черной Америки⁵. У. Лэмон использовал образ утка-кролика Витгенштейна для сравнения с возможностью менестрель-шоу обеспечить наложение друг на друга двух идентичностей, преобразовав их в нечто третье⁶. Современная историография направлена на анализ ранее выработанных подходов, ставя вопрос о правомерности анализа социальных явлений через художественные репрезентации⁷. Историков волнуют проблемы расизма, социального взаимодействия и идентичности. При этом на периферии внимания остается историческая поэтика в широком смысле слова: устройство художественного текста, жанровая специфика, внутренние закономерности и особенности. Между тем, разработка концепции менестрель-шоу как художественного произведения может способствовать иному взгляду на современную культуру США в целом.

Две структурные особенности сформировали методологию данного исследования. Во-первых, театру менестрелей свойственно отношение к зрителю (реципиенту) как носителю определенного языка, т.е. коммуникационной системы, которая пользуется упорядоченным особым образом знаками⁸. Такое предписывание интерпретации, понимания и отношения к зрителю менестрель-шоу можно назвать опережающей интертекстуальностью. Наличие такой пресуппозиции позволяет, с

---

³ Toll 1974.

⁴ См.: Saxton 1975; Nathan 1962.

⁵ Lott 1995. P. 141

⁶ Lhamon 2000. P. 137.

⁷ Mahar 1998. P. 192, 347.

⁸ Лотман 2015. С. 15.

одной стороны, определить идентификационную соотнесенность коммуницирующих индивидов (Свой, Другой, Чужой), с другой – выявить общие для языка коды, смыслы, а также роли, которые в ходе коммуникации управляются стереотипами восприятия. Во-вторых, менестрель-шоу как художественное произведение имеет заранее заданную структуру и стремится привести в соответствие изображаемое со знакомым зрителю набором правил: построение произведения оправдывает зрительские ожидания, а не ломает их. Несоблюдение установленных канонов означало бы низкое качество произведения⁹. Поэтому менестрель-шоу состоит из *loci communi* (общих мест), которые включают фиксированных персонажей, устойчивые повествовательные стратегии, строгий набор сюжетных вариаций. Непохожесть одного менестрель-шоу на другое определяется возможностью произвольного комбинирования в заданных рамках и элементами импровизации.

Описанные особенности навели на мысль рассмотреть менестрель-шоу как один текст и представить модель (язык описания) данного театрального жанра, следуя логике Ю.М. Лотмана: «Если мы возьмем большую группу функционально однородных текстов и рассмотрим их как варианты некоего одного инвариантного текста, сняв при этом все «внесистемное» с данной точки зрения, то получим структурное описание языка данной группы текстов»¹⁰. Помимо прочего, подобный подход полезен, так как позволит выделить те элементы менестрель-шоу, которые были заимствованы многими другими развлекательными жанрами (водевиль, спиричуэлс, хип-хоп и др.)¹¹.

Исходя из этого, целью данного исследования является создание семиотической типологии американского театра менестрелей, выявление основных кодов и универсальных признаков общей системы¹². Для реализации такой методологической схемы Ю. Лотман предлагает выстроить иерархию, смешивание уровней текста в которой недопустимо¹³. Вместе с тем, я разделяю мнение, что, во-первых, уровни текста непосредственно связаны друг с другом (реверсивное движение), а во-вторых, догадки относительно более высоких уровней текста могут быть сделаны на уровнях низких, поскольку процесс порождения текста не является линейным, строго логичным и временным (дискуссия о соотношении плана содержания и плана выражения здесь опускается).

---

⁹ Менестрель-шоу обнаруживает схожие черты с комедией дель-арте, где стандартизированы персонажи, их поведение и т.д.

¹⁰ Лотман 2015. С. 25.

¹¹ Manning 2013.

¹² Ж. Вирагос представил типологию знаков в менестрель-шоу, выделив крупные группы знаковых систем, включающие частные их вариации: структурные знаки; жанровые; эстетические; лингвистические; физические (Virágos 2005).

¹³ Лотман 2015. С. 75-76.

Менестрель-шоу будет рассмотрено на трех уровнях¹⁴: *повествовательные структуры* (макровоисказывания фабулы, включающие темы, мотивы и нарративные функции); элементарные *идеологические структуры* и *миро-структуры* (матрица мира, приписывание истинных ценностей, суждения о взаимной доступности миров, опознание пропозициональных установок). Последовательный анализ выделенных уровней текста позволит определить основные топики, их идеологическую нагрузку и корреляцию с представлениями о мире¹⁵.

Приступая к анализу менестрель-шоу, стоит также оговорить вопрос политкорректности. Менестрель-шоу напрямую связано с популяризацией в США расизма, бытованием расовых мифов и стереотипов, а также их закреплением в массовом сознании и американской популярной культуре. Не разделяя ксенофобских идей, я, тем не менее, считаю важным, соблюдая принцип историзма, сохранить аутентичные названия и максимально точно перевести их на русский язык.

Менестрель-шоу как явление американской культуры

Менестрель-шоу набирают популярность в XIX в. Первым артистом, который прославился благодаря блэкфейсу¹⁶, был Джордж Вашингтон Диксон. В 1830–1840-х гг. он успешно выступает в образе Зип Куна (Zip Coon) с одноименной песней. Артист изображал темнокожего горожанина, который пытается влиться в белое общество Севера. За Диксоном последовали и другие трендсеттеры жанра, создававшие канонические образы темнокожих: Томас «Дедди» Райс представил персонажа Джима Кроу¹⁷ – нищего слуги и бродяги, Эдвин Пирс Кристи со своим семейным трио и Фрэнсис Леон разработали женские образы мамушек (mammy), служек (wench) и сексапильных мулаток (high yellow или yellar gal), темнокожий артист Уильям Лейн – танцора Джубу, и др. Артистами использовались не только оригинальные образы, но и персонажи, функционировавшие в культуре до этого (например, Самбо – герой рассказа Эдмунда Ботсфорда¹⁸, глуповатый и шутливый раб).

Уникальные эстетические элементы менестрель-шоу формируются в период между 1842 и 1860 гг. и остаются неизменными до 1880-х.

¹⁴ Первые два уровня относятся к интенционалам, третий – к экстенционалам.

¹⁵ Корпус источников обусловлен жанровым разнообразием менестрель-шоу (Махар выделил 19 разных жанров – Mahar 2000) и включает в себя: травелоги (Negro Minstrelsy 1905), периодическую печать (Rossiter 1921), публицистику (Dickens 1842), справочные материалы (Melville 1961; Stowe 1972; Twain 1985), художественную литературу (Hare 1921; Rice 1911), визуальные источники (Varum 1869).

¹⁶ Особый грим, используемый белыми артистами для изображения темнокожих: лицо покрывалось сажей или ваксой, губы красились в красный цвет.

¹⁷ Имя Джима Кроу в США стало нарицательным. До Гражданской войны железнодорожные вагоны для темнокожих называли «вагонами Джима Кроу». Именем этого персонажа были названы и сегрегационные законы (Рубл 2012. С. 66).

¹⁸ Botsford 1808.

Поэтому период 1840–1880 гг. будет рассматриваться как эпоха классического менестрель-шоу. С 1880-х гг. начинается эра «ниггерской песни» (coon-song era): в менестрель-шоу активно эксплуатируется уничижающий образ темнокожего. На рубеже XIX–XX вв. популярность менестрель-шоу стремительно падает, а его элементы заимствуются кинематографом и другими развлекательными жанрами – театр менестрелей рассеивается в американском культурном пространстве.

В начальный период эпохи классического менестрель-шоу (между 1849 и 1854 гг.) закрепляется его трехчастная структура. Обычно представление состояло из вступления, оливо и пародий на плантацию. Тем не менее, подобное разделение носило условный характер, поскольку каждая из частей содержала танцы, песни, инструментальное соло и др. и не была строго регламентирована, а наполнение шоу зависело от возможностей конкретной труппы).¹⁹

Менестрельные песни были старейшим жанром. Изначально увеселительные песни исполнялись в перерывах между актами пьесы, чтобы заполнить паузы, вскоре став одним из основных элементов шоу²⁰. Организаторы стремились включить не только самые популярные на данный момент хиты, но и старые песни²¹. Это определяло не только разнообразие модальности песен (от комичных до сентиментальных), но также отображало широкий спектр тематик (песни затрагивали темы войны, любви, религии и др.) и культурных влияний (культуры фронта, афроамериканцев, ирландское, шотландское и британское наследие). Таким образом, посредством песен менестрель-шоу как форма народного театра отвечало изначально поставленной задаче открыть общую площадку для разных культур и этнических групп.

Во вступлении труппа в полном составе исполняла танец и песню. Оливо (вторая часть менестрель-шоу) содержало танцевальные, музыкальные, акробатические и др. номера (легшие затем в основу водевиля²²) и «пенёчную речь»²³ на выбранную тему: от френологии²⁴ до прав женщин и современной политической обстановки. Основными поджанрами «пенёчной речи» были проповедь и декларация (политическая). Так, например, в псевдо-черной проповеди «Как Адам и Ева стали белыми» рассказывается о том, что Бог создал первых людей чернокожими. После нарушения просьбы Бога не вкушать запретные

---

¹⁹ Mahar 1988. P. 27.

²⁰ Mahar 1998. P. XVII-XIX.

²¹ Wittke 1968. P. 172.

²² Lott 1995. P. 19.

²³ Термин «пенёчная речь» (stump speech) произошел от американской традиции XIX в., когда политические деятели произносили агитационную речь в сельских районах, встав на пень дерева.

²⁴ Псевдонаучная расовая теория, согласно которой все способности человека, его инстинкты и чувства представлены в коре головного мозга.

плоды, Адам и Ева были изгнаны из Эдема. Им было так стыдно за воровство, что они стали белыми²⁵. «Менестрельные шутки» облакались в различные формы: каламбур (игра слов), загадка (вопрос – ответ), гэг (пластический юмор)²⁶ и были основаны на импровизации, хотя некоторые из них и заимствовались из печатных изданий²⁷.

Еще одной важной частью менестрельного представления становился танец, как неотъемлемый элемент афроамериканской культуры. Наибольшей популярностью у зрителей пользовались танцы *волкэраунд* (walkaround), в котором танцоры поочередно исполняли соло, и *кейкволк* (cakewalk) – пародия на плантационные танцы рабов и прообраз будущей лунной походки Майкла Джексона.

Повествовательные структуры: бинарные оппозиции

Повествовательная структура менестрель-шоу неоднородна в силу самой природы данной формы народного театра – представление состоит из множества самостоятельных произведений разных жанров. Именно поэтому повествовательная структура будет рассмотрена как некая абстрактная конструкция, общая для отдельных элементов и коррелирующая с менестрель-шоу в целом. Повествовательная структура менестрель-шоу выделяется наличием постоянных бинарных оппозиций персонажей и дихотомий ценностей²⁸. Они представляют собой универсальные инварианты, включающие более частные их разновидности. Мне удалось выделить десять главных бинарных оппозиций, выстроенных не в иерархической последовательности:

1. Белый – Черный;
2. Мужчина – Женщина;
3. Взрослый – Ребенок;
4. Север – Юг;
5. Город – Плантация;²⁹
6. Свобода – Рабство;
7. Любовь – Насилие;
8. Красота – Уродство;
9. Честность (Верность) – Нечестность (Неверность);
10. Правда – Ложь.

Выделенные дихотомии допускают возможность множественной комбинации. Данные оппозиции образуют смысл самостоятельно. Согласно семиотическому квадрату Греймаса определяются три вида от-

²⁵ Dumont 1899. P. 86.

²⁶ Day 1874.

²⁷ Wittke 1968. P. 159, 167.

²⁸ Я использовал схему, похожую на ту, что была предложена У. Эко при анализе романов О Джеймсе Бонде // Эко 2007. С. 237-286.

²⁹ Оппозиции «Север – Юг» и «Город – Плантация» следует относить к ценностным категориям, поскольку в данных дихотомиях важен определенный набор приписываемых им культурных и этических значений, воплощением которых выступает конкретная локация.

ношений: *противоположность* (непосредственно Белый – Черный); *противоречие* (Белый – Не-Белый – Черный – Не-Черный); *импликация*, или *комплементарность* (Белый – Не-Черный – Черный – Не-Белый)³⁰. Если же рассматривать бинарные оппозиции как свойства (качественные характеристики), мы получим три типа индивидов: 1) Белый (+), Черный (+); 2) Белый (–), Черный (+); 3) Белый (+), Черный (–)³¹. Тип индивида, лишенный обоих качеств Белого и Черного, в менестрель-шоу был невозможен. Каждому типу соответствовала определенная расовая принадлежность: первому и второму типу – негроидная, третьему – европеидная. В итоге, положение трех типов индивидов к трем другим при вариации связей дает нам 27 возможных отношений (Табл. 1). В данном случае комплементарность означает процесс коммуникации как необходимое условие, противоречие – одностороннее непринятие, а противоположность – монополию на истинность.

Таблица 1

Свойства индивида	Раса	Тип отношений		
		Б ₊ Ч ₊	Б _– Ч ₊	Б ₊ Ч _–
Б ₊ Ч ₊	Ч	комплементарность	противоречие	противоположность
Б _– Ч ₊	Ч	противоречие	комплементарность	противоположность
Б ₊ Ч _–	Б	комплементарность	противоположность	комплементарность

Кроме того, смысл порождается в комбинации двух или нескольких пар дихотомий ценностей между собой. Тем не менее, число подобных сочетаний ограничено и строго фиксировано. Поскольку структурные уровни менестрель-шоу находятся в согласии с принципом дополнительности, свобода и инвариантность построения самого представления, в свою очередь, привели к стандартизации героев и закреплению за ними конкретных характеристик и сюжетов. Соответственно, персонажи менестрель-шоу были маркированы определенным образом. Каждый имел внешнюю атрибуцию (специфические для персонажа жесты, диалект, элементы одежды) и внутреннюю атрибуцию (набор типовых ситуаций, черты характера). При этом внутренняя и внешняя атрибуции соотносятся друг с другом в соответствии с принципом калокгагии: доброе всегда прекрасно, злое – обязательно некрасиво и даже уродливо. Так реализуется оппозиция Красота – Уродство. Темнокожие персонажи всегда отрицательные герои, неопрятно одетые, белые – не только положительные, но и внешне приятные персонажи.

Центральная оппозиция в менестрель-шоу – Белый-Черный. С одной стороны, в данной паре реализуются все другие вышеперечисленные ценностные дихотомии, с другой – оппозиция «Белый-Черный»

³⁰ Греймас 2000. С. 153-170; Greimas, Rastier 1968. P. 86-105.

³¹ Hintikka 1973. P. 25.

определяет развитие сюжетов и конфликт персонажей. Наглядным примером реализации данной оппозиции можно считать центральных персонажей менестрель-шоу – *Конферансье* (Interlocutor) и *Крайние* (Endmen), которые открывали театральное представление. Тот *Крайний*, что играл на бубне или тамбурине (tambourine), именовался *Тамбо* (Tambo). Второго *Крайнего* звали *Бонс* (Bones), потому что он гремел на костях (bones), паре колотушек по типу кастаньет. *Крайних* обычно изображали белые, вымазав черной краской лицо. *Конферансье* стоял в центре, *Крайние* сидели по обоим концам полукруглой сцены. *Конферансье* изображал белого представителя высшего класса: хорошо одетого, с поставленной речью, но заносчивого и напыщенного. *Крайние* играли неграмотных темнокожих в залатанных лохмотьях.

В отношениях Конферансье и Крайних есть амбивалентность, выраженная во взаимных претензиях. Со стороны ведущего – наставления по поводу несамостоятельности, безответственности и несерьезного отношения к делу. Численное превосходство темнокожих персонажей над белыми подчеркивает расовое превосходство (дело в качестве, а не количестве) и укрепляет власть белого. Крайние выражают недовольство социальным положением Конферансье в мире белых. Как представителем высшего класса, он заносчив и тщеславен, что становится предметом для насмешек. Высший и низший представители американской социальной иерархии равно ненавистны друг другу, как и среднему классу. Конферансье и Крайних следует считать индивидами второго (Б₊Ч₊) и третьего (Б₊Ч₋) типа, без примеси свойств другой расы.

В данном контексте следует упомянуть и образ *Счастливого негра с плантации* (The Happy Plantation Darky, или Comic Plantation Darky, или Plantation Rustic), который объединял в своем характере образы верного слуги (из-за чего он ошибочно путался с образом дяди Тома) и беззаботного веселого негра, развлекающего белых. Первый образ позднее вошел в сентиментальную линию менестрель-шоу, а второй – стал основой для персонажа Джима Кроу. В обоих своих воплощениях образ счастливого негра с плантации поддерживал миф о южной плантации, где рабы так прекрасно устроили свою жизнь, что и не мечтают о свободе³². Счастливый негр с плантации изображался с физическими недостатками и с неменяющейся довольной гримасой на лице. Беспечность и безответственность в сочетании с детской наивностью были не только маркерами данного образа, но и поддерживали идею патернализма: белый человек как старший брал на себя заботу о неграх как детях (оппозиция Взрослый – Ребенок).

Индивид первого типа (Б₊Ч₊), одновременно обладающий свойствами Белого и Черного, мог быть исключительно темнокожим. Опус-

---

³² Dennison 1981. P. 92.

калась возможность белого персонажа с данными характеристиками: черный мог быть похожим на белого, наоборот – никогда. Кроме того, наблюдается асинхронность манифестации этих свойств. Персонажи, относящиеся к данному типу, характеризуются тем, что положительные качества для белого играли отрицательную роль для темнокожих персонажей. К этому типу следует прежде всего отнести группу персонажей свободных городских рабов. Двумя основными типами северных негров в менестрель-шоу были *Черномазый денди* или *Северный денди* (Dandy Darky / Northern Dandy) и *Черномазый профессионал* (Darky Professional). Последний объединяет сразу нескольких персонажей, обладающих профессиональными навыками врача, юриста или другого образованного человека. Помимо противопоставления Города и Плантации, в образе *Профессионала* реализуется более частная ценностная оппозиция *Профессионала* и *Профана*.

В образе *Денди* проявляются несколько оппозиций ценностей: Свобода – Рабство; Любовь – Насилие; Красота – Уродство; Честность (Верность) – Нечестность (Неверность); Правда – Ложь. *Денди* освобожден из рабства и теперь пытается адаптироваться к жизни в мегаполисе. Подражая белому городскому джентльмену, *Денди* надевает двубортный фрак из легкой ткани и следует аристократическим манерам. Денди не прочь вступить в любовные отношения с женщиной (не всегда эндогамные), которые каждый раз заканчиваются поражением (его избивает либо муж женщины, либо белый человек, часто страж правопорядка). Именно через образ Денди в менестрель-шоу стало развиваться драматическое направление.

Если изначально в третьей части менестрель-шоу актеры труппы, одетые как мамушки (mammies), черномазые (darkies) и негритята (pickaninnies), воссоздавали якобы аутентичные сцены из плантационной жизни Юга, то с началом активной фазы аболиционистского движения в 1850-х гг. эта часть представления стала переходить к менее спорным темам, но сохранив основные характеры афроамериканцев. Так, например, стали популярны постановки по пьесам Шекспира³³, переработанным различным образом. Это мог быть небольшой точный пересказ содержания в поэтической форме (история Гамлета в пяти строфах)³⁴, переработка произведения и исполнение его под популярные мелодии (Принц Датский прыгал как Джим Кроу³⁵) или переложение пьесы на американские «реалии» и персонажей менестрель-шоу (в блэкфейсовой интерпретации «Гамлета» южная мамушка с помощью яда убивает мужа, короля Дании)³⁶. В дополнение к отдельным пьесам

³³ Ray 1960. P. 374-391.

³⁴ Hooley 1865. P. 29-35.

³⁵ Ibid. P. 41.

³⁶ Ibid. P. 43.

также были представлены многочисленные вариации на тему творчества Шекспира в целом. Узнаваемые образы и разные сюжеты объединялись в компилятивные зарисовки. Особый интерес представляют мета-постановки, т.е. менестрель-шоу о самом себе. С одной стороны, метаструктурные описания замыкают структуру, усиливают ее жесткость и замедляют развитие³⁷. Слова, образы, жесты клишируются и начинают самостоятельное бытование в культуре. С другой стороны, подобная самозамкнутость компенсируется открытостью других возможностей. Так, становятся доступны множественные внутриязыковые комбинации, приводящие к многократным повторам, которые укрепляют идеологический базис менестрель-шоу.

Идеология расизма в менестрель-шоу

Принимая интерпретационное решение относительно идеологии менестрель-шоу, зритель затем выяснял вопрос о правдоподобности повествуемых событий. Данную последовательность мы сохраним: сначала будут рассмотрены идеологические структуры – содержательные аналогии мироструктур, а затем и сами представления о мире.

Идеология расизма в менестрель-шоу выражена несколькими планами: пространством, жанровой спецификой, повествовательными структурами, языковыми особенностями.

Пространство менестрель-шоу можно разделить на внешнее и внутреннее. Внешнее пространство включало рекламную кампанию в преддверии театрального представления: анонсы в газетах, распространение партитуры, плакаты на улицах города и проведение парада. Марш участников шоу проходил под дробь барабана. Шествие обычно останавливалось у мэрии или здания театра, где артисты давали небольшое зазывающее горожан представление³⁸. Внутреннее пространство менестрель-шоу поддерживало идею расового превосходства. Пространство было организовано полукруглой сценой, которая демонстрировала иерархическое положение артистов. Подобная форма не только позволяла симметрично расположить музыкантов, сделав акцент на центральных банджо и скрипке, но и провела разделение между сидящими неграми (*darkies*) и стоящим *Конферансье* (белым). Такое расположение служило для представления расовых, культурных и классовых различий изображаемых персонажей. Таким образом, идеология расизма закреплялась как в горизонтальном сечении (эпицентр (центральное положение белых) – периферия), так и в горизонтальном (положение стоя как доминанта над сидящими темнокожими).

Фразеологический план также соотносится с планом идеологии. Речевые характеристики могут выражать как конкретную социальную

³⁷ Лотман 1992. С. 16.

³⁸ Paskman 1928. P. 24.

позицию, так и мировоззрение³⁹. Был создан особый диалект, имитирующий наречие темнокожих. Народная культура создавала диалекты и ранее. Языковые маркеры помогали зрителю отличать персонажей разной национальности (немцы, ирландцы и др.) и места проживания (городские жители, провинциалы), т.е. определяли идентификационные модели персонажей. В менестрель-шоу диалект чернокожих характеризуется грамматическими и фонетическими ошибками, а также общим преувеличением имеющихся или предполагаемых особенностей языка чернокожих. Наиболее распространённые грамматические искажения произошли в следующих направлениях: использование личных местоимений вместо притяжательных; неоднократное повторение подлежащего в одном предложении; использование прошедшего времени вместо настоящего; частое упущение глагола-связки «быть». Другие лексико-стилистические особенности диалекта темнокожих в менестрель-шоу – малапропизмы (неверная замена одного слова другим) и омонимы (употребление различных по значению, но одинаковых по звучанию и написанию слов). Все эти искажения имели не только комический эффект, они социально стратифицировали персонажей.

Повествовательная структура неизбежно связана с идеологической нагрузкой произведения. Расизм проявляется в описанных бинарных оппозициях, которые выстраиваются в четкую иерархию ценностных установок (аксиология произведения). Но стоит отметить и особенности развития сюжета. Побуждающее происшествие (завязка), которое должно лишить персонажа менестрель-шоу равновесия и вызвать у него потребность его восстановить, всегда выносится за скобки. Это происходит потому, что побуждающее происшествие и так очевидно зрителю: это расовая принадлежность. Темнокожие герои поступают так, как поступают, поскольку не имеют выбора действовать иначе. Они крадут не потому, что они бедны (хотя таковыми и являются), а потому что они не могут не красть. Персонажи обречены на провал, но именно его и ожидает увидеть зритель. Данная тенденция закрепляла восприятие темнокожих, что повлияло на жанровую специфику менестрель-шоу. Если в период расцвета американского народного театра комические персонажи менестрельных песен определяли поджанры и можно было выделить песни про плантационных негров, чернокожих денди, безобразных негритянских женщин, хулиганов и темнокожих солдат (контрабандистов и дезертиров), то с конца 1880-х гг. поджанры менестрельных песен различались тематически и фокусировались больше на общих расовых стереотипах, нежели на характерах темнокожих персонажей: азартные игры, воровство, поедание арбуза и др.⁴⁰

---

³⁹ Успенский 1995. С. 28.

⁴⁰ Dennison 1981. P. 126.

Кроме того, в менестрель-шоу изменилась временная категория. Во-первых, образы кочуют и повествование разворачивается во времени, не связанном с другими менестрельными историями. Персонаж совершает действие, и история заканчивается, но следующее шоу не продолжает предыдущие приключения героя, а начинает новые. Так, образы темнокожих стали вневременными, а сюжет – нерасходуемым. Подобное неподвижное настоящее мифологизирует темнокожих персонажей менестрель-шоу и лишает зрителя необходимой свободы замыслов и ответственности за них⁴¹, что отразится на искаженном выстраивании мироструктур, речь о которых пойдет ниже. Во-вторых, повторяющийся характер песен и практика переработки менестрельных песен разными труппами к 1880-м гг. окончательно закрепили расовые стереотипы за темнокожими персонажами. После окончания Реконструкции Юга регион не смог окончательно встроиться в общеамериканское пространство и обрел региональную автономию и культурную самобытность. Вместе с этим за пределы Юга вышла проблема расизма, отлитая в готовые формы восприятия мира.

Мироструктуры менестрель-шоу: искусство как жизнь

Отдельного рассмотрения требует проблема соотношения художественного мира и внехудожественной реальности. В данном случае нас интересует два вопроса: с одной стороны, взаимопроникаемость (доступность) мира фабулы⁴² (представленный художественный мир) и мира референции (мир реальный)⁴³ как практики восприятия продуктов культуры, с другой – реализация этой доступности. Если в первом случае мы говорим о понимании вымышленного мира (как устроен этот мир и похож ли он на мир реальный), то во втором – о действительной способности зрителя к его воспроизведению, конструированию и восприятию как мира реального (например, когда вымышленному факту приписывается истинное значение).

Рассмотрим взаимную доступность нарративного мира и мира референции. Отношения между ними могут быть 4-х типов: 1) отношение бинарное, но не симметричное; 2) бинарное и симметричное; 3) бинарное и транзитивное; 4) бинарное, транзитивное и симметричное⁴⁴. Бинарность означает саму возможность доступности миров, симметричность – их эквивалентность и качественную полноту⁴⁵ по отношению друг к другу, транзитивность – соответственное отношение равенства.

---

⁴¹ Эко 2007. С. 192.

⁴² Синонимично термину «мир фабулы» будут также использоваться понятия «нарративный мир» и «воображаемый мир».

⁴³ Следуя конструктивистскому подходу, я буду рассматривать мир референции как конструкт культуры.

⁴⁴ Эко 2007. С. 399.

⁴⁵ Соответственное наличие существенных свойств при возможном отсутствии некоторых акцидентных характеристик.

В период становления менестрель-шоу (до 1880-х гг.) доступность воображаемого мира и мира реального была бинарной, но не симметричной. Пространство менестрель-шоу не было чуждым зрителю: места и персонажи казались знакомыми, но театральные постановки вырабатывали собственные оригинальные формы, в которые обрамляли мир референции. Главным образом это обнаруживается в явлении мимикрии.

В менестрель-шоу мимикрия подразумевает как неформальное выражение элементов коммуникации (повествование неформально подразумевает идею расизма), так и имитацию без подлинности изображаемого (диалект чернокожих). Зритель соглашался принять условность мира, изображаемого в менестрель-шоу. Это касалось и блэкфейсовой традиции вымазывать лицо черной краской, изображая темнокожих, и приписывания черт белого черному (профессионал, джентльмен, городской житель). Имитировать «черноту» приходилось и афроамериканцам. Так, темнокожий артист Томас Дилвард скрывал свою расовую принадлежность, вымазывая лицо жженой пробкой. Аналогично литературные персонажи, вроде дяди Тома, встраивались в пространство менестрель-шоу и функционировали в нем как жизненные прообразы. Кроме того, само противопоставление бинарных оппозиций на уровне взаимной доступности миров говорит о невозможности проникновения черного мира в белый. Обратная же интеграция (стремление белых приобщиться к афроамериканской культуре) казалась столь нереальной, что ее возможность даже не рассматривалась. Хотя именно театр менестрелей дал площадку для культуры Черной Америки и проложил путь к интеграции афроамериканцев во время Гарлемского Ренессанса – периода расцвета негритянской культуры в США 1920–1930-х гг.

С 1880-х гг. в менестрель-шоу доступность миров становится еще и симметричной: образы теряют свое значение, а предпочтение отдается схожести изображаемого с реальным источником. В этом смысле особое значение в менестрель-шоу приобретают такие средства художественной выразительности как пародия и гротеск.

Пародирование – явление амбивалентное, поскольку всегда создает «мир наизнанку» (своего развенчивающего двойника), но пародия не является «голым отрицанием пародируемого»⁴⁶. Примечательно, что танцы шингл и кейкволк изначально были насмешливым подражанием движениям белых, а в менестрель-шоу пародирование чернокожих стало в итоге пародией на самих белых. Кроме того, пародия определяет модальность в восприятии мира и приписывает истинностные значения: одновременное представление о норме и девиантности, создание матрицы ожиданий и их несоответствие, введение правил и отклонения от них. Преимущественно это касалось разграничения Черной и Белой

---

⁴⁶ Бахтин 1994. С. 336.

Америк. Хотя последняя социально стратифицировалась (городские жители – провинциалы и др.), но не являлась объектом высмеивания.

Что касается гротеска, то в менестрель-шоу он применим к персонажам, ситуациям, темам и даже жестам, и проявляется на разных уровнях: идеологическом, социальном, художественном. Гротеск представляет определенный метод художественной репрезентации объекта в искаженном виде, намеренно парадоксально сочетающем оппозиции прекрасного и уродливого, серьезного и смешного, вымышленного и истинного. Как форма мировоззрения гротеск предполагает сочетание реального и фантастического не только в рамках художественного пространства менестрель-шоу, но и за его границами, в мире реальном. Степень реальности и фантастичности определяется компетенцией зрителя в знании мира нехудожественного. Зритель XIX века знал, что любовные отношения или брак для рабов были довольно неопределенным делом, поскольку подобный союз не имел юридической силы: он де-факто имел место, но продажа рабов не предполагала сохранения института семьи темнокожих. Поэтому в менестрель-шоу фантастичными (в сравнении с миром реальным) кажутся сюжеты о любви рабов и их ревности друг к другу. При этом каждый раз конфликт разрешается для героев отрицательно, подтверждая нереальность подобной истории во внехудожественном мире. Механизм восприятия зрителем художественного произведения соответствующим образом изменил способ рецепции окружающей действительности.

Здесь мы подходим к пониманию проблемы взаимодействия искусства и действительности. Степень диффузии и подвижки границы двух областей зависят от выбора объектов культурной памяти. Вслед за ними сменяются культурные коды, которые трансформируют не только состав текстов, но и сами тексты⁴⁷. Существует три возможных варианта: 1) художественный мир и реальность рассматриваются как две принципиально различные области человеческой деятельности (условно можно обозначить как классицизм); 2) реальность воспроизводит художественные элементы в действительности (романтизм); 3) искусство стремится быть похожим на жизнь (реализм)⁴⁸.

Если в классическом менестрель-шоу отношения между изображением и выражением в постановках определяются не подобием, а зрительской конвенцией, а значит художественное и внехудожественное пространства отделены и не могут взаимопроникать, то те изменения, которые менестрель-шоу претерпело в 1880-х гг., говорят о смене границы между миром искусства и внехудожественной реальности. Преобладало романтическое восприятие, которое конструировало реальность, приводя ее в соответствие с реальностью художественной: расо-

⁴⁷ Лотман 1992. С. 200-202.

⁴⁸ Лотман 2014. С. 238-240.

вые стереотипы перестали быть частью театрального представления и предметом развлечения – они стали моделями сознания и восприятия темнокожих, чему во многом способствовала стремительно развивающаяся американская литература. Образы менестрельных темнокожих использовали Гарриет Бичер-Стоу, Марк Твен, Герман Мелвилл и др. Именно созданному в менестрель-шоу образу темнокожих противостояло движение Нового Негра эпохи Гарлемского Ренессанса.

***

В заключение проясним некоторые моменты, которые имплицитно присутствуют в данном исследовании и были выражены в логике построения работы. *Во-первых*, прошлое формирует настоящее. Как уже отмечалось, менестрель-шоу выработали значительные надтекстовые комплексы, т.е. определенное пространство дочерних смыслов. Рассеявшись в культуре, сумма этих множественных значений вступают в отношения с памятью нации и в различных контекстах функционируют в американской культуре как готовый ответ на вызовы времени. *Во-вторых*, настоящее формирует прошлое. В этом проявляется амбивалентность менестрель-шоу: для Белой Америки театральные постановки служили подтверждением идеи расизма, для Черной – способом борьбы с социальной и культурной сегрегацией. При этом менестрель-шоу всегда включало оба смысла. Напоминание об одном из них неизменно актуализировало другой, будь то линчевание темнокожих или борьба афроамериканцев за гражданские права.

Сначала было раскрыто значение менестрель-шоу как культурно-го явления, затем – как феномена исторического, в синтезе же – менестрель-шоу сформировало способы прочтения мира, парадоксальным образом став не только воспоминанием, но и его носителем одновременно. Поскольку способы рассказывания о жизни суть способы видения жизни, то весь мир Америки – театр, и люди в нем – менестрели.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. 511 с. [Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. Kiev, 1994. 511 s.]
- Борхес Х.Л.* Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // История вечности. М., 2014. С. 192-210. [Borges H.L. P'er Menar, avtor «Don Kihota» // Istorija vechnosti. M., 2014. S. 192-210]
- Греймас А.-Ж.* Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 153-170. [Grejmas A.-Zh. Razmyshlenija ob aktantnyh modeljah // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu. M.: Progress, 2000. S. 153-170]
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: Azbuka, 2014. 544 с. [Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVII – nachalo XIX veka). SPb.: Azbuka, 2014. 544 s.]
- Лотман Ю.М.* О семиосфере // Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 472 с. [Lotman Ju.M. O semiosfere // Izbrannnye stat'i v 3 t. T. 1. Tallin, 1992. 472 s.]
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи в трёх томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 200-202. [Lotman Ju.M. Pamjat' v kul'turologičeskom osveshhenii // Izbrannnye stat'i. T. 1. Tallin: Aleksandra, 1992. S. 200-202]

- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с. [Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. SPb.: Azbuka, 2016. 704 s.]
- Рубл Б.А.* Вашингтонская U-street. М.: Московская школа политических исследований, 2012. 424 с. [Rubl B.A. Vashingtonskaja U-street. M., 2012. 424 s.]
- Успенский Б.А.* Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с. [Uspenskij B.A. Semiotika iskusstva. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. 360 s.]
- Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с. [Jeko U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta. SPb.: Simpozium, 2007. 502 s.]
- Barnum P.T.* Struggles and Triumphs; or, Forty Years' Recollections of P.T. Barnum. Hartford, CT: J.B.Burr, 1869. 780 p.
- Botsford E.* Sambo and Toney: A Dialogue in Three Parts. s.n., 1808. 36 p.
- Coughlan T.* Now Shoon the Romano Gillie: Traditional Verse in the High and Low Speech of the Gypsies of Britain. Cardiff: University of Wales Press, 2001. 486 p.
- Day C.H.* Fun in Black; or, Sketches of Minstrel Life. NY: Robert M. De Witt, 1874. 70 p.
- Dennison S.* Scandalize My Name: Black Imagery in American Popular Music. NY: Garland Publishing, 1981. 620 p.
- Dickens C.* American Notes for General Circulation. NY: Harper & Brothers, 1842. 92 p.
- Dumont F.* The Witmark Amateur Minstrel Guide and Burnt Cork Encyclopedia. N.Y. etc.: M. Witmark & Sons Co., 1899. 177 p.
- Greimas A.J., Rastier F.* The Interaction of Semiotic Constraints // Game, Play, Literature. 1968. № 41. P. 86-105.
- Hare W.B.* The Minstrel Encyclopedia. Boston: Walter H. Baker, 1921. 222 p.
- Hintikka J.* Logic, Language-Games and Information. Oxford: OUP, 1972. 304 p.
- Hooley R.M.* Hooley's Black S/tar Songster: Containing a Rich Variety of Amusing, Humorous, Comic, Dry, Droll, Patriotic, and Beautiful Sentimental Songs, All Adapted to Well Known Popular Tunes. NY: Robert M. De Witt, 1865. 72 p.
- Lhamon W.T.* Raising Cain: Blackface Performance from Jim Crow to Hip Hop. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2000. 288 p.
- Lott E.* Love and Theft: Blackface Minstrelsy and the American Working Class. NY: Oxford University Press, 1995. 328 p.
- Mahar W.J.* "Backside Albany" and Early Blackface Minstrelsy: A Contextual Study of America's First Blackface Song // American Music. 1988. № 6. P. 1- 27.
- Mahar W.J.* Behind the Burnt Cork Mask: Early Blackface Minstrelsy and Antebellum American Popular Culture. Champaign: University of Illinois Press, 1998. 472 p.
- Manning H.J.* Michael Jackson and the Blackface Mask. Farnham: Ashgate, 2013. 204 p.
- Melville H.* Billy Budd and Other Tales. NY: New American Library, 1961. 336 p.
- Nathan H.* Dan Emmett and the Rise of Early Negro Minstrelsy. Norman: University of Oklahoma Press, 1962. 496 p.
- Negro Minstrelsy, a Collection of Magazine and Newspaper Clippings. NY, 1905.
- Paskman D.* "Gentlemen, Be Seated!" A Parade of the Old Time Minstrels. NY: Doubleday, Doran, 1928. 247 p.
- Ray B.* Brown, Shakespeare in American Vaudeville and Negro Minstrelsy // American Quarterly. 1960. №12. P. 374-391.
- Rice E.L.* Monarchs of Minstrelsy from "Daddy" Rice to Date. NY: Kenny Publ., 1911. 430 p.
- Rossiter H.* How to Put on a Minstrel Show. Chicago: Max Stein Publishing House, 1921. 48 p.
- Saxton A.* Blackface Minstrelsy and Jacksonian Ideology // American Quarterly. 1975. № 27/1. P. 3-28.
- Stowe H.B.* Uncle Tom's Cabin. London: Dutton Adult, Everyman's Library, 1961. 456 p.
- Toll R.C.* Blacking Up: The Minstrel Show in Nineteenth-Century America. NY: Oxford University Press, 1977. 320 p.
- Twain M.* The Adventures of Huckleberry Finn. NY: Dover Publications 1985. 224 p.
- Virágos Z.* Signifying in Blackface: The Pursuit of Minstrel Signs in American Literature. Ph.D. Dissertation. 2005. 248 p.
- Wittke C.* Tambo and Bones: A History of the American Minstrel Stage. Durham, North Carolina: Duke University Press, 1930. 269 p.

Прокопенков Георгий Юрьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ; gprokopenkov@yandex.ru

**American minstrelsy theatre in the 19th century
Life, artistic reality, memory**

The article is devoted to the minstrel show – a popular form of folk theatre in the United States of America in XIX century. The study is undertaken for the first time in domestic American studies and it aims to define the role of the artistic reality in constructing the social reality (identity models, perceptions, historical memory). The author proceeds from the assumption that a group of functionally homogeneous texts can be considered as a single text. This approach gives a description of the American minstrelsy language on various textual levels. In this case the special attention is paid to the narrative, ideological and world structures. This study allows to: 1) define the communicative strategies and tactics in developing of the US identity models; 2) consider the origin of the long-term racial stereotypes of African Americans; 3) explain how a change in the perception of the artistic reality forms the mythological thinking and at the same time activates the historical memory about the American South.

Keywords: USA, South, minstrel show, semiotics, historical memory

Georgy Prokopenkov, PhD student, Department of General History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; gprokopenkov@yandex.ru

А. А. САЛЬНИКОВА

**КОНСТРУИРОВАНИЕ «ДЕТСКОГО» ПРОСТРАНСТВА
СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1917–1927 гг.
(к постановке проблемы)**

В статье представлены некоторые подходы к изучению истории детства через изучение истории городского пространства. В центре внимания находится процесс конструирования отдельных «детских локусов» в пространстве советского города первого послеоктябрьского десятилетия и вписывания ребенка в новый городской пространственный контекст. Особый акцент сделан на знаково-символических проектах, выполненных в духе романтического революционаризма тех лет и носящих преимущественно «бумажный» характер. Проанализирована специфика репрезентации нового советского города в детской целевой аудитории – на страницах журнала «Мурзилка» середины 1920-х гг.

Ключевые слова: история детства, история города, детское пространство, детские журналы, Советская Россия / СССР, 1917–1927 гг.

«Изменить жизнь», «изменить общество» –
все эти слова бессмысленны, если нет производства
соответствующего пространства.

Анри Лефевр (1974)

История формирования, наполнения и организации различных видов пространств – физических, социальных, политических, культурных, ментальных – была и остается принципиально важным аспектом современной социогуманитаристики. Одним из особых по своей значимости и специфичности пространств является пространство города, которое, будучи местом приложения и воплощения различных видов власти (М. Фуко), выступает в то же время как место приложения и реализации отдельных и обособленных практик повседневности и стилей жизни, сплавленных в едином «плавильном котле». Это пространство одновременно объединяет и разъединяет, цементирует и фрагментирует, сплачивает и противопоставляет¹.

Городское пространство есть система пространств, или локусов, представляющих собой не только пространственную специфику и пространственные ограничения в повседневном бытовании горожан, но и структурирующих их жизнь в соответствии с представлениями о норме / не-норме и (или) с реальным состоянием социума. Исследование этого гетерогенного, микшированного пространства предполагает рассмотрение его в целостном единстве, но в то же время его спецификацию,

---

¹ Отсюда и констатация неизбежной политизации и наличия «асимметричных войн городского пространства». (Термин введен С. Сассен в 2004 г. См.: *Sassen* 2006. P. 220; *Сассен* 2007).

которая может быть осуществлена по разным основаниям. Мы взяли за основу категорию «возраст», что позволяет не только выделить в пространстве города подчас существенно отличающиеся друг от друга системы локусов, предназначенных для городского населения различных возрастных групп, освоенных и присвоенных (либо, напротив, отвергнутых или проигнорированных) им, но и проследить обусловленную возрастом динамику такого освоения, присвоения и отторжения, так как понятно, что город в целом и город как некая совокупность «возрастных» пространств не идентичны. Динамика освоения городского пространства ребенком характеризуется процессами адаптации, узнавания и освоения новых пространств и идет от познания тела (*corpus*) через познание внутреннего мира дома или квартиры (*domus*) к познанию публичных пространств (*locus*) – детский сад, детская площадка, школа, дом пионеров и т.д. Очевидно, что в этом случае освоение все более масштабных пространств происходит параллельно процессам обучения, воспитания и социализации и стремится в конечном итоге к освоению городского пространства в целом. У старших возрастных групп этот процесс идет по нисходящей, однако память о городском пространстве прошлого, в особенности о городском пространстве детства и юности, сохраняется, как правило, прочно и надолго (если, конечно, исключить возрастные психофизиологические отклонения).

Проблема конструирования детского пространства / пространств² стояла перед воспитателями с момента «открытия» самого детства. В данном случае, используя понятие детского пространства, мы отнюдь не сводили его к чисто географическим и тем более «контейнерным» представлениям. Мы трактовали его (по П. Бурдьё) как пространство социальное, как место проникновения власти в конкретный локус социальной жизни, как область формирования новых ценностей и норм детства посредством приложения и осуществления особых властных технологий. В то же время мы учитывали тот факт, что пространство социальное всегда стремится к воплощению в пространство физическое, а любое физическое пространство требует особой организации и композиции. Вот почему архитектура и городской ландшафт представляются столь важными при изучении истории и культуры детства.

По происхождению, содержанию и наполнению можно выделить пространства чисто «детские» и пространства, разделяемые детьми со взрослыми при наличии разных или тождественных ролевых функций (как за счет внесения «детской» компоненты в изначально «недетское» пространство, так и за счет присутствия взрослых в пространстве «детском»); пространства, созданные самими детьми (подчас «секретные»³),

---

² Под «детским пространством» автор понимает систему пространств (локусов), освоенных и присвоенных детьми.

³ О них см. подробно: *Осорина* 2011.

и пространства, целенаправленно сконструированные для них взрослыми (обучающие, воспитательные, досуговые, пенитенциарные, медиализирующие). Но наиболее очевидным, особенно применительно к рассматриваемому периоду, является разделение детских пространств на пространства реальные, физически существующие, и имагинальные, воображаемые, на сказку и быль, конструкт и реальность.

На первый взгляд, представляется, что исследование процесса формирования советского детского пространства могло бы быть гораздо продуктивнее не на раннесоветских материалах, а на материалах более позднего времени, например, периода развитого сталинизма, когда произошли кардинальные изменения в структуре, в повседневной жизни обитателей и посетителей детского пространства в СССР, в отношении и в репрезентации отношения к детям и детству у государства, а через некоторое время – и во всем социуме. На протяжении 1930-х гг. городское детское пространство неуклонно расширялось за счет привнесения детской составляющей (детские комнаты, уголки, площадки) в структуру изначально «недетских» локусов (больницы для взрослых, магазины «недетских» товаров, вокзалы и проч.), что способствовало изменению содержания и наполнения этого понятия. Однако в действительности проблема создания нового детского пространства занимала существенное место в стратегических планах большевиков уже с момента установления советской власти⁴. Такое «терапевтически полезное пространство» (М. Фуко) оказалось особо востребованным в раннесоветский период, когда школа, детский сад, детский уголок, детская площадка, детский дом становились едва ли не первым, а часто – и единственным в жизни маленького человека местом обретения советской идентичности. Другое дело то, что грандиозные, зачастую фантастические проекты по физическому (в частности, архитектурно-художественному и архитектурно-планировочному) наполнению и переустройству детского пространства сталкивались тогда с тяжелейшими экономическими реалиями и потому не могли быть реализованы *a priori*. Но масштаб, размах и смелость творческих замыслов их авторов поистине впечатляет.

Обращение именно к городскому детскому пространству также является не случайным. Город превратился в СССР в главную экспериментальную площадку по разработке, внедрению и «обкатке» смелых социокультурных (в том числе архитектурно-художественных) новаций, и либо по их последующему принятию и повсеместному распространению, либо по полному отказу от них, вплоть до публичного порицания и забвения. Однако изучение пространства раннесоветского города было ориентировано преимущественно на осмысление крупных проектов «для взрослых», творчества выдающихся архитекторов, тогда

---

⁴ Так, среди первых постановлений советского правительства было постановление Наркомпроса РСФСР «О реформе средней школы» от 30 ноября 1917 г.

как архитектурное и дизайнерское решение детского пространства оставалось практически за рамками исследовательских интересов⁵.

Задачи исследования обусловили состав привлеченных источников. Дети, в т.ч. и совсем маленькие, рассматривались властью как важнейшие агенты имплантации советских ценностей в семью. Проблема присвоения ими нового советского городского пространства приобретала, таким образом, политико-идеологический характер. Поэтому, наряду с официальными документами, в статье использованы материалы одного из первых советских детских журналов – журнала «Мурзилка», издававшегося с 1924 г. и ориентированного на детей в возрасте от четырех до семи лет. В ряде случаев в журнале присутствовало и детское виденье советского города (письма в редакцию и рисунки детей).

***

Революция 1917 г. неузнаваемо изменила жизнь российских детей и детское пространство в целом, причем это касалось как «детей хижин», так и «детей дворцов». Существовавшее до той поры детское пространство совершенно не устраивало новую власть, мнящую себя его «врачевателем» (А. Лефевр), не только из-за его «отсталости» и «контрреволюционности», но и в силу неупорядоченности и случайности, на смену которым должны были прийти обоснованность, целесообразность и планомерность. Так, в программе деятельности Отдела планировок, регулирования и постройки городов и селений Управления городского и сельского строительства ВСНХ, принятой 20 сентября 1918 г., говорилось: «Стихийным является образование города как целого. Все смешано самым беспорядочным и случайным образом. Фабрика теснит дома, больница устраивается рядом с конюшней, а школа в одном дворе с товарным складом. Но хаос этот не только внешний – он идет гораздо глубже», он «по существу остается хаосом социальным»⁶.

Уже вскоре после Октября в структуре Наркомпроса формируются специальные отделы (подотделы), отвечающие за формирование «нового» детского пространства. Таковыми были, в частности, созданный в октябре 1918 г. художественно-строительный подотдел отдела ИЗО Наркомпроса⁷ и выделившийся из отдела ИЗО в марте 1919 г. архитектурно-художественный отдел⁸. В проектной и делопроизводственной документации этих отделов отразились как вопросы проектирования зданий, предназначенных для детей, так и проблема вписывания особых «детских зон» в пространство города. Причем наряду с типовыми про-

---

⁵ Одним из немногих исключений является приуроченное к 300-летию юбилею Петербурга издание: *Смирнов* 2003.

⁶ Из истории советской архитектуры. 1963. С. 15–16.

⁷ Этот подотдел первоначально создавался в целях разработки «всех возникающих вопросов школьного строительства в связи с проводимой в жизнь реформой школы». (*Казусь* 2009. С. 290).

⁸ *Казусь* 2009. С. 211.

ектами городских и особенно сельских школ, значительное место среди них занимали т.н. «показательные» архитектурные проекты, выполненные в духе романтического революционаризма, свойственного советской авангардной архитектуре первого послеоктябрьского десятилетия.

Творческий поиск архитекторов тех лет был направлен, в первую очередь, на создание нового художественного образа, насыщенного «революционным пафосом» и устремленностью победивших трудящихся масс в счастливое, светлое будущее⁹. Это касалось, конечно же, и детских учреждений. Функционал этих зданий не ограничивался образовательно-воспитательной сферой. Он предполагал решение гораздо более важных, сакрально символических и коммеморативных задач. Поэтому среди таких технически трудно реализуемых, но зато идеологически насыщенных проектов, многие из которых родились в результате активно проводившихся в тот период архитектурных конкурсов, были и школы–памятники, и школы–дворцы, и даже школы–театры.

В декабре 1918 года смоленские железнодорожники обратились к наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой о выделении средств на постройку в 1919 г. Дворца революции – Дома ребенка. В состав его предполагалось включить детский сад, трудовую школу I и II ступени, «образцовые показательные площадки, поля, луга, мастерские», общежития для детей, учителей, воспитателей и обслуживающего персонала. Дворец предназначался для воспитания «4–5 тыс. детей рабочего класса» в целях увековечивания «исторического дня Октябрьской революции»¹⁰. Последующая разработка этого проекта нашла свое отражение в документах Дошкольного отдела Наркомпроса, предложившего в январе 1919 г. строительство детского сада «в память Октябрьской революции» на 1000 детей¹¹. Ряд проектов мемориальной школы появился в рамках конкурса на проект «трудовой школы–памятника Л.Н. Толстому» в Ясной Поляне (1919)¹². В том же году в Саратове была запланирована постройка школы–дворца по проекту, составленному еще в 1914–1915 гг., но с приданием ему нового, революционного содержания¹³. И такие примеры были не единичны.

---

⁹ Хан-Магомедов 1996.

¹⁰ Из истории советской архитектуры 1963. С. 192.

¹¹ Там же. Подробнее см.: Хазанова 1970.

¹² См: Казусь 2009. С. 296. Однако ни один из 13 представленных проектов, включая и проект известного архитектора И.А. Голосова, не был признан удовлетворительным (Никитина 2007).

¹³ Из истории советской архитектуры 1963. С. 131. В 1911 г., в ознаменование грядущего 300-летнего юбилея дома Романовых, саратовской городской управой был объявлен конкурс на лучший проект школы. Планировалось выстроить несколько школ. Лучшим был признан проект школы-дворца городского архитектора А.С. Калистратова. В 1914–1916 гг. по проекту А.С. Калистратова в Саратове было построено три школы. (Морван 2015).

Пик проектов создания мемориальных школ пришелся на 1924 г. и связан был с увековечиванием памяти В.И. Ленина. 24 июля 1924 года строительный комитет Сормовского исполкома объявил конкурс на создание проекта здания «в духе культурных заветов вождя революции» — школы–театра им. В.И. Ленина. Здание должно было объединить в себе театр на 1750 чел. и школу на 800 учащихся¹⁴. В Казани, в ознаменовании памяти умершего вождя, тогда же планировалось создать мемориальный ландшафтный комплекс «Ленинский уголок». Этот комплекс должен был включать воспитательные и образовательные учреждения для детей и юношества всех возрастов, целенаправленно сосредоточенные вокруг Казанского университета — места, где молодой Володя Ульянов начинал свою революционную деятельность¹⁵.

Однако эти и другие грандиозные планы большевиков по избавлению детского пространства от социально-сословной стратификации и переустройству его на советских началах быстро столкнулись с элементарной нехваткой экономических ресурсов и приземленными реалиями советской повседневности. Несмотря на принятие в октябре 1918 года Положения о Единой трудовой школе в РСФСР, не только о какой-то особой советской образовательной архитектуре, но и о выделении школы в самостоятельный вид общественного строительства не могло быть и речи: в стране шла гражданская война. Да и после ее окончания в 1921 г. молодая советская республика была слишком бедна, чтобы вести строительство новых школ. Все силы были брошены на выживание, на борьбу с разрухой. Смелые, масштабные, но в то же время утопичные проекты школьных и дошкольных учреждений–дворцов оставались достижением «бумажной» архитектуры 1917–1925 гг. и так и не были воплощены в жизнь. Дети в основном учились либо в прежних, дореволюционных школьных зданиях, либо в помещениях, так или иначе приспособленных под них и организованных в пределах традиционных требований классно-урочной системы¹⁶. Эти же здания, наря-

---

¹⁴ *Из истории советской архитектуры 1963*. С. 158.

¹⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-732. Оп.1. Д. 516. Л. 5; Д. 518. Л. 51; Д. 622. Л. 202 об. 206 об. См. также: *Малышева, Сальникова* 2007. С. 134.

¹⁶ Типичным образцом архитектурно-планировочной структуры школьных зданий предоктябрьской России были прекрасно соответствовавшие педагогическим и санитарно-гигиеническим требованиям здания гимназий и реальных училищ, где обучались дети из состоятельных слоев населения. Соответственно, таких зданий было немного, например, в губернской Казани — всего 5. Однако качество их архитектуры было настолько высоко, что и по сей день многие из них (правда, после существенной перестройки и реконструкции) служат главными корпусами высших учебных заведений города (главный корпус Казанского федерального университета, главный корпус Казанского национально-исследовательского технического университета и др.). Для остальных категорий населения типичным школьным зданием было здание церковно-приходского училища, где в огромных классах

ду с аристократическими особняками, часто приспособивались и под воспитательные учреждения: детские дома, приюты, школы–коммуны и пр.¹⁷ В результате зверской эксплуатации многие из богатых аристократических особняков, в которых они были размещены, оказались разрушены и разграблены вплоть до необитаемости¹⁸.

Советские воспитательные подходы и ценности насаждались в школе и других детских учреждениях в тот период прежде всего за счет активного и достаточно масштабного декорирования фасадов и интерьеров символами новой советской культуры (красные флаги и звезды, гирлянды и лозунги, портреты вождей революции, прежде всего, В.И. Ленина и др.). Весь потенциал художественно-архитектурных объединений был задействован на реализацию выдвинутого В.И. Лениным в 1918 г. плана монументальной пропаганды: оформление улиц, площадей и фасадов зданий к революционным праздникам, оформление демонстраций, массовых театрализованных представлений, установка памятников «пламенным революционерам» и памятников, являвших собой обобщенные героизированные образы революции, свободы, борьбы и проч. Закладка таких памятников традиционно сопровождалась митингами, коллективным пением революционных песен, народными гуляньями, в которых, наряду со взрослыми, обязательно принимали участие и дети. Так, сообщая о намеченном на 27 июля 1919 г. открытии обелиска Советской Конституции, воздвигнутого на месте демонтированного памятника генералу Скобелеву на Советской (бывш. Скобелевской / Тверской) площади в Москве, газета «Известия» приглашала принять активное участие в народных празднествах, включающих «гуляния детей и взрослых и летучие концер-

---

площадью в 120 кв. м, носящих многофункциональный характер, одновременно обучались дети разных возрастов (*Прошлое школьных зданий: типовые проекты*).

¹⁷ Многочисленные подтверждения этому находим в мемуарной и художественной литературе с элементами мемуаристики, например, в известной автобиографической повести о беспризорниках Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД» (1926): «На Старо-Петергофском проспекте в Ленинграде среди сотен других каменных домов затерялось облупившееся трехэтажное здание, которому после революции суждено было превратиться в республику ШКИД. До революции здесь помещалось коммерческое училище. Потом оно исчезло вместе с учениками и педагогами... Так и стоял посеревший дом со слезящимися окнами... Но вот однажды тишина здания нарушилась грохотом шагов. Люди в кожанках, с портфелями пришли, что-то осмотрели, записали и ушли. Потом приехали подводы с дровами. Отогрели здание, чинили трубы, и наконец прибыла первая партия крикливых шкетов-беспризорников, собранных неведомо откуда». (*Пантелеев, Белых* 1998. С. 7).

¹⁸ Так, например, в отданном под детский приют особняке Хусаиновых – одном из самых красивых зданий Казани, расположенном в татарской части города, была разграблена и уничтожена вся мебель: к середине 1920-х гг., по свидетельству очевидцев, здесь сохранились лишь «остатки бывлой роскоши» – «огромное трюмо» и «люстра на потолке». (*Хвостов* 1928. С. 195).

ты»¹⁹. Организованное присутствие детей наблюдалось и во время демонтажа «старых», «контрреволюционных» памятников²⁰. Столь же настойчиво предписываемым было организованное посещение детьми советских революционных некрополей, и фотографирование как у памятников «героям революции», так и на могилах «павших борцов».

Дети были задействованы в специально организованных советскими учителями и воспитателями мемориальных кампаниях по проектированию советских памятников, в первую очередь, памятников В.И. Ленину. Такие проекты были представлены, в частности, во время конкурса детского творчества, проведенного в 4-ой Опытной школе им. Каменева г. Москвы сразу после смерти вождя²¹. Степень символизации ленинского образа была столь высока, что ни один из проектов не содержал изображения самого Ленина. Проекты были деперсонифицированы. Проектируемые детьми памятники включали символические изображения средств производства, образцов промышленной архитектуры будущего, иногда – людскую массу, строителей этого будущего, помещенную на поверженных развалинах старого мира («Из развалин старого мира возникает прочный фундамент, на котором строится новый мир») и воплощали стереотипную для того времени модель будущего как сочетания коммунизма с научно-техническим прогрессом.

В то же время сами детские образы не так часто, как в последующие советские десятилетия, но все же использовались в раннесоветской монументальной пропаганде (правда, это касалось лишь наиболее «сознательной», «передовой» части детей и юношества – пионеров и комсомольцев). Одним из первых таких образцов, предполагавших увековечение образа советского пионера, стал выполненный творческой группой скульптора С.С. Алешина проект «Карл Маркс во главе пролетариата». Этот проект одержал в 1920 г. победу на втором конкурсе проектов памятника Карлу Марксу в Москве (предыдущий конкурс 1919 года успехом не увенчался). Памятник из бронзы и гранита «с фигурой Карла Маркса на вершине» и фигурами «рабочего, крестьянина, красноармейца, работницы и пионера» у основания предполагалось установить в центре площади Свердлова (бывш. Театральной площади) в Москве²². 1 мая 1920 года, в день первого всероссийского субботника, там состоялась закладка памятника. В 1925 г. памятник был отлит в гипсе, но затем, в связи с реконструкцией площади, работа над ним прервалась. Открытие памятника состоялось лишь в 1960 г., но, как известно, выглядел он уже по-другому.

---

¹⁹ *Известия*. 1919. 26 июля.

²⁰ Например, в Казани во время демонтажа памятника «царскому сатрапу» Г.Р. Державину (запись рассказа очевидца см.: *Кутуй* 1993. С. 16).

²¹ Образцы таких проектов см.: Дети о Ленине. 1925. С. 25–31.

²² *Гак* 1977. С. 58–61.

Создание нового детского пространства осуществлялось не только путем «вживления» в устаревшую городскую ткань объектов, наполненных новым политико-идеологическим содержанием. Уже в 1918–1921 гг. в рамках первых проектов советских городов / пригородов / поселков–садов – одной из широко известных и признанных моделей градостроительной утопии – в рамках новых подходов к городскому планированию было предусмотрено обязательное включение в них «детских» зон как важных общественно-культурных центров²³. Одним из первых советских проектов города–сада «с большим процентом детского населения» стал проект нового города Приволье, разработанный инженерами В.В. Воейковым и В.Д. Дубовским (1918). Из предполагаемых 100 тыс. жителей этого города 15 тыс. должны были составлять учащиеся дети. Расположенное в 16 км от Москвы, на берегу Москвы–реки, Приволье призвано было, с одной стороны, выполнить чисто утилитарную функцию – разгрузить Москву от излишков населения, а с другой, явиться образцовым городом нового типа, олицетворяющим единство человека и природы. Город представлял собой колоссальный парк с мощеными просеками, в центре которого, на пересечении главных улиц, находилась школа. Эта гигантская школа состояла из комплекса зданий двух категорий: общая трудовая школа и школа сельскохозяйственная с прилегающими территориями. Концентрация всех школьных зданий в одном месте должна была приучить детей «к общей массовой игре и работе»²⁴. Однако, несмотря на явно прослеживаемый в проекте приоритет коллективного воспитания, в нем еще отсутствовала характерная для социально-утопических конструктивистских проектов рубежа 1920-х – 1930-х гг. идея о полном отделении «детских» зон от «взрослых», об изолированном от родителей проживании детей и «внесемейном» воспитании как идеале и образце²⁵.

Идея центрального, знаково-символического, месторасположения школы как места формирования нового советского человека, как символа светлого будущего была воплощена в целом ряде проектов образцовых поселков для рабочих, разработанных в первые годы советской власти (рабочие поселки при электростанциях, проектируемых по плану ГОЭЛРО, поселок при Саратовском заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», рабочий поселок при ткацкой фабрике в с. Ярцево Смоленской губернии и др.)²⁶.

²³ Сюжет о детях, как известно, присутствует в той или иной мере в любой социальной утопии, поскольку она всегда устремлена в будущее.

²⁴ *Из истории советской архитектуры* 1963. С. 33–36.

²⁵ Об этом, в частности см.: *Хамитова* 2013. С. 173–177; *Salnikova, Khamitova* 2015. P. 183–185.

²⁶ *Бархин* 1922; *Иванов* 1925; *Лопатин* 1925 и др. 4 июля 1922 г. газета «Правда» сообщила о состоявшемся организационном собрании Общества городов–садов СССР, прошедшем под лозунгом «Города–сады – города освобожденного труда».

Архитекторы не остались в стороне и от вопросов организации частного детского пространства. Как показывают исследования середины 1920-х гг., в рабочих семьях детское пространство было резко ограничено, а чаще отсутствовало совсем²⁷. Проекты коммунальных домов для рабочих первой половины – середины 1920-х гг. были разработаны в соответствии с широко пропагандируемыми тогда идеями о необходимости обобществления культурных и бытовых потребностей человека. Они предусматривали, наряду с двух-трехкомнатными квартирами площадью от 40 до 70 кв. м, наличие таких общедомовых помещений, как ясли и детский сад, расположенных на первом этаже и работающих с утра до вечера²⁸. Делалось это в целях раскрепощения женщины, освобождения ее от бытовых и семейных обязанностей и максимально полного вовлечения в трудовую деятельность. Понятие «детская» отсутствовало в этих проектах, хотя в них так же, как и в проектах новых «идеальных» городов, пока еще не предполагалась полная изоляция детей от родителей.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что планы и проекты по переустройству детского пространства в раннесоветский период, конечно, имелись, но они были разрозненными, несистематичными и во многом откровенно утопичными, что соответствовало советскому архитектурному авангардному мышлению той поры. Конкретика и детали казались не важными, они лишь заслоняли общую картину прекрасного завтра. Детское пространство города часто планировалось и рассматривалось лишь в самых общих чертах – как конгломерация детских учреждений или отдельные «показательные» их образцы (преимущественно школы), вписанные в уже существующий или только еще проектируемый городской ландшафт. Знания о реальном состоянии тогдашних «детских зон», особенно в провинциальных городах страны, были поверхностны и фрагментарны. За бережно лелеемым конструктом – «нормативным советским ребенком» – авторы проектов, ориентированных на новые ценностные идеологические установки, не видели «ребенка реального», со всеми его сложностями, проблемами, и отнюдь не гомогенным отношением к окружающему пространству.

Свободным детям свободной страны предстояло свободно осваивать новый советский город. Однако пространственная свобода и мобильность всегда были прерогативой взрослых. В дореволюционной России одинокий ребенок на улице принадлежал либо к самым низшим социальным, либо к маргинальным слоям. Эйджизм в данном случае был вполне оправдан благими намерениями защиты детей. Войны и

Проблема советского города-сада всесторонне проанализирована, в первую очередь, в трудах М.Г. Мееровича (библиографию работ см.: Меерович 2015. С. 41–47).

²⁷ Кабо 1928. 290 с. Материалы обследования относятся к 1924 – началу 1925 г.

²⁸ Хазанова 1970.

революции 1914–1921 гг. нарушили и разрушили прежние семейные связи, сломали и уничтожили традиционный жизненный уклад, вытолкнули ребенка на улицу. Но это было болезненно-вынужденное освоение и присвоение городского пространства детьми²⁹. Большевики хотели не этого. Город должен был предстать перед детьми как подтверждение успешности, масштабности и долговечности большевистского проекта. В этом сложном деле неоценимым помощником оказались детские журналы, формировавшие на своих страницах образ нового города и определявшие место ребенка в его пространстве.

Основные этапы «осовечивания» городского пространства нашли отражение даже в ориентированном на детей старшего дошкольного возраста журнале «Мурзилка». Уже с первых номеров издания внимание ребенка привлекалось к тем элементам советской символики в пространстве города, которые были ему понятны и могли оказать на него наибольшее эмоциональное воздействие. Самым доступным способом увидеть советские символы во всем их многообразии было участие в праздничных демонстрациях, широко практиковавшееся в первое советское десятилетие. Оно выводило детей за пределы «детских» зон, распахивало перед ними праздничное городское пространство, частью которого становились они сами, попутно насыщая его советской праздничной атрибутикой. Не только в «праздничных», но и в прочих номерах журнала, особенно за 1924-й – первый год издания, постоянно присутствовали фотографии и рисунки с изображением детей – участников праздничных демонстраций – в буденовках, с флажками, флагами и транспарантами в руках («Мы, октябрята, идем по тропинке дедушки Ленина», «Мы, октябрята, 3-ья смена [после комсомольцев и пионеров – А.С.]). В публикуемых рассказах и стихах настойчиво обращалось внимание на отныне представляющую детям возможность увидеть *весь* одевшийся в красный кумач, обновленный город: «Барабан стучит: тром–тром / Всю Москву мы с ним пройдем», «Помчались³⁰. На улицах народу много. Шумно, весело. Флаги повсюду. По Тверскому бульвару толпы стоят, со знаменами, с портретами Ильича»³¹.

Помимо стандартных элементов декорирования городского пространства, журнал знакомил детей и с иными реально существующими или возможными способами его осовечивания. Так, на обложке одного из номеров журнала за 1924 год был размещен «портрет В.И. Ленина

---

²⁹ Очень показателен в этой связи опубликованный в декабрьском номере журнала «Крокодил» за 1924 г. рисунок К. Ротова «Детский утренник». На рисунке изображены беспризорные, спящие у газетной тумбы с объявлением «Цирк. Детский утренник». (*Крокодил*. 1924. Декабрь. № 26. С. 4).

³⁰ Детей младшего возраста, участвовавших в демонстрации, в крупных городах обычно привозили к пунктам сбора на грузовиках.

³¹ *Мурзилка* 1924: 6. С.5; 1924: 8. С. 4.

в трехлетнем возрасте, выполненный из разных цветов в сквере на Советской площади в Москве» (ныне Тверской)³². Среди символов-фантазий невозможно было оставить незамеченным эскиз памятника «Семилетка Октябрь», основанием которого служил огромный валун с цифрой семь. На нем в виде пирамиды располагались: пара страшных волков, на них – группа детей в красных галстуках с горном и барабаном, а сверху – аллегорическая фигура Революции – женщины в античных одеждах, с поднятой правой рукой. Рисунок неизвестного автора сопровождался стихотворением-«сказочкой» В. Горшкова: «Семилетка Октябрь / Уж такое дитя / Непокорное / Говорят ему: «Стой, / За семью верстой / Волки черные» / «Не боюсь я волков, / Я и сам-то таков – / Зубы злющие / Там не волки вдали, / Ждет там мать всей земли / Революция!»³³

С 1925 г. и на протяжении всего 1926 г. в журнале регулярно присутствовало изображение одного из наиболее ярких символов советской культовой архитектуры – мавзолея В.И. Ленина, существовавшего тогда, как известно, в деревянном варианте. Причем эта усыпальница, как ни кощунственно это звучит, позиционировалась в качестве предмета «идеологически насыщенных» детских забав и игр. Так, например, мавзолей являлся центральной частью предназначенной для склеивания модели «подвижная панорама “Октябрьский парад”», размещенной на форзаце ноябрьского номера за 1925 г.³⁴ Письма в редакцию журнала («Мурзилкина почта») подтверждают, что дети «устраивали» «Мавзолей» дома и в школе, склеивали или рисовали его, играли в него³⁵. Профессиональные стихи и рассказы (с многозначительным подзаголовком «с натуры») сообщали о том, как дети воспроизводили образ Ленина в малых художественных формах: Коля решил вылепить бюст Ленина из глины, а под руководством Мишутки-вожатого дети слепили «снежного Ленина» – бюст вождя из снега («хочется всем, чтобы лучше дяденька–Ленин вышел»)³⁶.

При всем этом не только описания, но даже упоминания о городском строительстве, о благоустройстве городской среды, развитии городского транспорта в «Мурзилке» за 1924–1926 годы отсутствовали. Впервые эти сюжеты появляются в журнале лишь в 1927 г., и касаются они, в первую очередь, реконструкции и расширения «детских» зон города. В рассказе «Новый дом» А. Федорова-Давыдова речь идет о строительстве детского сада, в стихотворении «Маляры» Н. Ашукина – о реконструкции здания детского дома, в рассказе М. Зарницына «Площадка» о создании дошкольного учреждения-«примитива» – лет-

³² Мурзилка 1924:4. Обложка.

³³ Мурзилка 1924: 7. С. 6.

³⁴ Мурзилка 1925: 11. Форзац.

³⁵ Мурзилка 1926: 5. С.23; 1926: 9. С. 22; 1926: 2. Обложка и др.

³⁶ Мурзилка 1926: 2. С. 8–9; 1926: 4. С. 22.

ней игровой площадки на школьном дворе, в целом ряде стихов и рассказов – о поливке улиц, ремонте дорог, утилизации бытовых отходов, совершенствовании городских транспортных коммуникаций («Поливка улиц», «Паровой каток», «Происшествие», «Трамвай», «Автобус», «Кондукторша» и др.)³⁷. Происходящие изменения прослеживаются и в присланных в редакцию рисунках детей, публикуемых в разделе «Мурзилкина выставка картин». Особенно заметно это в рисунках на тему «Мой дом»: если вплоть до 1927 г. это были лишь маленькие деревянные домики сельского типа, то теперь дети рисуют и многоэтажные дома. Процесс расширения «детских» зон дается в журнале по излюбленному советской пропагандой принципу «прежде и теперь» и указывает на изменении функций и социальной принадлежности объектов городского пространства: «В этом доме жил купчина / Десять лет тому назад / И растил на смену сына / А теперь здесь детский сад <...> / Где на площади пустынной / Дворник гнал ребят метлой / В сквере по дорожке длинной / Дети носятся толпой», «Теперь живем в огромном доме / На воротах львиная пасть... / Где были барские хоромы / Там наша рабочая власть»³⁸.

Изменение способов осовечивания города, представленных в «Мурзилке», вполне объяснимо. Курс на индустриализацию страны активизировал урбанизационные и градостроительные процессы. 15 июня 1927 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ»³⁹, положившее начало «новой жилищной политике». Новый тип жилья для рабочих – благоустроенный городской жилой комплекс с обслуживающей инфраструктурой – непременно включал в себя школьные и дошкольные учреждения. Принципы городского планирования, основанного на функциональном зонировании, предусматривали также обязательное совершенствование транспортных коммуникаций. Все эти «взрослые» проблемы регулярно отражались на страницах «Мурзилки», начиная с 1927 г.

В целом все вопросы, касавшиеся изменения облика города, – будь то его символическое декорирование или архитектурно-художественные и пространственно-планировочные преобразования – излагались в журнале в адаптированном для раннего детского восприятия виде, чему способствовало и содержание, и форма опубликованных материалов. Это были либо небольшие, написанные профессиональными авторами рассказы и стихи, главными героями которых являлись сами дети, либо (в несколько меньшей степени) письма и рисунки де-

---

³⁷ *Мурзилка*. 1927: 5. С. 20, 31; 1927: 6. С. 2–5; 1927: 7. С. 1–4; 1927: 8. С. 9; 1927: 9. С. 6–8; 1927: 11. С. 17.

³⁸ *Мурзилка*. 1927: 11. С. 12–13, 20, 22.

³⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ» от 15 июня 1927 г.

тей, опубликованные в рубриках «Мурзилкина почта» и «Мурзилкина выставка картин»⁴⁰. В этих текстах отсутствовали даже намеки на те иллюзорно-фантастические проекты, в которых город будущего представлялся на страницах советских журналов для более старшей возрастной категории читателей, в частности, в выходившем с 1924 г. литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Пионер»⁴¹ или в научно-фантастическом журнале «Всемирный следопыт» (1925–1931), 35 % читателей которого составляли дети и подростки – ученики школ I и II ступени⁴². Утопия была слишком сложна и теоретична для маленького читателя, а сказка гонима педологами. Тексты «Мурзилки» были просты, конкретны и реалистичны. Ребенок представлялся в них не просто созерцателем, а активным участником преобразовательных процессов, творцом новой осовещенной городской среды, в которой ему предстояло жить.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Бархин Г.Б. Рабочий дом и рабочий поселок-сад. М.: Гостехиздат, 1922. 262 с.
- Дети о Ленине / Под ред. Н. Сац. М.: Новая Москва, 1925. 35 с.
- Иванов В.Ф. Города-сады и поселки для рабочих: Планировка. Водоснабжение. Канализация. Л.: Академическое изд-во, 1925. 72 с.
- Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы / сост. В.Э. Хазанова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 251 с.
- Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М.: Изд-во ВЦСПС, 1928. 290 с.
- Лопатин П.И. Город настоящего и будущего. М.: Новая Москва, 1925. 105 с.
- Мурзилка, 1924–1927.
- Наркомпрос РСФСР. Постановление «О реформе средней школы» от 30 ноября 1917 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_54.htm
- Национальный Архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-732. Оп.1. Д. 516. Л. 5; Д. 518. Л. 51; Д. 622. Л. 202 об., 206 об.
- Пантелеев Л., Белых Г. Республика ШКИД. Шкидские рассказы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, ТПО «Интерфейс», 1998. 448 с.
- Прошлое школьных зданий: типовые проекты // Форма: Архитектура и дизайн для тех, кто понимает. URL: http://www.forma.spb.ru/Arch_project/project-history.shtml
- Ротов К. Детский утренник. Рисунок // Крокодил. 1924. Декабрь. № 26. С. 4.
- Хвостов В.М. Купеческая Казань // Старая и новая Казань: культурно-исторические экскурсии / Под ред. проф. С.П. Сингалевича. Казань: Изд. Акад. Центра Татаркомпроса, 1927. С. 185–203.

⁴⁰ Вопрос установки авторства присланных в редакцию «детских» текстов выходит за рамки данной статьи. Но в случае аутентичного детского происхождения (что не исключает отбор редакцией только «нужных» из всех присланных писем) опубликованные материалы свидетельствуют об актуальности и «правильности» поставленной редакцией проблемы. В случае же взрослого авторства якобы «детских» писем – это желание донести до детей «правильное» представление о советском городе через понятные им тексты.

⁴¹ Об этом см. подробно: *Salnikova, Khamitova* 2015. P. 185–187.

⁴² *Что сказал читатель* 1926. С. 71.

ЦИК и СНК СССР. Постановление «Положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ» от 15 июня 1927 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3312.htm

Что сказал читатель // Всемирный следопыт. 1926. № 11. С. 71–73.

Литература

Salnikova A., Khamitova Zh. School Architecture as a Way of Promotion of Soviet Identity in the 1930s' Stalinist Russia // History of Education & Children's Literature (HECL). 2015. V. X. № 1. P. 177–194.

Sassen S. Cities in a World Economy (Sociology for a New Century Series). 3rd ed. L.: Pine Forge Press, 2006. 288 p.

Гак А. К истории создания памятника К. Марксу // Искусство. 1977. № 10. С. 58–61.

Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 462 с.

Кутуй Р. Белое пламя лунного тополя // Казань. 1993. № 1. С. 8–26.

Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 121–142.

Меерович М.Г. От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 – первая половина 1930-х гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора архитектуры. М., 2015. 47 с.

Морван А. Непубличный автор символов Саратова // Общественное мнение. 2015. 11 декабря.

Никитина Н.А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Молодая гвардия, 2007. 113 с.

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. доп. СПб.: Питер, 2009. 304 с.

Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. М.: Аванглион, 2007. С. 9–27.

Смирнов В.В. Петербургские школы и школьные здания: история школьного строительства в Санкт-Петербурге – Ленинграде – Санкт-Петербурге. 1703–2003. СПб.: Российско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 144 с.

Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября 1917–1925 гг. М.: Наука, 1970. 213 с.

Хамитова Ж.А. Место и роль детей в советских архитектурно-социальных утопиях конца 1920-х гг. (по материалам периодической печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 173–177.

Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.

REFERENCES

Salnikova A., Khamitova Zh. School Architecture as a Way of Promotion of Soviet Identity in the 1930s' Stalinist Russia // History of Education & Children's Literature (HECL). 2015. V. X. № 1. P. 177–194.

Sassen S. Cities in a World Economy (Sociology for a New Century Series). 3rd ed. L.: Pine Forge Press, 2006. 288 p.

Gak A. K istorii sozdaniya pamyatnika K. Marksu // Iskusstvo. 1977. № 10. P. 58–61.

Kazus' I.A. Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya. M.: Progress–Traditsiya, 2009. 462 p.

Kutuy R. Beloe plamy lunnogo topolya // Kazan'. 1993. № 1. P. 8–26.

Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Rossiyskiy provintsial'nyy gorod 1920-kh godov: vizualizatsiya «sovetskosti» // Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati / P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova (ed.). M.: Variant; TsSPGI, 2009. P. 121–142.

- Meerovich M.G. Ot gorodov–sador k sotsgorodam: osnovnye arkhitekturno-gradostroitel'nye kontseptsii v SSSR (1917 – pervaya polovina 1930-kh gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora arkhitektury. M., 2015. 47 p.
- Morvan A. Nepublichnyy avtor simvolov Saratova // Obschestvennoe mnenie. 2015. December, 11.
- Nikitina N.A. Povsednevnyaya zhizn' L'va Tolstogo v Yasnoy Polyane. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 113 p.
- Osorina M.V. Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh. Осорина М.В. 4 ed. SPb.: Piter, 2009. 304 p.
- Sassen S. Global'nyy gorod: vvedenie ponyatiya // Global'nyy gorod: teoriya i real'nost' / H.A. Слыка (ed.). M.: Avanglion, 2007. P. 9–27.
- Smirnov V.V. Peterburgskie shkoly i shkol'nye zdaniya: istoriya shkol'nogo stroitel'stva v Sankt-Peterburge–Leningrade–Sankt-Peterburge. 1703–2003. SPb.: Rossiysko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr «Blits», 2003. 144 p.
- Khazanova V.Ye. Sovetskaya arkhitektura pervykh let Oktyabrya 1917–1925 гг. M.: Nauka, 1970. 213 p.
- Khamitova Zh. Mesto i rol' detey v sovetskikh arkhitekturno-sotsial'nykh utopiyakh kontsa 1920-kh gg. (po materialam periodicheskoy pechati) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskies i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 11 (37): in 2 parts. Part I. P. 173–177.
- Khan-Magomedov S.O. Arkhitektura sovetskogo avangarda: In 2 vol.: V. 1: Problemy formoobrazovaniya. Mastera i techeniya. M.: Stroyizdat, 1996. 709 p.

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Alla.Salnikova@kpfu.ru

“Children loci” construction in the Soviet city of 1917–1927

This article presents some of the approaches to the childhood history research through the urban history studies. Special attention is devoted to the process of special “children’s loci” constructing in Soviet urban space during the first post-October decade and to the child’s implementation into the new urban space context. The author focuses on symbolic projects executed in the romantic revolutionary style of those years, which usually were of the “paper” character. Specificity of the new Soviet city representation in the children’s target audience is analyzed using the materials published in *Murzilka* in the midst of the 1920s.

Keywords: history of childhood, urban studies, children's space, children’s magazines, Soviet Russia / USSR, 1917–1927

Alla Salnikova, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, History and orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Alla.Salnikova@kpfu.ru

Н. Н. МАКАРОВА

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ЭПОХИ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (по материалам Магнитогорска)

В статье рассматривается эмоциональный режим, сформировавшийся в новом индустриальном центре в период форсированной индустриализации. История эмоций стала популярным направлением в мировой исторической науке, однако исследования в «эмоциональном ключе» преимущественно выстраиваются в широких хронологических и территориальных рамках. Автор предлагает конкретный пример изучения эмоционального сообщества на локальном материале и показывает, что мысли и чувства горожан стремились унифицировать в рамках концепции формирования «нового города», навязывая магнитогорцам определенный набор нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их эмоций, которые выступали опорой для существующего политического режима.

Ключевые слова: история эмоций, эмоциональный режим, новый город, индустриализация, Урал, Магнитогорск

Долгое время «в исторической науке наблюдалась парадоксальная ситуация: эмоции и чувства, имевшие на протяжении веков заметное место в культурной истории, сами оставались без истории»¹. Впервые проблему изучения эмоций поставил Л. Февр². С тех пор история эмоций на Западе прошла в своем развитии период универсализма (1940–1980), социального конструктивизма (1980–1995) и их синтеза). В 2000-е гг. история эмоций переживает «бум»³. Внимание российских историков было обращено к истории эмоций относительно недавно, в результате антропологического поворота, развитию интереса к внутреннему миру людей, многообразию форм повседневной жизни. Важным этапом в этом направлении стала Международная научная конференция «Эмоции в российской истории и культуре» (2010) и издание сборника материалов «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций»⁴.

История эмоций выступает как сфера, позволяющая расширить горизонты исторического видения. В 1985 г. американские историки П. Стернс и К. Стернс в статье, посвященной перспективам исследования «эмоциональных стандартов» прошлого, отметили: «Мы можем использовать историю эмоций для того, чтобы лучше понять собственное коллективное прошлое, – завораживающая перспектива для обще-

---

¹ Рожков 2014. С. 101.

² Февр 1991.

³ Reddy 1997; 2000; 2001; Plamper 2010.

⁴ Российская империя чувств... 2010.

ства, поглощенного ежедневным измерением своей эмоциональной температуры»⁵. В этом ключе серию интересных научных работ создала Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.В. Тажидинова⁶, которым удалось проанализировать широкий спектр проблем, затрагивающих эмоциональную сторону жизни населения Советского Союза в годы войны: практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, основные стратегии выживания, семейные отношения, любовь и дружба, жилищный и религиозный вопросы в жизни советского человека, а также практики использования свободного времени в 1941–1945 гг. В целом, в рамках военно-исторической антропологии достаточно интенсивно изучается эмоциональная составляющая. В то же время период 1920–1930-х гг. в контексте истории эмоций стал объектом внимания историков сравнительно недавно⁷, в т.ч. в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций»⁸.

Я. Плампер обозначал несколько перспективных направлений изучения истории эмоций: история понятий (*Begriffsgeshichte*), которые обозначают эмоции; дискурсивный анализ эмоций; изучение норм эмоционального выражения и отклонения от них; вплетенность эмоционального фактора в причинность исторических событий⁹.

Все изложенное дает понять, что история эмоций крайне емкое и сложное направление исследований. Изучение эмоционального режима эпохи формирования сталинского авторитаризма выступает еще более сложной задачей. Анализ эмоционального режима периода 1920–1930-х гг. требует работы не одного десятка историков, а также привлечения широчайшего пласта исторических источников из центральных, региональных и местных архивов, собранных в результате интервью и др. Целью данной статьи является анализ эмоционального режима, сформированного в новом индустриальном центре: набора нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их эмотивов, выступающих опорой для существующего политического режима.

В основу статьи были положены разнообразные исторические источники: материалы делопроизводственной документации, источники личного происхождения, почерпнутые в архивах, в частных коллекциях магнитогорцев, а также собранные в течение 2008–2015 гг. интервью.

---

⁵ Stearns 1985.

⁶ Кринко 2010; Тажидинова 2010; Кринко, Хлынина, Тажидинова 2011; Хлынина 2013; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2013.

⁷ Макарова 2014.

⁸ Иванцов 2014; Микуленок 2014; Рожков 2014; Тажидинова 2016; Перов 2016.

⁹ Плампер 2010. С. 33–35.

Материалы периодической печати (в ежедневной газете «Магнитогорский рабочий» и городских многотиражках) выступают примером официального дискурса, преподносимого в качестве нормы повседневной жизни города и его обитателей. Воспоминания играют особую роль в конструировании поля истории повседневности, однако важно учитывать контекст их написания и опубликования. Так, воспоминания о Магнитогорске представлены в данной статье как неопубликованными материалами из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованными мемуарами. Кроме того, в письмах, исходящих от людей разных социальных и профессиональных групп, ярко отражен спектр чувств и переживаний «маленького человека».

Магнитогорск в указанное время представлял собой город-сад, построенный на пустом месте. Советская пропаганда тиражировала по всему СССР и даже за его пределами образ успешно развивающегося города, в котором господствуют исключительно светлые эмоции. Если в средствах массовой информации сообщалось нечто негативное, то в контексте активной и неутомимой борьбы магнитогорцев со «злом». В 1930-е гг. Магнитогорск представлял собой мегаплощадку по проведению социалистического эксперимента в социокультурной сфере. Какие же инструменты и насколько успешно были использованы в 1930-е гг. для поддержания «эмоционального режима»? Кроме того, в статье речь пойдет о тех эмоциях, которые фиксировались в текстах, не предназначенных для публичного прочтения. Эти свидетельства позволяют судить о степени прочности эмоционального режима, а также о влиянии СМИ и иных способах пропаганды среди населения города.

Дифференцированное выражение эмоций связано с культурой. Ценности и эмоции образуют своего рода заколдованный круг, в котором наблюдается непрерывное их воздействие друг на друга. После 1917 г. «новый человек» вместе со своими чувствами и психикой выдвинулся в центр культурной рефлексии¹⁰. Г. Алексопулос отметил, что идеальный советский гражданин должен воплощать идеальные эмоции¹¹. Учебная литература, брошюры различной направленности, листовки, плакаты, газеты и т.д. дают возможность обозначить круг идеальных эмоций, которые должен испытывать советский человек. Среди них – патриотизм, уважение, гордость, счастье, радость, любовь по отношению к своей Родине, партии, городу, трудовому коллективу, а также непримиримость и даже гнев к врагам внешним и внутренним.

В разных контекстах одна и та же эмоция оценивалась по-разному. Традиционно среди социально-одобряемых эмоций в советском дискурсе были любознательность, послушание, уважение, сдержанность, любовь, дружба, гнев, энтузиазм, патриотизм, страх. Однако не-

¹⁰ Шахадат 2010. С. 38.

¹¹ Alexopoulos 2006.

которые эмоции в данном перечне в определенной ситуации могли оказаться среди социально-маркируемых, к ним можно отнести гнев, страх, любознательность. Любознательность в положительном ключе была присуща детям, которые стремились к новым знаниям. Взрослому человеку любознательность была не к лицу. С другой стороны, праведный гнев мог проявить взрослый авторитетный человек, но не ребенок. Страх не выполнить обещание или проиграть соцсоревнование социально одобрялся, а страх за безопасность или здоровье конкретного человека оценивался как малозначимая эмоция в условиях строительства светлого будущего. Напротив, в Магнитогорске пропагандировалось бесстрашие в труде. В воспоминаниях неоднократно упоминаются случаи, когда в погоне за результатами труда, рабочие нарушали все нормы и правила техники безопасности: «Восемь часов кряду работал, и стрела не упала. Говорят, риск – благородное дело. Ради того, чтобы провести ремонт и спасти стрелу, думаю стоило рисковать»¹².

Эмоции играли важную роль в жизни города и страны. За настроениями следили, сводки о них регулярно направляли в центр, что дает возможность говорить о периоде 1930-х годов как «эпохе настроений». Это было время восторженных ожиданий, осознания новых возможностей и одновременной утраты прежних перспектив. Магнитогорск стал поистине воплощением указанной «триады». Ожидания и надежды, возлагавшиеся на крупнейший индустриальный центр, как властями, так и рядовыми строителями светлого будущего, были амбициозными. И если официальные власти с помощью директивных методов – плановой экономики, экономических и внеэкономических мер принуждения – все-таки получили максимально возможный эффект, сформировали миф о Магнитке, который коренится в умах многих россиян по сей день, то о рядовых магнитогорцах этого сказать нельзя. Разочарование реальностью Магнитостроя наступало мгновенно после прибытия на железнодорожный вокзал, а потом продолжало усиливаться.

Пропагандисты и вербовщики, агитируя ехать на всесоюзную стройку, обещали будущим строителям огромный завод и благоустроенный город, жилье, работу по специальности, усиленное снабжение, вербовали массы пролетариев и крестьян на Магнитострой. В условиях латентного голода и общей социальной неустроенности эти обещания были заманчивыми: «Товарищи сказали ему, что Магнитогорск – громадный город... – Где же город, – спросил он, вступив на магнитогорскую почву. Он думал увидеть ряды улиц и площадей, сады и набережные и где-то посреди них – цеха завода. Над ним посмеялись и объяснили, что город, а также и завод только закладываются»¹³. Один из участников строительства в рамках проекта «История фабрик и заво-

---

¹² Комзин 1973. С. 24.

¹³ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 342. Л. 11.

дов» вспоминал: «Что потянуло меня сюда? Безусловно, к этому времени с питанием в Керчи было скверно, кроме рыбных костей ничего не давали в столовой... А Ширстов писал, что здесь все дешево, очень хорошо обстоит с питанием, мясо дешевое...»¹⁴. Были среди рабочих и те, кто не рвался на ударную стройку первой пятилетки, но в рамках оргнаборов все же оказался в городе: «Ехал сюда с небольшой охотой, в Мариуполе жил я неплохо... даже не представлял себе такой жути, какую встретил тут»¹⁵. Самым первым и запоминающимся впечатлением от увиденного «города» была степь: «Приехал я в июне месяце, площадь была совершенно голая: стояло несколько бараков и рубленых домов...»¹⁶. Многие участники строительства верили обещаниям и мечтали о работе в Магнитогорске. Так, работник нарпита Сусанин «о Магнитогорске мечтал еще в деревне – поселке Спасском, где только старики говорили о Магнитной горе». Но город встретил мечтателя Сусанина неприветливо: «С первых же дней в Магнитогорске мы остались жить и работать в степи... По квалификации нашей работы не нашлось... жили в палатках. Начали свою работу с субботника, так как нам не было работы, а если и была, то не хватало камня и кирпича»¹⁷. Подобная ситуация была не исключением, а скорее правилом. Прибывавших в город рабочих не было возможности ни трудоустроить по специальности, ни накормить, ни поселить (порой даже в барак). Все это приводило к высокой текучести кадров. Не найдя здесь своего места, разочаровавшись в обещаниях, многие уезжали обратно домой.

В одной из сводок о настроениях на Магнитострое сообщалось: «Скверные жилищные условия и плохо поставленное общественное питание, не могут не отразиться на настроениях рабочих, тем более что значительная часть их состоит из выходцев из деревни...»¹⁸. Действительно, население города представляло собой крайне пеструю социальную массу. Среди строителей Магнитогорска были заключенные, спецпереселенцы, представители разных социальных групп и национальностей. Пестрый этнический состав магнитогорцев сохранился на протяжении всего периода существования города. Основы национального состава были заложены именно в начале 1930-х гг. По данным А. Зверева, в 1930 г. в Магнитогорске проживали русские (83,7%), украинцы (6,8%), татары (2,7%), белорусы (1,57%), башкиры (1,37%), киргизы (1,1%), нагайбаки (0,5%), мордва и прочие национальности (0,5%)¹⁹. К 1 июня 1932 г. численность русского населения

---

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 8.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 159.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 172 / 1. Л. 6.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 172 / 1. Л. 4.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 13

¹⁹ Зверев 1931. С. 70.

возросла и составила 91,7%²⁰. Пестрый национальный состав наложил отпечаток на повседневные практики горожан.

Половозрастной состав населения характеризовался преобладанием молодежи. Инженер М. Шировер, проработавший на Магнитострое около полутора лет, писал в американском журнале в июле 1932 г.: «В сущности, Магнитогорск создан советской молодежью. 60% рабочих этого строительства моложе 24 лет...»²¹. А. Зверев, ссылаясь на материалы переписи населения Магнитогорска, отметил, что из общего числа рабочих молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляла 51,2%²². Кроме того, среди магнитогорцев было много людей в возрасте от 24 до 33 лет. Меньшую часть составляли зрелые и пожилые люди. В 1930 г. из деревень и городов к рабочим стали приезжать жены и дети, в результате чего контингент несовершеннолетних в городе увеличивался с каждым годом. Преобладание в городе рабочих на протяжении рассматриваемого периода было вполне закономерным явлением. Но большинство этих пролетариев совсем недавно относились к категории крестьян. Потомственных рабочих в Магнитогорске было немного. Большинство жителей деревень ехали на Магнитострой в надежде найти лучшие условия жизни. Среди заключенных и спецпереселенцев также доминировали недавние выходцы из деревни.

Все это влияло на «эмоциональный режим» в городе. Стремление к дисциплине и унификации поведения горожан, навязывание сменного рабочего графика, отказа от привычных религиозных норм и выстраивание новой системы светских ценностей, выдвигаемые официальными структурами, шли в разрез с устремлениями населения в сторону эмоциональной свободы. Большие массы населения, собранные на территории города со всех уголков Советского Союза, без четко сформированных социальных и эмоциональных ориентиров плохо поддавались «коллективизации эмоций». В статье Ш. Фицпатрик о счастье и тоске в довоенном СССР озвучена интересная связь между личной бедой и тоской и общественным счастьем. Способом ухода от личного горя было обращение к счастью эпохи, в которой, как известно, «жить стало лучше, жить стало веселее»²³. Категория «счастье», наиболее часто трактуемая как особое состояние человека, которое соответствует его внутренним установкам о полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения, в период формирования авторитаризма была одной из центральных в мире эмотивов. Действительно «личное счастье» пытались подменить «счастьем общественным», «внеиндивидуальным». Так, магнитогорец А. Сулимов писал о том, что

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.

²¹ На линии огня... 1975. С. 29.

²² Зверев 1931. С. 70.

²³ Плампер 2010. С. 29.

на его долю «выпала счастливая судьба. Вместе с замечательными товарищами, новаторами производства... мы оборудовали специальный тракторный плуг для рыхления грунта...»²⁴. Газеты сообщали о счастливом советском детстве, о счастье трудовой деятельности и т.п., а письма счастливых матерей²⁵ превратились буквально в особый жанр. Однако в источниках, которые не предназначались к опубликованию, счастье по-прежнему оставалось тихим, семейным, личным. Так, в своих рассуждениях о счастье В.Ф. Берсенева делает вывод, что счастье – это отсутствие несчастья. Для того чтобы быть счастливыми семье Краузе-Берсенева не требовалось ничего сверхъестественного: здоровые дети, прогулка за городом, успешно сданные экзамены и проч.

Смысл эмоции эпохи сталинизма «энтузиазм», по мнению М. Рольфа и А. фон Климо, состоял в достижении конкретной цели²⁶. В целом данный период можно назвать эпохой энтузиазма, а население Магнитогорска очень часто в эти годы именовали «батальоном энтузиастов»²⁷. Энтузиазм, судя по официальному дискурсу, сопровождал магнитогорцев постоянно: в труде и отдыхе, дома и на субботах, в учебе и в соцсоревнованиях и т.д. Власти взяли на вооружение данную положительно окрашенную эмоцию, которая являет собой состояние воодушевления и стремление к совершению активных действий.

Эмотив «гордость» стоял на службе официальной пропаганды. В газетах 1930-х гг. и воспоминаниях магнитогорцев, опубликованных в советский период, «гордость» использовалась часто, причем в мемуарах 1970 – начала 1980-х гг. гордости по-прежнему отводили достойное место среди эмотивов: «...магнитогорцы, участники и очевидцы всего того, что здесь свершилось за невероятно короткий срок, показывают свой город с гордостью...»²⁸. В советской трактовке гордость – это положительно окрашенная эмоция, отражающая позитивную самооценку, наличие самоуважения, чувства собственного достоинства, собственной ценности. Именно поэтому «гордость» в периодической печати ассоциировалась преимущественно с реальными делами: ремонт барака, участие в субботнике, перевыполнение плана, наведение чистоты в столовой. Эти «малые дела» являлись поводом для гордости в масштабах всего Советского Союза, так как на конкретных примерах шел процесс воспитания и формирования должного поведения и даже необходимых эмоций среди населения. Поэтому статья «Хорошая столовая – гордость комсомола»²⁹ на страницах местной газеты звучала как эмо-

²⁴ На линии огня... 1975. С. 54.

²⁵ Например, письмо, в «Магнитогорском рабочем» от 3 февраля 1937 г.

²⁶ Плампер 2010. С. 30.

²⁷ Комсомолка в строю 1977. С. 37.

²⁸ Комсомолка в строю. 1977. С. 38.

²⁹ Магнитогорский комсомолец. 1932. 14 декабря.

циональный призыв к конкретному действию. Подобные призывы не оставались незамеченными, и «гордость» приобретала масштабность: «Мне довелось участвовать в строительстве большинства доменных печей, коксовых батарей... и я горжусь этим!»³⁰; «Наша Магнитка», – с гордостью произносят те, кто по призыву партии коммунистов участвовал в сооружении гиганта индустрии. К их числу относятся и я...»³¹.

Несомненно, важным было чувство радости от результатов проделанной большой и сложной работы. Инженер-строитель И.В. Комзин писал: «Работа радовала. Работа воодушевляла. Какими нужными мы себя чувствовали в сплошной «лихорадке буден!»³². Среди всех доступных нам текстов воспоминаний первостроителей нет ни одного, где бы не присутствовал радостный момент пуска домы: «31 января 1932 г. первая доменная печь была задута. А 1 февраля тысячи строителей собрались у доменной печи, чтобы своими глазами увидеть первый магнитогорский чугун. Над заводом запылохало зарево первой плавки. И чугун пошел. Велика была радость строителей!»³³. А. Конаржевский даже не уехал в отпуск ради такого события, а «переживал со всеми магнитогорцами часы муки и ликования»³⁴.

В официальном дискурсе «терпение» выступает чаще в негативном контексте. Категория «терпение», включенная в перечень добродетелей западного христианства, характерна и для русского человека. Под терпением обычно понимают спокойное перенесение бед и несчастья в собственной жизни или ожидание результата от неподконтрольного процесса. Однако в советский период «терпение» переключалось из индивидуально переживаемых эмоций в общественные и стало трактоваться как пассивность и нежелание действовать в интересах социума. Статьи в «Магнитогорском рабочем» и многотиражках «Борьба за металл», «Горняк», «Комсомольская правда на Магнитострое» терпение связывают с нежеланием горожан вести борьбу с безответственностью, пьянством, кражами в столовых, прогульщиками и др. В газете «Горняк» можно прочесть следующие заголовки и призывы: «Бригады, почему вы терпите в своих рядах прогульщиков?», «Ликпункт уже организован, но с пьяной проблемой барачный совет борьбы еще не повел. Гражданка Киселева все еще продолжает продавать вино, а ее все еще терпят в бараке»³⁵, «В бараках как правило грязь. Люди по месяцу не бывают в бане. Сколько можно это терпеть?»³⁶.

---

³⁰ Смертин 1959. С. 79.

³¹ Джапаридзе 1959. С. 82.

³² Комзин 1973. С. 13.

³³ Смертин 1959, 79.

³⁴ Конаржевский 1991. С. 19.

³⁵ Горняк. 1931. 13 апреля.

³⁶ Борьба за металл. 1933. 12 февраля.

Чувство возмущения в советском дискурсе выступало в качестве синонима праведного гнева. В газетах часто можно прочесть о том, что «поведение учеников вызывает эмоциональную реакцию – возмущение», «Рабочие смеются над мазаными жженой пробкой лицами фокусников-гипнотизеров, а чаще возмущаются. Возмущение их справедливо»³⁷; «Масса возмутительных безобразий»; «Бригады натолкнулись на несколько случаев возмутительного зажима самокритики»³⁸. Возмущение должно было выступать одним из инструментов борьбы с некачественной работой, прогулами и прочими девиациями.

Чувство страха сопровождало горожан на протяжении многих лет. Поводом к его возникновению могли выступать плохо освещенные улицы, отсутствие дорог, значительное число краж в городе, возможный голод, аварии на производстве и строительстве и т.д. Воспоминания монтажников кауперов домен свидетельствуют о том, что многие рабочие отказывались «лезть в каупера, мотивируя тем, что здесь у них семьи, что их жизнь здесь ничего не стоит...»³⁹. Многие рабочие упоминали отчаяние, которое порождало алкоголизм, толкало на кражи и иные преступления⁴⁰. Несмотря на то, что семья Краузе-Берсенева по меркам 1930-х гг. в условиях Магнитостроя жила довольно обеспеченно, значительная доля переживаний матери была связана с бытом и здоровьем домочадцев. В каждом письме В.Ф. Берсенева переживает о здоровье родных и близких ей людей, уточняя, нет ли необходимости выслать денег, одежду, продукты и прочие предметы быта. Чувство страха возникает в письмах довольно часто. В письме от 9 марта 1933 г. Берсенева писала: «Материально нам живётся теперь несравненно хуже, чем прежде. Продовольственный кризис проник даже в наши «Берёзки». Кормят нас уже плохо и дорого. Наших денег едва хватает, чтобы кое-как держаться... Я часто думаю о надвигающемся голоде и очень его боюсь. Как переживать голод с детьми? Уже нет того запаса сил, той сопротивляемости, которая была в молодости»⁴¹. Во второй половине 1930-х снабжение значительно улучшилось за счет преодоления острой фазы голода в стране в целом и налаживания поставок продуктов и товаров в город. Однако во многих письмах сыну Руфу, который с 1937 г. учился в Москве, Берсенева просила выслать чай, сахар, указывала на сложности содержания большой семьи, постоянно говорила о необходимости экономить, откладывать деньги на отпуск, на роуль, на покупку одежды. В течение 1937 г. она нигде не могла достать зимнее пальто, в результате сшила дочери шубу из старой ткани:

---

³⁷ Маркевич 1930. С. 23.

³⁸ Маркевич 1930. С. 29, 30, 31.

³⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 362. Л. 10.

⁴¹ Краузе 2009. С. 54.

«Ты можешь себе представить: мне нужно непременно сшить Лене шубу, зима уже на носу, а я даже за нее не принималась и что делать – не знаю»⁴². Чувство страха обострялось в связи со слухами о приближающейся войне, с приграничными конфликтами и, конечно, с призывом в военкомат старшего сына: «Боюсь как бы события на границе Монгольской республики не испортили нам отдыха... Ты вот огорчаешься, что в армию придется, может, идти служить в этом году, и как я этим расстраиваюсь, лучше не говорить... Получишь отсрочку – это большое счастье...»⁴³. Как и большинство матерей, Берсенева боялась за своего младшего сына, который часто участвовал в драках с мальчишками во дворе: «Я очень боюсь, чтобы этот “отпуск” не окончился пробитой головой»⁴⁴. Но страх в подобных контекстах возникал исключительно в частной переписке и неопубликованных воспоминаниях. Официальный дискурс сообщал о страхе ином. Так, А. Сулимов писал о «страшной минуте»⁴⁵ в своей жизни, когда ему пришлось выйти на трибуну с речью. Данный тип страха как эмоционального состояния не поощрялся, но трактовался как скромность человека.

Одно из самых сильных чувств – любовь (чувство любви к своим детям, родным людям, друзьям, любовь к родине, к труду и т.д.). Официальный дискурс и мемуары, подверженные редакторской правке, любовь трактовали исключительно как глубокую привязанность советского человека к своему делу. Так, в воспоминаниях И.В. Комзина возникает занимательный рассказ об иностранном журналисте, не понимавшем, почему рабочие Магнитки так самоотверженно трудятся. Ответ советского инженера был прост: «любовь к стройке и к своему делу... Мы любили, нет, мало сказать любили. Всей душой мы влюблены были в свое дело, в свою стройку»⁴⁶. В эго-источниках, не рассчитанных на публикацию и широкое прочтение, любовь выглядела иначе.

В каждом письме В.Ф. Берсеновой – любовь и надежда на скорую встречу: «Родной мой, дорогой Руфиша! Сегодня получила твою телеграмму и ужасно ей обрадовалась! Все дни неотступно думала о тебе... Будь здоров, мой родной, ненаглядный мальчик. Обнимаю и целую тебя крепко, крепко. Веселись и поправляйся хорошенько, а я буду радоваться твоей радостью»⁴⁷. Безмерную радость вызывали телеграммы, письма, приезд родственников и друзей в гости, покупка абрикосов детям: «Радуюсь, что все здоровы... Дети довольны, а я этим рада...»⁴⁸.

---

⁴² Краузе 2011. С. 32.

⁴³ Краузе 2011. С. 14, 41.

⁴⁴ Краузе 2011. С. 14.

⁴⁵ На линии огня... 1975. С. 56.

⁴⁶ Комзин 1973. С. 24–25, 33.

⁴⁷ Краузе 2011. С. 8.

⁴⁸ Краузе 2011. С. 17, 43.

Чем .с Магниткой (с Гугелем), просил его освободить скорей для меня в Американском городке квартиру в связи с Вашим приездом. Он обещал твердо... Захвати белье, посуду, т.к. канительно здесь доставать эту муру. Я тут заказал в Свердловске демисезонное пальтишко для Кларочки. Мне обещали достать. К приезду Вашему, надеюсь, получу... Не забудь привить Кларочке и себе оспу... Зинушка, думаю, что по приезде ты немного (с месяц) отдохнешь и не будешь приступать к работе. Лена мне сказала, что ты мобилизована на работу по кадрам. Я, мягко говоря, против этого. Эта работа не для тебя. Тебе следует взять работу или по здравотделу или партийную. Однако приедешь – посоветуемся, посмотрим, виднее на месте... Зина, захвати всякие медикаменты, если сможешь – составь аптечку. Организуй это через Розу... Целую тебя, родная, и жду с нетерпением. Борис»⁴⁹.

Для эпохи 1930-х гг. было характерно пребывание в водовороте событий. Темп жизни был крайне интенсивный. Наиболее известным художественным произведением о Магнитогорске 1930-х гг. является роман В.П. Катаева «Время вперед». Как и любое художественное произведение, этот роман изобилует эмоциями. Учитывая, что «скорость жизни» оказывает влияние на смену эмоциональных состояний человека, данное произведение представляет собой поле для исследования в рамках истории эмоций. По мнению О. Кудрина, в романе «Время, вперед!» «есть лишь полный набор всего, что нужно было советской пропаганде времен первых пятилеток: энтузиазм, светлая атмосфера братства, воспевание бешеных темпов индустриализации, ударный, рекордный труд, самопожертвование, персонифицированная битва старого с новым, элементы классовой борьбы с недобитым кулачеством, развернутые, буддистски закольцованные цитаты Сталина в начале и финале». Однако это лишь внешняя оболочка, а «при внимательном прочтении ни один из пробольшевистских тезисов не остается в книге без антитезиса и синтеза, разворачивающих все на 180 градусов»⁵⁰. То же происходит и с эмоциями. Среди эмотивов, использованных в книге, самыми яркими могут показаться «энтузиазм», «ответственность», «жертвенность», но, когда речь заходит о чувствах и эмоциях в частной сфере, они оказываются более естественными. Так, один из главных героев романа Ищенко испытывает страх только за жизнь жены, а чувство любви возникает только во внутрисемейных взаимоотношениях.

Однако властям не были нужны сильные личные эмоции. Ключевой задачей при выстраивании эмоционального режима было формирование унифицированного, социально-одобряемого комплекса эмоций, который можно направлять (сдерживать или разжигать в нужный мо-

---

⁴⁹ Письмо Б.Г. Козелева. 16/ IV–1931.

⁵⁰ Кудрин 2010. С. 373-374.

мент). Поэтому в сталинскую эпоху образцовым ребенком считался тот, кто умел сдерживать свои эмоции, «обуздывать свои побуждения»⁵¹. Именно на детей возлагались надежды, они должны были жить в идеальном «новом мире». Чтобы воспитать необходимый набор эмоций у подрастающего поколения, огромное внимание уделялось системе образования. Видимо в целях воспитания нормативного набора эмоций в 1950 г. был издан справочник «Начальная школа», в котором устанавливался круг допустимых эмоций для педагога. Среди них были: чувство долга, любовь к труду, патриотизм, национальная гордость, товарищество. Особенно ценилась дисциплинированность как особое качество, воспитывающее склонность человека к соблюдению правил работы и норм поведения. В газетах регулярно публиковались статьи под типовыми заголовками: «Позор нарушителям режима», «Дисциплина и самодисциплина», «Наша бригада – это крепкий, хорошо организованный коллектив, примерный по дисциплине»⁵², «Равняйтесь по лучшим ударникам учебы... как надо учиться, отдыхать и быть дисциплинированным пионером»⁵³. Эти заголовки обращались к широкой аудитории читателей: от школьников до взрослых людей, от свободных тружеников до спецпереселенцев и заключенных. Такой диапазон адресатов был не случаен, так как при формировании должного эмоционального режима дисциплина выступала ключевым инструментом.

В «эпоху настроений» мысли и чувства стремились унифицировать: это способствовало укреплению сталинского режима, формированию «мы-идентичности» в масштабах города, региона, страны. Кроме того, отклонение от типичных эмоциональных проявлений могло использоваться властями как маркер общественных настроений (недаром сводки о настроениях магнитогорцев регулярно направлялись в Москву). Любовь, восторг, страх, гнев, счастье – все эмоции встраивались в официальную риторику властей. В этой гамме переживаний преобладала масса «светлых» чувств, которая фактически образовывала систему ценностей, относящихся к эмоциям и их восприятию. Эти ценности навязывались индивиду через законы, культуру, традиции – через общественные нормы, которым люди обязаны подчиняться, и по которым они оценивают свое поведение и поведение окружающих. А.И. Чеснокова рассказывала о тяжелых условиях жизни в городе, о полугодовом состоянии, об отсутствии одежды и обуви у членов ее семьи, неоднократно отмечала настроения недовольства такими условиями жизни, но при этом указывала, что «вся семья, все дети и отец всегда ходили на демонстрации... было интересно и весело... Я вот всегда им рада бы-

---

⁵¹ Келли 2010. С. 68.

⁵² Борьба за металл. 1934. 5 января; 16 января; 9 октября.

⁵³ Магнитогорский пионер. 1932. 16 ноября.

ла... Холод. Дождь или мороз, а душа радуется»⁵⁴. Радость и ликование, гордость за результаты труда, эмоциональное единение на массовых мероприятиях присутствовали. Однако эти конструкции часто расходились с эмоциональными практиками, которые зависели от личного опыта, физических, психологических, гендерных особенностей. Ни одно «эмоциональное сообщество» не может быть охарактеризовано каким-то однородным «ландшафтом чувств». В Магнитогорске практиковались массовые гулянья за городом. Предполагалось, что отдых на свежем воздухе положительно влияет на здоровье горожан, а выходной день в дружном коллективе должен эмоционально укрепить единство трудящихся. Воспоминания участника подобного мероприятия иллюстрируют негативное отношение к этому виду коллективного отдыха: «я был в Магнитогорске на массовой металлургов. Поезд в 100 битком набитых теплушек отошел от станции в 6 часов утра – 5 тыс. рабочих, не полежавших в свой выходной день, встали в 5 утра, даже раньше, потому что расстояния в Магнитогорске почти московские... Мы ехали поездом до 2 часов, шли пешком около часа, а в 7 часов назад, и домой – к трем часам ночи. Ради чего же все это... в свой выходной день?...»⁵⁵.

В эго-источниках преобладают эмоции личного порядка и обнаруживаются чувства, маркируемые в советском социуме как негативные и неприемлемые для «нового советского человека»: зависть, злость, раздражение, мстительность, надменность, циничность, разочарование. В письмах В.Ф. Берсеновой указывается на раздраженность Ф.О. Краузе из-за сложностей в трудовом коллективе; на страдания самой Веры Федоровны из-за нежелания видеть коллег по работе; завистливые взгляды соседней⁵⁶. Если же в письмах или воспоминаниях возникали официальные эмотивы, то они преломлялись под частным углом. Так, среди многочисленных писем Берсеновой сыну, родственникам и друзьям практически нет упоминаний о патриотизме, гордости за страну, самоотверженном труде. Напротив, преобладающие эмотивы – «любовь», «страх», «тревога», «радость», «счастье» по отношению к делам семейным, частным. Лишь несколько раз Берсенева упомянула об официальных сообщениях в газетах о военной агрессии против СССР и выразила в этой связи страх за безопасность своих родных и друзей, а также за перспективу испортить себе отпуск: «Боюсь только как бы события на границе Монгольской республики не испортили нам отдыха. Положение очень тревожное. В газетах пишут скудно, но, видимо, дело серьезное»⁵⁷. Слухи о надвигающейся войне вызывали серьезную обеспокоенность жен-

---

⁵⁴ Воспоминания А.И. Чесноковой.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

⁵⁶ Пришла война... 2011.

⁵⁷ Пришла война... 2011. С. 14.

щины за сына-студента. В нескольких письмах она рекомендует ему начать заниматься физкультурой, чтобы быть готовым к службе в армии: «Три года в жизни человека – срок небольшой, и как бы он ни был тяжел и труден, переживется он скоро... Если попадешь в армию, ищи там прежде всего хороших людей... А к службе в армии ты теперь же начни готовиться. Получишь отсрочку – это большое счастье, но нужно быть готовым к тому, что ты ее можешь не получить»⁵⁸. Все рассуждения об армии и возможном призыве на службу В.Ф. Берсенева вела не через официально декларируемые эмоции – патриотизм, гордость, целеустремленность, а через тревожность и материнскую заботу.

Мир чувственных переживаний формировался под влиянием многочисленных обстоятельств. Чаще всего эмоциональные высказывания были связаны с неудовлетворительными социально-бытовыми условиями. Так, безысходность и обида возникают в письме рабочего (имя в источнике не зафиксировано): «Добрый день, дядя Федя! Привет из Магнитогорска. Дядя Федя, доехали до места благополучно. В Магнитогорске нас встретили плохо... Здесь приходится сидеть голодным... работы не дают по специальности... Я потом все равно приеду в Ленинград... отсюда трудно выбраться – ни за что не выпускают, но я все равно приеду, так как жить невозможно: работы нет, кормят плохо, одежду не выдают, находимся в палатках, а погода стоит холодная и дождливая, всегда палатки промокают и все после дождя мокрое... С гор дует сильный холод, ветры, так что очень холодно жить в палатках, замерзаем, а начальство и в ус не дует. Так что нас, когда отправляли, говорили красивые слова: Вы, мол, едете на ударное строительство, вас там ждут. Из-за вас мол дело стоит...»⁵⁹. Очевидно, что ключевой причиной подобного эмоционального состояния являются неустроенный быт и нереализованные ожидания. Не менее важную роль в формировании эмоционального настроения играло состояние здоровья человека. В.Ф. Берсенева, страдающая от прогрессирующей болезни спинного мозга, была в дурном расположении духа месяцами. Но как только ее состояние улучшалось, положительных мотивов в письмах становилось гораздо больше. Сходная ситуация отмечается в письмах Б.Г. Козелева: «Самочувствие мое очень плохое, несмотря на предстоящую радостную встречу с вами...»; «О своем самочувствии я распространяться не буду, надоело мне ныть. Все объясняется состоянием моего здоровья и условиями быта. К сожалению, они еще скотские»⁶⁰.

Социальное окружение и обстоятельства социальной мобильности, несомненно, оказывали влияние на мир чувственных переживаний

⁵⁸ Пришла война...2011. С. 41.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 145.

⁶⁰ Письма Б.Г. Козелева. 28/ III– 1931; 16/ IV– 1931.

человека. В условиях тотальной постреволюционной ломки прежних социальных институтов и формирования новой модели устройства общества судьбы людей менялись кардинально. Ряд представителей пролетариата и крестьянства на Магнитострое прошли сложный путь от «простых ребят в лаптях до квалифицированных рабочих», смогли получить образование, квартиру, места в яслях для детей и т.п. В прежней России о подобном многие из них не могли мечтать. Несмотря на то, что этот сценарий во многом был мифом советской пропаганды и наиболее известные примеры подобного «роста человека» являются хрестоматийными (В. Калмыков, Х. Галиуллин, Н. Коробов), интервью многих респондентов свидетельствуют о том, что именно в Магнитогорске и при советской власти они получили «путевку в жизнь»⁶¹.

Следование декларируемым в советском обществе нормам было необходимым условием, своего рода стратегией выживания. Именно поэтому многие магнитогорцы осуществляли серьезную «эмоциональную работу», когда публично повторяли устойчивые нарративы о необходимости социалистического соревнования, об ударном труде, энтузиазме, о радостном строительстве коммунизма, а тайно осуществляли религиозные практики; вели дневники, которым доверяли свои истинные чувства; искали себя в творчестве и т.п. Уильям Редди предложил именовать эмоциональные сообщества с нетипичным «для данной эпохи выражением чувств» «эмоциональными убежищами»⁶². В подобных убежищах человек мог временно отдыхать или даже надолго скрываться от предписываемых обществом норм проявления и выражения эмоций. «Эмоциональные убежища на протяжении истории могли быть организациями, общественными институтами, системами горизонтальных и вертикальных связей социума или социальными группами»⁶³.

«Эмоциональные убежища» на Магнитострое возникали как организовано (создание моленных домов и церквей в землянках, хранение религиозной атрибутики), так и стихийно (участники демонстраций частенько после официальной части мероприятия устраивали пьяные драки, бои «стенка на стенку»). Столь разнообразные формы «эмоциональных убежищ» реализовывали важную функцию – они позволяли проявлять те чувства и эмоции, которые официальный режим либо запрещал юридически, либо не рекомендовал, считая асоциальными, но в которых нуждались «маленькие люди». Любая эмоция как репрезентация чувств на данном историческом отрезке и в данных территориальных границах являлась воплощением культуры своего времени. Усилия властей не прошли даром. Коллективизация эмоциональных состояний,

⁶¹ Воспоминания А.И. Чесноковой; Воспоминания Н.Я. Митрохина.

⁶² Reddy 2001.

⁶³ Перов 2015. С. 94.

несомненно, наблюдалась в Магнитогорске, однако она не стала тотальной. Эмоции, представляющие собой совокупность физических и психологических переживаний, хоть и возникали как реакция на окружающую действительность, но всегда оставались исключительно индивидуальными. Комплекс чувственных переживаний во многом зависел от социальной среды, от обстоятельств социальной мобильности, вызванной революционными преобразованиями, от состояния психического и физического здоровья конкретного человека, от социально-бытовых условий и т.д. Возрастающий контроль за жизнью населения требовал дисциплины в эмоциональной сфере. Однако утопия «нового человека», который идеален физически и духовно не реализовалась.

«Эмоциональная работа» магнитогорцев осуществлялась в нескольких направлениях: повторение нарративов, соответствующих официальному эмоциональному режиму и поиск альтернатив, например, в религии. Эмоциональное сообщество населения Магнитогорска было организовано гораздо сложнее нормативного «эмоционального режима» и характеризовалось амбивалентностью чувств, наличием адаптационных механизмов и стратегий в сфере эмоций. В результате интенсивного «идеологического воздействия со стороны властей личные эмоции, чувства, переживания постепенно менялись. Многие магнитогорцы – типичные «маленькие люди», вовлеченные в водоворот значимых событий, начали воспринимать «государственное» как личное, а «личное» порой оказалось возможным только в контексте соответствия идеологии государства»⁶⁴. Постепенно идеологизировались эмотивные состояния, что способствовало формированию «мы-идентичности» и укреплению авторитарного режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Борьба за металл: газета (Магнитогорск)

Воспоминания А.И. Чесноковой 1924 г.р. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

Воспоминания Н.Я. Митрохина 1925 г.р. Записано Н.Н. Макаровой в 2009 г.

Воспоминания, дневники, письма/под ред. О.Ф. Краузе. Череповец, 2009. 189 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 16.

Горняк: газета (Магнитогорск)

Джапаридзе Е. Этих лет нельзя забыть // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М. 81-86.

Зверев А. Магнитогорск. М., 1931. 87 с.

Комзин И.В. Я верю в мечту. М.: Политиздат, 1973. 368 с.

Комсомолка в строю. М.: Молодая гвардия, 1977. 208 с.

Магнитогорский комсомолец: газета (Магнитогорск).

Магнитогорский пионер: газета (Магнитогорск).

Маркевич Н. Рождение гиганта (на Магнитострое). М.: Молодая гвардия, 1930. 32 с.

МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 10. Оп. 1.

---

⁶⁴ Юзефович 2014.С. 280.

На линии огня: страницы комсомольской жизни Магнитки. Воспоминания, очерки, документы. Челябинск, 1975. 357 с.

Письма Б.Г. Козелева // Музей истории Магнитостроя.

Пришла война в Березки. Письма матери / под ред. О.Ф.Краузе. Череповец, 2011. 143 с.

Российский государственный архив литературы (РГАЛИ). Ф. 1495. Оп. 1.

Смертин Е. Трудности нас не остановили // Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М.: Молодая гвардия. С. 71-77.

Литература

Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического про- тонарратива: история и повествование // История и повествование: Сб. ст. / Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 12–27.

Иванцов И.Г. Повседневность провинциального города 1920-1930-х годов, культурная история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП (б) // Культурная жизнь Юга России. 2014. Т. 2. № 53. С. 68-72

Иванцов И.Г. Теоретические аспекты локальной истории и повседневности провинци- ального города в раннем советском обществе // Голос минувшего. Кубанский истори- ческий журнал. 2014. № 3-4. С. 97-100.

Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера. М.: НЛЮ, 2010. С. 51–77.

Конаржевский А. 10 лет на острие бритвы. Кишинев: Лумина, 1991. 166 с.

Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Кринко Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. 2010. № 1 (10). С. 456-470.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в усло- виях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону, 2013. 362 с.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Тажидинова И.Г. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Кудрин О. Время, вперед, к Апокалипсису! // Вопросы литературы. 2010. №3. С. 369-417.

Макарова Н.Н. Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43). С. 205-213.

Микуленок Ю.А. Семейные конфликты и эмоциональный мир супругов в советской действительности в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Теория и практика обще- ственного развития. 2014. № 19. С. 134-137.

Перов С.С. «Эмоциональные режимы» провинциальных городов юга РСФСР в межво- енный период по материалам оккупационной прессы // Голос минувшего. Кубан- ский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 115-120.

Перов С.С. Эмоциональные режимы в провинциальных городах юга России в межвоен- ный период (по материалам коллаборационистской прессы) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1 (56). С. 92-96.

Перов С.С. Промышленные рабочие Кубани и Дона в 1920-1930 гг. как «эмоциональное сообщество» // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 90-93.

Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. 2010. С. 11-36.

Рожков А.Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4.

Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плам- пера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛЮ, 2010. 512 с.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы россий- ской истории. 2010. № 1 (10). С. 487-504.

Тажидинова И.Г. Эх, хорошо в стране советской жить?», или в поисках положительных эмоций в эпистолярном наследии 1930-х гг. // Проблемы национальной безопасно-

- сти России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза 29 Адлерские чтения. 2016. С. 219-224.
- Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 109–125.
- Хлынина Т.П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 295-307.
- Шахадат Ш. Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения // Российская империя чувств. 2010. С. 227-258.
- Юзефович Н.Г. Идеологизированный субстрат номинаций счастье и тоска в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Политическая лингвистика. 2014. №1(47). С. 279–283.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Righte, Emotions and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. №3. P. 487–528.
- Plamper J. The history of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010. № 49. P. 237–265.
- Reddy W. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Post-revolutionary France. Berkeley: Univ. of California press, 1997. 258 с.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
- Reddy W. Sentementalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern history. 2000. № 1. P. 109–152.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813-836.

REFERENCES

- Zorin A. «Ponyatie literaturnogo perezhivaniya» i konstruktsiya psikhologicheskogo protonarrativa: istoriya i povestvovanie // Istoriya i povestvovanie: Sb. st. / Pod red. G.V. Obatnina i P. Pesonena. M., 2006. S. 12–27.
- Ivantsov I.G. Povsednevnost' provintsial'nogo goroda 1920-1930-kh godov, kul'tur-naya istoriya emotsii v dokumentakh organov partiino-gosudarstvennogo kontrolya VKP (b) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2014. T. 2. № 53. S. 68-72
- Ivantsov I.G. Teoreticheskie aspekty lokal'noi istorii i povsednevnosti provin-tsial'nogo goroda v rannem sovetskom obshchestve // Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4. S. 97-100.
- Kelli K. Pravo na emotsii, pravil'nye emotsii: upravlenie chuvstvami v Rossii posle epokhi Prosveshcheniya // Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoi isto-rii emotsii / pod red. Ya. Plampera. M.: NLO, 2010. S. 51–77.
- Konarzhevskii A. 10 let na ostriie britvy. Kishinev: Lumina, 1991. 166 s.
- Krasavskii N. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh. M., 2008. 374 s.
- Krinko E.F. Prostranstvo i vremya v vospominaniyakh i pis'makh uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny // Problemy rossiiskoi istorii. 2010. № 1 (10). S. 456-470.
- Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945). Rostov-na-Donu, 2013. 362 s.
- Krinko E.F., Khlynina T.P., Tazhidinova I.G. Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii. Rostov-na-Donu, 2011. 360 s.
- Kudrin O. Vremya, vpered, k Apokalipsisu! // Voprosy literatury. 2010. №3. S. 369-417.
- Makarova N.N. Povsednevnost' chuvstv epokhi forsirovannoi industrializatsii (po materialam Magnitogorska 1930 gg.) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 1 (43). S. 205-213.
- Mikulenok Yu.A. Semeinye konflikty i emotsional'nyi mir suprugov v sovetskoj deistvitel'nosti v 1920-e gg. (na materialakh Kubani) // Teoriya i praktika ob-shchestvennogo razvitiya. 2014. № 19. S. 134-137.
- Perov S.S. «Emotsional'nye rezhimy» provintsial'nykh gorodov yuga RSFSR v mezho-ennyi period po materialam okkupatsionnoi pressy // Golos minuvshogo. Kuban-skii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4. S. 115-120.

- Perov S.S. Emotsional'nye rezhimy v provintsial'nykh gorodakh yuga Rossii v mezhvo-ennyi period (po materialam kollaboratsionistskoi pressy) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2015. № 1 (56). S. 92-96.
- Perov S.S. Promyshlennye rabochie Kubani i Dona v 1920-1930 gg. kak «emotsio-nal'noe soobshchestvo» // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. № 4. S. 90-93.
- Plamper Ya. Emotsii v russkoi istorii // Rossiiskaya imperiya chuvstv. 2010. S. 11-36.
- Rozhkov A.Yu. «Emotsional'nyi povorot» v istoricheskoi nauke: osnovnye ponyatiya i podkhody // Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4.
- Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoi istorii emotsii / pod red. Ya. Plampera, Sh. Shakhadat, M. Eli. M.: NLO, 2010. 512 s.
- Tazhidinova I.G. Tsennost' veshchei: izmerenie voennogo vremeni // Problemy rossii-skoi istorii. 2010. № 1 (10). S. 487-504.
- Tazhidinova I.G. “Ekh, khorosho v strane sovetskoi zhit'?”, ili v poiskakh polozhitel'-nykh emotsii v epistol'yarnom nasledii 1930-kh gg. // Problemy natsional'noi bez-opasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti. 25 let bez Sovetskogo Soyuzu. 2016. S. 219-224.
- Fevr L. Chuvstvitel'nost' i istoriya // Fevr L. Boi za istoriyu. M., 1991. S. 109–125.
- Khlymina T.P. «Pisali i pro voinu, i tosku po domu»: dnevniki i pis'ma voennogo vremeni kak praktiki realizatsii privatnogo // Problemy rossiiskoi istorii. 2013. № 1. S. 295-307.
- Shakhadat Sh. Psikhologizm, lyubov', otrashchenie, razum: emotsii s tochki zreniya literaturovedeniya // Rossiiskaya imperiya chuvstv. 2010. S. 227-258.
- Yuzefovich N.G. Ideologizirovannyi substrat nominatsii schast'e i toska v Rossii predvoennogo perioda v stat'e Sheily Fitzpatrik // Politicheskaya lingvistika. 2014. №1(47). S. 279–283.
- Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Righte, Emotions and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. №3.R. 487 – 528.
- Plamper J. The history of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010. № 49. R. 237–265.
- Reddy W. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France. Berkley: Univ. Of California press, 1997. 258 s.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
- Reddy W. Sentementalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern history. 2000. № 1. R. 109 – 152.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813—836.

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; makarovanadia@mail.ru

Emotional mode of the age of the forced industrialization (on the materials of Magnitogorsk)

The article considers an emotional regime that developed in the new industrial center in the period of accelerated industrialization. Currently, the history of emotions is mainly oriented to extensive material from the point of view of the chronology and spatial extent. The author offers an example of the study of emotional communities at local material and beliefs, which the thoughts and feelings of the citizens wanted to unify within the concept of formation of a "new city" and Magnitogorsk, impose a certain set of normative emotions and the official practices, as well as expressing their emotions, which acted as a support for an existing political regime.

Keywords: history of emotions, emotional mode, new town, industrialization, Urals, Magnitogorsk

Nadezhda Makarova, PhD in History, Associate Professor, Department of General History, Nosov Magnitogorsk State Technical University; makarovanadia@mail.ru

---

ДИСКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вопросы обозначения статуса, выбора варианта самоопределения и самопредставления сами по себе крайне сложны, а их раскрытие на фрагментарном историческом материале, сохранившемся от доиндустриальных эпох, требует и особых источниковедческих навыков, и широты методологических наработок. Конкретно-исторические сюжеты и общие подходы к этим проблемам обсуждались на круглом столе «Дискурсы идентичности от Средневековья к раннему Новому времени: светское и сакральное», проведенном в рамках международной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики». Дискуссии о специфике дискурса средневековой идентичности объединили медиевистов – специалистов по российской истории и по истории латинского средневековья и Раннего Нового времени, включая историков средневековой Церкви и религиозности. Темы обсуждения – историческая память: от экзегезы к конструированию идентичности; язык: коммуникация и идентичность; групповая идентичность и историческая память: дискурсы и статусы; общность, конфессиональность, этничность: парадоксы самоидентификации. Из каждого проблемного блока для публикации были выбраны материалы казусов, раскрывающие тот или иной яркий аспект общих тем.

PAUL SHORE

**“MEMORIA VAS MULTORUM CAPAX”
MEMORIA AS A VESSEL OF JESUIT HISTORY,
ACTION, AND IDENTITY**

During the 230 years before their suppression in 1773, the Jesuits developed a culture with *memoria* as a key foundation. In Jesuit schools *memoria* cultivated through exercises provided students access to concepts from which they constructed an understanding of ancient (and by the mid-eighteenth century more recent) history. In Jesuit culture, *memoria* provided access to “Jesuit time”, in which narratives of Jesuit martyrdoms were recalled backwards from the moment of martyrdom to earlier points in the martyr’s life. Such recollections provided guideposts for spiritual life, helped create a remembered common history, and were enshrined in writings and rituals that sustained the collective identity of the widely dispersed Jesuits and shaped such innovations as Matteo Ricci’s “Memory Palace”.

Ключевые слова: *Jesuits, memoria, martyrdoms, recollection, narrative, identity*

During the first two centuries of its existence (1540–1740), the Society of Jesus built a formidable reputation as a missionary, educational, and ideological force of worldwide significance. In each of these roles a special understanding of the process of recollection and of the tools that aid in recollection was cultivated, both of which were generally referred to by the Latin term *memoria*. This essay will explore some of the ways that *memoria* in both these senses influenced the institutional culture and individual experiences of Jesuits during a period that may be denominated “baroque”¹, and

---

¹ Levy 2004, 45.

how each of these aspects of *memoria* contributed to the Jesuit understanding of the history of the Society and of history more generally.

Memoria can be identified with three aspects of Jesuit activity: *Eloquentia*, *missio*, and *veneratio*. Each of these reinforced the sense of institutional history of the Society of Jesus, as well as the history of the *Ecclesia triumphans* which the Society strove to serve. Cypriano de Soares, S.J. (1524–1593) argued that *memoria* was an integral part of *eloquentia*: Non enim solum rerum, sed etiam verborum ordinem praestat, & propemodum infinita complectitur². *Memoria* therefore could manipulate and direct the sequence in which themes, identified by their noun signifiers, were accessed by the speaker and then introduced in a rhetorical performance. To bring this tool into play, the speaker needed to master the works of the Roman rhetorician par excellence, Cicero³. This access was achieved through classroom recitation, and in some instances, through performance by the classroom instructor. Jesuit presses also produced editions of the Roman's works to be used in classrooms⁴. Cicero was a model to be imitated through careful recall of his techniques, and also a figure associated with literate culture whose name might be referenced by students at Jesuit academies seeking through public performance to confirm their membership in that culture. Significantly, his status as a Pagan author did not limit Cicero's appeal to Jesuit missionaries and pedagogues – indeed the access Cicero provided to a classical past was greatly valued⁵.

Another pillar of the Jesuit curriculum was Aristotle, whose theories of memory, as understood by St. Thomas Aquinas, were analysed by the humanist Gregory of Valencia (c. 1550–1603): "...illa potentia, quae in parte sententiva dicitur memoria, eo quod eius formale & adaequatum objectum est res praeterita, vt praeterito tempore sensu aliquot percepta fuit"⁶. The linking of sensory experience and *memoria* was by no means a Jesuit invention, but the Society's celebration of "God in all things" invited this special attention to the sensory world, and delivered the process of *memoria* from become a merely internal exercise. *Memoria* and *missio* could be intimately connected in Jesuit experience. Writing about the Jesuit experience in New France in the seventeenth century, Gilles Thérien observes "...the rhetoric that the Jesuits brought back into favor, for themselves and also for others, was a rhetoric

² *Tabulae Rhetoricae Cypriani Soarii...*, 69.

³ Maryks 2008, 4.

⁴ E.g., *De oratore ad Q. fratrem M. Tullii Ciceronis...*

⁵ Marc André Bernier, Clorinda Donato, and Hans-Jürgen Lüsebrink write, "fundamental to Jesuit culture, reference to Cicero thus allows for an optimistic conception of language, one where the glorified memory of the Ancients' oratorical model defines the terms of a rhetorical humanism in which constant parallels between ancient ideal and modern experience further energize an imagination that is both comparatist and critically based." – Bernier, Donato, Lüsebrink 2014, 3-17; at 11.

⁶ *Gregorii de Valentia Metimnensis, e Societate Iesu...*, col. 1167.

transformed by the daily exercise of their mission, a rhetoric that offered a trustworthy and homogenous memory that would inspire all those confronted with New France⁷. This rhetoric used words and patterns of words to summon up recollections of actions (as opposed merely to events experienced) which themselves referenced earlier actions undertaken both by other Jesuits and by older roles models.

Thus the link between two elements of classical rhetoric, *actio* and *memoria*, is enhanced by the peculiar purposes and patterns of mission, where classroom tools such as books, might be in short supply. Among these purposes and patterns is the vector of mission which consciously leads in many instances towards martyrdom⁸. At the twilight of the Jesuit baroque, Giulio Cesare Cordara (1704–1785), the last great historian of the pre-Suppression Society⁹, could still describe the martyrs of the early seventeenth century in terms that stressed *memoria* in terms of a mental capacity¹⁰.

The pedagogical aspect of mission presented the hierarchically arranged program of the *Ratio Studiorum* systematically to the youngest objects of the mission¹¹, some of whom themselves eventually became Jesuits who would later perpetuate the process. At the same time the object of mission activity also possessed a *memoria* (in both the sense of a mental landscape and physical objects that aided in the organization of recollections) derived from his or her own culture and with which the missionary had to engage even as he sought to modify or overturn the theological positions embedded in it¹². The Society's translation projects, often connected with mission activities, grappled with the boundaries of concepts and words which were to be translated into the Latin term *memoria*. Ignazio Lomellini (c. 1560–1645), who completed a Latin translation of the Qur'ān in 1622, for example, translated wal-dhik'ri (at sura 3:58) as "et memoria"¹³. Although the trilateral root ر ك ذ has a basic meaning of memory, وَالذِّكْر refers

⁷ Thérien 2001, 68-84; at 75.

⁸ *Memoria* kept the narrative of martyrdom and sacrifice alive, while the display of *memoria* by Jesuit missionaries was itself included in the narrative. Cf. the story of Father Julius Mancinellus in: Tanner M.DC.XCIV, 504.

⁹ The Society was suppressed in 1773 by the papal breve *Dominus ac Redemptor Noster*. – Vogel, "The Suppression of the Society of Jesus, 1758-1773".

¹⁰ "Non aboleri tamen ex hominum mentibus potuit fortissimorum memoria Martyrum..." – *Historia Societatis Iesu...*, 79.

¹¹ Here memory and gesture were linked, with words placing an important art in the process. – Fitzpatrick 1933, 210.

¹² An example of Jesuit awareness of how *memoria* was accessed in non-Western settings is found both in Blas Valera's description of Inca quipus and in the Jesuit response to the Chinese *memoria* which included the cult of ancestors. – Hyland 2003, 129; and Thérien 2001, 75.

¹³ Ignazio Lomellini, *Animadversiones, Notae ac Disputationes in Pestilentem Alcoranum*, Biblioteca Universitaria Genova Ms A-IV-4, folio 264^v.

not to a human faculty but to devotional acts that promote remembrance, something Lomellini as a baroque Jesuit would have understood very well.

The mission of Matteo Ricci (1552–1610) to the Imperial Court of China combined aspects of other Jesuit mission projects with advanced academic activities similar to those undertaken in European universities where *missio* was a less obvious priority. Ricci presented his hosts with a “palace” that was constructed through *ars memoria*. Jonathan Spence describes this structure thus: “In 1596 Matteo Ricci taught the Chinese how to build a memory palace... to provide storage spaces for the myriad concepts that make up the sum of our human knowledge”¹⁴. *Ars memoriae* had its roots in the Ciceronian tradition¹⁵, but Ricci shrewdly recognized its value to candidates in the Confucian examination system, and thus combined educational and missionary threads with the promotion of a process central the Society’s own identity. Both the performance value of *ars memoriae* and its practical value to an important segment of the Chinese population reflected the Society’s institutional culture, in which public performances were included in annual reports of the Society’s accomplishments¹⁶ and career-oriented skills were offered as a desirable outcome of Jesuit schooling to prospective students¹⁷. Jesuits recognized the vulnerability of this human *memoria* and the need to cultivate and repair it. Jeremias Drexler (1581–1638), a best selling author of devotional literature and professor of rhetoric, wrote: “Memoria vas multorum capax, sed rimarum plenum, hæc atque illæc perfluit. Meminisse siquidem est, rem memoriæ custodire...”¹⁸.

The “cracks” in this vessel of *memoria* might be repaired through repetition or interaction with others striving to master the same material. In this way *æmulatio*, whereby younger students observed and imitated the performances of older ones, became interwoven with strategies of recollection. Other Jesuits placed more emphasis on the relationship between *memoria* and *intellectus*, both of which might be deployed to construct historical narratives. Athanasius Kircher (1602–1680) grouped *memoria* with *intellectus* and *voluntas* as the three *species* of human faculties which could be used to investigate “prima & universalia attributa cuiusque rei per omnia causarum genera.”¹⁹ Determining causes and identifying *univesalia attributa* were

¹⁴ Spence 1984, 1.

¹⁵ Cicero, *De Oratore*.

¹⁶ E.g., Archivum Romanum Societatis Iesu, *Austria 211, An. Prov. Austriae 1754*, folio 76v.

¹⁷ O’Malley 2000; Hufton 2008.

¹⁸ R.P. Hieremie Drexelii, *e Societate Iesu, Operum tomus primus...*, 740.

¹⁹ Athanasii Kircheri *e Soc. Jesu... Ars magna sciendi...*, 141. These three “powers of the soul” were identified by Ignatius in the first exercise of his *Spiritual Exercises*, which recounts the story of the rebel angels, a narrative whose contours could be applied to historical events as well. – Smith 2002, 40. Ignatius, writing the *Exercises* initially in Spanish, uses the phrase “traer la historia” that would later be translated into Latin as

tasks that Jesuit historians often set for themselves, as Ricci himself demonstrated in his account of the Chinese mission²⁰. In a more prosaic yet still important way, *memoria* also could denote the record keeping procedures of an eighteenth-century Jesuit mission²¹. Supplies moving from Mexico City to missions far to the north were documented in a *memoria* that could run to many pages and which situate these communities within the material culture of the day. Again the tie between that which is grasped through sensory means and the more internally maintained aspects of *memoria* remained strong, as did the practical uses of *memoria*.

When we consider these examples, which share much more than an identically spelled word, alongside of the Jesuit deployment of *memoria* as a tool for gaining acceptance at the Imperial Chinese court, we can identify common elements that contribute to our understanding of how *memoria* shaped the Society's culture. First, *memoria* tied together the material world and the internal mental landscape, leading to a sense of "ownership" of both²². In addition, the history of the Society could be linked to the experiences of individual Jesuits as well as to other episodes in the history of the Church. Secondly, the trigger bringing the idea or fact to the *memoria* might be located external to the one seeking to remember it: Jesuit emblematics utilized a combination of representational and symbolic art along with Latin tags to deliver a moral message which might be retained in the *memoria*. These emblems never explicitly referenced events in the Society's history, but presented moral truths that were reflected in Jesuit self-presentation and thus were part of a historical narrative²³. And when Jesuits created new emblems or appropriated existing ones when making new collections, *memoria* played a key role in this process as well²⁴.

The relationship between the more bizarre and unusual elements of both Jesuit emblematics and of written Jesuit institutional history and the promotion of *memoria*, a phenomenon that can be linked with the so-called Von Restorff effect²⁵, deserves further investigation.

"adducere in mentem"; memory was thus equated with history in the most important of the Society's texts. – Peters 1968, 27.

²⁰ *The Journals of Mateo Ricci...*

²¹ Crosby 1994, 142.

²² "Memoria autem retinet & conservat eas intentiones tam sensatas, quam insensatas." – *D. Francisci Toleti Societatis Iesu, Commentaria...* 453.

²³ *Imago Primi Saeculi* combines a "biography" of the Society's first century with emblems.

²⁴ An example of the combination of appropriation and creation of emblems is a work by Franciscus Partinger dated about 1710, *Status Aminae Immortalis Ascetice, Historice, Polemice...* Eötvös Loránd Tudományegyetem könyvtára Ms A 155. In one of the emblems in this collection, a street scene from the Transylvanian town in which Partinger was working is fused with symbols and language recalling earlier emblems.

²⁵ Restorff 1933.

Because the Society did not prescribe a distinctive habit for its members (who might need to travel incognito through hostile environments), and because Jesuits were typically not tied to an identity connected with a particular tract of land, *memoria*, held collectively and individually, became a key means of defining the Jesuit experience. Landmarks in this recalled experience were *exempla* of virtue demonstrated by earlier Jesuits. An *exemplum* undertaken by a living person must also be seen to be honoring earlier *exempla*, for as the playwright and moralist Nicolò Avancini (1612–1686) wrote: “Nullus Ordo Divorum est, cui non suos honores venerationemque tribuit”²⁶.

The *memoria* that recalled the Society’s *suos* (i.e., Jesuits who had gone before) was not only a spiritual glue which held the order together, it was a means by which scholastics (Jesuits in training) learned how to become Jesuits and older members of the Society might recall how they had become Jesuits. Acts of *veneratio* brought individual Jesuits back to milestones in the history of Society both for edification, and to revisit the historical narrative of the history of their order²⁷. In this history the presence of the sacred reinforced the sense of the Society as an “impermeable, even autonomous body”²⁸. *Veneratio* of the saints of the early Church likewise fostered a sense of connection between the Jesuits and their predecessors as part of a historical whole²⁹.

Memoria might also be accessed through other media, including the auditory means. And while liturgical music was an important example of this category, chamber opera was likewise an effective way of cultivating *memoria*. *Patientis Christi Memoria*, or “Memory of the Suffering of Christ”, by Johann Bernhard Staudt (1654–1712) is one such example of this approach. Staudt, the chorus director of the Jesuit Royal College in Vienna, presented this work on Holy Saturday in 1685 in keeping with the tradition of keeping watch at “sepulchers” of Christ in churches on Good Friday³⁰. The act of keeping the vigil involved both a physical alertness and a capacity to recall the incidents of Christ’s passion as presented each year to Eastertide. Both the words and the music of the opera were cues for *memoria*, which in this instance could include the recollections of laypersons. And because these rituals were repeated annually, anticipation could precede the encounter with *memoria*.

Memoria, with its ability to trigger emotions and its close ties to sensory experience, was ideally suited to baroque culture, Catholic and Protestant

²⁶ *Leopoldi Gvilielmi, archidvcis Avstriae, principis pace et bello...* 1665, 41.

²⁷ One of the most widespread instances of such veneration was directed to the Jesuit martyrs of Japan. *Jacobi Bidermani e Societate Jesu...* 1696, 96ff.

²⁸ Wilding 2016, 319-335; at 321.

²⁹ The monumental *Acta Sanctorum* undertaken by the Bollandists and published beginning in 1643 linked the events of the distant past with the liturgical year.

³⁰ Kennedy 2006.

alike³¹. But while it was by no means useless in a late eighteenth-century world where taxonomies and encyclopedic organization of information continually gained importance, the capacity of *memoria* to hold communities together and preserving collectively held values was severely tested in the decades before the suppression of the Society.

Was the demonstration of access to *memoria* in a public performance no more than a "trick" that could no longer compete with mathematical skill and new ways of arranging data? And was it so tied up with the baroque aesthetic of performance that when the former declined in popularity that *memoria* ceased to impress and motivate?³²

Other factors influenced the decline of the culture of *memoria* in the Society of Jesus. Although the baroque Society was a highly and even self-consciously literate organization, its activities constantly took it to preliterate communities whose experience of the divine was based less on a grammatically rationalized text and more on encounters with the sensory. By the second half of the eighteenth century the beleaguered Jesuits were investing more of their resources in trying to stave off expulsion and suppression, while far less effort was being devoted to exploring new missionary fields, to refining their time-tested *ars memoriae* techniques or even to developing new models to connect sensory experience and recollection. Nor was a Society facing an existential threat producing its finest written institutional histories.

Finally, the evolution and expansion of curriculum had decreased the influence of Aristotle, while the *philosophes* (many of whom had been educated in Jesuit schools) showed little enthusiasm for the passions and practices associated with baroque *veneratio*. Roman republican virtue as embodied by Cicero and Livy was now recruited for revolutionary purposes³³, not to endorse the elites who were a key element of the Jesuit educational program. *Memoria* would become visible again in the restored nineteenth-century Society, but without the prestige as a skill of value in the greater world that it had former enjoyed, and without the melding of Christian and

---

³¹ The Calvinist theologian and encyclopaedist Johan Heinrich Alsted (1588–1638) for example wrote, "Facit enim ad rerum intelligetiam expeditam, et plurimum confert ad ad memoriae facilitate simul ac diuturnitatem, sive impressionem, sive recordationem, sive ipsam redditionem inturere: quae tria requiruntur in bona memoria." – Johann Heinrich Alsted, *Encyclopaedia septem tomis distincta* 4 vols., forward by Wilhelm Schmidt-Biggemann (Stuttgart-Bad Canstatt: Frommann-Holzboog, 1989), 1, cited in: Strohm 2004, 93. *Memoria* was a field of conflict for competing Christian denominations. A Jesuit historian could react with distaste to the substitution of saints and martyrs of the Catholic Church by Protestants with figures such as Luther and Bucer in a way that was "indignum memoria temporum." – *Europea historia Societatis Jesu: 1. Pars prima*. 215.

³² In some regions of Eastern Europe, the close ties between local elites, who supported Jesuit schools, and dramatic productions that relied on *memoria*, sustained these productions almost until the suppression of 1773. But further west, Jesuit drama declined in popularity throughout the eighteenth century. – Shore, 2007, 141.

³³ Mellor 2001, 200.

Pagan language and symbolism. Only in the late twentieth century would *memoria* be revisited, now as a means of understanding the culture and identity of the pre-Suppression Society of Jesus.

REFERENCES

- Athanasii Kircheri e Soc. Jesu... Ars magna sciendi, in XII libros digesta...* (Amstelodami: Apud Joannem Jansonium à Waesberge, Anno MDCLXIX).
- Europa historia Societatis Jesu: 1. Pars prima. Anglia. Ex edito Romae Italico R. P. Danielis Bartoli...* (Lvgdvni: Sumptibus Adami Demen, M.DC.LXXI).
- D. Francisci Toleti Societatis Iesu, Commentaria, una cum quaestionibus in tres libros Aristotelis de Anima...* (Lvgdvni: Apud Ioan. Veyrat, & Tho. Soubron, M. DCII).
- Gregorii de Valentia Metimnensis, e Societate Iesu... commentariorum... Tomus Primus* (Lvgdvni: Sumptibus Horatij Cardon, M.DCIII).
- R.P. Hieremiae Drexelii, e Societate Iesu, Operum tomus primus...* (Lvgdvni: Sumptibus Ioannis Antonii Hvgetan & Marci Antonii Ravavd, M.DC. LVIII).
- Historia Societatis Iesu: pars sexta... tomus secundus ab anno Christi MDCXXV ad annum MCDCXXXIII auctore Julio Caesare Cordara...* (Romae: Typis Civilitatis Catholicae, MDCCCLIX).
- Imago Primi Saeculi* (Antverpiae: Plantin, 1640).
- Jacobi Bidermani e Societate Jesu Ubaldinus Sive De Vita & Indole Antonii Mariae Ubaldini Urbinitis, Montea Comitis Breviarium* (Ratisbonae, 1696).
- The Journals of Mateo Ricci*, cit. in Mingjun Lu, *The Chinese Impact upon English Renaissance Literature: A Globalization and Liberal Cosmopolitan Approach to Donne and Milton*.
URL:https://books.google.ca/books?id=EY21CwAAQBAJ&pg=PT169&dq=ricci+%22universal+attributes%22&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=ricci%20%22universal%20attributes%22&f=false
- Leopoldi Gvilielmi, archidvci Avstriae, principis pace et bello inclvty, virtvtes* (Antverpiae: Ex officina plantiniana Balthasaris Moreti, 1665).
- Matthias Tanner, *Societas Jesu Apostolorum Imitatrix...* (Pragae: Typis Universitatis, Carolo-Ferdinandae in Collegii Soc. JESU, ad S. Clementum, per Adalbertum Georgium Konias Factorem. Anno M.DC.XCIV).
- De oratore ad Q. fratrem M. Tullii Ciceronis de oratore ad Q. fratrem lib. III: in usum gymnasiorum Soc. Iesu* (Dillingae: Sutor, 1631).
- Tabulae Rhetoricae Cypriani Soarii, Sacerdotis e Societate Jesu...* (Pragae: Typis Universitatis, Carolo-Ferdinandae in Collegii Soc. JESU, ad S. Clementum, anno 1681).
- Mellor R., *The Roman Historians* (London: Routledge, 2001).
- Shore, Paul. *Jesuits and Politics of Religious Pluralism in Eighteenth-Century Transylvania: Culture, Politics and Religion* (Aldershot / Roma: Ashgate: Institutum Historicum Societatis Iesu, 2007).
- Selderhuis H.J. (ed.), *"Calvinus praceptor Ecclesiae": Papers of the International Congress on Calvin Research. Princeton, August 20-24, 2002* (Genève: Libraire Droz, 2004).
- Kennedy T.F., SJ, "Appendix: Jesuit Opera in Seventeenth-Century Vienna: *Patientis Christi Memoria* by Johann Bernhard Staudt (1654–1712)," // J.W. O'Malley, SJ, G.A. Bailey, S.J. Harris, and T.F. Kennedy, SJ (eds.), *The Jesuits II: Cultures, Sciences, and the Arts, 1540-1773* (Toronto: Un-ty of Toronto Press, 2006), 787-792.
- Wilding N. "Science and the Counter-Reformation," // A. Bamji, G.H. Janssen, M. Laven (eds.), *The Ashgate Research Companion to the Counter-Reformation* (Abingdon: Routledge, 2016)
- Restorff H. von, "Über die Wirkung von Bereichsbildungen im Spurenfeld (The effects of field formation in the trace field)". *Psychological Research* 18, 1 (1933): 299–342.
- Crosby H., *Antigua California: Mission and Colony on the Peninsular Frontier, 1697-1768* (Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994)
- Smith, Jeffery Chipps, *Sensuous Worship: Jesuits and the Art of the Early Catholic Reformation in Germany* (Princeton: Princeton University Press, 2002)

- Peters, William A.M. *The Spiritual Exercises of St. Ignatius: Exposition and Interpretation* (Jersey City: Program to Adapt the Spiritual Exercises, 1968)
- O'Malley J.J. “How Humanistic is the Jesuit Tradition? From the 1599 *Ratio Studiorum* to Now” // M. Tripole (ed.), *Jesuit Education 21: Conference Proceedings on the Future of Jesuit Higher Education* (Philadelphia: St. Joseph's University Press, 2000), 189-201.
- Hufton, Dame Olwen. “Faith, hope and money: The Jesuits and the genesis of fundraising for education, 1550–1650,” *Historical Research* 81, 214 (2008): 585-609.
- Spence J.D., *The Memory Palace of Matteo Ricci* (New York: Penguin, 1984)
- Hyland, Sabine, *The Jesuit and the Incas: The Extraordinary Life of Padre Blas Valera, S.J.* (Ann Arbor: University of Michigan Press, c. 2003)
- Fitzpatrick E.A., *St. Ignatius and the Ratio Studiorum* (N.Y.: McGraw-Hill, 1933).
- Vogel Chr., “The Suppression of the Society of Jesus, 1758–1773” *European History Online*. <http://ieg-ego.eu/en/threads/european-media/european-media-events/christine-vogel-suppression-of-the-society-of-jesus-1758-1773#ThecontentofthetransferprocessFromhistorytoconspiracytheory>
- Thérien G., “Memory as the Place of Fabrication of the New World,” trans. D. O'Neill // G. Warkentin and C. Podruchny (eds.), *Decentring the Renaissance: Canada and Europe in Multidisciplinary Perceptive 1500–1700* (Toronto: Un-ty of Toronto Press, 2001).
- Marc André Bernier, Clorinda Donato, and Hans-Jürgen Lüsebrink, “Introduction” // Bernier M.A., C. Donato, H.-J. Lüsebrink (eds.), *Jesuit Accounts of the Colonial Americas: Inter-cultural Transfers, and Textualities* (Toronto: University of Toronto Press, 2014).
- Robert Aleksander Maryks, *Saint Cicero and the Jesuits: The Influence of the Liberal Arts on the Adoption of Moral Probablism* (Aldershot: Ashgate, 2008).
- Evonne Levy, *Propaganda and the Jesuit Baroque* (Berkeley: Un-ty of California Press, 2004).

**“*Memoria vas multorum capax*”: *Memoria* как орудие
в историческом описании, деятельности и идентичности иезуитов**

В течение 230 лет до роспуска ордена в 1773 г. иезуиты сформировали культуру, в основе которой была *memoria*. В иезуитских школах *memoria* культивировалась благодаря занятиям, предоставлявшим студентам доступ к идеям, из которых те выстраивали свою картину античной (а к середине XVIII в. и недавней) истории. В культуре иезуитов *memoria* предоставляла доступ ко «времени иезуитов», в котором нарративы мученичества иезуитов выстраивались в обратном порядке, от мученичества к более ранним событиям жизни мученика. Такие повествования создавали указания для духовной жизни и общую историю; они были запечатлены в сочинениях и ритуалах, питавших коллективную идентичность иезуитов, разбросанных по всему миру, и порождали такие новшества, как «Дворец памяти» Маттео Риччи.

Ключевые слова: иезуиты, *memoria*, мученичества, воспоминания, нарратив, идентичность

Paul Shore, Adjunct Professor, Brandon University (Canada); shorep@brandonu.ca

А. Н. МАСЛОВ

“ГРЕЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД”
КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА?
Перечитывая сочинение Томаса Уолсингема “*Ditis ditatus*”

Характерными чертами «типично средневековых» представлений о гибели Трои нередко считается их зависимость от рассказов псевдо-очевидцев – Дарета Фригийского и Диктиса Критского (их «правдивые записи» противопоставлялись «лживым» сочинениям Гомера и иных древних поэтов), а также явная симпатия западных писателей к троянскому лагерю. Однако в ряде случаев данные оппозиции не наделялись принципиальным значением, и доминантой повествования оказывался синтез самых разных по происхождению известий о легендарном конфликте древности. Наиболее четко подобная «всеядность» проявляется в период XIV–XV вв., по мере существенной диверсификации корпуса троянских сказаний, усложнения соответствующей политической мифологии и усиления интереса к языческим верованиям как неотъемлемому элементу античной традиции. Обращаясь к произведению Томаса Уолсингема “*Ditis ditatus*”, автор акцентирует внимание на тех аспектах, которые прямо соотносятся с обозначенным синтетическим прочтением легендарного материала и техниками согласования «исторической» и «поэтической» репрезентации троянского прошлого в контексте позднесредневековой культуры.

Ключевые слова: *Дневник Троянской войны, Диктис Критский, Томас Уолсингем, рецепция античности*

В центре статьи – позднесредневековая латинская адаптация¹ одного из известнейших сегодня текстов, посвященных гибели Трои, — «Дневника Троянской войны», который приписывался вымышленному участнику легендарного конфликта — Диктису Критскому, спутнику царя Идоменей². Эта поздняя подделка (наряду с т.н. «Историей о разрушении Трои» Дарета Фригийского) в Средние века считалась самым достоверным свидетельством о войне между греками и троянцами. В данном качестве она нередко противопоставлялась «лживым рассказам» Гомера и других поэтов, которые не могли (или не хотели) сообщить «правду», засоряли свои повествования языческими небывицами и т.д. И тексту Дарета, и тексту Диктиса посвящено огромное количество специальных работ³, они доступны в переводах (в том числе, на русский), и, вообще, вряд ли нуждаются в особом представлении.

---

¹ Holtze 1974.

² *Dictys Cretensis* 1973.

³ Из относительно недавних публикаций, посвященных бытованию «Дневника» Диктиса и «Истории» Дарета в позднеантичном контексте, можно выделить: Schetter 1987, 1988; Merkle 1989, 1990, 1996, 1999; Beschoner 1992; Usener 1994; Pavano 1996; Cristóbal López 2001; Bretzigher 2008, 2009; Mheallaigh 2008; Hrs-fall 2008–2009; Bobrowski 2009; Gainsford 2012; Movellán Luis 2014; Lentano 2014.

Стоит, однако, оговорить, что «Дневник» Диктиса (точнее, латинский его перевод) гораздо хуже представлен в собственно средневековой рукописной традиции⁴. Но благодаря тому, что этот рассказ в XII в. был использован при написании старофранцузского «Романа о Трое», имя «греческого очевидца», как и имя Дарета, стало общеизвестным и регулярно повторялось на страницах книг, которые восходили к «Роману о Трое» (а таковых насчитывают изрядное количество).

Латинская обработка «Дневника» Диктиса, о которой далее пойдет речь, – плод ученых занятий писателя, хорошо знакомого средневековым. Это англичанин Томас Уолсингем, составитель прославленной «Большой хроники» (применительно к периоду 1376–1422 гг.), «Деяний аббатов Сент-Олбанского монастыря» и ряда иных текстов «историко-мемориальной» направленности⁵. Менее известна та часть его творческого наследия, которая тесно связана с античной литературной традицией. Сюда относятся такие тексты, как “Archana deorum” (развернутый комментарий на «Метаморфозы» Овидия), “Historia Alexandri Magni principis” (составлена на основе раннесредневековой латинской “Historia de proeliis”), сборник “Prohemia poetarum” (свод «подступов» или ученых прологов – т.н. *accessus ad auctores* – к сочинениям ряда античных и средневековых писателей) и, наконец, адаптация «Дневника» Диктиса, созданная, вероятно, в период с 1380 по 1394 гг.⁶

Что представляет собой эта адаптация? В целом, перед нами – замечательный пример компилятивного подхода: Томас Уолсингем дословно воспроизводит авторитетный «старинный» текст, регулярно дополняя повествование всевозможными пояснениями, которые касаются мифологии, географии, «народоведения», астрономии и т.д. В основу этих развернутых комментариев положены фрагменты, по большей части, отлично известных западной публике древних авторов – Вергилия, Овидия, т.н. Латинского Гомера, Горация, Плиния Старшего, Стация, Солина, Лактанция, Сервия, Павла Орозия и др. Как и в случае с основным рассказом, заимствования носят, в большинстве своем, буквальный характер. В этой связи сочинение вроде бы очень удобно для демонстрации «специфически средневекового» отношения к проблеме оригинальности текста, но, справедливости ради, стоит подчеркнуть, что Уолсингем обычно указывает, у кого именно он заимствовал

---

⁴ Большая часть манускриптов относится к XV в., рукописей старше этого времени насчитывают всего семь, три самые ранние из них датированы IX в.

⁵ Из недавних работ о Томасе Уолсингеме отметим публикации Дж. Кларка (Clark 2002, 2004 и ряд др.). Один из актуальных примеров обращения к историческим текстам Уолсингема в российской науке: *Калмыкова* 2010.

⁶ В целом, вопрос о датировке “Ditis ditatus” и других «классических» трудов Уолсингема довольно сложен и связан с пересмотром ряда гипотез В.Х. Гэлбрейта (Clark 2002. P. 853; *Federico* 2016. P. 2, n. 5).

материал, всякий раз отделяя (для этого в рукописи использованы специальные значки) исходный рассказ Диктиса от поясняющих его вставок. Он явно не претендует на презентацию комплекса собранных сведений только под своим именем: напротив, он приводит подробную характеристику пересказываемого «древнего текста» (опираясь на сведения стандартного пролога, предварявшего «Дневник» Диктиса в латинской традиции), о себе же говорит как о человеке, который помог «преумножить» или «обогатить» (лат. *ditare*) первоначальное повествование. Отсюда и название – “*Ditis ditatus*”, т.е. «обогащенный Диктис».

Понять, насколько такое «обогащение» было востребовано последующими поколениями читателей, можно исходя из того, что до наших дней сохранилась *всего одна* рукопись с текстом данного произведения, т.е. ни о какой популярности не может быть речи⁷. Кодекс, содержащий “*Ditis ditatus*” и множество других латинских текстов, хранится под шифром *Rawlinson B. 214* в оксфордской Бодлейанской библиотеке. Он датируется второй половиной XV в. (не ранее 1469 г.)⁸ и представляет собой обширную антологию, части которой весьма различны и по объему, и тематически. Адаптация Диктиса, выполненная Уолсингемом, размещается в самом начале книги, занимая более ста листов. Она как будто открывает первый блок текстов, в котором преобладают рассказы о военных подвигах и прославленных монархах. Так, непосредственно за работой Уолсингема следуют краткая версия «Илиады» Симона Шевр д’Ор⁹, метризованные перечни правителей Британии и Англии¹⁰, серия небольших анонимных поэм, повествующих о битвах при Креси, Невиллс-Кроссе (1346) и включении в герб английской короны капитингских лилий¹¹, поэма о войнах Эдуарда I с шотландцами¹², аноним-

⁷ Стоит отметить, что и другие сочинения «классического» цикла, вышедшие из-под пера сент-олбанского книжника, по большей части, уцелели в составе одного или – в лучшем случае (как “*Archana deorum*”) – двух манускриптов.

⁸ См. полное описание: *Rigg 1977. P. 309–324*. Переписчиком кодекса выступил августинец Джон Уайлд (в рукописи: “*J. Wylde*”, “*Jhon Wilde*”) из Уолтемской обители Св. Креста (Эссекс).

⁹ Небольшая латинская поэма, созданная в середине XII в. Переписчик *Rawlinson B 214* не знал имени ее подлинного автора (лат. *Simon Aurea Capra*, фр. *Simon Chèvre d’Or*), текст «Илиады» Симона в этом манускрипте воспроизведен не полностью и озаглавлен “*DESCRIPCIO ET RECAPITULACIO METRICA DE BELLO TROIANO SECUNDUM*” (*Rigg 1977. P. 314*).

¹⁰ Согласно Дж. Риггу, они представляют собой выдержки из текстов Томаса Элмхема и Джона Уитхемстеда (*Ibid. P. 314–315*).

¹¹ Тексты поэм публиковали (с учетом других рукописных копий и в иной конфигурации) Т. Райт (*Wright 1859. P. 26–53; Wright 1861. P. 130–131*) и Дж. Ригг (*Rigg 1999. P. 177–196*).

¹² Текст этой поэмы опубликован Т. Райтом по более ранним рукописям: *Wright 1839. P. 160–179*.

ная эпитафия на смерть Эдуарда III¹³, короткая поэма об испанской экспедиции (1367) Эдуарда Черного Принца¹⁴, ряд текстов Томаса Элмхема (включая сокращенный вариант известной “*Liber metricus de Henrico Quinto*”), анонимная ода на перемирие 1347 г.¹⁵. Дальнейшее содержание кодекса выглядит более пестрым, преобладающими становятся краткие тексты сатирического плана¹⁶, поток которых прерывает поэма Уолтера из Питерборо о битве при Нахере (воспроизведена примерно наполовину¹⁷). Наконец, в последней части манускрипта вновь проявляется интерес составителя к античной мифологии: раздел открывается серией миниатюр, посвященной языческим богам и явно отсылавшей потенциального читателя к соответствующим пассажам “*Ditis ditatus*”¹⁸. Следом переписчик поместил *accessus* к овидиевым «Метаморфозам» и развернутое толкование (лат. *expositio*) этой поэмы¹⁹.

Как видно, значительная часть латинской антологии, в составе которой сохранился текст Уолсингема, «работала» на авторитет английского королевского дома в лице Эдуарда I, Эдуарда III, Эдуарда Черного Принца и Генриха V. Такой «конвой» позволяет видеть в сочинении “*Ditis ditatus*”, помещенном в самом начале кодекса, своеобразный резервуар мифологических сюжетов, развернутых описаний древних героев и реалий «античности», а также соответствующих поэтических тропов, обращение к которым было актуальным, поскольку владелец кодекса интересовался латинской поэзией в целом и подобающими литературными формами прославления царственных соотечественников²⁰. Помимо этого, для составителя кодекса обработка «Дневника» Диктиса могла резонно предвзвешивать (в чисто хронологическом плане) перечисление островных правителей, играя роль традиционного «тройянского пролога» к разговору о более поздней британской истории. Впрочем, степень традиционности и уместности именно «греческого» свидетельства о Троянской войне вполне может быть оспорена применительно к ожиданиям западной аудитории. На одной из недавних по-

¹³ Опубликована: *Wright* 1859. P. 219–224.

¹⁴ *Ibid.* P. 94–96.

¹⁵ *Ibid.* P. 53–58.

¹⁶ Их перечень см. в статье: *Rigg* 1977. P. 319–321.

¹⁷ Стр. 96–114 в издании Т. Райта (*Wright* 1859. P. 96–122). Наряду с *Rawlinson B. 214* Райт использовал рукопись [Oxford, Bodleian Library] *Digby 166*. Отметим, что особенностью *Rawlinson B. 214* является наличие в ней уникального текста Пролога (fol. 189r–189v) к поэме Уолтера из Питерборо.

¹⁸ Данный иконографический цикл довольно хорошо известен специалистам по рецепции античности (перечень публикаций отдельных изображений см.: *Rigg* 1977. P. 322). Анализ миниатюр в связи с мифографическими аспектами текста Уолсингема см.: *Federico* 2013. P. 175–176; *Federico* 2016. P. 134–136.

¹⁹ Об идентификации этих текстов см.: *Rigg* 1977. P. 323–324; *Coulson* 1998.

²⁰ Ср. *Rigg* 1977. P. 329–330.

пыток столкнуть сведения «обогащенного Диктиса» с обычным для [образованной] островной публики восхвалением собственных «троянских истоков», мне и хотелось бы остановиться чуть подробнее.

“*Ditis ditatus*”, как и другие тексты Уолсингема на античную тематику, исследован пока недостаточно. Его единственное критическое издание увидело свет в далеком 1974 г. в рамках докторской диссертации Элизабет Хольце²¹ и на сегодня остается непревзойденным. В целом же, обращение к интересующей нас ипостаси сент-олбанского хрониста (как знатока древних текстов и мифографической традиции) серьезно актуализировалось благодаря публикациям Джеймса Кларка и, в первую очередь, его «программной» статье «Переосмысленный Томас Уолсингем»²². Именно исследованиям Кларка мы обязаны относительно стройной контекстуализацией сочинения “*Ditis ditatus*” и его толкованием в качестве характерного примера увлечения «классиками» среди английских интеллектуалов конца XIV – начала XV в.²³

Применительно к троянской тематике, текст Уолсингема может быть проблематизирован в трех основных аспектах. Во-первых, очень занимателен сам факт доступности текста Диктиса в Англии второй половины XIV в., поскольку (как отмечено выше) случаи прямого использования «Дневника Троянской войны» вплоть до середины XV в. крайне редки, что находит параллель и в истории с тиражированием / циркуляцией рукописей. К сожалению, вероятность реконструкции гипотетической цепочки, по которой одна из копий «Дневника» в конце концов попала к Уолсингему, довольно мала. Хотя Кларком и высказывалось предположение о том, что сент-олбанский книжник был знаком с августинцем из Йорка Джоном Эргомом, среди рукописей которого единственный раз применительно к Англии до конца XV в. упомянут труд «Диктиса Критского», строить какие-то выводы на этой основе непросто. По-видимому, более твердая база может появиться лишь по мере комплексного изучения обстоятельств, при которых в распоряжении Уолсингема оказались копии иных (редких и не очень) античных либо раннесредневековых текстов, но и эта задача крайне трудна и вряд ли будет решена в ближайшее время.

Еще одна линия проблематизации связана с модным для современной историографии и литературоведения (особенно, англо-американского) желанием соотнести регулярное обращение английских авторов конца XIV – начала XV в. к троянской теме с масштабными поли-

---

²¹ *Holtze* 1974.

²² *Clark* 2002. Эта статья позднее вошла в монографию Кларка “Монастырский ренессанс в Сент-Олбансе” (*Clark* 2004. Р. 209–238).

²³ И в уже упомянутых работах, и в ряде иных текстов (напр.: *Clark* 2011) Дж. Кларк отстаивает мысль о том, что английские монастыри в данный период играли важнейшую роль в трансляции знаний об античности.

тическими конфликтами в период правления Ричарда II, и – шире – с неким *кризисным восприятием* окружающей политической реальности интеллектуалами позднего Средневековья. Такой тренд оформился на пересечении двух весьма интересных (хотя отнюдь не бесспорных) гипотез. Первая развивалась еще Дэвидом Бенсоном²⁴ и была наиболее четко сформулирована Джеймсом Симпсоном²⁵. Оба автора подчеркивали особый, пессимистический характер позднесредневековых нарративов о Троянской войне: многие подробные рассказы о противостоянии греков и троянцев не столько подкрепляли миф о славном троянском происхождении тех или иных западных династий (либо целых народов), сколько подрывали его, выступали образчиками своеобразной «контрмифологии». Вторая захватывающая теория в конце 1980-х – начале 1990-х гг. кристаллизовалась благодаря Ли Паттерсону, который, обдумывая соотношение эротической и политической линий в знаменитой поэме Чосера «Троил и Крессида», предположил, что здесь обыгрывается тема девиантных любовных связей в ближайшем окружении молодого короля Ричарда II – связей, не понимаемых и не принимаемых большинством, а потому обрекающих сообщество «троянцев» (вроде бы и объединенных перед лицом общей угрозы) на раскол и пробуждение плохо контролируемой тяги к саморазрушению²⁶.

Обозначенные подходы весьма интересно переплелись в ряде работ Сильвии Федерико. Уже в своей докторской диссертации²⁷, а затем и в первой монографии²⁸ американская исследовательница предельно заостряла характеристику Лондона эпохи Ричарда II – «Новой Трои» – как территории [порочной] изменчивости и нестабильности. Федерико вычитывала у таких поэтов, как Джон Гауэр и Ричард Мэйдстоун, мотивы, якобы позволявшие изобразить английскую столицу ареной (и участницей!) матримониального соперничества, в ходе которого существенно понижался статус мужчины-правителя. Поскольку мне уже доводилось высказывать сомнения относительно верифицируемости этих построений²⁹, ограничусь здесь лишь словами о том, что на каждый довод С. Федерико в пользу драматичности и травматичности «троянского настоящего» Лондона, может быть предложен менее сенсационный контраргумент. Вместе с тем, упомянуть о таком прочтении совершенно необходимо, ведь очень похожий набор интерпретационных фильтров Федерико недавно использовала при анализе сочинения Уолсингема “*Ditis ditatus*”.

---

²⁴ Benson 1980.

²⁵ Simpson 1998.

²⁶ Patterson 1991. P. 84–164.

²⁷ Federico 1997. P. 60–104.

²⁸ Federico 2003. P. 1–28.

²⁹ Маслов 2013.

Речь идет о статье в ежегоднике “Studies in the Age of Chaucer”³⁰, которая затем – с рядом дополнений – была включена в новую книгу Федерико, посвященную работам Уолсингема на (около)классические темы³¹. Собственно, здесь и можно обнаружить всю линейку модных ныне «новоисторицистских» клише: опыт обращения к памяти о троянском происхождении для писателей (и читателей) Позднего Средневековья в целом *травматичен*, а применительно к эпохе правления Ричарда II *травматичен* вдвойне: поскольку Уолсингем крайне критично относился к этому правителю, то и выбор им в качестве источника для адаптации «враждебного» (греческого) свидетельства Диктиса далеко не случаен³². По мнению Федерико, английский писатель *сознательно* дезавуирует обычное позитивное восприятие троянских героев, ведь вместо того, чтобы выбрать более адекватный в плане прославления троянцев (да и более доступный) текст Дарета, он пересказывает «Дневник» *грека* Диктиса, уделившего гораздо больше внимания непотребному поведению Париса, склокам в троянском лагере, недовольству рядовых троянцев своими вождями и т.д.³³ Все эти «скандальные» повороты сюжета предсказуемо проецируются на общественные настроения в Англии конца XIV в., которые обусловили свержение короля Ричарда³⁴. В общем и целом, написание Уолсингемом текста “Ditis ditatus” позиционируется как своеобразный *политический* жест, интерпретированный, помимо прочего, вкуче с «синхронным» (и столь же «злободневным») обращением Чосера к трагической истории любовных отношений между троянским царевичем и ветреной Крессидой.

Коль скоро, однако, читатель заведет знакомство с оригинальным текстом “Ditis ditatus”, он убедится, что ни о какой единой системе координат, ни о какой исключительно «греческой» перспективе применительно к этому опусу говорить нельзя. Уолсингем, действительно, заботится о том, чтобы читателю было понятно, где рассказ ведется от имени Диктиса, а где – нет, но при этом оказывается совершенно всеяден в качестве соавтора / комментатора. Повествование Диктиса «обо-

³⁰ *Federico* 2013.

³¹ *Federico* 2016. P. 95–136 (Ch. 3. Court Politics and Italian Letters in *Ditis ditatus* and *Troilus and Criseyde*). Далее ссылки приводятся именно на эту позднейшую публикацию.

³² *Ibid.* P. 99–103. См. в данной связи и весьма показательное заключение Федерико относительно роли “Ditis ditatus” в составе кодекса Rawlinson B. 214: *Ibid.* P. 127–128. Вызывает удивление тот факт, что Федерико никак не комментирует следующий за “Ditis ditatus” список «Илиады» Симона Шевр д’Ор, которая выдержана в традиционном («протроянском») ключе. Вероятно, упоминание об этом тривиальном (во всех смыслах) тексте может несколько помешать презентации “Ditis ditatus” в качестве вместилища «антирикардианских аллюзий».

³³ *Ibid.* P. 115–120.

³⁴ *Ibid.* P. 121–125.

гащается» за счет самых разных сочинений античности (в меньшей степени – средневековых текстов) так, что никакого ощущения при-
верженности одному-единственному «носителю правды» не возникает. В ряде случаев Уолсингем привлекает (оговаривая это) и рассказ Дарета Фригийского³⁵, и – очень активно – «певца империи» Вергилия³⁶, и [латинского] Гомера³⁷. В деле оптимизации лаконичного текста «очевидца» этот «Omerus», кстати, замечен едва ли не чаще остальных «классиков». Кажется, что оппозиция греческий / троянский (римский), как и противопоставления правдивый / ложный, проза / поэзия, отнюдь не релевантна замыслу английского книжника, «продвигающего» не историю, а *фабулу* – мифологический рассказ, в основу которого помещены сведения уважаемого древнего писателя и который расцвечен сведениями других не менее уважаемых авторов. Откуда эти последние почерпнули свои знания, были они греками или римлянами, писали прозой или стихами, Уолсингема в данном конкретном случае, по-видимому, не очень волновало.

Такой подход, к слову, противоположен манере знаменитого Гвидо делле Колонне – составителя более ранней «Истории разрушения Трои»³⁸ (закончена в 1287 г.). Гвидо тоже сочинял на латыни, тоже не прочь был блеснуть эрудицией, тоже старался (время от времени) чему-то научить аудиторию. В его «Истории» обозначенные выше оппозиции прослеживаются довольно четко. Для Гвидо рассказы о Троянской войне делятся на правдивые и лживые: правду рассказывают Дарет и Диктис («будто бы в один голос»³⁹), а лжет Гомер, поскольку не был очевидцем, находился во власти языческих предрассудков, вел рассказ в стихах, соперничал греческим героем. Носителем «полуправды» может быть представлен Вергилий, который «если о деяниях троянцев, когда касался их, рассказывал, по большей части озаряясь светом истины, то в остальном от выдумок Гомера воздержаться не пожелал»⁴⁰.

Такой градации древних авторов и такого критического запала нет в тексте Уолсингема. «Обогащая» Диктиса, наш компилятор проявляет себя не столько «ловцом правды» или моралистом, сколько ценителем «старины вообще», – в этом качестве он формирует не совсем стандартный взгляд на Троянскую войну и ее последствия, в известной мере абстрагируясь от мемориально-идентичностных и нравственных

---

³⁵ *Holtze* 1974. P. 21, 289.

³⁶ *Ibid.* P. 60, 70, 74, 95–96, 105, 108, 136, 199, 207, 217, 243, 249–250, 257, 259, 286.

³⁷ *Ibid.* P. 37–38, 59, 70, 94–95, 98, 100, 102, 105–107, 113–116, 118, 121, 137–138, 145–147, 151, 160, 163, 170, 200, 205.

³⁸ *Guido de Columnis* 1936.

³⁹ Этот аспект восприятия «аутентичных свидетельств» Дарета и Диктиса недавно рассмотрен в статье: *Маслов* 2016. С. 89–95.

⁴⁰ *Guido de Columnis* 1936. P. 4.

компонентов повествования о прошлом⁴¹. Его подход более напоминает гуманистическую («обмирщенную») модель: Уолсингем предлагает читателям некую коллекцию знаний о героях, богах, верованиях древности и собирает сведения о них где только возможно, создавая в итоге своеобразное пособие по мифологии, которая, однако, – и это нужно особо подчеркнуть, – практически не выступает в “*Ditis ditatus*” «сырьем» для христианской аллегоризации и каких-либо нравочений⁴².

Представляется, таким образом, что сочинение “*Ditis ditatus*” может быть полезно для перенастройки аналитической «оптики» современных исследователей, сталкивающихся с подробными описаниями Троянской войны и – уже по привычке – декодирующих эти рассказы в проблемном кадре конфликта идентичностей, «надломленной» групповой памяти и тому подобным ракурсах. На протяжении последних десятилетий медиевисты не переставали говорить о значимости троянских сказаний в связи с топикой *translatio imperii*, с обоснованием или критикой властных претензий, с продуцированием образов Своего и Другого. Сегодня более интересным выглядит поиск культурных контекстов или, если угодно, исторических ситуаций, в которых эти коды могли в какой-то мере размыться и (конечно же, не утрачивая всей своей значимости!) восприниматься с меньшей категоричностью. Иными словами, хотелось бы акцентировать в корпусе троянских легенд Средневековья, черты не только обосновывающего / развенчивающего чьи-то властные претензии нарратива, но и повествования, включающего в себя потенциально различные векторы смыслополагания. Именно эта линия проблематизации сочинения “*Ditis ditatus*” может быть более важна по сравнению с попытками представить данный текст очередным свидетельством травмирующего и политизированного диалога с древностью в «мрачную эпоху» позднего Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. [*Kalmykova E.V.* *Obrazy vojny v istoricheskikh predstavleniyah anglichan pozdnego Srednevekov'ya*. М.: Kvadriga, 2010]
- Маслов А.Н.* Несчастная «новая Троя»? К интерпретации латинской поэмы о примирении короля Ричарда II с лондонцами // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–3. С. 88–99. [*Maslov A.N.* *Neschastnaya «novaya Troya»? K interpre-*

⁴¹ Говоря об особенностях подхода Уолсингема к освещению Троянской войны, нельзя отрицать существование (и востребованность) в конце XIV – начале XV в. совершенно иных вариантов подачи легендарного материала.

⁴² Об этом равнодушии к морализации пишет и сама С. Федерико: *Federico* 2016. Р. 96. Однако она не акцентирует данный аспект в качестве явного отличия текста Уолсингема от современных ему среднеанглийских переработок «Истории» Гвидо делье Колонне. Между тем, именно склонность Гвидо и его подражателей к нравочениям зачастую толкуется как выражение критического настроения по отношению к «славным героям» языческой древности.

- tacii latinskoj poehmy o primirennii korolya Richarda II s londoncami // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 4–3. S. 88–99]
- Маслов А.Н. Неслучайные очевидцы Троянской войны, или Еще раз о времени и правде свидетельства в средневековой традиции // Социология власти. 2016. № 2. С. 78–115. [Maslov A.N. Nesluchajnye ochevidcy Trojanskoj vojny, ili Eshche raz o vremeni i pravde svideitel'stva v srednevekovoj tradicii // Sociologiya vlasti. 2016. № 2. S. 78–115]
- Benson C.D. The History of Troy in Middle English Literature. Woodbridge: Brewer, 1980.
- Beschorner A. Untersuchungen zu Dares Phrygius. Tübingen: Narr, 1992.
- Bobrowski A. “Dziennik wojny trojańskiej” Diktysa z Krety. Studium historycznoliterackie. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
- Bretzigheimer G. Dares Phrygius: *Historia ficta*. Die Präliminarien zum Trojanischen Krieg // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge. Bd. 151. 2008. H. 3–4. S. 365–399.
- Bretzigheimer G. Dares Phrygius: Transformationen des Trojanischen Kriegs // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge. Bd. 152. 2009. H. 1. S. 63–95.
- Clark J.G. Thomas Walsingham Reconsidered: Books and Learning at Late Medieval St. Albans // Speculum. Vol. 77. 2002. No. 3. P. 832–860.
- Clark J.G. A Monastic Renaissance at St Albans: Thomas Walsingham and his Circle, c. 1350–1440. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Clark J.G. Introduction // The *Chronica maiora* of Thomas Walsingham, 1376–1422 / Transl. D. Preest; with an introd. by J.G. Clark. Woodbridge: Boydell Press, 2005. P. 1–22.
- Clark J.G. Monastic Manuscripts and the Transmission of the Classics in Late Medieval England // Vehicles of Transmission, Translation, and Transformation in Medieval Textual Culture / Ed. by R. Wisnovsky a.o. Turnhout: Brepols, 2011. P. 335–352.
- Coulson F.T. Two Newly Identified *accessus* to Ovid’s *Metamorphoses* in Oxford, Bodleian Library, MS Rawlinson B. 214, and London, British Library, MS Harley 2693 // Manuscripta. Vol. 42. 1998. No. 2. P. 122–123.
- Cristóbal López V. Introducción // *La Iliada latina*. Diario de la guerra de Troya de Dictys Cretense. *Historia de la destrucción de Troya* de Dares Frigio / Intr., trad. y notas de M.F. del Barrio Vega, V. Cristóbal López. Madrid: Gredos, 2001. P. 117–178.
- Dictys Cretensis*. Ephemeridos belli Troiani libri / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig: Teubner, 1973.
- Federico S. Old Stories and New Trojans: The Gendered Construction of English Historical Identity. PhD Diss. Indiana University, 1997.
- Federico S. New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.
- Federico S. Two Troy Books: The Political Classicism of Walsingham’s *Ditis ditatus* and Chaucer’s *Troilus and Criseyde* // Studies in the Age of Chaucer. Vol. 35. 2013. P. 137–77.
- Federico S. The Classicist Writings of Thomas Walsingham: ‘Worldly Cares’ at St Albans Abbey in the Fourteenth Century. Woodbridge: York Medieval Press, Boydell Press, 2016.
- Gainsford P. Diktys of Crete // The Cambridge Classical Journal. Vol. 58. 2012. P. 58–87.
- Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae* / Ed. by N. E. Griffin. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America, 1936.
- Holtze E.A. The *Ditis Ditatus* a fratre Thoma Walsingham: An Edition. PhD Diss. University of Nebraska, 1974.
- Horsfall N. Dictys’s *Ephemeris* and the Parody of Scholarship // Illinois Classical Studies. No. 33–34 2008–2009. P. 41–63.
- Lentano M. Come si (ri)scrive la storia. Darette Frigio e il mito Troiano // La légende de Troie de l’Antiquité Tardive au Moyen Âge. 2014. <http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-lentano.pdf>
- Merkle S. Die *Ephemeris belli Troiani* des Diktys von Kreta. Frankfurt am Main: Lang, 1989.
- Merkle S. Troiani belli verior textus. Die Trojaberichte des Dictys und Dares // Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit: Materialien und Untersuchungen / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Reichert, 1990. S. 491–533.
- Merkle S. The Truth and Nothing but the Truth: Dictys and Dares // The Novel in the Ancient World / Ed. by G. Schmeling. Leiden–New York–Köln: Brill, 1996. P. 563–580.

- Merkle S. News from the Past: Dictys and Dares on the Trojan War // *The Latin Fiction: The Latin Novel in Context* / Ed. H. Hofmann. L.; N.Y.: Routledge, 1999. P. 131–140.
- Mheallaigh K.N. Pseudo-Documentarism and the Limits of Ancient Fiction // *American Journal of Philology*. Vol. 129. 2008. No. 3. P. 403–431.
- Movellán Luis M. Estrategias de autorización en Dictys y Dares // *La légende de Troie de l'Antiquité Tardive au Moyen Âge*. 2014. URL: <http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/movellan.pdf>
- Patterson L. Chaucer and the Subject of History. Wisconsin: Un-ty of Wisconsin Press, 1991.
- Pavano A. La quaestio daretiana: problemi ecdotici, esegetici, metodologici // *Cassiodorus*. Vol. 2. 1996. P. 305–321.
- Rigg A.G. Medieval Latin Poetic Anthologies (I) // *Mediaeval Studies* Vol. 39. 1977. P. 281–330.
- Rigg A.G. Propaganda of the Hundred Years War: Poems on the Battles of Crecy and Durham (1346): A Critical Edition // *Traditio*. Vol. 54. 1999. P. 169–211.
- Schetter W. Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges // *Hermes*. Bd. 115. 1987. H. 2. S. 211–231.
- Schetter W. Beobachtungen zum Dares Latinus // *Hermes*. Bd. 116. 1988. H. 1. S. 94–109.
- Simpson J. The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's *Historia destructionis Troiae* in Fourteenth- and Fifteenth-Century England // *Speculum*. 1998. Vol. 73. No. 2. P. 397–423.
- Usener K. Dictys und Dares über den Troischen Krieg: Homer in der Rezeptionskrise? // *Eranos*. Bd. 92. 1994. S. 102–120.
- [Wright T.] *The Political Songs of England, from the Reign of John to that of Edward II* / Ed. by T. Wright. London: J.B. Nichols and son, 1839.
- [Wright T.] *Political Poems and Songs Relating to English History: Composed during the Period from the Accession of Edw. III. to that of Ric. III* / Ed. by T. Wright. Vol. 1. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1859.
- [Wright T.] *Political Poems and Songs: Composed during the Period from the Accession of Edw. III. to that of Ric. III* / Ed. T. Wright. Vol. 2. L.: Longman, Green, Longman and Roberts, 1861.

Маслов Артем Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий Центром исторической и культурной антропологии, зам. директора по научной работе Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; maslovartem@yandex.ru

“Greek Perspective” as a Marker of Identity Conflict? Rereading Thomas Walsingham’s *Ditis ditatus*

It is dependence on the narratives of the so-called “real witnesses” (“Dares the Phrygian” and ‘Dictys of Crete’), not the “poets” (like Homer), and also deep sympathy toward the Trojans that usually seem to scholars the most typical feature of the medieval Troy stories. However there were some cultural contexts and situations when the oppositions had no such a cruel significance and the synthesis of the legend’s different versions became more important for narrators. Analyzing Thomas Walsingham’s *Ditis ditatus* the author emphasizes in it those narrative details, which could be related to this “synthetic” approach to representations of the ancient past and to a kind of concordance between “historical” and “poetic” views on the matter of Troy during the Late Medieval period.

Keywords: Epheris belli Troiani, Dictys Cretensis, Thomas Walsingham, cultural reception of Antiquity

Artem Maslov, PhD in History, Chief of the Center of Historical and Cultural Anthropology, Deputy Director for Research of the Institute of International Relations and World History at Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod); maslovartem@yandex.ru

Е. И. НОСОВА

БУРГУНДИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ РОЛЬ АКТОВОГО МАТЕРИАЛА В КОНСТРУИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируются несколько актов (акт о назначении рыцаря Луи Гаста на должность советника и камергера Карла, графа Шароле, будущего герцога Бургундского Карла Смелого; акт о пожаловании королем Франции Людовиком XI мемуаристу Филиппу де Коммину сеньорий Тальмон и прочих), которые позволяют дополнить сложившиеся в историографии на основе анализа нарративных источников представления о методах идеологического противостояния между Францией и Бургундским государством. Несмотря на то, что грамоты не содержат преамбул, в которых традиционно находили отражение политические концепции, они продолжают выполнять функцию формирования определенного взгляда на событие, которая в эпоху Нового времени перейдет к памфлетной литературе.

Ключевые слова: *Бургундское государство, Франция, война Лиги общественного блага, битва при Монлери, конструирование идентичности, дипломатика*

В Генеральном архиве Бельгии в силу перипетий истории XVIII в. отложился солидный пласт документов, которые происходят из архива Палаты счетов в Лилле¹, в т.ч. многочисленные акты герцогов Бургундских с 1385 по 1477² о назначении на административные и придворные должности. Согласно одному из них, 17 июля 1465 г. рыцарь Луи Гаст был назначен советником и камергером графа Шароле, будущего герцога Бургундского Карла Смелого³. Как сказано в грамоте, он был удостоен этой чести за свои личные качества (разумность и смелость⁴), а

---

¹ Присутствие части архива Счетной палаты Лилля в Брюсселе объясняется реституцией архивов в соответствии с договором, заключенным в 1769 г. между Францией и Австрией. Nelis 1915. P. II. Документы, оказавшиеся в Бельгии, изначально представляли собой не фонд полностью, а лишь его фрагмент. Затем документы сильно пострадали во время пожара 1820 г. Акты о назначении на должности, ранее собранные в связки, были после пожара расплетены и сегодня хранятся по отдельности. Наконец, фонд был перемешан и дополнен другими документами, которые изначально не фигурировали среди документов Счетной палаты. Например, главный архивист Л.-П. Гашар добился передачи некоторых городских счетов, на основании того, что финансовые чиновники графов Фландрии сдавали коммунальные счета в Счетную палату. Lefèvre 1957. P. 188. Arnould 1945. P. 173, 177-180.

² Фонд имеет более широкие хронологические рамки: с 1385 г. по 1661, но мы отобрали только те документы, которые совпадают с периодом существования Бургундского государства – с 1363 по 1477 г.

³ Archives Générales du Royaume, Chambre des Comptes de Lille, Chartes de l'Audience, n°1358.

⁴ “pour les grans sens, [...] et vaillance”. Поскольку грамота повреждена, третье качество, за которое Луи де Гаст удостоился назначения, осталось неизвестным.

также «по причине того, что в день победы при Монлери, которую мы [Карл, граф Шароле – *Е.Н.*] по воле нашего Господа недавно одержали и добыли у короля, он вел себя благородно и достойно, о чем он просил передать и сообщить [нам]»⁵.

Битва при Монлери, состоявшаяся днем ранее, 16 июля 1465 г., стала решающим сражением войны Лиги общественного блага, которую французские принцы крови вели против короля Людовика XI под лозунгом борьбы за «общественное благо», что подразумевало уничтожение результатов реформ Людовика XI в области управления и налогообложения, которые привели к переходу части полномочий в руки короля⁶. Почти сразу битва при Монлери стала обрастать слухами и различными трактовками. Причин этому было как минимум две. Во-первых, исход битвы был крайне сомнителен с военной точки зрения. Поскольку ни одна из сторон не обладала ярко выраженным численным превосходством, противники не стремились к лобовому столкновению. Во-вторых, принцы не рисковали нападать на короля потому, что он был их сеньором, и ожидали, пока король атакует первым. Людовик XI в свою очередь не стремился ввязываться в бой, ожидая подхода новых сил во главе с маршалом Иоахимом Руо (Rouault). Ход самой битвы был дважды нарушен предательством: сначала со стороны Людовика Люксембурга, графа де Сен-Поля, отказавшегося выполнить приказ Карла Смелого и напасть на короля, а затем со стороны конницы графа дю Мэна, которая в последний момент перед столкновением с бургундцами внезапно уклонилась от удара и покинула поле боя. Карл Смелый с основными силами бросился в погоню за графом дю Мэном, оставив приоритет королевским войскам, которые, впрочем, не успели воспользоваться преимуществом и разгромить остатки бургундских сил. Когда Карл вернулся на поле боя, отказавшись от преследования графа дю Мэна, король предпочел отойти к Монлери. Сгустившиеся сумерки заставили прекратить сражение. Ночью Людовик XI покинул лагерь, оставив зажженные огни, и направился к своей столице. На рассвете бургундцы, обманутые маневром короля, атаковали позиции противника, но обнаружили, что сражаться уже не с кем⁷.

Возможно, эпитетов было больше, но чаще всего в бургундских актах этого периода фигурирует именно три качества. Кроме того, судя по размеру грамоты, свободного пространства строки хватило бы не более чем на одно слово.

⁵ “par consideration de ce que a la journee de Montlehery que par le plaisir de Nostre Seigneur avons nouvellement obtenue et gaignee contre le roy, il fest grandement et honnourablement porté dont il fait bien alouer et recommander”. (Полную транскрипцию грамоты см. в приложении).

⁶ Подробнее о войне Лиги общественного блага см. Quicherat 1843, Chazaud 1870-1872, Brion 2014. P. 87-106, Dubois 2004. P. 116-130. В отечественной историографии: Маневич 1948.

⁷ Rimboud 2004. P. 89.

В результате всех этих событий было не совсем ясно, кто в конечном итоге одержал верх в бою: король или принцы. *Stricto sensu*, Лига общественного блага вышла из битвы победительницей, так как она оставила за собой поле боя, а король был вынужден отступить к Парижу. Однако эти лавры были малопочетными, поэтому обе стороны сразу начали искать возможности представить свой взгляд на события. Король Людовик XI стремился доказать свою победу, а принцы – легитимировать выступление против короля. Для герцогов Бургундских борьба с королем приобретала особое звучание, так как бургундская идентичность строилась во многом на противопоставлении себя Франции и французскому королю⁸.

В акте о назначении Луи Гаста упоминание о битве при Монлери появляется в той части грамоты, где обычно указываются причины, побудившие правителя взять человека на службу. В принципе, герцог, был свободен в выборе кандидата на любую должность, однако ему приходилось считаться с рядом ограничений. Прежде всего, в соответствии с духом времени, монарх правил при помощи своего совета и должен был считаться с мнением приближенных⁹. Зачастую знать открыто претендовала на осуществление контроля за назначениями¹⁰. Это приводило к тому, что назначения обсуждались в совете по отдельности¹¹ или массово в процессе утверждения ордонанса¹². Возможно, именно необходимость подтвердить, что кандидат подходит на должность, приводила к тому, что в актах неизменно указывалась мотивация назначения: персональные качества, ходатайство кого-то из друзей кандидата или его родственников (этот пункт открыто фигурирует в грамотах, несмотря на формальное осуждение фавора при назначении чиновников и придворных¹³) и, наконец, добрая служба или услуги, оказанные герцогу ранее. Судя по формулярию Одара Моршена¹⁴, каж-

---

⁸ С одной стороны, герцоги Бургундские не спешили отказываться от своих французских корней, а с другой, не упускали случая подчеркнуть свое превосходство. См. подробнее Асейнов 2013.

⁹ Krynen 1981. P.144; Débax 2010. P. 109; Boutouille 2010. P. 95; Малинин 2008. С. 58-61.

¹⁰ Cazelles 1982. P. 62. Kervyn de Lettenhove 1862.

¹¹ Так, в июле 1465 г. в герцогском совете обсуждалось назначение Жирарде-на де Ле Хейда (Heyde) на должность вооруженного пристава (*huissier d'armes*). Причина столь пристального интереса совета заключалась не в уровне должности (он был сравнительно невысок), а в том, что ранее она была упразднена приказом герцога. Иными словами, назначение на эту должность фактически означало нарушение приказа герцога, поэтому вопрос потребовал обсуждения в совете. Archives Générales du Royaume, Chambre des Comptes de Lille, Chartes de l'Audience, n°1107.

¹² Die Hofordnungen 2005. P. 80, §434.

¹³ Цатурова 2005. С. 229-230.

¹⁴ Формулярии, составленные в бургундской канцелярии, обнаружены совсем недавно и их изучение только начато. Доклад на эту тему был представлен на XIII

дой должности соответствовал набор качеств¹⁵, что свидетельствует о некоем стереотипе восприятия той или иной должности.

В акте о назначении Луи Гаста указание на участие в битве при Монлери сформулировано аналогично упоминанию о доброй службе¹⁶. Таким образом, услуги, оказанные им Карлу Шароле, воспринимаются как законные и поощряемые. Неизвестно, какую роль сыграл Луи Гаст в битве при Монлери. Нам удалось найти лишь одно упоминание о нем в бургундских источниках: в 1462 г. Карл, граф Шароле, выдал ему охранную грамоту для проезда через бургундские земли¹⁷. В то же время известно, что Луи Гаст состоял на королевской службе. В самом начале войны Лиги общественного блага он был отправлен королем в Лимузен, чтобы собрать там войска, но консулы, зная, что король имеет намерение заставить платить талью, отказались выставить контингент. В ответ Луи Гаст объявил их фьефы возвращенными короне¹⁸. Кроме того, Луи Гаст был королевским камергером¹⁹. Иными словами, его участие в битве при Монлери выглядит очень сомнительным предприятием. С другой стороны, из текста грамоты не следует, что Гаст сражался на стороне принцев. Более того, став камергером графа Шароле, он не покинул королевскую службу. Известно, что в 1468 и в 1470 гг. он был комиссаром короля в Лангедоке²⁰.

Далее в тексте грамоты, герцог призывает на свою сторону бога и утверждает, что именно его волей²¹ сражение было выиграно, т.е. он представляет свое дело как правое и благословленное богом. Наконец, он напоминает, что это не первое столкновение с королем, в котором фортуна оказалась на его стороне. Не совсем понятно, что имеется в виду: до битвы при Монлери состоялся ряд небольших сражений, было взято несколько городов, но о каком конкретно идет речь, неясно. В любом случае, Карл напоминает, что одержал победу, хотя это было сомнительно, так как королевская армия не была разбита.

Конгрессе международной комиссии по дипломатике Й. Браекельфелтом (Braekevelt), Гент, но материалы конгресса остаются неопубликованными. Поскольку бургундские формуляры остаются недоступными, мы обратились к французскому аналогу, так как бургундские институты строились по образцу французских королевских.

¹⁵ Le formulaire 2005. P. 219-220.

¹⁶ Упоминание о битве вводится формулой «par consideration», как и указание на добрую службу (pour consideration des bons et agreables services). Например, Archives Générales du Royaume, Chambre des Comptes de Lille, Chartes de l'Audience, n°1411, 1425, 1428, 1499-1500, 1502-1515, 1517-1521.

¹⁷ Nelis 1915. P. 246. N°1269.

¹⁸ Marvaud 1873. Vol. 2. P. 96-97.

¹⁹ Gilles 1965. P. 130. N°19.

²⁰ Ibidem.

²¹ В средневековом французском слово *plaisir* означало не только удовольствие, но и намерение, волю. – Plaisir 2016.

Интересно, что король использовал почти те же аргументы, чтобы представить свой взгляд на битву при Монлери: 17 июля он отправил послание к жителям Лиона²². Аналогичные письма он послал в Амбуаз (20 июля)²³ и в Бове (23 июля)²⁴. Как и герцог Бургундский, король утверждал, что именно он одержал победу, причем с божьей помощью. Апелляция к божественному покровительству – общее место в средневековом понимании исторического процесса²⁵. Деликатный вопрос отступления король представляет в выгодном для себя свете: он был на поле боя до заката солнца. Когда же солнце село, и поле битвы осталось за ним, он со всей своей армией ушел в Корбей (совр. Корбей-Эсон). Король также добавил красочную информацию о потерях в бою. Так, он сообщил, что граф Шароле тяжело ранен, а его брат Антуан, bastard Бургундский, убит в сражении. В действительности, bastard Бургундский не был убит, а благополучно прожил еще почти сорок лет и скончался в 1504 г.²⁶ Граф Шароле был ранен, но не тяжело, как сообщил король. Впрочем, нет оснований утверждать, что король сознательно прибег к дезинформации.

Нельзя не вспомнить еще об одной грамоте, имеющей прямое отношение к франко-бургундскому противостоянию. Она касается передачи королем Франции Людовиком XI сеньории Тальмон и прочих земель знаменитому хронисту Филиппу де Коммину. Сеньории пожалованы Коммину за помощь, которую он оказал королю, когда тот фактически оказался в заключении у герцога Бургундского в Перонне²⁷. Прибыв в Перонну для ведения переговоров с Карлом Смелым о заключении мира в 1468 г., Людовик вошел в город почти без сопровождения. В этот момент прибыло известие о восстании в Льеже, где были замечены люди короля. Карл Смелый приказал закрыть ворота города, и король оказался в его власти²⁸. Коммин приложил немало усилий, чтобы критическая ситуация разрешилась самым благоприятным образом для короля, о чем он не забыл упомянуть в своих «Мемуарах»²⁹. Когда Коммин открыто перешел на сторону короля в 1472 г., тот назначил ему пенсион и даровал земли в Пуату. В грамоте, фиксирующей передачу сеньорий, указано, за что именно король награждает своего советника: он оказал помощь, «освобождая нашу [Людовика – Е.Н.] персону, когда мы были в руках и под властью названных восставших и

---

²² Lettres. Vol. II. P. 327-329.

²³ Lettres. Vol. II. P. 329-332.

²⁴ Lettres. Vol. II. P. 332-334.

²⁵ Gene 2002. С. 241.

²⁶ Smedt 2000. № 54. P. 129.

²⁷ Об обстоятельствах передачи земель см. Kervyn de Lettenhove 1867. Vol. I. P. 92-105.

²⁸ Подробнее см. Cauchies 1996.

²⁹ Филипп де Коммин 1986. С. 71.

неповинующихся, которые объявили себя нашими врагами»³⁰. Иными словами, поведение Карла в Перонне трактовалось как восстание и неповиновение королевской власти. Эти формулировки многократно повторяются в тексте грамоты, закрепляя первое впечатление.

Таким образом, грамота о пожаловании сеньорий, *de jure* не имеющая прямого отношения к франко-бургундским противоречиям, используется для передачи французской версии свидания в Перонне, как ранее грамота о назначении Луи Гаста была использована для выработки «бургундской» версии событий, связанных с битвой при Монлери.

Наконец, нельзя не задаться вопросами более практического характера. На кого была рассчитана эта манифестация? Кому она адресована? И как она должна была дойти до читателя? Если хроники заказывались скорее в расчете на будущие поколения³¹, то грамоты могли оказать существенное влияние на формирование желаемого взгляда буквально на следующий день. Прежде всего, само составление грамоты, тем более стандартной, каким были акты о назначении (в Генеральном архиве Бельгии удалось выявить 266 актов о назначениях только на придворные должности) происходило значительно быстрее, чем написание хроники. Далее, акты о назначении на должности имели сугубо практическую функцию. Во-первых, в придворных ордонансах – основном документе, регламентирующем состав двора – встречаются постоянные и довольно подробные отсылки к актам о назначении. Это свидетельствует о том, что последние, вероятно, предъявлялись секретарям для внесения соответствующей записи³². Тем, кто не был внесен в ордонанс, не выплачивалось жалованье. Во-вторых, как следует из текста актов, чтобы получить свои деньги, придворный должен был предоставить в Денежную палату, которая занималась финансированием двора, либо оригинал своего назначения, либо видимус (разновидность копии), скрепленный печатью, либо копию с подписью одного из секретарей герцога. Мы не беремся утверждать, что эта процедура соблюдалась, но формально требование повторялось из грамоты в грамоту³³. Заметим, что передача сеньории Тальмон и прочих земель Коммину спровоцировала длительные разбирательства в Парижском Парламенте, и только личное вмешательство Людовика XI позволило Коммину получить обещанное. К чему мог апеллировать мемуарист, доказывая свои права в суде? К королевской грамоте, вероятно. Грамоты были постоянно на виду: они использовались, регистрировались (т.е.

³⁰ Kervyne de Lettenhove 1867. P. 93.

³¹ Анализ бургундской идентичности на примере нарративного материала см. Асейнов 2008, 2014.

³² Например, см. Die Hofordnungen 2005. P. 379. § 157.

³³ По неизвестным пока причинам, некоторые акты о назначении не были востребованы в канцелярии. Nelis 1915. P. V.

переписывались полностью или в сокращенном виде в регистр), были доступны как минимум членам администрации и ближайшему кругу знакомых – семье, друзьям. Иными словами, в отличие от хроник и мемуаров, которые писались спустя годы после прошедших событий, актовый материал представляет собой средство моментального действия. В этом грамоты становятся предтечей памфлетной литературы, которая писалась «на злобу дня» и распространялась мгновенно. Таким образом, когда хронисты спустя несколько лет или даже десятилетий брались за перо, уже существовала если не целенаправленно выстроенная концепция того или иного события, то, как минимум, некий образ этого события, сформированный такого рода документами.

Роль грамот как инструмента в процессе построения идеологических концепций и конструирования политической идентичности давно обратила на себя внимание исследователей. Наибольший интерес вызывали преамбулы, которые рассматривались в качестве своего рода квинтэссенции идеологической составляющей акта³⁴. С исчезновением преамбул³⁵ актовый материал становится менее привлекательным для исследователей, ищущих в актах пищу для анализа политических концепций³⁶. Рост числа актов приводит к стандартизации формуляра и сокращению текста, в котором сохраняются лишь основные пункты, необходимые для того, чтобы грамота выполняла свою функцию.

Однако наряду с основными сведениями (в случае с актом Луи Гаста – назначение на должность и сопутствующие распоряжения о принесении клятвы) акт по-прежнему включает в себя дополнительный пласт информации, который не связан с главной тематикой документа. Таким образом, сухой, жесткий, столетиями выработанный формуляр документа оказывается на удивление гибким. Он позволяет инкорпорировать любую информацию, хотя подробности об участии Луи Гаста в битве при Монлери и его исключительной помощи герцогу могли быть опущены, хотя бы потому, что это могло повредить помощнику,

---

³⁴ Расцвет интереса к преамбулам пришел в 1930–1950-х гг. До этого их рассматривали как пустые формулировки, не несущие конкретной информации. Работы А. Йоста (Jost 1930) и Г. Фихтенау (Fichtenau 1957) спровоцировали настоящий взлет интереса к этой проблематике. Более подробный обзор историографии вопроса см.: Rossignol 2016.

³⁵ В XII–XIII вв. преамбулы постепенно теряют свое значение и сохраняются только в особо торжественных грамотах. В самом конце XIII–XIV в. во французской королевской канцелярии преамбулы вновь появляются в отдельных видах актов (например, грамотах об аноблировании). Guyotjeannin, Руске, Tock 2006. P. 76. В актах о назначении на бургундские придворные должности нам не встретилось ни одной преамбулы.

³⁶ Отдельные исследования идут наперекор этой тенденции, находя даже в актах XV в. пищу для размышлений. В качестве примера такой работы можно привести каталог выставки Национального архива Франции, посвященной оформлению грамот французских королей и их иконографической программе. Brunel 2005.

ибо мстительность короля Людовика XI и его умение расправляться со своими врагами – это отнюдь не художественный образ, родившийся под пером писателей-романтиков³⁷. Вместо этого, информация о его вкладе в победу в бою включается в грамоту, чтобы транслировать точку зрения герцога Бургундского на битву при Монлери, способствуя тем самым построению определенной политической концепции, которая впоследствии перейдет в хроники и мемуары.

Приложение³⁸

1465 июля 17, Монлери

Карл, граф Шароле, назначает рыцаря Луи Гаста своим советником и камергером. Оригинал, пергамен, 1 л., печать утрачена: Archives Générales du Royaume, Chambre des Comptes de Lille, Chartes de l'Audience, n° 1358. На обороте: черный штамп «Archives du Royaume de Belgique», надпись карандашом «17 juillet 1465». Описание: Nelis 1915. № 1358. Stein/Dünnebeil 1998. № 2787³⁹.

[1] Charles de Bourgoingne, conte de Charrolois, seigneur de Chasteaubelin et de Bethune, lieutenant general de [mon tres redoubté] [2] seigneur et pere, a tous ceulx qui ces presentes lettres verront, [salut]. Savoir faisons que pour les grans sens, [...] [3] et vaillance estans en la personne de nostre tres chier et bien amé messire Loys Gaste, chevalier, et meismement par [4] consideracion de ce que a la journee de Montlehey que par le plaisir de nostre Seigneur avons nouvellement obtenue et [5] gaignee contre le roy, il fest grandement et honnourablement porté dont il fait bien alouer et recommander, icellui [6] messire Loys, confians a plain de ses loyaute et preudommie, avons retenu et retenons par ces presentes en nostre [7] conseilier et chambellan, pour nous servir doresenavant oudit estat et faire bien et deuement tout et qui y [8] compecte et appartient et que bon et loyal conseilier et chambellan dessusdit a telz gaiges que cy apres par [9] autres noz lettres l'y seront par nous tauxez et ordonnez, et aux autres drois, honneurs, libertez, franchises, prouffiz [10] et emolumens accoustummez et qui y appartiennent. Sur quoy il sera tenu de faire le serment a ce pertinent [11] es mains de nous ou de nostre amé et feal aussi conseilier et chambellan le seigneur d'Esqueurdes⁴⁰ servant [12] presentement devers nous en l'estat de premier chambellan en l'absence du seigneur d'Auxi⁴¹, nostre

³⁷ Blanchard 2008 ; Procès politiques 2016.

³⁸ При подготовке текста грамоты к изданию мы следовали рекомендациям Национальной школы хартий (Conseil 2001-2002). В большинстве случаев мы сохранили орфографию источника. Исключения составляют случаи употребления акута в причастиях прошедшего времени. Курсивом отмечены восстановленные сокращения. Прямые скобки использованы для внесения дополнений (номера строк; слова, опущенные составителями).

³⁹ Луи Гаст неверно указан как сеньор д'Эжерд. Из текста грамоты следует, что Филипп де Кревкер, сеньор д'Эжерд, выполнявший обязанности первого камергера Карла, графа Шароле, должен был принять у Луи Гаста клятву, приносящую каждому придворным при вступлении в должность.

⁴⁰ Филипп де Кревкер, сеньор д'Эжерд († 1494), камергер Карла, графа Шароле, бальи Арраса. После гибели Карла Смелого перешел на сторону Людовика XI. Smedt 2000. № 69. P. 161-163.

⁴¹ Жан IV д'Окси († 1474), камергер Карла, графа Шароле. Smedt 2000. № 45. P. 106-107.

premier chambellan. [13] Si donnons en mandement a *nostredit* premier chambellan, audit seigneur d'Esqueurdes et a tous autres noz conseillers, [14] chambellans, officiers et serviteurs quelzconcquez, cui ce regardera que, ledit serment fait par le dessus[dit] *nostre* [15] messire Loys Gaste, ilz le faicent, seuffrent et laissent dudit estat de conseiller et chambellan ensemble [16] desdiz gaiges, drois, honneurs, libertez, franchises, prouffis et emolumens dessusdiz plainement et paisiblement joïr et [17] user, ces sans tous contrediz et empeschemens au contraire, car ainsi nous plaist il. En tesmoing [18] de ce nous avons fait mettre *nostre* scel a ces presentes. Donné audit lieu de Montlehery, le XVIIme jour de juillet, [19] l'an de grace mil CCCC soixante et cinq.

[На пликe:] Par monseigneur le conte.

[Подпись:] Gros⁴².

[На обороте:] messire Loys Gaste.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Асейнов Р.М. Бургундская общность и проблемы ее идентификации в XV в. // Этнос и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2014. С. 91-120. [Asejnov R.M. Burgundskaya obshchnost' i problemy ee identifikacii v XV v. // Etnosy i nacii v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya. SPb., 2014. S. 91-120]
- Асейнов Р.М. Герои и предки Бургундской герцогской династии Валуа: мифы и реальность // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов международной научной конференции. Ч. 1. СПб.: Скифия-Принт, 2013. С. 67-78. [Asejnov R.M. Geroi i predki Burgundskoj gercogskoj dinastii Valua: mify i real'nost' // K 400-letiyu Doma Romanovyh. Monarhii i dinastii v istorii Evropy i Rossii. Part 1. SPb.: Skifiya-Print, 2013. S. 67-78]
- Асейнов Р.М. Историческая и общественно-политическая мысль в Бургундии XV в. Автореферат... к.и.н. М., 2008. [Asejnov R.M. Istoricheskaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Burgundii XV v. Avtoreferat... k.i.n. M., 2008]
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с. [Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 494 s.]
- Малинин Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев, А.Ю. Карачинский, В.В. Шишкин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 451 с. [Malinin YU.P. Franciya v ehpohu pozdnego srednevekov'ya. Materialy nauchnogo naslediya / Sost., отв. ред. М.В. Аникиев, А.Ю. Карачинский, В.В. Shishkin. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008. 451 s.]
- Маневич С.М. Война «Лиги общественного блага» против Людовика XI (Франция 1461–1465 гг.): Тезисы дисс. Л., 1948. 3 с. [Manevich S.M. Vojna «Ligi obshchestvennogo blaga» protiv Lyudovika XI (Franciya 1461–1465 gg.): Tez. diss. L., 1948. 3 s.]
- Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XII–XV вв. М.: Наука, 2012. 622 с. [Caturova S.K. Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vekov. M.: Nauka, 2012. 622 s.]
- Филипп де Коммин. Мемуары / пер.с франц. яз., статья и прим. Ю.П. Малинин. М.: Наука, 1986. 495 с. [Filipp de Kommin. Memuary / per.s franc. yaz., stat'ya i prim. Yu.P. Malinin. M.: Nauka, 1986. 495 s.]
- Arnould M.-A. À propos d'un fragment de compte hennuyer du XIVe siècle et d'autres parchemins utilisés comme couvertures // Revue belge de philologie et d'histoire. 1945. T. 24. P. 172-179.

⁴² Жан III Гро (1434-1484), сын Жана I Гро, секретаря мэрии Дижона, с 1453 г. секретарь и сборщик печатных пошлин при Карле Смелом. Занимал эту должность вплоть до гибели герцога, затем стал казначеем ордена Золотого руна при Максимилиане Австрийском. В 1483 г. вернулся на службу к французскому королю и получил пост секретаря Парламента Франш-Конте. Cockshaw 2006. P. 47-48. № 37.

- Blanchard J. Commines et les procès politiques de Louis XI. Du nouveau sur la lèse-majesté. Paris: Picard, 2008.
- Blanchard J. Commines n'a pas "trahi": pour en finir avec une obsession critique // *Revue du Nord*. 2009/2. N 380. P. 327-360.
- Boutouille F. Le "consilium" des cartulaires. "Sans conseil ne fais rien et tu ne te repentiras pas de tes actes" // *Consulter, délibérer, décider. Donner son avis au Moyen Age (France-Espagne, VIIe-XVIe siècle)* / éd. par M. Charageat et C. Leveux-Teixeira. Toulouse: Méridiennes, 2010. P. 95-108.
- Brion M. Charles le Téméraire. Duc de Bourgogne 1433-1477. Paris: Tallandier, 2014. 450 p.
- Brunel G. Images du pouvoir royal. Les chartes décorées des Archives nationales, XIIIe-XVe siècle. Paris: Centre historique des Archives Nationales, 2005. 255 p.
- Cauchies J.-M. Louis XI et Charles le Hardi. De Péronne à Nancy (1468-1477): le conflit. Bruxelles: De Boeck Université, 1996. 184 p.
- Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève: Droz, 1982. 628 p.
- Chazaud M.-H. Une campagne de Louis XI, la ligue du Bien public en Bourbonnais (mars-juillet 1465) // *Bulletin de la Société d'émulation de l'Allier*. 1870-1872. XII. P. 23-184.
- Cockshaw P. Prosopographie des secrétaires de la cour de Bourgogne (1384-1477). Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2006. 182 p.
- Conseils pour l'édition des textes médiévaux. 3 fasc. Genève: École des chartes, 2001-2002.
- Débat H. Le conseil féodal en Languedoc et en Catalogne, XIe-XIIe siècles // *Consulter, délibérer, décider. Donner son avis au Moyen Age (France-Espagne, VIIe-XVIe siècle)* / éd. par M. Charageat et C. Leveux-Teixeira. Toulouse: Méridiennes, 2010, p. 109-128.
- Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407-1467) / hrsg. von W. Paravicini und H. Kruse. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2005. 507 p.
- Dubois H. Charles le Téméraire. Paris: Fayard, 2004. 544 p.
- Fichtenau H. Arenga. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau Nachf., 1957. 244 S.
- Gachard L.-P. Documents intéressants pour l'histoire de la guerre du Bien public // *Collection de documents inédits concernant l'histoire de la Belgique*. Bruxelles: Hauman, 1833. Vol. II. P. 183-196, 225, 227.
- Gilles H. Les États de Languedoc au XVe siècle. Toulouse: E. Privat, 1965. 363 p.
- Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M. Diplomatie médiévale. Turnhout: Brepols 2006. 486 p.
- Jost A. Der Kaisergedanke in den Arengen der Urkunden Friedrichs I. Köln: Buchdruckerei M. Welzel, 1930. 101 S.
- Kervyn de Lettenhove J. Lettres et négociations de Philippe de Commines. 2 vols. Bruxelles, 1867.
- Kervyn de Lettenhove J.M.B.C. Programme d'un gouvernement constitutionnel en Belgique au quinzième siècle // *Bulletin de l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique*. 2e série. 1862. T. XIV. P. 218-250.
- Krynén J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen âge: 1380-1440: étude de la littérature politique du temps. Paris: A. et J. Picard, 1981. 344 p.
- Le formulaire d'Odart Morchesne dans la version de Ms BnF fr. 5024 / éd. par O. Guyotjeannin et S. Lusignan. Paris: École des chartes, 2005. 479 p.
- Lefèvre J. La Chambre des Comptes // *Archives, Bibliothèques et Musées de Belgique*. 1957. Vol. XXVIII. N° 2. P. 171-196.
- Lettres de Louis XI / éd. par J. Vaesen, É. Charavay et B. de Mandrot. 11 vols. Paris: Renouard, 1873-1909.
- Marvaud F. Histoire des vicomtes et de la vicomté de Limoge. 2 vols. Paris: J.B. Dumoulin, 1873.
- Nelis H. Chambre des comptes de Lille. Catalogue des chartes du Sceau de l'Audience. Bruxelles: Goemaere, 1915. 559 p.
- Plaisir // *Dictionnaire du moyen français* / Centre national de ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/dmf/plaisir>
- Procès politiques au temps de Louis XI. Armagnac et Bourgogne / éd. par J. Blanchard. Genève: Droz, 2016. 564 p.

- Quicherat J. Lettres, mémoires et autres documents relatifs à la guerre du Bien public, en l'année 1465 // Documents historiques inédits tirés des collections manuscrites de la Bibliothèque royale et des archives ou des bibliothèques des départements / par J.-J. Champollion-Figeac Vol. II. Paris: F. Didot, 1843. P. 194-470.
- Rimboud M. La bataille de Montlhéry 1465 // Cahiers du Centre d'études d'histoire de la défense. 2004. Vol. 23. P. 65-91.
- Rossignol S. Introduction: Text and Context – Preamble and Formulary // Urkundenformeln im Kontext: Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert) / ed. by S. Rossignol and A. Adamska. Wien: Böhlau Verlag, 2016. P. 19-33.
- Smedt R. (dir.) Les chevaliers de l'ordre de la Toison d'Or au XVe siècle, notices bibliographiques. Francfort-sur-le-Main: Peter Lang, 2000. XXXVI, 270 p.
- Stein H. Catalogue des acts de Charles le Téméraire (1467–1477). Mit einem Anhang: Urkunden und Mandate Karls von Burgund, Grafen von Charolais (1433–1467) / bearb. von S. Dünnebeil. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1998. 883 p.

***Носова Екатерина Игоревна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; katerinanossova@gmail.com*

Burgundy against France the role of the charters in the construction of identity

The article analyzes some acts (the act on the appointment of a knight Louis Gast as a councilor and chamberlain of Charles, Count of Charolais, the future Duke of Burgundy Charles the Bold, the act of granting the principality of Talmon and others to memoirist Philippes de Commines by the King of France Louis XI) that allow to complete the picture of identity construction existing in historiography based on the analysis of narrative sources. Despite the fact that the letters did not contain a preamble, which traditionally reflected the political concept, they retained the function of generating a certain view of the event, which would pass to the pamphlets in the Modern times.

Keywords: Burgundian State, France, War of Public Weal, battle of Montlhéry, construction of national identity, diplomatics

***Ekaterina Nosova**, PhD in History, Research Fellow, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; katerinanossova@gmail.com*

Г. В. БАКУС

ИСКУШЕНИЕ ТРАДИЦИЕЙ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ АВТОРОВ РАННИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ

Статья посвящена авторским стратегиям обоснования правомерности преследования за злонамеренное колдовство (*maleficium*) в демонологических трактатах конца XV в. – сочинениях Генриха Инститориса (*Malleus Maleficarum*, *Der Nürnberger Hexenhammer*) и Ульриха Молитора (*De Laniis et Phitonices Mulieribus Teutonice Hexen vel vncholden*). Созданные после скандала вокруг инквизиционного дознания Генриха Инститориса в Инсбруке, эти сочинения содержат интерпретации злонамеренного колдовства через отсылку к предшествующей книжной традиции. Описывая *maleficium* оба автора стремятся обозначить особый статус личного опыта в деле преследования ведьм, используя собственные сочинения для коммуникации со светскими и церковными властями.

Ключевые слова: демонология, *maleficium*, «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), интеллектуальная культура, инсбрукское преследование ведьм

«Почтенным и мудрым господам, бургомистру и совету города Нюрнберг. Брат Генрих Крамер из Ордена проповедников, доктор Священного Писания, Папский посланец и инквизитор и т.д. [шлет] привет». Этим авторским приветствием начинается письмо, предшествующее т.н. «Нюрнбергскому руководству», небольшому сочинению на немецком и латинском языках, которое не имеет собственного названия и известно в виде единственной сохранившейся рукописи¹. Очевидно, сама «книга» (*buoch*), содержащая рекомендации по искоренению ведьм, не несла в себе каких-либо интеллектуальных претензий, но задумывалась исключительно как практическое руководство, значимость которого проистекает из опыта человека, составившего ее. Она не предназначалась для широкого распространения и, тем не менее, выполняла важную коммуникативную функцию, поскольку выступала частью обращения инквизитора к официальным лицам города Нюрнберг.

Автору «Нюрнбергского руководства» было суждено снискать большую известность под латинизированным вариантом собственного имени – Инститорис. Вместе с Якобом Шпренгером он упоминался в булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*, пятью годами ранее даровавшей обоим доминиканцам статус инквизиторов еретического нечестия (*inquisitor heretice pravitatis*) и, позднее, неизменно публиковавшейся в «Молоте ведьм» непосредственно перед текстом трактата. Судьба сочинений сложилась по разному – *Malleus Maleficar-*

---

¹ “Den Erbern vnd weisen herrn purgermaister vnd Ratt der statt nürnberg. Brüder heinrich kramer prediger Ordens doctor der heiligen geschriff. Vnd Bapstlicher commissarius und Inquisitor etc. hayl”. – Kramer (*Institoris*) 1992.

ит выдержал 28 изданий в ближайшие два столетия², тогда как единственный экземпляр т.н. *Nürnberger Hexenhammer* пребывал в неизвестности вплоть до конца XX в., когда его и обнаружили исследователи. Однако эти книги сближает то, что обе они изначально в своей структуре содержали документы, отражавшие момент коммуникации с представителями светских и церковных властей. Булла Иннокентия VIII и послание к городскому совету предваряют собой собственно текст сочинений, распространяя на рассматриваемые в книгах вопросы авторитет упомянутых институтов. Очевидно, что в случае с *Malleus Maleficarum* этот прием выглядит уловкой, рассчитанной на создание благоприятного отношения читателей к тексту, ставшему попыткой интеллектуального реванша за унижительные обстоятельства, при которых Генриху Инститориусу пришлось прекратить свою деятельность в г. Инсбрук³. Как бы то ни было, здесь мы сталкиваемся с элементом авторского позиционирования, своего рода заявления об особой социальной значимости текста, следовавшего за документом.

Подобную логику демонстрирует еще одно сочинение против ведьм, также увидевшее свет в результате инсбрукского скандала – трактат Ульриха Молитора *De Laniis et Phitonicis Mulieribus Teutonice vnholden vel hexen*. Это краткое сочинение тоже имело в своей структуре Послание (*Epistola*), адресованное светскому властителю Тироля Сигизмунду Габсбургу (1439–1490) – «Наипревосходнейший Князь и Господин, Господин Эрцгерцог наипочтеннейший, нижайший Ульрих Молитор, Доктор из Констанца, предоставляет себя в услужение твоему Высочеству»⁴. Специфической особенностью данного сочинения является принцип организации материала – текст представлен в виде диалога (вернее – триалога), *dramatis personae* которого были лицами историческими, хорошо знакомыми современникам⁵. Помимо самого Ульриха Молитора, в текст повествования были введены ещё два действующих лица. Ими были бургомистр Констанца Конрад Шатц (*Conradus Schatz, Prætor meæ ciuitatis /burgermaister zû costentz*) и, наконец, сам адресат книги – последний представитель Тирольской ветви дома

² Kramer (*Instititoris*) 2015. S. 803.

³ Broedel 2003. P. 18.

⁴ Латинский текст – *Excellentissime princeps & domine, domine archidux colendissime, humilis vlricus molitoris de constantia doctor, tue celsitudinis sese in obsequium offert*⁴; немецкий текст – *Durchleichtigster fürst. Eernreicher großmechtiger erzherzog deiner fürstmechtigen genaden erscheint sich vnderteniger diener Ulricus molitoris von costenz in den rechten doctor zû allen diensten gerhorsam*.

⁵ По мнению Л.М. Баткина ренессансные диалоги писались либо вслед действительно происходившим спорам, либо придумывались начисто; однако их неотъемлемой чертой было то, что их участниками были не аллегорические фигуры, а индивидуально определённые, реальные люди, хорошо всем известные в кругу, к которому принадлежал и сам автор. – Баткин 1976. С. 175.

Габсбургов Сигизмунд, который в трактате именуется «светлейшим князем, эрцгерцогом Австрии, Штирии, Каринтии и пр.» (*Illustrissimus Princeps, Dominus Sigismundus Atchidux Austriae, Stiriae, Carinthiae, & c.*).

Идентификации участников диалога как реальных исторических лиц способствует также первая иллюстрация трактата, на которой изображены все три участника и рядом с каждым изображен герб. Эта гравюра представляет собой развитие сюжета, характерного для «презентационной миниатюры» (*presentation miniature*) средневековой рукописной книги, на которой запечатлевался момент преподнесения книги патрону или заказчику⁶. Как указывает Р. Шартье, в первопечатных книгах этот сюжет эволюционирует в три основные композиционные решения: 1) поднесение книги как таковое отсутствует, но в одном пространстве изображены автор и государь, которому предназначено произведение; 2) изображение жеста поднесения и вручения книги, переходящей из руки автора в руки адресата; 3) изображение автора, читающего свое произведение властителю, которому он его подносит⁷. Гравюра из трактата Молитора относится к первому типу, с той поправкой что изображены даже не автор (Ульрих Молитор) и адресат (Сигизмунд Габсбург), но все три персонажа диалога (Сигизмунд, Молитор, Шатц) *in conuersatione*. Надо полагать, что своеобразное решение, на которое пошёл Молитор, включив эрцгерцога Сигизмунда Австрийского в качестве персонажа в своё сочинение, не было исключительно данью этикету. Оказавшись в пространстве текста вместе с государем, автор тем самым обозначает и собственный статус как лица, приближённого к особе правителя, в т.ч. – в решении вопросов, стоящих перед властью. Как замечает Р. Шартье, для писателей, ученых, художников, стать клиентом или придворным, оказаться в прямом подчинении у государя – зачастую единственный способ обрести независимость, недоступную в силу традиционной принадлежности к университету или ремесленной корпорации⁸.

Таким образом оба интересующих нас автора, оставили после себя книги, апеллирующие так или иначе к авторитету власти в решении актуальной социальной проблемы злонамеренного колдовства (*maleficia*). В целом, ситуация с инсбрукскими текстами хорошо иллюстрирует известный тезис М. Фуко – «нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти»⁹.

Создание и публикация «инсбрукских» текстов укладываются в небольшой промежуток времени, их объединяет общее предметное по-

---

⁶ Brown 1994. P. 102.

⁷ Шартье 2006. С. 84.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Фуко 1999. С. 42.

ле, однако взаимные упоминания в них отсутствуют. Оба автора не упоминают друг друга – как Ульрих Молитор (закончивший свое сочинение в январе 1489 года, т.е. спустя 3 года после первой публикации «Молота ведьм»), так и Генрих Инститорис (вновь обратившейся к теме преследований ведьм в 1491 г.) равно стремились избегать как положительных, так и полемических высказываний в адрес другого «специалиста», предпочитая описывать проблему, что называется, «с чистого листа». При этом «Нюрнбергское руководство» содержит значительное количество отсылок к «Молоту ведьм», едва ли не превышающее количество упоминаний других авторов – по всей видимости уже опубликованный трактат выступал хорошим аргументом, подкрепляющим и расширяющим тот или иной тезис прикладного руководства, адресованного городским магистратам.

Особенность данной интеллектуальной ситуации состоит в том, что интересующие нас сочинения Генриха Инститориса и Ульриха Молитора в хронологическом отношении являются второй попыткой теоретического осмысления злонамеренного колдовства как явления, после серии трактатов, появившихся во второй четверти XV в.: «Записки» Ганса Фрюнда, «Муравейника» (*Formicarius*) Иоанна Нидера, анонимного трактат «Ошибки газариев» (*Errores Gazariorum*) и сочинения *Ut magorum et maleficorum errores* Клода Толозана¹⁰. Р. Кикхефер предложил для этих текстов понятие «парадигма Лозанны», под которым подразумевается мифология ведовства, сложившаяся в западной Швейцарии и прилегающих к ней территориях и включающая специфический набор признаков, характеризующих предполагаемые преступления ведьм в ранних процессах (участие в собраниях с демонами и обучение чародеяниям у них, отрицание веры, убийство детей и использование их останков в магических целях)¹¹. Кикхефер скептически оценивает устойчивость данного ведовского стереотипа, так как содержание инкриминируемых преступлений в сопредельных регионах демонстрировало тенденцию к изменчивости отдельных компонент. В связи с этим перед нами возникает проблема возможной преемственности взглядов на злонамеренное колдовство в сочинениях, относящихся к «парадигме Лозанны», и в «инсбрукских» текстах 1480-х гг.

De Laniis et Phitonicis Mulieribus Ульриха Молитора не содержит каких-либо упоминаний ранее написанных текстов против ведьм. *Mal-leus Maleficarum* из всех текстов «парадигмы Лозанны» обращается только к произведениям Иоханнеса Нидера, популярного богослова первой трети XV в., также принадлежавшего к доминиканскому ордену. Тексты последнего выступают источником для обширного цитирования в «Молоте ведьм», которое подчас включает значительные фраг-

¹⁰ Kieckhefer 2013. P. 160-165.

¹¹ Ibid. P. 161

менты со справочным аппаратом или блоки *exempla*, как, например, можно наблюдать в случае с «примерами» о чудесах воображаемой кастрации святых – фактически авторы «Молота ведьм» цитировали Нидера, в пересказе которого пришли цитаты из сочинений Иоанна Кассиана, Григория Великого и Гераклита Александрийского¹². Перенос значительных фрагментов текста в данном случае означал ещё и нарушение логики оригинального сочинения, поскольку для Нидера эти чудеса были примером преодоления греха сладострастия, лежавшего в основе ряда проявлений колдовства, тогда как Генрих Инститорис в качестве противодействия *maleficia* рассматривал иные средства. В данном случае цитирование не означало преемственности взглядов авторов двух сочинений. Как отмечает Р. Кикхефер, собственный опыт Генриха Инститориса демонстрирует мало общего с принципиальными элементами «парадигмы Лозанны» несмотря на сильное влияние Нидера. Это наблюдение косвенно подтверждается тем, что в «Нюрнбергском руководстве» Нидер не упоминается вовсе.

В число интеллектуальных ориентиров для авторов «инсбрукских» трактатов против ведьм неизбежно попадают Священное Писание, сочинения отцов церкви (прежде всего, Августина) и некоторые популярные богословы (Фома Аквинский, Петр Дамиани). Некоторые индивидуальные предпочтения можно выявить уже по числу упоминаний того или иного общепризнанного авторитета. Так, для Молитора очевидным ориентиром выступали труды Августина, тогда как для авторов «Молота ведьм» характерен более нейтральный подход с привлечением значительного количества сочинений известных богословов и ученых, среди которых есть место и Августину, и Фоме Аквинскому, а также — Исидору Севильскому, Альберту Великому и многим другим.

Признание авторитета интеллектуальной традиции в обоих текстах имеет наглядное выражение в виде обширного списка цитируемых сочинений, однако доминиканцы стремятся обозначить преемственность собственных взглядов на природу злонамеренного колдовства сложившейся ранее системе представлений о предосудительных, с точки зрения Католической церкви, магических практиках¹³, тогда как для Ульриха Молитора ориентиром выступала классическая древность. Вергилий, Апулей, Сократ упоминаются на страницах «О ланиях и женах-прорицательницах» в качестве самодостаточных и значимых авторитетов, свидетельства и суждения которых заслуживают самого при-

¹² *Henricus Institoris O.P., Jacobus Sprenger O.P.* 2006. P. 384-385. Впрочем, объектом такого неизбирательного цитирования выступал не только Нидер, но и другие авторы: так, упоминаемый и Генрихом Инститорисом, и Ульрихом Молитором Петр Дамиани попал в «Молот ведьм» благодаря цитате из Винсента из Бовэ.

¹³ *Que rationi consona et scripturarum traditionibus non dissona. (Henricus Institoris O.P., Jacobus Sprenger O.P.* 2006. P. 242).

стального внимания – такой подход к проблеме резко контрастировал со способами аргументации, традиционными для прочей демонологической литературы. Вместе с тем, явные стилистические предпочтения Ульриха Молитора в отношении классического латинского наследия (наиболее наглядное проявление этого – форма изложения и упомянутое выше внимание к ряду авторов) оказываются в значительной степени нивелированы за счет обильного использования агиографии и памятников канонического права. Кроме того, для *De laniis et pithonicis mulieribus* также характерны вторичные цитаты, когда слова античных авторов даются через сочинения Отцов церкви: «так рассказывает Апулей, которого цитирует Августин» (*Narrat enim Apuleius prout eum recitat Augustinus*). Учитывая специфический характер сочинения Ульриха Молитора, мы не можем точно оценить масштабы использования «вторичных цитат», т.е. упоминания текстов, известных автору только по их упоминаниям в других книгах. Случай «Молота ведьм» в этом отношении гораздо более прозрачен, и это позволяет предположить, что спектр реального цитирования не так широк, как может показаться на первый взгляд, и это косвенно подтверждается минимальным количеством литературы, привлекаемой в «Нюрнбергском руководстве».

Таким образом, для рассматриваемых нами текстов характерна «интеллектуальная дальность», позволяющая обращаться для решения проблемы злонамеренного колдовства (*maleficium*) к традиционным для средневековой книжности авторитетам, минуя непосредственных предшественников на этом поприще из числа сочинений «парадигмы Лозанны». Очевидно, что мы имеем дело с явлением, описанным П. Зютмором, который, анализируя механизм функционирования средневекового художественного текста, указывает на одну специфическую особенность, а именно, то что текст всегда отсылает к некоему *auctoritas*, иногда входящему в него в форме цитаты, аутентичность которой (по современным меркам) порой сомнительна¹⁴.

Подобная ситуация не была уникальной особенностью демонологической литературы, но присутствовала также и в иных сферах мысли. Нечто подобное на примере трудов Жана Жерсона описывает Д. Хоббинс, предупреждая исследователей о возможности «логической ловушки», связанной с фокусированием внимания исключительно на истории идей. Эта «ловушка» препятствует правильной оценке значения того или иного автора: с этой позиции, Жерсон представляется в лучшем случае популяризатором, а в худшем – вторичным и неоригинальным автором, писавшим на закате лучшей эпохи¹⁵. В качестве выхода из этой ситуации Хоббинс предлагает перенос внимания на то, что

---

¹⁴ Зютмор 2003. С. 33.

¹⁵ Hobbins 2003. P 1331.

можно охарактеризовать как «культурное позиционирование» (*cultural positioning*) интеллектуала позднего Средневековья, т.е. на его общественный статус, связь с широкой публикой и, таким образом, его культурную значимость. И далее, «при более широкой постановке вопроса предметом здесь выступает проблема литературного творчества в культуре, ценившей не оригинальность, но приверженность к признанным авторитетам и вечной истине»¹⁶. Это наблюдение применимо и к интересующим нас текстам, для которых на первое место выступала не правильность логических построений, а соотнесенность с узнаваемым социальным ландшафтом. В случае с триалогом «О ланях и женах-проицательницах» и «Нюрнбергским руководством» ключевым элементом этого социального ландшафта выступал четко прописанный адресат в лице представителей власти, а для «Молота ведьм» главным оказывалась демонстрация принадлежности к сфере ученой культуры.

Остается открытым вопрос функционирования текста в культурной и коммуникативной среде, поскольку ранние демонологические трактаты появились в переломную эпоху для развития книжного дела. Сочинения, относящиеся к «парадигме Лозанны», были написаны до изобретения печатного станка, и большинству из них было суждено навсегда остаться в догутенберговском мире, так и не обретя собственных печатных публикаций. Это обстоятельство отчасти позволяет объяснить отсутствие преэминентности идей относительно сущности *maleficium* у авторов, писавших на эту тему с разрывом в полвека в 1430-х и 1480-х гг. соответственно. Вместе с тем, пауза в пятьдесят лет не являлась обязательным условием забвения текстов предшественников, поскольку одно из сочинений обладало достаточной известностью, чтобы обрести себе прочное место в эпоху книгопечатания. Это трактат Иоханнеса Нидера *Formicarius*, снискавший немалую популярность практически сразу после создания, о чем свидетельствует то, что до наших дней сохранилось 27 рукописных копий. Эта популярность предопределила интерес печатников: первое издание «Муравейника» вышло в 1470 г. в Базеле, последнее – в 1692 г. в Хельмштадте. Всего насчитывается три издания, относящихся к периоду инкунабул, ещё как минимум пять вышли до конца XVII в., помимо этого периодически публиковалась отдельно Пятая часть трактата, частями или целиком, иногда – как приложение к «Молоту ведьм»¹⁷.

Судьба «инсбрукских» текстов в контексте бурно развивающегося книгопечатания также заслуживает внимания: два из них (трактат «Мо-

---

¹⁶ Ibid. Применительно к появлению трактатов «парадигмы Лозанны» Кiekehfefer упоминает разработку Хоббинсом идеи «публичного интеллектуала» (Kiekehfefer 2013. P. 162). Я считаю возможным и продуктивным продолжение ее обсуждения на материале текстов конца XV в.

¹⁷ Pассел 2001. С. 432; Kланiczaу 2003. P. 6.

лот ведьм» и триалог «О ланях и женах пророчицах») закономерно демонстрируют большую открытость новым технологиям издательского дела. Как говорилось выше, *Malleus Maleficarum* выдержал 28 изданий в две волны: с 1486 по 1523 гг. (13 изданий, в т.ч. – шесть, относящихся к периоду инкунабул), и с 1574 по 1669 гг. (15 изданий). Историография расходится в оценке количества изданий сочинения Молитора, но цифры все равно оказываются впечатляющими. Р. Мюшембле отмечает наличие 15 изданий с 1489 по 1600 год¹⁸. В немецкой историографии фигурирует 20 изданий (отдельными книгами, в составе сборников и в качестве приложений к большим и известным трактатам) за тот же период¹⁹. Отечественный искусствовед Ц.Г. Нессельштраус, исследовавшая декоративное оформление немецкой первопечатной книги, указывает на 14 изданий только до конца XV в.²⁰ Обращает на себя внимание то, что эта книга одновременно увидела свет на латинском (11 изданий) и немецком (3) языках. Это соотношение укладывается в господствующую тенденцию того времени в немецком книгопечатании: на 1518 г. 90% издаваемых текстов приходилось на книги на латинском языке, и даже в 1570 г. их доля составляла 70%²¹. То, что сочинение Молитора существовало одновременно на латыни и на немецком языке, говорит о его чрезвычайной популярности среди современников и ближайших потомков, заставляя нас вспомнить о «Корабле дураков» Себастьяна Бранта, благодаря своей популярности также ставшем текстом-билингвой. Количество изданий *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* говорит также о том, что эти тексты не утратили своей актуальности несмотря на появление во второй половине XVI в. новых книг о злонамеренном колдовстве, которые, как показывает исследование Е.Б. Мурзина, выдерживали 4-10 переизданий в течение нескольких десятилетий²². С фантастическим по меркам того времени успехом первых двух сочинений резко контрастирует судьба «Нюрнбергского руководства», который являлся, по своей концепции, близким аналогом трактата-триалога Ульриха Молитора, но так и не стал достоянием широкой публики. Последний эпизод представляется важным для понимания общей ситуации, поскольку он демонстрирует наличие архаичных стратегий презентации книги даже в конце XV в.

Здесь перед нами встает проблема, некогда обозначенная Р. Шартье – необходимость выявления «смысловых рамок», которые задаются конкретному тексту условиями, определившими его написание, и формами, обеспечивающими его передачу читателю, т.е. истории всех,

---

¹⁸ Мюшембле 2005. С. 99.

¹⁹ Geiling, Gawron 2006.

²⁰ Нессельштраус 2000. С. 185-186.

²¹ Бах 2005. С.143.

²² Мурзин 2002. С. 103.

кто так или иначе участвует в производстве, распространении и интерпретации дискурсов (авторов, издателей, печатников, читателей, зрителей)²³. Применительно к интересующим нас демонологическим сочинениям этот тезис может быть переформулирован следующим образом: может ли сам процесс издания привносить некие новые смыслы, которые не входили изначально в авторский замысел? Не возникало ли в этом процессе конфликта между первоначальными идеями и последовавшими позднее изменениями? Не сказало ли это, в конечном итоге, на исходной идентичности авторов в том виде, как они сами презентовали себя в своих текстах?

Первое из таких привнесенных означающих А.Х. Горфункель охарактеризовал как «знаковый смысл употребляемого в инкунабулах и палеотипах шрифта», обратив внимание на то, что для изданий текстов гуманистов использовалась антиква, в то время как готический шрифт, независимо от географии изданий, употреблялся в книгах средневековой культурной традиции²⁴. До середины XVI в. антиква не использовалась в изданиях «Молота ведьм», поскольку культурная принадлежность книги четко осознавалась ее первыми издателями²⁵. Примечательно, что первые издания трактата-триалога Молитора также набирались исключительно готическим шрифтом, несмотря на то, что этот автор не относился к клерикальным кругам и всячески демонстрировал в своем сочинении гуманистическую образованность. Если же отслеживать ситуацию с издаваемыми текстами в динамике, продлив хронологические рамки до конца XVI в., обнаруживается интересная тенденция к нивелированию маркирующего признака – вновь издаваемые латинские тексты «Молота ведьм» и о «Ланиях и женах-прорицательницах» набираются антиквой, в то время как немецкие издания трактата Молитора сохраняют готический шрифт. В последнем случае языковой «водораздел» подчеркивался за счет общепринятой практики выделять латинские слова и фразы курсивом, в результате чего иноязычные фрагменты должны были бросаться в глаза на фоне немецкого готического шрифта. Помимо изменения внешнего вида обработке подвергался и текст как таковой, что проявилось в существенной редакции, призванной сгладить наиболее заметные проявления «кухонной латыни» – в словах вновь появляются дифтонги и происходит определенная корректировка словоупотребления. Настоящим памятником подобной работы является издание 1580 г., вышедшее во Франкфурте-на-Майне под маркой печатника Николая Бассея²⁶. Однако наибольшим переработкам подверглась книга Ульриха Молитора – из неё пропало слово

---

²³ *Шартье* 2006. С. 11.

²⁴ *Горфункель* 1986. С. 163.

²⁵ Там же. С. 164.

²⁶ *Instititoris* 1580.

lania, встречавшееся в первых изданиях практически на каждой странице. Категоричность редакторов в этом вопросе продиктовала смену названия – оно теперь звучало как *Tractatus utilis et necessarius per viam Dialogi, de Pythonicis mulieribus* («Трактат полезный и потребный, в виде диалога о женах-прорицательницах»). С учетом того, что в современной историографии Молитор часто воспринимается как скептик в вопросах преследования ведьм (и противопоставляется тем самым Институту)²⁷, особого внимания заслуживает «синтез печатника», при котором «Молот ведьм» и триалог Молитора оказывались объединёнными буквально под одной обложкой в издании 1580 г. В последующие годы сочинение Ульриха Молитора стало едва ли не обязательным дополнением к тексту *Malleus Maleficarum* в продукции печати Николая Бассея, как это было в изданиях «Молота ведьм» 1588 и 1600 гг.²⁸

Однако самым интересным эпизодом в этой истории становится появление нового перевода на немецкий, отличавшегося точностью передачи смысла латинского текста. Претензия на совершенство была обозначена в подзаголовке: «Изначально 114 лет тому назад *Ульриком Молитором* из Констанца, доктором [гражданского и канонического] прав, на латыни в форме некой беседы составлен и ныне заново, вернейшим образом переложен на немецкий и разделен на верные диалоги Конрадом Лаутенбахом, [приходским] священником в Хунавайлере»²⁹. Весьма примечательно, что точность переводчика здесь соперничает с точностью текста, принадлежавшего перу самого автора. Латинское издание Бассея, равно как и перевод Лаутенбаха, достаточно определённо выражают отношение потомков к наследию Ульриха Молитора – он признавался ими как авторитет, сочинения которого требовали, выражаясь современным языком, филологической критики.

В качестве отправной точки для нас послужила идея немецкого историка В. Берингера о том, что европейский подход к проблеме колдовства можно охарактеризовать как «изобретение традиции» (в терминологии Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера), поскольку каждый из мыслителей, обращавшихся к ней (от бл. Августина до историка-романтика XIX века Жюлья Мишле), создавал собственную традицию отношения к этой антропологически обусловленной и потому присутствующей в большинстве известных обществ системе представлений о социально обусловленных причинах несчастий³⁰. Формирование корпуса демоно-

²⁷ Behringer 2007. P. 74.

²⁸ Geiling J. Gawron T. 2006.

²⁹ “Anfänglich vor 114. Jahren durch *Vlricum Molitoris von Cofinz der Rechten Doctor Lateinisch in form eines Gesprechs gestellet vnd jertz newlich auffz trewlichli verteutshet vnd in gewiffē Dialogos abgetheilet. Durch Conradum Lautenbach Pfarharrn zu Hunaweyler*”. – *Molitoris* 1575. S.1.

³⁰ Behringer 2007. P.6.

логических сочинений хорошо иллюстрирует это предположение – сочинения, создававшиеся в результате ситуативных обращений к проблеме *maleficia* отдельными интеллектуалами, в процессе коммуникации на протяжении XV–XVI вв. претерпевали серьезную трансформацию, в которой значимую роль играла авторская идентичность. Случай Генриха Инстинториса позволяет предположить, что изначально эта идентичность выступала как нечто неопределенное, требующее сложной стратегии отстранения от негативных аспектов персональной известности с последующим их преодолением за счет авторитета заново написанной книги, публикация которой оказалась неким «интеллектуальным капиталом» и открыла возможность для диалога с властями г. Нюрнберг. Более экстравагантное решение Ульриха Молитора, включившего в качестве персонажей в своё сочинение представителей власти, также служило способом утверждения собственного статуса – оказавшись в пространстве текста вместе с государем, автор тем самым обозначает свое положение как лица, приближённого к особе правителя, в т.ч. в решении вопросов, стоящих перед властью. В этих индивидуальных стратегиях мы можем увидеть своеобразную иллюстрацию тезиса Ж. Ле Гоффа о политической реализации власти институционализированного вѣдения (*studium*), занявшей место рядом с властью церковной (*sacerdotium*) и властью государевой (*regnum*)³¹. В обоих случаях апелляция к книжной традиции выступала средством самоидентификации авторов, описания преемственности взглядов, выступая в качестве стратегии защиты в случае возникновения полемики. Длительный процесс бытования и тиражирования «инсбрукских» текстов, обусловленный внедрением книгопечатания, повлек за собой сглаживание авторского своеобразия под воздействием последующих редакций.

Ситуация вокруг «Молота ведьм», диалога «О ланиях и женах прорицательницах» и «Нюрнбергского руководства» представляет собой существенный исследовательский интерес с позиций интеллектуальной истории, поскольку проливает свет на природу и механизмы *translatio studii* в такой специфической сфере учёной культуры позднего Средневековья как демонология.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV века: Выражение стиля мышления в структуре жанра // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. [Batkın L.M. Ital'yanskii gumanisticheskii dialog XV veka: Vyrazhenie stilya myshleniya v strukture zhanra // Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniya. M., 1976]
- Бах А. История немецкого языка / Пер. с нем. Н.Н. Семенюк; ред., предисл. и прим. М.М. Гухман. М.: УРСС, 2005. 344 с. [Bakh A. Istoriya nemetskogo yazyka / Per. s nem. N.N. Semenyuk; red., predisl. i prim. M.M. Gukhman. M.: URSS, 2005. 344 s.]

³¹ *Ле Гофф* 2001. С. 22.

- Горфункель А.Х. «Молот ведьм» – средневековые или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986 С. 162-171. [Gorfunkel' A.Kh. «Molot ved'm» – srednevekov'e ili Vozrozhdenie? // Kul'tura Vozrozhdeniya i obshchestvo. M., 1986. S. 162-171]
- Зютмор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с. [Zyutmor P. Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki. SPb.: Aleteiya, 2003. 544 s.]
- Мурзин Е.Б. Трактаты немецких авторов второй половины XVI в. о колдовстве и ведьмах // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 103-117. [Murzin E.B. Traktaty nemetskikh avtorov vtoroi poloviny XVI v. o koldovstve i ved'makh // Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya. M., 2002. S. 103-117]
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер с фр. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001. 800 с. [Le Goff Zh. Lyudovik IX Svyatoi / Per s fr. V.I. Matuzovoi. M.: Ladomir, 2001. 800 s.]
- Мюшембле Р. Очерки по истории дьявола XII–XX вв. / Пер. с франц. Е.В. Морозовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 584 с. [Myushemble R. Ocherki po istorii d'yavola XII–XX vv. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 584 s.]
- Нессельштраус Ц. Г. Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб.: Аксиома, РХГИ, 2000. 272 с. [Nessel'shtraus Ts. G. Nemetskaya pervopechatnaya kniga: Dekorirovka i illyustratsii. SPb.: Aksioma, RKhGI, 2000. 272 s.]
- Рассел Дж. Б. Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб.: Евразия, 2001. 480 с. [Russel Dzh. B. Koldovstvo i ved'my v Srednie veka. SPb.: Evraziya, 2001. 480 s.]
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999. 480 с. [Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my. M.: Ad marginem, 1999. 480 s.]
- Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с. [Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo / Per. s fr. i poslesl. I.K. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 272 s.]
- Behringer W. Witches and Witch Hunt. A Global History. Cambridge, Malden: Polity, 2007. xxii, 338 p.
- Broedel H.P. The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York; Manchester University Press, 2003. x, 210 p.
- Brown M.P. Understanding illuminated manuscripts: a guide to technical terms. Los Angeles: Getty Publications, 1994. 128 p.
- Geiling J. Gawron, T. Molitor, Ulrich // Lexikon zur Geschichte der Hexenverfolgung, hrsg. v. G. Gersmann, K. Moeller u. J.-M. Schmidt. URL: http://www.historicum.net/no_cache/persistent/artikel/1659/
- Hobbins D. The Schoolman as Public Intellectual: Jean Gerson and the Late Medieval Tract // The American Historical Review, Vol.108, Issue 5. P. 1308-1337.
- Institoris, H. Malleus Maleficarum in Tres Divisus Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abundè continentur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius. Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primùm adiecimus, M. Bernardi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi[...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, 1580. <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit060>
- Henricus Institoris O.P. and Jacobus Sprenger O.P. Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction; Vol. II. The English Text.
- Kieckhefer R. The First Wave of Trials for Diabolical Witchcraft //The Oxford Handbook of Witchcraft in Early Modern Europe and Colonial America/ Ed. by B.P. Levack. Oxford: Oxford University Press, 2013. P 159-178.
- Klaniczay G. The Process of Trance, Heavenly and Diabolic Apparitions in Johannes Nider's Formicarius // Collegium Budapest Institute for Advanced Studies. Discussion Papers Series. № 65. June 2003.

- Kramer (Institoris) H. *Der Hexenhammer. Malleus Maleficarum / Neu aus dem Lateinischen übertragen von W. Behringer, G. Jeroschek und W. Tschacher. Herausgegeben und eingeleitet von G. Jeroschek und W. Behringer. München, 2015. S. 803*
- Kramer (Institoris) H. *Nürnberger Hexenhammer 1491 von Heinrich Kramer (Institoris). Faksimile der Handschrift von 1491 aus dem Staatsarchiv Nürnberg, Nr. D 251. Herausgegeben von Günter Jeroschek mit Vorwort, Transkription des deutschen Textes und Glossar. Hildesheim, Zürich, New York, 1992.*
- Molitoris, Ulricus. *De laniis et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen. Reutlingen, nach 10.I. 1489. <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=inkunabeln/179-2-quod-2>*
- Molitoris, Ulrich. *Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc. Augsburg 1508: <http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/bsb00004293/images/>*
- Molitoris, Ulrich: *Von Hexen und Unholden Ein Christlicher nutzlicher und zu disen unsern gefährlichen zeiten notwendiger Bericht; auß Gottes wort, Geistlichen unnd Weltlichen Rechten, auch sunst allerley Historien gezogen Straßburg, 1575 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0002/bsb00024884/images/>*

Бакус Григорий Владимирович, старший научный сотрудник АНО НИЦП «Тверьком», г. Тверь; bakusgrig@mail.ru

Temptation of Tradition Author's self-identification in early demonological treatise

The paper deals with justification strategies for the persecution witch in the late 15th century demonological treatises, such as *Malleus Maleficarum*, *Der Nürnberger Hexenhammer* by Heinrich Institoris and *De Laniis et Phitonicis Mulieribus Teutonice Hexen vel vnholden* by Ulrich Molitor. Written after the Institoris's scandal failure in Innsbruck witch trial, these books contained interpretations of the nature of harmful magic in connection with previous tradition of intellectual culture. Describing *maleficium* both authors tended to justify personal experience in the field of witch hunting and used their treatises as form of communication with secular and ecclesiastical authorities.

Keywords: demonology, *Malleus Maleficarum*, harmful magic, Innsbruck witch trial, intellectual culture

Grigorij Bakus, senior researcher of ANO NICP "Tvercom", Tver; bakusgrig@mail.ru

П. А. АЛИПОВ

НОВЫЕ КОНТУРЫ ТЕОРИИ ДИФфуЗИОНИЗМА ПАНТЕОН ПАЛЬМИРЫ В ТРУДАХ М. И. РОСТОВЦЕВА И К. ХОПКИНСА

В статье анализируется научное наследие выдающегося русского и американского ученого М.И. Ростовцева, известного своей интерпретацией социально-экономической истории античного мира, а также одного из его учеников – Кларка Хопкинса. Их труды, посвященные проблеме происхождения ряда религиозных культов в древней Пальмире, рассматриваются в тесной связи с вопросом о теоретико-методологических основаниях научной школы Ростовцева, созданной им в США. Автор приходит к выводу, что фундаментом интеллектуального творчества этой группы историков послужила существенно модифицированная ими теория диффузионизма.

Ключевые слова: *М.И. Ростовцев, К. Хопкинс, античная Пальмира, Дура-Европос, эллинизм, теория диффузионизма*

Имя М.И. Ростовцева (1870–1952) известно большинству специалистов в области классических исследований. Почетный доктор четырех университетов (Оксфорда, Кембриджа, Гарварда и Висконсина), профессор древней истории в Йеле, президент Американской Исторической Ассоциации (1935) – вот лишь малая часть его званий. В 1929 г. президент Йельского университета Дж.Р. Энджелл упомянул Ростовцева в качестве одного из трех здравствовавших на тот момент мировых лидеров в своей сфере и охарактеризовал его как самого выдающегося ученого во всем Йеле¹. В то же время об учениках антиковеда известно гораздо меньше. Между тем, сам Ростовцев был уверен, что положил основание новой научной школе в Йельском университете. Когда в 1938 г. ему предложили перейти на постоянную работу в еще более престижное учебное заведение – Гарвардский университет, он после некоторых колебаний ответил отказом. Причины такого решения он объяснил в письме близкому другу, выдающемуся социологу П.А. Сорокину. Ростовцева не в последнюю очередь беспокоил тот факт, что он «создал [в Йеле – П.А.] школу молодых ученых», которые, соответственно, нуждались в его поддержке (письмо от 9 октября 1938 г.)².

Данное утверждение выдающегося антиковеда до сих пор не привлекало внимания историков исторической науки, а между тем оно порождает комплекс вопросов, вписывающихся в рамки схолярной проблематики. Кого можно считать членами научной школы Ростовцева?

---

¹ Бонгард-Левин 1997. С 177.

² Ростовцев 1997. С. 196.

Какова была интеллектуальная база этой ученой группы, какие теоретико-методологические положения составляли фундамент научного творчества ее представителей? Имели ли идеи, выдвинутые ими, какой-либо длительный эффект для развития своей отрасли знания? Все перечисленные проблемы заслуживают самого пристального изучения.

Профессор и его ученик

Кларк Хопкинс (1895–1976) был в числе первых американских учеников Ростовцева. Этот историк и археолог изучал древнюю историю в Университете штата Висконсин как раз в то время, когда Ростовцев только начал читать лекции в США после эмиграции из советской России (он работал в Висконсине в 1920–1925 гг.). В дальнейшем, как известно, российский ученый занял пост профессора в Йельском университете (на котором оставался с 1925 г. до конца своей жизни). Это положение позволило ему выступить инициатором, а затем и возглавить масштабные археологические раскопки в Дура-Европос, римско-парфянской крепости на реке Евфрат (1928–1937). В этот период Хопкинс стал его ближайшим помощником. Молодой специалист принимал участие в работах с самого их начала и уже со второго сезона вступил в должность руководителя полевых исследований (оставался им с 1931 по 1935 гг.). Поскольку Ростовцев в силу ряда причин не мог лично присутствовать в месте проведения раскопок, он руководил проектом по переписке³. Хопкинс с завидной регулярностью посылал Ростовцеву в Йель детальные отчеты о ходе работ в Дура-Европос, подписанные одинаково: «Как всегда, Ваш старый ученик, КХ»⁴.

Проследить влияние идей Ростовцева на труды Хопкинса представляется чрезвычайно важным, поскольку это позволит сделать шаг в сторону выявления наследия Ростовцева в американской исторической науке и оценки его собственного утверждения о том, что он является основателем новой научной школы классических исследований.

Одной из ключевых тем истории эллинизма, как для Ростовцева, так и для Хопкинса, был вопрос о происхождении религиозных воззрений, бытовавших в древности на Ближнем Востоке. Оба ученых пытались, в частности, объяснить особенности возникновения и трансформации некоторых пальмирских культов, получивших в регионе особое развитие. И хотя с тех пор изучение искусства и религии Пальмиры значительно продвинулось⁵, теоретическая составляющая их работ по-прежнему вызывает значительный интерес.

---

³ За десять лет раскопок Ростовцев посетил Дура-Европос только дважды – в 1928 и 1934 гг. Такой стиль руководства послужил поводом для ряда критических замечаний со стороны современных исследователей. См., в частности: Миллар 1996.

⁴ Бадер, Бонгард-Левин, Мэтесон 1997. С. 531.

⁵ См.: Colledge 1976; Teixidor 1979; Kaizer 2002.

Кларк Хопкинс о пальмирских богах в Дура-Европос

В 1931 г., занимаясь исследованием развалин святилища пальмирских божеств в Дура-Европос, Хопкинс опубликовал статью с соответствующим названием – «Божества Пальмиры в Дура-Европос»⁶, которая стала, возможно, главным итогом его участия во втором (но первом для него) сезоне раскопок крепости на Евфрате (с октября 1928 г. по апрель 1929 г.). В том же году был опубликован предварительный отчет о раскопках⁷, где все находки этого сезона были тщательно описаны и систематизированы. Самый большой раздел этого тома был почти целиком написан Хопкинсом⁸. Но притом, что, как правило, редакторы отчетов по раскопкам в Дуре брали на себя ответственность обобщить текущие результаты исследований и предлагали свои трактовки важнейших событий в истории города, Хопкинс, лишь недавно примкнувший к проекту, не дерзнул заявить о себе столь смело. Данным обстоятельством, вероятно, и объясняется то, почему он решил вместо этого представить свои размышления отдельно – на страницах официального печатного органа американских востоковедов. Между тем статья о божествах Пальмиры является не только первым аналитическим трудом Хопкинса, основанным на археологических данных, полученных главным образом в Дура-Европос, но и вообще первой значимой работой ученого.

В центре исследования Хопкинса находится вопрос о направлении культурных и особенно религиозных влияний на Ближнем Востоке в период, непосредственно предшествовавший возникновению христианства. Выводы автора основываются на тщательном анализе фресок, найденных в т.н. «святилище пальмирских божеств» в Дура-Европос⁹. В *наосе* и *пронаосе* этого святилища были обнаружены шестнадцать изображений. Эпиграфические свидетельства позволяют отнести самые ранние из них к I в. до н. э., что дает основания ученому утверждать: «Именно через интерпретацию этой серии фресок... может быть получено наше знание о культах I в. до н. э.»¹⁰.

Историк отмечает: сам факт того, что святилище было посвящено исключительно пальмирским богам, следует рассматривать как доказательство семитских корней этого культа. Триада или четвёрка божеств мужского пола, включавшая Зевса, Аглибола и Яргибола, была традиционной для пальмирской религии, но всё это совсем не обязательно означает, что данный культ был исконно пальмирским. Известно, что и Пальмира, и Дура-Европос располагались на торговых путях, а потому «так же, как семитские влияния проникали на восток через Пальмиру в

---

⁶ Hopkins 1931.

⁷ Baur, Rostovtzeff 1931.

⁸ Ibid. P. 20–113.

⁹ Hopkins 1931. P. 119.

¹⁰ Ibid. P. 121.

Дуру, так и восточные веяния попадали на запад – из Дуры в Пальмиру»¹¹. Религиозная сфера не была исключением из этого правила. Следовательно, принципиально важно изучить происхождение и выявить внешние характеристики культа т.н. пальмирских богов. Относительно первого, Хопкинс подчеркивает, что идея обожествления Солнца и Луны (или небесной триады Солнца, Луны и звезды является очень старой, восходящей еще к первобытному Вавилону». В то время, в правление Кира, эта триада стала символом династии Ахеменидов и почиталась также царями Элама и Понта¹². Вот в чем, с точки зрения Хопкинса, заключается причина, по которой неверно было бы думать, что почитание этих богов возникло в районе Пальмиры.

Более того, существуют весомые аргументы в пользу версии, что почитание небесной триады Солнца, Луны и Верховного божества было базовым элементом парфянской религиозной традиции¹³. Имя третьего и наиглавнейшего бога можно выяснить, сравнивая изображения из Дуры с параллельными им фресками в Пальмире. В первом случае он появляется исключительно под греческим именем Зевс, о втором варианте мы имеем гораздо более точную информацию: настоящее имя божества – Баалшамин. Хопкинс считает, что еще больше, чем имя верховного божества, восточное происхождение культа выдают художественные традиции изображения небесной триады, в которых обнаруживаются отчетливые парфянские черты. В первую очередь, он обращает внимание на костюмы т.н. пальмирских богов, особенно верховного – изображенного одетым в восточные штаны. Хопкинс замечает: несмотря на то, что в I в. до н.э. иранская одежда была вполне обычным явлением и для Пальмиры, и для Дуры, исконные сирийские длинные балахоны (*gobes*) оставались все же более распространенными в этом регионе: «И, если концепция этих богов была изначально семитской, то в самом деле странно видеть изображенный здесь иностранный костюм». Примечательно, что, даже когда позднеримская одежда вытесняет семитскую и иранскую, как в Дура-Европос, так и в Пальмире, одеяние верховного бога неизменно остается в парфянском стиле¹⁴. Это выдает устоявшуюся восточную традицию восприятия данного божества.

Второй значимый аргумент для понимания корней упомянутого культа исходит из архитектуры самого храма. Раскопки первых двух сезонов выявили сложную конструкцию здания. В его границах была обнаружена более старая часть, небольшое прямоугольное пространство, «позже встроенное в башню окружающей сооружение стены». Одна из стен этой ранней постройки сформировала собой южную сте-

---

¹¹ Ibid. P. 128.

¹² Ibid. P. 136.

¹³ Ibid. P. 128–129.

¹⁴ Ibid. P. 125, 127.

ну наоса здания в целом. Посвященная Зевсу надпись, алтарь, воздвигнутый в центре помещения, многочисленные граффити – некоторые из них упоминают имя верховного бога – доказывают, что именно здесь было изначальное святилище. Таким образом, для Хопкинса очевидно, что новый храм был построен на этой неудобной территории, на дальней окраине города, только потому, что «более ранний культ уже освятил это место». Он также добавляет, что сама архитектура древнего здания отнюдь не семитская. Его внутреннее пространство первоначально было ровным, почти квадратным и, возможно, содержало огненный алтарь (стены помещения были черны от дыма и сажи). Такая конструкция святилища, по мнению Хопкинса, слишком нетипична для семитских храмов, но при этом абсолютно соответствует стилистическим нормам, принятым в парфянской культовой архитектуре¹⁵.

В итоге Хопкинс приходит к следующему умозаключению. Изначальный парфянский культ небесной триады на определенном этапе своего развития встретился с новым семитским населением в Дура-Европос, и эта встреча привела к культурному и религиозному взаимопроникновению, где смешение различных элементов вылилось в нечто принципиально новое. Одним из следствий такого синкретизма явилось то, что верховный бог сохранил свою иранскую внешность, причем даже в римском варианте. Два других божества, поклонение которым не так отчетливо ассоциировалось с первичным культом огня, изменили свои парфянские имена на семитские – Аглибол и Яргибол. Хопкинс убежден, однако, что божественная триада Зевса, Солнца и Луны в целом сохранила свои восточные характеристики, восходящие ко временам Вавилона. В историческом контексте I в. до н.э. заслуживает внимания тот факт, что в сознании местного населения закрепилась четкая связь между верховным божеством парфян и правящей династией Аршакидов. Вот почему, замечает ученый, на фресках в храме, воздвигнутом именно в этот период, мы находим «изображение верховного бога в виде царя Аршакидов, отождествляемого с Зевсом»¹⁶.

В Пальмире парфянские элементы были не столь заметны и сам культ имел больше западных черт, однако же главная фигура в небесной триаде настойчиво сохраняла свою иранскую внешность¹⁷. «Следовательно, изначальный культ был основан в Дуре, а не в Пальмире. Заимствованный Пальмирой и поддерживаемый в богатом центре караванной торговли, пальмирский культ затмил в своей пышности менее известный, но оригинальный центр в Дуре»¹⁸. Для Хопкинса, таким образом, изучение процесса ориентализации, протекавшего на древнем Ближнем

---

¹⁵ Ibid. P. 130–131.

¹⁶ Ibid. P. 137.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. P. 130.

Востоке, приобретает не меньшую значимость, чем исследование противоположного процесса – его вестернизации.

Ростовцев о караванных богах Пальмиры

Идеи Кларка Хопкинса вполне ясны, но откуда пришел импульс, который побудил его заняться именно этой специфической проблематикой? Логично предположить, что молодого ученого вдохновил никто иной как Ростовцев. В предварительном отчете по итогам второго сезона археологических раскопок в Дура-Европос он опубликовал узкоспециальную заметку «Граффити, изображающие парфянских воинов»¹⁹, в которой поделился своими соображениями относительно обнаруженных в исследуемом регионе изображений сиро-парфянских всадников.

Ростовцев указывает, что характер фресок в Дуре (в частности обнаруженных в храме пальмирских богов) имеет много общего с весьма распространенными в сопредельных регионах изделиями из терракоты, в изобилии представленными в музейных собраниях Европы²⁰. Ученый обращает внимание на несколько статуэток из Палестины в коллекции Семитского музея Гарвардского университета и подчеркивает, что «одежда, вооружение, в особенности шлем, и украшения двух статуэток говорят о сильном иранском влиянии, и на то же иранское влияние указывают стиль (особенно художественное оформление глаз и причесок) и композиция (типичная парфянская фронтальность)». Абсолютно те же признаки обнаруживаются у некоторых пальмирских скульптур, что позволяет Ростовцеву констатировать здесь превалирование иранского элемента в общем смешанном ирано-сирийском стиле²¹. Ростовцев, таким образом, косвенно затрагивает тему, которая позже станет центральной в ранних работах его ученика – Кларка Хопкинса.

Между тем сам Ростовцев предпочел вернуться к темам, уже сделавшим его знаменитым – к вопросам социально-экономической истории древнего мира, переключив на время свое внимание с Дура-Европос на Пальмиру. В короткой, но имевшей в дальнейшем большое влияние статье «Караванные боги Пальмиры»²², он писал: «Всё любопытно в любопытном городе Пальмира», – и удивлялся, почему этим процветающим в древности регионом так пренебрегали исследователи. Он также выделил сферы, которые, на его взгляд, оказались по каким-то причинам слабо изучены: экономическая и социальная эволюция города, история его караванной торговли и религиозное развитие. Для антиковеда было очевидно, что современному специалисту не следовало загонять себя исключительно в рамки просуществовавшей совсем недолго Пальмирской империи Одената, Вабаллата и Зенобии.

---

¹⁹ Rostovtzeff 1931.

²⁰ Ibid. P. 194.

²¹ Ibid. P. 200.

²² Rostovtzeff 1932.

Сам Ростовцев решил сосредоточиться на вопросе происхождения караванных богов Пальмиры, что должно было помочь и пониманию отдельных аспектов религиозной, экономической и военной истории города. Он говорит о гетерогенности богов, почитавшихся в Пальмире. С его точки зрения, там не было местных божеств, некоторые из них, такие как Яргибол и Аглибол, были полувавилонскими; Адад и Атаргатиס происходили из Сирии; Астарта и Эшмун – из Финикии, и т.д. Но наибольший интерес ученого вызывают боги, главной «специализацией» которых была охрана караванов. Он напоминает: поскольку повседневная жизнь населения Пальмиры выстраивалась вокруг караванной торговли, то подобную функцию в какой-то мере исполняли практически все почитаемые там божества. Но роль двух из них – Арсу и Азизу – должна быть отмечена особо. Их происхождение и отличительные черты становятся центральной проблемой исследования. Для достижения цели Ростовцев использует материалы иконографического характера: несколько рельефов (самый значимый из них находится в собрании музея Дамаска)²³ и многочисленные тессеры, источник, особо им ценимый за информативность еще с тех пор, как он защитил докторскую диссертацию о них в 1904 г.²⁴ (текст был опубликован за год до защиты диссертации). Это были, как правило, небольшие комочки глины различной формы, украшенные рельефами, а иногда и надписями. Они использовались, с точки зрения Ростовцева, по большей части как «входные билеты на сакральные или заупокойные трапезы в честь богов и обожествленных умерших» и, возможно, также для некоторых других целей²⁵. Сравнение этих двух типов исторических свидетельств позволяет ученому сделать ряд далеко идущих выводов.

На рельефе из Дамасского музея изображено двое богов. Первый сидит верхом на верблюде и одет в штаны, обувь и кирасу римского типа. Второй восседает на лошади, держит копьё и одет в гражданскую, а не военную, одежду. Перед этими божествами стоит жрец, приносящий им жертву. Но главный элемент рельефа – посвятельная надпись, которая позволяет идентифицировать самих богов: Ростовцев уверен, что сидящий на верблюде – не кто иной как Арсу, а всадник на лошади – Азизу²⁶. Столь явная привязка упомянутых божеств к конкретным животным отчетливо свидетельствует об их происхождении. На древнем Ближнем Востоке Сирия заслужила репутацию «матери лошадей», вследствие чего историк склонен принять гипотезу о том, что Азизу было «одним из многих имен для бога-всадника северной Сирии, одним из

---

²³ Ibid. P. 107-109.

²⁴ Ростовцев 1903.

²⁵ Rostovtzeff 1932. P. 111. См. также: Ingholt, Seyrig, Starcky 1955; Mesnil du Buisson 1962.

²⁶ Rostovtzeff 1932. P. 109.

других наименований которого было Геннеас». Что касается Арсу, то ученый находит его родину в Аравии: верблюды были излюбленной темой изображений на пустынных скалах по всему полуострову²⁷.

Популярность этих двух богов, особенно Арсу, в Пальмире подтверждается серией глиняных тессер, тысячи которых были найдены в регионе. Интерпретация этого типа исторических источников осложняется тем, что лишь немногие из них могут быть точно датированы. Те тессеры, которые привлекли внимание Ростовцева, относятся главным образом ко II в. н.э., иногда к I или III вв. Сравнивая упомянутый рельеф с этими тессерами, ученый приходит к выводу, что для населения Пальмиры из двух божеств Арсу был более важным. Он занимает центральное место на рельефе, да и количество тессер с его изображением заметно выше, чем с изображением Азизу.

Соответственно, Ростовцев склонен полагать, что Арсу ассоциировался с божественной звездой или даже с луной, которая вела караваны ночью в пустыне. Он уверен, что для караванов ночь была важнее дня (хотя сейчас это уже не кажется столь бесспорным), а потому и само божество наделялось исключительной значимостью. Столь же значимой была и роль связанного с Арсу священного животного: верблюды не просто служили средством передвижения, но представляли собой главное богатство торговцев. Азизу возник в Пальмире как парное к Арсу божество вследствие индоевропейской религиозной традиции, согласно которой «боги священных звезд... ведшие путешественников и купцов по суше и по морю, всегда представлены в парах». Ученый уверен, что трудно найти более близкого по своей сути к арабскому богу-верблюду Арсу божества, чем сирийский конный бог Азизу²⁸. Поэтому почитание этих двух божеств в Пальмире служит для Ростовцева наиболее впечатляющим образчиком местного религиозного синкретизма.

***

Возвращаясь к поставленному в начале настоящей работы вопросу об особенностях и теоретико-методологических основаниях научной школы М.И. Ростовцева, мы можем определить общие контуры, которые объединяют по крайней мере этих двух историков – самого русского антиковеда и его американского ученика Кларка Хопкинса:

1. Оба ученых уделяли первостепенное внимание проблеме кросс-культурных влияний и коммуникаций на эллинистическом Ближнем Востоке, включая религиозную сферу.

2. Оба пытались принять во внимание все направления этих взаимодействий. Если до того, определяя сущность эллинизма, историки обращали внимание, главным образом, на процесс вестернизации, то Ростовцев и его ученик старались подчеркнуть не меньшую значи-

---

²⁷ Ibid. P. 110–111.

²⁸ Ibid. P. 111–112.

мость противоположных тенденций. Они были абсолютно уверены, что восточные культурные влияния в ближневосточном регионе были даже более ощутимы, чем западные.

3. Оба специалиста использовали схожую методологию. Они последовательно внедряли археологические находки и изобразительный материал в более широкий контекст и благодаря этому чувствовали себя в силах сделать далеко идущие выводы, касающиеся истории обширного региона и эллинистического мира в целом.

4. Оба, Ростовцев и Хопкинс, разделяли видение Пальмиры и Дура-Европос как караванных городов.

5. И, наконец, самое существенное. В обоих случаях стремление ученых локализовать центры тех или иных культур, а затем проследить пути распространения их влияния может быть воспринято как новый виток теории диффузионизма, ее модифицированный вариант. В отличие от традиционной трактовки, предполагающей «центробежное просачивание достижений культуры из одного центра во все стороны», неклассический диффузионизм «перенес центр тяжести на *смешение* и *скрещивание* разнородных культурных элементов как главный фактор образования нового»²⁹. Тем самым кардинально был изменен акцент в понимании процессов, лежащих в основе образования новых цивилизаций: постулировалось равноправие, паритетность структурных единиц, создающих культурный фундамент складывающихся надэтнических и надгосударственных образований.

Следовательно, можно утверждать с большой долей уверенности, что Кларк Хопкинс действительно принадлежал к когорте ученых, составивших особую научную школу Ростовцева в США. Если принять во внимание, что даже на закате своей жизни Хопкинс в мемуарах возвращался к раскопкам в Дура-Европос и к периоду наиболее плотного сотрудничества со своим учителем, становится очевидным, какую большую роль они сыграли в его становлении как историка и археолога. Последняя, так и не законченная монография Хопкинса, «Открытие Дура-Европос»³⁰, опубликованная уже после его смерти, стала подлинным памятником всем археологам, которые начали свой карьерный рост и сформировались как ученые, работая под руководством М.И. Ростовцева в древней крепости на Евфрате.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бадер А.Н., Бонгард-Левин Г.М., Мэтесон С. Письма М.И. Ростовцева К. Хопкинсу, Дж. Энджеллу и В. Кроссу // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 530–547. [Bader A.N., Bongard-Levin G.M., Matheson S. The Letters of M.I. Rostovtzeff to C. Hopkins, J.R. Angell and W.L. Cross // Skifskiy Roman / Ed. by G.M. Bongard-Levin. Moscow: Rosspen, 1997. S. 530–547]

²⁹ Клейн 1975. Отметим, что Л.С. Клейн присваивает этому научному течению изобретенное им самим название: «комбинационизм».

³⁰ Hopkins 1979.

- Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 145–184. [*Bongard-Levin G.M.* M.I. Rostovtzeff v Amerike. Wisconsin i Yale // Skifskiy Roman... S. 145–184]
- Клейн Л.С.* Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестник Ленинградского университета. Серия «История. Язык. Литература». 1975. № 8. [*Klejn L.S.* Problema smeny kultur v sovremennyh arheologicheskikh teoriyah // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Yazyk. Literatura». 1975. № 8. S. 95–103]
- Миллар Ф.* М.И. Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европос // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 184–187. [*Millar F.* M.I. Rostovtzeff i yego rol' v rukovodstve raskopkami v Dura-Europos // Vestnik drevney istorii. 1996. № 3. S. 184–187]
- Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 332 с. [*Rostovtzeff M.I.* Rimskiye svintzovyye tessery. SPb.: I.N. Skorokhodov Pr., 1903. 332 s.]
- Ростовцев М.И.* Письмо П.А. Сорокину // Скифский роман... С. 195–196. [*Rostovtzeff M.I.* The Letter to P.A. Sorokin // Skifskiy Roman... S. 195–196]
- Baur P.V.C., Rostovtzeff M. (eds.)*. The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of Second Season of Work. October 1928 – April 1929. New Haven, London, Oxford: Yale University Press, Humphrey Milford and Oxford University Press, 1931.
- Colledge M.A.R.* The Art of Palmyra. L.: Thames and Hudson, 1976.
- Hopkins C.* The Palmyrene Gods at Dura-Europos // Journal of the American Oriental Society. 1931. № 51 (2). P. 119–137.
- Hopkins C.* The Discovery of Dura-Europos. New Haven: Yale University Press, 1979.
- Ingholt H., Seyrig H., Starcky J.* Recueil des tessères de Palmyre. Paris: P. Geuthner, 1955.
- Kaizer T.* The Religious Life of Palmyra: A study of the Social Patterns of Worship in the Roman Period (Oriens and Occidens 4). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002.
- Mesnil du Buisson R. du.* Les tessères et les monnaies de Palmyre (Inventaire des collections du Cabinet des Médailles de la Bibliothèque Nationale, 2 vols). P.: E. De Boccard, 1962.
- Rostovtzeff M.I.* Graffiti Showing Parthian Warriors // The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of Second Season of Work... P. 194–200.
- Rostovtzeff M.I.* The Caravan-Gods of Palmyra // Journal of Roman Studies. 1932. № 22 (1). P. 107–116.
- Teixidor J.* The Pantheon of Palmyra. Leiden: Brill, 1979.
- Алипов Павел Андреевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки ФИИП РГГУ, palipov@mail.ru

The new contours of the diffusionism theory the pantheon of Palmyra in the works of M.I. Rostovtzeff and C. Hopkins

In the article the scholarly heritage of the distinguished Russian and American historian M.I. Rostovtzeff, widely known for his interpretation of the social and economic history of the ancient world, is analyzed from the historiographic viewpoint, as well as that of one of his students – Clark Hopkins. The author examines their works, dedicated to the problem of the origins of religious cults in ancient Palmyra, in a close connection with the question of the theoretical and methodological basis of the scientific school M.I. Rostovtzeff had founded in the USA. The conclusion is that the intellectual foundation of this scholarly group was the diffusionism theory majorly modified by its representatives.

Keywords: M.I. Rostovtzeff, C. Hopkins, ancient Palmyra, Dura-Europos, Hellenism, the diffusionism theory

Pavel Alipov, PhD in History, senior lecturer, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, palipov@mail.ru

С. В. КУЗНЕЦОВА

«ЭТНИЯ» И «НАЦИЯ» КАК КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОСИМВОЛИЗМА

В статье рассматривается проблема связи между этническими сообществами прошлого и современными национальными идентичностями. Внимание уделено содержанию понятий «этноя» и «нация» в концепции этносиволизма и их эволюции в контексте дискуссий о «естественном» и «сконструированном» или «инструментальном» характере наций.

Ключевые слова: *нация, этноя, этносиволизм, примордиализм, конструктивизм*

Доклад «Что такое нация?», прочитанный Э. Ренаном в Сорбонне в 1882 г., должен был, по замыслу автора, подытожить сложившиеся на тот момент в обществе представления относительно понятия «нация». Уже во вступлении Ренан указал, что сама идея, отраженная в слове, кажется ясной, но по факту оно используется для обозначения самых разных коллективов и сообществ и смешивается с иными понятиями, что влечет за собой путаницу в понимании сути явления¹. Спустя столетие, когда в 1980-е гг. в гуманитарной науке стало оформляться междисциплинарное исследовательское поле *nationalism studies*, оказалось, что историки и социологи XX века, ставшего принципиально новой вехой в изучении проблем формирования наций и национализма, не только не внесли ясность, но, наоборот, усложнили ситуацию. В настоящее время существует несколько теорий изучения названных феноменов, и каждая предлагает по несколько вариантов толкования терминов, использование которых позволяет им обосновывать собственную теорию происхождения национальных идентичностей. Сегодня в академических кругах своеобразным правилом хорошего тона становится обозначать заранее, какой смысл вкладывается в используемый термин. Вместе с тем наблюдается ситуация, при которой, несмотря на то, что предметом обсуждения является та или иная конкретная историческая нация, попытка определить само понятие отсутствует. Это может быть связано как с тем, что слово «нация» является общеупотребимым, а значит, а *rigor* не нуждается в разъяснениях, так и с тем, что зачастую прикладные исследования проводятся в отрыве от теоретических, и их авторы избегают вникать в споры о терминологии.

Известно, что общепринятым, хотя многими и критикуемым, является деление наций на этнический (культурный/германский) и гражданский (территориальный/французский) типы, отражающие основные принципы и механизмы их складывания. Эта классификация уходит

¹ Ренан 1902. С. 90, 94.

корнями в первую половину XX в., восходя к трудам К. Хейса и Г. Кона, родоначальников «исторического национализмоведения»². «Историческими» данные исследования являлись потому, что занимались ими преимущественно историки, а не в силу того, что они начинали историю наций и национализма от глубокой древности. Вместе с тем идея о появлении наций одновременно с разумным человеком оформилась в теорию примордиализма (от англ. *primordial* – «исконный», «первоначальный»), что подразумевает рассмотрение наций в качестве коллективов, которые сформировались естественным путем, существуют с момента появления человека и выступают как природная данность («*givens in nature*»)³. По мнению одного из главных теоретиков данного направления П. Ван дер Берга, этнические коллективы – это группы, объединенные генетическим родством и обладающие общим языком, религией, обычаями, костюмом и т.д.⁴ В свою очередь, нация представляет собой политизированную в результате обретения государства этничность⁵. С критикой примордиализма во второй половине XX в. выступил конструктивизм, поместивший начало истории наций и национализма в Новое время – конец XVIII в. Свое итоговое воплощение он получил в работе Э. Геллнера «Нации и национализм»⁶. Содержанию и пониманию «нации» социолог уделил отдельное внимание, но точная формулировка им не приводится. Идея нации является продуктом убеждений и наклонностей людей и проистекает из общности культуры. Исследователя больше интересовал вопрос о происхождении национализма, который, по его мнению, и рождает национальные сообщества. Для конструктивистских теорий в целом характерно внимание именно к национализму как к принципу, идеологии или движению, а не к коллективам, которые формируются под его воздействием.

Исследовательский интерес к проблемам наций и национализма в 1980-е и особенно в 1990-е гг. был вызван исторической ситуацией, сложившейся в то время в Европе. Распад Югославии и СССР преобразил политическую карту региона. Как результат стали появляться публикации, объясняющие причины этих событий, среди которых одной из ведущих сил фигурировал национализм, и одновременно имелась возможность непосредственного изучения процесса национального строительства, начавшегося в Восточной Европе. К. Вердери подчеркивает, что в 1980–90-е гг. нация превратилась в символ, обладающий огромным потенциалом. Новые государства, образовавшиеся на обломках прежних коммунистических империй, стремились заявить о себе как о

---

² *Малахов* 2010. С. 42.

³ *Smith* 1998. P. 159.

⁴ *Van den Berghe* 1981. P. xi.

⁵ *Van den Berghe* 2005. P. 115.

⁶ *Gellner* 1983.

национальных и тем самым войти в западноевропейскую международную систему на равных. Как символ нация могла использоваться в качестве средства привлечения народной поддержки⁷. Так М. Хрох, анализируя общие черты националистических движений в Восточной Европе конца XX в., указывает, что им свойственны высокий уровень социальной мобильности и поиск новых элит в условиях вакуума власти. В этих условиях ответом на вызов, данный сообществу людей, желающему заявить о себе как о нации, выступил национализм⁸. Для новых элит национальная идея стала инструментом, способствующим получению поддержки со стороны остального населения. Все это противоречило прогнозам конструктивистов о том, что в условиях глобализации произойдет закат эпохи национальных государств⁹.

Действительность конца XX века потребовала ревизии представлений о «нации» и привела к очередному столкновению между примордиалистами и конструктивистами. Из плоскости обсуждения типов национальных сообществ и механизмов их формирования споры перетекли в новое русло – о «естественном» или «инструментальном» характере нации. Для примордиалистов «нация» продолжала оставаться данностью, укорененной в природе человека, доказательства чему они видели в межнациональных конфликтах, сотрясавших Восточную Европу. Для конструктивистов происходящее в регионе свидетельствовало о том, что «нация» является конструктом, инструментом элит для обеспечения легитимности власти, и ее формирование имеет управляемый характер. Поэтому конструктивистские теории часто также именуют инструменталистскими, а за отстаивание ими идеи о современном происхождении национализма и, соответственно, наций, — модернистскими. В условиях непримиримых противоречий между ними и примордиализмом стал вызревать новый подход, представлявший альтернативную модель исследования. Он получил название этносимволизма.

Автор этносимволизма, британский историк и социолог Э. Смит, выступил с критикой модернистской идеи о том, что между национальными идентичностями, возникшими в Новое время, и этническими сообществами, существовавшими в античный и средневековый периоды, отсутствует всякая преемственность. Однако важно отметить, что конструктивисты не столько настаивают на отсутствии исторической и культурной связи, сколько ставят под сомнение политическую значимость этничности до Нового времени, и как следствие – необходимость ее изучения¹⁰. Оформление концепции происходило в реалиях 1980–1990-х гг. и в полемике с конструктивизмом. Ситуация стимулировала

---

⁷ Вердеру 2002. С. 297–298.

⁸ Hroch 1996.

⁹ Hobsbawm 2000. P. 192.

¹⁰ Breuilly 1999. P. 149.

интерес к процессу образования наций не только в настоящем, но и в прошлом. По мнению Смита, конструктивисты, описывавшие формирование нации как процесс строительства, подчиняющийся планам и выгоде элит, не могли объяснить эмоциональную значимость национальной идеи для рядовых членов сообщества. Дистанцируясь от дискуссии о «естественном» и «инструментальном» характере нации, Смит разрабатывал собственный подход, который должен был объяснить происхождение наций и их существование в истории.

В первой части работы «Этнические истоки наций» Смит приводит свыше десятка терминов, которыми в древнегреческом языке обозначали коллективы людей, выделяемые на основе различных характеристик: среди прочих – термин «genos», подразумевающий группу, объединенную общностью родства, а также «ethnos» в качестве определения образованного на основе схожих культурных традиций сообщества. Оба термина относятся к коллективу, представители которого живут и действуют сообща, имеют сходные представления о себе, окружающем мире и пр. Тем не менее для терминологии этносимволизма характерно понятие «ethnie» («этно»), заимствованное из французского языка и подчеркивающее приоритет общности культуры над биологическим родством. Под «этноией» подразумевается «обладающее самоназванием население с разделяемыми мифами о происхождении, историей и культурой, обладающее представлением о связи с определенной территорией и чувством солидарности»¹¹. Именно на ее основе в дальнейшем происходило формирование нации, определяемой Смитом в работе «Национальная идентичность» как «обладающее самоназванием население, разделяющее историческую территорию, общие мифы и исторические воспоминания, массовую публичную культуру, общую экономику и общие юридические права и обязанности для всех членов»¹². Сравнивая приводимые характеристики двух типов сообществ, можно выделить различающие их маркеры. Нация представляет более высокий уровень самоорганизации и интеграции сообщества. Для ее существования недостаточно иметь представление о территории, которая является прародиной, нужно закрепить ее за собой, так как членов нации отличает не только общность культурного наследия, но и общие для всех обычаи и законы. Здесь мы напрямую сталкиваемся с вопросом о связи нации и государства, так как общие для всех права и обязанности могут быть гарантированы только государственной властью, хотя известны также нации, не имеющие суверенного государства (шотландцы, каталонцы, баски и др.). В подобных случаях, утверждает Смит, организатором и источником общих обычаев и законов могут выступать религиозные или иные не властные институты. Таким обра-

¹¹ Smith 1986. P. 21–22, 32.

¹² Smith 1991. P. 14, 40.

зом, им отрицается решающая роль политического фактора в возникновении наций, которому отдают главенство конструктивисты.

Понятия «этния» и «нация» – ключевые для этносимболизма, хотя, к примеру, У. Озкиримли в работе «Введение в теории национализма» упрекает Смита в «терминологическом хаосе». Согласно Смицу, маркерами, отличающими нацию от предшествующей ей этнической общности, выступают наличие четко обозначенной территории, общности экономической жизни и действие установленных законов, и при этом доказывается существование наций до появления национализма, но, утверждает Озкиримли вслед за Дж. Бройи, как экономическая и политическая стандартизация, так и установление определенных границ стали возможны только с наступлением Нового времени. Таким образом, получается, что термин «нация», применяемый Смитом по отношению к некоторым сообществам досовременной эпохи, подменяет «этнию» и тем самым искусственно удревляет историю нации в угоду доказательству практической ценности концепции¹³.

Смит подчеркивает, что нужно различать два значения понятия «нация». Первое связано с его использованием как категории анализа или в качестве идеального типа, второе – как чисто описательного термина по отношению к историческому типу человеческого сообщества. Первый вариант важен для существования общей концепции нации, так как понимание «нации» в качестве идеального типа может быть применимо ко всем историческим периодам. При этом нации должны рассматриваться безотносительно к национализму, но в связи с этнией, что позволяет исследовать их историю в режиме *longue durée*¹⁴. Как известно, автор теории временных ритмов исторической реальности Ф. Бродель связывал время *longue durée* с устойчивыми, мало подверженными изменениям структурами. С понятием «структура» связано понятие «модель», под которой понимается инструмент познания, создаваемый в рамках одной социальной реальности определенной длительности, но пригодный для изучения другой социальной реальности. Соотнесение модели с той или иной социальной реальностью должно стремиться к нахождению момента ее зарождения и служить объяснению устойчивости структуры¹⁵. В данном случае создание моделей представляет собой аналог метода идеальных типов М. Вебера.

¹³ Ozkirimli 2000. P. 183–185.

¹⁴ Smith 2008. P. 18, 20. Для изучения формирования наций метод большой длительности был применен Дж. Армстронгом в работе «Нации до национализма» (1982). Ее название бросало вызов идее Геллнера о том, что национализм рождает нации, а не наоборот, и в настоящее время это дает основание некоторым исследователям причислять Армстронга к этносимболистскому направлению национализм-моделирования. См.: Ozkirimli 2000. P. 170.

¹⁵ Бродель 2015. С. 36, 46, 52.

Идея изучения по методу создания идеальных типов присутствует в работах Смита, начиная с «Этнических истоков наций», но особое к нему внимание наблюдается только после 2004 г., когда на страницах журнала «Нации и национализм» (издается с 1995 г. Ассоциацией по исследованию этничности и национализма) состоялась дискуссия об этносимволизме с участием представителей разных областей гуманитарного знания. Специальный выпуск журнала был призван отметить заслуги Смита не только как крупного исследователя, но и как вице-президента ASEN и редактора журнала. Среди предложенных к обсуждению был и вопрос о терминологии: «как отделить «нации» от этнических сообществ и национальных государств, и как, согласно концепции, соотносятся эти феномены в историческом и социологическом плане»¹⁶. С ним же была связана проблема участия разных социальных групп в образовании нации. Какое националистическое движение будет успешным: то, в котором главной силой выступают элита, средний класс или большинство населения? Являются ли по своей сути нации и национализм явлениями политического или культурного характера?

Так, Т. Эриксен, анализируя работу «Этнические истоки наций», подробно рассмотрел шесть выделенных Смитом основополагающих элементов этнии: коллективное имя (этноним), миф об общем происхождении, общая история, особая культура, ассоциирование с особой территорией проживания, чувство общности людей друг с другом. Как считает ученый, обнаружить наличие всех этих критериев в ряде случаев невозможно, но это не означает, будто сообщество не является нацией. У объединения может отсутствовать самоназвание, как, например, у народов Африки, определяющих свои коллективы по клановому родству, а их известные названия были даны колонизаторами и антропологами. Сложнее ситуация со значением мифа о происхождении. Эриксен не сомневается, что он важен, хотя часто недоказуем, как в случае с легендой о Хлодвиге, первом короле франков, исповедовавшем христианство¹⁷. Вопрос о составляющих этнической принадлежности является одним из спорных ввиду частого отсутствия письменных источников, которые могли бы отражать представления о ней в прошлом. В случае же с народами африканского континента речь и вовсе идет о свидетельствах европейцев, которые осваивали регион уже в период завершения складывания их собственных национальных государств, а потому различавших их по привычному для себя национальному критерию.

В дискуссии о роли этнии и о ее преобразовании в нацию принял участие ученик Смита Дж. Хатчинсон. В своей публикации «Миф против мифа: нация как продолжение этнии» он утверждает, что этническая идентичности имела определяющее значение в формировании со-

¹⁶ Guibernau, Hutchinson 2004. P. 1–2.

¹⁷ Eriksen 2004. P. 56.

временных наций, и не может быть речи о том, что нации представляют собой продукт изобретения элит. По его мнению, движения неоклассицизма и романтизма, поддерживая интерес к истории и культуре народов, создали новый тип людей, которые сумели осознать значение этнических сообществ в истории и передали эти взгляды интеллектуалам, имевшим новое (светское) образование. Те, в свою очередь, поняли, что их сообщества смогут выжить в постоянно изменяющемся мире лишь посредством модернизации, что означает превращение их в нации. Важную роль при обращении к наследию прошлого приобрела история, фактически обеспечившая нацию знанием о своем «золотом веке»¹⁸.

В том же году и по тому же поводу состоялась конференция с участием представителей всех трех направлений *nationalism studies* — конструктивизма, примордиализма и этносимволизма. Ее материалы были изданы в виде сборника «Когда возникает нация?» (2005). Вопросы о методах исследования и терминологическом аппарате этносимволизма снова стали ключевыми в дискуссии. Один из важных моментов — перемена в характере определения, которое Смит дает «нации»: нация — это «обладающее самоназванием и самоопределившееся сообщество, члены которого поддерживают общие мифы, воспоминания, символы и ценности, обладают отличительной публичной культурой и распространяют ее, проживают на исторической родине и идентифицируют себя с нею, создают и распространяют общие законы и обычаи»¹⁹. Таким образом, для формирования нации важны следующие процессы: самоопределение (через обретение самоназвания), мифо- и памятетворчество, территориализация, создание публичной культуры и юридическая стандартизация. Нация представляет собой структуру, формируемую посредством базовых символических элементов культуры: мифов, воспоминаний, традиций, ценностей, ритуалов и собственно символов. По сравнению с определением нации 1991 г., которое без значимых изменений существовало до 2004 г., новый вариант подчеркивает процессуальный характер нации, понимаемой не как некое состояние общества с совокупностью определенных характеристик, а как динамическая структура, изучение которой возможно лишь в исторической протяженности. Это значительно меняет подход к решению вопроса «Когда появляется нация?», который изначально ассоциируется с датированием и хронологией. Теперь в центре внимания встала проблема набора процессов, которые создают нацию. Сводятся ли они к перечню Смита? Насколько конкретный случай должен соотноситься с данным перечнем? Кто, наконец, управляет этими процессами? Иными словами, снова возникает вопрос о «естественном» или «сконструированном» характере нации, но уже в рамках отдельной концепции.

---

¹⁸ *Hutchinson* 2004.

¹⁹ *Smith* 2005. P. 98.

В этносимволизме ведущая роль в превращении этнии в нацию и процессе нациеформирования принадлежит представителям интеллектуальных элит. В этом отношении Смит в общих чертах следует схеме конструктивизма и представлению о месте нового среднего класса Нового времени в условиях кризиса старого порядка и прежних форм идентификации по подданству и вероисповеданию. Однако это приводит к другой проблеме – роли образованных страт общества древнего и средневекового периодов в формировании наций. Если относительно распространения национальной идеи в XVIII–XIX вв. и ее носителей разногласий нет, то о возможности обнаружить ее в досовременную эпоху конструктивистами высказаны сомнения. Для того чтобы можно было говорить о существовании нации, необходимо, чтобы эта идея транслировалась на широкие массы и находила среди них отклик. По мнению сторонников модернизма, это стало возможно лишь с появлением системы стандартизированного образования, которой в древности и в средневековье не существовало. Так, У. Коннор указывает, что для доказательства идеи о существовании наций ранее Нового времени, Смит опирается на письменные источники, авторами которых являются образованные слои общества, что не позволяет судить о настроениях, господствовавших среди неграмотного населения²⁰. Насколько они разделяли чувство культурной и исторической общности?

В определении этнии в «Этнических истоках наций» присутствует критерий наличия «степени солидарности» среди ее членов. Несмотря на то, что само толкование понятия с 1986 г. несущественно варьировалось, данная характеристика всегда завершала ее. В нескольких случаях она имела важные дополнения, очерчивающие размер «степени» распространенности этого чувства среди членов сообщества. Так, в монографии «Национальная идентичность» содержится уточнение, что оно должно присутствовать среди «значительного сектора населения», однако уже в вышедшей годом позже статье «Избранные народы: почему этнические группы выживают» круг его носителей сужается. Указывается, что солидарность может разделяться только городскими слоями, и этого достаточно для того, чтобы судить о существовании этнии²¹. После дискуссий 2004 г. в работе, подводившей итог двадцатилетней эволюции этносимволизма «Этносимволизм и национализм. Критический подход», Смит определяет «этнию» так: «обладающее названием и самоопределившееся сообщество, члены которого обладают мифом об общем происхождении, общими воспоминаниями, одним или более элементом общей культуры, включая связь с территорией, и чувство солидарности, по крайней мере, среди высшей страты»²². Концепт со-

---

²⁰ Connor 2005. P. 42.

²¹ Smith 1991, P. 21; 1992. P. 438.

²² Smith 2009. P. 27.

лидарности представляет собой самостоятельный предмет изучения различных областей гуманитарного знания, но вместе с тем само слово является общеупотребимым, так что для Смита не возникает вопроса о необходимости толкования значения, который он закладывает в определение. Вместе с тем характер использования подразумевает понимание солидарности в дюркгеймовской интерпретации как морального явления, которое не поддается измерению, а его изучение возможно лишь посредством наблюдения социальных последствий, им порождаемых²³. Солидарность этнического сообщества основывается на общности культуры, но проявляется у представителей интеллектуальной элиты и остальной массы населения по-разному. Если солидарность образованных слоев общества может быть отражена в письменных источниках, то осознание своей общности у всех остальных членов сообщества выражается в совместных действиях, направленных, например, против внешней угрозы²⁴. Вместе с тем, по мнению Смита, присутствие чувства солидарности в высшей страте – уже достаточное основание говорить о существовании идеи этнической идентичности. Это значительно удревняет этнии, так как позволяет привлекать письменные источники самых ранних периодов истории для доказательства идеи о древних истоках современных национальных идентичностей.

Таким образом, этносимволизму действительно свойственен терминологический хаос, который, однако, не является исключительно его недостатком, а отличает *nationalism studies* в целом. В первую очередь стоит вопрос о различении понятий «этния» и «нация». Маркеры, установленные между ними, имеют политический характер и предполагают наличие государственной власти, которая может обеспечить установление территориальных границ, поддержание единой публичной культуры, законов и обычаев, вопреки утверждению Смита о том, что существование государства не является необходимым для возникновения нации. Однако помимо различения двух понятий, имеются трудности в толковании каждого из них. Так определение нации претерпело изменения, но они коснулись не набора составляющих ее характеристик, а смысла. После дискуссий 2004 года нация стала подаваться не как некий достигаемый статус сообщества, а как динамически развивающаяся структура, которой свойственен ряд процессов, обеспечивающих ее жизнеспособность. Одновременно происходило уточнение термина «этния», важный компонент которого – «чувство солидарности» – был ограниченно отнесен к верхней страте сообщества. Очевидно, что это было вызвано полемикой с Коннором о том, является ли нация массовым феноменом. Обсуждение касалось времени возникновения нации, но отразилось и на понимании этнии как ее предшественницы.

²³ Дюркгейм 1996. С. 71, 74.

²⁴ Smith 2004. P. 60.

Анализ этносимволизма нацелен в первую очередь на исследование процесса превращения этнии в нацию, который отличается долговременностью, и метод идеальных типов способствует его моделированию. Вместе с тем этому служит и акцент на процессуальном характере национальной идентичности, что также снимает вопрос о датировании ее возникновения. Ее появление уже нельзя отнести к конкретному периоду, можно лишь соотносить идеальную модель с социальной реальностью того или иного времени и говорить о том, в какой мере социально-культурные общности, в ней представленные, имеют черты, сходные с нацией.

Что касается «естественного» или «сконструированного» характера нации, то они оба являются идеальными типами в том смысле, что не встречаются в чистом виде. Членам нации их сообщество видится древним, укорененным в истории, но вместе с тем национальная риторика является неотъемлемым инструментом элит при общении с народом и его мобилизации для совместного действия. Смит не выступает как участник этой дискуссии, в центре его внимания находится формирование наций в истории, превращение этний в национальные сообщества, но при близком рассмотрении можно увидеть, что в его понимании «естественным» характером обладает именно этния, но не в биологическом, а культурно-историческом смысле. Она представляет собой сообщество, примеры которого можно обнаружить как минимум с начала письменной истории. Что же касается нации, то ее складывание – длительный процесс, в котором ведущую роль играют представители интеллектуальных элит, осуществляющие переработку этнического прошлого, адаптируя его к требованиям времени и потребностям сообщества. Вместе с тем это не делает нацию объектом их манипуляции. Национальные элиты не могут обращаться вольно с материалом, с которым имеют дело, и в некотором смысле являются заложниками этнической истории. Они помогают нации сформироваться, но не создают ее ex nihilo. В этом отношении для Смита нация – не «природа» и не «инструмент», а нечто вроде «абсолютной идеи» со свойственными ей способностями к самосозидательности и саморазвитию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бродель Ф. Очерки истории. М.: Академический проспект, 2015. 223 с. [Braudel F. Ocherki istorii. M.: Akademicheskii prospekt, 2015. 223 s.]
- Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Практикс, 2002. С. 297–307. [Verderi K. Kuda idut «natsiya» i «natsionalizm»? // Natsii i natsionalizm / B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh i dr. M.: Praxis, 2002. S. 297–307]
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с. [Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. M.: Kanon, 1996. 432 s.]
- Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2010. 318 с. [Malahov V.S. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. M.: KDU, 2010. 318 s.]

- Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101. [Renan E. Chto takoe natsiya? // Renan E. Sobr. soch. v 12 t. Kiev, 1902. T. 6. S. 87–101]
- Breuilly J. Approaches to Nationalism // Mapping the Nation. L., NY.: Verso. P. 146–174.
- Connor W. The dawn of nations // When is the Nation? Towards an understanding of theories of nationalism / A. Ichijo, G. Uzelac (eds). L.: Routledge, 2005. P. 40–46.
- Eriksen T.H. Place, Kinship and the Case for Non-ethnic Nations // Nation and Nationalism. 2004. Vol. 10, Is. 1–2. P. 49–62.
- Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell Publisher, 1983. 150 p.
- Guibernau M., Hutchinson J. History and National Destiny // Nation and Nationalism. 2004. Vol. 10. Is. 1–2. P. 1–8.
- Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: CUP, 2000. 206 p.
- Hroch M. Nationalism and National Movements: Comparing the Past and the Present of Central and Eastern Europe // Nation and Nationalism. 1996. Vol. 2, Is. 1. P. 35–44.
- Hutchinson J. Myth against Myth: the Nation as Ethnic Overlay // Nation and Nationalism. 2004. Vol. 10. Is. 1–2. P. 109–123.
- Ozkirimli U. Theories of Nationalism. A Critical Introduction. NY.: St. Martin's Press, 2000. 253 p.
- Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Wiley-Blackwell, 1986. 240 p.
- Smith A.D. National Identity. L.: Penguin Books, 1991. 226 p.
- Smith A.D. Chosen peoples: Why ethnic groups survive // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 15, Is. 3. P. 436–456.
- Smith A.D. Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. L., NY.: Routledge, 1998. 270 p.
- Smith A.D. Dating the nation // Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism / Ed. by D. Conversi. L.; NY.: Routledge, 2004. P. 53–71.
- Smith A.D. The genealogy of nations: an ethno-symbolic approach // When is the Nation? Towards an understanding of theories of nationalism / Ed. A. Ichijo, G. Uzelac. L.: Routledge, 2005. P. 94–112.
- Smith A.D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. L.: Blackwell Publ., 2008. 245 p.
- Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. Routledge, 2009. 184 p.
- Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. Westport Connecticut, L.: Praeger, 1981. 318 p.
- Van den Berghe P. Ethnies and nations. Genealogy indeed // When is the Nation? Towards an understanding of theories of nationalism / Ed. A. Ichijo, G. Uzelac. L.: Routledge, 2005. P. 113–118.

Кузнецова Светлана Вячеславовна, аспирант кафедры Новой и Новейшей истории Института международных отношений и мировой истории, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; kuznetsova.sv.v@gmail.com

“Ethnie” and “nation” as key concepts of ethno-symbolism

The problem of relations between ethnic communities of the past and modern national identities is discussed. Definitions of "ethnie" and "nation" in the ethno-symbolist concept and their evolution in the context of discussions about the "natural" and "constructed" or "instrumental" character of nations are revealed.

Keywords: nation, ethnie, ethno-symbolism, primordialism, constructivism

Svetlana Kuznetsova, PhD student of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; kuznetsova.sv.v@gmail.com

ЕРЕТИКИ И ВЛАСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ «ТАКТИКИ» БОЛГАРСКИХ БОГОМИЛОВ (X ВЕК)

В статье исследуются социальные практики сопротивления болгарских богомилов государственной и церковной властям. Автор анализирует формы существования власти в Первом Болгарском царстве X в. («стратегии») и формы сопротивления им, отражённые в текстах последователей и противников богомильской ереси («тактики»). Делается вывод о взаимосвязи телесного (физического) характера власти и отрицания телесности богомилами в рамках дуалистического мировоззрения, иными словами: взаимосвязи отражённой в текстах мировоззренческой (символической) системы и социальных практик.

Ключевые слова: *ересь богомилов, религиозный дуализм, Первое Болгарское царство, власть, телесность.*

Социальная природа такого феномена средневековой европейской истории, как христианские ереси, представляет безусловный интерес для исследования в качестве объекта, способного показать различные маргинальные и периферийные формы социальных норм и практик средневекового общества, ярко проявляющиеся на фоне более-менее общепринятых. Из всего многообразия массовых еретических движений мы выделяем богомильскую ересь как оказавшую заметное влияние на религиозную историю Средневековья, а с другой стороны – оставившую после себя достаточно репрезентативные исторические источники: оригинальные сочинения, полемическую литературу и т.д.

Богомильская ересь – одна из наиболее массовых и распространённых христианских ересей средневековой Европы, учение которой обычно классифицируется как дуалистическое, противопоставляющее дьявольское материальное и божественное духовное. Вопрос о социальном характере богомильства, долгое время не занимал значительного места в историографии. Данный вопрос был поставлен во главу угла в марксистской историографии, прежде всего, конечно, болгарской: так, Д. Ангелов ожидаемо определял богомильство как антифеодальное движение, основанное на принципах «потребительского коммунизма»¹. Д. Оболенский критикует этот тезис, призывая не преувеличивать значимости социальных или политических идей для последователей богомильства, чей *modus operandi* заключался не в изменении устройства общества, а в максимально возможной изоляции от него². В целом

---

¹ Ангелов 1954. С. 55-56.

² Не оспаривает этого и Ангелов, правда, ставя в укор богомилам отсутствие у них «ясного политического мировоззрения». Ангелов 1954. С. 58.

взгляды богомилов на общественное устройство и государство Оболенский характеризует как «социальный анархизм»³.

Использование политологических терминов XIX–XX вв. может помочь в *рассказе* о явлении религиозной жизни X в., но мало добавляет в его *понимании* из-за очевидного расхождения внешне похожих явлений из разных эпох и общественных систем. Таким образом, необходимо поставить вопрос не о выборе того термина, который лучше описывает социальный феномен богомильской ереси, но о причинах возникновения этого феномена именно в той форме, в которой это случилось. Эти причины можно условно разделить на два типа: религиозные (распространённость в Македонии в силу исторических причин различных дуалистических ересей) и социальные (общественные явления, которые способствовали усвоению и широкому распространению дуалистических идей). Здесь нас интересуют факторы второго типа.

Упомянутые историки сходятся в оценке социально-экономической ситуации в Первом Болгарском царстве на момент царствования Петра как весьма плачевной. Среди социальных причин возникновения и быстрого развития богомильства выделяют послевоенную (византийско-болгарские войны Симеона) разруху, голод вследствие неурожая, налоговый гнёт, процессы обеднения и обезземеливания мелких крестьянских собственников⁴, а также «народный и славянский характер»⁵ ереси, что обеспечило её широкое распространение (представители различных дуалистических ересей в Македонии, будущей родине богомильства, исторически являлись колонистами, переселяемыми из других частей Византийском империи до завоевания провинции Болгарией, а соответственно являлись чужаками для местного населения). Перечисленные кризисные явления, наблюдаемые в болгарском обществе к X в., несомненно, способствовали росту негативных настроений у части населения по отношению к власти и её представителям всех уровней, к окружающей социальной действительности в целом. Это не могло не привести и к критическому восприятию «официальной идеологии» – учения Болгарской (после раскола 1054 года – православной) церкви в том виде, в котором оно транслировалось в массы.

Социальные потрясения приводят к мировоззренческому кризису, и в этой ситуации нет ничего удивительного или необычного. Проблема заключается в другом: почему этот мировоззренческий кризис части болгарского общества приобрёл *именно такую* конкретную форму – религиозного дуализма? Богомилы «провозглашали не стремление к реформам, но полное ниспровержение существующих институтов»⁶

³ Оболенски 1998. С. 100–101.

⁴ Ангелов 1954. С. 25–26.

⁵ Оболенски 1998. С. 103–104.

⁶ Gagov MCMXLII. P. 39.

(здесь снова надо отметить преувеличиваемую «революционность» болгарских еретиков), однако их подлинный радикализм выражался не столько в «социальной доктрине», сколько в отрицании материального земного мира в целом. То, что приверженцы «неавтохтонных» дуалистических учений жили на территории Македонии и распространяли свои идеи задолго до появления богомилства, не снимает поставленного вопроса. Важно не то, *кто* распространял дуалистические идеи непримиримости духа и материи, отрицания земного мира, но *почему* они столь успешно распространились? Очевидно, что этот исторический феномен возник под воздействием различных факторов. Стоит отметить один из них: из тех многообразных переплетений социальных отношений, в среде которых формировалось богомилское сообщество, государственная власть занимает особое место. Анализ характера осуществления власти может пролить свет на характер сопротивления ей.

Средневековое общество зачастую мыслилось как тело: телесные метафоры, использовавшиеся первоначально по отношению к церкви (Церковь как Тело Христово), со временем вводились в политический и социальный дискурс, описывая как тело отдельный город или целое государство⁷. Вопрос о характере власти в раннесредневековой Болгарии выходит за рамки данной статьи, поэтому мы ограничимся обращением к источникам, связанным с богомилством. Тот же Козьма помещает слова Христа «если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя...» в контекст полемики с еретиками: «Аще им имете веру или примете я с любовью в дом свои или какоу им радость сотворите, се прорекох вам с ними осудитеся в вечныя муки... Аще ж видет в таковая или отец или мати или брат или сын... отлучися и возненавиди его... и паки от техже аще тя соблазняет око твое десное или рука или нога, отсеци и отвези от себе»⁸. Как видно, евангельские строки, часто приводимые церковными авторами при обсуждении вопросов аскетики, здесь предстают в качестве телесной метафоры социальной изоляции еретиков, «отсечения» и «отвержения» их от общественного «тела».

Однако телесность власти проявляется не столько в виде обобщающих метафор, сколько в особенностях конкретных социальных практик и отношений. При рассмотрении власти не как некой внешней силы, но как *типа социальных отношений* внутри общества в целом: «не как достояния, а как стратегии»⁹, в поле зрения попадают различные «микрофизики власти», о которых писал М. Фуко. Он относил переворот в практиках физического подчинения, заключавшийся в утончении и опосредовании механизмов власти, к середине XVIII в. Соответственно, предшествующий период, включающий и эпоху Средневековья,

⁷ Ле Гофф, Трюон 2008. С. 158–168.

⁸ Слово с-того Козмы Пресвитера на еретики // Попруженко 1936. С. 30-31.

⁹ Фуко 1999. С. 41.

характеризуется более прямыми способами подчинения: «Политический захват тела связан сложными двусторонними отношениями с его экономическим использованием; тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила... Подчинение его не достигается исключительно средствами насилия или идеологии. Оно может быть также непосредственным, физическим, применяющим силу против силы, основанным на материальных элементах...»¹⁰. Именно этот тип (из перечисляемых Фуко) представляется наиболее характерным для раннесредневекового общества.

Вновь обращаясь к сочинению Козьмы Пресвитера, можно усмотреть в тексте некоторые намёки, неявно говорящие о подобном характере власти. Так, Козьма отмечает недовольство населения своим положением – трудной жизнью, обременённой нищетой, тяжёлой работой и произволом со стороны представителей власти («И глаголаши не мощно в мире сем живуще ... ещез и работы настоят владык земных и от дружины пакость всяка и насилья от старейших»). В ответ он призывает не противиться властям: «аще боти суть дневне работы земных властех, яко ты глаголаши... не тужи тем, но паче добре прави добре порученайти, чая от Бога за то мзду приятии противу труду своему»¹¹. Подчинение «земным властям» осуществляется, прежде всего, в форме «работы» на них, т.е., принимая во внимание исторический контекст – физического (земледельческого) труда непосредственно на землях царя, бояря и руководимых старейшинами сельских общин.

Заметная часть сочинения Козьмы посвящена критике современного монашества. Его негодование вызывает «нестабильность» монашествующих, их постоянное перемещение: «Ходяще и не по закону остризающесе. Отходят в Иерусалим, инииж в Рим и в прочая грады и тако помятшесе, возвращаются в дома своя, кающася безумнаго труда... Инииж проходят от дому в дома чюжая не затворяюще от много-речья уст своих, поведающе и прилагающе сущая на инех землех. Тем хотящее прославится от человек. Друзии же и горшая творят»¹². Эти неконтролируемые властью (в данном случае – церковной) перемещения порождают разрушение границ социальной группы, её «текучесть»: в обход регулирующих механизмов происходит как вход («не по закону постригаются»), так и выход («и не найдя себе места, возвращаются в дома свои») из неё. Переходы внутри группы также не способствуют осуществлению контроля над её членами. Физическое перемещение в пространстве Козьма прямо связывает с перемещением в пространстве «духовном»: неукоренённость в одном месте подразумевает и неустойчивость духа. Иначе говоря, бродячий монах со временем почти навер-

---

¹⁰ Там же. С. 25-26, 40.

¹¹ Слово с-того Козьмы... С. 44.

¹² Там же. С. 43.

няка «отходит» от принципов монашества, и делами, и умом: «И ови... своя жены поемлют, смех суще человеком. Ови срам чернечества не повергнут, *долече его* умом *ходяще*». Козьма предлагает очевидное и о многом говорящее решение проблемы: «Возми и в своем храме сяди»¹³.

Подчинение мыслится Козьмой опять же телесно – как непосредственный физический контроль. Контроль за монахами осуществляется не с помощью каких-либо регулирующих списков, общих уставов поведения, даже силы идеологии оказывается недостаточно. Этот пример иллюстрирует как раз непосредственный, физический тип властных механизмов, очевидно, характерный не только для церкви, но для общества в целом. «Стратегии» социальных отношений, транслируемой церковью, противопоставляются различные «тактики» ухода из-под власти этих отношений с целью выстраивания каких-то других¹⁴. Прикрепленность к месту как форма контроля порождает «бродяжничество» как форму протеста, и такое «скольжение по границам» территорий и социальных групп оказывается, возможно, одним из самых эффективных способов неподчинения и, одновременно, выражения определённого духовного вольнодумства.

В то же время, подобные практики означают и выпадение из размеченной системы социальных отношений: «Мнозе бо отходящих в монастыря, не могущих терпити сущих ту молитв и трудов прибегают и возвращаются... ови сквозе грады без места мятутся тунеядуще чуж хлеб, и праздни обоих суще трудов... *чреву суще раби, а не Богу*»¹⁵. Эта последняя фраза удивительным образом созвучна с той критикой, которую приверженцы богомильского учения адресовали всему болгарскому священству: «то или в тайне согрешают, то *по плоти живут яве, а не по духу яко и мы*»¹⁶. В контексте всего сказанного выше о символизме и метафоричности телесного, подобные слова приобретают не прочитываемые с первого взгляда ассоциации, отсылающие к области политического. Но имеет ли такая интерпретация под собой основание? Другими словами, далее перед нами встаёт вопрос о формах участия последователей богомильства в практиках неподчинения власти.

Пресвитер Козьма, разбирая в своём полемическом сочинении богословские заблуждения еретиков, выделяет и богомильскую критику, адресованную представителям властей всех уровней: «учат же свояси не повиновати ся властелем своим, хулящее богатя, царь ненавидят, ругаются стареишинам, укаряют болярь»¹⁷. Естественно, своё отрицание власти богомилы выражали не только словами (социальная крити-

¹³ Там же.

¹⁴ Серто 2015. С. 50.

¹⁵ Слово с-того Козмы... С. 47.

¹⁶ Там же. С. 13-14.

¹⁷ Там же. С. 35.

ка, видимо, активно использовалась ими при распространении своего учения и привлечении новых последователей), но и делами. Социальные практики неподчинения властным механизмам явно перекликаются с используемыми «бродячими монахами», которых описывал Козьма: «мерзекы богу мнят работающаа царю, и всякому рабу не велят работати господину своему»¹⁸. Более того, как сообщает тот же автор, богомильские проповедники «уловляют душа грубых человек, глаголяще не подобает тружати ся делающе земная»¹⁹. Иначе говоря, богомильцы уходили от влияния двух форм подчинения (наиболее простых, но не единственных), характерных как раз для власти средневекового общества: принуждение к работе и прикрепление к месту²⁰. Последователи же богомильства (по-видимому, из числа высшей категории верующих – «совершенных») «праздни ходят, не хотяще ничем же сяприяти руками своими, но проходяще от дому к дом чюжая снедая имения прелщаемых имы человек»²¹. Подобные формы поведения очевидно порождены общей средой социальных практик власти, возникая как сопротивление ей. В то же время, эти «тактики» общественной жизни должны были быть встроены в общую структуру картины мира рассматриваемой социальной группы (т.е. последователей богомильства). Следующим шагом анализа, собственно, и будет исследование мировоззренческих оснований, лежащих за этими социальными практиками.

Информацию о формах социального протеста и, частично, о религиозных представлениях, можно почерпнуть из той же «Беседы против богомилов», более подробные сведения об особенностях мировоззрения содержатся в апокрифическом тексте «Вопросы Иоанна» («Тайная книга богомилов»), использовавшимся самими богомилами. Одной из них, очевидно, является идея религиозного дуализма – базовая для учения богомильства. Согласно ей, весь материальный мир является сотворённым не Богом, но падшим ангелом Сатанаилом (Сатаной): «На высоту хулу вещают глаголяще по диаволи воли сущя вся. Небо, солнце, звезды, воздух, земля, человека, церкви, кресты. И вся Божия диаволу предают»²². Таким образом, мир представлялся богомилам разделённым на две части: земной, находящийся под властью Сатаны, и располагающийся на небесах (находящихся за видимым небосводом) духовный мир Бога²³. Этот принцип «разделённости» мира, будучи одной из основ богомильского учения, переносился и в область антропо-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ См.: Андерсон 2007. С. 221-38.

²¹ Слово с-того Козьмы... С. 35.

²² Там же. С. 26.

²³ «И тогда сел [Сатана] над твердью небесной» (*Et tunc sedit in firmamento*).

Тайната книга // Иванов 1970. С. 77. Здесь и далее, кроме указанных случаев, даются ссылки на текст Венской рукописи.

логии: «И задумал [Сатана] создать человека в рабство себе, и поднял грязь от земли, и создал человека, подобного себе. И приказал ангелу второго неба войти в тело [из] глины... ангелы плакали много, видящие на себе облики смертные»²⁴. Человек, таким образом, представлялся как противоречивое единство несоединимого: души и тела, принадлежащих к антагонистичным друг другу мирам (духовному и материальному). Тело как творение Дьявола заслуживало лишь презрения и отрицания. Из такого отношения к плоти закономерно происходят аскетические практики с целью её укрощения: «И сами и мамону прозваша, и того творца нарицают, и строителя земным вещем, и того повелевавшего человеком жены поимати, и мясо ясте, и вино пити, и просто вся похулившая наша»²⁵. Весь привычный образ жизни людей расценивался богимилами как потакание плоти, а в конечном счёте – как служба творцу всего материального (в т.ч. тела), демиургу–Сатанаилу. Об этом свидетельствует и текст «Беседы»: «Сами небеснии жители творят, а жениящая человеки и живущая в мире мамонины слугы наричют, сами ж всего то гнушающе ся не приемлют»²⁶. То есть «служащие плоти» являлись, фактически, «служащими мамоне». Это служение понималось буквально, как подчинение власти Сатаны: «С тех пор, как Дьявол отпал от славы Отца... сел он над небесами и послал слуг своих... вниз к людям от Адама до Еноха служителя... И взял он его [Еноха] на твердь небесную и явил ему [ложную] божественность свою... Взял с собой Енох книги и передал сынам и научил их совершать священные обряды и [устанавливать] места для обрядов, и сделали так, и **закрыли**²⁷ Царствие небесное для людей. И говорил им: «Посмотрите, я есть Бог, и нет другого Бога кроме меня»²⁸. Последователи богомильства, принимая подобную картину мира, считали лишь себя обладающими знанием об истинном Боге, скрытом от людей. Чтобы не быть слугой лжебога (Дьявола), которому по незнанию поклоняются ортодоксальные христиане (себя богимилами тоже считали христианами, и что важно – истинными), необходимо, соответственно, отвергнуть созданное им

²⁴ «Et cogitavit facere hominem in servitio sibi, et tulit de limum terra et fecit hominem simile sibi. Et praecepit angelo secundi coeli interire in corpus luti... angeli plo-raverunt multum videntes super se formam mortalem esse». – Тайната книга... С. 78.

²⁵ Слово с-того Козмы... С. 26.

²⁶ Там же.

²⁷ Clauserunt – глагол «закрыли» в перфекте, в Каркассонской же рукописи употребляется даже более говорящее *et ita abscondebant* - «И так скрывает» (имперфект настоящего времени, обозначающий не завершенное до сих пор действие).

²⁸ «Ex quo cecidit Diabolus de Gloria Patris... sedit super nubs et misit ministros suos... ad homines infra ab Adam usque ad Enoch ministrum... Et assumpsit eum supra firmamentum et ostendit illi deitatem suam... Detulit autem Enoch libros et tradidit filiis et docuit facere formam sacrificiorum et locum sacrificiorum, et fecerunt ita et **clausurunt** regnum coelorum ante homines. Et dicebat eis: videte, quia ego sum Deus, et non est alter Deus praeter me». – Тайната книга... С. 81.

тело. Как видно, богомилы придерживались крайних форм аскетизма, отказываясь от любого «потакания плоти» (избыточная пища, алкоголь, сексуальные отношения), становясь уже в земной жизни «небесными жителями». Эта позиция отвержения всего материального критиковалась ещё современниками богомилства за свою непоследовательность: «Вопрошаем же их, глаголюще аще диавол вся си видимаа по вашему безумью створил есть, то почто хлеб ясте и пиете воду. Понеже вся си тварь диаволя есть, то почто ли в свиты наша облагчяется»²⁹.

Видимо, находясь во враждебном пространстве «чуждого» мира, при невозможности полностью оборвать с ним любые связи, необходимо было хотя бы максимально стремиться к этому: «Последователи Иоанна – женатые и замужние, последователи, [идущие] за мной – неженатые и незамужние, и они – как ангелы Бога на небе в Царствии небесном»³⁰. Это представление о принадлежности к абсолютно иному «внеземному» миру, развивается в эсхатологические представления богомилов об Апокалипсисе как освобождении из «пленения»: «И по воле Отца освободятся души неверующих из **темницы** наконец, и глас мой услышат, и станет одна овчарня и один пастух»³¹.

Тюрьма времён раннего Средневековья представлялась земным аналогом условного «чистилища»: пройдя через его страдания узник как бы «искупал» свои прегрешения, связанные с нарушением закона³². Это представление вполне отвечает взглядам богомилов на пребывание человека в мире как на своеобразное «заточение». Между двумя уровнями этой картины мира как тюрьмы, антропологическим (душа в теле) и онтологическим (человек в земном мире) угадывается и промежуточный – социальный (человек в обществе). Пребывание людей в обществе, властителем которого является Дьявол, лишь ещё один из планов вселенской катастрофы «заточения» духа. Слова Пресвитера Козмы намекают на такое восприятие: «Словеса и учения апостольска и пророческа на посрамление бестыдных еретик, яко цари и бояре Богом суть учинени»³³. Вполне понятно, кто, по мнению богомилов, мог учинить земные власти. Красочной иллюстрацией может послужить отрывок из апокрифического текста, имевшего хождение в богомилской среде: «Тогда диавол приде и ста и не дасть Адаму земля работати и рече Адаму: «Моя есть земная, а божия соть небеса и рай... не дам ти земля работати, аще не запишеши мне рукописание свое, да си мои». Адам

²⁹ Слово с-того Козмы... С. 33.

³⁰ “Discipuli Johannis nubunt et nubuntur, discipuli autem mei non nubunt nec nubuntur, sed sunt sicut angeli Dei in coelo in regno coelorum”. – Тайната книга... С. 83.

³¹ “Et per licentiam Patris, exibunt de **carcere** spiritus increduli aliquando et vocem meam audient, et erit unum ovile et unus pastor”. – Там же. С. 86.

³² Geltner 2006. P. 261–262.

³³ Слово с-того Козмы... С. 35

рече: «Кто земли господин, того есмь аз и чада моя»³⁴. Схожим образом, как человек, желающий спастись, должен был всеми возможными способами удаляться от материального мира (аскетические практики), так же ему приходилось изолироваться и от мира социального.

Таким образом, все социальные практики богомилов можно расценить именно как последовательный разрыв связей с обществом путём отказа от семьи, работы и постоянного места жительства, нарушение не только принятого образа, но и установленного распорядка жизни³⁵. Это «ускользание» из-под контроля властных механизмов в сочетании с крайними аскетическими практиками давало весьма эффективный результат в деле неподчинения государственным властям. В условиях примитивного телесного характера власти, отрицание телесности вообще являлось, вероятно, самым дерзким вызовом, который возможно было бросить репрессивным механизмам: тело, за счёт его отрицания, переставало быть политическим объектом, которым оно являлось ранее³⁶. Социальные практики последователей богомилства, таким образом, с одной стороны, неразрывно связаны с формами контроля и подчинения, характерными для общественной среды той эпохи, с другой – встроены в общую структуру учения и мировоззрения богомилов.

Эти практики приверженцев богомилского учения представляют, таким образом, многоплановый объект изучения, будучи погружёнными в общую структуру социальных практик и связанными при этом с областью идей и текстов. Закономерно встаёт вопрос, ответ на который, впрочем, дать затруднительно: возникали ли эти своеобразные социальные нормы богомилского сообщества под воздействием враждебного окружения и затем повлияли на формирование дуалистического учения, либо же сам характер мировоззрения определял способы конструирования этих норм и их конкретные воплощения? Можно лишь предположить, что процесс этот являлся многофакторным и двусторонним, то есть протекавшим в виде взаимовлияния социальных практик с одной стороны, идей и текстов – с другой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ангелов Д.* Богомилство в Болгарии. М.: Изд-во Иностранной Литературы. 1954. 216 с.
Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: «Территория будущего». 2007. 288 с.
Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София: Наука и изкуство. 1970. 399 с.
Ле Гофф Ж. Трюон Н. История тела в Средние века. М.: «Текст». 2008. 189 [3] с.
Оболески Д. Богомилите: студия върху балканското новоманихейство. София: ИК Златогорь. 1998. 304 с.

³⁴ Слово о Адаме и Еве // Иванов 1970. С. 216.

³⁵ «Кто бо вы указа в день воскресения Господня постигитися и кланятися... и вся господскыя праздниuky и память святых мученик и отец не чтете». – Слово с-того Козмы... С. 33.

³⁶ Фуко 1999. С. 39-40.

- Попруженко М. Г.* Козма Пресвитеръ: болгарский писатель X вѣка. Български старини. Кн. XII. София: Придворна печатница. 1936. ССXCIX + 92 с.
- Serto M. de.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб: Изд-во ЕУСПБ. 2015. 330 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem». 1999. 480 с.
- Gagov J. M.* Theologia Antibogomilistica Cosmae Presbyteri Bulgari (Saec. X). Romae: Officium Libri Catholici. MCMXLII. 194 p.
- Geltner G.* Medieval Prisons: Between Myth and Reality, Hell and Purgatory // History Compass. 2006. Vol. 4. Issue 2. P. 261–274.

REFERENCES

- Angelov D. Bogomil'stvo v Bolgarii. M.: Izd-vo Inostrannoi Literatury. 1954. 216 s.
- Anderson P. Perekhody ot antichnosti k feodalizmu. M.: «Territoriya budushchego». 2007. 288 s.
- Ivanov I. Bogomilski knigi i legendi. Sofiya: Nauka i izkustvo. 1970. 399 s.
- Le Goff Zh. Tryuon N. Istoriya tela v Srednie veka. M.: «Tekst». 2008. 189 [3] s.
- Obolenski D. Bogomilite: studiya v"rku balkanskoto novomanikheystvo. Sofiya: IK Zlatogor". 1998. 304 s.
- Popruzenko M. G. Kozma Presviter": bolgarskii pisatel' Kh vѣka. B"lgarskii stari-ni. Кн. XII. София: Придворна печатница. 1936. ССXCIX + 92 с.
- Serto M. de. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'. SPb: Izd-vo EUSPb. 2015. 330 s.
- Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my. M.: «Ad Marginem». 1999. 480 s.
- Gagov J. M. Theologia Antibogomilistica Cosmae Presbyteri Bulgari (Saec. X). Romae: Officium Libri Catholici. MCMXLII. 194 p.
- Geltner G. Medieval Prisons: Between Myth and Reality, Hell and Purgatory // History Compass. Vol. 4. Issue 2. (March 2006). P. 261 – 274.
- Gagov J. M. Theologia Antibogomilistica Cosmae Presbyteri Bulgari (Saec. X). Romae: Officium Libri Catholici. MCMXLII. 194 p.
- Geltner G. Medieval Prisons: Between Myth and Reality, Hell and Purgatory // History Compass. Vol. 4. Issue 2. (March 2006). P. 261 – 274.

Егоров Станислав Олегович, аспирант кафедры Всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ), преподаватель Гуманитарной кафедры СУНЦ НГУ; segorov752@gmail.com

Heretics and Authority: Bulgarian Bogomils' Social "Tactics" (Xth century)

The author studies Bulgarian Bogomils' social practices of resistance to state and church authorities. The author analyses different forms of power's existing in First Bulgarian Empire in Xth century ("strategies") and forms of resistance to them ("tactics"), represented in texts of followers and opponents of the Bogomils' heresy. The author concludes that corporeal (physical) nature of power is strongly connected to the Bogomils' rejection of corporeality within the framework of dualistic worldview, in other words: that the worldview (symbolical) structure, as it is represented in texts, is strongly connected to social practices.

Keywords: the Bogomils, religious dualism, First Bulgarian Empire, power, corporeality
Stanislav Egorov, PhD student, Department of World History, Institute of Humanities, Novosibirsk State University; lecturer, Department of Humanities, SESC NSU

А. Ю. СЕРЕГИНА

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ, КОНЦЕПТ МЕЛАНХОЛИИ И МИССИОНЕРСКАЯ ПРАКТИКА АНГЛИЙСКИХ КАТОЛИКОВ КОНЦА XVI ВЕКА¹

В статье рассматривается влияние концепта меланхолии и идеи гения-меланхолика, сформулированной в псевдо-аристотелевых «Проблемах» на богословскую мысль и миссионерскую практику английских католиков конца XVI в., а именно, на представления о роли меланхолического состояния в познании религиозной истины и обращении в «истинную» веру.

Ключевые слова: аристотелевская традиция, псевдо-Аристотель, «Проблемы», меланхолия, обращение, познание, Тимоти Брайт, Роберт Парсонс, Джордж Гилберт, католические миссионеры

Влияние наследия Аристотеля на культуру Средневековья и раннего Нового времени отразилось в существовании огромного корпуса текстов, считавшихся аристотелевскими; в их число входило и около сотни текстов разного происхождения, не принадлежавших перу самого философа, но, тем не менее, проливающих свет на историю бытования аристотелианской традиции на Западе. Последнюю ученые порой рассматривают как некий монолит, всегда тождественный сам себе, тогда как платоновская традиция изучается в ее различных версиях: позднеантичной, позднесредневековой, ренессансной и др. Изучение псевдо-аристотелевского корпуса текстов, его формирования и восприятия в Европе могло бы существенно расширить наши представления о том, какую роль наследие Аристотеля играло в западной культуре.

Расцвет псевдо-аристотелевских текстов приходится на XIII–XV вв. В это время в Европе имели хождение десятки рукописей текстов, приписываемых великому греческому философу. При этом лишь небольшая их часть имела греческие оригиналы, корнями уходящие в античную аристотелевскую традицию, остальные же сочинения либо переводились с арабского, либо составлялись на латыни. В конце XV – первой половине XVI в., после изобретения книгопечатания и с распространением гуманистической критики текстов, произошло первое «редактирование» Аристотелевского канона. В число текстов, включенных в состав издававшегося большими тиражами «латинского Аристотеля», вошли те псевдо-аристотелевские сочинения, которые имели греческие оригиналы. В ряде случаев появились и новые переводы².

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках проекта №15-18-30005 «Наследие Аристотеля как конструирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе».

² Schmitt 1989.

В статье пойдет речь об одном из таких текстов, имевших долгое «эхо» в европейской интеллектуальной истории раннего Нового времени благодаря своему толкованию концепта меланхолии, оказавшемуся удивительно востребованным в ту эпоху. Сборник «Проблемы» [Problemata], приписывавшийся Аристотелю, и посвященный естественным наукам, относится к популярному в поздней античности и Средние века жанру, представлявшему собой сборник развернутых ответов на вопросы о причинах того или иного явления. В ходе ответа на вопрос естественнонаучные и физические теории излагались и оспаривались при помощи методов риторики. Подобные тексты были востребованы в преподавании, а также в качестве своего рода естественнонаучных энциклопедий, и вышли из моды лишь в XVII в., с началом Научной революции³. Сборник пользовался огромной популярностью на Западе. Тем не менее, среди исследователей и по сей день нет единодушия ни относительно даты его составления – она варьируется в диапазоне от III в. до н.э. до VI в. н.э. – ни по поводу авторства: хотя все согласны, что текст не принадлежит Аристотелю, одни приписывают его непосредственным ученикам философа, другие же – аристотелианцам последующих столетий. Не умолкают споры и относительно того, восходят ли отдельные части текста к утраченным позднее сочинениям Аристотеля, или же нет⁴. В целом, однако, исследователи сейчас склонны относить время создания сборника к периоду вскоре после смерти философа, и считать его редактором перипатетика, возможно, даже ученика Аристотеля⁵.

Но в XVI–XVII вв. «Проблемы» считались сочинением самого Аристотеля, прежде всего потому, что это сочинение имело известный греческий оригинал. Текст «Проблем» был известен на Западе в переводе Варфоломея Мессинского (XIII в.)⁶, но в основном благодаря комментарию Петра Абанского (начало XIV в.)⁷. Однако популярность его в Европе связана с появлением нового перевода пера Феодора Газы (ок. 1370–1475), гуманиста-грека из Фессалоники, покинувшего родину в 1429 г. В Италии он преподавал в Павии и Сиене, был профессором греческого языка в университете Феррары, а потом уехал в Рим, где, находясь под покровительством папы, занимался переводами. Перевод «Проблем» был издан в Мантуе около 1473 г. с посвящением папе Николаю V (ум. 1455); второе, исправленное издание, появилось в Риме в

---

³ Blair 1999. P. 173, 175, 187-188. Другие авторы популярных сборников «Проблем» – Плутарх и Александр Афродисийский.

⁴ См. Flaschar. 1962. P. 711-717; 1966. P. 303-308; Klibansky, Panofsky & Saxl 1964. P. 15-40; Pigeaux 1988; van der Eijk 2005. P. 160-167; Schütrumpf 2015. P. 357.

⁵ См., например, van der Eijk 2005. P. 161.

⁶ Варфоломей Мессинский – работавший на Сицилии при дворе короля Манфреда в 1258–1266 гг. переводчик Аристотеля с греческого

⁷ Петр Абанский (ок. 1275–1316) – профессор медицины Падуанского университета; учился в Константинополе и Париже.

1475 г., и все последующие переиздания ориентировались на него. Позже появился сборник, в котором перевод Феодора Газы соседствовал с переводом «Проблем» Александра Афродисийского Джорджо Валлы и «Проблем» Плутарха Джован-Пьетро д'Авенцо (Венеция, 1488 и 1489, возможно, 1499). Кроме того, существует группа изданий, объединяющих оба перевода, Феодора Газы и Варфоломея Мессинского: Мантуя, 1475, Венеция, 1482, 1501, 1505, 1518, 1519, Париж, 1520. Все эти версии многократно переиздавались во многих книгоиздательских центрах Европы (в той же Венеции, Базеле, Лионе) и были хорошо знакомы читателям⁸. Только коллекция Британской библиотеки насчитывает несколько десятков континентальных изданий конца XV–XVI в.⁹ (всего в британских библиотеках их около 170)¹⁰.

Особый интерес для читателя раннего Нового времени представляла присутствующая в «Проблемах» интерпретация идеи меланхолии и ее воздействия на интеллект человека. Новоевропейская культура унаследовала от античности гиппократову теорию гуморов – присутствующих в теле человека жидкостей – крови, флегмы, желтой и черной желчи – и соответствующих их избытку темпераментах: сангвиника, флегматика, холерика и меланхолика. На эти идеи, воспринятые Галеном, столетиями опиралась европейская медицина. Согласно данному взгляду, черная желчь – холодная и сухая – не способствовала интеллектуальной деятельности человека, так как ее избыток в организме вызывал состояние заторможенности и отупения. Эти представления присутствуют во многих сочинениях раннего Нового времени, особенно – и совершенно предсказуемо – в медицинских текстах¹¹.

Аристотелевская традиция внесла новую ноту. Благодаря ей, общим местом в XVI–XVII вв. становятся рассуждения о гениях-меланхоликах, в которых представления о меланхолическом темпераменте соединяется с идеями об особой роли его носителей в познании мира. Соответственно, изучение роли представлений о меланхолии применительно к этой эпохе обычно протекает либо в контексте истории культуры (от истории науки до истории западноевропейского искусства)¹², либо в области истории медицины, рассматривающей меланхолию как

⁸ О переводах «Проблем» на латынь см. van der Lugt 2006; Ventura 2006; Monfasani 2006; 1999. P. 205-207.

⁹ См. электронный каталог Британской библиотеки: [http://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?dscnt=0&pag=nxt&tab=local_tab&dstmp=1478856793054&srt=iso1&ct=Next+Page&mode=Basic&indx=21&fromLogin=true&vl\(freeText0\)=Aristotelis%20Problemata&fn=search&vid=BLVU1&fromLogin=true](http://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/search.do?dscnt=0&pag=nxt&tab=local_tab&dstmp=1478856793054&srt=iso1&ct=Next+Page&mode=Basic&indx=21&fromLogin=true&vl(freeText0)=Aristotelis%20Problemata&fn=search&vid=BLVU1&fromLogin=true)

¹⁰ Подсчеты выполнены по электронному каталогу COPAC, объединяющему каталоги всех исследовательских библиотек Великобритании: <http://copac.jisc.ac.uk/search?&title=Aristotelis+Problemata>

¹¹ Babb 1957. P. 58-67.

¹² Обзор работ, посвященных меланхолии: Gowland 2006a; Lund 2010. P. 4-8.

общий термин для ряда душевных болезней (расстройств депрессивного спектра) и/или особого состояния психики¹³. Здесь особое внимание привлекает такой текст, как «Анатомия меланхолии» Ричарда Бёртона, которому так или иначе посвящено множество трудов¹⁴.

Нас интересует аспект идеи меланхолии, в котором роль этого психического состояния в устремлении к познанию истины рассматривается в богословском контексте. Речь идет о своеобразном «использовании» меланхолии как орудия в процессе переориентации устремлений человека и его жизни от мирского успеха к приближению к Богу, т.е. в процессе обращения в его религиозном и конфессиональном смыслах. Именно здесь особенно важна связь меланхолии и познания в той интерпретации, какая присутствует в «Проблемах». Обычно данные сюжеты рассматриваются применительно к протестантам: лютеранам и кальвинистам¹⁵. В данной статье речь пойдет о связи меланхолии, познания истины и религиозного обращения в католической мысли и миссионерской практике конца XVI в. в Англии.

Меланхолия как культурный концепт часто связывается с ренессансными неоплатониками, и, в частности, с Марсилио Фичино, который писал в «Трех книгах о жизни» (1482) о том, что ученые люди часто оказываются меланхоликами¹⁶. Текст Фичино, однако, указывает свои источники, главным из которых был текст, относящийся к аристотелевскому корпусу. Он и является исходной точкой моих рассуждений. Речь идет о книге 30, главе 1 «Проблем», где автор задается вопросом: «Почему все люди, отличившиеся в философии, государственном управлении, поэзии или искусствах – меланхолики, причем некоторые до такой степени, что подвержены болезням, вызываемым черной желчью, о чем свидетельствует история героя Геракла?». Автор сочинения отвечает на вопрос, рассматривая качества черной желчи, которые, по его мнению, могут меняться в зависимости от температуры. Соответственно, черная желчь бывает очень холодной, или очень горячей.

«Итак, если черная желчь, которая естественным образом холодна и не находится на поверхности, когда пребывает в описанном состоянии, есть в теле в избытке, то она порождает апоплексию или апатию, или же подавленность или страх; но если она перегрета, то порождает веселость и пение, и манию, а также высыпание гнойников, и так далее. В большинстве случаев, поскольку это происходит из-за обычной еды, характер людей не меняется, но лишь порождает меланхолическую болезнь. Но у тех, в ком этот темперамент существует от природы, сразу же проявляются различные типы характера, различаясь в зависимости от их разного темперамента. Те, например, у кого желчи много, и она холодна, становятся ленивы-

¹³ MacDonald 1980. P. 213-216.

¹⁴ См. Gowland 2006b. P. 5-16.

¹⁵ Gowland 2006a. P. 104.

¹⁶ См., например, Babb 1957. P.60-61; Brann 2002. P. 82-150.

ми и тупыми, тогда как те, у кого ее в избытке, и она горяча, впадают в манию, становятся остроумными и любвеобильными, и легко подчиняются страсти или желанию, а некоторые становятся более разговорчивыми. Но многие, по той причине, что этот жар близок к вместилищу ума, оказываются подверженными болезням мании или безумия, что объясняет существование оракулов, предсказателей и вдохновенных людей, когда это состояние обусловлено не болезнью, а естественной смесью <...>. Однако те, у кого излишний жар снизился до умеренного количества, меланхолики, более разумные и менее склонные к странностям, они превосходят всех остальных во многих отношениях, одно – в учености, другие – в искусствах, третьи же – в государственных делах»¹⁷.

В уже упомянутом сочинении Фичино ссылался на это место у псевдо-Аристотеля, однако его интерпретация несколько отличается. Фичино использует также Платона и Демокрита выделяет виды черной желчи: естественную, т.е., более густую и сухую часть крови, и осадок, состоящий из высушенной основы – одного из четырех гуморов, т.е. собственно черной желчи, крови, желтой желчи и флегмы. Избыток любого из этих осадков ведет к болезни – либо мании и сумасшествию, либо подавленности, апатии и оцепенению. Фичино отмечает: «только та черная желчь, что мы зовем естественной, ведет нас к рассудительности и мудрости – но не всегда». Взятая отдельно, она «замутнит дух массой, что является черной и густой, наполняет душу страхом и затупляет разум». Познанию и любой интеллектуальной деятельности способствует иной состав черной желчи: она должна быть жидкой (разбавленной), обильной и смешиваться с остальными гуморами – кровью, желтой желчью и флегмой¹⁸.

Влияние неоплатоников на английскую культуру раннего Нового времени, особенно XVII в., многократно анализировалось, в т.ч. применительно к идеям Фичино о меланхолии, познании и творчестве¹⁹. Стоит, однако, отметить, что его сочинения по своей популярности и доступности несравнимы с аристотелианскими: «Три книги о жизни» не выходили в английских изданиях до XIX в., не имели английского перевода до конца XX в., а латинские континентальные издания, известные по британским библиотекам, насчитывают всего около 25 экземпляров²⁰. Таким образом, исходный аристотелианский посыл идеи о меланхолии имел для англичан XVI в. куда большее значение.

К меланхолии обращались английские поэты и авторы медицинских сочинений. Хотя «Анатомия меланхолии» Бёртона несколько выпадает из этого периода по времени – она была написана уже в XVII в. – его менее известный предшественник, Тимоти Брайт, в 1568 г. создал

¹⁷ Pr. 30.1. 953a-954b; Aristotle 1957. P. 154-163; Aristotle 1518: F.234r-235r.

¹⁸ Ficino. 1549. P.17, 19.

¹⁹ На русском языке см. Лисович. 2015. С.283-285.

²⁰ Электронный каталог COPAC: <http://copac.jisc.ac.uk/search?&author=Ficino&title=De+vita+libri+Tres>

свой «Трактат о меланхолии», впоследствии послуживший Бёртону одним из источников медицинского характера. Сочинение Брайта посвящено, по большей степени, именно меланхолии как болезни, и способам ее лечения, однако и в этом медицинском труде отразилось представление о влиянии черной желчи (ее избытка) на умственные способности. Брайт отмечает, что по его наблюдениям, дети, страдавшие от увеличения селезенки – и, соответственно, избытка черной желчи – демонстрировали изменение темперамента: они «говорили с серьезностью и мудростью, превосходящей их юные годы, а их суждения несли в себе удивительное подражание мудрости древних»²¹.

Каким же образом все эти представления о меланхолии применимы к христианской проповеди и обращению от греха к праведности, как это понимали англичане-католики XVI века? Чтобы ответить на этот вопрос, потребуется проанализировать очень своеобразный текст, созданный в конце того столетия.

«Первая книга христианских упражнений, относящихся к укреплению воли» была написана английским миссионером-иезуитом Робертом Парсонсом (1546–1610)²² и издана в Руане в 1582 г.; второе исправленное издание появилось в 1584 г. Оба издания, нелегально ввезенные в Англию, вышли огромным для того времени тиражом в 2500 экземпляров. Одна из копий попала в руки оксфордскому профессору-пуританину Эдмунду Банни, который отредактировал текст, убрав из него то, что ему показалось слишком католическим, и дописал раздел. Эта версия увидела свет уже в 1584 г.; в ответ на нее появилась исправленная версия Парсонса (1585).

Обе версии «Христианских упражнений» стали бестселлером. Версия Парсонса публиковалась 5 раз при жизни автора (1582, 1584, 1585, 1598, 1607), а после его смерти еще 11 раз, в т.ч. 6 раз на протяжении XVII в. (1622, 1633, 1650, 1673, 1687 и 1696). Версия Банни выдержала 17 изданий до 1640-х гг., причем первые восемь изданий содержали текст Парсонса и вставную главу Банни, а все остальные – только отредактированный текст Парсонса. Еще девять изданий содержали исправленный текст Парсонса от 1585 г. с главой Банни. Всего в XVI–XVII вв. вышло 37 изданий этой книги в разных редакциях²³. Такая популярность «Христианских упражнений» объясняется, во-первых, жанром сочинения. Текст представлял собой наставление в христианской жизни, но, в отличие от многочисленных трудов, объяснявших, как следует действовать уже после момента обращения и покаяния в грехах непра-

---

²¹ Bright 1568. P. 53-54: “I have knowen children languishing of the splene, obstructed and altered in temper, talke with gravitie and wisdom, surpassing those tender yeares, and their judgement carrying a marvelous imitation of the wisdom of the ancient”.

²² О Роберте Парсонсе и его творчестве см. Серегина 2013. С. 5-31.

²³ Серегина 2002. С. 119-120.

ведной жизни, сочинение Парсонса говорило о том, как именно можно прийти к самому обращению, и сосредоточено на моменте принятия решения. Таким образом, оно представляет собой развернутый комментарий к «Духовным упражнениям» Игнатия Лойолы, вернее, к первой их неделе, которая и должна была завершиться принятием этого решения²⁴. Кроме того, автор подчеркивает вне-конфессиональность своего подхода, что и сделало текст привлекательным для всех англичан.

Ключевым понятием в труде Парсонса является «устремление ума» (*resolution of mynde*). Соответственно, все факторы, имеющие воздействие на ум и направления размышлений, имеют первостепенное значение. В главе 1 второй части трактата Парсонс рассматривал и отвергал все препятствия, которые могли встретиться на пути такого устремления. Говорил он и о том, что человеческие страсти (связанные с телом и, соответственно, подверженные действию физических законов и гуморов) могут оказать помощь на пути к праведности:

«эти наши мятежные страсти, которые сами по себе могут погубить нас, подчиненные и умеренные божественной благодатью и нашей собственной бдительностью, помогают нам в наших упражнениях в добродетелях такого рода: так [желтая] желчь или гнев разжигают рвение и вызывают ненависть к следованию греху; высокоумие ведет к отвержению мира; любовь побуждает нас предпринять великие и героические старания в отношении благ, получаемых от Бога»²⁵.

Эта фраза представляет собой весьма общее утверждение, причем меланхолия здесь не упоминается вовсе (если, конечно, не считать таковой высокоумие), хотя связь страстей и теории гуморов все же присутствует. Однако именно в связи с этой теорией она была прочитана уже Банни; он придал этому месту в тексте довольно длинный комментарий:

«необходимо отметить важное обстоятельство и прояснить вопрос философии, который заключается в том, что душа подчиняется температуре тела. И они утверждают, что на опыте обычно видно: расположение людей таково, какова, как кажется, природа их гуморов. Ведь обычно сангвиники приятны, меланхолики медлительны, холерики ревностны, а меланхолики склонны к одиночеству, и так далее. Тем не менее, истина в том, что душа не следует той температуре, что имеет тело, но скорее использует ее, хорошо и к большой пользе, если душа хороша, но в противном случае употребляет ее ко злу. Ибо гуморы нейтральны, не добры и не злы, но все зависит от того, как они используются. Но поскольку большая

²⁴ Другие наставительные сочинения обычно рассматривали период после принятия решения вести благочестивую жизнь, но не объясняли, как к нему прийти. См. Persons. 1999. P. xxxiv-xxxv.

²⁵ Persons. 1999. P. 147: "these rebellious passions of ours which by themselves would utterly overthrow us being once subdued and mortified by Gods graces and our owne diligence, doe stand us in singular steade to the practice and exercise of all kinde of vertues: as choler or anger to the inkyndeling of zeale: hatred to the pursewing of sinne: a hautie mynde, to the rejecting of the world: love, to the embracing of all great and heroicall attempts in consideration of the benefites received from God".

часть человеческих душ дурна (а мы таковы из-за первородного греха), большинство людей употребляют свои темпераменты ко злу: кровь ведет к распутству, флегма – к лени, желтая желчь – к гневу, а черная желчь – к тайному обману, или высокомерию. Невзирая на это, те души, что добры, употребляют их во благо: кровь для храбрости и радости в добродетели, флегму для умерения привязанностей трезвостью, желчь для рвения во славу Божию, и черную желчь для учения и созерцания»²⁶.

Итак, гуморы «в контролируемой обстановке» могут способствовать обращению, являясь инструментами, и черная желчь здесь, как и в текстах, о которых уже говорилось, тесно связана с интеллектуальным познанием и созерцанием. Различие в текстах при этом предоставляет хороший пример того, как проявляются в текстах непрямые конфессиональные маркеры. У Парсонса есть лишь общая отсылка к страстям, вызванным гуморами. Их позитивный потенциал реализуется под действием благодати и «нашей собственной бдительности», и теоретически доступен каждому. Это соответствует общему настрою сочинения: Парсонс в ряде мест подчеркивает, что спасение открыто для всех; так и обуздание гуморов тоже возможно для всех. В комментарии Банни видно, что такой контроль возможен только для тех, чьи души хороши. Таким образом, в текст проникает кальвинистская идея предопределения²⁷.

Наконец, представления о тесной связи состояния меланхолии с особой восприимчивостью разума использовались и в пастырской практике католических миссионеров. В 1583 г., практически одновременно с появлением «Христианских упражнений» Парсонса был составлен не имеющий заголовка текст его ученика и собрата-иезуита, некогда обращенного им в католичество Джорджа Гилберта. В этом тексте, представляющем собой инструкцию для английских иезуитов, желавших обратить своих подопечных от греха праведности (от греха схизмы к *recusancy*), Гилберт подчеркивал, что состояние меланхолии наиболее благоприятно для начального этапа обращения, из-за устремленности

---

²⁶ Persons. 1999. P. 147: “A special point to be considered, for the rectifieng of one point of philosophie: which is; that the soul doth follow the temperature of the bodie. And this do they hold, for that by experience it is commonly seen, that the disposition of men is such, as the nature of their complexion doth seem to import. For commonly those that are sanguine, are pleasant; those that are flegmatik, slow; those that are choleric, earnest; and those that are melancholie, solitarie: and such like. And yet the truth is, that the soul doth not follow but rather doth use such temperature as the body hath: and that very wel, and to good use, if the soul be good; but otherwise abuseth it il. For the complexions are indifferent: neither good, nor il of themselves, but as they are used. But because that most mens souls are il (as we are al by original corruption) therefore do most men abuse their complexions to il: as bloud, to wantonnes; fleam, to slought, cholier, to anger, and melancholie, to secret practices of deceit, or naughtines. Whereas notwithstanding, those souls that are good, do use them wel: as blood, to be valiant, and cheerful in goodness; fleam, to moderate their affections with sobriety; cholier, to be earnest to the glory of God; and melancholie, to studie and contemplation”.

²⁷ О конфессиональных маркерах в труде Парсонса: Серегина 2002. С. 123-124.

души в этот момент: «если он [иезуит] застанет его [мирянина] в приступе меланхолии или отчаяния души, он тогда сможет, под предлогом утешения, говорить о горестях, коими полна жизнь человеческая»²⁸.

Именно с этого момента начинается и трактат Парсонса, ведущий христианина от осознаний бедствий мира к обращению. Кроме того, особая восприимчивость ума, свойственная состоянию меланхолии, заставляет пастыря искать разговора с мирянином во время суток, наиболее склонное вызвать это состояние: «вечер <...> наиболее подходящее время, делающее человека восприимчивым и погружающее его в размышления, потому что повсюду царит тишина и покой, мир кажется покинутым и пустынным, люди, звери, птицы и прочие твари скрылись, украшения и наслаждения дня сходят на нет, и солнце бежало в другие края, а земля окутана тьмой, образом смерти и конца света»²⁹.

Таким образом, в XVI в. идея меланхолии, укорененная в аристотелианской традиции, рассматривалась и применялась в более широком контексте, а в области социальной практики она несводима только к сфере медицины и «лечения» одержимости, но распространялась на сферу обращений, которая по мнению реформаторов всех конфессий, представляла собой главную часть человеческой истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Lisovich I.I.* Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М., 2015. [Lisovich I.I. Skal'pel' razuma i kryl'ya voobrazheniya. Nauchnye diskursy v angliiskoi kul'ture rannego Novogo vremeni. M., 2015]
- Seregina A.Yu.* Английская благочестивая литература рубежа XVI – XVII вв., религиозная полемика и обращения в «истинную веру» // Книга в культуре Возрождения / под ред. Л.М. Брагиной. М., 2002. С. 118-128. [Seregina A.Yu. Angliiskaya blagochestivaya literatura rubezha XVI–XVII vv., religioznaya polemika i obrashcheniya v «istinnuyu veru» // *Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya* / pod red. L.M. Braginoi. M., 2002. S. 118-128]
- Seregina A.Yu.* Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // *Р. Долеман (Роберт Парсонс)*. Рассуждение о наследовании английского престола. Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Серegiной. М., 2013. С. 4-99. [Seregina A.Yu. Robert Parsons i ego «Rassuzhdenie o nasledovanii angliiskogo prestola» // R. Doleman (Robert Parsons). *Rassuzhdenie o nasledovanii angliiskogo prestola*. Per. s angl., vstup. st. i komment. A.Yu. Sereginoi. M., 2013. S. 4-99]
- Aristotle*. Problems. Vol. II. Ed. by W.S. Hett. Cambridge, Mass., 1957.
- Aristotle*. *Problemata cum comment duplici translatione*. Venetii, 1518.
- Babb L.* The Elizabethan Malady: a Study of Melancholia in English Literature from 1580 to 1642. East Lansing, Michigan, 1957.
- Blair A.* The *Problemata* as a Natural Philosophical Genre // *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe* / ed. by A. Grafton & N. Siraisi. Cambridge, Mass., 1999. P. 171-204.

²⁸ Gilbert. 1942. P. 325: “come se lo vedesse in qualche mallinconia o desolation d’animo, allora si potra pretest di consolarlo, parlare della miseria humana”.

²⁹ *Ibid.*: “La sera doppo l’Ave Maria e tempo attissimo per far l’huomo capire et intrare in qualunque consideration perche allora ogni cosa sta quiete e riposata il mondo pare desolata e solitario, li huomini, animali, ucceli, et ogni cosa ritirati, li ornamenti e piaceri del giorno sono oscurati, il sole fugito in altri regione e la terra divenuta tenebrosa similtudine della morte e fine del mundo”.

- Brann N.L. The Debate over the Genius during the Italian Renaissance. Leiden, 2002.
- Bright T. A Treatise of Melancholy. L., 1568.
- Ficino M. De Vita libri tres. Basel, 1549.
- Flaschar H. Melancholie und Melancholiker in der Medizinischen Theorien der Antike. Berlin, 1966.
- Flaschar H. Aristoteles Problemata Physica. Berlin – Darmstadt, 1962.
- Gilbert G. Il modo come si fuo procedure con tutti sorte de persone per convertirle e ridurle a miglior vita [1583] // Letters and Memorials of Father R. Persons, S.J. Vol. I / Ed. by L. Hicks, S.J. L., 1942. P.321-331.
- Gowland A. The Problem of Early Modern Melancholy // Past and Present. № 191. 2006. P. 77-120.
- Gowland A. The Worlds of Renaissance Melancholy: Robert Burton in Context. Cambridge, 2006.
- Jackson W. Melancholia and Depression: from Hippocratic Times to Modern Times. New Haven, 1986.
- Klibansky R., Panofsky E. & Saxl F. Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Medicine, Religion and Art. Edinburgh, 1964
- Lund M.L. Melancholy, Medicine and Religion in Early Modern England: Reading the *Anatomy of Melancholy*. Cambridge, 2010.
- MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth Century England. Cambridge, 1980.
- Monfasani J. George of Trebizond's Critique of Theodore Gaza's Translation of the Aristotelian *Problemata* // Aristotle's *Problemata* in Different Times and Tongues / ed. by P. de Leemans & M. Goyens. Leuven, 2006. P. 275-294.
- Monfasani J. The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle's De Animalibus in the Renaissance // Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe / ed. by A. Grafton & N. Siraisi. Cambridge, Mass., 1999. P. 205-247.
- Persons R., S.J. The Christian Directory [1582]. The First Booke of the Christian Directory, Appertayning to Resolution / ed. by V. Houlston. Leiden, 1999.
- Pigeaud J. Aristotle. L'homme de génie et la mélancholie. P., 1988
- Schmitt C.B. Pseudo-Aristotle in the Latin Middle Ages // Schmidt C.B. Reappraisals in Renaissance Thought / ed. by C. Webster. L., 1989. P.3-14.
- Schütrumpf E. Black Bile as the Cause of Human Accomplishments and Behaviours in Pr.30.1: Is the Concept Aristotelian? // The Aristotelian *Problemata Physica*: Philosophical and Scientific Investigations / ed. by R. Mayhew. Leiden, 2015. P.357-380.
- Van der Eijk P.J. Medicine and Philosophy in Classical Antiquity. Cambridge, 2005
- Van der Lugt M. Aristotle's *Problems* in the West: Contribution to the Study of the Medieval Latin Tradition // Aristotle's *Problemata* in Different Times and Tongues / ed. by P. de Leemans & M. Goyens. Leuven, 2006. P. 71-111.
- Ventura I. Aristoteles fuit cause efficiens huius libri: on the reception of Pseudo-Aristotle's *Problemata* in Late Medieval Encyclopaedic Culture // Aristotle's *Problemata* in Different Times and Tongues / ed. by P. de Leemans & M. Goyens. Leuven, 2006. P. 113-144.
- Серегина Анна Юрьевна, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, aseregina@mail.ru

Aristotelian tradition, the concept of melancholy, and the missionary practice of English Catholics in the late 16th c.

The article discusses the influence of the concept of melancholy and the idea of a melancholy genius, first formulated in the “*Problemata*” by pseudo-Aristotle, on theology and missionary practice of English Catholics in the late 16th c., namely, on their views of the role of melancholy state in perception of religious truth and in conversion to a “true” faith.

Keywords: Aristotelian tradition, pseudo-Aristotle, “*Problemata*”, melancholy, conversion, knowledge, Timothy Bright, Robert Persons, George Gilbert, Catholic missionaries

Anna SerEGINA, Dr Sc. (History), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, aseregina73@yandex.ru

А. Н. СОРОКИН

ЗНАЧЕНИЕ КЕЛЬНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ КАНЦЛЕРА АДЕНАУЭРА

В статье рассматривается проблема влияния кельнского происхождения на внешнюю политику Аденауэра. Определяется значение данного фактора для западной интеграции, антисоветского курса, германского вопроса.

Ключевые слова: история ФРГ, Конрад Аденауэр, Холодная война, историография ФРГ, историческая антропология

ФРГ как государство изначально, в период зарождения, уже имела прозападный, что в то время означало антисоветский, вектор развития. Первым федеральным канцлером западногерманского государства стал Конрад Аденауэр (1949–1963), вошедший в историю ФРГ как канцлер западной интеграции. Все его искусство, все инновации, все успехи – именно в этой области. Союз с классическими западными демократиями обеспечил Федеративной Республике политическую стабильность, экономическое благополучие, безопасность, прекратил поиски пресловутого «особого пути» немцев. Западная политика Аденауэра выступала как многофункциональный инструмент также в области политики восточной и политики воссоединения. Консолидированная «политика силы» стран Запада должна была заставить СССР отказаться от продвижения в Европе и от поддержки нелегитимного правительства ГДР, обеспечить воссоединение «в мире и свободе». При этом Аденауэр никогда не призывал к военным и иным силовым акциям в отношении СССР и восточного блока. «Политика силы» понималась как политико-экономическая, демократическая стабильность и притягательность ФРГ, Запада в целом, под воздействием которых должны были рухнуть тоталитарные режимы восточного блока.

Воссоединение любой ценой не было приоритетом внешней политики канцлера, точнее он не был заинтересован в воссоединении, которое вырывало бы Германию из тесной связи с Западом. Вообще, в отличие от некоторых своих политических оппонентов, Аденауэр не был идейным, последовательным «борцом за единство». Воссоединение Германии было целью его политики в долгосрочной перспективе. И здесь можно констатировать, что именно первый федеральный канцлер заложил модель воссоединения путем аншлюса ГДР, который рано или поздно должен был произойти ввиду более прогрессивного социально-экономического и политического строя ФРГ, то есть в результате действия так называемой «теории магнита».

Позиции канцлера в отношении Советского Союза выглядели жесткими и непримиримыми. Установление дипломатических отношений (1955) не привело к конструктивному развитию отношений двусторонних. Жесткая антисоветская риторика, отказ от диалога даже на фоне «потепления» международного климата в 1960-х, упреки в поддержке нелегитимного правительства «Советской зоны», отклонение советских инициатив по воссоединению, в т.ч. знаменитой «ноты Сталина 1952 г.», и как итог возведение Берлинской стены – таково основное содержание восточной политики первого федерального канцлера.

Естественно, конфронтационная модель восточной политики была жизнеспособна лишь в конкретных внешнеполитических условиях: канцлерство Аденауэра во многом пришлось на период наивысшего обострения Холодной войны. Тем не менее, определенной возможностью для маневра ФРГ, особенно после обретения независимости в 1955 г., обладала. В немецкой историографии обоснованно господствует точка зрения, согласно которой в системе канцлерской демократии Конрад Аденауэр имел приоритет в разработке и осуществлении внешней политики. В этой связи первостепенное значение приобретает изучение личностных характеристик Аденауэра как политика, которые помогли бы объяснить прозападную ориентацию, антисоветский курс, отклонение проектов воссоединения. Одной из таких характеристик в исторической науке ФРГ выступает влияние кёльнского происхождения канцлера на формирование внешнеполитических взглядов.

Во многих работах немецких авторов, посвященных внешней политике федерального канцлера Аденауэра, соответствующие разделы и главы названы весьма примечательно: «Старик из Рёндорфа», «Старик с берегов Рейна» и т.п.¹ Подобные заголовки призваны подчеркнуть, по мнению авторов, влияние на его убеждения, во-первых, долгих прожитых лет, во-вторых – рейнского происхождения.

Первые 57 лет жизни (до 1933 г.) судьба Аденауэра была тесно связана с Кёльном. Крупнейший немецкий биограф Аденауэра Г.-П. Шварц так характеризует эту связь: «Кем он был в это время, кем он стал, наряду с родительским домом он обязан влиянию Кёльна»². Особенно четко влияние кёльнского/рейнского происхождения прослеживается в формировании внешнеполитических взглядов Аденауэра, по крайней мере, как один из мотивов. В этом моменте сходятся многие исследователи деятельности первого федерального канцлера, вне зависимости от личных оценок его политики³. Сам Конрад Аденауэр при

---

¹ Görtemaker 2004. S. 86-94; Брандт 1991. С. 41-57

² Schwarz 1986. S. 49.

³ Schwarz 1971. S. 103; Doering-Manteuffel 1983. S. 31-32; Görtemaker 2004. S. 90-93; Baring 1969. S. 48-57; Besson 1970. S. 57; Maier 1971. S. 1; Augstein 1964. S. 59; Uexküll 2011. S. 29-38.

присуждении ему звания почётного гражданина Кёльна в 1951 г. сказал: «Что я есть – в хорошем и плохом – то выросло на этой земле и оформилось в этих окрестностях и в этой атмосфере»⁴.

К. Аденауэр никогда не покидал долину Рейна на долгое время. Г. Майер пишет о нём: «Без Рейнланда, его ландшафта, культуры, языка и конфессии Аденауэра было бы нельзя представить. Кёльном, его открытым миру либеральным прагматизмом был он создан»⁵. Неразрывными с Кёльном, с Рейнской областью А. Баринг представляет «жизнеощущение Аденауэра, его взгляд на мир, человек со стороны никогда не сможет правильно понять духовные основы его политики»⁶. Не без активного участия Аденауэра в качестве столицы ФРГ был избран Бонн, один из городов Рейнской области, лежащий недалеко от Кёльна. Г.-П. Шварц начинает свою фундаментальную двухтомную биографию Аденауэра именно с описания Кёльна рубежа XIX–XX вв., города торговли, развитой индустрии и банковского дела, где большую роль играла либеральная буржуазия. По мнению автора, в образе города Кёльна лежит «ключ к пониманию этого непростого человека»⁷.

Германия была и остаётся страной сильных региональных различий. Если Бисмарк представлял Европу, исходя из Пруссии, то «политический мир Аденауэра, прежде всего его политические представления, останутся непонятными без учёта региона, откуда он происходил. Они имеют корни в рейнской области, точнее: в Кёльне»⁸. Этот город можно рассматривать как отправную точку в формировании его взглядов, своеобразный исходный пункт его мироощущения – Аденауэр смотрел на всё глазами кёльнца. А. Баринг приводит отрывок одной из речей Аденауэра, в которой тот указывает, что Кёльн – это первоначальный центр Абендланда (Западной Европы): «Святой Кёльн, основанный римлянами, сформированный деяниями христианства, был в позднем средневековье когда-то сердцем Европы»⁹. В то время Кёльн был крупнейшим в политическом, финансовом, военном и культурном отношении городом Германии. Его университет, один из старейших в Европе, был основан в 1388 г. Кёльн традиционно имел многочисленные и разнообразные связи с другой крупнейшей западноевропейской метрополией – Парижем. Ряд знаменитых личностей связывал оба города: Фома Аквинский жил в Париже и Кёльне, Мария Медичи, изгнанная из Франции, нашла приют в Кёльне, крупный финансист и известный коллекционер Э. Ябах, родом из Кёльна, затем осел в Париже.

---

⁴ Цит. по: Görtemaker 2004. S. 90

⁵ Maier 1971. S. 1.

⁶ Baring 1969. S. 50.

⁷ Schwarz 1986. S. 7, 49.

⁸ Baring 1969. S. 48.

⁹ Ibidem.

Убеждение Конрада Аденауэра в том, что Кёльн лежит в центре Европы, нельзя понимать только географически. Оно опирается в большей мере на «внутреннее равновесие» жителей Рейнланда, которые являлись связующим звеном между католицизмом и либерализмом, Северной и Южной Европой, французским образом жизни и прусскими добродетелями¹⁰. В общем сложно понять, что, собственно, составляло дух Рейнланда. Этот край, в частности, не дал немецкой культуре деятелей масштаба Лессинга или Канта, Гёте или Шиллера. Особенное, неповторимое в Кёльне по сравнению с остальной Германией во многом было обусловлено историческим и культурным родством с Западной Европой. «Рейнланд воспринимал себя, прежде всего, как часть европейского Запада»¹¹. Париж и Брюссель во всех отношениях были ближе, чем Берлин, и тем более Варшава или Прага. Манфред Гёртемакер подчёркивает, что исторически Рейнская область ориентировалась больше на Запад, чем на Восток: Франция, Бельгия, Нидерланды, как и торговля с Британской империей, всегда имели большое значение. «Дикий пустынный Восток был, напротив, Терра инкогнито, от которой из лучших соображений сторонились уже римляне, когда Кёльн ещё назывался Колония Агриппины»¹².

Завоеватель Наполеон нашёл в рейнских землях вернейших союзников среди немцев. В юности Аденауэр мог наблюдать в Кёльне названия местности на двух языках – немецком и французском. В Рейнланде тогда ещё действовал Гражданский кодекс Наполеона. В исторической цепочке, связывающей через прошлое к настоящему Рейнскую область и Францию, А. Баринг и М. Гёртемакер видят корни тяготения Аденауэра к западному соседу¹³. В интервью 1948 года Аденауэр говорил, что «между Луарой и Везером» когда-то билось сердце христианского Абендланда, что стиль Кёльнского собора является «славным символом немецкого Запада» и имеет свои корни во французской земле и поэтому обновление западноевропейской мысли возможно только как «результат плодотворной встречи между Германией и Францией»¹⁴. Такое отношение к Франции не было продуктом личного контакта. Исследователи отмечают, что Аденауэр знал французскую культуру и литературу так же мало, как французскую кухню, говорил на ужасном французском и посещал Францию в почтенном возрасте¹⁵. Это было в большей мере обусловлено исторической рейнской предрасположенностью к западному соседу.

---

¹⁰ Ibid. S. 50.

¹¹ Ibidem.

¹² Görtemaker 2004. S. 92.

¹³ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

¹⁴ Цит. по: Görtemaker 2004. S.91- 92.

¹⁵ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

В этой связи возникает другая проблема – отношения между Пруссией и Рейнландом, Кёльном. Исследователи отмечают некую дистанцированность Аденауэра от Пруссии. Баринг фиксирует «антипатию Аденауэра по отношению к Пруссии», которая была исторически обусловлена, «происходит не от него, а от его родины»¹⁶. Союз Пруссии и Рейнланда в 1815 г. был нежеланным с обеих сторон. Регионы отличались как в религиозном отношении (протестанты и католики), так и по опыту исторического развития (абсолютизм и либерализм). Позитивной стороной прусского господства стало быстрое экономическое развитие Рейнской области, что и помогло в итоге примириться с принадлежностью к Пруссии. Но особое рейнское самосознание осталось. Тяжёлый след оставила политика Бисмарка по борьбе с католицизмом – культуркампф. Эти события Аденауэр с возмущением вспоминал до конца жизни. Выходцы из Пруссии, «бедные литовцы», как их называли в Кёльне, долгое время занимали большинство чиновничьих постов. А. Баринг делает вывод, что «Конрад Аденауэр всю жизнь не забывал рейнской обиды против прусского государства»¹⁷.

Г.-П. Шварц придаёт рейнско-прусскому антагонизму менее принципиальный характер и выделяет постепенную интеграцию регионов в вильгельмовское время, обусловленную, прежде всего, общими экономическими интересами. Он называет мифом представление об антипрусской основной установке кёльского католицизма: католики, будучи меньшинством в империи, видели в прусской короне союзника и гаранта прав. Однако Шварц не отрицает, что католики не забыли культуркампфа и сохранили определённое недоверие к Пруссии¹⁸. Мягче оценки Шварца и в отношении влияния исторического рейнско-прусского антагонизма на Аденауэра. Он отмечает неодобрение последним внутренней политики Бисмарка (культуркампф)¹⁹. В целом, по мнению историка, свидетельств критического отношения будущего канцлера к основанию прусско-германской империи нет. Его отец, авторитет и влияние в семье которого были огромны, сражался за Пруссию, поэтому, согласно Шварцу, в юные годы можно предположить восхищение Конрада Аденауэра по поводу создания могущественной Германской империи. Но: «Чувство культурного превосходства по отношению к Пруссии никогда полностью не терялось»²⁰.

Конрад Аденауэр в качестве бургомистра сильно повлиял на облик своего города, а город в свою очередь способствовал формированию его мировоззрения, политических взглядов. Исторически в Кёльне

---

¹⁶ Baring 1969. S. 51.

¹⁷ Ibid. S. 51-52.

¹⁸ Schwarz 1986. S. 20-31

¹⁹ Schwarz 1986. S. 89.

²⁰ Ibid. S. 91.

бургомистр имел почти монархическую власть. В 1928 г. Аденауэр мог как равный принимать французского премьер-министра. А. Баринг характеризует Аденауэра того периода как «республиканского монарха», «в котором очевидно заметна гордость за свой город и его историю»²¹.

Первый выход Конрада Аденауэра на внешнеполитическую сцену состоялся после Первой мировой войны, в бытность его бургомистром Кёльна. Хронологически это событие выпало на 1918/1919 годы и было связано с движением рейнского сепаратизма, возникшим в условиях поражения Германской империи в мировой войне, оккупации Рейнской области и общего кризиса прусской государственности. Движение выступало за государственное обособление Рейнской области. Во главе стояли некоторые деятели партии Центра, публицисты и общественные деятели, стимулированные французскими военными кругами. Крупная кёльнская газета «Кёльнише фольксцайтунг» вела пропагандистскую кампанию за образование «Рейнской республики». Существовала угроза и прямого присоединения левобережья Рейна к Франции. Движение не принимало радикальных форм, выступало как возможная альтернатива развития. Аденауэр как бургомистр крупнейшего города Рейнской области автоматически оказался в центре событий.

Позиция Аденауэра в той сложной послевоенной ситуации трактуется неоднозначно. Его позиционирование было нечётким, оставляя возможности для лавирования в изменяющейся политической конъюнктуре. Все исследователи отмечают его прагматизм как политика. Аденауэр был противником присоединения Рейнланда к Франции, он не был инициатором сепаратистского движения и отказался его возглавить, но в целом, можно говорить о «принципиальной симпатии по отношению к автономным стремлениям»²². Аденауэр видел в движении видимую силу и всерьез рассматривал возможность превращения Рейнской области в самостоятельную федеральную единицу в рамках имперского союза, т.е. при сохранении федеративной связи с Берлином, свидетельством чему стала речь перед Кёльнским собранием в феврале 1919 г., когда Аденауэр собрал в Кёльне ведущих местных политиков и бургомистров ряда городов левобережья Рейна.

Это выступление Конрада Аденауэра затем часто интерпретировалось в двойном свете и во многом послужило источником для обвинений в сепаратизме. В своей речи он касается внешнеполитической ситуации, впервые публично выходя за рамки рейнской коммунальной политики. В период до подписания Версальского мирного договора Аденауэр исходил из того, что Пруссия будет поделена победителями, а раз так, то западные части Германии следует объединить в федераль-

---

²¹ Baring 1969. S. 50.

²² Maier 1971. S. 3.

ное государство «Западногерманская республика». Вот наиболее интересные высказывания Конрада Аденауэра из этой речи.

О международной ситуации: «Франция и Пруссия – заклятые враги. Спор и борьба между Германией и Францией бушуют уже много лет... В чём могут заключаться гарантии Франции в отношении Германии? Я думаю, среди государств Антанты нет ни одного, которое убеждено в том, что идея разоружения останется господствующей во всех странах на долгий срок... Но если Франция путём мирного договора отторгнет в какой-либо форме у Германской империи левобережье Рейна, то этим абсолютно гарантированно будет заложен очаг новой европейской войны».

Интересна оценка Пруссии: «Раздел Пруссии... по моему убеждению, является безусловно необходимым и также последует. Он необходим, так как иначе Пруссия, даже если больше нет носителя короны Пруссии, в силу естественного преобладания своих 42 миллионов жителей, и в новой Германии была бы государством-гегемоном... Пруссия – государственное образование, которое состоит из совершенно различных племён и экономических областей. Восточная Пруссия и Рейнская область так же различны, как Восточная Пруссия и Бавария. Тотчас после падения сплачивающей Пруссию династии в Пруссии дали о себе знать сепаратистские движения».

Далее следовало осторожное предложение возможного решения проблемы: «Я подхожу к вопросу, есть ли какое-либо решение, которое считается с требованиями Франции, но всё же предотвращает тот урон Германии, который связан с отделением левого берега Рейна от Германии. Может быть, я хотел бы подчеркнуть это “может быть”, есть такое решение, выход... Этот выход..., на мой взгляд, состоял бы в том, что земли Рейна, не только левый берег Рейна, не только рейнская провинция, но также и пограничные части земель Рейнского правобережья объединяются в западногерманское федеральное государство, в Западногерманскую республику в союзе с Германской империей».

Если Пруссия будет поделена, западные части Германии объединятся в федеральное государство “Западногерманская республика”, то за счет этого станет невозможным господство над Германией Пруссии, где царит дух Востока, дух милитаризма. Эта Западногерманская республика играла бы значительную роль в новой Германской империи из-за своих размеров и экономического значения и соответственно этому могла бы влиять в мирном духе и на внешнеполитическое положение Германии...

Я закончу эту часть моих высказываний утверждением: либо мы прямо или как буферное государство отойдем к Франции, либо мы будем Западногерманской республикой. Третьего не дано... Я придерживаюсь точки зрения, что Западногерманская республика обязательно должна быть создана законным путём – если нас не принудят к иному внешнеполитическим, до сего дня ещё не определённым отношениям»²³.

---

²³ Adenauer 1975. S. 25-32.

Аденауэр вернулся к идее «Западногерманской республики» еще раз в 1923 г. в период репарационного кризиса, когда из-за невыплаты репараций возникла угроза аннексии Рейнской области Францией. Обособление Рейнской области должно было сопровождаться тесным экономическим сотрудничеством с Францией, «органичным переплетением» экономик. Но оценка Аденауэром внешнеполитических тенденций оказалась неверной. Судьба Германии решилась по-другому: центристские тенденции внутри страны оказались сильнее, союзники не поддержали притязаний Франции. После того как вопрос сошел на нет и угасло сепаратистское движение, Аденауэр больше не возвращался к этой теме до окончания Второй мировой войны.

В этой первой крупной внешнеполитической акции Аденауэра прослеживаются основные черты его последующей концепции внешней политики. Такие историки ФРГ, как Г.-П. Шварц, А. Баринг, А. Дёринг-Мантойффель, М. Гёртемакер, отмечают связь между его суждениями и проектами того времени и внешнеполитической ориентацией после Второй мировой войны²⁴. Задолго до начала европейской интеграции Конрад Аденауэр исходил из необходимости устранения рокового соперничества Германии и Франции и обеспечения безопасности последней. Очевидна антипатия к прусской государственности, к тем тенденциям, которые она распространяла на всю Германию. Аденауэр выступает против «духа Востока», противопоставляет ему экономически развитую и открытую на Запад Рейнскую область как альтернативный центр развития. Рудольф Аугштейн, которого можно назвать одним из главных противников политики Аденауэра в политической публицистике ФРГ 1960-х гг., если не его личным врагом (в одной из статей канцлер назван «не очень красноречивым и не очень сильным мыслящим стариком»²⁵), выводит «два традиционных рейнских инстинкта Аденауэра»: сотрудничество с Францией любой ценой и предотвращение изоляции от Запада²⁶.

Конрад Аденауэр отождествлял в тот период Пруссию с Востоком. Общеизвестны и характерны некоторые высказывания тех лет по этому поводу, которые цитируются авторами ФРГ в качестве иллюстрации его взглядов. В 1920-е гг. Аденауэр доверительно замечал, «что ужи у Брауншвейга начинается для него азиатская степь». «В Магдебурге, по пути поездом в Берлин, он всегда задерживает занавески, а когда он едет через Эльбу, то всегда сплевывает из окна». В Берлине Аденауэр всегда чувствовал себя как в языческом городе. При написа-

---

²⁴ Schwarz 1971. S. 104; Baring 1969. S. 54; Doering-Manteuffel 1983. S. 31; Görtemaker 2004. S. 93.

²⁵ Augstein 1964. S. 44.

²⁶ Ibid. S. 59.

нии своего портрета он однажды заметил, что выглядит скорее «как гунн», и добавил: «Неудивительно. У меня была бабушка, которая родом из Гартца»²⁷. (Исторически территория Пруссии совпадала с территорией будущей ГДР, а в районе Гартца пролегла затем граница между Западной и Восточной Германией).

Аналогии просматриваются достаточно явно. Уже в 1918/1919 гг. Аденауэр выступил за создание западногерманского государства, интегрированного в Западную Европу. М. Гёртемакер констатирует, что «именно антипрусская рейнско-католическая ориентация была ядром его убеждений». Эти убеждения «имели историко-культурные корни и далеко идущие политические последствия». Далее следует вывод, позволяющий связать исторически сложившиеся убеждения Конрада Аденауэра с конкретным политическим опытом ФРГ: «Кто узнал Империю только из критической перспективы обделённого Запада и характеризовал её как “азиатскую”, что казалось ему чуждо и противно – в лучшем случае безразлично, тому было легче, чем другим немцам, следовать представлениям западных держав об основании западногерманской федеративной республики»²⁸. Как отмечает А. Баринг, по ту сторону Везера для Аденауэра начинался мир, который он не знал и не хотел знать. Восточная Пруссия и тем более всё то, что было ещё восточнее, были ему чужды и безразличны. «Аденауэр мало знал о Восточной Европе и часто создавал впечатление, что еще меньше интересуется ею»²⁹. Слова «азиатский», «восточный» были для Аденауэра синонимами и имели негативный характер. Уже его деятельность на посту бургомистра можно оценить как попытку осуществления большой внешнеполитической концепции построения моста на Запад из Кёльна. Согласно Барингу, «этой цели служило строительство порта, ярмарочные зоны и университет также были задуманы им как экономическая и культурная витрина всей Германии для западных соседей»³⁰.

В целом можно предположить, что кёльнское, или рейнское, происхождение наложило глубокий отпечаток на Аденауэра, в т.ч. на его внешнюю политику. Ввиду географической, исторической, культурной близости Кёльн был традиционно тесно связан с Западной Европой, особенно с Францией, а жители региона отличались ярко выраженным самосознанием по отношению к остальной Германии. В той или иной мере следует констатировать исторически обусловленную антипатию к Пруссии и симпатию к Франции, которые не миновали и Аденауэра. В более широком контексте рейнское происхождение предполагало ориентацию на Запад, а не на Восток. При этом антипатия к Пруссии,

²⁷ Baring 1969. S. 51; Görtemaker 2004. S. 92.

²⁸ Görtemaker 2004. S. 92-93.

²⁹ Baring 1969. S. 53.

³⁰ Ibid. S. 56.

Восточной Германии (территория ГДР) способна частично объяснить неприоритетное значение проблемы воссоединения во внешнеполитической концепции федерального канцлера Конрада Аденауэра.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брандт В. Воспоминания. М.: Новости, 1991. 527 с.
[Brandt V. Vospominaniya. M.: Novosti, 1991. 527 s.]
Adenauer K. Reden 1917-1967. Eine Auswahl / Hrsg. von H.-P. Schwarz. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 495 S.
Augstein R. Konrad Adenauer und seine Epoche // Die Ära Adenauer. Einsichten und Ausblicke. Frankfurt a. M.: Fischer Bücherei, 1964. S. 30-83.
Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München/Wien: Oldenbourg, 1969. 492 S.
Besson W. Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Erfahrungen und Maßstäbe. München: Piper, 1970. 493 S.
Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949-1963. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 279 S.
Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. 915 S.
Maier G. Konrad Adenauer (1876-1967) // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 1-19.
Schwarz H.-P. Adenauer. Der Aufstieg: 1876-1952. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. 1021 S.
Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 71-108.
Uexküll G. von. Konrad Adenauer. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2001. 143 S.

Сорокин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; SorokinAN@omsu.ru

The role of the Cologne origin in formation of Konrad Adenauer's foreign policy views

The article considers the problem of the Cologne origin influence on Adenauer's foreign policy. The value of this factor for the western integration, an anti-Soviet course, the German question is defined.

Keywords: history of Germany, Konrad Adenauer, Cold war, historiography of Germany, historical anthropology

Alexey Sorokin, PhD in History, Associate professor, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy; SorokinAN@omsu.ru

А. В. АНТОЩЕНКО, С. В. ПОНОМАРЕВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ Г. В. ВЕРНАДСКОГО О ПРАГЕ (к 130-летию со дня рождения историка)

Мемуары известного историка-эмигранта Г.В. Вернадского хранятся в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В публикуемых воспоминаниях о «пражском периоде» своей жизни он уделял основное внимание преподаванию на Русском юридическом факультете в Праге и сотрудничеству с коллегами по Семинарию Н.П. Кондакова. Нежелание подробно писать о евразийском движении, в которое он был вовлечен в то время, косвенно свидетельствует о его разочаровании в конце жизни в евразийской исторической концепции.

Ключевые слова: эмигранты «первой волны» в Праге, Г.В. Вернадский, евразийство

Почти пять лет, проведенные в Чехословакии (1922–1927), после чего он перебрался в США, стали значимым периодом в жизни известного историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973). Покинув родину вместе с эвакуировавшимися из Севастополя войсками Врангеля, в правительстве которого он выполнял обязанности начальника отдела печати, Вернадский оказался сначала в Константинополе, затем в Афинах. Если в крупнейшем турецком городе он вынужден был зарабатывать на жизнь, овладев несложными навыками садовника, то в греческой столице, где они с женой прожили около года, у него появилась возможность работать в библиотеке Греческой археологической ассоциации (устроиться ему помог профессор Афинского университета П. Лорензато), и преподавать. Правда, бывшему приват-доценту Петроградского и профессору Пермского и Таврического университетов пришлось учить мальчишек в православной прогимназии, организованной митрополитом Платоном (с ним Вернадский познакомился еще в Константинополе). Не удивительно, что он чувствовал себя «отлученным от науки» и с радостью воспользовался возможностью вернуться к университетскому преподаванию и научным занятиям, когда правительство Чехословакии начало осуществление «Русской акции».

Переехав в начале 1922 г. в Прагу, историк вынужден был расширить область своих занятий, став профессором Русского юридического факультета. Здесь он начал заниматься историей русского права¹, подготовил для студентов учебные пособия², написал монографию о «кон-

---

¹ Отчет 1925. С. 12.

² Вернадский 1922; 1924.

ституции Н.Н. Новосельцева»³ и опубликовал ряд статей по российской истории периода правления Александра I в эмигрантских и европейских исторических журналах⁴. Другим центром притяжения в Праге для Вернадского стал «семинарий» Н.П. Кондакова, под обаяние которого он сразу же попал после приезда академика из Софии. Кондаков оказал на него и научное влияние, обратив его взор к Византии, скифо-сарматскому миру и аланам. Вернадский не только активно участвовал в работе *Seminarium Kondakovianum*, публиковался в его изданиях, но и способствовал его преобразованию в институт после смерти основателя. Наконец, третий центр притяжения Вернадского в Праге – евразийство, с представителями которого он установил связи через одного из лидеров движения – П.Н. Савицкого. В евразийских изданиях появился ряд его статей и монографий о русской истории, которые, по мнению Н.Н. Болховитинова, имели «гораздо более важное значение в научном творчестве историка», чем его исследования «по западной истории»⁵ (точнее сказать: написанные с западнических позиций). Это утверждение российского академика было направлено против достаточно критических оценок евразийского наследия Вернадского американским историком Ч.Дж. Гальпериным, который считал, что «в своих наиболее евразийских работах Вернадский не осуществил профессионально приемлемого исследования»⁶. Такая оценка соответствует его общему пониманию эволюции исторических взглядов историка-эмигранта: «Кадетская политическая и историографическая традиция его семьи и воспитания была модифицирована уже до революции некоторыми новыми выводами о значении монголов и степи в русской истории. Под влиянием революции и эмиграции он воспринял пристрастные утверждения о религиозном и этническом разделении между православными и униатами, русскими и украинцами, русскими и европейцами, которые выразились в его принадлежности к евразийству. Тем не менее, он продолжал выражать кадетские представления о роли европейской культуры и политических моделей в русской истории. Переезд в Соединенные Штаты не изменил немедленно его интерпретаций, но к послевоенному (после II мировой войны) периоду американская плюралистическая, свободная предприимчивость и демократические ценности побудили

---

³ *Вернадский* 1925.

⁴ См. соответствующие разделы библиографии работ Г.В. Вернадского, составленной Н. Андреевым (*Vernadsky* 1978. P. 528–529), и дополнения к ней Ч. Гальперина (*Halperin* 1985. P. 190).

⁵ *Болховитинов* 2005. С. 39 и сл. Подобную точку зрения высказала ранее Н.Е. Соничева. См.: *Соничева* 2001. С. 626–627.

⁶ *Halperin* 1985. P. 186. На негативное отношение к евразийской концепции российской истории Г.В. Вернадского части русских историков-эмигрантов указала М.Ю. Сорокина. См.: *Сорокина* 2001. С. 340. Ср.: В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое. С. 402–411.

Вернадского отказаться от худших предрассудков евразийства в пользу более универсальных кадетских подходов»⁷. В противоположность данной интерпретации Болховитинов стремится показать значимую роль Вернадского в становлении американской русистики при сохранении его верности евразийским идеям. Хочется надеяться, что публикация воспоминаний о «пражском периоде» его жизни и деятельности не только пополнит наши знания о нем, но и в какой-то мере будет способствовать адекватному решению спорного вопроса: шло ли в последующем развитие евразийских взглядов историка или же их изживание.

Публикуемый набросок воспоминаний был написан очень быстро, практически за один день. 26 июня 1971 г. Вернадский написал: «Буду записывать отрывки воспоминаний о Праге по мере того, как они придут в голову – это будет материал, на основе которого позже, е<сли> ж<ив> б<уду> (как говорил Толстой), можно будет написать серьезный связный рассказ». Эту же дату он поставил в начале следующего фрагмента воспоминаний о поездке в Афины из Праги. А через три дня (о чем свидетельствует дата, проставленная сверху листа – 6/29/71, сделанная на американский манер: сначала обозначен месяц, а потом день и год) на листке меньшего размера он отметил необходимость проверить данные о коллегах по юридическому факультету: «Воспоминания о Праге уточнить и дополнить на основании: (1) отчета Русск<ого> юридического факультета за 2-й год его существования, (2) II съезда русск<их> академ<ических> организаций в Праге (1922), (3) Устава Русской учебной комиссии (I-й съезд русск<их> акад<емических> орг<анизаци>й стр. 136 сл.)». Очевидно, что рукопись не была завершена, хотя в нее помимо зачеркиваний и дополнений, которые делались сразу, теми же чернилами, что и писалась рукопись, были внесены исправления простым карандашом (они сводились главным образом к зачеркиванию повторяющегося материала). Незавершенность и предварительный характер записей воспоминаний можно рассматривать и как положительный момент для изучения. Быстро сделанные заметки зафиксировали то, что прежде всего всплывало в памяти, маркируя тем самым то, что забылось или, по крайней мере, должно было быть вытеснено на периферию воспоминаний.

Основное внимание историк уделил коллегам по Русскому юридическому факультету и семинарию Кондакова, а также чехословацким государственным лидерам и ученым. Правда, характеристики их лаконичны и лишены сколько-нибудь эмоциональной окрашенности. Автор воспоминаний не склонен к каким бы то ни было размышлениям о прожитом, выступая скорее не как мемуарист, стремящийся представить осмысленные итоги своей жизни, а как историк-позитивист, фикс-

⁷ Halperin 1985. P. 91.

сирующий запомнившиеся (иногда своей забавной стороной, как в случае с Н.Л. Окуневым) и кажущиеся важными факты прошедшего.

Видимо, отношение к евразийству, несмотря на его реальное значение для Вернадского в 1920-х и даже 1930-х гг., на закате жизни меняется. По крайней мере в воспоминаниях о Праге он не считает нужным подробно говорить об этом. Но и позже – в набросках воспоминаний об «американском периоде» своей жизни⁸ – он не уделил никакого внимания ни контактам с евразийцами (а он интенсивно переписывался с П.Н. Савицким⁹ и опубликовал две книги в евразийском издательстве¹⁰), ни критике евразийских пассажей в его работах. Учитывая, что воспоминания об этом периоде как завершение (окончание) всякого исторического нарратива должны определять его смысл, нужно внимательно изучить опубликованные в США работы Вернадского по истории России, чтобы ответить на вопрос о том, в какой мере они несли на себе печать евразийства или были выражением процесса изживания евразийства, о котором в конце жизни он не очень-то хотел вспоминать.

Публикуемая рукопись хранится в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (George Vernadsky Papers. Box 97. Folder 7: Memoirs about Prague). Хочу выразить благодарность куратору архива Татьяне Чеботаревой за помощь во время работы в нем и разрешение на публикацию данных материалов. Подготовку к публикации текста воспоминаний осуществил студент Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ С.В. Пономарев, который также принимал участие в составлении комментариев.

Г.В. Вернадский. Прага

Наш с Ниной приезд в Прагу описан в рукописи моей о нашем пребывании в Греции в 1921/22 г.

Буду записывать отрывки воспоминаний о Праге по мере того, как они придут в голову – это будет материал, на основе которого позже, е<сли> ж<ив> б<уду> (как говорил Толстой), можно будет написать серьезный связный рассказ.

В отеле «Regu» мы с Ниной, сколько помню, пробыли почти неделю. Комитет русской акции¹¹ платил за комнату, а обедали мы даром в так

---

⁸ Большая их часть опубликована в диссертации О.И. Захарова. См.: Захаров 2016. С. 213–219.

⁹ George Vernadsky Papers. Boxes 8–10 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscripts Library.

¹⁰ Вернадский 1934; 1938.

¹¹ Русская акция (*Ruská pomocná akce*) – гуманитарная программа помощи беженцам из России, проводившаяся с 1921 г. В рамках этой акции правительство

называемом Худобинце. В это время я получил уже свою первую месячную стипендию, и мы смогли устроиться уже самостоятельно. Первое время эта стипендия была щедрая¹² (позже её стали урезать). Нам дали адреса нескольких чешских квартир, где были свободные комнаты, и в первой же у Pani Husakova мы сняли вроде маленькой квартирке – большая светлая кухня и рядом большая комната, а кроме того – темный, но просторный чуланчик, куда можно было сложить чемоданы.

«Русская акция» в Праге процветала на чешские деньги, но так как во время гражданской войны в России чехословацкие войска (бывшие формально под высшим командованием Антанты) захватили на Волге часть русского золотого запаса, то русские в Праге не считали себя благодетельствованными, и даже утверждали, что имеют как бы право на чешские деньги. Но, конечно, чехи свободно могли употребить эти деньги не на «русскую акцию», а на что угодно.

Тем, что деньги были употреблены на русскую акцию, русские были обязаны главным образом двум чешским лидерам – президенту Масарику¹³ (склонявшемуся к социализму) и Карлу Крамаржу¹⁴ – вождю национально-демократической партии, другу русских, Надежде Николаевне (рожденная Хлудова [кажется – надо проверить] – по первому мужу – Абрикосова¹⁵). С точки зрения социалистов, Крамарж был «буржуазный демократ».

Центральным учреждением «русской акции» была Русская учебная коллегия. Во главе её стоял выдающийся русский инженер, изобретатель нового типа паровых котлов Алексей Степанович Ломшаков¹⁶. Административным его помощником был инженер Варенов¹⁷, очень дельный ад-

---

Чехословакии брало под опеку детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых, обеспечивая им финансовую поддержку.

¹² В 1923 г. Вернадскому было установлено содержание в 2100 крон с выплатой дополнительных 300 крон «на жену». Выплаты другим профессорам колебались от 1500 до 3300 крон в месяц. См.: Ковалев 2012. С. 52.

¹³ *Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг* (1850–1937) – чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель. Первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

¹⁴ *Крамарж (Kramář) Карел* (1860–1937) – чешский политический деятель. Первый премьер-министр Чехословакии (1918–1919). Активный сторонник Белого движения. Сыграл большую роль в поддержке Чехословацкой русской эмиграции.

¹⁵ *Крамарж-Абрикосова (Kramář) Надежда Николаевна* (1862–1936) – дочь богатого московского купца Н.Н. Хлудова, в первом браке за А.А. Абрикосовым, жена К. Крамаржа с 1900 г. Поддерживала русскую эмиграцию в Праге, руководила Комитетом помощи русским студентам.

¹⁶ *Ломшаков Алексей Степанович* (1870–1960) – российский инженер. Профессор Петербургского политехнического института. В эмиграции с 1920 г. Организатор и председатель Пражской конституционно-демократической группы (1920), профессор Чешского высшего технического училища, председатель Русского академического союза, а также ряда эмигрантских общественных организаций в Чехословакии.

¹⁷ *Варенов Владимир Дмитриевич* (1877–1938) – российский инженер-технолог, профессор Петербургского технологического института. В эмиграции с 1921 г. В Праге заведовал учебной частью Комитета помощи русским студентам.

министратор. В учебную коллегию входили все русские профессора с решающим голосом и не имевшие профессорского звания преподаватели – с совещательным голосом (в каждом индивидуальном случае их должен был утвердить совет коллегии).

Учебная коллегия направляла подведомственных ей студентов (получавших стипендию значительно меньшую, чем профессора¹⁸) в соответствующие чешские учебные заведения (Карлов университет, технические училища и т.д.).

Учебная коллегия получила средства на издание «Ученых записок», где могли печатать свои труды профессора.

Состав профессуры в общем был блестящий. В России они преподавали в университетах и политехникумах. Членом академии наук был, кажется, только один член учебной коллегии – Н.П. Кондаков¹⁹.

В деле заведования студентами Учебная коллегия разделялась на факультеты. Я принадлежал к историко-филологическому факультету, во главе которого стоял историк славян Ястребов²⁰.

Дел у этого факультета почти никаких не было, но, тем не менее, Ястребов созывал заседания факультета чуть ли не каждую неделю. Это была бессодержательная болтовня, больше всех говорил сам Ястребов. Я перестал ходить на заседания и вдруг получаю официальную бумагу от Ястребова, что я исключён из состава факультета. Я нисколько не был этим огорчён, но за меня, из принципа, возмутился Н.П. Кондаков и потребовал, чтоб факультет восстановил моё членство в факультете. Факультет это сделал, но я всё равно на заседания больше не ходил. Надо сказать, что Ястребов в это время был болен (кажется, у него был рак). Этим отчасти объясняется его раздражительность. Он вскоре умер.

В это время Павел Иванович Новгородцев²¹ с группой русских юристов задумал основать в Праге Русский юридический факультет, как особое самостоятельное учреждение. Он привлек меня к этому делу. У меня не было специального юридического образования, но я считал, что историк должен знать, по крайней мере, основы государственного права и быть осведомленным и об основах государственного права. Моя статья «Манифест Петра III о вольности дворянской» (1920?)²² носила уже отчасти юридический характер.

---

¹⁸ Стипендия русских студентов колебалась от 350 до 800 крон в месяц, что было ниже прожиточного минимума, установленного в Чехословакии в начале 1920-х гг. в размере 1000 крон.

¹⁹ *Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925) – российский историк византийского и древнерусского искусства, археолог. С 1920 г. – в эмиграции. Профессор Софийского (1920–1922) и Пражского Карлова (1922–1925) университетов.

²⁰ *Ястребов Николай Владимирович* (1869–1923) – российский славист, специалист по истории Чехии, западных и южных славян. В эмиграции с 1919 г. С 1920 г. профессор Карлова университета. Преподаватель Русского педагогического института им. Я.А. Коменского.

²¹ *Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924) – правовед, философ, общественно-политический деятель. В эмиграции с 1920 г. Основатель и декан Русского юридического факультета. Первый председатель Русской академической группы в Праге.

²² Ошибка памяти. См.: *Вернадский* 1915.

Новгородцев предложил мне читать общий курс по русскому государственному праву XVIII–XIX веков, а также руководить семинаром об источниках русского права, начиная с «Русской Правды». Здесь я стоял уже на твердой почве. Кроме того, Новгородцев попросил меня прочесть полугодовой специальный курс об источниках церковного права. Дело в том, что профессор канонического права о. Сергей Булгаков²³ не согласился читать курс об источниках. На этом курсе у меня было всего несколько студентов.

Состав профессоров Русского юридического факультета (исключая меня – новичка) был первоклассный. Сам Новгородцев читал, кажется, философию права; Н.Н. Алексеев²⁴ – государственное право; Д.Д. Grimm²⁵ – римское право; М.М. Катков²⁶?

Сенатор С.В. Завадский²⁷ – гражданское право; К.И. Зайцев²⁸ – административное право; П.Б. Струве²⁹ – политическую экономию³⁰.

Когда Кондаков узнал о моем участии в программе Русского юридического факультета, он огорчился и даже рассердился на меня. Он не признавал отвлеченные науки – философию и право – за науки. Признавал только точные науки, как естествознание. К точным наукам он причислял и археологию, и историю искусства. Признавал Аристотеля, но презирал Платона как болтуна.

²³ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871–1944) – российский экономист, философ, богослов, православный священник. В эмиграции с 1922 г. На Русском юридическом факультете преподавал церковное право. В 1925–1944 гг. профессор и инспектор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

²⁴ *Алексеев Николай Николаевич* (1879–1964) – российский философ, правовед, идеолог евразийства. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе (1921–1922). Учёный секретарь юридического факультета Русского народного университета в Праге (1922–1931), преподавал на Русских юридических курсах Сорбонны (1931).

²⁵ *Grimm Давид Давидович* (1864–1941) – российский правовед. С 1920 г. – в эмиграции, в Чехословакии с 1922 г. Профессор (1922–1927) и декан Русского юридического факультета (1924–1927). На Русском юридическом факультете читал историю и догму римского права.

²⁶ *Катков Михаил Мефодиевич* (1861–1941) – российский правовед. В эмиграции в Праге с 1921 г. На Русском юридическом факультете М.М. Катков читал, как и Д.Д. Grimm, историю и догму римского права.

²⁷ *Завадский Сергей Владиславович* (1871–1935) – российский правовед, общественный деятель, сенатор. В эмиграции в Польше с 1921 г. С 1922 г. – в Праге. На Русском юридическом факультете читал гражданское право и гражданский процесс. Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Председатель совета Русского зарубежного архива.

²⁸ *Зайцев Кирилл Иосифович* (1887–1975) – российский правовед, экономист, богослов, священнослужитель Русской православной церкви за рубежом. В эмиграции с 1920 г. в Константинополе. Приват-доцент Русского юридического факультета в Праге, читал курс административного права. В 1935 г. переехал в Харбин.

²⁹ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) – российский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ. С 1922 г. в Праге. На Русском юридическом факультете преподавал политэкономиию.

³⁰ Далее карандашом было записано: «проверить все это»). Фраза обведена.

Я подпал под обаяние Кондакова с самого его приезда (уже при мне) из Софии в Прагу. Слушал замечательный курс его лекций по истории искусства в Карловом университете (он читал по-русски), много беседовал с ним и у него на квартире. В числе русских студентов, слушавших лекции Кондакова, выделялись молодой археолог Н.П. Толль³¹, с которым мы с Ниной подружились ещё в Праге, Беляев³², и приехавший из Эстонии Н.Е. Андреев³³.

Вскоре приехал археолог Калитинский³⁴. Женатый на артистке Моск<овского> Худож<ественного> театра М.Н. Германовой³⁵.

В образовавшемся вокруг Кондакова содружестве видное место занимала выдающаяся русская женщина княгиня (Наталья Григор<ьевна>) Яшвиль³⁶ и её дочь Татьяна Николаевна Родзянко³⁷.

Княгиня Яшвиль была урожденная Филипсон. Её муж и сын и муж Т.Н. Родзянко были убиты большевиками³⁸, Наталья Григорьевна была женщина выдающегося ума и с большим художественным вкусом и пониманием искусства. Глубоко верующая православная. Портрет её работы Нестерова помещен в монографии о Нестерове (вписать имя автора монографии)³⁹.

К «Кондаковскому содружеству» близко стояли Алиса Масарик (дочь президента Масарика)⁴⁰ и американцы Крэны – отец Чарльз⁴¹ бывший аме-

---

³¹ Толль Николай Петрович (1894–1985) – российский археолог, византолог, иранист. С 1929 г. в Праге, директор Института им. Н.П. Кондакова (1932–1938), с 1939 г. – в США, преподавал вместе с Г.В. Вернадским в Йельском университете.

³² Беляев Николай Михайлович (1899–1930) – византинист. Участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции. Окончил филологический факультет Карлова университета. Ученик и один из основателей Семинариума Н.П. Кондакова.

³³ Анорев Николай Ефремович (1908–1982) – российский историк, литературовед, философ. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию. Учился на философском факультете Карлова университета в Праге (1927–1931). После окончания университета сотрудник Института им. Н.П. Кондакова. Директор института (1939–1945).

³⁴ Калитинский Александр Петрович (1880–1946) – российский археолог, искусствовед. В эмиграции в Чехословакии с 1920 г. Преподавал в Пражском университете. Участвовал в работе Семинария Кондакова. В 1930 г. переехал во Францию.

³⁵ Германова Мария Николаевна (1884–1940) – русская актриса, жена А.П. Калитинского. В эмиграции с 1919 г. (Париж, Прага). Преподавала в Лабораторном театре в Нью-Йорке (1929–1930).

³⁶ Яшвиль (урожд. Филипсон) Наталья Григорьевна (1861–1939) – художница и общественная деятельница. Участвовала в Белом движении. С 1920 г. в эмиграции (Константинополь). С 1922 г. в Праге, член правления института им. Н.П. Кондакова.

³⁷ Родзянко (урожд. Яшвиль) Татьяна Николаевна (1892–1933) – художница, дочь кн. Н.Г. Яшвиль. В эмиграции с 1920 г. (Константинополь, Прага). Была в числе членов-учредителей Археологического института им. Н.П. Кондакова. Вместе с матерью руководила эмалевой мастерской.

³⁸ Г.В. Вернадский ошибался относительно судьбы мужа Н.Г. Яшвиль – Николая Владимировича (1857–1893). Яшвиль Владимир Николаевич (1893–1918) – сын Н.Г. и Н.В. Яшвиль, участник Первой мировой войны. Родзянко Григорий Михайлович (1890–1918) – сын последнего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, муж Т.В. Яшвиль.

³⁹ Возможно, речь шла о книге С.Н. Дурьлина «Нестеров в жизни и творчестве».

⁴⁰ Масарикова (Masarykova) Алиса (1879–1966) – чешский политик, социолог.

риканский посол в Китае, поклонник русского церковного пения и колокольного звона, и сын Джон⁴², живший в Праге, председатель американской фирмы.

Перед тем как предстояло чествование восьмидесятилетия Кондакова (дата?)⁴³ я расспросил его о его биографии и развитии его ученой деятельности, т. к. меня просили произнести главную речь о нем на чествовании. Чествование прошло очень торжественно, с участием и русских и чехов, было своего рода событием в академической жизни Праги. Но вскоре после чествования Кондаков скончался⁴⁴.

Я знал, что Грегуар⁴⁵ (в Брюсселе) подготовил к 80-летию Кондакова очередной том журнала *Byzantion* (посвященный Кондакову) и немедленно написал ему о кончине Кондакова. Грегуар успел включить эту печальную весть в том журнала.

Наше «Кондаковское сотрудничество» ещё как-то теснее сплотилось в память учителя. Решено было издать сборник статей в память его, причем придать этому сборнику международный характер, пригласить участвовать в нем ряд выдающихся иностранных ученых. Организацию сборника и переписку – приглашение иностранных сотрудников – взяли на себя Толль и Калитинский. Сборник был издан в 1926 году⁴⁶.

Работа по подготовке сборника привела к мысли о создании постоянного ученого учреждения для исследования в области археологии, истории искусства, византиноведения, истории русской культуры. Эта мысль была осуществлена созданием *Seminarium Kondakovianum*. I том трудов его появился в 1927 году. Следующие тома издавались ежегодно⁴⁷. Позже

⁴¹ *Крейн (Crane) Чарльз Ричард* (1858–1939) – американский бизнесмен, знаток арабской культуры, «поклонник русского церковного пения и колокольного звона». Директор Национального банка Чикаго (1912–1913). В 1914 г. создал «Фонд дружбы», бывший источником финансирования исследований России и Ближнего Востока. Организовал в России компанию «Вестингауз» и в период с 1890 по 1930 гг. неоднократно бывал там. В годы гонений помогал деньгами и продуктами представителям Русской Православной Церкви, включая Патриарха Тихона. Негативно относился к большевикам, помогал русским эмигрантам. Американский посол в Китае при президенте В. Вильсоне (1920–1921).

⁴² *Крейн (Crane) Джон Оливер* (1899–1982) – американский историк и дипломат. Пресс-секретарь и помощник первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Летом 1930 г. вместе с отцом совершил поездку по Сибири и европейской части России. Член правления Института современных мировых отношений (1930).

⁴³ 14 ноября 1924 г.

⁴⁴ 17 февраля 1925 г.

⁴⁵ *Грегуар (Grégoire) Анри* (1881–1964) – бельгийский историк-византист, эллинист и славист.

⁴⁶ Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926. Г.В. Вернадский опубликовал в нем статью «Византийские учения о власти царя и патриарха».

⁴⁷ Всего за 1927–1940 гг. было издано 11 книг. Первоначально издание выходило под названием «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемых Семинарием имени Н.П. Кондакова» (*Seminarium Kondakovianum*), с 1938 г. ежегодник публиковался под названием «Анналы Института имени Н.П. Кондакова» (*Annales de l'Institut Kondakov*). Последний выпуск в 1940 г. вышел в Белграде.

этот «Семинар» был переименован в Институт памяти Кондакова. Первым председателем *Seminarium Kondakovianum* был избран Калитинский.

Почти одновременно с Кондаковым приехали в Прагу из Болгарии братья Флоровские – русский историк Антоний Васильевич⁴⁸ (с женой) и Георгий Васильевич⁴⁹ (историк с философско-религиозным уклоном).

Также из Софии переехали в Прагу Петр Николаевич Савицкий⁵⁰ (питомец петербургского политехнического института) и две сестры Симоновы. На одной из них, Вере Ивановне⁵¹, вскоре женился Савицкий, на другой, Ксении Ивановне⁵² – Георгий Флоровский.

В 1920 году друг Савицкого, филолог князь Николай Сергеевич Трубецкой⁵³ (профессор Венского университета) издал в Софии книгу «Европа и человечество», положившую начало новому историософскому течению – «евразийству».

С Савицким я довольно скоро сдружился. Петр Николаевич был человек разносторонних интересов и дарований и динамической воли и настойчивости. Он был выдающимся географом, экономистом, историком, социологом. Был религиозным человеком – глубоко верующим православным.

Здесь не место говорить о евразийстве по существу. Скажу только, что я вошел в это историософское движение и сотрудничал в издававшихся Савицким «Евразийских временниках» (из моих статей там упомяну «Два подвига Александра Невского» и «Монгольское иго в русской истории»⁵⁴).

Научная работа в Праге – в моей области – осложнялась состоянием библиотек. В громадной библиотеке Карлова университета русских книг было мало, а пользоваться книгами на других языках было трудно из-за библиотечных правил. Надо было подавать дежурному чиновнику заявление на нужную книгу (кажется, не более как две книги зараз). Дежурный передавал заявку служителю, тот надолго исчезал и потом почти всегда

---

⁴⁸ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – историк, славист. В 1922 г. выслан из советской России.

⁴⁹ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – богослов, философ, историк, деятель экуменического движения и один из основателей Всемирного совета церквей. Брат А.В. Флоровского. Преподавал на Русском юридическом факультете в Высшем коммерческом институте в Праге (1922). Один из основателей евразийства.

⁵⁰ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт, общественный деятель.

⁵¹ Савицкая (урожд. Симонова) Вера Ивановна (1901–1960) – жена П.Н. Савицкого с 1927 г.

⁵² Флоровская (урожд. Симонова) Ксения Ивановна (?–1977) – художница, переводчица, жена Г. В. Флоровского с 1922 г.

⁵³ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – языковед, философ, публицист, основатель евразийства. В эмиграции в Болгарии с 1920 г., преподавал в Софийском университете. Профессор Венского университета (1923–1938).

⁵⁴ Вернадский Г.В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Прага, 1925. Кн. 4. С. 318–337; *он же*. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Прага, 1927. Кн. 5. С. 153–164. Последняя статья была программной для евразийства, но была опубликована только через два года после ее написания, что и было отмечено в издании.

возвращался с пустыми руками и объявлял, что книги нет на месте (профессора Карлова университета имели право брать книги на дом).

Я занимался обыкновенно в семинарской библиотеке профессора Кадлеца⁵⁵ (он был профессором сравнительной истории права славянских народов). Досадным для меня пробелом было отсутствие в этой библиотеке Полного Собрания Законов. Я указал на это Кадлецу, но ему удалось достать экземпляр П<олного> С<обрания> З<аконов> только после моего отъезда из Праги в Америку в 1927 году.

Кадлец был выдающийся ученый и замечательно благородной души человек – один из крупных чешских ученых, не измельчавших под австрийским влиянием. Другим таким столпом чешской науки был Любор Нидерле⁵⁶.

Чехи жили замкнуто и редко когда кого-нибудь постороннего приглашали к себе, Кадлец иногда приглашал меня с собой на какую-нибудь заграничную поездку. Несколько раз мы с ним (вдвоем) ездили довольно далеко на поезде, а потом осматривали какую-нибудь историческую достопримечательность (помню такую нашу экскурсию в замок Karlov Тун). Дорогой было интересно с ним разговаривать – иногда беседовали по научным вопросам, иногда он рассказывал об условиях жизни и работы под австрийским владычеством.

Изредка я заходил к Нидерле на дом – каждый раз ненадолго. Было приятно его повидать и интересно поговорить.

Раз в году (кажется, в декабре) бывал большой прием у президента Масарика в большой зале его Дворца в Граде. Приглашались все русские профессора. Форма одежды была визитка. Приглашались и (в меньшем количестве) чехи – из окружения Масарика и некоторые профессора. Всё было в стойку – или ходили по зале и переходили от одного собеседника к другому. Иногда бывало довольно оживленно. Масарик обходил залу и старался каждому из приглашенных сказать хоть несколько слов. (Тут, кстати, скажу, что как-то, вскоре после моего приезда, Масарик вызвал меня к себе, сказал, что он подготавливает новое издание своей известной книги о России⁵⁷, и предложил мне помогать ему в этом деле. Я отказался – сказал, что я слишком занят ученой и преподавательской деятельностью. Кроме того, чего я ему не сказал – но, мне кажется, он почувствовал – я далеко не во всем созвучен был духу его книги.

(Первый раз я познакомился с Масариком – если это можно считать знакомством – в 1908 году на всеславянском студенческом съезде в Праге в 1908. Я был из делегатов Московского студенчества).

---

⁵⁵ *Кадлец (Kadlec) Карел* (1865–1928) – чешский правовед. Профессор (1909) и декан юридического факультета Пражского университета (1911–1927). Занимался преимущественно историей славянского права.

⁵⁶ *Нидерле (Niederle) Любор* (1865–1944) – чешский археолог, этнограф и историк-славист. Профессор доисторической археологии и этнографии Пражского университета (1898–1929). Ректор университета (1927–1928). С 1928 г. был первым руководителем Славянского института в Праге.

⁵⁷ Имелась в виду книга «Россия и Европа», впервые вышедшая на немецком языке (Russland und Europa. Bd. 1–2. N. Y., 1913–1918), а затем на чешском (Rusko a Evropa. Dl. 1–2. Praha, 1919–1920).

Более интимного характера – и менее многолюдные – были приемы у Крамаржей по вечерам в их просторном доме на гребне крутого берега Влтавы. Туда приглашались только русские. Сначала все приглашались за стол в большую столовую (там ставились какие-то закуски и подавалось вино. Лакей всё время подливал вино. Раз лакей вызвал Крамаржа в коридор и что-то ему там сказал – «Неужели уже всё выпили?») тут рядом стоял подвыпивший уже историк сербского религиозного искусства Окунев⁵⁸ (подвыпивший) и сказал с удовольствием: «Выпили-с!»). Крамарж велел принести еще. За столом Крамарж сидел в головах в дальнем конце стола, а Надежда Николаевна посередине одной из длинных сторон стола. На столе стояло всегда несколько роскошных букетов цветов. Раз вышло так, что Нина сидела против Н<адежды> Н<иколаев>ны, и та, из-за букета, кокетливо спросила Нину: «Что лучше – цветы или человеческое лицо?». После угощения переходили в большую залу, где ставились стулья, и было концертное отделение – обыкновенно пение. Иногда приглашалась какая-нибудь знаменитая певица – помню, раз пела Фелия Литвин⁵⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое: отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г.В. Вернадского // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 387–412.
- Вернадский Г.В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. XX. С. 51–59.
- Вернадский Г. В. Лекции по истории русского права, читанные на русском юридическом факультете в Праге в 1922 г. Прага, 1922.
- Вернадский Г.В. Очерк истории права русского государства XVIII–XX вв. (Период империи). Прага, 1924.
- Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк. Прага, 1925.
- Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Берлин, 1934.
- Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Ч. 1: Древняя Русь (до половины XV века). Берлин, 1938.
- Захаров О.И. Российские постреволюционные историки-эмигранты в США: проблемы научной и бытовой адаптации. Дис. ... к.и.н. М., 2016.
- Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.
- Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923–24 учебный год. Прага, 1925.
- Соничева Н.Е. Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) // *Историки России. Биографии*. М., 2001. С. 624–631.
- Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. М., 2001. С. 330–347.
- Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 36. Wiesbaden, 1985. P. 55–194.
- Vernadsky G. *Russian Historiography. A History* / Tr. by N. Lupinin, ed. by S. Pushkarev. Belmont (Massachusetts), 1978.

---

⁵⁸ *Окунев Николай Львович* (1885–1949) – искусствовед, историк искусства и архитектуры. С 1922 г. в Чехословакии, профессор Карлова университета (1925), член Славянского института в Праге (1929).

⁵⁹ *Литвинова* (урожд. Шутц) *Француза Жанна Васильевна* (сценическое имя Фелия Литвин, Félia Litvinne, 1860–1936), российская певица, драматическое сопрано.

REFERENCES

- Bolkhovitinov N.N. Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskii, M.M. Karpovich, M.T. Florinskii) i stanovlenie rusistiki v SShA. Moscow, 2005.
- Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 36. Wiesbaden, 1985. P. 55–194.
- Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.). Saratov, 2012.
- Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Russkogo iuridicheskogo fakul'teta v Prage za 1923–24 uchebnyi god. Prague, 1925.
- Sonicheva N.E. Vernadskii Gergii Petrovich (1887–1973) // Istoriki Rossii. Biografii. Moscow, 2001. P. 624–631.
- Sorokina M.Iu. Georgii Vernadskii v poiskakh “russkoi idei” // Rossiiskaia nauchnaia emigratsiia: dvadtsat' portretov. Moscow, 2001. P. 330–347.
- V poiskakh neevropotsentrichnogo vzgliada na proshloe: otkliki emigrantskikh istorikov na evraziiskuiu istoriiu Rossii G.P. Vernadskogo // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 387–412.
- Vernadskii G.P. Manifest Petra III o vol'nosti dvorianskoi i zakonodatel'naia komissiiia 1754–1766 gg. // Istoricheskoe obozrenie. Petrograd., 1915. Vol. XX. P. 51–59.
- Vernadskii G.P. Lektsii po istorii russkogo prava, chitannye na russkom iuridicheskome fakul'tete v Prage v 1922 g. Prague, 1922.
- Vernadskii G.P. Ocherk istorii prava russkogo gosudarstva XVIII–XX vv. (Period imperii). Prague, 1924.
- Vernadskii G.P. Gosudarstvennaia ustavnaia gramota Rossiiskoi imperii 1820 goda: istoriko-iuridicheskii ocherk. Prague, 1925.
- Vernadskii G.P. Opyt istorii Evrazii s poloviny VI veka do nastoiashchego vremeni. Berlin, 1934.
- Vernadskii G.P. Zven'ia russkoi kul'tury. Ch.: Drevniaia Rus' (do poloviny XV v.). Berlin, 1938.
- Vernadsky G. Russian Historiography. A History / Tr. by N. Lupinin, ed. by S. Pushkarev. Belmont (Massachusetts), 1978.
- Zakharov O. I. Rossiiskie postrevolutsionnye istoriki-emigranty v SSHA: problemy nauchnoi i bytovoii adaptatsii. Dis. ... k.i.n. Moscow, 2016.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru

Пономарев Сергей Владимирович, студент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; ponomarev-sergey_1996@mail.ru

George Vernadsky's unpublished memoirs on Prague

The memoirs of the prominent Russian émigré historian George Vernadsky are stored in the Bakhmeteff archive of Russian and East European history and culture of Columbia University in NYC. In the published part, which represented his life in Prague (1922–1927), he paid attention to his teaching and research activity as a member of the Russian Law Department as well as of the Seminarium Kondakovianum. The memoirist gives vivid characteristics to his former colleagues. His reluctance to give a detailed description of the Eurasian movement, in which he participated at that time, indirectly indicates that he had become disillusioned with the Eurasian historical doctrine by the end of his life.

Keywords: George Vernadsky, Russian emigrants in Prague, Eurasianism

Aleksandr Antoshchenko, PhD, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, ant@psu.karelia.ru

Sergey Ponomarev, student of the Institute of History, Political and Social Sciences in Petrozavodsk State University, ponomarev-sergey_1996@mail.ru

К. Р. АМБАРЦУМЯН

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА КАВКАЗЕ (1917–1918 гг.)» А. И. ХАТИСОВА

Публикация фрагмента воспоминаний Александра Ивановича Хатисова (1874–1945), члена правительства независимой Республики Армения, с 1920 г. жившего в эмиграции во Франции. Рукопись была им подготовлена в 1924 г. для «Архива русской революции», издаваемого И.В. Гессеном в Берлине, но в него не вошла.

Ключевые слова: Великая война и Русская революция, Кавказ в 1917 г., история Армении, А.И. Хатисов, исторические события и личный опыт, мемуары

Александр Иванович Хатисов¹ (1874–1945), известный как городской голова Тифлиса и член правительства независимой Республики Армения, будучи с 1920 г. в эмиграции во Франции, опубликовал воспоминания о своей деятельности до и после 1917 г., в основном на армянском языке. Сочинение, озаглавленное им как «Русская революция и образование Республики Армении на Кавказе (1917–1918 гг.)»², написанное на русском языке, также имеет автобиографический характер. Судя по материалам архивного дела, рукопись была подготовлена автором в 1924 г. для «Архива русской революции»³, издаваемого кадетом И.В. Гессеном в Берлине, но так в него и не вошла⁴.

Название, предложенное А.И. Хатисовым, обозначает хронологические рамки более узкие, нежели само содержание, в котором повествование доводится до 2 декабря 1920 г.⁵ Выбранный фрагмент воспоминаний охватывает начало XX века вплоть до октября 1917 г., т.е. до того момента пока Кавказ оставался неотделимой от России частью, и автор рукописи был прочно связан с российским государством.

Отрывок приводится с редакторскими сокращениями, произведенными с целью акцентировать внимание именно на проявлениях множественной идентичности А.И. Хатисова, прошедшего путь от государственного и общественного деятеля до эмигранта. Стремительная смена

---

¹ Возможен вариант: Александр Ованнесович Хатисянц.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 524.

³ Архив русской революции. Репринт. Т. 1–22. М: Терра, 1991–1993.

⁴ В имеющемся в деле письме А.И. Хатисова, адресованном в редакцию «Русского архива» через 7 лет после отправки рукописи, написано, что его труд до сих пор не опубликован, и что он так и не получил обещанный гонорар.

⁵ Примечательно, что для Хатисова утрату независимости Республики Армения маркирует не Александропольской договор, подписанный дашнакским правительством и отрезавший от Армении в пользу Турции значительную часть территории, а провозглашение Армянской ССР, которое произошло практически одновременно с подписанием договора: «2-го дек<абря> независимое существование Армении прекратилось и она попала под власть оккупировавшей её Москвы».

контекстов влияла на эволюцию его политических взглядов. В тексте также заметны многочисленные трансформации образов «своих-других-чужих», что особенно важно для понимания сущности событий 1917 г. и последующих лет в полиэтничном и приграничном кавказском регионе.

Публикуемый отрывок представляет собой содержательный источник для изучения как проблемы идентификации, так и процесса конструирования памяти о прошлом России, Кавказа, Армении. Интересно также предисловие автора с рефлексией о мотивах написания мемуаров и признанием их закономерной субъективности. В мемуарах кавказских эмигрантов множественная идентичность предавателя Кавказа усложняется еще и фактором эмиграции, оказывая влияние на формирование исторической памяти, имеющей иерархичную структуру. События начала XX в. вспоминает этнический армянин, родившийся и сделавший карьеру в Тифлисе, затем игравший главные роли в независимой Армении, и наконец – эмигрант, и через этот личный опыт оценивается историческое прошлое и перспективы будущего.

Все это выражено в тексте, особенно в третьей главе, которая делится на три пространственно-временные протяженности: первая – Россия в 1917 г., вторая – Кавказ в 1917 г., третья – Армения в 1917 г.

***

Несколько слов⁶

Передавая в печать настоящие записки, я считаю необходимым предпослать им несколько предварительных замечаний, – во-первых, для того, чтобы читатель понял почему я решил это сделать, а во-вторых, чтобы вперед указать на причины тех необходимых дефектов, которые читатель сам усмотрит в этих набросках. Без этих предварительных замечаний читатель имел бы право сделать мне очевидно много упреков в неполноте изложения или неиспользованности исторического материала по новейшей истории Республики Армении. На первый вопрос, – почему я счел не лишним внести свою лепту в вопрос о возникновении и развитии республики Армении, – я должен ответить, что я делаю это главным образом в силу того обстоятельства, что я лично многое видел, лично во многом участвовал и во всех главных политических актах по возникновению и развитию Армении был очевидцем и участником. И полученные мною впечатления и пережитые факты, думаю, могут быть интересны для читателя. Быть может не лишним будет установить те позиции, с которых я смотрю на события, чтобы читатель мог уяснить себе мое отношение к происходившему. Общественно-политическую жизнь на Кавказе я начал в 1900 году в Тифлисе, – работой в Тифлисском муниципалитете, – где по условиям старого русского режима, проявлялась общественно-политическая мысль кавказской интеллигенции, всех национальностей. С 1902 по 1906 г. я был муниципальным гласным, с 1906 по 1910 – помощником городского головы Тифлиса, с 1910 по 1917 – городским головой Тифлиса. С 1914–1917 – председатель Союза 44 городов

---

⁶ Орфография и пунктуация А.И. Хатисова в основном сохранены.

Кавказа, с 1915–1917 – пред<седатель> национал<ьного> Бюро армян. В 1917–1918 гг. был городским головой Александрополя. В 1918 – министром финансов в Правительстве Закавказской Республики, с лета 1918 – <...> министр ин<остранных> дел, внутренних дел <...>, с марта 1919 г. по сент. 1919 – заместитель председателя правит<ельства> Армении, с сент. 1919 по май 1920 – пред<седатель> правит<ельства> и мин<истр> ин<остранных> дел Армении. А за период 1918–1920 был членом, председателем мирных делегаций то Закавказской Респ<ублики>, то Респ<ублики> Армении, ведших мирные переговоры с Турцией в Трапезунде (февраль – март 1918 г.), в Батуме (май–июнь 1918 г.), в Константинополе (осень 1918 г.), в Александрополе (ноябрь–дек. 1920). Дважды подписывал мирные договоры с Турцией от имени Респ<ублики> Армении. В 1921–25 гг. я был членом Делегации Респ<ублики> Армении в Париже. Читатель великодушно простит мне эту справку, которую я привел для того, чтобы читатель знал, с каких позиций я наблюдаю события, и понял бы, почему именно я останавливаюсь подробно на тех, а не иных событиях. В деятельности муниципальной я по роли и характеру службы неоднократно сталкивался с русскими и кавказскими политическими деятелями всех партий, – от самых правых до самых левых, – и с административными лицами, – начиная с губернаторов и до кавказских наместников – гр<афа> Воронцова-Дашкова и Велик<ого> князя Николая Николаевича, – двух наместников Кавказа в период 1905–1917 гг., а в 1914 году в первые месяцы великой войны, – в качестве Тифлисского городского головы принимал царя Николая II и знакомил его с нравами Кавказа. Если добавить, что в качестве городского головы г. Тифлиса и представителя союза городов я участвовал в 1916 году в общекавказском съезде по выработке земского положения для Кавказа, а в 1915, 1916 и 1917 гг. во всероссийских съездах в Москве городов <...>, а в качестве представителя Арм<янского> Национ<ального> Бюро, был посредником между арм<янскими> добров<ольческими> дружинами и Наместником Кавказа и Штабом Кавказской Армии, – то будут понятны те позиции, с которых я наблюдал людей и факты, связанные с темой моих записок. Вот мотивы, по которым я после долгих колебаний решил, что будет бесполезно поделиться с читателями моими впечатлениями. Но одновременно необходимо сделать оговорки, – чтобы ответить и на второй вопрос о неполноте материала. Когда на бумагу заносятся личные впечатления – пользуются памятью – то она заносит на бумагу лишь то, чему автор был личным свидетелем – отсюда незначительная односторонность и неполнота материала, – неизбежная по личному характеру записок – но отсюда и их живость, как свидетельство очевидца. Документы же мои – дневники, подлинники, фотографии, в силу событий остались в Эривани, Тифлисе, а под руками у меня лишь немного привезенных неизданных источников. Отсюда неполнота и подчас неизбежные ошибки в датах и цифрах. Это те оговорки, которые впредь снимают с меня упреки в неполноте и может быть в неясности некоторых деталей. Но есть ещё и дополнительное замечание, когда пишуешь впечатление или воспоминания про давно прошедшие события, отошедшие в историю, автор говорит с полит<ической> свободой о людях, уже принадлежащих истории и подлежащих поэтому свободной оценке.

Вот те предварительные замечания, кои я позволил себе предпослать изложению того, что может быть названо «возникновением и развитием Республики Армении», фактически на Кавказе.

Теперь два слова о самой теме. Почему я ее выбрал? <...> Помимо тех причин, о которых я говорил выше, у меня было и следующее соображение: нельзя отрицать, – и это было бы грубой исторической ошибкой, – что до самых последних лет армянская политическая мысль трактовала армянский вопрос в связи с армянскими вилаетами в пределах бывшей Османской империи. Так понимался армянский вопрос в Европе на протяжении десятков лет. Во время и особенно после великой войны и Революции в России, – а в дни когда пишутся эти строки, с особенной силой, – центр тяжести политической стороны армянского вопроса фактически перенесся в границы русской, т.е. Кавказской Армении. <...>. Но нужно ли мне при этом подтверждать – что для меня, как для моих наилучших друзей, с 1917 года был и есть один вопрос – объединенной и независимой Армении, – день 28 мая 1918 г., когда мы провозгласили независимость Армении и день 28 мая 1919 года, когда мы провозгласили объединенную и независимую Армению, для меня были и останутся теми незыблемыми политическими краеугольными камнями – они не могут быть поколеблены происходящими как ураган событиями. Эти две даты будут путеводными звездами моих записок.

Париж, 27 янв<аря> 1925 г.

Ал. Хатисов

Глава I. Армяне на Кавказе до 1914 года

12 января 1900 года молодым врачом я приехал в Тифлис⁷, мой родной город, где родились мой дед, отец, мать. Мой дед – Гамбарян⁸ был тифлисским прокурором, отец – управляющим государственными имуществами, мать – армянская писательница⁹, дядя – профессор Университета в Москве, а другой дядя – управляющий государственным банком в Варшаве, мой брат инженер в Баку¹⁰. Казалось, что семья с такими связями должна была быть далека от нужд и забот Армении. Но на деле было все иначе. <...> мы родились в столице Грузии, в Тифлисе, учились в русских школах. Пример моей семьи очень показателен в том отношении, что он – один из тысячи примеров, показывающих, что в силу исторически сложившихся условий, Тифлис, столица Грузии, и Баку – столица Азербайджана, – собрали в себя сильную армянскую интеллигенцию, буржуазию, армянскую прессу, театр и также развитый и активный пролетариат. Исторически же Армения, – Эриванская губерния, часть Елизаветпольской, с Карабахом и Зангезуром, и Карская область, – лишалась материально сильных и психически и интеллектуально мощных сил. Молодежь, – родом из этих районов, – получала высшее образование в России и возвращалась в Баку, Тифлис, а не в Эри-

⁷ Квалификацию врача получил в Московском и Харьковском университетах.

⁸ Степан Павлович Гамбаров.

⁹ Мария Степановна Хатисова была известна в литературных кругах под именем «госпожи Марии», автор романов «Елена», «На новом пути», «Несчастливая женщина» и др.

¹⁰ Константин Хатисов – известный в Баку инженер и предприниматель.

вань или Карс. Вот почему все культурные начинания армян сосредотачивались в Тифлисе и отчасти в Баку. Сильные материально в крупных центрах Баку, Тифлисе и Батуме, основатели всех крупных <...> промыслов на Кавказе – шелкомотальной, хлопковой, рыбной, нефтяной, лесной, винной, плодовой, – владельцы банков и театров, – армянская буржуазия считала своим родным городом не Эривань и Александрополь¹¹, а Тифлис и Баку.

<...> Политически армяне были связаны с Россией казалось неразрывными связями и все свои политические мысли, и вождедения связывали с реформами в самой России. Знакомые с политическими кругами главных кавказских народов знают, что самая могучая армянская партия «дашнакцутюн» требовала федерации на Кавказе <...> главными <темами> этого периода армянской жизни были отобрание имущества армянской церкви во времена наместника на Кавказе кн. Голицына¹² в 1902–03 гг., террор против чиновничества, и возвращение этих имуществ; организация темными силами русской администрации армяно-татарской резни и спасительная роль армянской самообороны, кризис позиции «Дашнакцутюн»¹³ в Сенате и полная почти отчужденность русских и турецких армян. <...> Важными вопросами являлись реформы в Турции для турецких армян. Ими интересовались, но никакой связи между народами в Турции и вопросами, волновавшими русских армян, не было. Национальные реки текли, не сливаясь. <...>

В то же время рождалась мысль о том, что «нет Пиренеев»¹⁴, – т.е. что русские и турецкие армяне должны слиться в один национально-политический организм. Вот зарождение трех направлений – коммунистического, меньшевистского (которое впоследствии прошло невиданную эволюцию, превратившись в 1917 году в защитницу взглядов независимости Грузии, против чего они боролись ряд годов <...>) и национально-трудового без насильственной социализации. По должности городского головы г. Тифлиса я в течение 10 лет, – от 1907 г. по 1917 г. – был в непрерывных ежедневных сношениях с деятелями этих течений. Роль городского головы была совершенно исключительная: это был единственный человек, который имел постоянный легальный доступ к властям – Наместнику Кавказа, Министрам России, – и в то же время находившийся в курсе революционных настроений и даже действий кавказских революционных партий. До меня был городским головой грузин кн. Черкезов¹⁵, я был три года его помощником, и могу сказать, что эту исключительную роль посредника между

¹¹ Ныне Гюмри – второй по величине город Армении.

¹² Григорий Сергеевич Голицын – главноначальствующий на Кавказе и Командующий войсками Кавказского военного округа, один из инициаторов принятия закона 12 июня 1903 г. о конфискации имущества Армянской апостольской церкви.

¹³ Дашнакцутюн – старейшая армянская политическая партия, создана в Тифлисе в 1890 г. Организация была вызвана подъемом национально-освободительного движения в Западной Армении, поэтому главной целью было заявлено достижение политической и экономической свободы Турецкой Армении.

¹⁴ Высказывание «Что за радость! Пиренеев больше нет, мы теперь – одно!» приписывается французскому королю Людовику XIV в связи с подписанием испанским королем Карлом II завещания в пользу его внука Филиппа герцога Анжуйского.

¹⁵ Речь идет о князе Василии Николаевиче Черкезове.

властью и партиями он начал. Я ее продолжал непрерывно десять лет – до второй русской революции и отпадения Кавказа от России. <...> именно в этот период (1907–1918 гг.) партия «Дашнакцутюн» и партия «грузинских социал-демократов меньшевиков» безраздельно владели умами своих народов. Власть это знала. Знала и молчала, знало и население. <...>

Общерусская государственная власть старалась задавить развитие кавказских народов. Она искусственно его задерживала всеми мерами. Официальными пожеланиями кавказской интеллигенции были три пожелания: земские учреждения, высшие учебные заведения, суд присяжных. <...> Я лично десятки раз в качестве городского головы мотивировал эти пожелания перед Министром в 1914 году в речи перед Николаем II, русским царем, когда он приехал в Тифлис. Русские министры и русская государственная Дума отвергали эти скромные и элементарные требования. <...> Когда я ездил в Петербург и представлял министрам эти требования, – я получал словоблудливые ответы. По вопросу высшего учебного заведения Министр Кассо созвал совет товарищей министров. Я участвовал в заседании. Докладывал мнение Министра Внутренних дел по вопросу о высшем учебном заведении на Кавказе Директор департамента полиции Зуев. Он сказал: «Министр Внутренних Дел против открытия высшего учебного заведения на Кавказе, так как кавказская молодежь сплошь революционеры. Процент студентов кавказцев, замешанных в разных беспорядках в разных городах России – очень большой. Если же открыть университет в Тифлисе – все революционеры там соберутся, – это будет вечный вулкан». <...>

По вопросу о земских заведениях я докладывал лично председателю Сов<ета> Министров Столыпину. Он мне сказал: «Я против и буду против потому что из земских учреждений вы создадите себе национальную автономию. Довольно нам революционных земских деятелей в центре России». Я ушел от него и обратился за содействием к Председателю Государств. Думы г. Алекс<андру> Гучкову. Он мне сказал: «Мы не можем поддержать того, что вы хотите. Нам надо усилить на Кавказе русский элемент. Мы должны внести в проект земства пункт, по которому ½ всего служащего персонала будут русские, – вы этого не примете, а без этого мы не можем, а потому лучше вовсе не давать вам ничего, никакого земства». И не дали. По вопросу о суде присяжных Мин<истр> юстиции Щегловитов, потом казненный большевиками, – мне указал: «вам нельзя давать народных судей, ибо армянин-присяжный будет оправдывать армян, татарин – татарина, – вам нужен русский Коронный суд». И нам отказали. <...> Местная же высшая власть в лице Наместника Кавказского гр. Воронцова-Дашкова¹⁶ понимала, что народу надо дать удовлетворение. Он был в высокой степени умный, тонкий и хитрый государственный деятель. Я с ним встречался сотни раз, говорил долгими часами, должен в своих записках отвести его характеристике должное место, так как он сильно влиял на психологию армянского населения на Кавказе. Когда граф добивался удовлетворения этих желаний населения, – он влиял только лично на государя, так как Столыпин был его противником, – и политическим, и личным, так как знал его влияние при

¹⁶ Илларион Иванович Воронцов-Дашков, Наместник Кавказа в 1905–1916 гг.

дворе. Гр. Воронцов говорил мне несколько раз: «Я вижу в себе одну заслугу перед Кавказским народом, я им не дал ничего положительного, но я их защитил от многого отрицательного, я старался быть барьером между реакцией, идущей из России на Кавказ, и Кавказскими народами». <...>

Таким образом, буржуазия армянская крепла материально особенно в Грузии (Тифлис, Батум), в Баку, в Елизаветполе¹⁷ – раздражая этим грузинских националистов, земельных феодалов; интеллигенция водворялась в Тифлисе и Баку, делая конкуренцию врачам, инженерам иных национальностей; население армянское в Эриванской губернии оставалось в невежестве и без политического воспитания. Дефекты политического воспитания народа заполняли революционные партии, у армян «Дашнакцутюн», у грузин – меньшевики. Когда же буржуазии угрожали физические – они бросались за помощью, предлагая деньги на оружие. Когда становилось спокойно, они заявляли, что партию надо ослабить, так как боялись её влияния на рабочих. Мне неоднократно приходилось объяснять буржуазии нелогичность такого непостоянства. <...>

Число армян в Тифлисе доходило до 180000, – они были первыми по числу в Тифлисе, – и во всей Грузии их было до 450000, что составляло 25% всего населения в Грузии, в Баку их было до 60000, т.е. почти треть населения. Всего на Кавказе было армян до 1800000, экономические же связи из Баку тянулись через Ростов до Москвы, Нижнего Новгорода и Петербурга. Чиновников-армян было немного. Из последних крупных чиновников были генералы, служившие вне Кавказа – в Польше, Сибири, гражданские чиновники – в Петербурге, и один-два, из крупных в Тифлисе, из коих один был мой отец, который в последние годы жизни жаловался мне, что он морально себя плохо чувствовал, видя отношение русской власти к себе и к армянам. Но русский не имел ни злобы, ни ненависти к армянам, он был в общем индифферентен, скорее доброжелателен. Но грузины, имевшие великих дворян, светских княгинь, несомненно умели больше привлекать симпатии властей, нежели хмурые и замкнутые армяне. Прочие элементы умело кормили и покупали продажных чиновников. Так протекала жизнь на Кавказе.

Армяне политически жили идеями освобождения турецких армян. Там были их идеалы и, сталкиваясь с различными элементами армянского народа, я могу сказать, что активно жертвуя жизнью и здоровьем, карьерой и условиями жизни, лишь члены партии «Дашнакцутюн» эти идеи претворяли в жизнь. Эта идея вела за собой массы. <...> В таком положении 1914-ый год застал армян на Кавказе <...>.

Глава II. Первый период великой войны (авг. 1914 – март 1917 г.)

В июне 1914 я с женой выехал за границу, в Германию, пользуясь двухмесячным отпуском, как Тифлиский городской голова. <...> Еще не пришло время для передачи в печать всех впечатлений, связанных со свежим еще периодом войны, факты не потеряли своей остроты, участники событий живы, враги и друзья – еще в работе. Потому читатель поймет необходимую сдержанность в сообщении и освещении некоторых фактов и явлений. Война всколыхнула глубоко общественное настроение. Чисто рус-

---

¹⁷ Ныне Гянджа – второй по величине город Азербайджана.

ское течение увлекло многих армян совершенно искренне вовнутрь войны. Развивалось естественно то чувство, которое было свойственно армянам: если победят Россия, Англия и Франция, лучше будет жить русским гражданам, и потому и армянам, как гражданам России. Не было того «политического» настроения, какое наблюдалось в 1904–05 гг., когда во время русско-японской войны, многие русские жаждали поражения русских войск, считая это поражение поражением официальной, царской, бюрократической России, – за таким поражением должны были последовать реформы. <...> это важно и для понимания многого, происходящего сегодня в России, что уже три раза все крупные перемены – реформы, революции – следовали за военными неудачами. <...> Ждали реформ армяне и в области национальной жизни. Была и другая причина: мы говорили уже о том, что к началу войны в России было очень тоскливо. Атмосфера была тяжелая. Люди тосковали, скучали. Была эпоха реакции, разочарования. <...>

Прошла мобилизация, загорелись первые сражения на границах, пали бельгийские крепости, – и почувствовалось, что на Кавказе среди армян, – появились еще новые ожидания. Они были связаны с возможностью возникновения войны с Турцией, а отсюда рождались пламенные надежды на разрешение векового армянского вопроса в армянских вилайетах¹⁸. По случаю войны реформа 1913 года¹⁹ была отменена, предполагавшиеся комиссары уехали. Со стороны союзников раздалися очаровавшие всех благородные лозунги о «самоопределении малых народов». Армяне зажигались новым одушевлением: им мерещилась война с Турцией – жизненно необходимая для союзников, – а с ней связывалось освобождение турецких армян. Эти мысли пронеслись как электрический ток, по мозгам армянского народа. Я видел на своих глазах, – как мысль эта охватила все слои, все партии, все течения и оттенки мысли. Эту мысль никто не пропагандировал, и, если бывают самоорганизованные народные движения, – осенью 1914-го мы присутствовали при рождении одного из таких стихийных чисто народных движений. <...>

Когда мы почувствовали силу этого движения, когда надо было влить эти струи одного «вешнего потока» в правильное русло – собрался съезд русских армян, избрал «Национальное бюро» и поручил ему руководить делом волонтерских отрядов и стоять на страже политических требований армян. Я вошел в бюро в качестве члена, а затем сделался его председателем и вел все сношения с военными властями и штабом Кавказской армии. Были получены средства. Началась организация добровольческих дружин. Они должны были охранять армянское население в Турции и усилить Кавказский фронт, а также служить ядром милиции в Турецкой Армении. <...> Добровольцы стекались массами – ученики, крестьяне, свободные от повинности, выходцы из Турции, приезжие из Америки, Болгарии – ручьи сливались в могучий поток. Нужны были и популярные руководители, по большей части они, как революционеры и неблагонадежные, скрывались или находились за границей. Русская власть <...> всех снабдила паспорта-

¹⁸ Правильно: вилайёт – административная единица.

¹⁹ Имеется в виду реформа управления армянскими вилайетами в Турции.

ми, и они вскоре появились в Тифлисе. Мне помнится лично случай, когда жандармский полковник в Тифлисе усиленно искал случай познакомиться с одним очень отважным революционером, – чтобы просить его принять на себя очень серьезное поручение военно-революционного характера, – но армянский деятель отклонил от себя эту «честь».

Первые вожди, с которыми я встретился немедленно по приезде в Тифлис были Андраник²⁰ и Амазасп Срванцтян, расстрелянный в 1921 г. в Эривани большевиками. Амазасп, бежавший из ссылки, приехал в Тифлис. Я его знал с 1906 года, когда вместе с ним ездил в Елизаветополь в дни армяно-татарской резни. Он защищал тогда армянское население Елизаветополя. Видел я его в Сенате, во время кризиса, – и это была третья встреча. Я подъезжал к своей квартире и заметил, что кто-то боязливо подходит ко мне, сняв шляпу. Я не узнал его. Он тогда был еще нелегальным в Тифлисе. Он шепотом назвал себя. Я его позвал к себе; он зашел ко мне в квартиру. Волнующимся голосом он начал говорить, что война с Турцией неизбежна, что он ставит себя в распоряжение высшей власти и просит дать ему хоть опасное, но нужное для армии, поручение. <...> Потом он сделался начальником особой дружины, он вошел в часть ген<ерала> Баратова, от которого я устно и письменно (смотри Красную Книгу, составленную Гр. Чалхушьяном²¹) получал блестящие отзывы о военной доблести Амазаспа. Андраник, – как только он приехал в Тифлис, – жаждал видеть военные власти. Я его лично повел к ген<ералу> Мышлаевскому, помощнику Наместника по военной части, – война с Турцией еще не начиналась, и между ними происходила, над картой, беседа, – почти двухчасовая, после которой ген<ерал> Мышлаевский, бывший начальник Генерального штаба всей России, сказал мне: «Господин Андраник превосходно понимает положение фронта, оцупал жизненные пункты и знает прекрасно условия зимней кампании». Так завязались сношения. Армяне воспылали надеждами. <...> Наместник ответил: «Я всегда думал, что армяне отлично понимают роль России в их судьбе. Века жизни это доказали. Я покровительствую армянам не как их друг, а как верный России хороший русский чиновник. Мы нужны друг другу. Я думаю, что самое лучшее, что турецкие армяне получают после нашей победы – это Конституция <...> Я так и написал Царю». Затем я посетил начальника Штаба Кавказской Армии генерала Юденича, который считал участие армянских добровольцев Кавказской армии очень ценным <...>. Один за другим вступали в дело Дро, Вартан²², <...> студенты бросали школу, университеты <...>. Воодушевление шло из чисто-народных слоев. Жертвы давали эти слою. <...>

Другое течение, в котором я занимал, как тифлисский городской голова, центральное место – был нарождавшийся «Союз кавказских городов»,

---

²⁰ Андраник Торосович Озанян – генерал, политик, идеолог и один из лидеров армянского освободительного движения конца XIX – начала XX в.

²¹ Григор Хачатурович (Григорий Христофорович) Чалхушьян – юрист и общественный деятель. «Красная книга» посвящена уничтожению армян в Турецкой Армении, была издана впервые в 1919 г.

²² Драстамат Мартиросович Канаян – армянский политический и военный деятель, член партии Дашнакцутюн; Вартан – доброволец, командир дружины.

который в течение 1915–1916–1917 гг. играл такую громадную роль в деле помощи беженцам-армянам, ... Кавказской армии и помощи больным и раненым солдатам. Также армяне внесли в дело «Союза городов» массу энергии, труда и знаний, – позволю себе несколько слов об этом союзе. Как только война началась с Германией, в России создалось совершенно новое для России движение: городские и земские деятели, по приглашению Московского городского головы, съехались в Москве, образовали союзы городов и земств и предложили правительству свои усилия для лечения и помощи больным и раненым солдатам, предложение было принято. Независимо от этого съезда по приглашению в сентябре собрались представители 44 городов Кавказа (в том числе города армянские по населению – Эривань, Карс, Александрополь, грузинский Батум, Кутаис, Поти, со смешанным населением – Тифлис, Баку, города Северного Кавказа, горцев – Грозный, Майкоп, Владикавказ и проч.) и постановили создать союз Кавказских городов, избрали меня Главноуполномоченным этого союза и председателем Главного Комитета. Власть нам немедленно выдала милл<ион> р<ублей> <...> и мы немедленно принялись за работу. Вперед скажу, что мы за 3 года создали заново лазареты на 32 000 кроватей, создали 5 санитарных караванов, которые мы посылали вглубь Турции, – и на питание солдат и беженцев потратили за эти три года 120 милл<ионов> рублей <...>. Как Главный Комитет, так и почти две трети служащих этого союза были кавказцы. В конце 1914 года «Кавказский союз» вошел в состав Всероссийского союза и стал называться Кавказским отделом Всероссийского союза городов. За все время войны я был бессменно его председателем. <...>

Все словно ждали первого раската грома. Первые его звуки узнались так мною: в один октябрьский день рано утром, около 7-ми часов утра, ко мне в кабинет вбежал Яков Завриев²³, взволнованный – и сказал, что по городу идут слухи, что турки вчера бомбардировали города, лежащие по Черному морю – Феодосию, Новороссийск, – что слухи – глухие, их надо проверить во Дворце, в Штабе. Я немедленно протелефонировал в Штаб и «весьма» конфиденциально получил известие, что слух верен, – но что объявления войны еще нет. Надо призывать население к спокойствию. Весь день мой кабинет был полон народом. Наместник непрерывно носился с Петербургом. Войскам было приказано оставаться в казармах. В 12 ч. ночи меня пригласил к себе помощник Наместника по гражданской части Петерсон и передал мне карандашом написанную записку след<ующего> содержания: «Городскому голове Хатисову. Турки открыли против нас военные действия. Я приказал нашим войскам наступать по всем направлениям. Разверните вашу медицинскую деятельность. Граф Воронцов». Я вернулся в городской Дом и созвал по телефону своих сотрудников. Всю ночь мы обсуждали мероприятия по организации лазаретов в зданиях школ, гостиницах, обсуждали вопросы снабжения населения продуктами... С утра все занялись своей работой. Наши дружины шли с войсками. <...>

---

²³ Завриев Яков (Акоп) Христофорович – активный деятель партии Дашнакцутюн, участвовал в армянском добровольческом движении, заместитель назначенного правительством России комиссара районов Вана, Хнуса, Эрзрума, Трапезунда.

Через несколько дней Наместник вновь пригласил меня и сказал, что Государь Николай II едет в Тифлис и на Кавказский фронт. «Вот, сказал граф Воронцов, – отменный случай показать Русской центральной власти, что Кавказ не отстает от своих российских сограждан в деле организации тыла и помощи фронту и показать истинные чувства Кавказского населения. Я просил своих помощников генерала Мьшлаевского и гофмейстера Петерсона обсудить с Вами и предводителем дворянства вопросы, связанные с пребыванием Царя в Тифлисе». Вечером состоялось это совещание. Меня спросили могу ли я, как городской голова, сидящий близко к народу и знающий настроения революционных партий, сказать не опасно ли допускать к Государю близко народные массы и могу ли я в общем принять на себя ответственность за то, что организованные партии не устроят покушения на Царя? Чтобы характеризовать настроения, я должен сказать, что без особых колебаний, я заявил, что насколько я понимаю общественное настроение, – нет никаких оснований бояться покушения и лучше, если Царь будет среди народа. Так и сделали. В течение четырех дней, во время поездок по городу, – по самым окраинам, при осмотре больниц, – все было вполне благополучно. <...> Война создала особую психологию, и борьба с режимом не стояла на очереди ни у кого. Я сопровождал царя при его посещениях городских учреждений и давал разъяснения. Особенно врезалась мне в память картина того, как представил Царю армянского героя, революционного деятеля, начальника дружины Дро. За неделю до приезда Царя в Тифлис Дро был ранен около Баязета пулей в грудь. Его мы положили в первой комнате городской больницы имени Арамянца. Когда Царь осматривал больницу... я предупредил его, что в особой комнате лежит тяжело раненный дружинник Дро, и спросил желает ли Царь его видеть? Царь выразил согласие. Мы вошли втроем: Царь и начальник штаба ген. Юденич. Генерал дал блестящую характеристику Дро, как военного таланта. Царь наклонился к Дро и спросил: Где Вы получили военное воспитание? Дро ответил: В революционной работе, Ваше Величество! Царь смутился. Но Дро видно заметил, что Царь в смущении, добавил: «Наша работа касалась Турции». Царь успокоился и прикрепил к рубашке Дро георгиевский крест.

<...> В декабре под предводительством Энвера-паши три турецких корпуса перешли границу, захватили Ардаган, сделали обход и в Саракамыше собрались захватить в плен целую русскую армию. Грозила страшная катастрофа. <...> Графа Воронцова, однако, его чиновники использовали. Они дали ему подписать приказ об эвакуации Тифлиса и, по русским законам, выдали всем жалованье за 2 мес<яца> для выезда из Тифлиса: это было выполнено в течение двух часов, что дало казне убыток в милл<ион> рублей золотом. Потом никто не выехал и денег никто не вернул: так в России тогда смотрели на казенные деньги. Наместника пугали и советовали выехать. Он ночью послал своего сына в разведку. Тот выехал, приехал, успокоил отца, и граф не двинулся с места. После разгрома турок началась эпидемия сыпного тифа, которую турки принесли с собой. Турок и курдов сажали в вагоны, накладывали печати на вагоны и привозили в Тифлис, – и при мне открывали вагоны, и я лично видел, как из вагонов, где было набито 50 пленных, вынимали по 10–12 трупов. Весть об этом распространилась среди мусульман Тифлиса, они стали волноваться, – и чтобы их успокоить,

вагоны провозились мимо Тифлиса по направлению в Сибирь. Вообще по отношению к мусульманам в тот период принимались в Карской области суровые меры, так как выяснилось, что к приходу турок мусульмане радостно готовились. Татары таили в себе злобу против армян, коих считали заодно с русскими. Жена графа Воронцова, демонстративно принимала еп-<ископа> Месропа, и была холодна с князем Абхазии, на что он мне неоднократно, как коллеге, жаловался, а представителю татар г. Ассадулаеву, раз при мне не подала руки. То, что случилось в 1915 году, в 1917–1918 г. дало свои ростки и плоды в виде армяно-татарских войн и столкновений. <...>

Из писем Царицы Александры Федоровны <...> видно, как подготовилось лишение Великого Князя Николая Николаевича звания Верховного Главнокомандующего, увольнение Воронцова от должности Наместника и принятие Царем на себя должности Верховного Вождя Армии. Царь боялся влияния Николая Николаевича, его натравил Распутин против Николая и вот Царь решил удалить Николая. Но куда? И как? И вот решили сделать его Наместником Кавказа. Надо было удалить гр. Воронцова. И вот как это случилось: в сентябре 1915-го года помощник Наместника г. Петерсон сообщил мне, что граф желает меня видеть. Он был болен, жил на даче в Боржоме. Я поехал туда. Вижу графа, одного, в комнате перед кучей исписанной бумаги. Здоровье его было слабо. Он был болен, кашлял. Графиня мне сказала, что он писал целую ночь. Граф поздоровался со мной и сказал: «Десять лет я знаю Вас. Десять лет Вы откровенно высказывали мне желания народа, и делал то что мог. Я ухожу с поста Наместника. Я любил Кавказ и доверял населению. Я хочу, чтобы через Вас узнали впоследствии, как это и почему случилось. Я Вам прочту письмо от Царя, которое мне привез генерал Нахичеванский!». Наместник прочел письмо, в котором Царь ему писал, что «высший интерес России требует, чтобы он взял на себя высшее командование армией. Но надо сделать так, чтобы вышло ловко и необходимо. Это сможет сделать лишь один Воронцов. Вы, писал Царь, служили моему деду, моему отцу. Послужите России и мне. Освободите место Наместника, я это место дам Николаю Николаевичу». Граф прочел мне письмо и сказал: «Я ответил Царю. Я Вам прочту ответ». Ответ был глубоко продуманный и сильный. Граф Воронцов писал Царю, что он исполняет желание Царя, но <...> что Царя ведут к гибели его, его династии и России. Воронцов писал, что России нужна свобода, что народ вырос из-под опеки, и что не Распутин и администрация поможет Царю, а общество и народ. Царя Воронцов умолял дать доверие народу и истинную Конституцию. Воронцов прочел письмо и сказал: «Когда настанет момент, Вы можете опубликовать все, что Вы сегодня слышали. Я уйду, но скажу Николаю Николаевичу, чтобы он Вам безусловно верил». <...> Граф Воронцов уехал. Грузины демонстративно его игнорировали. Татары проводили холодно. Графа сменил новый Наместник Николай Николаевич. Сменился помощник по военной части – появился ген-ерал> Янушевич <...>

...это было лето 1916-го года, – остро стоял вопрос об армянах-беженцах. Постоянные отступления и наступления русских войск заставляли некоторых жителей Вана, Алашкерта десятками тысяч уходить из Турции и вновь идти туда. Стояла летняя жара. Я поехал в Эривань. Начался

тиф. Умирала сотнями. Некому было хоронить. Я приехал в Эчмиадзин. Я не забуду в жизни того, что я там видел. В роще, около монастыря, около пруда было сосредоточено до 15000 беженцев: все почти больные, голые, – они валялись в своих испражнениях. Умирала, стонали. Среди врачей был будущий премьер Армении Амо Оганджян... За полтора месяца умерло 8000 человек от дизентерии и холеры. А рядом спокойный величавый Ара-рат словно думал свою думу. Так волна за волной приливались беженцы из Турции. Каждое отступление влекло за собой десятки тысяч народа. К Русской границе, – еще не было термина – в Русской Армении – шли и шли. Мы уже знали об ужасах резни. В Европе шла ожесточенная война. На Кавказе набралось до 350000 беженцев – армян из Турции. <...>

Меня пригласили на совещание к генералу Янушевичу, где присутствовало 8 генералов и они докладывали, что армяне-солдаты дезертируют, что они симулируют, что они нарочно простреливают себе ладонь. Были случаи смертной казни за дезертирство. Настроение росло против дружин. Их подчинили общему командованию <...> Новых формирований не разрешили. Взяли у них ружья новых образцов и стали давать старые берданки. <...> Появились идеи о «фратском казачестве», т.е. о переселении 6000 казачьих семей с Северного Кавказа в Армению. Армяне возмущались. Ведь все жертвы, потоки крови, все ужасы делались во имя Армении – Турецкой Армении, – а ее не только не дают коренному населению, хотят предать казакам. Вспомним об «Армении без армян» кн^{язя} Лобанова Ростовского. <...> В данной обстановке вновь в Москве был созван съезд городских деятелей. Это было начало декабря 1916 года. Я поехал на съезд. Съезды шли за съездами. <...> Но как только Председатель начал речь, вышла полиция и солдаты; съезд закрыли и разогнали. Это было 3 часа дня.

Меня попросили в 11 часов вечера приехать на квартиру князя Львова, председателя всероссийского союза земств. Меня пригласили, как представителя городов Кавказа. Я приехал. У князя Львова собрались: московский город^{ской} голова и предс^{тавитель} всероссийского союза городов Михаил Челноков; бывший министр торговли Федоров, помощник Челнокова – Кишкин и будущий московский городской голова Астров. Обсуждали положение дел. Совещание длилось почти всю ночь. Кн^{язь} Львов сообщил, что на фронте – ужас. Армия погибает, что она накануне краха, голода и без снарядов. Многие части требуют увольнения Царя. Присылают гонцов. Были названы части. При Дворе – недовольство. 16 великих князей требуют увольнения Распутина. Они подали Царю записку. В Думе требуют увольнения министров. Все чувствуют необходимость смены формы правления, корня всех зол, «ответственное правительство» – вот спасение. К утру и за день все члены съезда дали свое согласие на назначение кн^{язя} Львова председателем Совета Министров, если будет создано ответственное Министерство. Потом организовать дворцовый переворот. Мне было поручено узнать личное отношение Великого Князя Николая Николаевича к этому перевороту и согласен ли он принять Корону Царя, – если совершится переворот. Еще не настало время для полного рассказа об этих разговорах [подчеркнуто красным], но скажу лишь, что Великий Князь воздержался от дачи согласия действовать активно. <...>

27-го февраля я сидел в своем кабинете, в Тифлиском городском управлении. Вдруг телефонный звонок. Беру трубку и слышу: «Говорит Великий князь. Прошу Вас немедленно приехать во Дворец». Еду. Меня немедленно проводят к Великому Князю. Он запер дверь и сказал: «В Петербурге революция. Мне сообщили сейчас по прямому проводу. Я всегда стоял за необходимость перемен. Прошу Вас иметь это ввиду. Прошу Вас объехать Кавказ». Скажу коротко, что Революция снесла монархию и надежды, что либеральный Великий Князь сможет создать конституционную монархию, не оправдались. Великий Князь просил меня привезти к нему представителей Революционных партий для беседы. Я привез четырех главных революционных деятелей. Произошел разговор, из которого было ясно, что Великий Князь хочет влить течения в законные рамки. Удивительное дело! Ровно 12 лет назад, когда в 1905-м году, в дни первой Революции, власть зашаталась, – по просьбе Наместника гр<афа> Воронцова я привез к нему двух видных деятелей Революции. Одного г. Р. – грузина-меньшевика, другого – дашнакцакана г. С., и Наместник выдал им 500 ружей для защиты населения города от зверств татар, при этом просил, чтобы революционные партии охраняли его дворец. Видно история повторяется. После падения монархии и отъезда Великого Князя создалась временная власть на Кавказе – триумвират: Жордания – Хатисян – Попов. <...> Жордания-меньшевик²⁴ – от демократии, Хатисян – от городского населения, Попов – офицер от армии. Мы приняли власть, упавшую в руки Наместника. Но судьба моя могла случиться иначе: за две недели до революции помощник Наместника пригласил меня и сказал, что Царь видимо узнал о заседании у кн<язя> Львова и до слуха Велик<ого> Князя дошло, что его предполагают перевести Наместником на Дальний Восток, во Владивосток, а меня городского голову, выслать из Кавказа. Пока шли приготовления к этим распоряжениям – вспыхнула Революция. До революции приезжал на Кавказ, – за два-три месяца Гучков – будущий военный министр, Керенский – будущий диктатор России, – все они в беседах со мной упорствовали на величайшей важности Кавказа, как базы снабжения России топливом и здоровым духом сопротивления врагу. Так закатилась Монархия. <...>

Глава III. Временное правительство и Армения (март–ноябрь 1917)

Весной 1917 года приехали в Тифлис назначенные от Временного Правительства члены «Особого Закавказского комитета» или как его называют «Озаком». Он бы встречен восторженно. Председателем был кадет, член Думы В.А. Харламов. Членами были армянин М.И. Пападжанян²⁵, грузин – А.И. Чхенкели²⁶ и татарин – Джафаров²⁷. Уже в этом составе

---

²⁴ Ной Николаевич Жордания – председатель Правительства Грузинской Демократической Республики (1918–1921).

²⁵ Михаил Иванович Пападжанов (Микаэл Ованесович Пападжанян) – член партии «Дашнакцутюн», кадет, депутат четвертой Государственной Думы.

²⁶ Акакий Иванович Чхенкели – юрист, меньшевик, депутат четвертой Государственной Думы, председатель правительства Закавказской Федеративной Демократической Республики; с 26 мая (8 июня) 1918 года и до ноября 1918 года – министр иностранных дел Грузинской Демократической Республики.

впервые проявился национальный признак: это распределение уже словно предугадало существование на Кавказе различных национальных интересов. Власть сама дала канву для вышивания национальных узоров. <...>

После мартовской революции картина стала изменяться в смысле ином: и в области «союза городов» стали проявляться национальные стремления. До марта 1917 была правительственная, чисто русско-националистическая агитация, но внутри союза было все прочно и тихо: шла работа в одном направлении. Но и здесь появился национальный, даже больше того! – националистический дух; таким образом зародились тенденции в районах Батума усилить грузинский элемент служащих, в районах Баку – татарский. За некоторые районы начался спор, – это именно в направлении Карса – Ардагана – Ольты: спорили армяне, грузины и татары за влияние. <...> Начался внутренний глубокий разлад при внешнем сдержанном благополучии, особенно в отношении администрации: Вана, Эрзерума и Муша. Татары стали добиваться своего участия: Султанов, Векилов, Хан Хойский²⁸ стали произносить вызывающие речи во дворце и мало-помалу Дворец стал очагом интриг. Хотя после революции усиленно очищали ряды оставшихся чиновников и военных от вредных интриганов и революционеров, но многие остались на месте и разжигали рознь, думая этим ослабить революционные ряды, силу демократии и единство кавказских народов. Роль этой части русской администрации всегда была сильно и глубоко отрицательна на Кавказе. Часто они даже играли двуличную роль. То заигрывали с нами, то с грузинами, то с татарами. <...> Эти народы получили свободу без всякого предварительного взаимного разговора, возбужденные властями. Не договорились между собой, и часто с противоположными интересами и всегда противоположными идеями о способах достижения своих идеалов, – одни мечтали о помощи немцев, другие – турок, третьи – allies [Антанта], четвертые – России всякого режима. В этом хаосе мыслей, настроений, симпатий надо искать главную причину всех постигших Кавказ несчастий за последние годы. <...> Вот с такой психологией масс начал летом работать Кавказский Особый Комитет. Он не смог спаять Кавказских народов. Армяне шли в кабинет Пападжаняна, грузины – Чхенкели, татары – к Джафарову и главному председателю Харламову все были чужды. Я помню, как Харламов говорил мне: «Что мне делать? Я не могу ни по одному вопросу согласовать мой Комитет. Все тянут в разные стороны. За каждым стоит особый народ с особыми требованиями». <...>

В городском самоуправлении Кавказа шла работа по подготовке выборов в Городские Думы: впервые применен принцип всеобщего тайного и прямого голосования. Но все это было лишь по виду. Народ разделился на

---

²⁷ Мамед-Юсиф Гаджибаба оглы Джафаров – депутат четвёртой Государственной Думы, член партии «Мусават» один из основателей Азербайджанской Демократической Республики.

²⁸ Фатали Хан Искендер оглы Хойский – российский юрист и азербайджанский политический деятель, депутат Государственной думы; комиссар народного просвещения при Закавказском комиссариате, министр юстиции Закавказской Демократической Федеративной Республики, член правительства Азербайджанской Демократической Республики.

сторонников партий, от партий или хотя бы под партийными знамёнами, но партии были одновременно национальными: меньшевики – грузинами, дашнакцаканы – армяне, мусаватисты²⁹ – татары. Выборами в Тифлисе руководил я. Большинство получили меньшевики-грузины, русские и армяне. Это большинство выдвинуло на должность городского головы Элиаву. Я оставил должность Тифлиского Городского Головы. Но почти немедленно я был избран в августе 1917 года Городским головой гор<ода> Александрополя. Эти выборы были многозначительны для армян. Тифлисский городской голова переезжает в Александрополь – город с 40000 населения после Тифлиса с его 400000 населения. <...> И действительно спустя шесть месяцев Александропольский городской голова сделался министром иностранных дел независимой Армянской Республики.

Я переехал в Александрополь в начале сентября 1917 года после семнадцатилетней работы в Тифлисе, – мне к этому времени было 43 года, – я уже имел конечно массу прочных связей с грузинами, с Грузией, что в дальнейшем мне очень облегчило иметь с ними дело, как с представителями соседнего государства. В Тифлисе я сохранил квартиру и часто ездил в Тифлис. <...> В Армении в Александрополе впервые наметились партии, которым суждено было сыграть крупную роль в истории Армении. Одновременно в сентябре в Тифлисе собрали Всероссийский съезд армян. На нем обсуждали положение, избрали Национальный Совет под председательством Аветиса Агароняна будущего председателя делегации Респ<ублики> Армении в Париже. Съезд выразил доверие правительству Керенского. Одновременно я был избран в гласные Тифлисской Городской Думы и сохранил место в Союзе городов. Но уже с осени 1917 года национальный момент сильно прорвался. В Эривани городским головой был Хачатурян, будущий член армянского Парламента. Я считаю, что именно в осень 1917 года, хотя не было произнесено слов об Армении, о республике, – но уже в воздухе начали носиться новые понятия и новые идеи, – заговорили впервые о реальной возможности иметь национальную территорию. <...>

Я в это время получил телеграмму выехать в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандующего Российской Армии, чтобы иметь совещание по поводу «Союза городов» на Кавказе, а также на съезд в Москву и в Петербург. Я выехал из Александрополя в начале октября и приехал в Москву. Съезд «Союза городов» носил новый характер. Вместо старых деятелей, которых я знал в 1916 году, я увидел новых лиц, – избранных всеобщим голосованием. Царила партия социалистов-революционеров. Их было большинство. Попадались отдельные большевики, во главе с ними известный большевик – городской голова г. Царицына Минин. Они были очень заносчивы, над ними смеялись. Вообще с осени 1917-го года можно было видеть большевиков повсюду. Они энергично стояли у дела своей пропаганды и верили своему делу. Я помню, что когда я выехал из Тифлиса во Владикавказ на автомобиле, со мной ехал Орахилашвили³⁰, большевик,

---

²⁹ Мусават – азербайджанская националистическая партия, создана в 1911 г. под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават».

³⁰ Иван (Мамия, Мамиа) Дмитриевич Орахелашвили – грузинский большевик и советский партийный деятель.

сегодняшний председатель Грузинского правительства. Он верил, что месяцы отделяют большевиков от власти. <...> Но больше всех я помню Степана Шаумяна, известного большевика и отличного человека. Он верил своим идеалам, он жил для них. Еще в 1905 году он, я и Ерзикаян³¹, нынешний Министр землевладения в Армении и Спандарян³², умерший после ссылки – неоднократно бывали в составе третейских судов, и я помню, что у Шаумяна справедливость была единственным мерилom оценки фактам. Шаумян был убит в 1918 году. Я вспоминаю еще ряд лиц из того лагеря, – они были уже фанатики, – вроде Атабекова³³, служившего в Союзе городов в Эчмиадзине, впоследствии знаменитого участием в организации массового террора в Астрахани, Кисловодске и ныне Министра почт и телеграфов в Закавказской федерации. Были и мелкого ранга большевики, – но они отличались фанатизмом. Я помню, как Филипп Махарадзе, – потом Председатель Грузинского правительства, состоял секретарем исполнительного комитета весной 1917 года, где я был председателем и для всех проступков самого мелкого характера, у него было одно наказание – повесить. Пока они не были у власти, – они твердо и неуклонно стояли на своих позициях: средства оправдывали цель, – таков был их лозунг. <...>

Я видел несколько раз в жизни Керенского: я видел его в Сенате на суде, когда он защищал дашнакцанов, видел у себя дома, когда он приехал на Кавказ, видел в разных ролях, видел и всегда считал, что не этот темперамент ведет государство. Но Россия той эпохи любила речи. В Советах же рабочих депутатов выносили резолюции. Речи и резолюции вот что чувствовалось в воздухе: воздух был ими наполнен. Народ же хотел мира, хлеба и земли. Нарастал конфликт между властью и народом. Большевики били метко и прямо в цель. Власть с ними не боролась. Керенский думал их победить патриотическими речами: он избегал крутых мер.

Я поехал из Москвы в Ставку Верховного Главнокомандования. Генерал Духонин пригласил нас на совещание. Но мне в Ставке все показалось странным: уже не было у военных дисциплины. Генерал – командир всей армии России – говорил неуверенно и глухо. Через три дня ждали приезда в Ставку Керенского. Но он не приехал. Мы выработали дальнейший план работы Союза городов. <...> Через день я уехал в Петербург.

Странное дело! Я приехал в Петербург 22 октября. На улицах все было нормально. Огромный город жил обыкновенной жизнью. Я повидал своего друга, члена Русского парламента Аджемова³⁴, Якова Завриева – славного нашего жертвенного товарища. Министерства занимались очередными делами. 23-е и 24-е октября я провел в хождениях по Министер-

---

³¹ Арамаис Артемьевич Ерзикаян – член РСДРП, в 1917–1918 гг. – член Закавказского правительства (министр труда) и сейма. В 1921 г. вошел в состав первого правительства Советской Армении в качестве народного комиссара земледелия.

³² Сурен Спандарович Спандарян – революционер, член РСДРП (большевик).

³³ Георгий Александрович Атарбеков – участник установления советской власти на Северном Кавказе, один из руководителей органов госбезопасности.

³⁴ Моисей Сергеевич Аджемов – кадет, депутат Государственной Думы, после февраля 1917 года комиссар Временного правительства в Министерстве юстиции, после октября 1917 года эмигрировал во Францию.

ствам по делам города Александрополя и даже взял билет по железной дороге на 27 октября утром, в 10 часов дня я проходил по главной улице столицы, по Невскому проспекту, и меня удивили какие-то странные люди: в штатском платье, но с ружьями. И их словно никто не останавливал. <...> В 12 ч. дня я дошел до здания где заседал т. наз. Государственный Предпарламент, учреждение, заменявшее собой Парламент и Учредительное собрание, к которому Россия готовилась. Я зашел в Предпарламент и стал слушать речи. <...> Слышу слова Керенского: «Огнем и мечом я подавлю мятежников. Свободная Россия не потерпит насилия и свержения законной власти». Раздавались рукоплескания. Речи представителей фракций обещали правительству поддержку. После речей объявили перерыв. <...> Заседание возобновилось, но не прошло нескольких минут, как в залу вошло несколько матросов с ружьями и предложили всем разойтись. Послышались возгласы и протесты, – но в общем все разошлись. <...>

Я вновь пришел к Аджемову, ему рассказал о виденном. У него сидел его племянник Ляля Аджемов, юноша 17-ти лет, ярый большевик, который в 1921 году был убит в Эривани во время восстания против большевиков, и он нам сказал, что сегодня большевики возьмут власть и вновь побежал в здание Смольного института, где заседал Совет большевиков во главе с Лениным и Троцким. <...> Вдруг раздался телефонный звонок, оказывается генерал Багратуни, занимавший в то время пост командующего войсками Петербургского округа, находился в здании Зимнего дворца. Видел, что ко Дворцу подъезжают автомобили, чувствовал свою ответственность, – и захотел посоветоваться со мной и Яковом Завриевым, – и просил нас немедленно прийти во Дворец. Я и Завриев пришли к нему. В кабинете я застал и генерала Багратуни, и его начальника штаба. Из окон я вижу, что войска начинают окружать дворец. Генерал объяснил нам, что все 40000 войск Петербурга или на стороне большевиков или держат нейтралитет. На стороне правительства всего юнкера и женский батальон в 800 чел. Что ему делать? Керенский уехал за свежими войсками на фронт. Мы, посоветовавшись, решили сказать генералу, что положение защиты Дворца безнадежно и что мы, свидетели положения, видим, что командующий бессилен. Мы вышли из Дворца, уже окружение было полное. Меня и Завриева пропустили. Генерала Багратуни арестовали, а генер<ала> кн<язя> Туманова³⁵ – помощника военного Министра солдаты схватили, он стал защищаться, – его убили и бросили труп в канал Мойку. Я вернулся домой. Проходя мимо реки, я видел как с крейсера «Аврора» стреляли во Дворец, – шла атака Дворца, в котором заседали Министры. <...>

Свершилась большевистская революция – завершение мартовской революции. Была установлена власть коммунистов. На другой день город имел немного пустынный вид. Через день я уехал с поездом на Кавказ. Но уже в Москве на вокзале я слышал оружейные выстрелы. Там шла уличная война. Было много пожаров. Уезжая из Петербурга, я лично видел, как власть переходила из рук в руки. Она просто выпала из рук Керенского, как выпала в марте от царя к кн<язю> Львову. Революция видимо находи-

³⁵ Князь Георгий Николаевич Туманов (Туманишвили).

ла лозунги наиболее приятные и доступные массам. Старую власть никто не брался защищать кровью и жизнью.

В последний день октября, я приехал в Тифлис. Приехал и Завриев. В Тифлисе власть не переходила к большевикам и с их стороны серьезных попыток не было к её захвату. <...>

В Тифлисе я застал следующее положение: большевистская революция не затронула Кавказа. Она остановилась за хребтом, где начиналась впоследствии гражданская война Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля. На Кавказе же остались власти Особого Кавказского Комитета во главе с Харламовым. Но их положение, – учреждения назначенного от павшего Временного Правительства, уже поколебалось. Власть требовала нового источника. И вот этим источником явились на этот раз национальные учреждения, – при общей угрозе на время смолкли национальные течения и разделения, – и Советы рабочих и солдатских депутатов, и политические партии. Они создали новые учреждения – Закавказский Комиссариат, созданный по принципу партийного представительства, но однако в него вошли поровну армяне, грузины, татары и отчасти получилось представительство партийно-национальное. Закавказский комитет власть уступил и ушел, – но во имя единой России. Кавказ заявил себя частью России, – но не признающей власти Российской, а именно большевиков. Началась новая эра в жизни фактически, но не юридически независимого Кавказа. А на фронте Кавказской армии начался полный развал, – войска бросали позиции и уходили домой, в Россию. Фронт был обнажен.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп.1. Д.524 [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R5881. Op.1. D.524]

Архив русской революции. Репринт. Т. 1–22. М: Terra, 1991–1993. [Arhiv ruskoj revoljucii. Reprint. T. 1–22. M: Terra, 1991–1993]

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета; karina-best21@mail.ru

A.I. Khatisov. “The Russian Revolution and the creation of the Republic of Armenia in the Caucasus region, 1917–1918”

A publication of a fragment from the memoirs by Alexandr Ivanovich Khatisov (1874–1945), a member of the government of the independent Armenian Republic, who lived in exile in France from 1920. He prepared the manuscript in 1924 for the “Archive of the Russian Revolution” published by I.V. Gesen in Berlin, but it was not included into this collection.

Keywords: Great war, Russian Revolution, the Caucasus in 1917, history of Armenia, A.I. Khatisov, historical events and personal experience, memoirs

Karine Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University; karina-best21@mail.ru

Т. А. Бульгина, М. Е. Колесникова

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ О НОВОМ УЧЕБНИКЕ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Рец. на книгу: Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

Ключевые слова: источниковедение, историография, методология истории.

Базовой категорией в профессиональном историческом образовании является история исторической науки, которая органично включает в себя классические понятия «историография», «источниковедение», «методология истории», «теория истории». Именно такой подход демонстрируют авторы рецензируемого учебного пособия по источниковедению. Об этом свидетельствуют Введение и Преамбула, которой открывается первая глава «История источниковедения». Авторы подчеркнули, что источниковедческая проблематика выделяется ими из трудов ученых по методологии истории, тем самым утверждая единство всех составляющих истории исторической науки.

Структура учебника основана на основных функциях источниковедения как дисциплины исторической науки, как метода исторического познания и как инструмента исторического исследования. Таким образом, уже в структуре постулируется многоликость облика источниковедения в контексте теоретико-методологических парадигм, в образовании и в практике исторического исследования. Авторы используют сюжет по истории источниковедения, чтобы вписать эту дисциплину в общий ход развития существующих моделей науки. Разделы пособия структурируются именно в соответствии с этими этапами формирования моделей науки, т.е. по проблемному, а не строго хронологическому принципу. Такая новизна структуры отражает теоретическую позицию авторов в отношении актуального знания.

Необходимость определиться с подходами к анализу источников в качестве элементов метода исторического исследования привела к осмыслению источниковедения как научной дисциплины. Эта мысль, по мнению авторов, и определяет место источниковедения в современном научном знании. В соответствии с позиционированием источниковедения как строгой науки первая часть учебного пособия, исходя из дидактической традиции, освещает историю становления и функционирования источниковедения. Привлекательно то, что этот историче-

ский обзор предлагается авторами в контексте философии науки, Это помогает выявить как эволюционные процессы в теории источниковедения, так и параллельное наличие в современной исторической науке основных источниковедческих парадигм.

Авторы пособия ни в коем случае не игнорируют практическую значимость источниковедения, его методико-инструментальную сторону. Другое дело, что они не ограничиваются этими характеристиками. Связь теории, истории и практики источниковедения парадигмальные истоки тех или иных исследовательских инструментов и методов анализа источников, что, в свою очередь, позволяет потребителям данного интеллектуального продукта сознательно использовать те или иные приемы изучения источников. При этом формулируются различные цели получения ожидаемой исторической информации: то ли это получение достоверных фактов с помощью определенных методик по критике источника, то ли это примеры для подтверждения уже известной модели прошлого, то ли добывание «кирпичиков» для конструирования единого прошлого.

Как для педагогов, для нас особенно привлекателен призыв авторов к студентам расширять образование не только за счет присвоения нового знания, но, прежде всего, за счет развития собственной личности, изменения собственного сознания. Только тогда возможно полноценное понимание предлагаемого учебного материала.

Следуя традиции учебного пособия, вышедшего в издательстве РГГУ в 1998 г.¹, авторы рецензируемого издания предлагают новые идеи и более стройную структуру. Это и обоснование новых науковедческих подходов с позиций классической, неклассической и постнеклассической моделей науки, это и более четкое и аргументированное выделение двух типов представлений об историческом источнике в море множества вариантов его определений. Прослеживается также связь этих двух подходов к природе источника с формированием целей исследователя, опирающегося на разные методики анализа источника, или, как пишут авторы, на разные способы исторического познания².

Более последовательно и убедительно в разделе «Теория источниковедения» раскрываются основные подходы к классификации исторических источников вообще и письменных источников, на сегодняшний день как основной базы исторических исследований, в частности. Авторы не претендуют на истину в последней инстанции, но открыто демонстрируют дискуссионность основных теоретических проблем ис-

---

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод... 1998.

² Источниковедение: учеб. пособие /И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. Ред М.Ф. Румянцева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. С. 98.

точниковедения, не скрывая, что в современной научной ситуации присутствуют различные точки зрения. В то же время в учебном пособии последовательно проводится идея источниковедческого метода на основе научных аргументов.

На основе сюжетов об истории и теории источниковедения авторы раскрывают существо понятия «эмпирическая реальность исторического мира» с целью, во-первых, показать материальную природу источника, во-вторых, раскрыть коммуникативность как одну из природных черт источника, в-третьих, выявить интегративный характер источника как основы междисциплинарности.

Структура пособия соответствует задачам, поставленным во Введении и Преамбуле. Наряду с историей эволюции источниковедения от истоков до складывания научной дисциплины, предлагается строго структурированный раздел по теории источниковедения. На примере эволюции источников Российской истории раскрывается такая функциональная характеристика источниковедения как метод исторического познания. Наконец, третий раздел на примере основных этапов исторического исследования и формирования исторической базы этого исследования демонстрирует возможности источниковедения как инструмента исследовательской практики историка.

Надо отметить новые весьма важные для будущих историков, но еще недостаточно разработанные направления источниковедения. Речь идет об источниковедении историографии. Этому направлению вполне обоснованно посвящены главы в разделах «Источниковедение как метод исторического познания» и «Источниковедение как инструмент исторического исследования». Авторы определяют предметное поле этого нового направления в источниковедении и пути его формирования, а также характеризуют основные виды историографических источников в контексте научной и социально ориентированной истории. В учебном пособии также предлагается структура анализа историографического источника с применением ряда исследовательских операций, опирающихся на разбор эмпирического материала.

Представляется обоснованным изложение археографической практики работы с историческим источником. Будущий историк, с одной стороны, должен быть готов не только к работе с источником как базой своего исследования, но и к работе над публикацией источников. С другой стороны, при изучении источников, историк сталкивается как с рукописными, так и с опубликованными источниками, анализ которых требует разных методик работы. Поэтому логичным является вопрос о проживании в своей социальной среде будущих рукописных и печатных источников. Авторы связывали особенности функционирования этих источников с политическими, экономическими и социокультурными условиями того времени. Такой подход помогает лучше по-

нять источник и его авторов, что, в свою очередь, расширяет возможности получения информации.

С возникновением источниковедения как самостоятельной отрасли исторической науки росла потребность в тщательной археографической обработке источников, в связи с чем в учебном пособии дается краткий обзор археографических приемов, влияние на них социально-политических, научных и потребительских обстоятельств. При этом на примерах конкретных исследователей и специальных документов для читателя раскрываются современные тенденции и подходы в деле публикации источников. Особо надо отметить позицию авторов в отношении публикации исторических источников в Интернете.

В то же время, хотелось бы обратить внимание на то, что для создателей учебника остается еще немало учебно-исследовательское поле для совершенствования работы. Прежде всего, несмотря на то, что с XIX в. историки так или иначе толковали значение фольклора как исторического источника, эта тема не нашла своего отражения. Вместе с тем, обращение к этому источниковедческому сюжету могло бы обогатить авторскую идею о методе источниковедения. Кроме того, на примере анализа фольклорных источников можно было бы расширить представления об источниковедении как инструменте исторического познания и раскрыть информационные возможности этих источников не столько в разработке культурной и бытовой истории, сколько в области интеллектуальной истории в контексте истории и эволюции массового сознания. Наконец, именно практика анализа фольклора как источника наглядно демонстрирует междисциплинарные связи истории, филологии, литературоведения, культурологии, фольклористики, этнографии. В связи с этим пожеланием хотелось бы отметить и перспективность разработки устных источников в теоретическом аспекте, объясняя их природу, особенности формирования и социального применения, историю их формирования, а также различные взгляды на существо устных источников, показать исследовательские практики выявления, формирования и изучения устных источников.

В Заключении учебника отмечается успешное научное освоение визуальных источников. Надеемся, что в его следующем издании этот успешный исследовательский опыт найдет свое продолжение в обобщении представлений не только о визуальных, но и аудио-источниках, а также о вещественных источниках. На наш взгляд, главной точкой соприкосновения и пересечения этих неписанных источников может стать работа над их видовой классификацией. Что касается вещественных источников то для выработки метода и методики работы с ними можно обратиться как к теоретическим, так и к практическим разработкам музееведения. Несомненно, что подход к вещественным источникам в музейном деле и в исследовательской работе различен, но

одновременно их пути пересекаются в оценке сущности этих источников и их социальных функций. Что касается источников на электронных носителях, то сегодня, в отличие от 1990-х – начала 2000-х гг., никто не сомневается в необходимости и неизбежности использования такого типа источников. Поэтому пришла пора вводить их не только в практику, но и в теорию источниковедения.

В целом, будущие историки-профессионалы получили качественное учебное пособие, позволяющее глубже понимать исторический процесс и более основательно осваивать пути исторического познания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998.

REFERENCES

Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovolskii, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rummyantseva. M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. – 685 s.

Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: Ucheb. posobie / I.N. Danilevskii, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rummyantseva. M.: RGGU, 1998.

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета; bul.tamara2011@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета; kolesnikovam@rambler.ru

History of historical discipline and source studies On the new textbook on source studies

Review: Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

Keywords: source studies, historiography, methodology of history.

Tamara Bulygina, Dr. Sc. (history), professor, department of the history of Russia, North- Caucasian Federal University; bul.tamara2011@yandex.ru

Marina Kolesnikova, Dr. Sc. (history), professor, head of the department of the history of Russia, North- Caucasian Federal University; kolesnikovam@rambler.ru

В. Е. ВИТКОВСКИЙ

ГРЕКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Рецензия на книгу: А.В. Вдовиченко. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 288 с., в которой статус библейских текстов переосмыслен в контексте аутентичных лингвистических практик грекоговорящей иудейской диаспоры времени эллинизма.

Ключевые слова: библейские тексты, философия языка, коммуникативная модель описания, греко-говорящая иудейская диаспора, лингвистические практики

Стержневой темой монографии является противопоставление двух способов понимать и объяснять текст – дискурсивного (коммуникативного, функционального) и традиционного языкового. В названии («Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета») обозначены достаточно широкие, и все же достаточно определенные границы материала, который служит для автора одновременно целью и средством: с одной стороны, библейский текст рассматривается как лингвистический «полигон» для применения различных теоретических инструментов, с другой, статус языка библейского текста в его обновленной трактовке становится для автора главной целью и результатом всех его рассуждений.

«Казус языка» состоит в возможности использовать менее оправданные и более оправданные методологические инструменты, которые приносят, как показывает автор, совершенно разные плоды. Первый набор инструментов характерен для такой модели вербального процесса, в которой главное место отводится системному языку. Языковое видение любого текста (устного или письменного), согласно автору книги, заставляет исследователей искать в библейском тексте исполнения заранее известных правил (существовавшего к тому времени языка), и неизбежно ведет к признанию «ненормализованности» корпуса Нового Завета и Септуагинты. А.В. Вдовиченко предлагает несколько изменить видение вербального факта, признать грамматический шаблон, налагаемый на материал, искусственной вспомогательной схемой, которая не может подменять аутентичную коммуникативную практику.

Практика первична по отношению к любому вторичному способу ее описания, в т.ч. к грамматическому. Ее участники доподлинно знали способы осуществления коммуникативных действий в непосредственно наблюдаемых ими условиях (адресат, культурно-исторический фон, принятые способы взаимодействия в данных сегментах коммуникации, литературная традиция и пр.). Эти данные, необходимые для понимания предлагаемого автором статуса новозаветного текста, охватываются понятием *грекоязычной иудейской диаспоры*, представлявшей собой

территорию конвенции для авторов и читателей (слушателей), в рамках которой действовали свои принятые правила, в т.ч. способы создания пророческих текстов. Практику создания таких текстов в иудейской диаспоре А.В. Вдовиченко сравнивает с современными текстами, написанными на церковнославянском языке для православной литургии. В обоих случаях имеет место традиционный источник языковых клише (Септуагинта, Славянская Библия) и сообщество коммуникантов, для которых такой способ создания новых текстов представляется нормализованным и, более того, единственно возможным.

Монография непосредственным образом затрагивает две области филологического знания – общую теорию языка и библейскую филологию. В каждой из них автор констатирует наличие внутренних конфликтов («теоретических диссонансов», или «сущностных противоречий»). Попытки разрешить их придают исследованию риторический тонус и нарративную динамику. Отправной точкой автор избирает современные представления о языковой специфике грекоязычных библейских текстов, в которых он видит «конгломерат взаимоисключающих признаков», приписываемых языку этих источников: их тексты считаются аутентичными греческими, но изобилуют семитизмами; написаны на нелитературном языке, однако образуют в совокупности огромный литературный корпус; созданы на общем греческом языке (койнэ), но с характерными особенностями, не присутствующими ни в одном из текстов за пределами данного корпуса.

Автор проводит детальный разбор всех концепций языка этих источников и показывает, что, отталкиваясь от двух основных положений (1) тексты написаны на нелитературном греческом языке, 2) в них присутствуют следы иной (нелитературной греческой) стихии языка), исследователи пытаются определить источник инородных явлений, но, в конце концов, вынуждены признать, что язык Нового Завета и Септуагинты представляет собой некую греческую норму с включенными в нее нарушениями, что, в свою очередь, ведет к заключению о плохом (недостаточном) знании языка авторами/переводчиками грекоязычных библейских текстов. В результате авторы/переводчики оказываются малограмотными людьми, далекими от литературы и образования.

Признание авторов «писателями, не знающими языка, на котором они пишут», кажется А.В. Вдовиченко довольно странным и не реалистичным. Кроме того, он констатирует кардинальные отличия результатов историко-культурной интерпретации статуса грекоязычных библейских текстов, с одной стороны, и результатов лингвистической интерпретации, с другой: если в первом случае исследователь признает укорененность авторов в иудейской традиции, широту их богословских горизонтов, наличие у них писательских навыков, то лингвистическая интерпретация однозначно утверждает ненормализованность (малограмотность, просторечность, внелитературность, интерференцион-

ность, семитизированность и пр.) их текстов. Для исследования причин этих неясностей автор обращается к методологии описания языкового материала и намечает общие контуры альтернативной (дискурсивной) модели описания вербальных фактов, выборочно включая в ее состав методы и принципы функциональной, коммуникативной, когнитивной лингвистики, а также психолингвистики и социолингвистики.

Предметная парадигма, согласно А.В. Вдовиченко, характеризует-ся принудительным соположением тела знака (слова, звука, предложения) с его содержательной стороной. Лингвистическая теория наследует этот исследовательский императив от спонтанных способов концептуализации языкового материала, проявленных уже в античности (платоновский «Кратил») и дошедших до современности в виде структурализма и иных точных способов анализа вербальных данных. В основе метода – очевидное единообразие («тождество») тела знака, а также его известность и доступность (в такой тождественно воспринимаемой форме) некоторому сообществу говорящих, носителей языка.

Автор книги возлагает ответственность за противоречивость понятий о статусе грекоязычного библейского текста (как просторечном, ненормализованном, малолитературном) на господствующую в библейской филологии методологию описания и связывает некорректные, с его точки зрения, суждения, с языковой (структурной) парадигмой описания вербальных данных. Предметный подход, требующий структурно ориентированного анализа данных, не находя стойких подтверждений существования словесной системы и прямой связи с описанными языковыми системами, вовлеченными в ситуацию, создает странную картину писательской и переводческой деятельности авторов текстов. Согласно предметной модели, они не знают языка, на котором пишут; читатели/слушатели не могут распознать в них «своих», т.е. тех, кто говорил бы с ними на знакомом им правильном языке; исследователи грекоязычных библейских текстов оказываются гораздо более осведомленными в том, как нужно было писать и какими языковыми клише пользоваться, при этом, как подчеркивается в работе, строгое требование «чистого языка» исследователи адресуют самим аутентичным участникам лингвокультурной ситуации. За незнание известного исследователя языка их считают «далекими от литературы простецами».

Дискурсивная парадигма, ныне вполне успешно конкурирующая с предметной и дополняющая ее (а иногда прямо отрицающая), предполагает, по мнению А.В. Вдовиченко, иное отношение к знаку и знаковости: знаковые системы создаются (признаются актуальными, выделяются) участниками коммуникации; отдельные знаки не могут обладать заранее заданными, закрепленными за ними тождественно мыслимыми значениями. Для автора очевидно, что один и тот же формальный элемент означает разное в мыслимых условиях различных коммуникативных действий, в которые его вовлекает коммуникант. Параметры данно-

го коммуникативного действия назначаются (выделяются) говорящим и затем воссоздаются интерпретантом. Совокупно эти параметры составляют дискурс, или мыслимую ситуацию коммуникации, в каждый из моментов коммуникации. Автор, исповедующий концепцию нетождественности изолированного знака, считает, что тождественное смыслообразование возможно лишь в дискурсивно обусловленной, лично осмысленной, акциональной позиции вербального элемента. Естественный языковой знак существует только в динамике коммуникативного действия (в дискурсе) и не терпит искусственного изыятия из данных коммуникативно-синтаксических условий функционирования. Такое отношение к вербальным элементам, считает Вдовиченко, соответствует реальности естественного коммуникативного процесса и открывает путь к более правдоподобию объяснению естественных коммуникативных действий (устных или письменных). В конечном счете, ценностью является свобода личного коммуникативного действия от детерминирования вербальной формой, необусловленность мысли словом.

Таким образом, создается теоретический плацдарм для разрешения проблемы лингвистического статуса библейских текстов, чему посвящена четвертая глава монографии, где для объяснения статуса грекоязычных библейских текстов применяется дискурсивная модель. Она требует отказа от идеи самоорганизации вербального материала вне мыслимого коммуникативного действия и переноса фокуса лингвистических исследований, в т.ч. поисков источника нормализации, в когнитивную сферу участника лингвокультурной ситуации.

В результате автор монографии выдвигает несколько положений, которые, с его точки зрения, составляют необходимые условия для того, чтобы признать нормализованную коммуникативную деятельность авторов грекоязычных библейских текстов и снять отмеченные ранее противоречия лингвистического статуса.

Основополагающее значение для концепции автора имеет фактор грекоговорящей иудейской диаспоры, т.е. того аутентичного лингвокультурного сообщества, в котором создавались и к которому были обращены рассматриваемые тексты. Аудиторию писателей, подчеркивает автор монографии, составляли их «единоверцы», представители единой среды, вовлеченные в иудейские культурные и лингвистические практики. В этой среде Септуагинта исполняла роль языкового стандарта для создания пророческих текстов. Авторы, таким образом, вписывали свою литературную деятельность в определенную традицию и исполняли ее требования, что продемонстрировано в работе на примере Евангелия от Луки и Деяний апостолов, рассматриваемых на фоне писательской деятельности Иосифа Флавия, который, в отличие от автора новозаветной Дилогии, стремился стать участником иной, аутентично эллинской, а не иудейской литературной традиции. Для автора монографии очевидно, что возможность появления ненормализованных

текстов в сугубо традиционной иудейской и иудеохристианской среде совершенно исключена. Совокупность приводимых им доказательств закономерно приводит к заключению, что деятельность авторов следует рассматривать как особую практику создания традиционных религиозных (профетических) текстов, которые принципиально отличны от текстов иных культурно-религиозных традиций и которые не вовлечены в просторечную или ненормализованную языковую практику.

Таким образом, проблема, возникающая из «предметных» наблюдений над языковыми особенностями рассматриваемых текстов, разрешается с помощью взгляда на них с позиции участника, принадлежащего к аутентичной лингвокультурной среде. Центральное значение в этой ситуации имеет то, что, согласно дискурсивной модели лингвистического описания, вербальные клише нормализуются и приобретают определенное значение (в т.ч. стилистическое) в сознании участников коммуникативных практик. В этом контексте вполне оправдана приводимая автором аналогия между новозаветными текстами и современной практикой создания новых литургических текстов в православной церкви в русскоязычных общинах: в обоих случаях речь идет о традиционном источнике вербальных клише (Септуагинта или церковнославянский текст Библии) и особом сообществе участников данной коммуникативной практики, которые являются главным фактором нормализации этой практики, несмотря на отличия от современных для них норм языка.

Главное значение монографии, с нашей точки зрения, состоит в привлечении возможностей дискурсивных принципов анализа к конкретной сфере филологических исследований. Для этого автор счел необходимым углубиться в рассуждения о способах описания и осознания объекта лингвистики, а также в подробное исследование применения этих способов и оценку их эффективности на конкретном классическом материале. Ценной представляется попытка провести четкие границы между предметным и дискурсивным отношением к языковым данным, что выразилось в достаточно заметном изменении лингвистического статуса грекоязычных библейских текстов. Кроме того, в работе затрагивается ряд более частных, но важных вопросов эллинистического языкового состояния. В монографии уточняются критерии новозаветного билингвизма, что само по себе расширяет перечень факторов, обыкновенно принимаемых к рассмотрению для объяснения многообразных языковых проявлений эллинизма. «Семитизм», интерпретированные как нормализованные языковые клише, при условии принятия этого положения, уже не могут считаться признаком языковой неполноценности текстов, принадлежащих или близких к изучаемому корпусу. Само явление билингвизма приобретает более нюансированные черты на фоне разнообразия жанров, стилей, регистров и прочих факторов языковой ситуации эллинизма. Затрагивается и вопрос языковой стратификации эллинистического лингвокультурного пространства. Список услов-

но выделяемых страт эллинистического койнэ, с введением нормализованного библейского стиля (в отличие от прежней стихийно-интерференционной трактовки этого феномена), расширяется и лишь подтверждает мысль о следовании образцам как главному источнику для языковых особенностей заново создаваемых текстов. Термин койнэ, как инструмент описания эллинистической языковой ситуации, в настоящее время воспринимается многими исследователями с возрастающим недоверием, поскольку не содержит в себе эффективного объяснения многообразных языковых форм, свойственных этому периоду. Исследование А.В. Вдовиченко подтверждает эти сомнения и выдвигает со своей стороны дискурсивные обоснования этого разнообразия.

Очень важным представляется также подчеркнутое в работе разделение устной и письменной стихии языка, присутствующее в эллинизме в полной мере. Если верно то, что на языке НЗ и Септуагинты никто не говорил и он был искусственным средством создания текстов особого рода, для специфических нужд иудейской, а затем иудеохристианской общины, то параллельную ситуацию можно констатировать и в эллинской литературной традиции, где аттицизм как литературное явление также был искусственным и весьма опосредованно связанным с каким-то разговорным языком. Вероятно, речь идет о параллельных и подобных явлениях в двух традициях – эллинской и иудейской.

Вместе с тем, в качестве дискуссионных моментов хотелось бы высказать сомнение в том, что граница между текстами «профетическими» и «апологетическими» (в монографии принято такое условное разделение иудейской грекоязычной письменности) может быть проведена достаточно определенно. Автор указывает на дискурсивные критерии этого разделения, к которым он относит выбор адресата (сообщество религиозных иудеев или внешний для общины интересующийся эллин и пр.), внутренние фреймовые признаки (обсуждаемые темы, обращения к авторитетам, ценности, базовые знания религиозной, исторической, культурной традиций и пр.), а также формальные признаки (традиционная манера создания текстуальности, источники вербальных клише и способов выражения, подражание Септуагинте или, скажем, Геродоту, и др.). Однако заметим, что реальность конкретных сочинений, скорее, свидетельствует о нечеткой, размытой пограничной области между этими группами. Идею автора можно приветствовать для маркирования полюсов, к которым устремлены апологетический (напр., Евангелия и откровения) или профетический (напр., «Против Апиона» Иосифа Флавия) векторы конкретных писателей. Но эти полюса достигаются ими в полноте не столь часто, обычно же приходится иметь дело с более или менее смешанной, разнородной картиной (Маккавейские книги, Деяния, Послания и др.). В связи с этим хотелось бы видеть более четкую терминологию для характеристики этих направлений, вместо определений «профетическое» и «апологетическое».

Кроме того, нужно указать, что в некоторых случаях приведенные примеры представителей этих направлений весьма спорны. Так, Папия вряд ли возможно «записать» в апологеты (ср. свидетельства о нем и его текстах у Евсевия). Наоборот, Послание (Псевдо-)Варнавы трудно считать пророческим (как не считается таковым в монографии Письмо Аристея, которое используется в Послании), даже с поправкой на условность и векторность принятых категорий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Вдовиченко А.В. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: Издательство ПСТГУ, 2016. – 288 с.
Vdovichenko A.V. Kazus «yazyka» Septuaginty i Novogo Zaveta: lingvisticheskiy metod «za» i «protiv» avtorov. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2016. – 288 s.

Витковский Вадим Евгеньевич, кандидат филологических наук, Университет им. Гумбольдтов (Берлин); vadim.wittkowsky@hu-berlin.de

Greek-speaking Bible texts from the communicative viewpoint

Rev.: A.V. Vdovichenko “Case of the Septuagint and NT language. Linguistic method in favor and against the authors” (Moscow, 2016, 288 p.)

Ключевые слова: библейские тексты, философия языка, коммуникативная модель описания, греко-говорящая иудейская диаспора, лингвистические практики

Keywords: Bible texts, philosophy of language, communicative description, Jewish Greek-speaking diaspora, authentic linguistic practices

Vadim Wittkowsky, PhD (Philology), researcher, Humboldt University, Berlin;
vadim.wittkowsky@hu-berlin.de

CONTENTS

Time – History – Memory

<i>Каролина Поласик-Вжосек, Войцех Вжосек</i> From magic metamorphosis to the metaphor of genesis an interpretation of historical time.....	5
<i>Alexander Filyushkin</i> Place of memory or memory of the place? Two battles of Alexander Nevsky in historical memory.....	25

History, personality, biography

<i>Dmitry Dolgushin</i> Searching Biography: the Batenkov case.....	45
<i>Irina Chikalova</i> Forgotten London Correspondent of the Russian Journals Semen Isaakovich Rapoport.....	69
<i>Galina Kaninskaia</i> The Russian Past of a left Gaullist: Leo Amon (1908–1993).....	90

«My universities»

<i>Iuliya Kiseleva</i> The values of university culture through the prism of feelings (on the memoirs of the Imperial Kharkov university students and professors).....	111
<i>Oleg Morozov</i> Wilhelm von Humboldt and Berlin University A New look at the origin of the Humboldt myth.....	128
<i>Lorina Repina</i> Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography.....	142

In the space of socio-cultural history

<i>Ivan Fadeyev</i> The problem of religious identity of the Church of England in historical perspective (to the question of the doctrinal status of the Thirty-Nine Articles of Religion).....	153
<i>Lidia Sofronova, Tatiana Chougounova</i> Experiences of modeling image: the research into stained-glasses of the Emmanuel College's chapel, University of Cambridge.....	167
<i>Andrei Keller</i> 475 steps to a different world, or an image of a foreign entrepreneur in the works by N.S. Leskov.....	183
<i>Georgy Prokopenkov</i> American minstrelsy theatre in the 19 th century Life, artistic reality, memory.....	205
<i>Alla Salnikova</i> “Children loci” construction in the Soviet city of 1917–1927.....	222
<i>Nadezhda Makarova</i> Emotional mode of the age of the forced industrialization (on the materials of Magnitogorsk).....	238

Discourses of identity*Paul Shore*“*Memoria vas multorum capax*”*Memoria* as a vessel of Jesuit history, action, and identity..... 257*Artem Maslov*

“Greek Perspective” as a Marker of Identity Conflict?

Rereading Thomas Walsingham’s *Ditius ditatus*..... 266*Ekaterina Nosova*

Burgundy against France

the role of the charters in the construction of identity..... 277

Grigorij Bakus

Temptation of Tradition

Author’s self-identification in early demonological treatise..... 288

Notulae eruditae*Pavel Alipov*

The new contours of the diffusionism theory

the pantheon of Palmyra in the works of M.I. Rostovtzeff and C. Hopkins..... 301

Svetlana Kuznetsova

“Ethnie” and “nation” as key concepts of ethno-symbolism..... 311

*Stanislav Egorov*Heretics and Authority: Bulgarian Bogomils’ Social “Tactics” (Xth century)*Anna Seregina*..... 322

Aristotelian tradition, the concept of melancholy,

and the missionary practice of English Catholics in the late 16th c. 332*Alexey Sorokin*

The role of the Cologne origin

in formation of Konrad Adenauer’s foreign policy views..... 342

Publications and translations*Aleksandr Antoshchenko, Sergey Ponomarev*

George Vernadsky’s unpublished memoirs on Prague

(to the 130th anniversary of the birth of the historian)..... 352*Karine Ambartsumyan*

A.I. Khatsov. “The Russian Revolution and the creation of

the Republic of Armenia in the Caucasus region, 1917–1918”..... 365

Reading books...*Tamara Bulygina, Marina Kolesnikova*

History of historical discipline and source studies

on the new textbook on source studies 384

Vadim Wittkowsky

Greek-speaking Bible texts from the communicative viewpoint

Rev.: A.V. Vdovichenko “Case of the Septuagint and NT language.

Linguistic method in favor and against the authors” (Moscow, 2016) 389

СОДЕРЖАНИЕ

Время – История – Память

<i>Каролина Поласик-Вжосек, Войцех Вжосек</i> От магической метаморфозы до метафоры генезиса. К проблеме понимания исторического времени.....	5
---	---

А.И. Филлюшкин

Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти.....	25
--	----

История, личность, биография

Д.В. Долгушин

Биография как искомое: случай Г.С. Батенькова.....	45
--	----

И.Р. Чикалова

Забывтый лондонский корреспондент российских журналов Семен Исаакович Рапопорт.....	69
--	----

Г.Н. Канинская

Русское прошлое одного левого голлиста: Лео Амон (1908–1993)	90
--	----

«Мои университеты»

Ю.А. Киселева

Ценности университетской культуры сквозь призму чувств (по воспоминаниям воспитанников и профессоров Императорского Харьковского университета).....	111
---	-----

О.В. Морозов

Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет новый взгляд на происхождение «гумбольдтовского мифа».....	128
--	-----

Л.П. Репина

Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии	142
--	-----

В мире социокультурной истории

И.А. Фадеев

Проблема религиозной идентичности Церкви Англии в исторической перспективе: к вопросу о вероучительном статусе 39 статей.....	153
--	-----

Л.В. Софронова, Т.Г. Чугунова

Опыты конструирования образа: исследование витражной композиции часовни Эммануэль-колледжа Кембриджского университета.....	167
---	-----

А.В. Келлер

475 шагов в другой мир, или Изображение иностранного предпринимателя в произведениях Н.С. Лескова.....	183
---	-----

Г.Ю. Прокопенков

Американский театр менестрель-шоу в XIX в. жизнь, художественная реальность, память.....	205
---	-----

А.А. Сальникова

Конструирование «детского» пространства советского города в 1917–1927 гг. (к постановке проблемы).....	222
---	-----

Н.Н. Макарова

Эмоциональный режим эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска).....	238
--	-----

Дискурсы идентичности*Paul Shore*“*Memoria vas multorum capax*”*Memoria* as a vessel of Jesuit history, action, and identity..... 257*А.Н. Маслов*

“Греческий взгляд” как маркер идентичностного конфликта?

Перечитывая сочинение Томаса Уолсингема “*Ditis ditatus*”..... 266*Е.И. Носова*

Бургундия против Франции

роль актового материала в конструировании идентичности..... 277

Г.В. Бакус

Искушение традицией:

самоидентификация авторов ранних демонологических трактатов..... 288

Notulae eruditae*П.А. Алипов*

Новые контуры диффузионизма

пантеон Пальмиры в трудах М.И. Ростовцева и К. Хопкинса..... 301

С.В. Кузнецова

«Этния» и «нация» как ключевые понятия концепции этносимволизма..... 311

С.О. Егоров

Еретики и власть: социальные «тактики» болгарских богомилов (X век)..... 322

А.Ю. Серезина

Аристотелевская традиция, концепт меланхолии и

миссионерская практика английских католиков конца XVI века 332

А.Н. Сорокин

Значение кельнского происхождения

в становлении внешнеполитических взглядов канцлера Аденауэра..... 342

Публикации и переводы*А.В. Антощенко, С.В. Пономарев*

Неопубликованные воспоминания Г.В. Вернадского о Праге

(к 130-летию со дня рождения историка)..... 352

К.Р. Амбарцумян

А.И. Хатисов «Русская революция и образование

Республики Армения на Кавказе (1917–1918 гг.)»..... 365

Читая книги*Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова*

История исторической науки и источниковедение

О новом учебнике по источниковедению..... 384

В.Е. Витковский

Грекоязычные библейские тексты в коммуникативном аспекте.....

теоретические основания и исследовательские практики»..... 389

CONTENTS..... 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

60 / 2017

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 15. 08. 2017
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.